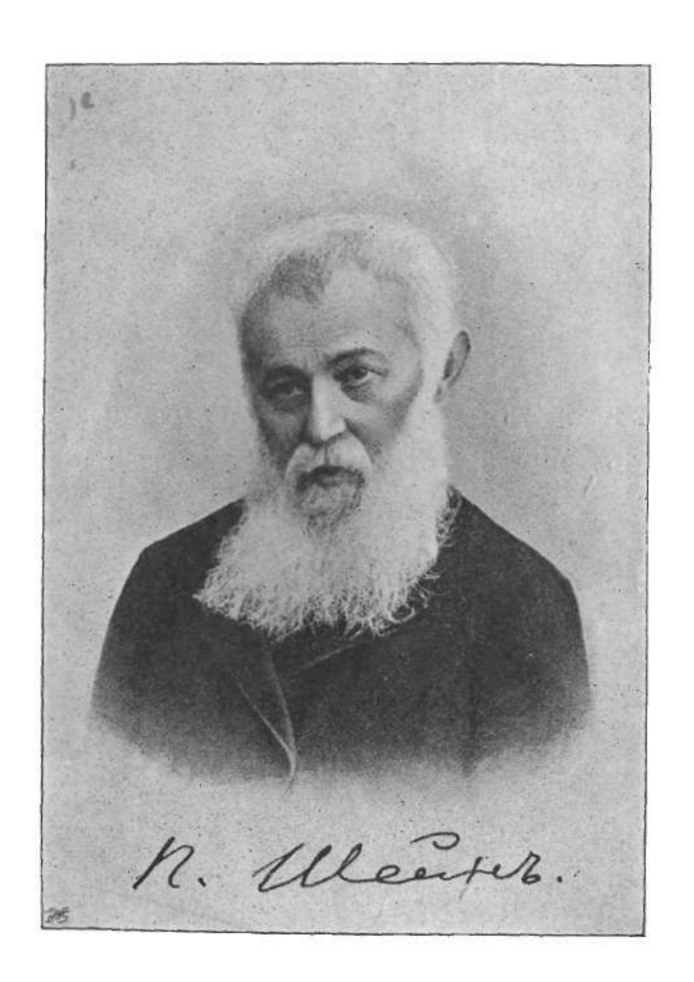

П. Шейнъ.

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ ИЗУЧЕНІЯ

БЫТА И ЯЗЫКА РУССКАГО НАСЕЛЕНІЯ

СѢВЕРО-ЗАПАДНАГО КРАЯ.

СОБРАННЫЕ И ПРИВЕДЕННЫЕ ВЪ ПОРЯДОКЪ

П. В. ШЕЙНОМЪ.

ТОМЪ III.

ОПИСАНІЕ ЖИЛИЩА, ОДЕЖДЫ, ПИЩИ, ЗАНЯТІЙ; ПРЕПРОВОЖДЕНІЕ ВРЕМЕНИ, ИГРЫ, ВѢРОВАНІЯ, ОБЫЧНОЕ ПРАВО; ЧАРОДѢЙСТВО, КОЛДОВСТВО, ЗНАХАРСТВО, ЛѢЧЕНІЕ БОЛѢЗНЕЙ, СРЕДСТВА ОТЪ НАПАСТЕЙ, ПОВѢРЬЯ, СУЕВѢРЬЯ, ПРИМѢТЫ И Т. Д.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1902.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Декабрь 1902 г.
Непремѣнный секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

Отдѣльный оттискъ изъ Сборника Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, т. LXXII.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Покойный П. В. Шейнъ, при своей жизни, успѣлъ напечатать изъ III-го тома «Матеріаловъ» только 30 листовъ (480 страницъ), остальное (481—518) было набрано, такъ сказать, начерно, безъ всякой системы, и сохранилось въ гранкахъ, причемъ оригиналы набора утеряны. Пришлось возстановлять смыслъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по догадкѣ, кое-что оказалось необходимымъ и совершенно опустить (напр., объясненіе къ утраченному рисунку звѣзды). Всѣ ли матеріалы, касающіеся быта бѣлоруссовъ, бывшіе въ распоряженіе Шейна, исчерпаны выпускаемымъ томомъ, трудно сказать, такъ какъ въ типографіи, какъ уже сказано, никакихъ рукописей, относящихся къ данному сборнику, не сохранилось, да и оставшіяся послѣ смерти автора бумаги пока не разобраны. Есть основаніе предполагать, что бѣлорусскихъ рукописныхъ матеріаловъ (по крайней мѣрѣ достойныхъ печати) въ бумагахъ покойнаго этнографа и не окажется: иначе не чѣмъ объяснить то, что онъ постоянно просилъ, у кого только можно было, соотвѣтствующихъ матеріаловъ, да и печаталъ этотъ томъ почти 8 лѣтъ (съ 1893 г.), тогда какъ предыдущіе появлялись сравнительно быстро; самый видъ книги — постоянныя повторенія сходныхъ рубрикъ съ разными дополненіями — говоритъ о томъ же.

Настоящій томъ содержитъ очень цѣнные этнографическіе матеріалы, касающіеся народнаго быта, и является естествен-

нымъ завершеніемъ предыдущихъ двухъ томовъ (въ 3-хъ книгахъ); вслѣдствіе этого Императорская Академія Наукъ нашла нужнымъ выпустить его въ свѣтъ, хотя — быть можетъ — и не въ томъ видѣ, въ какомъ предполагалъ сдѣлать это самъ авторъ. Пишущій эти строки слыхалъ отъ покойнаго, что онъ намѣренъ былъ въ предисловіи помѣстить большую записку о своихъ «крохоборныхъ» трудахъ на почвѣ собиранія народныхъ произведеній, о частыхъ невзгодахъ и рѣдкихъ удачахъ на этомъ пути, отвѣтъ на нѣкоторые упреки критики и т. п.; въ концѣ книги, вѣроятно, былъ бы данъ, по примѣру первыхъ двухъ томовъ, историко-литературный комментарій къ напечатанному; но разъ судьба не дозволила сдѣлать этого самому собирателю, то другимъ выполнить подобное намѣреніе оказалось почти невозможнымъ, хотя и имѣются въ ихъ распоряженіи нѣкоторыя подходящія данныя.

Наблюденіе за печатаньемъ окончанія III тома принадлежало ординарному академику В. И. Ламанскому; редактировалъ страницы 481—518, отмѣтилъ опечатки и составилъ предметный указатель къ книгѣ профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета Е. Ѳ. Карскій.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОПИСАНІЕ ЖИЛИЩА, ОДЕЖДЫ, ПИЩИ, ЗАНЯТІЙ, ПРЕПРОВОЖДЕНІЯ ВРЕМЕНИ, ИГРЪ, ВѢРОВАНІЙ, ОБЫЧНАГО ПРАВА НАСЛѢДСТВА И ПРОЧ.

ОПИСАНІЕ

жилища, одежды, пищи, занятій, препровожденія времени, игръ, вѣрованій, обычнаго права наслѣдства и проч.

а. Крестьянъ Витебскаго уѣзда (бывшаго Суражскаго) Королевской волости.

Хотя бѣлоруссы имѣютъ большое стремленіе къ подворному пользованію землею, однако селятся они всегда деревнями. Причина тому вѣроятно та, что прежде, до реформы, помѣщики заставляли ихъ селиться деревнями, теперь же они получили землю въ надѣлъ по деревнямъ, такъ что выйти имъ изъ деревни нѣтъ никакой возможности. Слова: починокъ, поселокъ, застѣнокъ здѣсь (въ Витебск. губ.) вовсе неизвѣстны. Если какой-нибудь крестьянинъ купитъ себѣ кусокъ земли и выселится изъ деревни, или дворовые, получившіе въ надѣлъ небольшіе куски земли, займутся на нихъ хлѣбопашествомъ, то усадьбы ихъ, не имѣвшія прежде названія, получаютъ ихъ отъ имени собственника или прежняго владѣльца, напр.: *Дзямидыўщина* — отъ имени Дзямыдъ, *Бурдзёнки* — отъ фамиліи Бурдзёныкъ и т. п. Про нихъ же говорятъ: «тотъ Дзями́дъ, тотъ Бурдзёныкъ, што живе́ць на одзино́чцы».

Въ Витебскомъ уѣздѣ живетъ много шляхты, имѣющей маленькія усадьбы въ нѣсколько десятинъ. Такихъ шляхтичей крестьяне зовутъ *пучками*, если они живутъ на *одзиночцы*. Названіе это относится къ самому шляхтичу, а не къ его усадьбѣ.

Вообще деревни Витебской губ. всегда бываютъ небольшія,— рѣдко можно тутъ встрѣтить деревню хатъ въ 20; обыкновенно

же онѣ состоятъ не болѣе какъ изъ 10-ти, но есть деревни въ 3 или даже въ 2 хаты и все-таки зовутся *дзяреўнями*. Въ Могилевской же губерніи есть деревни въ нѣсколько десятковъ, даже въ сотню хатъ, я сама видѣла такія деревни въ Оршанскомъ уѣздѣ, но это были деревни князей Любомирскихъ, вѣроятно князья эти и заставляли своихъ крестьянъ такъ строиться.

Деревни бѣлорусскія обыкновенно строятся безъ всякаго плана и симметріи. Если вы встрѣтите гдѣ нибудь въ Бѣлоруссіи деревни съ улицами и домами, выстроенными въ рядъ, то это явленіе объясняется настоятельнымъ требованіемъ прежнихъ владѣльцевъ; тамъ же, гдѣ владѣльцы не обращали вниманія на постройки жилищъ своихъ подданныхъ, тамъ и послѣ реформы бѣлоруссы продолжаютъ строить ихъ безъ всякаго порядка, гдѣ и какъ *попало, не руководствуясь при этомъ ничѣмъ, даже удобствомъ*. Поэтому вы часто видите хаты бѣлорусскихъ крестьянъ стоящими совсѣмъ въ ложбинѣ, среди грязи, лишь подальше отъ сосѣда, такъ какъ главнымъ стремленіемъ бѣлорусса пользоваться своей собственностью совершенно отдѣльно. Если и была когда нибудь у насъ община, то слѣды ея, по крайней мѣрѣ въ Витебской губерніи, совершенно затерялись. Никогда бѣлоруссы ничего не дѣлаютъ сообща. Если случится, что нѣсколько хозяевъ покупаютъ или снимаютъ въ аренду вмѣстѣ какое-нибудь имѣніе, луга или лѣсъ, то сейчасъ же стараются подѣлить на шнуры и всякій хозяинъ обрабатываетъ свой шнуръ отдѣльно, независимо отъ другаго. Ни въ одной деревни не найдете вы общественнаго колодца, или сажелки. Если нѣтъ въ селеніи натуральнаго источника воды, то всякій хозяинъ копаетъ у себя на огородѣ сажелку или просто *кулдобину* и оттуда беретъ воду для своего обихода. Ни одна деревня не можетъ сговариваться съ другой, ближайшей, на тотъ конецъ, чтобы обкопать свои поля канавами, хотя отлично понимаютъ, что отсутствіе ихъ въ мокрые годы служитъ причиною постоянныхъ неурожаевъ. Нигдѣ въ нашихъ бѣлорусскихъ деревняхъ нѣтъ общественной бани, но всякій хозяинъ, если только онъ человѣкъ зажиточный,

строитъ себѣ свою баню, и тутъ даже не бываетъ никогда того, чтобы нѣсколько ближайшихъ сосѣдей сговаривались между собой топить эту баню (разумѣется съ согласія хозяина) по очереди, для того, чтобы мыться въ ней сообща. Всякій норовитъ истопить ее, когда потребуется, только для своего семейства. Никогда въ бѣлорусскихъ деревняхъ не бываетъ никакихъ сходокъ для обсужденія мірскихъ дѣлъ: начала полевыхъ работъ, сѣнокоса, жатвы и т. п., но каждый хозяинъ когда вздумаетъ, тогда и выѣзжаетъ въ поле. Нигдѣ даже нѣтъ общественнаго пастуха, хотя стада и пасутся вмѣстѣ, но всякій хозяинъ посылаетъ отдѣльно своего пастуха или пастушку. Слова: міръ, мірской, общество, общественный—до реформы совсѣмъ неизвѣстны были бѣлоруссамъ.

Но вернемся къ жилищу. Хотя у бѣлоруссовъ и есть названіе: улица, но этимъ словомъ они обозначаютъ только проходы между заборами, такъ какъ хаты свои они строятъ безъ всякаго плана. Что же касается до работъ сообща въ пользу одного, т. е. до толóкъ, то наши бѣлоруссы дѣйствительно пользуются ими, но только исключительно для вывозки навоза подъ озимый хлѣбъ, и то въ настоящее время даже и этотъ обычай, по крайней мѣрѣ въ нашей мѣстности, начинаетъ выходить изъ употребленія. Крестьяне предпочитаютъ вывозить навозъ по найму, чѣмъ толóками. Они говорятъ, что толокá слишкомъ дорого обходится. Прежде крестьяне возили лѣсъ и рубили себѣ хаты толоками; теперь и это совсѣмъ вывелось.

Хату свою бѣлоруссъ строитъ такимъ образомъ: изба въ одномъ срубѣ, къ ней пристраиваются сѣни и если крестьянинъ зажиточный, то насупротивъ этой избы онъ ставитъ другую; если же семейство ужъ очень велико, то на дворѣ строитъ еще хатку; но какъ бы ни былъ богатъ крестьянинъ, никогда ничего похожаго на домъ онъ не построитъ, т. е. чтобы было хотя двѣ комнаты въ одномъ срубѣ, а все ставитъ отдѣльныя хаты. Входъ въ хату всегда со двора, иногда при входѣ бываетъ крылечко, но очень рѣдко. Вмѣсто ступенекъ тутъ лежитъ

камень. Рѣзныхъ украшеній на хатѣ вы у нашихъ бѣлоруссовъ никогда не встрѣтите; скворешниковъ тоже нигдѣ не увидите. Къ хатѣ пристраивается хлѣвъ. Въ хлѣву обыкновенно помѣщаются овцы и телята, такъ какъ входъ въ него только изъ сѣней. Крупный же скотъ и лошади помѣщаются возлѣ хаты. Впрочемъ для лошадей отгораживаются мѣста въ *пуни*, или подъ навѣсомъ. Въ устройствѣ хаты теперь вводятся кое-какія улучшенія, напр. печь всегда уже съ трубой. Въ хатѣ, кромѣ лавокъ, бываютъ уже и скамейки и даже деревянные стулья, вмѣсто палатей — кровати, окна всѣ со стеклами. Но прежнія хаты строились такъ: по правую сторону отъ дверей — низкая курная печь, надъ печью возлѣ дверей маленькое четвероугольное отверстіе для дыма, заткнутое тряпкой, противъ печи другое маленькое окно, тоже безъ болонки[1]), съ деревянной задвижкой, въ углу — по́ставъ для жернововъ, а подъ окошкомъ лавочки и полки для посуды, кадушка для воды (свизикъ), — возлѣ окошка прибитая къ стѣнѣ узенькая дощечка (плашечка), за которую втыкаются ложки. За печкой, во всю длину стѣны — полъ[2]), а надъ нимъ другой рядъ досокъ — полаци. Старшіе члены семьи спятъ на полу, а молодые парни, дѣвки и дѣти — на *полацяхъ*. Полати у крестьянъ заступаютъ мѣсто дѣтской. У хорошаго хозяина благовоспитанныя дѣти при входѣ въ хату не только посторонняго лица, но даже отца, должны сейчасъ же взбираться на полати и тамъ смирно играть. Вдоль двухъ остальныхъ стѣнъ идутъ лавки. Лавки должны быть сдѣланы изъ одной доски, слѣдовательно широкія лавки составляютъ предметъ гордости хозяина. Бываютъ столь широкія лавки, что онѣ дѣлаются какъ бы фамильной драгоцѣнностью и переходятъ отъ отца непремѣнно къ старшему сыну. Передъ лавками, въ углу стоитъ столъ, а передъ столомъ коротенькая лавочка, *пира́докъ*. Столъ долженъ быть всегда покрытъ скатертью, а на ней — непремѣнно кусочекъ хлѣба и солонка съ солью. Божница же помѣ-

[1]) т. е. безъ стекла. [2]) Нары.

щается въ лѣвомъ углу отъ входа. На божницу свою здѣшніе бѣлоруссы обращаютъ очень мало вниманія, такъ какъ они отличаются крайнимъ индифферентизмомъ къ религіи. Вы увидите тамъ какой нибудь закоптѣлый образъ, завѣшанный грязнымъ ручникомъ, безъ всякихъ украшеній.

Передъ печью стоитъ что-то въ родѣ деревяннаго подсвѣчника, аршина въ два вышины, для втыканія лучины, такъ называемый *паничъ*, и столбъ для вѣшанія одежды. Вотъ и вся мебель бѣлорусса. Одежду свою крестьяне держатъ въ *кублахъ*, круглыхъ кадкахъ съ крышками, но кублы эти стоятъ обыкновенно въ клѣти, такъ какъ въ хатѣ могли бы разсохнуться и разсыпаться.

Надворныя постройки размѣщаются какъ можно ближе къ хатѣ: и такъ прямо противъ хаты стоитъ обыкновенно *клѣць*, т. е. амбаръ, гдѣ хранитъся хлѣбъ, одежда, упряжь, словомъ — все имущество хозяина. Амбаръ этотъ обыкновенно бываетъ съ крыльцомъ, въ родѣ веранды. Возлѣ амбара помѣщается *повѣць* — навѣсъ для *колёсъ* (телѣги), саней и т. п.; хлѣва для скота и лошадей помѣщаются за амбаромъ, или за хатой, смотря потому, какъ послѣдняя построена, такъ какъ обычай не возбраняетъ ставить ее на какую угодно сторону горизонта, хлѣвъ же, а въ особенности стойло для лошадей должно быть построено такъ, чтобы эти животныя непремѣнно стояли головами или къ сѣверу, или къ югу, но никакъ не на востокъ. Овинъ (сўня), — сарай для хлѣба — пуня, строятся обыкновенно немножко подальше, на огородѣ. Дворы свои бѣлоруссы держатъ крайне грязно: хотя бы грязь была по колѣно, они никогда не позаботятся окопать ихъ канавой для стока нечистотъ. Никогда также они не посадятъ около своихъ хатъ какихъ либо цвѣтовъ. Вообще на цвѣты (краски) бѣлоруссы не обращаютъ никакого вниманія: даже дѣвушки здѣшнія и тѣ никогда не плетутъ себѣ вѣнковъ, не дѣлаютъ букетовъ и не убираютъ даже себѣ голову цвѣтами.

Одежда прежняго, дореформеннаго бѣлорусса состояла вся изъ бѣлаго съ синимъ. Мущины носили бѣлую рубаху съ ши-

рокимъ воротникомъ, съ прямымъ прорѣзомъ на груди, поверхъ бѣлыхъ штановъ, опоясанную узкимъ, синимъ съ бѣлымъ поясомъ. Верхняя одежда лѣтомъ состояла изъ длиннаго балахона, въ талію изъ бѣлаго холста, но не изъ простаго, а вытканнаго, и называлась *насбу*, — зимой такой же балахонъ изъ бѣлаго или сѣраго сукна носилъ названіе сѣрмяги. И лѣтній и зимній балахоны обшивались синими шнурками. Шуба тоже бѣлая и надѣвалась подъ сѣрмягу. Шуба вмѣстѣ съ сѣрмягой составляли такъ называемый *снизыкъ*. Поясъ опять синій съ бѣлымъ, но только по шире. На голову и лѣтомъ и зимою надѣвали войлочную шляпу съ узенькими полями, только лѣтняя шляпа дѣлалась твердая, а зимняя — мягкая, такъ чтобы можно было на уши насунуть, *облавухая*, на ногахъ же лапти. Лапти у насъ бываютъ двухъ родовъ: 1) *щербачни* или *кывярзни* — легкіе лапти, почти только однѣ подошвы, безъ головокъ и запятокъ, 2) *пыхрясьни* глубокіе лапти, совершенно въ родѣ башмаковъ, крѣпко сплетенные изъ липоваго лыка; *щербачни* же и *пыхрясьни* плетутся также изъ лозы тамъ, гдѣ нѣтъ достаточно липы. Инструментъ, которымъ плетутся лапти, называется *катачыгъ*[1]). Это что-то въ родѣ деревяннаго шила. Нога подъ лапти обувается въ онучи; лѣтомъ для этого служатъ холщевыя — *пырцянки*, зимой сукошныя — *суконки*.

Волосы бѣлоруссы носятъ довольно длинные, ровно кругомъ подстриженные, съ прямымъ проборомъ, бороды и усовъ не бреютъ. Разница между будничной и праздничной одеждой состояла только въ степени доброты матеріала. Что же касается до женщинъ, то у нихъ была и особая праздничная одежда: въ будни бѣлорусска носила бѣлую холщевую рубаху съ широкимъ воротомъ и узкими рукавами, лѣтомъ бѣлую широкую юбку, тоже холщевую, зимою синій суконный *андаракъ*[2]), бѣлый фартухъ и бѣлый на голову платокъ, въ праздникъ же одѣвала рубаху съ широкими рукавами, собранными около самой кисти руки и завязанными ленточкой; юбка у богатыхъ какая нибудь цвѣт-

[1]) т. е. кочадыгъ. [2]) Шерстяная юбка, домашняго приготовленія.

ная, *крамная*, т. е. *купленная*, у бѣдныхъ же опять бѣлая холщевая, но ***подбиранная***, т. е. перетканная иногда до самыхъ колѣнъ красными нитками въ какіе нибудь узоры; фартукъ тоже, если не крамный, то подбиранный красными нитками; ***шнуробука*** — родъ лифа безъ рукавовъ, съ довольно высокимъ вырѣзомъ около шеи и зашпиленная на боку съ лѣвой стороны груди на три крючка (гоплика́). «Шнуроўка» дѣлалась изъ штофа или чернаго сукна, полубархата, т. е. вообще изъ какой-нибудь тяжелой матеріи, кругомъ около г о р л а и рукавовъ обшивалась галуномъ. На голову и женщины и дѣвушки навязывали какой-нибудь цвѣтной платокъ, большею частью красный. Только дѣвушки изъ подъ платка выпускали волосы, сплетенными въ одну косу съ лентами, женщины же тщательно прятали волосы подъ платокъ. Верхняя одежда женщинъ ничѣмъ не отличалась отъ мужской: для нихъ *носбу*, *сърмяга* и шуба шились совершенно такимъ же покроемъ, какъ и для мущинъ, на ногахъ такая же обувь, какъ и у мущинъ. Нужно отдать справедливость бѣлоруссамъ, что хотя они мало заботятся о чистотѣ и красотѣ своихъ жилищъ, но за то крайне чистоплотны и опрятны насчетъ одежды, вѣроятно потому, что женщины бѣлорусскія очень трудолюбивы и большія мастерицы прясть и ткать. Одна женщина, напримѣръ, въ зиму можетъ выпрясть и выткать болѣе 100 аршинъ холста, такъ что всякая изъ нихъ имѣетъ по нѣсколько дюжинъ рубахъ, юбокъ, платковъ и т. п. Маленькая дѣвочка, лѣтъ семи, начинаетъ уже прясть, гдѣ же въ домѣ нѣтъ дѣвочекъ, а больше *мальцевъ*, то и тѣ лѣтъ до 15-ти тоже прядутъ. Во время зимнихъ вечеровъ, особенно до Рождества, дѣвушки и молодыя женщины устраиваютъ что-то въ родѣ великорусскихъ посидѣлокъ, т. е. собираются въ одну хату прясть. Это называется *су́прядки*, говорятъ идти ўсупрядки. На этихъ вечерахъ поютъ пѣсни, баюць (говорятъ) басни (сказки). Но молодые парни никогда не заходятъ на эти вечера. Изъ украшеній бѣлорусскія крестьянки носятъ въ ушахъ серьги и на шеѣ множество различныхъ ***каралей***[1]), изъ которыхъ

[1]) Бусы, передѣлка слова «кораллы».

онѣ отдаютъ предпочтеніе краснымъ. Всякая дѣвушка старается добыть себѣ нѣсколько шнурковъ настоящихъ коралловъ, *праўдзивыя каралы.* Такія каралы составляютъ фамильную драгоцѣнность и переходятъ по наслѣдству отъ матери къ старшей дочери. На пальцахъ носятъ тоже кольца, но только однѣ дѣвушки, замужнія же женщины носятъ лишь вѣнчальное кольцо и то только пока не потеряютъ, что̀ обыкновенно случается вскорѣ послѣ свадьбы, такъ какъ вѣнчальнымъ кольцамъ онѣ не придаютъ никакого значенія; вѣнчальныя же свѣчи напротивъ того хранятся ими весьма тщательно и цѣнятся очень высоко: ихъ зажигаютъ во время трудныхъ родовъ женщины, или при болѣзни котораго либо изъ супруговъ, во время бури и т. п. Дѣтей до 10-ти лѣтняго возраста бѣлоруссы одѣваютъ только въ рубаху, подпоясывая ее поясомъ, такъ что нельзя отличить мальчика отъ дѣвочки, развѣ только тѣмъ, что послѣднимъ обвязываютъ иногда снурокъ дѣтскихъ каралей около шеи; только по минованіи 10-ти лѣтъ дѣвочкѣ непремѣнно прокалываютъ уши и вдѣваютъ серьги. Крестиковъ же на шеѣ ни мущины ни женщины никогда не носятъ.

Воспитаніе бѣлорусскихъ дѣтей начинается съ пастушки. Такъ какъ всякій хозяинъ долженъ пасти самъ свой скотъ, то какъ только ребенку минетъ 7 лѣтъ, будь это дѣвочка или мальчикъ, его посылаютъ въ поле со скотиной. Пастухомъ ребенокъ бываетъ до 13-ти, послѣ же этого срока отецъ—сына, а мать—дочь начинаютъ пріучать къ работѣ, т. е. брать съ собою повсюду. До 18-ти лѣтъ, какъ *малецъ*, такъ и *дзяўка* дѣлаются уже настоящими работниками. Хорошій работникъ долженъ умѣть все самъ сдѣлать: соху, борону, колесы, сани, построить избу, даже самъ осадзидь[1]) окошко, двери. Дѣвушки же должны умѣть прясть и ткать разные холсты и сукно и кое-какъ шить, т. е. умѣть пошить себѣ и мужу бѣлье. Верхняя одежда шьется обыкновенно портными. Другихъ рукодѣлій бѣлорусскія крестьянки

[1]) *Осадзиць* — укрѣплять какое-либо хозяйственное орудіе, насаживать. Слов. Носовича.

совсѣмъ не знаютъ, по крайней мѣрѣ въ Витебской губерніи ни одна даже не умѣетъ вязать чулковъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ вяжутъ крючкомъ самыя простыя кружева, которыми обшиваютъ себѣ воротники и передники.

Кустарнымъ промысломъ бѣлоруссы, по крайней мѣрѣ нашей мѣстности, никакимъ не занимались никогда и не занимаются теперь — кромѣ бондарства, т. е. выдѣлыванія на продажу деревянной посуды, напр. дежекъ, ведръ, мисокъ и ложекъ бѣлыхъ, некрашенныхъ и ночвы. Глиняная посуда: горшки, миски, кувшины дѣлаются тоже по деревнямъ, но не крестьянами: обыкновенно какой нибудь мѣщанинъ снимаетъ въ деревнѣ подходящій кусокъ земли и открываетъ тамъ свое производство: лѣпитъ самъ съ своимъ семействомъ посуду для обихода окрестныхъ жителей. Собственно же крестьяне, кромѣ бондарства, занимаются еще только портняжествомъ и *печкурствомъ*, т. е. въ свободное отъ полевыхъ работъ время шьютъ на крестьянъ верхнюю одежду и бьютъ печки. Женщины, хотя ткутъ множество холста, однакожъ продаютъ его очень неохотно, развѣ только уже изъ крайности. Въ мѣстностяхъ, гдѣ есть мѣстечки, тамъ жители ихъ, а равно и сосѣднихъ деревень, ходятъ иногда на лѣто въ Петербургъ, или Ригу, гдѣ большей частью занимаются выгрузкою судовъ.

Единственнымъ занятіемъ бѣлорусса есть и остается земледѣліе. Если у него земли недостаточно, а нанять негдѣ, то лишніе члены семьи нанимаются въ батраки или же ходятъ въ поденщину — другаго промысла не знаютъ.

Мѣрою земли теперь у крестьянъ считается десятина; но прежде считали на морги и *уволоки*.

Прежде существовала мѣра длины *шнуръ*, которая имѣла 23 сажени. Но теперь шнуромъ зовется мѣра совсѣмъ произвольная. Всякая деревня имѣетъ отдѣльный шнуръ, то есть при раздѣлѣ полей и луговъ крестьяне просто берутъ веревку, подлиннѣе или покороче, смотря по количеству земли для раздѣла, и этой веревкой дѣлятъ землю на равные участки, которые и зовутся *шнурами*:

шнуръ Ивана, шнуръ Пахома и т. д., такъ что вся пахотная земля и луга бываютъ въ шнурахъ. Хотя бѣлоруссы въ сравненіи съ великоруссами, получили въ надѣлъ гораздо больше земли (отъ $4^1/_2$ до 5-ти и 6-ти десятинъ на душу), но этотъ надѣлъ все-таки оказался для нихъ недостаточнымъ, особенно въ виду постоянныхъ ихъ раздѣловъ. Правда, имъ теперь запрещаютъ дѣлиться, и волостнымъ правленіямъ строжайше приказано слѣдить за этимъ и только въ крайнихъ случаяхъ допускать раздѣлъ, однако что вы подѣлаете съ женщинами? Каждая изъ нихъ видитъ прямую для себя пользу, если мужъ ея будетъ выдѣленъ, и поэтому всѣми силами и стремятся къ раздѣлу. Въ настоящее время вся земля, находящаяся въ пользованіи крестьянъ уже обращена въ пахоту или сѣнокосъ, такъ что уже повсемѣстно крестьяне нуждаются въ дровяномъ лѣсѣ и принуждены покупать таковой, или красть у помѣщиковъ.

Ляднымъ хозяйствомъ собственно бѣлоруссъ не занимается. Это дѣло латышей, которые приходятъ къ намъ изъ Курляндіи: они обыкновенно садятся прямо въ лѣсъ, вырубаютъ его, выкарчиваютъ, жгутъ и весь хлѣбъ сѣютъ на лядахъ. Наши же крестьяне лядами занимаются между прочимъ. Такъ какъ свой лѣсъ они уже весь вырубили, то каждый хозяинъ старается, по силѣ возможности, нанять у помѣщика одну или нѣсколько десятинъ мелкаго лѣса. Цѣна этимъ десятинамъ довольно разнообразная: поближе къ городу — 8 р. въ годъ, подальше отъ него — 3 р. Нанимаютъ обыкновенно на нѣсколько лѣтъ, самый малый срокъ: на 3 года. Въ свободное время, преимущественно весною и осенью, весь лѣсъ срубаютъ и складываютъ на дрова, мелкій же: вѣтви, макушки складываютъ въ *груды*. Груды эти зимуютъ на мѣстѣ, а на слѣдующую весну ихъ сжигаютъ, оставшіяся же отъ нихъ головешки сгребаютъ граблями, а золу тщательно перемѣшиваютъ съ землею, помощію такъ называемыхъ *копылъ*. Копыло — это длинная крѣпкая палка, съ желѣзной лопаточкой на концѣ, нѣчто въ родѣ кирки или кочерги. Процессъ перемѣшиванія земли съ золою зовется: *копылиць ляды*. Закопы-

ливши, сѣютъ преимущественно ячмень, иногда пшеницу. Посѣявши, скородятъ, опять таки граблями. Копылицъ ляды считается тяжелою работою, но за то урожай на лядахъ бываетъ превосходный, такъ что есть пословица: «што на лядзи посѣяно, ўсё ро́ўно, якъ ў за́крымѣ».

Послѣ снятія хлѣба на лядахъ обыкновенно ростетъ отличная трава, такъ что какъ самыя ляды, такъ и вырубленная изъ подъ лѣса десятина даетъ обильный сборъ сѣна и вполнѣ вознаграждаетъ крестьянина за его трудъ.

Если ляды не далеко отъ хаты, то на нихъ сѣютъ разсаду, т. е. капусту и брюкву (грызынку), а также и рѣпу, которая по этому зовется лядзи́нка.

Отношеніе здѣшняго бѣлорусса къ религіи очень трудно опредѣлить; вѣрнѣе всего будетъ сказать, что она его вовсе не интересуетъ. Въ церковь бѣлоруссы ходятъ только для препровожденія времени; крестятъ дѣтей, вѣнчаются въ церкви потому только, что безъ этого нельзя, но внутренняя, духовная сторона религіи, кажется, ихъ вовсе не занимаетъ. Въ Бога вѣруютъ, т. е. вѣруютъ, что Богъ «сотворыў свѣтъ и ўсихъ тварей и кажныму даў свою долю». Доли этой никакимъ образомъ не минуешь и не измѣнишь. Но дальше, о Богѣ, какъ о существѣ милующемъ и карающемъ, они не имѣютъ ни малѣйшаго понятія. О безсмертіи души такъ выражаются: Ну куды тамъ пойдзишь на той свѣтъ? стухнишь, згніешь ў гробу — вотъ и ўсё тутъ!

Чорта, *нячи́сьцика* — тоже не боятся, ничего необыкновеннаго ему не приписываютъ, развѣ только, когда какой нибудь безпечный заблудится гдѣ нибудь въ лѣсу или въ полѣ, говорятъ, что его «нячи́сьцики водзи́ли». Бѣлоруссы твердо вѣруютъ, что во всякой хатѣ есть чортъ, домовой или *хохликъ*. Домовой — это чортъ высшаго разряда, и накостей можетъ надѣлать больше, нежели хохликъ. Хохликъ же — какой-то игривый чертенокъ, имѣющій свое мѣсто пребыванія за печкой, откуда онъ и пугаетъ людей, серьезнаго же вреда никогда не дѣлаетъ. Другое дѣло—домовой: если онъ разсердится, то можетъ такъ сдѣлать,

что крестьянину никакое предпріятіе не удастся (ничóго ни пóйдзець ў руку). За что домовой бываетъ сердитъ — объяснить не могу, но знаю, что для того, чтобъ его умилостивить, обращаются къ *дзядáмъ*[1]). Точно также въ хлѣвахъ живутъ *хлѣўники*, которые портятъ скотъ. И на нихъ есть *дзяды́*. Я сама разъ видѣла, какъ такой дѣдъ выгонялъ *хлѣўника*, т. е. собственно не видѣла, такъ какъ въ хлѣвъ съ собой онъ никого не пустилъ, но только видѣла, какъ этотъ дзѣдъ, возвратившись изъ хлѣва, сталъ страшно икать, зѣвать, при чемъ объявилъ, что это хлѣўникъ такъ его измучилъ. Зато въ колдовство, въ напусканіе болѣзней, въ дурной глазъ и т. п. у нихъ вѣра весьма сильна, но о томъ, какой силой все это производится, они нисколько не думаютъ. Такъ напр., если кто хочетъ *поддзѣлиць* своему врагу какую либо болѣзнь, онъ или идетъ въ церковь, покупаетъ тамъ свѣчку, ломаетъ ее на нѣсколько частей и потомъ уже ее зажигаетъ и ставитъ предъ какимъ нибудь святымъ, или же обращается къ знахарю и тотъ даетъ ему наговоренной воды, которую онъ долженъ ухитриться подать ее какъ нибудь выпить тому, кому хочетъ *поддзѣлиць*. Но что именно знахарь нашептываетъ надъ водой, къ какой силѣ онъ обращается—этого узнать нельзя, и онъ этимъ не интересуется. Такъ какъ по понятію бѣлорусса всѣ болѣзни происходятъ или отъ поддзѣла, или отъ дурнаго глаза, то, чтобы вылѣчить ихъ, онъ обращается или къ знахарю или къ знахаркѣ, а тѣ или просто заговариваютъ, или же даютъ наговоренную воду. Всѣ наружныя болѣзни заговариваются, при внутреннихъ же дается вода. Какъ при нашептываніи воды, такъ и при заговариваніи обращаются, кажется, большею частью къ святымъ, но тоже и Богъ знаетъ къ кому (см. Заговоры т. II). Святыхъ бѣлоруссы не очень-то уважаютъ, хотя и зовутъ всѣхъ богами. Есть много сказокъ, въ которыхъ святые ходятъ по землѣ и занимаются воровствомъ, при чемъ попъ и *дзякъ* непремѣнно имъ помогаютъ. Изъ святыхъ самымъ большимъ уваже-

---

[1]) знахарямъ.

піемъ пользуются Микола, Михайла и *Юръя или Ягоръя*, хотя про весенняго и осенняго Юрья есть поговорка: «Два Юръи—да оббдва дурни: одзинъ голодны, а други холодны». Въ честь Миколы и Михайлы устроиваются праздники Мико́льщина и Миха́льщина. Праздники эти такого рода: въ нѣкоторыхъ деревняхъ имѣются образа этихъ святыхъ, которые въ день, имъ посвященный, переносятся изъ хаты въ хату, отъ одного хозяина къ другому. Хозяинъ, который принимаетъ къ себѣ образъ, долженъ задать пиръ, конечно, съ попойкой—справить Михальщину или Микольщину. Религіозная же церемонія вся заключается въ томъ, что передъ образомъ зажигаютъ нѣсколько свѣчей и немного молятся, такъ что крестьянинъ, принимающій къ себѣ образъ, снимаетъ его съ божницы и несетъ къ себѣ, всѣ идутъ за нимъ. Пришедши въ свою хату, ставитъ его въ божницу. Бабы вѣшаютъ на божницу чистый ручникъ, опять зажигаютъ свѣчи, немного молятся и садятся за столъ. Тутъ уже начинается пиръ и попойка, про образъ же и помину болѣе нѣтъ. *Святый Илья* считается дѣлателемъ грома и молній, однако во время грозы вовсе къ нему не обращаются, а выносятъ передъ хату кочергу, вилы и помело и кладутъ все это около порога, бросаютъ въ сторону тучи кусочки вербы, торчавшіе отъ Вербнаго воскресенья за божницей, зажигаютъ вѣнчальныя свѣчи, если таковыя имѣются въ хатѣ. Святому Ильлю, хотя и приписываютъ, что онъ сдѣлалъ громъ, но управлять имъ онъ не можетъ. 22-го іюля Святой Ильля мочится въ воду, и съ этого дня вода дѣлается холодною и поэтому купаться больше нельзя, такъ какъ дѣйствительно около этого врёмени идутъ дожди.

Всѣ праздники у бѣлоруссовъ считаются особенно святыми; такъ говорятъ: Святой Спасъ, Святая Прачиста, Святое Рожство́ и т. д. Въ сказкахъ всѣ праздники олицетворяются, они ходятъ по́ землѣ, какъ равно и святая Прачиста,—остальные же дни недѣли не олицетворяются.

Канунъ Рождества, Новаго года, Крещенья зовется *кы-*

ляда. Предъ Рождествомъ и Крещеніемъ — *голодная кыляда*, предъ Новымъ годомъ же — *тлу́стая кыляда* [1]).

Недѣля послѣ Троицы зовется Русальною недѣлей, такъ какъ въ эту недѣлю русалки ходятъ по межѣ, заманиваютъ молодыхъ дѣвушекъ и на смерть ихъ защекочиваюцъ. Прежде, бывало, въ эту пору ни одна дѣвушка не осмѣливалась ходить въ лѣсъ одна. Русалокъ бѣлоруссы представляютъ себѣ красивыми дѣвушками въ бѣлой одеждѣ, съ зелеными волосами.

Время отъ Покрова дня до Филипповыхъ заговинъ зовется *большой свадзебницей*; Рождественскіе же празники — *колядками* и *колядами*. Во время колядъ, т. е. въ теченіе двухъ недѣль женщины ничего не дѣлаютъ по вечерамъ, особенно строго запрещается прясть, и потому вечера эти называются святыми.

Время отъ Крещенія до Масляницы зовется *малой свадзебницей*. Первый понедѣльникъ Великаго поста зовется шильнымъ понедѣльникомъ. Весь этотъ день посвящается пьянству въ корчмѣ, что называется ковацъ шила. Срѣтеніе Господне, 2-го февраля — *Громни́цы*, или *Стрѣчення*, т. е., что зима съ весной *устрекаюцца*. Свѣтлое Христово воскресенье иначе не называется, какъ *вялікъ дзень*, великій четвергъ — чистый четвергъ. Въ этотъ день всѣ стараются помыться въ банѣ. Хозяйка же должна предъ восходомъ солнца перебрать лукъ (цыбулю) и намочить, т. е. приготовить къ посѣву. Вторникъ Ѳоминой недѣли называется *радыница*. Въ этотъ день работаютъ только до полудня, и то большею частью около могилъ, исправляютъ ограды на могильникахъ, ставятъ кресты умершимъ въ теченіе года; послѣ же полудня всѣ отправляются на могилки, неся съ собой водку и разныя яства, между которыми непремѣнно должны быть крутыя яйца, такъ какъ въ память всякаго умершаго нужно прокатить на могилкѣ накрестъ яйцо. Молятся на могилкахъ только въ такомъ случаѣ, если есть тутъ священникъ, и служатъ панихиды, но обыкновенно только воютъ

[1]) Въ другихъ мѣстахъ *кутця́*.

съ разными причитываніями. Наголосившись, накричавшись досыта, начинаютъ ѣсть и пить, но сперва выливаютъ немного водки на могилу и отъ всякаго яства кладутъ по кусочку въ землю. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже пляшутъ здѣсь же, на могилахъ; у насъ пляшутъ тоже, но не на кладбищѣ, а послѣ, вечеромъ, въ ближайшей корчмѣ.

Кромѣ Радуницы бѣлоруссы поминаютъ своихъ умершихъ въ субботу передъ Св. Духомъ — Духовская суббота и въ субботу за двѣ недѣли предъ *Пилипыўкый*. Но въ эти дни на могилы не ходятъ, а только пекутъ блины и варятъ клёцки, такъ какъ клёцки считаются похороннымъ кушаньемъ. Садясь за столъ, крестьяне говорятъ: «Помяни, Божа, родзи́целей нашихъ!» Послѣ обѣда хозяйка выноситъ кусочки блиновъ и мяса и кладетъ или за окномъ, или за хатой на завалинки: это для *родзи́целей*.

9-е марта зовется *сырокі*. Въ этотъ день пекутъ маленькія, круглыя *бубашки*, изъ какой угодно муки, и ѣдятъ ихъ съ сытою, конечно у кого есть медъ, а то и такъ просто сухія.

Ко всякому пиру и празднику у бѣлорусса есть особенное кушанье, которое обязательно варятъ въ эти дни. Такъ на свадьбу — должно быть непремѣнно *макаронъ* [1]), все равно съ молокомъ, или съ мясомъ, *кыреньня*, т. е. какіе нибудь овощи: брюква, или морковь; каша должна быть изъ мелкой крупы, супъ съ картофелемъ, но никакъ не съ крупой, щей тоже не варятъ, но *поли́йку*, заквашенную или сывороткой или хлѣбнымъ квасомъ. Кромѣ этихъ обязательныхъ кушаньевъ, конечно, смотря по состоянію, приготовляютъ много другихъ, напр. разныя жаркія, студень, пироги, сырники и т. п.

На похороны и поминки обязательны клёцки и каша изъ буйной [2]) ячменной крупы—*гуща*, остальное что угодно; при этомъ, конечно, и кутья, которую носятъ на кладбище и тамъ ѣдятъ.

На крестинахъ должны быть *ладки*, маленькіе блинки — и каша. На *постныя кыля́ды*—овсяный кисель и кутья съ медомъ или съ постнымъ масломъ. На *тоўстую кыляду́* — студень и

[1]) лапша. [2]) крупной.

кутья съ саломъ. На Рождество — колбасы съ чеснокомъ. На Пасху — яйца и сыръ, остальное какъ угодно.

На Вознесенье — нужно непремѣнно печь блины — «мосьцiць Хрысту дорогу на небо[1]). Впрочемъ блины пекутся при всякомъ случаѣ, можно сказать, что это самое любимое кушанье бѣлоруссовъ: пекутъ ихъ и тонкими (собственно блины) и толстыми — драчены, изъ всякой муки, постными — припеканные картофелемъ, макомъ, коноплей и—скоромными: на яйцахъ и молокѣ, припеканными творогомъ и сметаной, или просто только помазанными масломъ; ѣдятъ же блины большею частью холодными.

Къ національнымъ бѣлорусскимъ кушаньямъ, кромѣ блиновъ, принадлежатъ овсяный кисель, овсяное толокно, *боўтуха* или *колотуха*, похлебка изъ смѣси муки съ масломъ, или *затоўчонная* саломъ; солодуха, постная похлебка, которая особеннымъ образомъ приготовляется изъ ржаной муки на нѣсколько дней заразъ; предварительно ее очень долго варятъ и потомъ вливаютъ въ хлѣбную дежку и тамъ заквашиваютъ. Пироговъ съ начинкою наши бѣлоруссы вовсе не пекутъ,—развѣ въ постъ начиняютъ хлѣбъ грибами. Изъ приправъ, кромѣ перцу, ничего не употребляютъ. Впрочемъ все это относится къ жизни прежнихъ бѣлоруссовъ, лѣтъ 15, 20 тому назадъ[2]). Теперь все измѣнилось, и одежда и пища. Теперь являются приправами и хрѣнъ и горчица, дѣлаютъ и разные пироги и пирожныя, только блины по прежнему все еще въ большомъ уваженіи.

Кромѣ блиновъ, есть еще нѣчто, чему бѣлоруссы до сихъ поръ остаются вѣрны, это — корчма. Какъ прежде, такъ и теперь корчма играетъ важную роль въ жизни бѣлорусса. Корчма бѣлорусская не то, что великорусскій кабакъ, гдѣ только можно купить водки и напиться пьянымъ. Для бѣлорусса корчма служитъ дополненіемъ семейной жизни; ни одно семейное торжество не обходится безъ корчмы: въ корчмѣ женихъ высматриваетъ

---

[1]) Это водилось (а можетъ быть водится и теперь) съ одинаковой цѣлью и среди крестьянскаго населенія иныхъ великорусск. губерній. Ш.

[2]) Это было написано въ началѣ 80-тыхъ годовъ. Ш.

себѣ невѣсту, въ корчмѣ большей частью бываетъ и *зговоръ и запоины*, въ корчму заѣзжаетъ всякая свадьба послѣ вѣнца, въ корчму заѣзжаютъ кумы съ подъ хреста, въ корчму ходятъ всѣ — и старые и малые. Такъ напр. въ первый день праздника Святаго Духа есть обычай отпускать къ обѣднѣ всѣхъ настуховъ и всѣхъ дѣтей; изъ церкви же всѣ отправляются въ корчму, гдѣ родители нанимаютъ имъ музыку, и тамъ они пляшутъ весь день.

Корчмы бѣлорусскія строятся обыкновенно такимъ образомъ: большія сѣни, по одну сторону изба, гдѣ продается водка; тамъ сидятъ обыкновенно только записные пьяницы; по другую сторону одна или двѣ большія избы съ лавками вокругъ и длинными столами — это залы для всякаго рода сходокъ и совѣщаній.

Почти всякій шинкарь нанимаетъ отъ себя музыканта, который долженъ являться въ корчму всякій праздникъ и играть. Пока молодежь танцуетъ, старики въ другой избѣ за чаркой водки обсуждаютъ и рѣшаютъ всевозможные вопросы, какъ частные, такъ и общественные. Здѣсь происходятъ и купля и продажа, и наемъ работниковъ; здѣсь обсуждается выборъ должностныхъ лицъ, такъ что въ волостное правленіе отправляются уже послѣ, только для соблюденія формальностей.

Такъ какъ почти всѣ шинкари въ Бѣлоруссіи евреи, то они вообще имѣютъ громадное вліяніе на крестьянъ; но нужно замѣтить, что евреи отличаются крайнею осторожностью, такъ что во всѣхъ вопросахъ, прямо ихъ не касающихся, стараются держаться въ сторонѣ. Крестьяне къ евреямъ относятся какъ будто бы съ презрѣніемъ, зовутъ ихъ пархами, жидами, ругаютъ въ глаза на всякомъ шагу, однакожъ на дѣлѣ жидъ можетъ ими какъ угодно ворочать, такъ напр. въ работники они нанимаются къ евреямъ гораздо охотнѣе, нежели къ христіанамъ разныхъ сословій, и то не потому, что евреи ихъ закабаливаютъ, а просто по доброй волѣ. Мнѣ кажется даже, что бѣлорусскіе евреи гораздо менѣе обдираютъ крестьянъ, нежели великорусскіе кулаки изъ самихъ же крестьянъ. Вѣроятно это потому, что евреевъ очень много — большею частью очень бѣдныхъ, такъ что между

ними самими является конкуренція въ обдираніи, и одинъ передъ другимъ должны спускать, такъ что менѣе обдирающій будетъ имѣть бо́льшее число кліентовъ. Вѣроятно по этой же причинѣ между бѣлорусскими крестьянами до сихъ поръ совсѣмъ нѣтъ кулаковъ. Хотя бы который крестьянинъ изъ зажиточныхъ и вздумалъ давать деньги или хлѣбъ на проценты, жиды не допустятъ, сейчасъ предложатъ заемъ отъ себя на болѣе выгодныхъ условіяхъ и перетянутъ къ себѣ. Что бѣлоруссы не питаютъ къ евреямъ никакой дѣйствительной вражды, самымъ лучшимъ доказательствомъ можетъ служить тотъ фактъ, что нигдѣ въ Бѣлоруссіи не было ничего похожаго на еврейскіе погромы.

Въ заключеніе нужно сказать о характерѣ нашихъ бѣлоруссовъ. Главною чертою ихъ характера — апатія, какъ къ добру, такъ и ко злу, такъ напр. бѣлоруссъ очень рѣдко пускается на крупное воровство со взломомъ, на убійство же почти никогда. Во всѣхъ преступленіяхъ такого рода у насъ участвуютъ исключительно раскольники. Но мелкое воровство, стянуть, что плохо лежитъ, — на это всякій бѣлоруссъ способенъ, даже это какъ-то у насъ не считается большимъ порокомъ, особенно если кража совершена не у своего брата мужика, а у пана или жида, а что уже лѣсъ красть, то это положительно не считается порокомъ, говорятъ: «лѣсъ насѣіў Богъ, нихто яго ни росьціў ни годуваў, ёнъ ничый». И на этомъ основаніи самый честный хозяинъ станетъ вамъ красть лѣсъ у кого бы то ни было.

Данное слово бѣлоруссы держатъ довольно крѣпко; тоже нужно сказать, что они довольно правдивы: лгуновъ между ними очень мало, гостепріимны, не злопамятны, такъ напр. къ прежнимъ помѣщикамъ теперь почти никакой ненависти у нихъ замѣтить нельзя. Въ семейной жизни, хотя и считаютъ женщину будто бы гораздо ниже мущины, такъ что утверждаютъ, что мужъ, если даже и убьетъ жену, не долженъ ни передъ кѣмъ отвѣчать, но на дѣлѣ женщины имъ ничуть не поддаются и не спускаютъ. Если которой ужъ очень плохо жить замужемъ, то она попросту бросаетъ мужа и уходитъ, даже малыхъ дѣтей забираетъ съ со-

бою, если только въ состояніи ихъ прокормить, и мужъ въ такомъ случаѣ, ничего съ ней не подѣлаетъ. Если же они дерутся, то ужъ драка всегда бываетъ обоюдная, женщина никогда не спуститъ.

Къ смерти бѣлоруссы относятся чрезвычайно равнодушно, даже считаютъ позоромъ бояться смерти. Такъ напр. старая женщина, только что оправившаяся отъ тяжкой болѣзни, на вопросъ мой: боялась ли она умирать? съ гордостью мнѣ отвѣчала: «развѣ я такой хвамиліи, штобъ бояцца умирацъ?» Долго плакать по умершемъ тоже считается грѣшно, а плакать женѣ по мужѣ просто даже неприличнымъ, развѣ если остались малыя дѣти.

Скупыхъ бѣлоруссы терпѣть не могутъ, особливо если кто скупъ насчетъ ѣды, говорятъ это большой грѣхъ «жалѣць для своей души».

Зовутъ себя бѣлоруссы — *наськими, тутейшами*, русскими же или бѣлоруссами — никогда. Раскольниковъ (расколовъ) зовутъ *москалями*, пановъ и мелкую шляхту — поляками; на вопросъ же: какой они вѣры? отвѣчаютъ: *руськой*, а католики — *паньской* вѣры, но различія между руськой и паньской вѣрой, кажется, никакого не признаютъ, а съ одинаковымъ чувствомъ ходятъ какъ въ церковь, такъ и въ костелъ, т. е. съ полнымъ равнодушіемъ. Но поляковъ не любятъ, такъ какъ съ представленіемъ о полякѣ является представленіе о панѣ, паньщинѣ и пригонѣ.

О понятіяхъ нашихъ крестьянъ о собственности и практикуемыхъ въ ихъ средѣ правахъ наслѣдства могу сообщить слѣдующее:

Обыкновенно старый бездѣтный крестьянинъ не живетъ одинъ; коль скоро уже не можетъ справиться съ полевыми работами, онъ беретъ себѣ въ домъ какого-нибудь родственника или чужого парня, женитъ его, и послѣ смерти старика тотъ дѣлается полнымъ хозяиномъ какъ земли, такъ и всего имущества. Иногда случается, что пріемышъ не угодитъ старику, тогда онъ его выгоняетъ, а себѣ беретъ другого. Понятно, что наслѣдникъ дѣлается тотъ, который жилъ въ хатѣ послѣдній. Формальностей при этомъ не соблюдается ровно никакихъ и наслѣдникомъ пріе-

мышъ дѣлается безъ согласія родственниковъ, даже вдовы старика, ежели таковая есть. Но въ послѣднее время родственники умершаго, напр. родные братья, стали время отъ времени заявлять претензіи на наслѣдство; въ такомъ случаѣ дѣло идетъ на сельскій сходъ, который, до сихъ поръ по крайней мѣрѣ, всегда рѣшалъ въ пользу пріемыша. Вдова старика обыкновенно остается въ хатѣ и пріемышъ долженъ ее кормить.

Если же умираетъ молодой крестьянинъ, у котораго остается жена, то — есть ли у нея дѣти, или нѣтъ — она во всякомъ случаѣ въ правѣ взять себѣ *примака*, который и дѣлается полнымъ хозяиномъ земли и всего имущества и правъ своихъ не теряетъ, хотя бы жена его и умерла и онъ взялъ себѣ другую. Онъ продолжаетъ пользоваться этими правами опять-таки безъ всякихъ формальностей. Ежели же въ хатѣ два *примака* или нѣсколько, и одинъ изъ нихъ умираетъ и оставляетъ вдову, то, ежели у нея нѣтъ дѣтей и она еще молода, ее сейчасъ же выгоняютъ изъ хаты, не давая ей рѣшительно ничего; если же она старуха, долго жившая въ супружествѣ съ мужемъ, то ей даютъ нѣкоторую долю имущества, напр. корову, овцу, нѣсколько хлѣба (въ зернѣ), одежду покойнаго мужа и т. п. Также выгоняютъ вдову, если у нея нѣтъ сына, а только однѣ дочери. Пожалуй вдова можетъ жаловаться сельскому сходу, который обыкновенно присуждаетъ, чтобы вдова съ дочками оставалась въ хатѣ и чтобы ее тамъ кормили, но большей частью ни одна не можетъ ужиться тамъ при новой домохозяйкѣ и всегда уходитъ и дѣтей съ собою забираетъ. Выдѣлу же какого-нибудь имущества, кромѣ одежды покойника, — вдова съ дочками никогда получить не можетъ, даже если она и старуха, потому что говорятъ: «дочки́ могуць прокормиць».

Совсѣмъ другое дѣло, ежели у вдовы остался сынъ, тогда, хотя бы и отошла и его съ собою взяла, онъ никогда не теряетъ права на наслѣдство, — какъ на надѣлъ земли, такъ и на часть имущества. Въ такомъ случаѣ составляется что-то въ родѣ описи, собираются сосѣди, родственники умершаго и вдовы, сель-

скій староста, иногда и старшина, дѣлается оцѣнка всему имуществу, выдѣляется часть для сироты и отдается на храненіе или остающемуся въ хатѣ, или которому нибудь изъ родственниковъ умершаго, но самой вдовѣ — никогда Тоже ничего не дается и на воспитаніе сына, если она сама отойдетъ и его съ собою возьметъ. Землею обыкновенно владѣетъ оставшійся въ хатѣ хозяинъ до совершеннолѣтія наслѣдника; — ежели онъ опекунъ, то и имущество хранится у него, — ежели же опекунъ другой кто, то ему передается на храненіе лошадь, корова, хлѣбъ, соха, *колесы* (телѣга), сани и т. д. Въ случаѣ растраты довѣреннаго имущества, съ опекуна строго взыскивается, такъ что все у него продадутъ и вознаградятъ сироту. Теперь опись обыкновенно дѣлается волостнымъ писаремъ на бумагѣ и хранится въ волостномъ правленіи, но крестьяне на эту опись совсѣмъ не обращаютъ вниманія; хотя бы она какимъ-нибудь образомъ и затерялась, имъ рѣшительно все равно, такъ какъ бывшіе при описи свидѣтели отлично все держатъ въ памяти, и по достиженіи сиротою совершеннолѣтія все вытребуютъ отъ опекуна до послѣдней мелочи. Лѣтъ, опредѣленныхъ для совершеннолѣтія, нѣтъ никакихъ. Коль скоро малецъ выростетъ и въ состояніи работать, онъ можетъ требовать своего надѣла или имущества.

Въ хату, гдѣ двое или больше мущинъ, вдова никогда не беретъ *примака*, не потому, чтобы на этотъ счетъ существовалъ какой-нибудь законъ, а просто потому, что къ такой вдовѣ никто не рѣшится идти въ примаки. И выгоняютъ ее тоже не въ силу существующаго на этотъ счетъ обычая или закона, а просто дѣлаютъ ей жизнь въ домѣ невозможною, такъ что она волей-неволей должна уйти.

Если у крестьянина нѣтъ сына, а только дочери, то къ одной изъ нихъ онъ принимаетъ зятя въ домъ и примакъ этотъ дѣлается его полнымъ наслѣдникомъ — опять-таки безъ всякихъ формальностей. Если примакъ принятъ къ старшей дочери, то, въ случаѣ смерти отца, долженъ остальныхъ ея сестеръ выдавать замужъ, то есть справлять ихъ свадьбы, но все имущество и

земля остаются ему. Крестьянинъ при своей жизни, если ему зять не нравится, можетъ его выправить изъ дома и принять къ другой дочкѣ; но если дочь одна и онъ принялъ уже къ ней примака, то какъ бы съ зятемъ ни ругались — послѣдній обыкновенно уже остается въ хатѣ.

Иногда остается вдова, у которой дочь взрослая, сыновья же малые, — тогда она принимаетъ къ дочери примака, но сыновья, выросши, могутъ его выправить и дать ему только часть имущества, но земли не дать.

Вообще право наслѣдства у крестьянъ бѣлоруссовъ чрезвычайно сбивчивое, закона на этотъ счетъ нѣтъ никакого. Основный законъ тутъ кажется тотъ, что наслѣдуетъ мущина, который въ состояніи работать, а слѣдовательно и уплачивать подати и всѣ повинности, родство же какъ будто бы ни при чемъ въ дѣлѣ наслѣдства; такъ напр. сынъ всегда наслѣдуетъ отцу, но если вдова, у которой малые сыновья, возьметъ себѣ примака, — къ себѣ именно, а не къ дочкѣ, то сыновья, прижитые этимъ примакомъ, дѣлаются совсѣмъ равноправными наслѣдниками съ сыновьями отъ умершаго ея мужа.

Такъ какъ вдова выдѣленнаго крестьянина имѣетъ право брать себѣ примака, если она еще молода, или же принимать къ дочери, если сыновья малы, или совсѣмъ таковыхъ нѣтъ (но во всякомъ случаѣ остается хозяйкой и никогда не рискуетъ быть выгнанной), то этимъ, вѣроятно, объясняется почему всякая крестьянка по выходѣ замужъ старается всѣми силами, чтобы мужъ ея отдѣлился. Поэтому большихъ хозяйствъ у бѣлоруссовъ совсѣмъ нѣтъ. Одинъ надѣлъ и тотъ дѣлится. Въ случаѣ выбытія крестьянина изъ деревни куда-нибудь, напр. въ городъ на заработки, или если онъ идетъ въ солдаты, то обыкновенно надѣлъ свой передаетъ кому-нибудь на срокъ за извѣстную плату; передать же совсѣмъ, въ полную собственность, не можетъ, такъ какъ, хотя бы отецъ передалъ, сынъ всегда вправѣ потребовать этотъ надѣлъ назадъ.

Сообщ. А. Ф. Лисовскій.

ОПИСАНІЕ

пищи, одежды и быта Бѣлоруссовъ.

б) бывшаго Суражскаго, Витебскаго, Полоцкаго, Дриссинскаго, Лепельскаго, Люцинскаго и Городскаго уѣздовъ той-же губерніи.

А. Пища.

Хлѣбныя печенія.

1. Главную, повсюдную, первую, а часто и послѣднюю, т. е. другими словами, преимущественную пищу крестьянъ составляетъ хлѣбъ. Имъ начинается и кончается всякая ѣда; онъ сопутствуетъ работнику въ полѣ, путнику въ дорогѣ; съ хлѣбомъ встрѣчаютъ и провожаютъ дорогихъ гостей, не исключая «и *почáснаго гóсцика*», когда тотъ отправляется въ послѣднее убѣжище на землѣ. Хлѣбъ бываетъ: чистый, *пушнэй, половэ́й, градóвый* и мякинный. Чистый хлѣбъ приготовляется изъ просѣянной муки, провѣянной ржи; *пушнэй* — изъ непросѣяшюй муки; *половэй* хлѣбъ есть такой, въ составъ котораго вошла овсяная или ячменная мука въ половинной долѣ съ ржаною; *градовый* хлѣбъ приготовляется изъ муки отъ непровѣянныхъ и слабо или совсѣмъ неочищенныхъ зеренъ; наконецъ, мякинный хлѣбъ приготовляется изъ ржаной муки, смѣшанной съ различною мякиною: овсяною, гречневою, ячменною и пшеничною. Этотъ послѣдній хлѣбъ употребляетъ самая горемычная бѣдность, крайная нужда, и про него обыкновенно шутливо говорятъ: «по ёмъ чортъ бѣгъ — ногу́ *заскáбивъ* [1])».

Печенье хлѣба и все, что съ нимъ происходитъ, касается слѣдующихъ предметовъ и дѣйствій.

---

[1]) занозилъ.

Хлѣбная *утвóра* [1]) дѣлается въ хлѣбницѣ съ вечера; утромъ происходитъ *замѣса*. Для бýлки [2]) берется изъ квашни кусокъ тѣста величиною въ дѣтскую голову; нѣсколькими поворотами въ рукахъ стряпуха придастъ ему шарообразную форму и кладетъ на хлѣбную лопату, устланную листьями, или же посыпанную *трóстками* [3]). Съ лопаты хлѣбное тѣсто осторожно сдвигается въ печи. Приставшее къ стѣнкамъ квашни тѣсто отскребается и дастъ *поскрóбышъ*. Чтобы верхняя *скóрка* [4]) была мягче, вынутыя изъ печи хлѣбныя бýлки отмачиваются водой, или же прикрываются легкою одеждою и полотенцемъ. Хлѣбъ за столомъ разрѣзываетъ почти всегда самъ хозяинъ. Если онъ обгоняетъ порцію вокругъ хлѣба, получается *лýстка*, лýста [5]), въ половину — *скúбка* [6]). Хлѣбныя покрóмки кладутся обыкновенно дѣтямъ и вообще имѣющимъ прочные зубы; дѣтямъ же даются хлѣбные *ковáлки* и *кусаники* [7]). Остающаяся половина хлѣба называется *краюхой*. Обыкновенно краюха лежитъ на столѣ отъ ѣды до ѣды, или берется въ путь при краткосрочной отлучкѣ, какъ, напримѣръ, при полевыхъ и лѣсныхъ работахъ.

2. Когда стряпуха печетъ хлѣбъ, она предварительно выпекаетъ изъ хлѣбнаго тѣста *сочнú*, или *лопунú* для которыхъ расплескиваетъ комъ тѣста по величинѣ сковороды, и ставитъ въ печное чело, пока не выпечется. Для приданія лучшаго вкуса сочневое тѣсто посыпается солью, а иногда тминомъ и макомъ.

3. Тѣ-же сочнú называются *ляпнями*, когда бываютъ по-

---

[1]) *утвора* — растворъ.

[2]) *Булка* — цѣльный ржаной хлѣбъ, какой бы то не было величины. Всякій же бѣлый пшеничный хлѣбъ называется пирогомъ. Никифор.

[3]) высѣвками.

[4]) корка.

[5]) луста, лустка — тонкая порція всякаго хлѣба, отрѣзанная во всю ширину хлѣба или въ большую половину. Никифор. А по словарю Носовича — просто: ломоть.

[6]) Скиба, скибка — *толстая* хлѣбная порція, отрѣзанная во всю ширину хлѣба. Никифор.

[7]) *кусанникъ*, кусанничекъ — кусокъ, кусочекъ оставшійся отъ кусаннаго хлѣба. Слов. Носовича.

крыты слоемъ припёки, которая дѣлается изъ толченаго мака, конопли и картофеля съ прибавленіемъ къ послѣднему, въ скоромные дни, яицъ, масла, сметаны, творогу и проч.

4. Въ великопостные дни печется, хотя и рѣдко, *прѣснякъ* (не кислый хлѣбъ). Этотъ хлѣбъ не имѣетъ распространенія и печется по временной нуждѣ, когда бываетъ хлѣба перепёкъ, лучше сказать — недопёкъ.

5. Близкое сходство съ сочня́ми и ля́пнями имѣютъ *гу́льбишники*[1]), приготовляемые изъ картофельнаго тѣста, на которое употребляется отварной мятый или сырой картофель, протертый чрезъ терку. Смотря по времени, въ гу́льбишники прибавляется то масло, то молоко, то сметана, то творогъ, то яйца, то толченая конопля и макъ. Драчо́ны приготовляются изъ пшеничной муки, смѣшанной со ржаной. Онѣ намазываются масломъ и складываются одна на другую.

6. Хотя блины приготовляются изъ разной муки, но первенство и распространенное употребленіе остается за овсяными блинами. Просѣянная овсяная мука, жидко разведенная водой, *утворяется* (растворяется) съ вечера и къ утру даетъ проквасившееся жидкое тѣсто. Изъ него пекутся блины. Овсяные высѣвки, налитые на-ночь водою, даютъ цѣжъ для киселя. Выжатыя тро́ски примѣшиваются къ свиной *мѣшанкѣ*, или отдаются гусямъ и коровамъ. Блины пекутся почти въ каждый праздничный день, а также въ поминальные дни, по десяти приблизительно штукъ на каждаго члена семьи, помѣщаются въ рѣшето и передъ ѣдой кладутся на столъ противъ мѣста сидѣнія каждаго семьянина. Вмѣстѣ съ блинами ставится на столъ какая нибудь *мокані́на*: скоромная или постная *прижані́на*, жидкій творогъ со сметаной, а иногда медъ. Оторвавъ приблизительно четвертую часть блина, ѣдящій свертываетъ его трубочкой и опускаетъ въ мокани́ну. Если въ ней есть раздробленные куски сала, мяса, колбасы, то онъ старается захватить въ трубочку одинъ такой кусочекъ. Остатки блиновъ рѣдко сберегаются до

[1]) отъ сл. *гульба*, т. е. бульба: картофель.

слѣдующей ѣды, такъ какъ они скоро черствѣютъ; они отдаются дѣтямъ *хлусить* [1]) или же домашнимъ животнымъ.

«Стравы, потрáвы» [2]).

7. Капýста. Капустой здѣшніе крестьяне называютъ вообще кислое блюдо, приготовляемое изъ рубленой капусты, свеклы, рѣпы, моркови и брюквы. Такая капуста заготовляется съ осени. Для ежедневнаго употребленія капуста варится непремѣнно съ *заколóтою* [3]), ради *путрянóсти* [4]). Заколóта, лукъ и перецъ составляютъ присмáки. Кромѣ ихъ въ капусту, какъ и во всякую стрáву, входитъ *закрáса* [5]): въ постные дни — грибы, малюшки, рыба, судакъ и алей [6]); въ скоромные же дни — сало, вяндлйна [7]) и мясо. Капуста не приготовляется со сметаною, которая всецѣло сберегается для выработки масла. Эта стрáва почти такъ же обычна, какъ и хлѣбъ, и въ зажиточномъ и въ бѣдномъ домѣ. Называясь капустою, кушанье это часто вовсе не имѣетъ капусты, а потому на видъ оно не привлекательно изъ-за своего почти чернаго цвѣта; вкусъ же зависитъ отъ *присмáковъ* и *закрáсъ*. Обыкновенно капуста подается на столъ первою. Сначала хлебаютъ (сербаютць) ложками жижку, подхватывая *мочёники*, если таковые накрошены въ капусту, а потомъ уже доѣдаютъ густéжъ.

8. На смѣну капусты приготовляется *полйўка* или *юшка*, — овсяная цѣжа, или квасъ, разбавленный ржаною, рѣдко пше-

---

[1]) позабавиться.

[2]) Хотя какъ *стрáва* такъ и *потрáва* есть названіе всякаго вареннаго кушанья, но разница однако между ними, та, что первое обозначаетъ кушанье по преимуществу постное, тогда какъ второе — скоромное. Нужно замѣтить, что слова *страва*, потрава обозначаютъ и порчу производимую скотомъ на лугу или въ полѣ. Никифор.

[3]) ржаная или пшеничная мука, которая прибавляется къ жидкимъ кислымъ кушаньямъ. Въ прѣсныхъ кушаньяхъ *заколотой* называется картофель, отъ котораго кушанья крахмалятся. Никиф.

[4]) отъ слова: *путра*, т. е. все, что дѣлаетъ кушанья крахмалистымъ, какъ бы пудрить его. Такъ напр., въ морковникѣ путрой будетъ картофель. Никиф.

[5]) *закраса* — всякая прибавка къ кушаньямъ: сушеные грибы, масло, мука, рыба, мясо и проч., что прибавляетъ кушанью вкусъ. Никиф.

[6]) По Словарю Носовича — *олей* конопляное масло. Ш.

[7]) всякое копченое мясо, въ особенности окорока свиней. Никиф.

ничною мукою; съ прибавленіемъ *присма́ковъ* и *закра́съ* приготовляется это несложное кушанье.

9. Весеннею и лѣтнею порой первымъ кислымъ блюдомъ бываетъ *холодни́къ* изъ *кисли́цы* (щавеля), *шны́ти* и ботвиньи, которыя сперва отвариваются, потомъ рубятся и разбавляются квасомъ, за исключеніемъ кисли́цы, имѣющей собственную кислоту. Присма́ки холодника служатъ: крошеный лукъ, преимущественно перья его, огуречный цвѣтъ и, при урожаѣ, крошеные огурцы. Если есть возможность, въ холодникъ кладутся малю́шки, сушеная рыба, и рѣдко туда прибавляется для закра́сы молоко и *посметенья*[1]).

10. Къ кислымъ кушаньямъ слѣдуетъ причислить *журъ*, очень жидкій кисель, который закрашивается конопляннымъ молокомъ, але́емъ, а въ скоромные дни коровьимъмасломъ. Журъ ѣдятъ преимущественно горячимъ, такъ какъ по охлажденіи онъ даетъ другое блюдо — почти кисель.

11. Какъ сказано выше, овсяная мука идетъ цѣликомъ на блины, а высѣвки настаиваются для цѣжи, изъ которой приготовляется кисель. Обыкновенно кисель заготовляется въ большомъ горшкѣ, который, будучи поставленъ въ печь, остается до того времени, когда придетъ пора разливать его въ миски. Потому стряпуха мѣшаетъ кисель въ печи киселёвкой (особая деревянная кочерга). Кисель ѣдятъ съ конопляннымъ молокомъ, *алеемъ*, съ *сытою* и съ коровьимъ молокомъ.

12. Исключительно въ постные дни приготовляется *солоду́ха* изъ тонкой ржаной муки съ прибавленіемъ иногда меда. Когда жидкій растворъ солоду́хи станетъ бродить, горшокъ плотно закрываютъ и ставятъ въ вольный печной духъ до утра. Вынутую изъ печи солоду́ху нужно быстро охладить, что зимней порою достигается прибавленіемъ въ горшокъ снѣгу и установкою его въ снѣгъ. Это повторяется до трехъ разъ и смачная[2]), ла́сая[3]) солоду́ха готова.

---

[1]) Остатокъ сметаны, который получается послѣ битья масла. Никифор. По русски вмѣсто *посметанье* говорятъ: *пахтаніе* Ш. [2]) вкусная. [3]) лакомая.

Солодушныя пѣпки даются *блазнымъ*[1]).

13. Обыкновенная тюря называется *тцюпками*. Это кушанье приготовляется на квасу, сывороткѣ, рѣдко молокѣ и разсоленной водѣ, а весеннею порой на *беркѣ* (березовомъ соку). Для тцюпокъ употребляется иногда сыта, въ которую въ поминальные дни *тцюпютца* баранки.

14. Та же тюря на водѣ, или квасу, сваренная съ добавленіемъ постнаго масла, называется *чекуля́дой*[2]). Такое кушанье приготовляется исключительно въ постные дни и часто изъ сухарей, или засохшихъ куса́никовъ.

15. *Кру́пникъ* или *крупе́ня* есть похлебка изъ ячменной, гречневой и рѣдко просовой крупы. Крупе́ня варится не очень жидкою, иначе про неё станутъ говорить, что «крупи́на зы крупиной гоня́итца съ дубиной». Въ скоромные дни крупе́ня варится съ мясомъ, или саломъ, а въ постные приправляется але́емъ, конопля́нымъ молокомъ, или же варится съ судакомъ, малю́шками, *подсма́женною* (поджаренною) мелкою рыбой, грибами. Какъ въ скоромную, такъ и въ постную крупе́ню входитъ картофель ради *путря́ности*. *Бялёная крупе́ня* есть молочный супъ, наполовину разбавленный водой и притомъ сваренный на снятомъ молокѣ. Овсяная крупе́ня варится очень рѣдко, а ржаная и того рѣже — почти одинъ разъ въ годъ, а именно — около Ильина дня — изъ первыхъ сноповъ молодой, часто зеленой ржи. Ржаная крупе́ня варится только на попу́шку.

16. Къ этому разряду кушаньевъ принадлежитъ бульба — то скоромная, то постная. Она приправляется тѣми же присма́ками и прикра́сками, какъ и крупе́ня. Самый картофель, составляющій всю суть бульбы, растирается въ горшкѣ. Въ скоромные дни бульба часто закрашивается *скварками*[3]).

17. Брюквенный супъ называется грыжанкой, а морков-

---

[1]) По Словарю Носовичи: *блазенъ* — малолѣтній, а по` Никиф. — «*бла́зынъ*: названіе всякаго малолѣтняго, неразумнаго человѣка». [2]) Передѣлка слова: шеколадъ, въ польскій его формѣ чеколя́да. [3]) *скварки* — твердые остатки послѣ жаренья сала. Никифор.

ный — *морквой* (морковью). Оба супа варятся бялёными и ради путряности, въ нихъ непремѣнно входитъ картофель.

18. Густой супъ изъ перловой крупы, похожій скорѣе на кашу, называется гущей. Гущу заволаживаютъ то масломъ, то топленымъ саломъ, смотря по времени, и ѣдятъ безъ хлѣба въ концѣ обѣда, полдника, или ужина.

19. Сравнительно съ капустой и другими жидкими кушаньями мало хлѣба идетъ на *бовтýху*, или *колотýху*. Сходство между этими двумя кушаньями состоитъ въ томъ, что оба варятся изъ взболтанной на водѣ муки и оба приготовляются возможно жидкими. На бовтýху идетъ ржаная, ячменная и рѣдко пшеничная мука; на колотýху же гречневая, гороховая и бобовая.

20. Приготовленная возможно гуще колотýха даетъ кулѐшъ, который бываетъ однако и ячменный. Всѣ три кушанья: бовтуха, колотуха и кулѐшъ подаются на столъ теплыми и приготовляются только въ обѣденной пропорціи.

21. *Затцирка.* Она приготовляется изъ прѣснаго тѣста ячменной, гречневой и пшеничной муки. Тѣсто пропускается чрезъ рѣшето, или растирается между рукъ, и немного сохнетъ, прежде чѣмъ поступитъ въ горшокъ, Затцирка обыкновенно *заволаживается*[1]) *вологóй*.

22. Въ постные дни изъ гороха и боба приготовляются *комы́*. Отваренный въ соленой водѣ бобъ или горохъ толчется въ ступѣ и, неочищенный отъ шелухи, вынимается оттуда жменькой, стискивается въ круглый комокъ и откладывается въ рѣшето до ѣды. Это — комы, обыкновенно подаваемые въ концѣ ѣды, а иногда по выходѣ изъ-за стола, чтобы *похлусúть*[2]).

23. Тотъ же разваренный и пропущенный чрезъ рѣшето горохъ, или бобъ, по застуженіи, даетъ густой, крѣпкій кисель. Онъ разрѣзывается вдоль и поперекъ ножомъ, поливается алéемъ и даетъ *лáсые брускú*, которые опять же подаются на заѣдки. Для ѣды брускóвъ приготовляются отдѣльныя спицы изъ лучины, иногда съ двумя оконечниками; послѣднія спицы назы-

[1]) подправляется. [2]) пошутить, позабавиться.

ваются вида́льцами. При помощи этихъ спицъ бруски́ извлекаются изъ поставленной на столъ посуды.

24. *Клётики.* Онѣ приготовляются изъ различной прива́рочной муки, причемъ не рѣдко употребляется мука смѣшанная — ржаная съ ячменной, гречневая со ржаной и проч. Густое прѣсное тѣсто раскатывается въ длинныя ленты, которыя потомъ разрѣзываются на небольшія части и до поступленія въ горшокъ вянутъ, потомъ ихъ опускаютъ туда, и когда достаточно сварится, подаютъ на столъ. По большей части, клёцки—постное кушанье. Въ скоромные дни *клёцки* приготовляются съ *вушками*: внутрь каждой клёцки помѣщается маленькій кусочекъ сырого сала, причемъ она непремѣнно закручивается опытною рукою стряпухи.

25. Какъ поминальное кушанье, *куцьця́* приготовляется къ жало́бному и поминальному столу, въ *дзяды́* и *каляды́*. Для куцьци употребляется цѣльныя зерна пшеницы, рѣдко ржи и перловая крупа, которыя, будучи спа̀рены, приправляются сытою, а за неимѣніемъ меда, масломъ. Въ послѣднемъ случаѣ *куцьця́* подается на столъ теплою. Баранки въ сытѣ, или отварные, приправленные масломъ, иногда замѣняютъ куттю̀ и называются ея именемъ.

26. *Яе́шня* (яичница) бываетъ *смаженая* и *праженая*. Первая готовится на сковородкѣ съ мелкими кусочками сала, а вторая въ ла̀ткѣ, мискѣ и горшкѣ, въ вольномъ духу. Для послѣдней яйца взбалтываются, солятся и, смѣшанныя съ молокомъ, ставятся въ печь. Пра́женая яе́шня подается на столъ то теплою, то холодною, и какъ ла́сое кушанье, всегда въ концѣ ѣды.

27. Къ ласымъ (лакомымъ) стра̀вамъ слѣдуетъ отнести *кулагу*, которая приготовляется изъ всевозможныхъ ягодъ, даже калины и рябины, но не клюквы. Когда поставленныя въ вольный духъ ягоды стопюцца, ихъ *заколá́чиваютъ* тонкою мукою, иногда и пшеничною, и опять ставятъ въ печь. Кулагу *закрашиваютъ* медомъ, если въ немъ нѣтъ недостатка, и подаютъ на столъ и теплою и холодною. Иногда кулагою намазываютъ лу́стки хлѣба, особенно, когда она на̀дто (слишкомъ) солодко приготовлена.

Мясныя кушанья и «*пячисты*».

28. Желудокъ и кишки всякаго животнаго, очищенные и искрошенные, называются ки́гами. Ки́ги входятъ въ поливку и крупе́ню, какъ закра̀са и присма̀ки. Но, будучи зату́шены, съ мучною заколо̀тою, съ присма̀ками, ки́ги даютъ самостоятельное кушанье.

29. Легкія, *пичанѝ*, почки, а иногда и *ядра* убойныхъ самцовъ, искрошенныя, зату́шенныя, съ заколо̀тою, съ закрасою и присма̀ками, даютъ кушанье *вонтрбки.*

30. *Прижани́на* служитъ *мокани́ной* при блинахъ. Въ жидкое прѣсное тѣсто, по большей части изъ ржаной муки, кладутся: мелкіе кусочки свиного сала, *ска́бки*, колбасы (въ Рожд. Хр.), лукъ и перецъ. Все это въ закрытой латкѣ ставится въ протопившуюся печь, гдѣ и остается до ѣды, и прямо изъ печи ставится на столъ. Хотя и рѣдко, прижани́на дѣлается постною (въ Крещ. коляду) и въ ней вмѣсто *скормя́тицины* главное мѣсто занимаетъ селёдка.

31. Колба́сы сырыя заготовляются только къ Рождественскимъ праздникамъ: двѣ или три *килба́сины* сберегаются, впрочемъ, къ *товстый* субботѣ (*мясныи дзяды́*). Преимущественно свиныя, только вымытыя кишки *крапа́ютца* (начиняются) кусками свиного мяса и сала съ добавленіемъ луку, чесноку и перцу. Рѣдко въ колбасы употребляется яловичина. Кромѣ мяса, колбасы крапа̀ются *пичанями* (печенками), кровью, мукой и крупой. Колбасы мучныя и крупя́ныя зажариваются (*сма́жатца*) отдѣльно, тогда какъ первыя *лотуютца у̑ прижанѝнѣ* и потребляются вмѣстѣ съ нею.

32. Всякое зажаренное мясо называется *пячистымъ*. На пячи́сто идетъ: я̀ловичина, випручи́на[1]), *кабани́на*, баранина и козина. Смотря по семьѣ, на пячѝсто употребляется или купя́къ[2]), или лытка, или груздѝнка, или озадокъ[3]). Выпутое

[1]) отъ сл. *випру́къ*: кабанъ. [2]) или *кумпякъ*: кусокъ чистаго мяса, окорокъ, стегно. Никифор.; [3]) задняя часть мелкаго животнаго. Никиф.

изъ кадки мясо не обмывается, чтобы не потерять *пáха*, а кладется прямо на сковороду, или въ лáтку, присаливается, если мясо свѣжо, посыпается перцемъ и крошенымъ лукомъ и, политое нѣсколькими ложками воды ради подлѝвы ставится въ истопленную жаркую печь.

33. Къ пячѝстымъ слѣдуетъ причислить и цѣликомъ зажареннаго поросенка, гуся, индюка и курицу. Часто поросенокъ крапаитца кашей со скварками и *вонтробками*[1].

34. Трабӯхъ или *киндзю̀къ*[2]) есть желудокъ убойнаго животнаго, начиненный (напханный) гречневою кашей со скварками, или небольшими кусочками свиного сала. Киндзю̀къ подается въ концѣ ѣды непремѣнно теплымъ и даже жаркимъ.

35. *Стю̀дзинь* приготовляется изъ ногъ и головы убойной скотины, смотря по семьѣ, изъ цѣлаго *хода* (четыре ноги), или изъ половиннаго. Вмѣстѣ съ ногами и головой въ *стю̀дзинь* употребляются и *корюлёвы носы* (колѣнныя кости). Самымъ лакомымъ стю̀дзинимъ считается свиной и изъ гусѝныхъ лапокъ. Стю̀дзинь подается на столъ и при началѣ и въ концѣ ѣды, въ отдѣльной мискѣ, тутъ же разрѣзается брусками (см. 23) и выбирается ложками; попадающіяся въ стю̀дзини косточки непремѣнно смȍкчутца, мягкія разжевываются ради извлеченія мозговаго сока и только послѣ такой переборки отдаются собакѣ.

Примѣчаніе. Всякое *пячѝсто* подается на столъ въ той же посудѣ, въ которой оно тушѝлось, прȁжилось, или смȁжилось. Уже здѣсь оно вынимается при помощи ножа и ложки, разрѣзается на *глытȁники* (глотки) и въ измельченномъ видѣ бросается снова въ посуду, гдѣ оставалась подлива. Разрѣзывающій пячѝсто, да и всякое вообще мясо, держитъ его лѣвою рукой, такъ какъ употребленіе видѐлицъ (вилокъ) совершенно незнакомо здѣсь. Время отъ времени онъ слизываетъ обильный

---

[1]) Внутренность. [2]) По словарю Носовича: *киндзюхи* (только во мн. ч.)— кишки, внутренности.

мясной сокъ съ пальцевъ лѣвой руки, а по окончаніи работы вытираетъ обѣ руки о волоса и рукава своего платья.

Не совсѣмъ обобранныя косточки онъ даетъ смоктàть тѣмъ, кого больше шанўицъ (любитъ), чаще же всего — *блàзнамъ*, кои и управляются съ ними до времени ѣды пячѝста. Каждый беретъ глытàники пячѝста пальцами же, которые въ свою очередь часто облизываетъ и вытираетъ о волоса, платье и, въ заключеніе, о собственные сапоги. Всѣмъ этимъ никто не брезгаетъ, не *гѐрбуитцъ*, такъ какъ за столомъ сидятъ свои семьяне; въ случаѣ же принесетъ Богъ чужанѝца, то и онъ не погѐрбуитцъ обстановкой ѣды, такъ какъ она не нова и не странна для него. — Когда глытàники пячѝста съѣдены и остается подлѝва, послѣднюю вымакиваютъ кусками хлѣба и, наконецъ, такимъ же кускомъ кто-нибудь вытираетъ и самую посуду до-чиста. Мало того—какой-нибудь лàсый блàзинъ просто вылизываетъ посуду, въ которой послѣ этого и кошкѣ нечѣмъ поживиться.

Какъ пячѝсты, такъ и разцыя стрàвы подаются на столъ въ одной и той же посудѣ, если семья не превышаетъ душъ восьми. Замѣчательно, тутъ никто не съѣстъ больше на счетъ другого, — что достигается житейской сноровкой и распорядительностью старшихъ. Всякую стрàву черпаютъ ложками и *сёрбаютъ* или *вўрзаютъ*, для разжиженія хлѣба или мясного глытàника, приблизительно двумя разами; вторая ложка стрàвы поступаетъ въ ротъ на *захлѝбку*, она такъ сказать прогоняетъ въ горло разжеванную пищу и выполаскиваетъ ротъ для новаго жевка. Когда стрàва вычерпана и подбавка ея не требуется, то кто-нибудь сливаетъ подòнки стрàвы въ подставленную ложку, или же въ ротъ нагбòмъ[1]). Въ ту же опорожненную, рѣдко сполоснутую теплой водой миску вливается новая стрàва.

Благодаря сноровкѣ, весьма рѣдко случается, чтобы кто-нибудь пустѝлъ на столъ пўтцики, или обронилъ крошки каши, напримѣръ. Почерпнутую ложку стрàвы непремѣнно нужно

---

[1]) *Набгомъ* или *нагбомъ* — нагибаніемъ, нагибая сосудъ. Слов. Носов.

обтереть о края миски и тутъ же подвести подъ ложку хлѣбный *кусàникъ*, при поддержкѣ котораго она доносится до рта. Разумѣется, при такой общей осторожности, на столѣ не окажется ни капли стрàвы, развѣ на мѣстахъ блазновъ, которыхъ тутъ же учатъ ударами ложки по лбу. Что же касается хлѣбныхъ крошекъ, то онѣ тщательно собираются мякишемъ кусàника, какъ скоро падутъ па столъ.

Положенная на столъ ложка, при временной остановкѣ, не оставляетъ даже влаги, такъ какъ она облизывается за каждымъ черпкомъ. Такимъ образомъ, послѣ обильной и продолжительной ѣды, можно видѣть иногда совершенно чистый столъ, особенно при отсутствіи за нимъ блазновъ. Обычное чавканье во время ѣды не рѣжетъ уха; въ нѣкоторыхъ семьяхъ оно происходитъ съ сомкнутымъ ртомъ; только *сёрбанне* да *вурзанне* раздаются за столомъ пока не опорожнена посуда.

Сдѣланное мною описаніе кушаній будетъ значительно полнѣе если я присоединю еще нижеслѣдующія сообщенія:

36. На скорую руку, рѣдко на *захмѣбку*, ѣдятъ *сырковшу* (она же — сыропіха — сыропѐня, т. е. простоквашу), пыстыя́лку[1]) съ творогомъ и безъ него, и *посмѐтцинне*[2]), обыкновенно получаемое при сбоѣ масла. Мятый творогъ съ пыстыя́лкый, или съ посмéтциннымъ составляетъ внѣ-домашнюю пищу — въ дорогѣ, въ полѣ и на сѣнокосѣ.

37. При упоминаніи о различныхъ стрàвахъ, нерѣдко приходится слышать *о закрасахъ, присмàкахъ и вологѣ*. Это не кушанья и подъ ними слѣдуетъ разумѣть все, что или видоизмѣняетъ кушанье во вкусѣ, или что дѣлаетъ его болѣе или менѣе питательнымъ, или придаетъ ему внѣшній видъ. Такъ: сало, мясо, рыба, грибы будутъ *закрàсы*, тогда какъ соль, перецъ, лукъ, чеснокъ — *присмàки*; масло же всѣхъ видовъ, топленое сало, сметана называются волóгой. Въ житей-

[1]) Постоялка — прѣсное молоко. Посов.

[2]) *Посмецянне* — остатокъ сметаны, который получается послѣ битья масла. Имъ обыкновенно удобряютъ кислыя кушанья. Никифор.

скомъ, часто неразборчивомъ быту, эти понятія смѣшиваются и замѣняются дono другимъ.

38. *Основныя, такъ сказать, части кушанья* называются привàркомъ. Крупа въ *крупéни*, мука и капуста въ борщу, соль во всякомъ кушаньи, картофель, морковь и брюква въ супѣ будетъ привàрокъ. Мука пшеничная, гречневая, овсяная и ячменная называется приварковою мукою. Одна и та же ржаная мука въ капустной *заколóтѣ* называется приварковой, тогда какъ въ хлѣбѣ — просто хлѣбной мукой.

39. Пироги изъ бѣлой пшеничной муки неизвѣстны Витебскому простолюдину, сколько потому, что такую муку нужно пріобрѣсти покупкою, столько еще болѣе потому, что стряпухи не знаютъ употребленія дрожжей. Пирожное тѣсто изъ домашней темной пшеничной муки онѣ квасятъ такимъ же способомъ, какъ и хлѣбное, безъ дрожжей. Чаще всего ржаное хлѣбное тѣсто, отдѣляемое для пирога, мѣсится пшеничною мукой, или же болѣе тонкою ржаной. Внутрь такого пирога помѣщается наќрòпка (мясная, творожная, или грибная), тѣсту дается слабая *волóга*; получается крыпаный (начиненный) пирогъ. Пирогъ рѣдко вызывается домашними событіями, но служитъ по большей части на путевыя надобности. Простой черный хлѣбъ съ запеченными внутри куриными яйцами въ свою очередь называется пирогомъ.

40. Еще рѣже можно видѣть употребленіе черепенниковъ, которые повсемѣстно называются *бубáшками*. Бубáшки получаются изъ городовъ и мѣстечекъ и единственными пекарями ихъ являются наши повсюдныя жидовки.

41. Оттуда же вывозитъ бѣлорусскій простолюдинъ сúтникъ и пирòгъ (ситный и пшеничный хлѣбъ), и употребляетъ, какъ лàсый кусочекъ.

42. Изъ города, мѣстечка, или мѣстной корчмы получается *силядцóвая* [1]) *жúжка* или *лáкъ*. Грязная мутная жúжка ста-

[1]) селедочная.

вится въ мискѣ на столъ и составляетъ мокани̂ну для хлѣба, сочне̂й, рѣдко — блиновъ. Разумѣется, что послѣ употребленія жи̂жки или ля̂ку каждый, мучимый жаждой, то и дѣло пьетъ — не напьется.

43. Внутреннее «яловичиноя», свиное и баранье сало — *доръ* — тщательно обирается и *скварицца* въ жаркой печи. Разлитое въ миски, или тарелки и засту̂женное оно даетъ круглые бруски, употребляемые потомъ на разныя надобности: этимъ саломъ воло̂жатъ разныя стра̂вы, кашу, или разогрѣваютъ *дели*[1]) *мокани̂ны.* Впрочемъ свиное сало не поддается захолаживанью: оно наливается въ *сло̂екъ*[2]) *горну̂шекъ*[3]) и оттуда вычерпывается ложкой, по мѣрѣ надобности. Сальные вытопки *скво̂рки*, *шкво̂рки* не выбрасываются, а сберегаются дели присма̂ковъ; въ будничныхъ же случаяхъ сква̂рки замѣняютъ *волдгу*; ихъ даютъ дѣтямъ на «ла̂сы[4])». Преимущество предъ другими имѣютъ гусиныя сква̂рки.

44. Всякая *скырыми̂тина* сберегается въ прокъ соленьемъ. Кромѣ цѣлыхъ лы̂токъ, кунпяковъ, засаливаются по̂хвы (па̂ховыя части), ска̂бки (реберные куски). Ваузо̂нку же (копченые окорока) приготовляютъ немногіе, наиболѣе замо̂жные *жи̂хари* или потершіеся *вы̂ма* (мимо, около) *па̂нскихъ дворовъ;* у большинства же *лы̂тки* и *кунпякѝ* остаются *вяндлиной*, т. е. просолеными и вывѣтреными (вы̂сѣвриными). *Вяндли̂на* сберегается въ зерновомъ хлѣбѣ, въ закромахъ. Если эти запасы недостаточно просолены, то скоро пускаютъ *пахъ* (запахъ), а накопецъ обращаются въ *тухля̂тину.* То же бываетъ и съ свинымъ наружнымъ саломъ, обыкновенно разрѣзываемымъ *скибками.* Кромѣ этого, мяснымъ запасамъ грозятъ *рыбакѝ* (черви), если животное убито въ тотъ день, въ которомъ встрѣчается буква *р*, напр., вторникъ, среда, четвергъ, или если во время солки, до окончанія ея, соливщій вытеръ руки, или отресъ ихъ не внутрь, а наружу *све̂зика.*

---

[1]) для. [2]) банка. [3]) небольшой горшечекъ. [4]) на лакомство. [5]) обыватели.

45. Всякая *пирандчная* [1]) *страва* почитается лучшею, чѣмъ дневная и такую *страву* даютъ *ласунамъ* [2]). *Прокислая же страва* отдается собакамъ и свиньямъ. Про эту послѣднюю страву обыкновенно говорятъ, что она *просваталася.*

46. *Мочёники*, т. е. хлѣбныя корки, сухіе кусаники, вброшенные въ страву, — бываютъ во всякой жидкой *стравѣ* и ихъ ѣдятъ *до-густу* старики и лица съ плохими зубами. *Мочёники* бросаются въ миску, когда та на столѣ, а не въ горшокъ, иначе прѣсная, напр., *страва* скоро «*прысваталася ба*». *Мочёники* есть такъ сказать частная собственность въ общей мискѣ того, кто ихъ *пытюпивъ* туда, и кто захочетъ воспользоваться чужимъ *мочёникомъ*, тотъ предварительно испрашиваетъ позволенія у его владѣльца.

47. Возрастные, а чаще дѣти ѣдятъ *пряжиный хлѣбъ.* Обыкновенная *лустка*, или *скибка* хлѣба, помоченная въ квасѣ или водѣ, *трусиција* солью и становится въ *чаленикъ* подъ припекъ топящейся въ *развалъ* печки, сначала одной стороной, а потомъ и другой, пока не поджарится.

Я сказалъ о пищѣ все, что могъ удержать въ памяти. Да кажется, другихъ пищевыхъ *вымыслывъ* да *выгыдывъ* не встрѣчается въ столѣ бѣлорусскаго простолюдина, хотя близкіе деревенскіе знакомые увѣряли меня, что недавніе простачки, теперь *готуютъ макарону* [3]), разное *пирожёньчики*, покупаютъ къ пирогамъ *разынки* (изюмъ), *мигдалы* и *жовтая тоя самоя, што паны ў пирогъ кладуть* (шафранъ). Въ то же время бѣлоруссы *обласовались* и на латышской кухнѣ, благодаря наплыву и повсюдному размѣщенію латышей въ губерніи. Такъ, отъ нихъ переняли какое-то безъименное кушанье, изъ смѣси селедки, сала, крупы, картофеля и хлѣба съ *присмаками:* все это одновременно кладется въ горшокъ и варится до густоты.

Въ заключеніе считаю нелишнимъ сказать нѣсколько словъ о распредѣленіи ѣды. Когда лѣтнею порой работа *пильная*,

---

[1]) переночевавшая. [2]) лакомкамъ. [3]) лапшу.

съѣдобной чередѣ слѣдуютъ приблизительно такъ: пока хозяинъ, или работникъ *сдѣлаетъ упряжку* (часовъ до семи утра), хозяйка вытопитъ печь и пришлетъ на поле *снѣданне;* послѣ него идетъ вторая упряжка (часовъ до одиннадцати утра), за нею обѣдъ и отдыхъ часовъ до трехъ по полудни, который завершается *пóлдникомъ*, новой упряжкой до солнечнаго заката, съ коимъ почти одновременно идетъ *вячѐра* (ужинъ). Въ *посницу*, при трудныхъ полевыхъ работахъ, въ продолженіе послѣдней упряжки дѣлаются кратковременныя остановки, въ которыхъ невыпряженная лошадь пощиплетъ скудной травы, а ея хозяинъ тѣмъ временемъ *похлýсцѝтъ* хлѣба. На *хлýску* идутъ остатки *пóлдника*. Смотря по разстоянію, пахарь то приходитъ домой, то справляетъ ѣду на полѣ.

Зимнею, осеннею и весеннею порой тѣ же четыре *ѣжи* отправляются дома, при чемъ каждой изъ нихъ сопутствуетъ если не сонъ, такъ лежанье. Съ разсвѣтомъ, какъ только встаютъ, бываетъ *снѣданне*, обѣдъ часовъ въ 11, *пóлдникъ*, или какъ зимою называютъ его, *пыдвячѐрокъ* — около трехъ часовъ, и наконецъ, *вячѐра* часовъ въ семь, въ восемь, *при тяплѣ!*

Разница въ лѣтней и зимней ѣжѣ довольно замѣтная. Лѣтомъ ѣжей служитъ по большей части одна *стрáва*, хотя и мѣняющаяся. Такъ, если на *снѣданне* былъ *журъ*, на обѣдѣ будетъ *крупѐня*, на *пóлдникъ* — кулёшъ, на *вячеру* — клёцки. Зимой, при большомъ досужествѣ, можно ѣсть двѣ и три *стрáвы* особенно за обѣдомъ; эти *стрáвы* безсмѣнно появляются за каждой ѣжей, такъ что къ *вячѐры* даже *прикрóютъ*. Особенно же разнятся ѣжи зимняя и лѣтняя во времени: насколько медленна зимняя ѣжа, настолько торопка лѣтняя, про которую обыкновенно сами крестьяне говорятъ: «нѣколи тамъ дýжа разводѝцца—ныжилыбáвъ, ды й лáдно!».

Б. Одежда.

1. Рубашка съ косымъ, низкимъ воротникомъ, или безъ воротника, называется *сорóчкой*. Если у *сорóчки* нѣтъ воротника,

то воротъ и шейное отверстіе ея обшиты бываютъ пестрою тесьмой (синія, бѣлыя и красныя нитки въ клѣточки), а подъ мышки вставлены *палики*, квадратные куски кумача, или какой-нибудь цвѣтной *домоткáнки*. *Сордика* едва доходитъ до колѣнъ и носится *на выпуску*.

2. Рубашка съ большимъ откладнымъ *ковнерóмъ* (воротникомъ), съ прорѣзомъ на срединѣ груди, называется *кошулíй*, *кошýльцый*. Эта рубашка не обшита тесьмою и безъ *паликóвъ*. Иногда *ковнèръ* (воротникъ) *кошýльцы* стягивается короткими, пришитыми къ концамъ снурками; чаще же всего онъ имѣетъ съ одной и съ другой стороны обметанныя петли и застегивается *шпóнкой*, или ленточкой, цвѣтнымъ обрѣзомъ матеріи. И эта рубашка едва доходитъ до колѣнъ. Она по большей части вкладывается въ штаны, особенно если таковыми бываютъ *мàйтки*, а не *порткѝ*, при послѣднихъ она носится *на вы́пуску*.

3. Холщевые штаны называются *порткáми*. У *портк*óвъ нѣтъ кушачной обшивки и держатся они на бедрахъ, при помощи *матузà*[1]) или *моторкà*[2]), который стягиваетъ и распускаетъ *порткѝ*, смотря по надобности, подобно тому, какъ это бываетъ въ устьяхъ нѣкоторыхъ мѣшковъ. При неумѣлости деревенскихъ бѣлошвеекъ, въ задней части *порткóвъ* всегда образуется традиціонный отвислый мѣшечекъ — *гузѐнне*[3]). *Матýзъ* и *гузѐнне* занимаютъ видное мѣсто при леченіи дѣтскихъ болѣзней и болѣзней животныхъ. — *Матỳзъ* завязывается петлевымъ узломъ спереди и концы его скрываются подъ выпущенною рубашкой. При *горѣзахъ и жáртахъ* сторонній дергаетъ за конецъ *матýза*: петля его и сборки портковъ распускаются, и они быстро спадаютъ внизъ, ниже колѣнъ.

Съ *майтками* не бываетъ этого: они имѣютъ поясную обшивку и застегиваются или *гузинами*[4]), или *гáфтыками* съ петлей. Лѣтніе *майтки* шьются изъ цвѣтной *домоткàныны* (преимущественно синяя и бѣлая нитка, иногда желтая и даже красная);

---

[1]) Въ слов. Носовича: *мотузъ* — шнурокъ вообще, гашникъ. [2]) у Носов: *моторъ* — привязь. [3]) задняя часть брюкъ (отъ слова: *гузно*). [4]) пуговицами.

зимніе же изъ домотканнаго сукна. Какъ въ *порткàхъ*, такъ и въ *майткахъ* дѣлается по одному *кишанѝ*[1]) съ правой стороны; въ *порткахъ*, впрочемъ, рѣже.

4. Выпущенная поверхъ штановъ рубашка *подпирàзываишца дя̀гой*[2]), *пыясòмъ. Дяга* всегда ременная *подперàзка; пыя̀съ* же бываетъ плетенный изъ цвѣтныхъ суконныхъ нитокъ, въ смѣси съ *портя̀ными* и заканчивается двумя *кутàсами*[3]).

Такой поясъ называется *плистя̀нкой, плисся̀нкой*. Когда *плистя̀нка* на рубашкѣ, то петля и *кутáсы* бываютъ на боку, преимущественно лѣвомъ; на верхней же одеждѣ то и другое приходится на срединѣ. На рубашкѣ поясъ бываетъ ниже живота, тогда какъ на верхней одеждѣ онъ приходится иногда выше средины живота. Кромѣ *плистянки* и *дяги* на верхней одеждѣ бываетъ покупной шерстяной поясъ, хорошо извѣстный каждому.

5. *Носòвъ*[4]) есть главная выходная лѣтомъ одежда. *Ковнèрный носòвъ*, имѣющій широкій ($2^1/_2$ вершка) откладной воротникъ, встрѣчается вблизи Витебска и въ западной сторонѣ губерніи; онъ не имѣетъ таліи и *кишанёвъ*. Въ восточной сторонѣ, около границы Смоленской и Могилевской губерній встрѣчается *носòвъ безковнèрный*, причемъ края шейной и грудной части, а также отверстія *кишанёвъ* обшиты толстымъ (въ мизинецъ) синимъ снуркомъ; надъ *кишанèмъ* и внизу его дѣлается узорная вышивка изъ того же снурка. Этотъ послѣдній *носòвъ* шьется въ талію, а у шеи и поясницѣ застегивается на нитяный *гýзикъ*, особо изготовляемый крестьянскими портными. *Носòвъ* бываетъ ослѣпительной бѣлизны; *кóвнèрные* же *носòвы* бываютъ синіе и съ примѣсью другихъ цвѣтовъ, особенно въ послѣднее время.

6. Что сказано о покроѣ *носòва*, то же слѣдуетъ сказать о сѣрмягѣ и шубѣ. Въ *безковнèрныхъ* сѣрмягахъ и шубахъ шей-

---

1) карману. 2) подпоясывается ремнемъ. 3) Кутасъ — висячая кисть изъ нитокъ. Носовичъ. 4) произносится чаще *насóў* и вѣроятно отъ глаг. *носить* По слов. Носовича: *Носовъ* «нѣчто въ родѣ рубахи отъ холста, которую крестьяне надѣваютъ поверхъ одежи для предохраненія ее лѣтомъ отъ дождя, а зимою отъ снѣга».

ная, грудная и карманная обшивки, а равно и пуговки, дѣлаются изъ кожи. Въ *жандиких* (женскихъ) шубахъ на груди и надъ *кишанями* нашиваются кожаныя вырѣзныя фигурки, узоры — чѣмъ такія шубы и отличаются отъ *муськѝхъ*.

7. *Носдвъ*, сѣрмяга и шуба шьются немного ниже колѣнъ; но тѣ же одежды покороче, значительно выше колѣнъ, называются: *снѝзкомъ*, *спдкомъ*, *испдкомъ*, *подысподкомъ*. Въ этихъ послѣднихъ одеждахъ *«ў люди»* почти не выходятъ — онѣ домашнія одежды; при выходѣ поверхъ нихъ одѣвается другая, выходная одежда.

Зимою поверхъ *носдва* одѣвается шуба, а на нее сѣрмяга, которая и *подпирдзываища пылсдмъ*. Осенью и весною то подъ *носовомъ*, то подъ сѣрмягою бываютъ *снѝзки* и проч.

8. Зимнею и вообще холодною порой руки защищаются рукавицами и *испдтками;* послѣднія одѣваютъ и женщины; *скарпѐтки* (вязаныя перчатки) употребляются исключительно женщинами въ болѣе ополяченныхъ уѣздахъ губерніи.

9. Употребленіе *кымизэльки* (жилетки) замѣчается въ тѣхъ же ополяченныхъ уѣздахъ.

10. *Картузъ* — прежде рѣдкостная шапка — теперь кажется вытѣснилъ другія, *старосвѣцкія* шапки: *обловýху*, *брыль* и *маргѐлку;* по крайней мѣрѣ, первыя двѣ почти не встрѣчаются теперь. Тяжелая, но теплая *обловуха* дѣлалась домашними шапочниками изъ овчины и покрывалась сукномъ домашняго приготовленія. Для большей теплоты *обловýха* подбивалась паклей, или свойлочившейся шерстью. По внѣшнему виду *обловýха* напоминала старинную треуголку съ отрѣзаннымъ, или загнутымъ переднимъ угломъ. На уши и шею спускались отвороты, которые, въ случаѣ ненужности, задирались къ верху, давая *обловýхѣ* видъ шапки съ опушкою, и, чтобы отвороты не опадали, стягивались вверху снурками, пришитыми къ наушникамъ. Лѣтъ 30 назадъ я видѣлъ одну такую *обловýху*, которая вѣсила болѣе четырехъ фунтовъ.

11. *Брыль* — темносѣрая войлочная, съ загнутыми полями,

высокая шляпа — встрѣчался въ пограничныхъ съ Смоленскою губер. мѣстахъ. У самаго основанія *брыль* облегала ажурная изъ конскихъ волосъ тесьма, шириною въ вершокъ, и спадала кистью назадъ; въ кисть вплетались крохотные кусочки краснаго, а иногда синяго сукна. Сколько помню, *брыль* носился зимою и лѣтомъ.

12. О *магѣлкахъ*, бѣлорусскихъ шляпахъ, достаточно извѣстно. Онѣ попреимуществу изъ бѣлаго войлока, коническія безъ полей, и низкія, плоскодонныя, съ короткими, загнутыми вверхъ полями. Я помню, однако, *магѣлки* табачнаго и сѣраго цвѣтовъ.

13. Въ Лепельскомъ, Дриссенскомъ и Люцынскомъ уѣздахъ иногда встрѣчаются *капелюши* — лѣтнія шляпы изъ соломы, распластанной лозы и рѣчнаго камыша, *сітника*. *Капелюши* носятъ пастухи и вообще мелкота; настоящій *жйхаръ* не одѣнетъ *капелюшу*.

14. Повсюдною лѣтомъ и зимой, въ будни и въ праздникъ, дома и въ людяхъ, обувью служатъ лапти — лыковые и лозовые; хотя и рѣдко встрѣчаются лапти берестовые. Простѣйшіе лапти изъ лозовой и липовой коры, наскоро сработанные, называются *кывирзнями* (кывирзéнь, — зня̀). Эти лапти скорѣе будничные, лѣтніе. Лучшій видъ лаптей есть *пыхлопнѝ*. *Пыхлопнѝ* работаются на особой колодкѣ, иногда одноножными, съ толстою подошвой изъ пакли. Они имѣютъ видъ глубокихъ башмаковъ и защищаютъ ногу не въ примѣръ лучше *кывирзнѣй*. Какъ *кывирзнѝ*, такъ и *пыхлопнѝ* не одѣваются въ *босонджжу*, а на обернутую въ онўчи ногу и придерживаются на ней *обдрами*, *обдрками*. Простѣйшія *обдрки* бываютъ веревочныя; болѣе же щегольскія — плетеные изъ черныхъ нитокъ длинные пояса («тятерка ў черныхъ оборкахъ» — та дичь, за которою охотятся деревенскіе ловеласы). У каждаго лаптя одна *оборка*, которая серединой прикрѣпляется къ ушкамъ лаптей, а затѣмъ, перевивая ногу въ подъемѣ и голени, завязывается ниже колѣнъ, разумѣется, поверхъ онўчи. Самыя онўчи представляютъ квадратный кусокъ холста, или домашняго сукна. Въ болѣе парадныхъ

случаяхъ на каждую ногу идетъ по двѣ опу̀чи: одной обертывается ступня, а другой — голень. — Болѣе короткія *оборки* называются *заборсками*, и отсюда происходитъ ежедневное выраженіе — *зыбырса̀ть лапти*.

15. Зимнею порой вмѣсто опу̀чь употребляются *панчо̀хи* — длинные, безъ пятокъ чулки, изъ толстыхъ *сучёныхъ* нитокъ. *Панчо̀хи* приготовляются дома на деревянныхъ *прутка̀хъ*, войлочатся въ домашней ступѣ, послѣ чего онѣ скорѣе похожи на валенки, чѣмъ на суконные чулки.

16. Зимою же *ва̀линцы* замѣняютъ сапоги, лапти и чулки вмѣстѣ, онѣ приготовляются дома захожими *шапыва̀лами* изъ домашней овечьей и козьей шерсти.

17. *Бо̀ты*, теперь повсюдная обувь, въ воспоминаемое мною время составляли достояніе *замо̀жныхъ* людей и пріобрѣтеніе ботовъ составляло событіе. Бо̀ты справлялись почти разъ въ жизни, тщательно береглись и переходили по наслѣдству. Самыми лучшими *бо̀тами* считались *осташй*, рыжіе, при чемъ голенища были почти всегда пришывныя къ головкамъ, во веходы которыхъ вшивались клинья, имѣвшіе форму языка. Такіе сапоги назывались *бо̀тами съ языка̀ми*. Когда *бо̀ты* изнашивались настолько, что нужно было сооружать другіе *пру̀швы*, голенища отрѣзывались: оставались *опо̀рки*, которые еще долго служили посильную службу, подобно тому, какъ ла́потные *ото́пки*, или *ото́пыши* пока не исчезали наконецъ въ *шуме́тникъ*[1]).

18. *Пастолы* — кожаныя подошвы, замѣняющія лапти, не привились къ повсемѣстному употребленію, хотя и не составляютъ диковины въ западныхъ уѣздахъ губерніи.

19. Безъ различія времени, шея повязывается *кра́сною хусткой*. Это—первый изъ мужскихъ *приба́ровъ*. Впрочемъ, не въ видѣ прибора, а по необходимости, шея, поверхъ одежды обертывается большою *жаноцкою хусткой* въ зимнюю пору.

20. Вторымъ *прибо́ромъ* слѣдуетъ считать *кылиту̀*, ножикъ

---

[1]) *Шуметникъ*, мѣсто, куда сбрасываютъ выметенный соръ. Никиф.

и *грибенéцъ*, кои отдѣльно привѣшиваются къ поясу, что поверхъ рубашки. *Калитá* — квадратная сумочка, непремѣнно кожаная каждая сторона которой не болѣе $2^1/_2$ вершковъ. Одной или двумя пришитыми кожаными петлями *калитá* привѣшивается къ поясу, закрывается такою же по величинѣ закрышкой и застегивается на мѣдный *гýзикъ*, пришитый къ *калитѣ*. На ней часто можно видѣть до пяти и болѣе *гýзиковъ*, всегда гладко отчищенныхъ. *Калита* служитъ для храненія бумажныхъ денегъ, хотя тамъ нерѣдко можно найти и монеты.

21. На томъ же поясѣ, справа отъ *калиты*, въ кожаномъ чехлѣ привѣшивается ножикъ (рѣдко складной), къ черенку котораго привязанъ однимъ концомъ узкій ремень, длиною въ аршинъ; другой конецъ ремня привязывается къ поясу. Такой ножикъ служитъ для разныхъ *справъ* въ любомъ мѣстѣ; имъ щепается лучина, дѣлаются зубья въ грабли, *скребéцца бýльба* (чистится картофель), чинится упряжь, рѣжется *животúна*, хлѣбъ и проч.

22. Слѣва отъ калиты на короткомъ *рамушкѣ* (ремешкѣ) виситъ мѣдный *грибинéцъ*, имѣющій, разумѣется, единственное исключительное назначеніе.

23. Кромѣ указанныхъ трехъ приборовъ *курцы́* (т. е. курящіе табакъ) носятъ на томъ же поясѣ *пúпку* [1]) и *капшýкъ*. Иногда они только засовываются подъ поясъ. Чаще же всего *пúпка* и *капшýкъ* кладутся за пазуху къ голому тѣлу (дома), или въ *кишéнь* (внѣ дома). *Пúпка* бываетъ съ гнутымъ *цубукóмъ*, съ *чúстикомъ* (согнутая металлическая спица); *пúпка* и *чúстикъ* привязываются къ *цубукý* тоненькими ремешками, чтобы не затерялись. *Капшукъ* — мѣшечекъ изъ цвѣтной матеріи — служитъ для храненія табака, кремешка, трута и кресива, или же *сярничекъ*. [2]) Въ *капшукѣ* нерѣдко можно найти и деньги.

24. *Нюхачú* носятъ табакерки и рожки съ *табáкой*, то *ý кишанió*, то *зыпáзухшу*, то *ý носовúцы* подъ поясомъ.

---

[1]) пипка—трубка для куренія табаку. [2]) спичекъ.

25. Для ношенія денегъ употребляется *мошо́нка* — холщовый мѣшокъ, домашнимъ образомъ сшитый. *Мошо́нка* носится преимущественно на груди, но иногда кладется въ *кишéнь* и въ голенище. При *мошо́нкѣ* на груди, а чаще при тѣльномъ крестѣ виситъ мѣдная *калу́пка* (видъ ложечки) для извлеченія ушной сѣры.

26. При путевыхъ *спра́вахъ* необходимымъ дополненіемъ служатъ: *хоту́лъ* [1]), *то́рба* и *коше́ль*. Первый (большой холстинный мѣшокъ) служитъ для складки дорожнаго добра — бѣлья, инструментовъ и проч.; другіе же для храненія съѣстныхъ запасовъ, при чемъ *коше́ль* имѣетъ полное преимущество передъ *то́рбой*, такъ какъ съѣстные запасы въ немъ не мнутся. *Коше́ль* дѣлается изъ лыка и бересты, непремѣнно съ крышкою, и носится черезъ плечо за спиною на веревкѣ, поясѣ и ремнѣ.

Жандцкая одежда, обутье и приборы.

27. Женская рубашка бываетъ *ковнѐрная* и безъ *ковнера̀*. *Ковнѐрная* рубашка шьется съ широкимъ и узкимъ воротникомъ, который бываетъ всегда откладной и застегивается *шпо̀нкой*, лентой, или обрѣзкомъ цвѣтной матеріи. Эта рубашка имѣетъ *палики́*, въ видѣ наплечныхъ нашивокъ *кра̀мной* (лавочной) матеріи, или холщевой цвѣтной *домотка́нки*. Въ остальномъ женская рубашка совершенно сходна съ мужскою и отличается отъ нея развѣ только длиною ниже колѣнъ и пожалуй тѣмъ, что въ расчетливомъ хозяйствѣ женскія рубашки шьются двусоставными: грудь, рукава и спина изъ тонкаго *ку́желю*, или *порка́лю*, а остальная часть ея изъ толстой *па́чеси* [2]). Безковнерная рубашка имѣетъ ту особенность, что стягивается на шеѣ снуркомъ, подобно тому, какъ мужскіе *порткѝ съ матузо̀мъ*. Эту послѣднюю рубашку, по преимуществу, носятъ незамужнія женщины, или женщины, не имѣющія грудныхъ дѣтей. Что же касается рукавовъ женской рубашки, то они бываютъ почти всегда по длинѣ руки и въ *ковне́рныхъ* рубашкахъ заканчиваются воротничкомъ съ нашивкою, одинаковою съ *палика́ми*.

---

[1]) по словарю Носовича: *хотылъ*: кошель или нищенская сума. [2]) у Носовича — пачески, почеси — хлопокъ, остающійся при чесаніи льна.

28. Хотя въ общежитіи *споднúцей* и называется всякая юбка, но исключительное названіе *споднúцы* принадлежитъ бѣлой холстинной юбкѣ, которая бываетъ *кружéльная* и *пáчесная*. Иногда подолъ *споднúцы* имѣетъ красную, или узорчатую тесьму, которая шьется одновременно съ холстомъ, а не пашивается.

29. Та же набивная юбка называется *набойкой*, гдѣ по синему полю идутъ набивные бѣлые цвѣтки и узоры. *Набойчатая споднúца* есть простѣйшая выходная юбка.

30. Синяя, красная и бѣлая нитки, сотканныя въ полоски, даютъ цвѣтной холстъ исключительно на юбки. Если эти нитки *пóртовыя* (льняныя), то юбка будетъ называться *саяномъ*, если же въ перемежку съ суконными—*дрылихомъ*. *Саянъ* носится преимущественно лѣтнею порой, *дрылихъ*—зимнею. Въ той и другой юбкѣ дѣлается вставной спереди *фартухъ*—кусокъ холста отъ поясницы до колѣнъ почти и вершковъ въ 10 шириною. *Набóйка*, *саянъ* и *дрылихъ* имѣютъ *пыдпадолыкъ*—узкую полосу холста, вершка въ 2, подшитую къ оконечности подола съ *подысподди*. *Саянъ* и *дрылихъ* держатся на поясницѣ при помощи *гáфтыкъ* и *гаплюкóвъ*, *споднúца* же — на тесемкахъ изъ холста, или нитяныхъ *плистя́нкахъ*, въ видѣ пояса.

31. *Кúтликъ* или *шнурóвка*—родъ корсета, имѣющаго, подобно жилеткѣ, полную спинку и плечи, безъ воротника. *Кúтликъ* дѣлался изъ парчи, бархата и яркаго цвѣта сукна, *у-вобли́нку*, съ кишечной обкладкой вокругъ нижней части,—что напоминало колбасу вокругъ таліи,—и туго застегивался по срединѣ груди *гáфтыками* и *гаплюкáми*. *Кúтликъ* справлялся одинъ разъ въ дѣвической жизни и потомъ, по выходѣ въ замужество, лишь донашивался. Видѣть новый *кúтликъ* на старухѣ было такъ же странно, какъ и видѣть шапку на головѣ женщины.

32. Вмѣстѣ съ *кúтликомъ* дѣвушки носили парчевой вѣнокъ, который представлялъ изъ себя стѣнки маленькаго сита безъ сѣтки. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ эти ситовыя стѣнки на самомъ дѣлѣ служили основою вѣнка и обкладывались парчей снаружи, а другой матеріей внутри. Для той же надобности употреблялся

лубокъ, береста и сахарная бумага. Вѣнокъ ничѣмъ не поддерживался на головѣ, и открывалъ *макушку* послѣдней; изъ подъ него спадала на спину дѣвическая коса съ вплетенными въ конецъ ея лентами, или кусками цвѣтной матеріи. Когда та же дѣвушка являлась къ вѣнчанію, какъ *княгиня* [1]), вѣнокъ обильно украшался яркими лентами вокругъ; вмѣстѣ съ косой, или расплетенными волосами, такія же ленты спускались на спину. Послѣ свадьбы вѣнокъ или отдавался въ стороннее пользованіе, или складывался въ скрыню на память.

Умершія дѣвушки погребались непремѣнно въ вѣнкахъ, часто съ *княгинными приборами*.

33. Близкое сходство съ вѣнкомъ имѣетъ *намётка*, или *обмётка*, употребляемая пожилыми замужними женщинами. *Намётка* дѣлается изъ бѣлаго коленкора, по мѣрѣ головы, съ закрытымъ дномъ и двумя широкими пришивными полосами спускается позади въ стороны.

34. Какъ вѣнокъ, такъ и *намётка* служатъ праздничными головными нарядами. Въ будничной и, пожалуй, бѣдной жизни головнымъ уборомъ служитъ *хýстка* [2]), то *крáмная*, то домоткáнная.

Бѣлая *хýстка* непремѣнно окаймляется красными (въ утóкѣ) нитками, а иногда и бахрамой; *хýстка* одной матеріи съ *саáмомъ* часто не имѣетъ каймы. При выходѣ *ў-люди* голова украшается обязательно двумя *хýстками;* одна изъ нихъ, сложенная треугольникомъ, накладывается на голову и связывается на затылкѣ, причемъ концы идутъ врозь; другая, сложенная такимъ же образомъ, накидывается на голову послѣ верхней одежды; при чемъ концы *хýстки* иногда перевязываются подъ подбородкомъ. Во время зимняго пути голова и шея обвязываются третьею *хýсткой*, гораздо бóльшею, чѣмъ двѣ предъидущія.

35. Замужнія и вообще пожилыя женщины непосредственно на голову одѣваютъ *чапéцъ*, или *коптýръ*, не только при выходѣ *ў-люди*, но и на ночь дома.

---

[1]) Княгиня — т. е. невѣста. [2]) платокъ.

36. При выходѣ *ў-люди* каждая женщина держитъ въ рукахъ свернутый небольшой платокъ, часто *хўстку*, называемую *шмо́ткой, шмотчи́нкой*. Трудно съ точностію указать назначеніе *шмо́тки*. Мнѣ думается, что она служитъ для того, «абы́ што было ў рукахъ». Когда женщина, особенно дѣвушка, слышитъ что нибудь *соро́мное ў грыма́ди*[1]), то она прикрываетъ ею лицо, чтобы скрыть смущеніе. Другого употребленія *шмо́тки* я не помню, за исключеніемъ развѣ тѣхъ случаевъ, когда парень и дѣвушка идутъ вмѣстѣ, *по́пличь:* тогда парень держитъ одинъ конецъ *шмо́тки*, а хозяйка ея другой.

37. Совершенно иное дѣло — *шмо́тка за плечами*. Въ дорогѣ женщины не несутъ ни *то́рбочки*, ни *кошеля́*. Свои путевые съѣстные запасы онѣ складываютъ въ средину платка, завертываютъ двумя концами, двумя же свободными завязываютъ *шмотку* на груди, причемъ *шмотка* лежитъ на спинѣ наискось: одинъ конецъ проходитъ чрезъ правое плечо, а другой подъ лѣвой па́хой.

38. Обувью для женщинъ служатъ тѣ же лапти й *обдры* съ онучами, что̀ и у мужчинъ. Разумѣется, что *замо́жныя*[2]) *жо́нки* не носятъ лаптей, а *черави́ки*, или *бо́ты*, которые предпочитаютъ *черави́камъ*. Но современныя *жо́нцы* носятъ *черави́ки со скри́помъ, красные*. Матери и бабки этихъ *жо́нокъ* носили *черави́ки*, отличавшіеся отъ лаптей тѣмъ, что сработаны были изъ кожи. У такихъ *черави́ковъ*, какъ и у лаптей, были пришивные усики для *оборковъ*, которыми нога перевивалась точно такъ же, какъ и при лаптяхъ.

39. Верхняя *жано́цкая одежда* не имѣетъ рѣзкой разницы отъ мужской, за исключеніемъ шубныхъ украшеній, — о чемъ сказано выше,—а потому всякая верхняя одежда одинаково употребляется и мужчиною и женщиной. Правда, верхняя одежда женщинъ сравнительно длиннѣе и доходитъ почти до пятъ, тогда какъ мужская едва ниже колѣнъ. Правда также и то, что въ верхней женской одеждѣ преобладаетъ кафтанный покрой.

---

1) Въ обществѣ. 2) зажиточныя.

40. *Жанбцкими прибо́рами* (насмѣшливая поговорка: «лапти да обо́ры усѝ её прибо́ры») служатъ: *исту́жки* и *похи́стки*. *Исту́жкой* называется всякая лента, гдѣ-бы она ни употреблялась — въ вѣнкѣ, въ косѣ, въ *ковнеръ*[1]); *похи́сткой* же называется, при томъ же употребленіи, обрѣзокъ цвѣтной матеріи, кромка ея. Чѣмъ ярче и пестрѣе *исту́жка* и *похи́стка*, тѣмъ онѣ цѣннѣе.

41. Кромѣ *исту́жекъ* и *похи́стокъ* приборами служатъ: *кра́ли*, *серьги* и *пярсьцёнки*[2]). *Серьги* и *пярсьцёнки* по большей части мѣдные, у богатыхъ, — *серебряные*. Что же касается *краль* (кораллъ?), то онѣ бываютъ различныя: *бруштынъ* (янтарь), *зе́мчугъ*, *гарна́ты*, *крывава́я ма́тица*, — въ одинъ, два и болѣе снурка. Всѣ *крали*, какъ и другіе *приборы*, не *чужды жäницы* во всѣ періоды ея жизни.

Заключая далеко неполное описаніе одежды, я считаю умѣстнымъ отмѣтить, что нижняя одежда — рубашка, портки, юбки, платки, онучи называются *бялі́зной*. Къ *бялі́знѣ* нужно причислить: *прыстира́длы* (простыни), *ска̀тирки*, *убрусы* и *ручникѝ* (полотенца). Вся же верхняя одежда въ совокупности называется *лайно́*, *ланнё*.

За неимѣніемъ сѣнниковъ, подушекъ и одѣялъ (ко́лдра) верхняя одежда идетъ подъ бокъ, подъ изголовье и на покрышку во время сна (поговорка: «што ў косьце́ли, то и ў посьце́ли).

Отъ такого повсюднаго и неустаннаго употребленія одежда скоро изнашивается. Нельзя сказать, что и *бялі́зна* бываетъ долговѣчнѣе при черномъ трудѣ. То тамъ, то сямъ образуются *дра̀нты-бра́нты*[3]), *шарпотте* (отвислые надорванные куски): хозяйка перебирая въ своемъ складѣ разное *трантё*[4]), и найдя подходящія *скума̀ття*[5]), откладываетъ ихъ на *ла́пики*[6]). Когда же одежда доносилась до того, что *ризъ рыззю пышибаитъ*, ее причисляютъ къ *старі́зни* и употребляютъ на черныя надобности: покрываютъ скотъ, подстилаютъ подъ ноги, покрываютъ

---

[1]) Въ воротникѣ. [2]) кольцы. [3]) тряпки, рубище. [4]) рвать. [5]) клочки. [6]) лоскутки для заплаты одежды.

дежки, горшки и проч., пока кочующій тряпичникъ не избавитъ дома отъ разной *старúзны*, въ обмѣнъ на иголки, *шпúльки*, кольца, крали, тесемки, нитки и проч.

Всякая запасливая хозяйка и вообще женщина хранитъ разное *тряпье* и *тряпички* въ небольшихъ *ванзѐлычкахъ* (узелкахъ): «а можетъ быть къ чему нибудь пригодится». Въ досужіе святочные часы она перебираетъ это *тряпье* и *ветошь*, часто съ досужею сосѣдкой; всякая *пыдрыбя́зина* [1]) даетъ поводъ и тему для разговора, когда онъ сошелъ раньше на нѣтъ. Для *тека́выхъ* же *бла́зновъ* такой переборъ и пересмотръ составляетъ истинный праздникъ, особенно если въ ихъ распоряженіе поступитъ та, или другая *тряпичка*.

Составляя частную собственность, *пыдрыбязныи ванзѐлки*, вмѣстѣ съ *бялúзной* и *ланнёмъ*, хранятся въ собственномъ *кýблѣ*, или *скрынѣ*. Какъ только дѣвушка *пыдбираниица подъ кынягиню*, родители даютъ ей отдѣльный *кубелъ*, или *скры́ню*, куда она и начинаетъ скоплять приданое: холстъ, нитки, полотенца, пояса и проч., преимущественно собственнаго производства и рукодѣлья. Мужчины, разумѣется, не имѣютъ *кублов*ъ, хотя имѣютъ *скры́ни:* ихъ *бялúзна* покоится то въ маткиныхъ, то въ жениныхъ *схо́вахъ;* одежда же виситъ на стѣнѣ, или лежитъ на *полý* (нары) и *пола́тяхъ*. *Скрыня* предназначается у мужчинъ для болѣе важныхъ *схо́вов*ъ: денегъ, закладныхъ вещей, мелкихъ инструментовъ, предметовъ упряжи, *шúллевъ* да *копыллевъ*, разновидныхъ *цвячковъ* и проч. Особенно богаты ими *дядо́вскіи скрыни*, или же *скрыни* старыхъ *батёкъ*.

Дяды и *батькú* не перебираютъ однако своего *ска̀рбу* отъ нечего дѣлать, подобно *жо́нкамъ*, а открываютъ ихъ въ серіозныхъ только случаяхъ, когда нужно исправить, напр., упряжь, вколотить куда-нибудь завѣтный, залежавшійся гвоздь, достать деньги. *Тека̀выи бла̀зны* не подходятъ близко къ такой *скрынѣ* изъ опасенія получить *лискачá*, *альбо лопунú* отъ угрюмаго

[1]) Мелочь, лохмотья.

дѣда, или батьки, а только издали *текáвють* на скрытое въ *скрынѣ добрó*.

Благодаря новому строю жизни, *старосвѣцкая одёжа, обýтте* и *прибóры* почти исчезаютъ даже въ захолустныхъ мѣстахъ. Такъ, *спиньжáкъ* вытѣсняетъ *носовъ* и сѣрмягу, дублёнка—шубу, дешевый *картузъ—магéлку, брыль* и *обловýху*, бутылочные сапоги со скрипомъ—*боты-осташи́* и лапти—*пыхлопни́*, яркій гарусный шарфъ, безсмѣнный на шеѣ лѣтомъ и зимой—легкую *домоткáную хустэльку*. То же, въ особенности, замѣтно въ женскихъ костюмахъ: *крамная* юбка съ кофтой смѣняетъ *сáйны, дрылúхи* и *кúтлики*, шелковый платокъ на головѣ—*дявоцкіи вянки*, которые при вѣнчаніи замѣняются лавочными вѣнчальными цвѣтами на головѣ, башмаки на высокихъ подборахъ со скрипомъ—бабинскіе *чиравúки съ оборками* и проч. Вмѣстѣ съ этимъ исчезаютъ разныя *мошóнки, кылиты́*, удобно *занимаемыя* дешевыми *пуртумíми*.

И въ самомъ дѣлѣ, стоитъ ли *корпѣть и горбѣть* надъ тканьемъ *хýстки, саянá* и *дрылиха*, или надъ сооруженіемъ *мошонки* и *кылиты*, когда въ любомъ городѣ и мѣстечкѣ лавки полны дешевыхъ платковъ, ситцевъ и кошельковъ? И все это на перебой дешево!

Въ храмовые праздники въ церкви, въ *кирмáшные дни* на *кирмáшѣ*, при *вясéлияхъ*, и вообще, когда бываетъ *сбой нáроду*, уже нельзя увидѣть теперь сплошной бѣлой стѣны, образуемой *носовáми, намётками, хýстками*, бѣлыми шубами, бѣлыми сѣрмягами,—теперь эта стѣна дѣлается *стракáтою, пялёсою*, и въ ней, какъ отчужденные, только мелькаютъ, а не преобладаютъ бѣлыя одежды.

Порядокъ дня и дневныя занятія.

Зимній день.

Съ послѣдними пѣтухами стряпуха встаетъ, наскоро умывается и раскладываетъ въ печи огонь. Пока разгорятся дрова она наливаетъ горшки, ставитъ ихъ въ печь и принимается

за чистку картофеля, для чего въ пособничество приглашается кто-нибудь, преимущественно «молочанка» (работница), или наемный пастухъ,—моетъ крупу и проч., словомъ, дѣлаетъ всѣ приготовленія къ предстоящей стряпнѣ. Если изба курная, то забавно видѣть, какъ старики, дѣти и всѣ семьяне, помѣщавшіеся на печи и на полатяхъ, долго крѣпившіеся на своихъ теплыхъ мѣстахъ, послѣ перваго дыма, съ увеличеніемъ послѣдняго, схватываютъ свои шубы и армяки и спускаются на такъ называемый «полъ» — досчатую постилку подъ полатями —, и тутъ нѣкоторые изъ нихъ продолжаютъ сонъ, иные же только «вылеживаются», т. е., говоря другими словачи, нѣжатся. Каждый разъ при такихъ передвиженіяхъ кто-нибудь скажетъ: «авой ужу зыкури́ла!» Хозяинъ же въ сотый разъ повторитъ: «надо будзить робиць ко́минъ (трубу)». Стряпня идетъ. Стряпуха кладетъ приправу въ горшки, не вынимая ихъ изъ печи, а при помощи «поло́ника» — большой ложки съ длинной рукояткой; часто горшки не вынимаются изъ печи до окончанія стряпни. По мѣрѣ приближенія конца стряпни, все поднимается на ноги, моется, чешется «щетями» изъ свиныхъ волосъ, домашняго изготовленія, и молится. Дѣти, закутавшись въ шубы, сидятъ или лежатъ на «полу», куда ихъ перенесли, или же сами они перешли съ полатей, до тѣхъ поръ, пока не усядутся за столъ. Наиболѣе малымъ при пробужденіи дается кусокъ хлѣба, который они ѣдятъ сидя или лежа на «полу». Во время топки печи въ избу вводится недавно отелившаяся корова, кормится здѣсь мякиной или «вотрипой», которая состоитъ изъ пустыхъ колосьевъ ржи, ячменя и т. под., отдѣляющихся при молотьбѣ; здѣсь же корова и выдаивается. Не только ребятишки, но часто и возрастные мочатъ своею мочею коровій кормъ. Кончивъ свое дѣло, стряпуха кладетъ на столъ ложки и ставитъ миску съ кушаньемъ, семьяне всполаскиваютъ снова руки водою, вытираютъ ихъ, крестятся и усаживаются за столъ, каждый на свое, разъ опредѣленное мѣсто. Въ это время дѣти оставляютъ свои мѣста на «полу» и по лавкѣ переходятъ къ столу. Хлѣбъ рѣжетъ хозяинъ и вручаетъ каж-

дому члену порознь: большимъ «скибки» (большія порціи), а малымъ «лустки» (тонкія порціи). При ѣдѣ хлѣба потребляется больше, чѣмъ «варива» (кушанья), особенно за первымъ блюдомъ. Если кушанье съ саломъ, то хозяйка предварительно вынимаетъ его изъ горшка, толчетъ въ пустой чашкѣ особымъ деревяннымъ толкачемъ и потомъ наливаетъ сюда кушанье, если же кушанье съ мясомъ, то оно выкладывается на тарелку, гдѣ рѣжется на маленькіе кусочки, или самимъ хозяиномъ, или, по его порученію, кѣмъ-нибудь изъ застольниковъ. Кости и хрящи отдаются дѣтямъ. Мясо придерживается рукою, а ножомъ въ другой разрѣзывается. Вся семья въ это время сидитъ молча и внимательно слѣдитъ за работой *закройщика*, который, кончивъ свое дѣло, тщательно вылизываетъ ножъ и пальцы, вытираетъ ихъ о волосы и рубашку. Затѣмъ онъ подымаетъ тарелку надъ чашкой и сбрасываетъ туда разрѣзанное мясо, при помощи ложки, которою счищаетъ и тарелку. Часто бываетъ, что дѣти въ это время успѣютъ поссориться; ихъ не бьютъ, какъ въ обычное время, ладонью, кулакомъ, *поясомъ*, а ложкой по головѣ; та же расправа бываетъ и съ другими, напр. съ женой у мужа. Бѣлоруссъ не торопится ѣдой. Откусивъ хлѣба и положивъ въ ротъ ложку «варива», кушающій кладетъ ложку на столъ, долго жуетъ пищу и уже проглотивъ пережеванное, онъ снова берется за ложку и хлѣбъ. При окончаніи одного блюда ложку тщательно вылизываютъ, а не обмываютъ и не вытираютъ для другого блюда. Заслуживаетъ вниманіе то высокое уваженіе, которое крестьянинъ питаетъ къ хлѣбнымъ даже крошкамъ. Упадетъ напр. маленкій кусочекъ хлѣба на полъ, крестьянинъ тотчасъ его подымаетъ и набожно цѣлуетъ, говоря: «прости Божухна!» Эта первая ѣда, называемая «снидання», продолжается три четверти часа и болѣе и приспособляется по времени такъ, что конецъ его совпадаетъ съ разсвѣтомъ. За «снидапнимъ» почти всегда рѣшаются работы и время препровожденія для каждаго изъ членовъ семьи. «Ну хула табѣ Господи!» произноситъ хозяинъ, креститъ мѣсто, гдѣ лежала его «скибка», потомъ себя и встаетъ. То же дѣлаетъ и вся семья.

Мущины одѣваются и уходятъ изъ избы подать кормъ скоту, поить его, рубить дрова и проч.; женщины же, разумѣется, остаются дома и принимаются за прялки. Но стряпуха примется за это не прежде, какъ убравъ со стола и накормивъ свиней, въ избѣ же, гдѣ имъ запаряна мякина еще при стряпнѣ. И только послѣ этого она садится за прялицу отдыхать. Ребятишки, называемые «бля́знами», отправляются въ деревню иногда босикомъ и въ одной рубашкѣ, и заигрываются тамъ съ сверстниками до вечера, пользуясь сосѣдскими харчами. О «блязнахъ» дома обыкновенно мало безпокоятся. Около одинадцати часовъ семья собирается къ обѣду, за которымъ подается почти все то, что подавалось за «снидапнимъ» и за которымъ семья ѣстъ и съ одинаковымъ апнетитомъ, и съ одинаковою медлительностью. При менѣе спѣшныхъ работахъ, а въ особенности въ праздничный день, мущины ложатся отдохнуть часа на два, на три, потомъ справятъ какую нибудь работу и около трехъ часовъ «полдничаютъ», т. е. кушаютъ одно или два блюда изъ приготовленныхъ на день. Время до наступленія вечера проводится въ рубкѣ и расколкѣ дровъ, въ водопоѣ скота, въ дачѣ ему корма и другихъ надворныхъ работахъ. Съ наступленіемъ вечера мущины забираются въ избы и, среди семейнаго гама, то щепаютъ лучину, то вьютъ веревки, то плетутъ лапти и корзины, исправляютъ упряжь, перекидываясь словами съ остальными членами семьи. Женщины дѣлаютъ одну и ту же работу: съ ранняго утра прядутъ. Сплошь да рядомъ случается, что съ наступленіемъ сумерекъ женщины, каждая со своею прялкою, приходятъ одна къ другой въ «посидѣлки». Въ этомъ послѣднемъ случаѣ гамъ въ избѣ невообразимый, какъ потому, что каждая женщина старается поскорѣе подѣлиться съ сосѣдкой своими текущими дѣлами, такъ еще болѣе потому, что бѣлорусскія женщины не умѣютъ говорить тихо, сдержанно. Слушая всю эту болтовню, соскучивъ непониманіемъ дѣла, хозяинъ сплюнетъ и потребуетъ «вичёри». Скажи онъ это часомъ позже, болтовня все бы продолжалась и ни одна изъ гостей не подумала бы про домъ; между тѣмъ, какъ теперь сразу у всѣхъ

является потребность отправиться домой, потому, что тамъ «ждутъ» ее. На посидѣлкахъ ничѣмъ не угощаютъ, кромѣ орѣховъ, и то, если они имѣются. Дѣвушки не принимаютъ участіе въ обычной болтовнѣ «молодухъ», за то въ пѣсняхъ онѣ не уступятъ остальнымъ. «Посидѣлки», кромѣ рабочихъ цѣлей, въ Витебскомъ уѣздѣ ничего другаго не имѣютъ.

«Вечéряетъ» семья остатками дневныхъ кушаній, не отступая отъ программы предыдущей ѣды. За недостаткомъ кушаній семья обходится и хлѣбомъ, что случается рѣдко, такъ какъ стряпуха готовитъ каждый разъ въ достаточномъ количествѣ. Послѣ вечерни всѣ размѣщаются по своимъ мѣстамъ для сна; женщины, впрочемъ, иногда продолжаютъ свою прядильную работу.

Приблизительно такимъ образомъ проводится зимній день бѣлорусскаго крестьянина въ своемъ обычномъ теченіи, при полномъ составѣ членовъ семьи.

Лѣтній день.

Тотъ же крестьянинъ, который обнаруживаетъ зимою медлительность въ ѣдѣ, и пожалуй даже въ работѣ, лѣтомъ не таковъ. Переночуя въ сараѣ, или на ночлегѣ, подъ овчинымъ тулупомъ, при первомъ разсвѣтѣ оставляетъ постель, моетъ лицо чѣмъ ни попало, даже росой и, прихвативъ нужное для работы отправляется въ поле. Тамъ онъ работаетъ на тощій желудокъ и только чрезъ часа три, когда ему принесутъ кушать, останавливается, поспѣшно ѣстъ и снова принимается за работу, вплоть часовъ до 11, когда ему вторично принесутъ обѣдъ. За обѣдомъ онъ сидитъ дольше и кушаетъ медленнѣе, потому что въ эту пору дня трудно работать. Послѣ обѣда, выбравъ тѣнь, онъ отдыхаетъ часа два, потомъ «полуднуитъ» и снова работаетъ до солнечнаго захода, съ которымъ спѣшитъ домой «повечеритъ» и заснуть. Такъ проводитъ свой день крестьянинъ, когда работаетъ для себя; не то конечно бываетъ, если тотъ же крестьянинъ работаетъ по найму: тутъ онъ ведетъ себя по зимнему.

Три раза въ день бѣлоруссъ ѣстъ въ полѣ. Для этого приспособлена особая посудина, называемая «кубликомъ». Посудина эта деревянная, съ крышкой, у которой придѣлана задвижка въ ушки «кублика» и ручка. Въ кубликѣ носится только жидкая пища. Кубликъ не вмѣщаетъ больше полуторыхъ гарнцевъ.

Сообщ. Н. Я. Никифоровскій.

ОПИСАНІЕ

быта Бѣлоруссовъ.

в) Гродненской губерніи и уѣзда Лапинскаго прихода.

А. Жилище.

Крестьяне Гродненскаго уѣзда, по искони вкоренившемуся обыкновенію, деревни свои называютъ *сёлами*, а иногда *вёсками*. Если незнакомый съ мѣстностью спроситъ встрѣчнаго туземца: «зъ якой вы (или ты) *дзярэўни?*» или: «какъ называется эта деревня?» то вопрошаемый хотя и отвѣтитъ вопросительно же, но прежде окинетъ его съ ногъ до головы удивленнымъ взглядомъ и въ свою очередь спроситъ: «мусиць, чаловѣчку, вы (или ты) *расейскій*, што пытáецеся не по нашему, а говòрыце: *«зъ якой дзярэўни?»* И когда тотъ скажетъ: «не, я тутэйши, Воўковыскаго уѣзда, Лунянской *парахвіи*[1]), тўолько говору́ крыху[2]) инáчай, бо ў москалёў[3]) быў 10 (или 15) рокоў», то туземецъ зачастую замѣтитъ: «А дальбо! я таки думаў по одзѣньпи и съ твару[4]) выгля́дывае бы на нашаго тутэйшаго чаловѣка, а гу́торка[5]) уже не наша. Божа ты ласкáвы! што гэто значиць быць ў москалёў: побыў 10 рокоў и зусимъ языкъ зломаў свой».

Деревни свои крестьяне Гродненской губерніи строятъ большей частью вблизи какой-либо рѣки или рѣченки и въ рѣдкихъ случаяхъ—при источникѣ. Колодцы рѣдко только встрѣчаются,

---

[1]) Т. е. прихода. [2]) не много. [3]) въ солдатахъ, у русскихъ. [4]) По одеждѣ и лицу. [5]) говоръ, произношеніе.

а гдѣ они есть, то заурядъ принадлежатъ зажиточнымъ только хозяевамъ, которые въ дореформенное время были въ помѣщичьихъ имѣніяхъ *цíунами*, войтами и т. п. Са́жалокъ крестьяне никогда не копаютъ. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ находятся довольно значительныя лужи, въ которыхъ вода (за исключеніемъ лѣтнихъ мѣсяцевъ) въ продолженіи года бываетъ въ изобиліи и которыя во время ихъ высыханія лѣтомъ весьма не трудно бы было превратить въ пруды и сажалки, но крестьяне наши весьма равнодушно относятся къ такого рода насущной потребности, какъ чистая вода для здоровья, и на дѣлаемыя имъ замѣчанія на этотъ счетъ со стороны священника или другого какого-либо вліятельнаго лица, обыкновенно отвѣчаютъ: «Атъ! пережыли нашы дзѣды и бацьке, не копали са̀жалокъ, — переживе́мо и мы. Не трэба лишней работы».

Деревни бѣлорусскія Гродненской губерніи хотя и строятся безъ всякаго предварительнаго плана, но однако съ соблюденіемъ нѣкоторой симметріи. Онѣ обыкновенно бываютъ отъ 10 хатъ или посадъ до 100 и болѣе и всегда въ рядъ, въ одну линію или улицу, но такъ, чтобы одинъ домъ отъ другого находился на одинаковомъ разстояніи.

Въ Гродненской губерніи и уѣздѣ есть много деревень шляхетскихъ, которыя населяющая ихъ шляхта иначе не называетъ, какъ *око́лицами*. Околицы эти въ Гродненскомъ уѣздѣ начинаются съ 3-ей версты отъ села Лаши, на востокъ и югъ, гдѣ самыя плодородныя поля, гдѣ напр. урожай пшеницы бываетъ часто самъ 20 и 30. Въ околицахъ этихъ бываетъ отъ 12 до 80 домовъ, но расположены эти дома безалаберно. Въѣхать въ такую околицу можетъ только тотъ, кто бывалъ уже тамъ прежде не менѣе 10 разъ. Издали околица высматриваетъ мѣстечкомъ, но въѣздъ въ нее не скоро найдешь. Такъ напримѣръ съ правой стороны стоитъ домъ, сарай, съ лѣвой — хлѣвъ, насупротивъ — хлѣвъ другого пана шляхтича. За этимъ хлѣвомъ опять домъ, который окруженъ хлѣвами сосѣдей, а этого шляхтича — хлѣвъ и сарай за сосѣдними хлѣвами. Здѣсь опять домъ, окно

котораго заслоняется хлѣвомъ сосѣда и т. д. Если незнакомый прохожій спроситъ обитателя такой околицы: «Якóя гэто сялó?»,—то мой панъ шляхчицъ сочтетъ такой вопросъ за обиду и отвѣтитъ (если крестьянину): «Якóя табѣ сяло? Муси тобѣ очи выперло? Ци ты ни бачишъ, што гэто окóлица?». Такъ и мнѣ однажды (въ 1885 году) случилось проѣзжать около околицы Пёкелки (на разстояніи 9 верстъ отъ Лапи), названія которой я не зналъ. И когда я спросилъ у проходившаго по дорогѣ шляхтича: какъ называется это село, то я получилъ въ отвѣтъ: «Копыто!. Тэнъ глупы, хто пы́та!». Словомъ, шляхтичъ никогда не отвѣтитъ какъ слѣдуетъ, если его спросятъ, какъ зовется его село или деревня. Въ упомянутыхъ мѣстностяхъ около 70 околицъ, въ которыхъ нѣтъ ни одного крестьянскаго дома. Обитатели этихъ околицъ поселены тутъ, вѣроятно, во дни владычества польскихъ королей, при соединеніи великаго княжества Литовскаго съ королевствомъ Польскимъ. Приводимъ нѣкоторыя названія изъ числа этихъ околицъ: Запéвичи, Станéвичи, Пéколка, Юхнéвичи, Эйсмонты малыя, Эйсмонты вéльке, Петровичи и т. д. Поселянъ этихъ мѣстностей крестьяне называютъ *крупниками* и *бохоновой шляхтой*. Шляхта же въ свою очередь, при ругнѣ, обзываетъ крестьянъ *хамами*: «што ты, хáме, вероўка, рэкрутъ! Ци ты вѣдаешъ, што шляхтичъ хоць сѣдзиць на огрóдзѣ, але роўны воевóдзѣ». По послѣ мятежа шляхта сбавила свою спесь и нѣсколько пріутихла, такъ какъ почти половина изъ нихъ не могла доказать своего шляхетства и вынуждена была приписаться къ податному сословію.

Когда крестьянинъ нашей мѣстности собирается построить хату или сарай, то онъ приглашаетъ къ себѣ на *толоку* не менѣе 20—25 хозяевъ, а иногда и болѣе, для привоза бревенъ изъ лѣса, такъ какъ лѣсъ въ Лапинскомъ приходѣ находится на порядочномъ разстояніи отъ селеній—отъ 25 до 45 верстъ и одному крестьянину не подъ силу была бы такая вывозка. Толока, стало быть, въ этомъ случаѣ является для него незамѣнимымъ подспорьемъ: денегъ за свой трудъ сосѣди не берутъ и

удовлетворяются однимъ только угощеніемъ. Строитъ же крестьянинъ самъ или же съ помощью наемнаго плотника. Если мѣсто для постройки окажется низменнымъ, гдѣ постоянно стоитъ вода, то крестьянинъ старается сдѣлать на немъ насыпь, но никакъ не можетъ выбрать себѣ другое мѣсто — сосѣди не позволятъ ему отступить отъ общаго плана, и если онъ покусится па такое отступленіе, то всѣ на него опрокинутся и скажутъ: «А што ты, браткó! Муси ты хочашъ пожаръ зробицы, што ты хочашъ ў другомъ мѣсьци хату будовáци?» и заставятъ его строить свою хату подъ линію. Въ одномъ только случаѣ сдѣлаютъ для него исключеніе и уважутъ его просьбу: если у него въ домѣ часто бываютъ смертные случаи, которые, по увѣренію знахаря, происходятъ отъ того, что домъ этотъ стоитъ не въ хорошемъ мѣстѣ. Впрочемъ такого рода снисхожденія скорѣе всего оказываютъ лишь людямъ вліятельнымъ, какъ напримѣръ *войту*, *ціуну* и ихъ близкимъ родственникамъ. И тогда домъ строятъ все-таки сажени въ 3, 4 или даже 5 отъ улицы, но никакъ на улицу или же вправо или влѣво отъ старой хаты, что ни въ какомъ случаѣ не допускается.

Хаты свои наши крестьяне строятъ изъ еловыхъ и сосновыхъ бревенъ и всегда въ одинъ срубъ, длиною въ 4 сажени, иногда и менѣе, а шириною въ 4. Къ этому срубу пристраиваются сѣни (промень) сажени въ 3 длины и 4 ширины. При сѣняхъ каморка, т. е. кладовая такихъ же размѣровъ; входъ въ нее изъ сѣней. За каморкой идутъ 2—3 хлѣва—и все это подъ одной крышей и занимаетъ пространство отъ 12 до 30 саженъ. Въ каморкѣ устраивается вышка, родъ полатей, въ 2 комнаты. Вышка всегда бываетъ рельефно выдвинута въ сѣни. Каморка обыкновенно безъ пола и потолка. У однихъ только войтовъ и ціуновъ, т. е. у помощниковъ управителей помѣщичьихъ имѣній изъ крестьянъ, мы встрѣчаемъ каморки съ потолками и полàми.

Свои дома и прочія постройки, до реформы, крестьяне Гродненской губерніи строили сами, безъ всякаго вмѣшательства въ

это дѣло со стороны помѣщика или его управителя. Хотя они и отпускали безмездно лѣсной матеріалъ для построекъ.

Кроютъ крестьяне свои хаты соломой. Крыша называется *стрѣхою*, чердакъ называется *горою*. Ёнъ полѣзъ на *гбру*—значитъ: онъ пошелъ на чердакъ. Говорятъ впрочемъ: «ёнъ полѣзъ на хату». Полъ въ хатѣ всегда земляной, выбитый изъ глины.

Въ сѣняхъ, при входѣ, съ правой стороны стоятъ жернова, а правѣе жерновова, у самой стѣнки, выконанъ погребъ, гдѣ складываются на зиму картофель (бульба), брюква (брушка) и ставится въ кадкахъ заготовленныя въ прокъ капуста, свекла (бураки) и проч. Въ этихъ же погребахъ дѣвушки сберегаютъ въ пескѣ руту — на случай выхода ей самой замужъ или же если ей придется быть *дружкой* у пріятельницы-невѣсты, гдѣ безъ руты ей нельзя бы было показаться.

При входѣ въ хату съ правой стороны стоитъ печь.

До 1861 года у всѣхъ, безъ исключенія, крестьянъ нашихъ хаты были курныя, и только начиная съ этого времени они стали класть печи съ трубами. Такъ напр. въ с. Лапнѣ въ настоящее время изъ 90 хатъ только 7 съ трубами, а во всемъ Лапинскомъ приходѣ, довольно большомъ, и теперь едва-ли окажется болѣе 40 хатъ съ трубами (по мѣстному — каминами).

Печь дѣлаютъ большею частію изъ кирпичей и глины, иногда только изъ одной глины. Печи послѣдняго рода не отличаются прочностью. По размѣрамъ печь бываетъ длиною аршины въ три, шириною—въ $2^1/_2$, а въ вышину въ 2 аршина 4 вершка, не болѣе, такъ что остается достаточное пространство, чтобы сидѣть свободно взрослому человѣку. Печь кладется на 4-хъ столбахъ и забирается досками кругомъ, такъ что образуется просторное подпечье, въ которомъ во всю зиму, до самой весны, держатъ куръ, поросятъ малыхъ, сосунковъ. Передняя часть печи называется припечекъ, а та часть, которая повыше устья называется *сопу́хой*. Она всегда покрыта сажей. Поэтому часто можно слышать такое выраженіе: «Ёнъ такі́ чорны якъ *сопуха*». Съ правой стороны припечка находится печурка, куда обыкновенно вы-

гребаютъ жаръ изъ печи. Въ этой печуркѣ зимой и ужинъ готовятъ, впрочемъ весьма рѣдко, потому что у нашихъ крестьянъ ужинъ обыкновенно состоитъ изъ остатковъ обѣда.

Войдя въ хату, вы увидите повыше печи, подъ потолкомъ, на протяженіи всей стѣны двѣ жердочки, весьма закоптѣлыя,— это *гра́ды*. На нихъ сушатъ дрова про запасъ, дней на 10; на этихъ же градахъ крестьяне коптятъ колбасы. Съ лѣвой стороныградъ находится маленькое квадратное отверстіе въ $^1/_4$ аршина, въ родѣ окошечка, и называется *верхникъ*. Это отверстіе обыкновенно закрывается дощечкой, а въ нѣкоторыхъ хатахъ и просто тряпками. Верхникъ этотъ замѣняетъ трубу, черезъ которую дымъ выходитъ наружу, и его открываютъ только во время топки печи, да дважды въ годъ во время ужина *дзъды*: какъ *душачки змáрлы* прышли на вечéру и еще когда кто изъ членомъ семьи тяжело умираетъ. Тогда обыкновенно говорятъ: «треба верхникъ отчинити, капъ хучей[1]) *сконаў* или *сконала*.

Отапливаютъ у насъ хаты почти повсѣмѣстно соломой и овечьимъ навозомъ; топятъ и дровами, но рѣдко, такъ какъ въ Лапшинскомъ приходѣ сажень 3-хъ-полѣнныхъ дровъ стоитъ руб. 15.

Когда варятъ кушанья въ печкѣ, то въ промежутокъ горшковъ кладутъ дрова, а съ лѣвой и правой стороны связанные пучки соломы. Для ужина же печку не топятъ, а ставятъ при печуркѣ треножникъ, а у кого его нѣтъ, то три плоскихъ камня, на нихъ горшокъ, подъ который кладутъ очень мелко изрубленныя дрова и разводятъ огонь.

Съ лѣвой стороны отъ входа въ хату стоитъ неподвижная лавочка, на который ставятъ воду въ горшкахъ и другіе нужные горшки. Надъ этой лавочкой, на небольшомъ разстояніи прибитъ къ стѣнѣ желѣзными гвоздями *ложечникъ*, въ который втыкаюъ ложки. А немного повыше ложечника находится *палична*. На ней ставятъ соль, тарелки и миски. Вдоль стѣны, къ

---

[1]) Скорѣе.

покуцію стоитъ *лава*, которая у богатыхъ бываетъ шириной въ аршинъ, а толщиной отъ 2-хъ до 3-хъ вершковъ, чѣмъ богатые хозяева (господари) особенно гордятся. Выше этой лавы, къ дверямъ, надъ окномъ, тянется вторая палица, на которую хозяйка (господыня) ставитъ миски и *дѣлянки*, т. е. мясо, когда достаетъ горшки съ печи.

Отъ *покуция* вправо, вплоть до противоположной стѣны идетъ второя лава. Надъ нею, немного повыше, вы увидите въ стѣнѣ съ правой и лѣвой стороны по 6 дырокъ, въ которыя вставляются небольшія палочки, на нихъ весною хозяйки снуютъ пряжу. Отъ одной палочки до другой 4 сажени и всѣ въ совокупности называются *губица*, а по польски sciona. Отъ боковой стороны печи до стѣны пристраивается полъ (нары).

Полати рѣдко гдѣ бываютъ въ домахъ крестьянъ нашего уѣзда, а гдѣ онѣ есть, тамъ называются *полатки*.

Съ правой стороны печки стоитъ деревянный столбъ, аршинъ въ объемѣ. Въ этотъ столбъ вбита одпимъ концемъ жердочка, которая другимъ своимъ концемъ упирается въ противоположную стѣну. На эту жердочку всѣ члены семьи вечеромъ вѣшаютъ свою носильную одежду.

Покуць, какъ извѣстно, считается у крестьянъ чуть ли не во всей Россіи почетнымъ мѣстомъ, но у крестьянъ Гродненскаго, Сокольскаго, Волковысскаго и Бѣлостокскаго уѣздовъ Гродненской губерніи вы ни у одного крестьянина въ хатѣ не найдете какой бы то ни было иконки, хотя и у нихъ у всѣхъ покуць считаѐтся почетнымъ мѣстомъ, но они, когда молятся въ торжественныхъ случаяхъ, какъ напр. на *дѣдахъ* (*дзѣдку́*), въ день Пасхи, Рождества Христова и на *куцию*, то обойдутъ вокругъ стола, скажутъ *пацеры*, перекрестятся и сядутъ за обѣдъ или ужинъ. Но въ эти дни во время ѣды на покуць вѣшаютъ чистый утиральникъ на колочкѣ. Въ покуць молятся только въ случаѣ, если крестьянинъ женитъ сына или выдаетъ дочь замужъ. Тогда отодвинутъ столъ и, обойдя вокругъ него три раза, становятся на колѣни лицомъ къ покуцѣ, съ плачемъ кладутъ земные по-

клоны и потомъ кланяются всѣмъ присутствующимъ. То же самое продѣлываетъ *господаръ*, если отдаетъ сына въ солдаты.

Въ хатѣ всегда бываетъ столъ, при столѣ одна скамья, которая называется *слонъ;* иногда бываютъ еще маленькія скамейки въ аршинъ — *слончикъ*.

Малыя дѣти спятъ въ ногахъ своихъ родителей на нарахъ (полу), подростки и старые на печкѣ, а взрослыя дѣти на лавкахъ или на землѣ. Зимой во время топки печи, когда бываетъ много дыму, дѣти, отъ 6-ти до 15-ти лѣтъ, лежа на печкѣ, спускаютъ голову, чтобы дымъ не выѣдалъ глазъ.

Столъ обыкновенно покрывается бѣлою скатертью только въ праздники. На столѣ всегда лежитъ хлѣбъ, покрытый *скарачемъ*, — родъ утиральника, въ концѣ котораго находится 12 скрученныхъ веревочекъ. Этимъ-то скарачемъ родители подъчасъ и наказываютъ своихъ дѣтей.

На лѣвой стѣнѣ вбито желѣзко, подъ названіемъ *бабка*, это нѣчто въ родѣ лошадиной подковы, только гораздо тоньше, съ отверстіемъ для вставки лучинокъ; эта *бабка* по вечерамъ служитъ подсвѣчникомъ.

Амбары[1]) строятся крестьянами въ рѣдкихъ случаяхъ.

Лошадей ставятъ въ хлѣвахъ головами на сѣверъ или на югъ и старательно избѣгаютъ ставить ихъ головой на востокъ.

Дворы свои крестьяне наши содержатъ довольно опрятно. Въ праздники можно ихъ видѣть чисто выметенными, даже усыпанными желтымъ пескомъ, а гдѣ есть аеръ,—то аеромъ; гдѣ мѣстность низменная, тамъ прокапываютъ при строеніи канавы для стока воды. Нерѣдко при домахъ, гдѣ есть дѣвушки, можно встрѣтить въ огородѣ ими устроенный цвѣтникъ, въ которомъ онѣ разводятъ слѣдующіе любимые свои цвѣты: руту, мяту двухъ сортовъ: полевую, и гирилку — пеструю длинную, въ родѣ осоки, съ зелеными и бѣлыми полосками, георгины, піоны, настурцію, шпарги (т. е. шпинатъ), лиліи, нарцисы и наконецъ пизьмо—родъ

---

[1]) Амбаръ по мѣстному: *свиронъ*. И К.

крыжовника, цвѣтъ его желтый, непріятный. Весной и лѣтомъ дѣвушки дѣлаютъ себѣ изъ цвѣтовъ букеты, которыми украшаютъ себѣ голову.

Бань крестьяне нашей губерніи нигдѣ въ своихъ деревняхъ и селахъ не строятъ и многіе изъ нихъ даже и понятія не имѣютъ, что такое баня. Въ печахъ они тоже никогда не парятся, за исключеніемъ только такихъ случаевъ, когда на кого изъ членовъ семейства нападетъ короста (чесотка). Тогда одержимаго этой болѣзнію сажаютъ въ недавно истопленную печь минутъ на 10, не болѣе, послѣ чего его обмываютъ тепленькой водой.

Въ городахъ и мѣстечкахъ евреи содержатъ торговыя бани, съ которыхъ выручаютъ порядочный доходъ. Не смотря на отсутствіе въ нашихъ селахъ бань, крестьяне и крестьянки наши всегда однако чистоплотны и опрятны. Лѣтомъ они купаются въ рѣкахъ, прудахъ и другихъ ближайшихъ источникахъ, а зимою хозяйка нагрѣетъ горшокъ воды, нальетъ въ ушатокъ, либо въ ночвы—и всѣ взрослые члены семейства мужскаго пола поочередно моютъ себѣ этой водой голову, шею и тѣло до пояса, снявши, разумѣется, рубаху и оставаясь въ штанахъ. Такимъ же образомъ моются и женщины. Малолѣтнихъ дѣтей, когда моютъ, раздѣваютъ до нага. Взрослыя же дѣвушки моются только въ отсутствіи мужчинъ.

Б. Пища.

Печеніе хлѣба [1]) производится слѣдующимъ образомъ: съ вечера растворяютъ въ квашнѣ ржаную муку, на *крыщинахъ* (гущѣ

---

[1]) Считаю нужнымъ привести здѣсь выписку изъ письма почтеннаго И. О. Карскаго при посылкѣ настоящей его статьи:

«Прилагая при семъ письмѣ посильный свой трудъ о пищѣ, одеждѣ и обуви, равно какъ о питаніи малолѣтнихъ дѣтей крестьянъ Гродненскаго уѣзда, смѣю увѣрить, что въ моемъ описаніи все сущая правда. Хотя я по происхожденію изъ дворянъ, но отецъ мой, служившій причетникомъ при церкви въ селѣ Лашѣ, былъ обремененъ многочисленнымъ семействомъ, имѣлъ своихъ 8 человѣкъ дѣтей, да 6 дѣтей—сиротъ отъ своихъ умершихъ братьевъ, да самъ-другъ съ женой, итого, стало быть 16 человѣкъ. Поэтому мы жили очень бѣдно и жизнь наша ничѣмъ не отличалась отъ крестьянской

отъ кваса). Въ Гродн. губ. квасъ всегда держатъ въ *дежахъ* и при растворѣ хлѣба квасъ сливаютъ въ какую-нибудь посуду, а на остающейся гущѣ (крыщинахъ) растворяютъ хлѣбъ, который скоро укисаетъ, и на другой день, рано утромъ, часовъ въ 5, въ растворъ сыплютъ ржаную муку, и хозяйка или какая-либо изъ взрослыхъ дочерей или невѣстокъ мѣситъ его руками. Замѣсивши, дѣлаютъ крестъ на тѣстѣ и ставятъ дежу на особенную подставку, которая всегда стоитъ среди хаты на полу. Когда тѣсто взойдетъ, поднимется, то затопляютъ печь, въ которую сначала посадятъ *рагойжъ*, — круглая лепешка, на подобіе блина, толщиной въ вершокъ, вѣсомъ отъ 3-хъ до 4-хъ фунтовъ. По выемѣ рагойжа изъ печи его тотчасъ ѣдятъ съ капустой или борщемъ. Затѣмъ сажаютъ и хлѣбъ. Хлѣбовъ дѣлаютъ нѣсколько: большихъ, не болѣе четырехъ, каждый вѣсомъ отъ 30-ти до 50-ти фунтовъ: ихъ называютъ *бохóнами*— и одинъ хлѣбъ малый—отъ 10 до 20 ф., первый называется *бондою*, а второй, меньшій—*бондячкою* или *гускою*. Кромѣ того дѣлаютъ еще одинъ хлѣбъ—6-ой, отъ 3—5 ф., который носитъ названіе: *подскрёбокъ*. Если въ домѣ есть малыя дѣти, то для каждаго изъ нихъ пекутъ фунтовыя булки, на подобіе птицы и называютъ ихъ *гусочками*.— Хлѣбъ обыкновенно сидитъ въ печи часовъ 8.

Осенью, начиная съ 1-го октября, крестьяне наши пекутъ булки изъ гречневой муки, иногда изъ пшеничной, гдѣ пшеница въ изобиліи, а въ крайнихъ случаяхъ изъ ячменной муки. Бѣдные крестьяне пекутъ всѣ эти *булки* безъ всякой начинки и все-таки ихъ называютъ пирогами.

На обѣдъ сначала обыкновенно подаютъ борщъ или капуста, на 2-ое — *крупникъ* или *брушку*, затѣмъ *дѣлянку*, которую самъ господаръ разрѣзываетъ на мелкіе кусочки и посолитъ. Всѣ застольники чинно берутъ и ѣдятъ. Какъ передъ обѣдомъ, полуднемъ и ужиномъ, такъ и послѣ этихъ трапезъ

исключая одежи. Столъ нашъ былъ тотъ же, что у крестьянъ и всѣ упоминаемыя въ моемъ описаніи кушанья употребляемы были и у насъ. Они никогда не изгладятся изъ моей памяти». И. К.

всегда всѣ крестятся и говорятъ: «Дзяку Пану Богу за обѣдъ, полудзёнъ или за вечёру»; отца и мать никогда не благодарятъ.

Въ октябрѣ крестьяне рѣжутъ барановъ, солятъ ихъ въ прокъ и изъ этого мяса приготовляютъ себѣ лакомыя кушанья до 14-го ноября. Обѣдъ въ это время состоитъ изъ двухъ слѣдующихъ блюдъ: 1) борщъ съ бараниной и 2) брюква съ картофелемъ—тоже съ бараниной. 1-го октября у каждаго крестьянина-хозяина приготовляются въ честь праздника гречневые пироги, которые несутъ въ церковь, въ жертву, вмѣстѣ съ цѣлымъ сырымъ бараньимъ бокомъ. Таковая жертва идетъ въ пользу причта. Ужинъ большею частью состоитъ изъ гречневой *защирки*, которую подкрашиваютъ бараньимъ растопленнымъ саломъ, а иногда на ужинъ приготовляютъ картофельную кашу. Однообразіе стола нашихъ крестьянъ продолжается до *дѣдовъ*, которые обыкновенно бываютъ около 28-го октября и всегда въ субботу. Наканунѣ этого дня, т. е. въ пятницу, бабы, уже съ 12 ч. начинаютъ готовить слѣдующія кушанья: 1) *Квашенину*, т. е. *холодецъ*—изъ бараньихъ ножекъ, головы и брюха, 2) пироги, 3) гречневую кашу съ саломъ, 4) капусту съ мясомъ, 5) супъ ячменный съ мясомъ, 6) горохъ сухой, называемый *пороны*, 7) оладьи изъ гречневой муки и 8) мясо жареное. Мясо всякаго рода—вареное въ супѣ, въ борщѣ, въ капустѣ и т. д. крестьяне наши называютъ *дѣлянкою*, а жареное—*печенкою*[1]). На *дзѣдэ*, въ субботу крестьяне обѣдаютъ очень рано: въ 5 часовъ утра. *Дзѣдэ* соотвѣтствуютъ великорусской поминальной Дмитріевской субботѣ. Хотя крестьяне наши эту субботу празднуютъ, но въ церковь въ этотъ день не ходятъ, а отправляются туда только въ слѣдующее воскресенье и берутъ съ собою баранью ногу и хлѣба и имъ одѣляютъ всѣхъ нищихъ, которыхъ въ этотъ день очень много тутъ собирается. При подачкѣ нищему хлѣба обыкновенно говорятъ: «*помалися Богу за души змарлыя*, напр. *Антося*, *Рыгира*, *Петруки*, *Баутруки*, *Тумоша*, *Гацесю*, *Галёны* и пр. Нищій въ свою очередь отвѣ-

---

[1]) и (въ Витебск. г.): *пячистою*. Ш.

чаетъ: «Припомни, Божа, душачка змарлые Антося и т. д. при мшахъ, при нешпорахъ, при рожаницахъ, при голосныхъ звонахъ» и пр. И тотъ изъ нихъ, который больше болтаетъ, пользуется и бо́льшею лептою и приноситъ онъ домой полныя торбы хлѣба и мяса, а который мало говоритъ, тотъ возвращается домой съ пустыми торбами. Вообще во время *дзѣдоў* никогда не заказываютъ ни обѣдни, ни панихиды.

Съ 14-го ноября до 24-го декабря ежедневный столъ слѣдующій: 1) борщъ, подтертый сырымъ чеснокомъ или конопляным масломъ, 2) брюква съ картофелемъ съ тѣмъ же масломъ, если есть,—то съ грибами. Постнаго масла крестьянинъ нашъ никогда не купитъ. На 2-ое блюдо подаютъ горохъ съ картофелемъ. На ужинъ варятъ картофель неочищенный, который при ѣдѣ обмакиваютъ въ разсолъ отъ сельдей, *въ волякъ* [1]) и въ рѣдкихъ случаяхъ варятъ супъ изъ одного картофеля. Супа ячнаго постомъ никогда не варятъ.

Къ этому нужно прибавить, что у крестьянъ нашего уѣзда ко всякому торжественному празднику, какъ церковному, такъ и семейному считается непремѣннымъ долгомъ приготовить особенныя, такъ сказать *традиціонныя* обрядовыя кушанья [2]).

На сочельникъ (на постную кутью 24-го декабря и 5-го января) 24-го декабря приготовляютъ слѣдующія кушанья: 1) бобъ или горохъ, 2) овсяный кисель съ конопляным или маковымъ молокомъ, 3) кутью изъ перловыхъ крупъ, которыя крестьяне сами приготовляютъ въ ступахъ, но отнюдь не покупаютъ, бѣднымъ же состоятельные сосѣди обыкновенно дарятъ около двухъ гарнцевъ. Готовятъ же нѣсколько сельдей, уху изъ грибовъ, овсяный кисель, супъ изъ грушъ сушеныхъ, кутью, — отнюдь несладкую, съ однимъ только конопляным молокомъ.

На Рождество Христово. Обѣдъ въ этотъ день всегда бы-

---

1) Волякъ этотъ каждый крестьянинъ расходуетъ въ постъ 3 гарнца; гарнецъ стоитъ 2 коп. сер. И. К.

2) Этого исконнаго обычая (съ нѣкоторыми только видоизмѣненіями, требуемыми мѣстными условіями) крѣпко придерживаются бѣлоруссы всѣхъ губерній С.-З. края Ш.

ваетъ рано, около 9-ти часовъ утра. Первое блюдо—капуста съ мясомъ, на втброе—*панцакъ*: супъ изъ перловыхъ крупъ, съ мясомъ; на третье—самое лакомое блюдо: *верещага*, которая состоитъ изъ бураковаго разсола или квасу, куда кладутъ нѣсколько фунтовъ свѣжаго свиннаго сала, разрѣзаннаго на малыя кусочки (около 30), фунта три колбасы, свиного ребра, затѣмъ лукъ и перецъ.

На Васильеву кутью: *куцьця съ каўбасою* и компотъ и все это вмѣстѣ варятъ очень долго, изъ чего наконецъ выходитъ довольно лакомое кушанье.

Отъ 7-го января до великаго поста въ употребленіи слѣдующія кушанья: на обѣдъ—капуста съ свинымъ саломъ, по дѣлянки не даютъ; супъ варятъ ячменный, тоже съ саломъ и тоже безъ дѣлянки. Въ воскресные и праздничные дни подаютъ дѣлянки изъ бараньяго мяса, которыя прекращаются съ воскресеньемъ на заговины.

Въ великій постъ ѣдятъ то же самое, что въ постъ Рождественскій, заисключеніемъ солодухи, которую приготовляютъ изо ржи, съ прибавленіемъ гречневой муки. Великій постъ крестьянами соблюдается строго. На ужинъ очень часто приготовляютъ сырую капусту съ коноплянымъ молокомъ, трутъ рѣдьку съ тѣмъ же молокомъ, а иногда сырую капусту подтираютъ печеною головкой селедки.

Пасха. Въ этотъ праздникъ пекутъ булки пшеничныя, большею частью изъ черной муки, т. е. непеклеванной, а смолотой дома въ жерновахъ. Зажиточные крестьяне пекутъ бѣлыя булки, но пироговъ никто изъ крестьянъ никогда не приготовляетъ. Красятъ яйца большей частью въ желтый и зеленый цвѣтъ, но иногда и въ красный и синій. Варятъ окорокъ свиной, сыръ, колбасы и вмѣстѣ съ хлѣбомъ-солью несутъ въ церковь освящать.

Послѣ Пасхи, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ варятъ капусту съ саломъ, чечевицу съ картофелемъ и съ саломъ, и горохъ—тоже съ саломъ.

Съ 23-го апрѣля на поляхъ начинаютъ рости различныя

травы, какъ-то: во ржи и пшеницѣ—васильки (по гродн.—валожка); на яровыхъ посѣвахъ—свѣрепица[1]), рѣдька[2]), скрипица[3]), крапива; въ огородахъ: лебеда, чарнобуль[4]), жешка, си неводъ и въ крайнихъ случаяхъ—дразепъ, несносная трава. Воложка и лебеда составляетъ лакомое кушанье.

Крестьяне Гродн. уѣзда варятъ названныя травы слѣдующимъ образомъ. Валожку чисто перемываютъ въ водѣ и, изрубивши мелко на мелко, бросаютъ въ горшокъ, куда прибавляютъ $^1/_2$ ф. ячменныхъ крупъ, $^1/_{16}$ ф. свиного сала, 2 гарнца картофеля, и когда подаютъ на столъ, то нальютъ туда еще около трехъ квартъ свѣжаго молока. Въ такомъ размѣрѣ приготовляютъ это блюдо человѣкъ на 10—12 (воложка или васильковъ—около 10 ф.). Такимъ же образомъ приготовляютъ и лебеду, свѣрепицу, скрипицу, рѣдьку и синеводъ, исключая чарнобуля, который варятъ вмѣсто борща, т. е. съ квасомъ, а гдѣ есть щавель, то варятъ и его, но безъ мяса, а только забѣливаютъ сметаной. Упомянутые мною выше травы крестьяне варятъ себѣ ежедневно на обѣдъ, а въ неурожайные годы, въ день по два раза, что̀ продолжается до первыхъ чиселъ іюня. Въ это время травы про-

---

1) Эта трава весной растетъ на поляхъ и въ огородахъ, въ яровомъ хлѣбѣ, преимущественно въ овсѣ и ячменѣ. Она цвѣтетъ желтымъ цвѣтомъ и во время цвѣтенія заглушаетъ собою овесъ, но потомъ пропадаетъ. Листья свѣрепицы похожи на листья рѣпы, корни ея очень тонки и ихъ никто не кушаетъ, но листья варятъ и ѣдятъ. И. К.

2) *Рѣдька* — зелень весьма похожая на свѣрепицу, но отличается отъ нея формою листьевъ. Рѣдька всегда въ большомъ количествѣ, чѣмъ свѣрепица. Цвѣтетъ она желтымъ цвѣтомъ. Въ концѣ іюня можно видѣть въ овсѣ какъ рѣдьку, такъ и свѣрепицу въ большомъ изобиліи. Обѣ эти травы тогда только собираютъ для стола, когда онѣ не въ полномъ ростѣ, въ 2-хъ, 3-хъ листьяхъ, а позже ихъ собираютъ только для корма скоту. Листья рѣдьки похожи на листья рѣдисы, а листья свѣрепицы на листья рѣпы. Корни рѣдьки также тонки и ихъ тоже не ѣдятъ. И. К.

3) Скрипица растетъ большею частію на паровыхъ поляхъ, особенно тамъ, гдѣ почва гористая и каменистая. Если скрипицу взять въ руку и потереть, то она скрипитъ. Цвѣтетъ она бѣлымъ цвѣтомъ; листья ея довольно толстые и нѣжные, ее можно скорѣе сварить подобно лебедѣ. И. К. NB.: Что за зелень *жежка* и *синеводъ* г. К. не объясняетъ. Ш.

4) Чарнобуль растетъ пирамидально; листья его сверху зеленые, а снизу бѣлые. И. К.

падаютъ, а въ огородахъ, на посаженной брюквѣ выростаютъ листья, которые обламываютъ и варятъ, подобно воложкѣ, а листья бураковъ замѣняютъ борщъ. *На Вознесеніе:* капуста съ окорокомъ, супъ ячный съ окорокомъ же и яичница съ колбасою, называемой *паршивой*.

На Троицѣ—то же, что на Вознесеніе; только вмѣсто яичницы *паршивой* приготовляютъ изъ гречневой муки съ саломъ другого рода яичницу, которая запекается въ печкѣ въ макотрѣ (верцѣхѣ).

На Троицѣ крестьяне ѣдятъ въ послѣдній разъ мясо, котораго больше не употребляютъ вплоть до 15-го августа, а свои обычныя кушанья во все это время заправляютъ свинымъ саломъ и забѣливаютъ молокомъ. Съ іюня мѣсяца до августа, на ужинъ варятъ затирку съ молокомъ. Для 10 человѣкъ въ затирку льютъ 1 гарнецъ молока. Отъ 25 іюля до 15 августа, къ листьямъ брюквы прибавляютъ въ маломъ количествѣ свѣжій картофель, приблизительно на 10 челов.—$1/2$ гарнца. Съ 15-го августа крестьяне картофеля употребляютъ очень много, приблизительно 12 гарнцевъ на семью, состоящую изъ 8 душъ. Варятъ горошекъ, картофель съ водой, который забѣливаетъ молокомъ. Этотъ супъ называютъ *бульбонъ*, а иногда подкрашиваютъ саломъ. Весной и лѣтомъ крестьяне мяса никогда не ѣдятъ, но въ праздники и въ воскресные дни 3-ье блюдо бываетъ яичница. Ее приготовляютъ слѣдующимъ образомъ: 2 кварты молока, куда разбиваютъ 10 яицъ, все это забалтываютъ и ставятъ въ горячую печь, откуда она выходитъ довольно жидка, а иногда прибавляютъ гречневой муки $1/2$ ф. или фунтъ и сала, а иногда макотру картофельной каши жидкой, куда прибавляютъ одинъ гарнецъ свѣжаго молока, 10 яицъ и ставятъ макотру въ горячую печь, гдѣ и запекается (макотра называется также верцѣхою).

На крестинахъ: Ячменный супъ (кулѣшъ) съ мясомъ и разнаго сорта каши, какъ-то: гречневая, ячменная, бульбенная (картофельная), но главную роль тутъ играетъ яичница (*яéшня*).

На свадьбу должна быть непремѣнно капуста съ мясомъ, за-

тѣмъ мясо жареное, если зимой, то непремѣнно колбаса. Для закуски послѣ водки пекутъ булки и варятъ мясо.

На похороны и поминки: капуста съ мясомъ, *кулѣшъ* (ячменный супъ). *Кутьи* на поминкахъ никогда не бываетъ.

B. Одежда.

а) мужчинъ.

Рубахи мужчины носятъ всегда бѣлыя, изъ тонкаго холста, называемаго кужеля, съ среднимъ воротникомъ, съ прямымъ до пупа прорѣзомъ на груди, поверхъ штановъ, длиною—до колѣнъ и длиннѣе, опоясывая ее разноцвѣтнымъ узкимъ поясомъ. Воротникъ рубахи застегивается большей частью металлической *шпонкой*, изъ красной или желтой мѣди, но иногда и шнурочкомъ. Лицевая сторона шпонки блестящая. Шпонка стоитъ отъ 2 до 5 коп. Лѣтомъ мужчины носятъ вмѣсто штановъ холщевыя, бѣлыя подштанники, а зимою штаны суконныя. Тѣ и другіе называются *гáновицы*.

Верхняя одежда мужчинъ и женщинъ—лѣтомъ свитка или сермяга изъ домашняго сукна, бѣлаго или сѣраго цвѣта. Свитки шьются длинные до пятокъ, съ прорѣзомъ для кармановъ, которые пришиваются только въ случаѣ надобности, а у дѣвокъ и женщинъ свитки эти бываютъ покороче. Зимою и мужчины и женщины носятъ кожухи одинакого покроя.

И зимой и лѣтомъ мужчины носятъ шапки теплыя, барашковыя—изъ сѣрыхъ или черныхъ барановъ. Верхъ шапки бываетъ изъ чернаго или синяго сукна: шапки эти стягиваются сзади короткой, синей ленточкой. Почти по всей Гродненской губерніи шапки носятъ съ козырьками, довольно приличныя, но большею частью соломенныя шляпы собственнаго издѣлья, очень красивыя, стоимостью отъ 20-ти до 60-ти коп. Шляпы изъ лучшей ржаной соломы, плетенныя въ зубки, называются: *плещенки-зубатки*.

Волосы крестьяне наши носятъ довольно длинные, ровно кругомъ подстриженные, а спереди—чубы, короче подстриженные.

Усы, бороды и баки брѣютъ, но съ 1863 г. нѣкоторые крестьяне перестали брить послѣдніе.

б) женщинъ.

Женщины тоже носятъ рубахи бѣлыя, но изъ кужеля, а андаракъ или юпку холщевую, изъ домашняго холста въ клѣточки, или въ полосья синяго цвѣта съ бѣлымъ. Андараки подвязываютъ поясомъ. Передникъ тоже холщевый, но часто и ситцевый, бѣлаго или другого цвѣта. Завязывается передникъ кругомъ таліи бѣлыми тесьмами. На головѣ женщины и дѣвушки повседневно носятъ разноцвѣтные платки *голеўки*, стоимостью отъ 30 коп. и болѣе. Отправляясь въ церковь, женщины надѣваютъ на голову *чапцы́*, окаймленные красной ленточкой, а тѣ, которые побогаче, обшиваютъ чепецъ кругомъ брыжжами (родъ тюля). Только по чепцу можно отличить дѣвку отъ замужней женщины. Замужнія женщины носятъ на головѣ каптуры съ брыжжами и нацѣпляютъ *бандлики*. Дѣвки одѣваютъ на шею очень много разноцвѣтныхъ бусъ, шпурковъ до 15 и болѣе, которые называютъ *пацюрки*. Серегъ ни дѣвки, ни женщины не носятъ. Пацюрки же носятъ и *молодки*, но въ гораздо меньшемъ количествѣ; иные носятъ настоящіе кораллы и янтарные бусы. Нѣкоторыя дѣвушки носятъ *шнуроўки* [1]), обыкновенно изъ краснаго хорошаго сукна, безъ рукавовъ, обшиваемые спереди, кругомъ и сверху позументами (*галунами*), сзади фалдочки. Покрой этой *шнуроўки* объяснить трудно. Это что-то очень древняя одежда, она передается по наслѣдству изъ роду въ родъ, и говорятъ: «гэта шнуроўка аще мое́ баби матка носила». Въ настоящее время шнуровокъ болѣе не шьютъ. Праздничные платки у женщинъ и дѣвушекъ бываютъ бѣлые, красные и синіе съ бѣлыми точками Волосы свои дѣвушки заплетаютъ въ двѣ косы, но ихъ невидать, потому что онѣ обвертываютъ ихъ на головѣ въ родѣ шапки. Если только не постъ, то дѣвушки втыкаютъ въ головной свой платокъ 2 букета цвѣтовъ, лѣтомъ—живыхъ,

[1]) Объясненіе этого сл. см. выше, стр. 48, № 31.

а зимой искусственныхъ. Кромѣ того лѣтомъ женщины надѣваютъ черезъ плечо наискосокъ 3-аршинный платъ изъ тонкаго, бѣлаго холста или изъ хорошаго коленкору.

Обувь. Мужчины и женщины носятъ лапти 3-хъ сортовъ: 1) *ходаки* или *хвилянки*—это родъ башмаковъ грубой работы. Къ нимъ пришиваются 4 ушка для оборокъ. 2) Лапти изъ одной толстой кожи, на подобіе чолна; въ нихъ прокалываются съ правой стороны 5 дырокъ и съ лѣвой 5, а спереди—2, куда всовываются оборки, т. е. тонкія веревочки, въ родѣ бичевокъ, длиной въ 5 аршинъ, которыми обвертываютъ ноги. 3-ій родъ лаптей плетутъ изъ липовыхъ лыкъ и изъ лозы, подошвы къ нимъ пришиваютъ изъ старой кожи, большею частью изъ старыхъ голенищъ. Въ этихъ лаптяхъ бываетъ 12 ушекъ для застегиванія оборокъ. Въ церкви въ лѣтнее время мужчины стоятъ въ сапогахъ, а женщины и дѣвушки въ башмакахъ, чаровикахъ и панчохахъ (чулкахъ), которые они надѣваютъ только предъ входомъ въ нее и снимаютъ по выходѣ изъ нея, а туда и обратно тѣ и другія шествуютъ босикомъ, нося свою обувь — женщины подъ мышкой, а мужчины на палочкѣ на плечахъ. Поэтому неудивительно, что крестьяне часто хвастаются: «отъ! добрый рамéнь на моихъ ботахъ или чаботахъ, я ихъ ношу дванадцаты рокъ безъ *жадной* [1]) поправы».

Одежду свою крестьянки держатъ въ кублахъ съ крышками. Кублы эти держатъ обыкновенно въ каморкахъ. Сундуковъ вовсе у нихъ нѣтъ. Въ кублахъ же онѣ держатъ тонкій холстъ, *кужель*, *почеснину* и рукавники, до 500 аршинъ и болѣе, смотря по вмѣстимости кубла. Сверху холста въ кублѣ лежатъ праздничныя рубахи, платки, плахты, андараки, и въ ящикахъ (?)— стужки, *биндалики* [2]), *коронки* [3]), *жуковинки* [4]), *шпонки* [5]) *и чапцы*. Сермяги праздничныя вѣшаютъ на жердяхъ въ каморкахъ. Какъ шубы, такъ и сермяги крестьяне называютъ *свит-*

---

[1]) всякой; [2]) низшій сортъ кружева; [3]) высшій сортъ кружева; [4]) перстни; [5]) запонка, застежка. Сл. Носовича.

ками и свитами, названіе же *сермяги* вы рѣдко услышите. Вмѣсто шубы говорятъ: кожухъ.

в) шляхты.

Шляхта нашего уѣзда: мужчины вмѣсто сермягъ посятъ *сурдуты* до пятъ, въ родѣ ксендзовскихъ, изъ такого крестьянскаго сукна домашняго производства, и только немногіе изъ нихъ красятъ это сукно въ черный цвѣтъ. Если же сукно не крашенное, а сѣрое, тогда, гдѣ есть шовъ, тамъ нашиваютъ черную или бѣлую ленту. Нѣкоторые носятъ капоты изъ сѣраго сукна съ металлическими желтыми пуговицами (гузиками); на шеѣ носятъ желтые платки. Обувь у шляхты: сапоги и ходаки; въ сапоги они обыкновенно кладутъ пучекъ соломы.

Шапокъ, кромѣ національныхъ конфедератокъ, не носятъ. Эти конфедератки обыкновенно изъ синяго сукна, опушонные сивыми барашками. На верху шапки кисточка (кутасикъ) бѣлая на шнуркѣ, которая па зиму зашивается внутрь шапки, такъ что ея не видать, а на весну опять выпускаютъ наружу. Шапки эти довольно высокія. Шляхтянки же платья изъ домашняго сукна никогда не носятъ, а носятъ кофты и *алигерки* изъ фабричнаго матеріала; обуваются въ башмаки, на головѣ у нихъ чепчики особеннаго покроя, изъ подъ которыхъ сзади виднѣются въ волосахъ высокія гребни. Шляхтянки съ самаго младенческаго возроста носятъ серьги, крестьянки же никогда этого не дѣлаютъ. Въ костелъ шляхта ходитъ въ пестрыхъ кофтахъ яркаго цвѣта, остальной же костюмъ такой же, какъ у крестьянокъ. Зимой шляхта носитъ овчинные тулупы, крытые простымъ домашнимъ сукномъ.

Г. Воспитаніе дѣтей.

Дѣтей своихъ крестьянки кормятъ грудью до двухъ, чаще до трехъ лѣтъ. Мнѣ часто встрѣчалось быть очевидцемъ, какъ трехлѣтній ребенокъ подносилъ матери табуретку (слонъ, слончикъ) со словами: «Матуля! или маци! дай мнѣ цыцки поссаць»

(т. е. пососать). И мать, бывало, сядетъ, дастъ ему грудь, и пососавши сколько ему хотѣлось, онъ обыкновенно прибавлялъ: «а циперъ, маци, дай мнѣ поѣсьци!» И тутъ же мать нальетъ ему въ миску борщу или другую похлебку. При этомъ нужно однако замѣтить, что до трехъ лѣтъ грудью кормятъ своихъ младенцевъ только тѣ матери, у которыхъ дѣти рѣдко рождаются, а у которыхъ часто — тѣ ихъ кормятъ до 2-хъ лѣтъ и менѣе, но меньше $1\frac{1}{2}$ года никто не кормитъ.

Уже на 4-мъ мѣсяцѣ крестьянки даютъ своимъ дѣтямъ свѣжее молоко, растопленное коровье масло, но часто и овечье. (Надо имѣть въ виду и то обстоятельство, что крестьяне нашего уѣзда обыкновенно доятъ овецъ, начиная съ 23-го апрѣля до 15-го августа, и это молоко употребляютъ себѣ въ пищу). Полугодовыхъ дѣтей крестьянки кормятъ гречневой кашей, которую сверху обливаютъ молокомъ. Бѣдныя же крестьяне вмѣсто каши кормятъ своихъ младенцевъ *кормушкой*, т. е. рѣжутъ мелкими кусочками черный хлѣбъ, обливаютъ водою и такъ варятъ и выходитъ своего рода каша. Но, къ сожалѣнію, эта кормушка причиняетъ много вреда малымъ дѣтямъ, отъ нея дѣлается сильное разстройство желудка и часто оканчивается смертью.

Пеленаютъ младенцевъ въ *пялюшки* (тряпки изъ стараго бѣлья) и запелениваютъ поясомъ въ 2 вершка ширины и $2\frac{1}{2}$ аршина длины. Держатъ младенцевъ въ люлькахъ (колыбелкахъ), а лѣтомъ, во время жатвы, бабы берутъ дѣтей съ собою въ поле, гдѣ, связавъ 3 или 4 снопа ржи или другого хлѣба, поставитъ ихъ такъ, что образуется тѣнь, разстелютъ сермягу и на нее кладутъ ихъ спеленатыми, давши имъ въ ротъ соску, сдѣланную изъ холщевой тряпки, въ которую положатъ разжеванный кусочекъ хлѣба съ сахаромъ. Хорошо если дитя спокойное, если же нѣтъ, то мать съ досады пошлепаетъ его и скажетъ: «ляжы́, подло, капъ ты лёхъ крыцаю».

Въ случаѣ болѣзни дѣтей (болятъ онѣ большею частью брюшными болѣзнями) къ докторамъ рѣдко обращаются, а несутъ ихъ къ деревенскимъ бабкамъ. Взявши изъ рукъ матери ребенка,

бабка немедленно вымоетъ его въ теплой водѣ, растирая ему мыломъ грудку, перевернетъ его три раза *на отмйу*, слегка ударивъ его ладонью по пяткамъ тоже трижды, и затѣмъ передаетъ его матери со словами: «циперъ будзе уже здоровы́ или здоровая».

Отъ испуга и чаровъ обкуриваютъ ребенка *свянцонным зельлемъ*. А если это не поможетъ, то его (отъ одного мѣсяца до года), когда замѣсяцъ хлѣбъ кладутъ въ квашню сверхъ тѣста и закрывши крышкой, продержатъ тамъ около получасу. Если ребенокъ станетъ кричать, ему даютъ соску и говорятъ: «якъ ёнъ гэто на цѣсьцѣ пронοцѣе, то будзе вельми здороў и чароў не боицца, бо лежаў на дару Боскомъ».

Случается, что дитя въ дежѣ умочится, но хозяйка мать этимъ нисколько не сконфузится, а скажетъ: «э свое дзиця, не чужое и хлѣпъ нашъ; што зробиць,—зьѣмо, не умремо». Если такого рода лѣченіе не поможетъ, то обращаются къ знахару или знахаркѣ, впрочемъ весьма рѣдко, такъ какъ ихъ въ нашемъ уѣздѣ очень мало. Въ уѣздахъ же Брестскомъ, Пружанскомъ и Кобринскомъ, гдѣ ихъ въ изобиліи, тамъ чаще всего къ нимъ обращаются во всѣхъ болѣзняхъ и недугахъ.

Если дитя начинаетъ ходить, то мать при первомъ его самостоятельномъ шагѣ ножемъ проведетъ черту между его ножекъ по землѣ, говоря: «циперъ ёнъ будзѣ ходзицъ, бо я яму (или ей) пуцѣчко разрѣзаў[1]).

Волосы ребенку принято стричь на третьемъ году. Передъ стрижкой мать непремѣнно расчешетъ ему волосы, приговаривая: «Дай Боже ласка́вы, канъ ты николи не заблудзіў (или заблудзила) и шоў (или шла) простою дорошкою».

На 4-мъ, 5-мъ или 6-мъ году мать научаетъ ребенка креститься и говорить, утромъ вставши: «Нейца, Сына, Духа свентего, аменъ. Дзяку тебѣ, Пане Божа, што заховаў ночанку и прождаў дня святого»! Вечеромъ она ихъ учитъ молиться такъ:

---

[1]) Этотъ суевѣрный обычай практикуется почти у всего русскаго народа,—не у однихъ только крестьянъ. Ш.

Дзяку Табѣ, Пане Божа, што дзенекъ пережыў и ночанки святуо или дождаўся».

На 8-мъ и 9-мъ году мать обучала ребенка болѣе длиннымъ молитвамъ, какія только сама знала, большею частію польскія, въ родѣ: «Ойче нашъ», и проч. Такъ училось молодое поколѣніе молитвамъ до 1863 года. Въ настоящее время дѣти крестьянъ нашихъ учатся молитвамъ, какъ слѣдуетъ, чисто православнымъ, благодаря существующимъ вездѣ въ краѣ министерскимъ и церковно-приходскимъ училищамъ.

Дѣти нашихъ крестьянъ уже съ малыхъ лѣтъ начинаютъ привыкать къ труду вообще и къ нужнымъ въ хозяйскомъ обиходѣ работамъ въ особенности. Такъ напримѣръ какъ мальчики, такъ и дѣвочки отъ 8-ми до 15-ти лѣтъ въ лѣтнюю пору уже пасутъ въ полѣ лошадей и воловъ отъ 5 часовъ вечера до заката солнца и отъ 3 часовъ ночи до 8 утра, но настоящими пастухами они не бываютъ, потому что пастухъ на все лѣто нанимается обществомъ.

Уже съ 15-лѣтняго возраста отцы пріучаютъ своихъ сыновей косить, пахать, боронить и прочимъ работамъ. Взрослый мужчина долженъ умѣть сдѣлать все необходимое по хозяйству, а именно: кромѣ полевыхъ работъ онъ долженъ умѣть насадить косу, сдѣлать соху, борону, колёсы [1]), сани и все это починять; далѣе онъ долженъ умѣть построить хату, хотя вчернѣ; долженъ знать и столярную часть, умѣть сдѣлать двери, рамы къ окнамъ и т. п. и рѣдко кто изъ крестьянъ нашего уѣзда не умѣетъ сдѣлать перечисленныхъ мною работъ. Многіе изъ нашихъ поселянъ занимаются и бондарствомъ: дѣлаютъ бочки, ушаты, ведры, ночвы, миски, ложки бѣлые, некрашенныя, которыя сбываютъ на базарахъ. Въ слѣдующихъ 5 деревняхъ нашего уѣзда Копціовщизнянскаго прихода: Малаховичахъ, Великой Ольшаницѣ, Малой Ольшаницѣ, Гибуличахъ и Цвикличахъ приготовляютъ глиняную посуду, которую сбываютъ на базарахъ въ Гроднѣ,

---

[1]) т. е. телѣги.

Индурѣ и другихъ мѣстечкахъ. Въ этихъ деревняхъ хатъ около 90 и во всѣхъ почти занимаются приготовленіемъ глиняной посуды.

Верхнюю одежду крестьяне сами не шьютъ, а отдаютъ шить евреямъ.

Печки же въ своихъ хатахъ крестьяне сами бьютъ изъ глины, а нѣкоторые складываютъ ихъ изъ кирпичей.

Дѣвочекъ мать, въ свою очередь, обучаетъ, уже съ 7-ми лѣтъ прясть,—сперва *валъ*, толстое *пáкульля* (пакля), отрепье, потомъ лучшій сортъ той же *пакульля*, а затѣмъ ленъ и волну, а также жать, полоть и т. д. и наконецъ ткать разные холсты и сукно, шить бѣлье и все нужное въ домашнемъ быту, кромѣ панчохъ, которыя не принято самимъ вязать: ихъ вяжутъ жидовки за плату отъ 8-ми до 12 копѣекъ за пару. Нѣкоторыя дѣвушки умѣютъ вязать крючкомъ простыя кружева (коронки), которыми обшиваютъ себѣ передники и воротники рубахъ, и такой же доброты вяжутъ себѣ чепчики, которые носятъ обыкновенно подъ платкомъ.

Д. Занятія крестьянъ.

Единственное занятіе крестьянъ нашего уѣзда остается земледѣліе. Если у нихъ земли недостаточно, а арендовать или просто нанимать негдѣ, то лишніе члены семьи нанимаются въ батраки, или же ходятъ на поденщину, другими промыслами не занимаются. Впрочемъ лѣтомъ крестьяне доставляютъ на своихъ подводахъ въ мѣстечко соль съ барокъ на пристаняхъ рѣки Нѣмана изъ за 20 и до 30 верстъ.

До реформы и устройства желѣзныхъ дорогъ многіе помѣщики отдавали въ наемъ своихъ крестьянъ евреямъ — купцамъ, для проведенія бичевой барокъ до Кролевца (Кенигсберга). Помѣщики брали съ евреевъ за человѣка—отъ 50—60 рублей, а послѣдніе крестьянамъ выдавали только по 3 рубля. Барки (вицины) тащили по Нѣману рѣкѣ отъ начала апрѣля и возвращались домой около 15-го августа. Казенные же крестьяне на-

нимались сами добровольно. На другіе же промыслы никогда и ни откуда не отправлялись. Попробуйте сказать крестьянину нашего уѣзда, чтобы онъ пошелъ на заработки за 100 или 200 верстъ, такъ онъ непремѣнно вамъ скажетъ: «Хиба ошалѣўшы, што пойду на край свѣта?» Если же казенные крестьяне и ходили до Кролéвца (Кёнигсберга), то очень немногіе и неохотно, а крѣпостные ходили по неволѣ.

Крестьянки нашего уѣзда весьма трудолюбивы и хорошія мастерицы прясть и ткать. Почти каждая изъ нихъ можетъ въ теченіе зимы выпрясть и выткать до 150 аршинъ хорошаго холста средней толщины такъ называемаго *кужеля*. У каждой по нѣсколько дюжинъ рубахъ, юбокъ, платковъ и въ запасѣ по 500 и болѣе аршинъ холста разнаго сорта, изъ котораго однако сбываютъ на базарѣ только небольшое количество. Въ годъ хозяйка продастъ холста становъ около пяти (станъ — 3 аршина), но въ голодные годы продаетъ его гораздо больше, становъ— до 50, т. е. до 150 аршинъ и болѣе.

Скотъ крестьяне наши держатъ въ весьма ограниченномъ количествѣ, одну лошадь, рѣдко двухъ, одного или двухъ воловъ, двѣ или одну корову, пару овецъ, пару и больше, штукъ до 8-ми, свиней, и только.

Овецъ у насъ доятъ не только крестьяне, но и моя мать покойница ихъ доила. Молоко овечье хотя и отдаетъ навозомъ, но оно весьма жирное, и сыры изъ него очень вкусны.

Козъ во всей нашей губерніи никто изъ крестьянъ не держитъ. Вы ихъ встрѣтите только въ мѣстечкахъ, у евреевъ, на что крестьяне смотрятъ съ презрѣніемъ. «Якіе гэты жидэ́ дурные», говорятъ они, «трымаюць[1]) козъ! зъ ихъ нема ни якой поўды (пользы): молоко слизко, якъ сморкачь, а яны, пóдлы, ядýць гэто молоко!»

Со скотиной они обходятся всегда милосердно, жестоко ея не бьютъ и говорятъ: «Вóлики, короўки и говéчки свяццоно ку͡осточка, а коня погáне».

[1]) держатъ.

Если крестьянинъ нашъ и продаетъ скотъ, то только здоровый, но чаще онъ продаетъ лишь его приплодъ; себѣ же въ пищу онъ оставляетъ только больныя штуки. Если у него заболѣетъ волъ, корова, теленокъ, баранъ, овца, или свинья и видитъ онъ, что на ихъ выздоровленіе нѣтъ надежды, то никоимъ образомъ не допуститъ, чтобы его *живи́на* (скотина) *здохла* (подохла) и съѣли собаки, но непремѣнно ее зарѣжетъ, и въ такомъ случаѣ говорится не: «зарэ́заў, а дорэ́заў» [1]).

Изъ домашнихъ птицъ крестьяне держатъ куръ — отъ 3-хъ до 15-ти, иные держатъ и гусей отъ 3-хъ до 7-ми, которые обыкновенно выводятъ отъ 14-ти до 60 гусенятъ. Осенью же ихъ всѣхъ продаютъ. Нѣкоторые крестьяне прирѣчныхъ деревень держатъ и утокъ, но гдѣ рѣки нѣтъ, тамъ рѣдко вы встрѣтите этихъ птицъ.

Птичьимъ мясомъ крестьяне обыкновенно не пользуются. для своего стола, исключая только тѣхъ случаевъ, гдѣ того требуетъ установленный искони религіозный обрядъ. Такъ напримѣръ на *засѣвки* или *досѣвки* ржи они къ обѣду непремѣнно зарѣжутъ пѣтуха или гуска́. А помимо подобныхъ случаевъ крестьяне наши ни за что не рѣшатся зарѣзать курицу или цыпленка, даже во время серьезной болѣзни кого-нибудь изъ членовъ семейства, когда врачъ кромѣ куринаго супа не позволяетъ больному употреблять никакой другой пищи.

Перья домашнихъ птицъ для подушекъ въ употребленіи только у однихъ зажиточныхъ крестьянъ, и то они ихъ не щиплютъ, какъ это обыкновенно дѣлается у насъ, но рубятъ топоромъ, отчего подушки на практикѣ оказываются весьма неудобными. Болѣе богатые крестьяне совсѣмъ не пользуются этими перьями, а когда настаетъ въ нихъ надобность, какъ напримѣръ при выдачѣ замужъ своихъ дочерей, то и перья и пухъ покупаютъ у евреевъ. О перинахъ же наши крестьяне и понятія не имѣютъ. Обыкновенно они дѣлаютъ свои подушки изъ особенной травы, расту-

[1]) «Зарэ́заў» значитъ—здоровую, а «дорэ́заў» — больную К.

щей на мокрыхъ лугахъ; эта трава похожа на вату. Къ этой-то травѣ они прибавляютъ паклю, отчего подушки выходятъ весьма твердыми.

Пчелъ рѣдко у кого изъ нашихъ крестьянъ можно встрѣтить. Они считаютъ ихъ святыми: «Янъ церквы и косьцёлы освящáюць».

Е. Порядокъ дня и дневныя занятія въ теченіе года.

у крестьянъ нашего уѣзда остались, за малыми исключеніями, тѣже и теперь, какъ и до реформы. Рабочій день въ хатахъ всегда открывается трудами женщинъ-домохозяекъ. При крѣпостномъ правѣ онѣ вставали въ 2 ч. пополуночи, чтобы успѣть приготовить кушанья для домохозяина и другихъ тягловыхъ работниковъ семьи, выгонявшихся панскими войтами спозаранку на барщину: лѣтомъ въ поле, а зимою на молотьбу и др. работы. Въ настоящее же время хозяйки встаютъ только въ 5 ч. утра, а мущины еще позже.

Зимою, хозяйка, вставши, тотчасъ отправляется въ погребъ съ *сѣвенкой*, въ которую набираетъ тамъ картофеля, брюквы, капусты или бураковъ. Принесши все это въ хату, перечиститъ, приготовитъ, какъ слѣдуетъ и размѣститъ по горшкамъ; затѣмъ нальетъ горшки водою и поставитъ ихъ въ печь: два горшка съ кушаньемъ для семейства — рядомъ, а третій, въ промежуткѣ первыхъ, съ одной только *бýльбой* (картофелемъ)—для борова. Затѣмъ разложитъ между горшками огонь и непремѣнно перекреститъ его. Въ это-то время она, по большей части, читаетъ шепотомъ молитву, безъ малѣйшаго чувства благоговѣнія, а лишь по одной, съ дѣтства вкоренившейся привычкѣ. Если у нея есть дочери взрослыя, то онѣ садятся за прялку, прядутъ что-либо и тутъ такимъ же образомъ творятъ молитву. Маленькія же дѣвочки, отъ двухъ до 9-ти лѣтъ, спятъ очень долго и встаютъ только тогда, когда уже готовъ обѣдъ. Умывшись, онѣ читаютъ молитву подъ наблюденіемъ

старшихъ сестеръ или братьевъ. То же самое дѣлаютъ и мальчики. Взрослые же парни и мущины встаютъ позже женщинъ, приблизительно около 6-ти часовъ утра. Вставши, они первымъ дѣломъ осматриваютъ скотину, и тутъ на ходу читаютъ молитву, дадутъ корму только однимъ лошадямъ, а воловъ, коровъ и овецъ кормятъ позже, часа два спустя. Въ 8 часовъ завтракаютъ или, какъ они говорятъ—обѣдаютъ, послѣ чего мущины отправляются на токъ молотить, женщины принимаются за шитье бѣлья и починку стараго, а дѣвки за пряжу кудели. Въ 12 часовъ мущины вторично кормятъ скотину, а часъ спустя идутъ полудновать, и ѣдятъ то же самое, что ѣли въ обѣдъ. Послѣ полдника мущины опять отправляются молотить до 4 часовъ пополудня, а женщины занимаются кормленіемъ свиней и птицъ. Отъ 4-хъ до 5-ти часовъ всѣ собираются въ хату и ужъ больше ничего не дѣлаютъ. Это время называется *«шара годзина»*. Затѣмъ мущины вьютъ веревки, плетутъ полукошки, корзинки, шьютъ изъ лозы и соломы коробки разной величины: *шостнастки* (въ 12 гарнцевъ), *сьвинки* (въ 7 гарнцевъ), гарнцы,—плетутъ лапти разныхъ сортовъ, какъ-то: *постолы́*, *филянки*, *ходаки* и пр., починяютъ боты себѣ и *чаровики* бабамъ. Бабы въ это время продолжаютъ свои работы по хозяйству, дѣвки прядутъ и если ихъ въ хатѣ нѣсколько, то поютъ пѣсни, разсказываютъ сказки, загадываютъ загадки, но чаще всего онѣ по вечерамъ ходятъ поочередно на супрядки другъ къ дружкѣ, гдѣ зачастую и остаются ночевать. На супрядкахъ дѣвки прядутъ очень долго, нерѣдко за-полночь и все-таки на другой день встаютъ очень рано, такъ что всего на все онѣ спятъ въ сутки не болѣе трехъ часовъ, а къ 8-ми часамъ утра возвращаются уже домой къ обѣду.

По праздникамъ всѣ въ домѣ встаютъ въ 8 часовъ утра: мущины кормятъ скотъ, бабы и дѣвки сообща готовятъ обѣдъ, молятся такимъ же образомъ, какъ и въ будни, въ 10 часовъ обѣдаютъ и затѣмъ отправляются въ церковь, а дальніе, живущіе верстъ за 8 или за 10, обѣдаютъ еще раньше, но безъ

обѣда въ церковь никто и ни за что не пойдетъ, за исключеніемъ развѣ только того, кто желаетъ исповѣдоваться и причаститься. По выходѣ изъ церкви одни прямо идутъ домой, а другіе предварительно заходятъ въ корчму, гдѣ выпьютъ маленько и закусятъ, вечеромъ же, если не постъ, то туда отправляется и молодежъ и тамъ составляются у нихъ танцы.

Весной же, въ будни, мущины встаютъ тоже рано, часа въ 3—4, осматриваютъ соху, борону, хозяйка приготовляетъ обѣдъ, а взрослые парни отправляются съ лошадьми на ночлегъ, дѣвки выпускаютъ коровъ, воловъ на *позаранку*, а въ 7 часовъ пригоняютъ ихъ обратно домой и въ тоже время и парни пріѣзжаютъ съ лошадьми съ ночлега. Вся семья тогда садится за столъ, пообѣдаютъ, и вслѣдъ затѣмъ мущины отправляются въ поле пахать (горáць), парни борновать, а гдѣ парней нѣтъ, тамъ дѣвки заступаютъ ихъ мѣсто: Днемъ женщины ткутъ сукно и разнаго рода холстъ, бѣлятъ его, въ чемъ и взрослыя дочери имъ помогаютъ. Эта работа у нихъ продолжается до 24-го іюня. Съ этого числа мущины берутся за косы, начинаютъ косить сѣно, что продолжается до первыхъ чиселъ іюля, а дѣвушки и подростки ворошатъ, сушатъ сѣно, которое потомъ мущины возятъ домой. Покончивъ съ этой работой, женщины берутся за серпы и начинаютъ жать рожь и другой хлѣбъ, въ чемъ имъ помогаютъ мальчики, иногда и парни, мущины же никогда, такъ какъ въ это время они вздваиваютъ, т. е. пашутъ во второй разъ подъ посѣвъ ржи.

Лѣтомъ работа у всѣхъ спѣшная, кипучая. Мущины возятъ снопы домой и непремѣнно стараются, чтобы 30 іюля былъ испеченъ новый хлѣбъ.

Съ 1-го августа мущины пашутъ поле въ 3-й разъ (встраиваютъ), съ 15-го начинаютъ сѣять рожь и пшеницу, 6-го этого мѣсяца пробуютъ бульбу, а съ 15-го уже начинаютъ ее употреблять ежедневно въ кушаньѣ.

Въ церковь лѣтомъ наши крестьяне не охотно ходятъ, и по праздникамъ норовятъ какъ бы больше поспать въ сараѣ на

свѣжемъ сѣнѣ,—по вечерамъ ходятъ осматривать поле: нѣтъ ли потравы, *шкоды?* До 8-го сентября даже въ корчму они не ходятъ, развѣ только въ рѣдкихъ случаяхъ, и то только одни мущины.

Съ 8-го же сентября, когда празднуютъ *Богачъ*, крестьяне туда начинаютъ уже ходить почаще, такъ какъ съ этого времени начинается у нихъ и продажа хлѣба. Съ осени и въ церковь они чаще ходятъ, ѣздятъ и въ мѣстечко на базаръ съ своими женами и тамъ гуляютъ. Съ базара мать обыкновенно привозитъ взрослымъ дочерямъ хусци́нки, а отецъ товаръ на *постолы* или *боты*, маленькія же дѣти съ особенною радостью встрѣчаютъ свою мать, которая имъ привозитъ *пирогоў и обаранкоў*. Но отецъ, когда возвращается пьянымъ, что случается нерѣдко, встрѣчаетъ своихъ малютокъ *пугою*.

Осенью же, послѣ посѣва ржи, пшеницы и уборки съ полей гречихи и бульбы, начинаются сватовства, заручины, запоины и т. д.; заказываютъ въ церкви заупокойныя литургіи, панихиды, задаютъ сосѣдямъ и роднымъ обильные обѣды, на которые иногда приглашаютъ и церковный причтъ. Начиная съ осени и до Рождества народъ работаетъ весьма лѣниво, какъ мущины, такъ и женщины, потому что въ это время у него всего вдоволь, ни въ чемъ онъ не нуждается.

Ж. Отношеніе крестьянъ къ религіи и нравственности.

Крестьяне нашего уѣзда хотя и были присоединены къ православной церкви въ 1839 году, но вплоть до 1855 г. всѣ почти церковные обряды совершались на уніатскій ладъ. Ходили они, правда въ церковь, но молитвы и пѣсни церковныя тамъ читали и пѣли все польскія, и въ тоже время не въ состояніи были пропѣть по-русски даже: «Господи помилуй!» Если причетникъ или священникъ, бывало, предложитъ имъ это сдѣлать, то они обыкновенно отвѣчали: «Мы не москале́, капъ спѣваци «Господзи помилуй!» и т. п. Изъ пятитысячнаго числа душъ прихожанъ Ла-

шинскаго прихода едвали человѣкъ пять знали молитвы по-русски, хотя бы «Отче нашъ», а всегда молились по-польски, и то коверкая слова на свой ладъ. Одни только дворовые люди, которые научались польской грамотѣ при дворахъ своихъ пановъ, произносили молитвы правильно, знавшихъ же русскую грамоту приходилось считать въ то время едва ли не по одному на 100 душъ.

Въ настоящее же время видимъ уже грамотными почти половину подростающаго поколѣнія мужского пола и $10^1/_2$ процентовъ женскаго... Современная деревенская молодежь, какъ грамотная, такъ и неграмотная уже изучаетъ и знаетъ русскія молитвы, а польскія читаютъ только одни старики и старухи. Нельзя сказать, чтобы наши крестьяне и въ настоящее время посѣщали храмъ Божій усердно и охотно. Такъ напр. Лашинскій приходъ состоитъ теперь изъ 5000 душъ [1]), а между тѣмъ въ воскресные и праздничные дни въ церкви болѣе 200 человѣкъ не бываетъ, а часто и того менѣе. Во дни же храмовыхъ праздниковъ, какъ напр. 9-го мая — св. Николая Чудотворца, бываетъ около 3000 душъ, также и на *Зельну* (Успеніе) и на *Богача*, т. е. 8 сентября — Рождество св. Богородицы.

Жители всѣхъ деревень Лашинскаго прихода, находящихся въ недалекомъ разстояніи отъ Лаши [2]), казалось бы, могли почаще посѣщать церковь, но посѣщаютъ ее только изрѣдка и то безъ особаго къ ней влеченія. Бываютъ однако и исключенія: попадаются и очень усердные къ храму Божію крестьяне и крестьянки, но таковыхъ очень мало. Вообще должно сказать, что если они и ходятъ молиться, то охотнѣе въ костелъ, чѣмъ въ цер-

---

[1]) Въ недавнемъ прошедшемъ это число доходило до 7000 слишкомъ, но съ 1870 года третью часть прихода выдѣлили и построили для нея въ мѣстечкѣ Индурѣ особенную церковь и такимъ образомъ Лашинскій приходъ распался на два самостоятельные прихода. И. К.

[2]) Деревни отъ Лаши довольно близки, а именно: Сухая Долина 2 в.,— хатъ въ ней 120, Копціовщина 2 в.—дворовъ 21; Кавалачи-Великіе и Малые 2 в.—дворовъ 26, *Лиговка* 2 в.—24 хаты, *Зарубичи* 4 *в.*—40 хатъ, Баранова 4 в.—40 хатъ, Кругляны 3 в.—22 хаты, Калешники 3 в. — 16 хатъ и самыя дальнія деревни: Конюхи, Козлы и Могиляны отъ 4 до 12 в. И. К.

ковь. «Ўсе роўно хвала Боска», говорятъ они. Словомъ и къ костёлу они относятся съ такимъ же равнодушіемъ.

Въ 10-ти в. отъ села Лаши и въ 12 отъ Гродна есть село Копціовщина, гдѣ я съ 1855 по 1861-го годъ былъ псаломщикомъ и поэтому могу съ полной увѣренностью сказать, что я тамъ не зналъ ни одного крестьянина, ни одной крестьянки, которые были бы расположены къ церкви Божіей. Они если и ходили когда въ церковь, то весьма неохотно, такъ сказать вынужденнымъ образомъ, только для исповѣди. Крестить младенцевъ, вѣнчаться и хоронить умершихъ — всѣ эти требы совершались въ церкви, а въ воскресные и праздничные дни тамъ болѣе 10 бабъ и 2-хъ или 4-хъ мущинъ никогда не бывало. Послѣдніе, если и заходили туда, то съ тѣмъ, «капъ съ церкы зайци ў корчму да выпиць *чамярыцы*» (т. е. водки). Въ полуверстѣ отъ Копціовщины есть деревня Полотково, хатъ тамъ 20. Крестьяне (Буйко, Баўсюкъ и др.) этой деревни мнѣ очень часто надоѣдали своими саркастическими вопросами: выйдутъ, бывало, изъ церкви и обращаясь ко мнѣ, скажутъ: «Скажецъ, паничъ, на што гэ́тые ворота ў церкви? На што ены тутъ потребы?» и такъ далѣе. А затѣмъ съ азартомъ скажутъ: «Ци́хо, цихо! Пры́дзе прапцузъ — ёнъ вамъ выкине гэты зъ церкви ворота къ чорту?» и т. д.

Впрочемъ такого рода кощунственное отношеніе къ обрядамъ православной церкви отчасти можно объяснить себѣ тѣмъ, что бо́льшая половина населенія деревень Копціовщинскаго прихода католики, остальная же его часть, т. е. православные, коснѣющіе еще въ преданіяхъ уніатства, очень имъ сочувствуютъ и держатъ ихъ сторону.

Въ Бога наши крестьяне вѣруютъ, но по своему. По ихъ понятіямъ «Бохъ ласка́вы ёсьць на небѣ, и хто на гэтумъ свѣцѣ живе́ ў роско́шы, той на туо͡мъ свѣци по смерци будзе мѣци ве́льку нендзу [1]), а хто на гэтомъ свѣци це́рпиць нендзу, той будзе щасливый вельма на тоу͡мъ свѣци по смерци. Бохъ каждаго чало-

[1]) Съ польск. nędza: бѣда, бѣдность, бѣдствіе, нищета, убожество и т. п. Польско-Россійск. слов. И. Глюгсберга. Варшава 1843 г.

вѣка створыў и каждому даў до́лю, и якая кому назначыў, то такая его и не минс. Бохъ не ту̑олько чаловѣка, але и *живёлу*[1]) и ўсихъ пташакъ створыў».

О безсмертіи души они имѣютъ слѣдующія понятія: «По смерци душа чаловѣка при ёмъ (т. е. при тѣлѣ) находзитца до трохъ дзёнъ, и на трэ́ци, якъ уже закопа́юць цѣло, тоды душа сѣдзи́ць на близкомъ крыжу[2]) и по́тымъ, якъ кончуць, *востхне* и полецидь, дзѣ ей Бохъ ласка́вы прыназначыў: ци ў пе́кло, ци до раю— ена (т. е. душа) тамъ и будзе до страшнаго суда Боскаго. А на страшный судъ, якъ гэтый уже свѣтъ спа́лийца, — тоды святый архá́нелъ Михаилъ затрубиць и ўси людзи умерніе ўстануць на долину Езаната и однэ станудь по праву руку, а другіе по лѣву. По правуй будуць го́ўцы (т. е. овцы), а по лѣву козлэ́; гоўцы пойдуць до раю, а козлэ до пе́кла. И кажа, коль хто жана́ты на трэйцюй жо́нцы, то ёнъ будзе стояць зъ першою жо́нкою, а другая и трецяя,—якъ зуси́мъ для его чужые. А панэ́ — тоже по́йдуць до пекла, бо ены вельми крыўдзили лю́днаў (людей) бѣдныхъ и жыли надто ў роско́шы, бо Бохъ ласка́вы ўсе бачиць крыўду и праўду».

Къ смерти крестьяне наши относятся равнодушно. Если кто-либо заболѣетъ, мужъ или жена, хотя бы былъ молодыхъ лѣтъ, то сосѣдъ, сосѣдка или кто-либо изъ родныхъ, увидѣвши больного скажетъ непремѣнно: «А што-шъ ты, Янко (или Петрусь или Ганко) умираць хочешъ»? На это больной или больная обыкновенно отвѣчаетъ въ такомъ родѣ: «Одъ смерци нидзѣ не захова́иешса: хоць подъ земный лёдъ заховайса, то ена цибе и тамъ на́йдзе и одъ ее ничымъ не оборонисьса, да и не одкупишса. Короле́ якіе богатые, могли бы цѣлое королеўство одда́ци, да и то не могуць одкупитца, а намъ то бѣднымъ нема рады, якъ одъ ее́ откупитца». А если кто изъ болѣе разумныхъ посовѣтуетъ обратиться къ помощи врача, то крестьянинъ ему отвѣтитъ: «Што

---

1) Животное.

2) Крестъ.

гэтые дохтурэ́! што ены значаць? Кому Бохъ колько назначыў жыць на свѣцы, то ту́олько и будзе жыци, а дохторэ́ ў гэтоумъ ничо́го не дора́дзяць, ту́олько дарма грошы лупяць. Я быў у знахара, да и той ничо́го мнѣ не помохъ». Но если случится, что врачъ безвозмездно пріѣдетъ къ больному, тогда его съ радостью встрѣтятъ и въ точности исполнятъ всѣ его совѣты. Если кто спроситъ больного: «ци-шъ ты не боишся смерци, то онъ отвѣчаетъ обыкновенно въ такомъ родѣ: «Чагошъ боятца? Не циперъ, то ў чацверъ, а ўсё треба ўсимъ умираци».

По умершимъ дѣти долго плачуть, въ особенности взрослые дѣвушки по отцѣ, а еще болѣе по матери. При всякомъ удобномъ случаѣ идутъ на кладбище и тамъ, припадая къ могилѣ плачутъ, причитывая. Жены въ особенности плачутъ, пока покойникъ лежитъ дома. Многіе изъ плачущихъ стараются, чтобы во время плача не капула слеза на покойника; говорятъ: «Коли, боропи́ Божа, слеза капець на мерца, то ему надто цяжко ро́битца на тоумъ свѣци». Если же жена не плачетъ по умершемъ мужѣ, то это считается позоромъ и говорятъ: «Му́си ена была ку́рва, коли по своемъ мужику не пла́ча».

Что касается нравственности нашихъ крестьянъ, то во дни уніи она стояла гораздо выше, чѣмъ въ настоящее время. Тогда очень рѣдко можно было слышать, чтобы дѣвушка родила, и если бывали такіе случаи, то всегда оказывалось, что причиной тому были люди дворовые, какъ напр. управители, писаря, экономы, войты и т. п., такъ какъ они, пользуясь своимъ вліяніемъ у пановъ, прямо насиловали и дѣвушекъ и замужнихъ бабъ. Но вообще нравственность нашихъ крестьянъ тогда стояла высоко! За этимъ уніатскіе священники слѣдили пристально, и строго наказывали всякій проступокъ, въ особенности нарушеніе цѣломудрія. Такъ, напримѣръ, я помню вотъ какой случай: Въ 1847 г. въ Лапѣ одна дѣвушка крестьянка (Анна Хацукова) родила младенца и когда священникъ нашей церкви, о. Фавстъ Говорскій, объ этомъ узналъ, то, когда родильница въ 40-й день пришла, какъ водится, въ церковь съ молит-

вой, онъ наложивъ ей на голову вѣнокъ изъ гороховой соломы съ длиннымъ въ 3 сажени, изъ соломы же скрученнымъ хвостомъ, приказалъ обводить ее три раза вокругъ церкви и затѣмъ привязать къ дереву, росшему тутъ же при церкви. Приказаніе его, разумѣется, было въ точности исполнено и молодую преступницу цѣлые три часа продержали въ такомъ позорномъ положеніи. Подобныя наказанія проступившихся дѣвушекъ практиковались священниками и другихъ церквей нашего уѣзда, слѣдствіемъ чего было, что всѣ другія дѣвушки, въ виду такого возможнаго публичнаго осрамленія, строго смотрѣли за собою и тщательно старались сохранять свое цѣломудріе.

Не лучше священники уніатскіе поступали съ людьми, которые предавались пьянству. Если батюшка бывало замѣтитъ человѣка, пришедшаго въ церковь въ пьяномъ видѣ, то по его приказанію пьяницу немедленно выгоняли изъ церкви, или сажали подъ арестъ. И тутъ припоминается мнѣ такой случай: въ 1844 или 45 году упомянутый выше священникъ, о. Ф. Говорскій, въ какой-то праздникъ, замѣтивъ во время службы, что крестьянинъ Николай Савицкій явился въ церковь весьма нетрезвый, немедленно велѣлъ его вывести и запереть въ хлѣвъ, гдѣ его продержалъ цѣлыхъ три часа.

Вообще во дни уніи священники принимали крутыя мѣры противъ безнравственности членовъ своихъ приходовъ. И несмотря на это они все-таки пользовались полнымъ уваженіемъ и должнымъ авторитетомъ у всѣхъ своихъ прихожанъ. Не то, къ сожалѣнію, видимъ теперь. Многіе крестьяне послѣ реформы стали лѣнивѣе относиться къ своимъ работамъ вслѣдствіе того, что стали чаще заглядывать въ корчмы, такъ какъ надъ ними теперь нѣтъ никакой угрозы. На обличительныя проповѣди своихъ священниковъ они не только никакого вниманія не обращаютъ, но по выходѣ изъ церкви послѣ подобнаго поученія вы часто услышите между ними такой разговоръ:

«Што ёнъ крычи́ць, ла́яцца, капъ горэ́лки ня пиць? а самъ пьё, якъ шаве́цъ?»

— «Нехай ёнъ крычи́цъ!» не преминетъ на это замѣтить другой, «Хто яго боицца? але ёнъ за гэто грошы бярэ́, капъ крычаў».

— Праўда твоя, Петруся, дальБохъ праўда!»

Къ старшимъ лѣтами, какъ и къ сосѣдямъ крестьяне наши, какъ прежде, такъ и теперь всегда относились и относятся съ уваженіемъ, называя ихъ дзяцьками и цётками. Но нельзя того же сказать относительно ихъ вѣжливости и почтительности къ людямъ не ихъ среды. Такъ напримѣръ въ дореформенное время крестьянинъ Гродненской, Виленской и Ковенской гг. при встрѣчѣ съ кѣмъ бы то ни было, сниметъ, бывало, шапку и низко поклонится; теперь не то: проходи или проѣзжай ему на встрѣчу или мимо его хотя бы самый знатный панъ—онъ его и кивкомъ головы не удостоитъ. А если кто вздумаетъ замѣтить ему такое невѣжество, то онъ, пожалуй, услышитъ отъ него такой отвѣтъ: «Атъ, наср. яму! Я самъ гэтаки само панъ, якъ грапъ, бо я *волны* чаловѣкъ, на́вотъ лѣпши якъ ёнъ». Но помѣщику православному онъ непремѣнно поклонится и шапку сниметъ. «Гэтому», говоритъ онъ, треба шапку зняци, бо ёнъ зъ Москвы руски панъ». При встрѣчѣ же другъ съ другомъ крестьяне наши, по вкоренившейся изстари привычкѣ, говорятъ: «Нехъ бендзе похвалёны Езусъ Христусъ!» (а чаще «Панеусъ похвалёны! и т. д.). Впрочемъ въ настоящее время, подъ вліяніемъ русской школы и другихъ обрусительныхъ мѣръ уже нѣкоторые при встрѣчѣ говорятъ: «здрастуй!», а входя въ домъ «здрастуйце!». Но въ послѣднемъ случаѣ, какъ бы въ насмѣшку.

Данное слово крестьяне наши исполняютъ въ точности. Они большею частью люди честные и правдивые. Хотя въ семьѣ не безъ урода, но лгуновъ между ними очень мало. Если берутъ другъ у друга заимообразно хлѣбъ, деньги или т. п., то безъ всякихъ векселей или росписокъ и даже безъ свидѣтелей, а только *господаръ* скажетъ своей *господынѣ* (женѣ): «Глядзишъ

ты, Ганýля (или Настýля), я пішяка пожы́чыў Іóзыбу (или Михáсеви), своему сусѣду, трыдцаць (или сорокъ, либо пяцьдзесять рублеў грóшай, либо жыта, гоўса, либо гретчыны, или бульбы) то ёнъ дакляру́е въ осени оддаци, то ты, чуешъ, зы́щашъ (взыщешъ), бо, якъ кажа, ты кры́ху молóчша (моложе) одъ мене». — «Добрэ, добрэ! буду пóмняци. — «А ты, Михаську (или Іозыбку), глядзи жа, на терминъ, оддай». — Тотъ обыкновенно отвѣчаетъ: «Отошъ! Цишъ ты, Андрейку, мине не знаешъ, альбо не вѣдаешъ? Нехай Бохъ кры́е, ратус, капъ я, кажа, не оддаў. Нехай я до хаты своé не дойду, коли я да не оддамъ табѣ, братóчку». — «Цихо, цихо! не кляписа, я такъ сабѣ сказаў, по старай прывы́чца моей. А *квоты*[1]) то я лѣтомъ прышлю свого Янка горáци 3 дни, альбо нé, то Марысю ци Тэклю, альбо Ажбету прышлю жаци якіе тры, альбо чатéры дзёнъ». — «Добрэ, добрэ! кажа»: Тогда должникъ вынимаетъ бутылку изъ кармана, ставитъ на столъ и говоритъ: «Цеперъ трэба, якъ то кажа, гэтай *чамерыцы* и выпици по *пугáрчыку*» (т. е. по чаркѣ). Хозяинъ скажетъ «эй; не трэба былó». А тотъ въ отвѣтъ: «Ге! якъ не трэба? — баба качаргу́ продала, да и то барышъ пила, а я у це пожы́чыў столько-то грóшай (или 5 осьминъ жыта) и капъ мы по чáроцы не выпили!» Тогда хозяинъ обращается къ женѣ и говоритъ: «Чуешъ, маци, то подай чарку да закуски якой кольвекъ, да трэба выпици по чарцы».

Впрочемъ все сказанное о честности нашихъ крестьянъ относится преимущественно до того времени, когда крестьяне находились въ крѣпостной зависимости, т. е. до того періода, когда всѣ они были безграмотными. Но въ настоящее время, когда многіе изъ нихъ познакомились съ грамотой, эта примѣрная честность среди нихъ становится все рѣже и рѣже. Когда напримѣръ возьмутъ денегъ взаймы, хотя по векселямъ, норовятъ не отдавать: заводятъ тяжбы, судятся, обманываютъ и лгутъ. Впрочемъ и теперь есть между ними добросовѣстные, честные люди.

[1]) Проценты.

Крестьянинъ нашъ большею частью злопамятенъ. Если кто-либо его оскорбитъ, то онъ употребитъ всѣ мѣры, чтобы отомстить, и если ему это не удастся, то онъ постарается хоть свѣчу поставить на *безголоўье*[1]) своего оскорбителя. А въ Кобринскомъ уѣздѣ крестьяне до того мстительны, что часто за присужденные штрафы за потравы ихъ скотомъ хлѣбныхъ полей или сѣнокосныхъ луговъ помѣщика поджигаютъ его сараи, хлѣва и овины.

Крестьяне Гродненской губерніи, въ большинствѣ случаевъ, скряги, исключая Бѣльскаго уѣзда, которые путника и гостя накормятъ, а всѣ остальные норовятъ, чтобы проѣзжій или гость ихъ угостилъ.

Ложь среди бо́льшей части изъ нихъ въ послѣднее время перестала ужъ, видно, считаться грѣхомъ. Они при всякомъ случаѣ твердятъ: «Дай Бохъ праўда! Канъ я такъ до хаты счасливе зайшоў, якъ гэто праўда!» и т. п., и если при повѣркѣ его окажется, что онъ солгалъ, то онъ, нисколько не смущаясь, скажетъ: «Нехай Бохъ грѣхъ мнѣ даруе, а я думаў, што гэдакъ ено́ было», или сошлется на кого-либо другого.

Крестьяне нашего уѣзда не покушаются на крупныя воровства, а тѣмъ менѣе на убійство. Въ Гродненскомъ уѣздѣ мнѣ не случалось слышать объ убійствѣ, и надо полагать, что это происходитъ оттого, что во всемъ уѣздѣ нѣтъ раскольниковъ. Мелкое воровство частенько случается, въ особенности при проѣздѣ подорожный норовитъ какъ-нибудь стащить съ луговъ вязку сѣна, или 2—3 снопа овса, чтобы покормить лошадей, а если еще луга не скошены, то проѣзжій беретъ съ собой про запасъ и косу, и если ему ночью или вечеромъ при дорогѣ попадется лугъ, то онъ накоситъ, сколько ему нужно травы и норовитъ выбрать лугъ помѣщичій, съ котораго косить и грѣха никакого нѣтъ. Также не считается за грѣхъ украсть что-нибудь у еврея. «У чаловѣка што украсьць, ухопиць, то якъ то моўляў, *грѣхъ*, а у жида—чортъ его заберы, альбо у пана, што украсьць,—то

---

[1]) Бѣда, несчастье, болѣзнь, смерть. Сл. Носов.

яки-жъ гэто грѣхъ? Панъ быў и будзе паномъ». Воровать лѣсъ также не считается порокомъ. Они говорятъ: яки гэто грѣхъ украсьць, свиснуць якую кольвекъ штуку лѣсу? ни панъ его сѣяў, ни ёнъ его садзіу, ни поливаў, а Бохъ ласкавы его даў и намъ бѣднымъ жывитца казаў. Лѣсъ, якъ то кажа, быў до насъ и будзе по насъ».

3. Отношенія: къ браку и къ семейной жизни, къ своей родинѣ, къ помѣщикамъ, шляхтѣ, къ сельскимъ властямъ, къ акту освобожденія и къ евреямъ.

Въ семейной жизни жена у нашихъ крестьянъ считается ниже мужа. «Што жонка значыць? Умры она нинѣ, то, якъ то кажа: Бохъ за одну, а я за другую. А борони, Божа, якъ мужчына умрэ́, да ацэ́ господаръ, да покине маленькихъ дзѣтокъ,— отъ тоды́—то бѣда да го́рэ, дзѣтки зъ голоду поумираюць».

Женятся наши крестьяне большею частью безъ всякой любви. Приведу въ подтвержденіе поразительный фактъ, свидѣтелемъ котораго я былъ въ 1857 г. Два крестьянина Гродненскаго уѣзда Копціовщизнянскаго прихода, одинъ изъ деревни Колпаковъ—Ходзько, а другой изъ села Копціовщизны—Иванъ Новокольскій, въ одно воскресенье пріѣхали съ своими невѣстами вѣнчаться въ нашу церковь. И вотъ Новокольскій Ходькѣ и говоритъ: «чуешъ, моя жонка для мине да малая, а твоя росту гэдакого, якъ ты самъ, то покуль насъ ксёндзъ ацэ́ не обвѣнчаў, то ты, братко, коли хочашъ, то будземо мѣняцца цинерь дзѣўками». Почесавъ затылокъ, Ходзько и говоритъ: «Ено то можно было бы, коли ты даси́ мнѣ дзесяць рублёў за перамѣнку».—«Што ты!» возразилъ съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ Новокольскій, «опалѣў ты, ци што? 10 рублёў табѣ даци! За 10 р. можно не ту͡олько жо́нками мѣня́ци, але навотъ добру корову, альбо кобылу купиці. А ты не боишся Бога ласка́ваго за гэто глупство дзесяць рублёў просици. Дай руку, беры тры рубле *такъ*. Мнѣ трэба будзе и ксендзу якіе 2 рубле прыплацици доро́жай, што я

на другой жаниціа буду, але не на той, съ которой заповѣдзи (оглашеніе) вышли, да трэба и паничу (дьячку) якую два-злотку даци». Торговались они, торговались довольно долго и наконецъ условились за пять рублей и возъ житной соломы, 2 рубля добавочныхъ священнику и мнѣ 40 коп. Затѣмъ они обратились къ своимъ невѣстамъ: «А вы, дзѣвочки, ци зглашаецеся на гэто, што мы хӧчамо мѣняцца вами?» Дзѣўки говорятъ: «Якъ то мѣняцца»? — «А бáчыце, я хочу на шлюби стаци зъ тобою, Ганулька, а зъ Марысею, значычь, стане Ходзько, — вотъ и ўсё».

Подумали, подумали дзѣўки и говорятъ: «Намъ ўсё роўно, якъ той мужчына, такъ и ты тако сáмо,—господарски сынъ. Вы якъ то, кажа, лѣпшъ вѣдаеце, бо мужчынскіе головы. Якъ вы зробице, такъ и будзе». И чтоже? ударили по рукамъ, поцѣловались межъ собою мужчины, поцѣловали и обмѣненныхъ дѣвокъ, Ходзько весьма усердно поцѣловалъ при прощаніи еще разъ свою прежнюю невѣсту, причемъ, однакожъ, Новокольскій ему замѣтилъ: «Чуешъ, ты циперъ уже не цалуй Ганули. Гóдзи[1]) табѣ цалóваци, уже ты нацаловаўса». Этимъ обмѣнъ и кончился, пошли въ церковь и обвѣнчались. Странно было мнѣ видѣть такую оригинальную свадьбу, но какъ я впослѣдствіи узналъ, то и въ другихъ приходахъ Гродн. губ. встрѣчались, хотя, правда, весьма рѣдко, подобныя оригинальныя свадьбы.

Если крестьянинъ нашъ живетъ съ своей женой въ миру и согласіи, то онъ въ обращеніи всегда ласковъ, даже и тогда, когда ей что-нибудь приказываетъ, напримѣръ, «Чуешь, маци Гануля (или Марися и т. д.) зроби мнѣ то-то!» — Ну штожъ? добре, зроблю. — Если же между ними неладица, раздоръ, то онъ, даже въ крайней надобности, когда ему, напримѣръ, захочется поѣсть не иначе обратится къ свой женѣ, какъ съ такими, примѣрно, словами: «Чуешъ, ты пáдла, дай мнѣ поѣсьцы!» чтӧ съ ея стороны вызоветъ подобный же любезный отвѣтъ: «На, на, жары́!» (жри). Вообще зачастую нашъ крестьянинъ об-

[1]) Довольно, будетъ.

ходится съ своей женой весьма грубо, ругаетъ и бьетъ ее за всякую бездѣлицу. Разумѣется все это болѣе или менѣе зависитъ отъ характера супруговъ. Но какъ бы тяжела ни была жизнь крестьянки въ замужествѣ, она не бросаетъ мужа, не уходитъ отъ него. Такихъ примѣровъ мнѣ не приходилось встрѣчать. Въ средѣ же шляхты это случается довольно часто, особенно если шляхтянка еще молода и недурна собой. При малѣйшемъ раздорѣ съ мужемъ, она бросаетъ его, иногда и дѣтей и, по обыкновенію, уходитъ въ городъ развратничать, а иногда попадаетъ и въ домъ терпимости.

Къ своимъ старикамъ родителямъ, съ той или другой стороны, живущимъ у нихъ въ домѣ, крестьяне не совсѣмъ благосклонно относятся, тяготятся даже ими, считая ихъ дармоѣдами. Разумѣется и тутъ бываютъ отрадныя исключенія.

Относительно *примачества* долженъ сказать слѣдующее: наши крестьяне примаковъ принимаютъ къ своимъ дочерямъ, если у нихъ нѣтъ сыновей. Въ случаѣ, если овдовѣетъ *господыня* (домохозяйка), то и она беретъ къ себѣ *примака*, который мирно живетъ съ ней на правахъ мужа до совершеннаго возраста сыновей отъ перваго брака. И тогда онъ, во избѣжаніе разнаго рода семейныхъ дрязгъ, самъ уходитъ или же его прогоняютъ подростки. Если же у вдовы нѣтъ дѣтей отъ перваго брака, или у нея только дочь, къ которой она впослѣдствіи принимаетъ примака, то послѣдній становится полноправнымъ хозяиномъ дома [1].

Крестьяне нашей губерніи не называютъ себя ни русскими, ни бѣлоруссами. Нѣкоторые считаютъ себя литвинами. Но если сказать: «Лицви́нъ, Божы сынъ», то вы получите въ отвѣтъ: «Ты самъ лицвинъ!», а если кто скажетъ: «Лицвинъ — чортоў сынъ», то онъ получитъ въ отвѣтъ: «Хоць чортоў, а не твой». Вообще о себѣ и своей странѣ они выражаются такъ: «мы тутейшые, наша

---

[1] Въ Кобринск. и Брестск. уѣздахъ вмѣсто *примакъ* употребляютъ слово *приступникъ*. Говорятъ: «Ёнъ пришоў приступомъ». И. К.

страна ни руска, ни польска, але забра́ны край!»[1]). А если вы спросите: «кто же васъ забралъ?» то вамъ отвѣтятъ: «Кацерына насъ забрала». При этомъ многіе еще добавятъ такую пословицу, вѣроятно заимствованную отъ шляхты: «За короля Саса, людзи наѣлиса хлѣба и мяса, а якъ стаў Понятоўски, то усё пошло по чартоўски».

Великоруссовъ крестьяне наши зовутъ казаками, моска́лями и русака́ми.

Поляковъ они не любятъ вообще, помѣщиковъ же польскихъ просто ненавидятъ. Въ каждомъ полякѣ имъ представляется панъ или управитель пана, которые ихъ постоянно преслѣдовали и угнетали. Если при проѣздѣ какого-либо помѣщика поляка черезъ деревню спросить крестьянина: «Кто это проѣхалъ?», то онъ непремѣнно отвѣтитъ: «Гэто крукъ[2]) поѣхаў ў *гарэцы*». А если увидятъ нѣсколько помѣщиковъ, ѣдущихъ въ костелъ, либо въ судъ, то и тутъ скажетъ: «Глядзи ко͡ўлько пошло крукоў!»

Бѣдные и многосемейные крестьяне, если и относятся къ помѣщикамъ съ уваженіемъ, то это только наружно и притворно, въ расчетѣ, чтобы весной и лѣтомъ они ихъ пригласили на работу, — зажиточный же крестьянинъ, который не нуждается въ постороннемъ заработкѣ, при встрѣчѣ съ помѣщикомъ и шапку ломать не станетъ, и только скажетъ: «Што ёнъ мнѣ значиць, крукъ гэты? срацъ на яго! я самъ панъ, лѣпшы якъ ёнъ».

Шляхтичей они не менѣе ненавидятъ. Если шляхтичъ проѣзжаетъ черезъ деревню, то обыкновенно дѣти и подростки, отъ 10 до 18 лѣтъ, выбѣгаютъ изъ хаты на дорогу или изъ-за угла и кричатъ проѣзжимъ шляхтичамъ: «*Шляхциць, махциць, кундалёў*

---

[1]) И основательница моего перваго Бѣлорусскаго сборника (изд. Геогр. Общ. въ 1874 г.), дочь уніатскаго священника, М. Коткевичовна, говорила почти тоже самое: «Край нашъ забра́нный, а языкъ нашъ мѣша́нный». (См. означенный сборникъ стр. 599. Ш.)

[2]) Воронъ, скряга. Слов. Носовича.

сынъ[1]), зъѣў гоўно, да думаў, што сыръ». Родители же вмѣсто того, чтобы пригрозить шалунамъ, любуясь изъ окна или изъ сѣней на эту шалость, еще потѣшаются, что ихъ дѣтки такъ удачно дразнятъ мирныхъ проѣзжихъ. Шляхтичъ же въ такомъ случаѣ только погрозитъ кнутомъ и продолжаетъ себѣ свой путь.

Къ великорусскимъ помѣщикамъ, поселившимся въ нашей губерніи съ 1863 г., крестьяне относятся съ бо́льшимъ уваженіемъ, чѣмъ къ панамъ польскимъ. О первыхъ они выражаются такъ: «Гэтые русскіе панэ́ хоць лядаштые и лихіе, але справедливѣйшіе, якъ *катарцы* и кровопіўцы были ўпяродъ наши панэ поляки».

Изъ сельскихъ властей крестьяне наши въ особенности недовѣряютъ мировымъ посредникамъ, о нихъ они говорятъ такъ: «Гэто панскіе подлизники (льстецы), яны ўсѣ за панами цягнуць».

Не лучшаго они мнѣнія и о мировыхъ судьяхъ: «И яны», говорятъ крестьяне «ў вяликоўй згодзи[2]) жывуць съ панами». За то становыхъ приставовъ просто обожаютъ. «Ахъ Божа ласка́вы! якіе цяперъ *ассесоры* добрые», говорятъ они, «якъ ро́дные бацьки. Яны табѣ ўсё вытолмачаць (объяснятъ, раскажутъ) якіе, пріемные, — нето, што ўпяротъ: за найменьшае глупство́ (пустякъ) морду колоцяць». и т. д.

Къ акту своего освобожденія отъ крѣпостной зависимости крестьяне наши, относятся весьма своеобразно. Такъ, напримѣръ, въ 1886 г. будучи въ гостяхъ у себя на родинѣ, въ селѣ Лашѣ и бесѣдуя со старыми прихожанами Лашинскаго прихода, на мой вопросъ, что имъ теперь на волѣ, вѣроятно, лучше и счастливѣе живется, чѣмъ при панахъ и что они, безспорно, усердно молятся за Царя Освободителя, я не разъ, къ удивленію своему, получалъ такой отвѣтъ: «Гэ! быць можа по дзисейшій часъ не были бы мы *волные*, але дзяковаць Пану Богу за француза. Ёнъ, якъ воеваў ў Систополя (Севастополѣ), то и прыказаў

---

[1]) Т. е. собачій сынъ. *Кундалъ* значитъ: кудлатая собака И. К. *Ма́хицъ*— обманщикъ, плутъ. Слов. Носовича. Вся фраза употребляется какъ пословица.

[2]) Въ большомъ согласіи. Слов. Носовича.

на́шаму цару, капъ даць во́лносьць намъ бѣднымъ мужикамъ и циперъ мы волные». Такой странный взглядъ на дѣло реформы 19-го февраля, по моему мнѣнію, вкоренился среди крестьянскаго населенія не только Гродненской, но Виленской и Ковенской губерній, благодаря интригамъ враждебныхъ нашему правительству пановъ, ксендзовъ и шляхты. Что же касается въ особенности крестьянъ Гродненской губерніи, которыхъ я знаю лучше другихъ, то долженъ сказать, что у нихъ нѣтъ даже въ обычаѣ помолиться или поставить свѣчу за Царя Освободителя.

Къ евреямъ крестьяне наши относятся съ презрѣніемъ и ненавидятъ ихъ, однакожъ въ разговорахъ межъ собой они часто отзываются о нихъ такъ: «Хоць жидъ и горшъ собаки, але кажа, ў бѣдзѣ, ёнъ часами и поратуе бѣднаго чаловѣка лѣпшь якъ хрысцянинъ.

Въ Гродн. у. почти всѣ шинкари — евреи. Они имѣютъ нѣкоторое вліяніе на крестьянъ, особенно бывшихъ помѣщичьихъ; тамъ же, гдѣ деревни были казенныя, еврей не имѣетъ ни малѣйшаго вліянія на крестьянъ. Чуть еврей заспоритъ съ крестьяниномъ или вмѣшается въ его разговоръ съ другимъ, онъ непремѣнно обругаетъ его *пархомъ*, *обрыза́нцомъ* и другими подобными словами.

Евреевъ крестьяне ругаютъ и въ глаза при всякомъ случаѣ. Напримѣръ зайдетъ крестьянинъ къ еврею въ лавку и спроситъ: «Чуешъ! ци ёсьць у цебе соль (или другое что?)» Еврей учтиво отвѣчаетъ: «нема, цаловѣцку!» И за такой отрицательный отвѣтъ крестьянинъ осыплетъ бѣднаго еврея всевозможными ругательствами и шишъ еще ему покажетъ.

Въ дореформенное время, бывало, осенью, еврей корчмарь возьметъ около ведра водки и ѣдетъ по деревнямъ по *осенинъ*. Приходитъ въ хату, возьметъ бутылку водки и говоритъ: «Чи добрэ жывы — здоровы, пане господарку? Я прыѣхаў до васъ зъ горэлкою по осенинѣ». Съ этими словами онъ вынимаетъ рюмку изъ кармана и начинаетъ угощать всѣхъ отъ стараго до малаго,

а тамъ, гдѣ увѣренъ, что подачка будетъ порядочная, то и дѣтямъ дастъ еще по кренделю. Хозяину и хозяйкѣ всегда давалъ по 2 и 3 рюмки, а иногда и больше. За ведро водки, по обыкновенію онъ получалъ хлѣба въ зернѣ отъ 2-хъ до 6-ти четвертей. Нѣкоторыя хозяйки, бывало, снабжаютъ корчмаря еще льномъ.

Въ работники къ евреямъ крестьяне, бывало, шли только въ рѣдкихъ случаяхъ. Иной съ охотой, пожалуй, и пошелъ бы, но стѣсняется и говоритъ: «У жида лѣпѣй служыци, якъ у чаловѣка, але вельми ў стыдъ, бо ўсѣ глядзяць на цебе, якъ на чорта. Але найгоршъ, якъ подумаешъ зноў себѣ, якъ треба исьци до спо́вѣдзи...».

Евреевъ въ Гродн. у. очень много богатыхъ; напр. въ м. Индурѣ и Лунной можно насчитать евреевъ до 15, которые имѣютъ состояніе отъ 1000 до 800 тысячъ рублей и болѣе. Отъ подобныхъ тузовъ, бывало брали въ займы лишь одни крупные помѣщики. Крестьянинъ же никогда не смѣлъ итти къ такому тузу. Крестьяне если и брали иногда взаймы отъ евреевъ, то брали отъ менѣе состоятельныхъ, и б. ч. отъ шинкарей, которымъ платили отъ 20 до 40%. Надо правду сказать, что до 1880 года мнѣ не доводилось видѣть въ нашемъ уѣздѣ бѣдныхъ евреевъ, а тѣмъ менѣе такихъ, которые бы побирались, даже въ голодные годы они хлѣбъ имѣли. Между нашими крестьянами хотя и есть нѣкоторые состоятельные, которые дадутъ и хлѣбъ и деньги взаймы, но чтобы брали за это проценты отъ своей бѣдной братьи — объ этомъ мнѣ не доводилось слышать; отъ своихъ должниковъ, они требовали только, чтобы они лѣтомъ, въ страдную пору имъ за это отработали небольшой работой, напр. за 25 р.—6 дней жать, 4 дня сѣно косить и т. п.

Наши бѣлоруссы исконя питаютъ къ евреямъ вражду, въ особенности за то, что многіе изъ нихъ арендовали отъ помѣщиковъ имѣнія и выжимали изъ крестьянъ послѣдніе соки. Кромѣ того многіе евреи у пановъ бывали факторами и совѣтниками, которымъ они болѣе довѣряли, чѣмъ своимъ настоящимъ управляющимъ.

Д. Жизнь общественная.

Ареной для этой жизни служитъ преимущественно корчма. Она для бѣлорусса есть и биржа и, такъ сказать, справочная контора и клубъ. Въ корчмахъ крестьяне наши собираются для обсужденія разныхъ вопросовъ частныхъ и общественныхъ, для совершенія разнаго рода сдѣлокъ. Здѣсь происходитъ наемъ работниковъ; здѣсь обсуждается выборъ должностныхъ лицъ и другія дѣла общественнаго характера, такъ что въ волостное правленіе при ходятъ только для составленія, уже предрѣшеннаго въ корчмѣ договора.

Общія сходки въ корчмѣ чаще всего бываютъ весною для найма сообща пастуховъ. Ихъ нанимаютъ во-первыхъ — пасти *гулящую скотину*, т. е. коровъ, подтелковъ, быковъ и трехлѣтнихъ коровокъ, во-вторыхъ — для свиней, а въ третьихъ для овецъ. Первому платятъ отъ 10 до 25 к. за штуку, второму — отъ 5 до 10 к., а послѣднему — только отъ 5 до 7½ к. за штуку. Всѣхъ этихъ пастуховъ общество обязывается поочередно кормить въ продолженіе всего пастбищнаго періода. Наемъ этотъ обыкновенно происходитъ въ воскресный или праздничный день такимъ образомъ: по выходѣ изъ церкви всѣ сходятся на церковномъ погостѣ и одинъ изъ болѣе вліятельныхъ домохозяевъ (господарей) обращается къ своимъ односельчанамъ съ такими примѣрно словами: «Ну, чуеце, господарэ́, пойдземъ до корчмы! Трэба ни́няка гуртомъ (сообща) напяци *поўкоўника* для свиней (или *быдла*), а если для овецъ, то скажетъ: «трэба намъ напяци *пастыра* для гове́цъ». Во всей Гродненской губерніи строго отличаютъ *пастуха* отъ *пастыра*.

При заключеніи договора (словеснаго) возьмутъ гарнецъ водки и сперва выпьютъ сами, потомъ подносятъ по чаркѣ пастухамъ и *пастырамъ*.

Пастьба въ нашихъ мѣстахъ обыкновенно продолжается до Покрова (1-го октября), иногда и дольше, смотря потому,

какая бываетъ осень. По окончаніи пастьбы пастухи получаютъ отъ нанявшаго ихъ *господара* условленную плату, а пастырь, кромѣ денегъ, пользуется еще правомъ на *дзѣды* ходить по всѣмъ хатамъ и собирать подачки. Ему вездѣ даютъ обыкновенно по ломтю хлѣба, отъ 4 до 7 ф., смотря по зажиточности и щедрости хозяйки. Лошадей своихъ хозяева пасутъ сами, или же ихъ сыновья, гдѣ таковые есть. А такъ какъ крестьяне Гродненской губ. пашутъ землю волами, и только въ рѣдкихъ случаяхъ лошадьми, то весной и лѣтомъ въ 3 ч. ночи, иногда и раньше, хозяйскія дѣти, сыновья или дочери, отъ 10-ти до 15 лѣтъ выгоняютъ воловъ своихъ на пастбище, гдѣ они остаются съ ними до 7 ч. утра. Въ 8 ч. вся семья завтракаетъ и молодежь остается дома до 4 ч. пополудни, когда хозяинъ возвращается съ поля, гдѣ онъ пахалъ съ 8 часовъ утра. Отъ этого часа до заката солнца кто-либо изъ дѣтей снова выгоняетъ на паству воловъ и лошадей.

Сходокъ на счетъ начала жатвы у насъ не бываетъ, а какъ только господаръ увидитъ, что кто-либо изъ сосѣдей началъ жать рожь, то и прочіе домохозяева тотчасъ заговорятъ: «Трэба заўтра начаци жаци жито, бо уже Петрукъ или Янко пйняка начаў жаци» и на слѣдующій день женскій полъ отправляется въ поле жать. Мущины жнутъ только въ весьма рѣдкихъ случаяхъ.

Общія сходки бываютъ еще для найма луга у помѣщика, что впрочемъ случается очень рѣдко. Такой лугъ крестьяне раздѣляютъ *шнуромъ* по-своему, но косятъ его одновременно со всѣми. Если же берутъ у помѣщика извѣстную часть пахатной земли, то берутъ не за деньги, а на *трэцякъ*, т. е. съ тѣмъ, чтобы, обработавъ и засѣявши эту землю своимъ зерномъ, отдавать ему двѣ части жатвы и только третью оставлять въ свою пользу.

Роль клуба бѣлорусской корчмы выражается въ томъ, что она является какъ бы дополненіемъ къ семейной жизни крестьянина.

Ни одно семейное торжество не обходится въ крестьянскомъ быту безъ корчмы. Корчма служитъ нашему крестья-

нину отдыхомъ и развлеченіемъ отъ тяжкихъ трудовъ и своего рода утѣшеніемъ въ печальныхъ обстоятельствахъ жизни. Въ корчмѣ женихъ высматриваетъ себѣ невѣсту. Въ корчму заѣзжаютъ прямо изъ церкви послѣ вѣнца и свадьбы, туда же заѣзжаютъ и послѣ крещенія младенца и послѣ похоронъ. На 2-ой день Рождества Христова, на новый годъ, 6-го января, 2-го февраля, на дзѣдовую *недѣлю* (т. е. воскресенье) и заговины крестьяне наши, отъ мала до велика, до старика—всѣ идутъ въ корчму, а дома остаются только престарѣлые старики, всѣ же остальные, даже 5-ти лѣтніе дѣти и тѣхъ родители забираютъ съ собою, отправляются въ корчму, гдѣ въ танцахъ и играхъ проводятъ почти всю ночь. Старые и вообще женатые обыкновенно усаживаются тамъ чинно за столомъ, пьютъ горѣлку и пиво, закусываютъ мясомъ и колбасой, а *дзѣцюки* съ *дзѣўками* стоятъ въ углу, при порогѣ, у печки, нашептывая что-то другъ другу на ухо, *залицаюцца*[1]), «обнимаютца, цѣлуютъ дзѣвокъ» и «коли дзѣўка вельми сподобáласа дзѣцюку, то и за цыцки дзержиць». Но это онъ дѣлаетъ только въ такомъ случаѣ, «коли будзе зъ ею непремѣнно жаницца». Грубыхъ *жартоў* однако тутъ не бываетъ. Эти жарты случаются съ замужними женщинами и чаще всего въ тѣхъ селахъ, гдѣ стоятъ солдаты, но съ дѣвками очень рѣдко бываютъ подобнаго рода погрѣшности. Вообще должно сказать, что относительно цѣломудрія нравы нашего народа пока очень строги. Такъ напр. въ Лашинскомъ приходѣ, въ которомъ числится 5 тысячъ слишкомъ прихожанъ, въ теченіе года бываетъ одинъ и рѣдко два случая незаконнаго рожденія.

Въ продолженіе ночи хлопцы *зъ дзѣўками* танцуютъ, *скачуцъ вальца, круцёлку, мяцелицу, польку и казака*. Когда *дзѣцюкъ* возьметъ *дзѣўку* или молодзицу скакаць, то онъ во время танца непремѣнно споетъ ей куплетъ или припѣвокъ, въ отвѣтъ на что она ему пропоетъ нѣчто подобное, а часто еще болѣе забористое. И то и другое дзѣўки и молодицы непремѣнно подхватятъ

[1]) *Залицáньца* — дѣлать любезности, стараться понравиться дѣвицѣ, присватываться: къ одной залицався, а другую узявъ. Слов. Носовича.

и съ увлеченіемъ, во весь голосъ повторятъ[1]). Такъ напр. въ 50-хъ годахъ я самъ разъ въ Лашинской корчмѣ былъ свидѣтелемъ подобнаго состязательнаго пѣнія на *дзѣдэ*. Дзѣцюкъ Антонъ Савосько взялъ молодзицу Анастасію Боўткову (лѣтъ 26) и въ началѣ танца запѣлъ ей:

Зайграцe музыки,
У мине брыжи велики!
Мине хлопцы любили,
То мнѣ брыжы купили 2.

на что *молодзица* ему сейчасъ же въ отвѣтъ запѣла:

Ты думаешъ, дурню,
Што я цебе, любила?
Я такими дураками
Плоты городзи́ла;
Ты думаешъ, дурню,
Што я це кохала?
Я такими дураками
Ср... подцира́ла. и пр.

Всѣ дзѣўки и молодзицы мигомъ подхватили этотъ припѣвокъ хоромъ. Вообще ни одинъ *дзѣцюкъ* (парень) не протанцуетъ съ *дзѣўкой* или *молодзицей* безъ припѣвокъ, на которые первыя не отвѣтили бы подобными.

Музыкантовъ только въ рѣдкихъ случаяхъ нанимаетъ шинкарь, большею частью ихъ приглашаетъ молодежь, которая хотя денегъ имъ не платитъ, но угощаетъ ихъ весьма щедро, и если во время танца лопнетъ струна, то танцующій обязанъ заплатить за нее отъ 3-хъ до 5 копѣекъ, смотря по ея стоимости. Присутствующіе тутъ же родители, любуясь танцующими, приговари-

[1]) Бѣлорусская народная поэзія весьма богата подобнаго рода припѣвками; такъ напримѣръ въ однихъ моихъ печатныхъ сборникахъ (1874 и 1887 гг.) ихъ наберется около двухъ сотъ, если не больше, и пожалуй столько же ихъ окажется въ моихъ рукописныхъ матеріалахъ. Ш.

ваютъ: «Добре, добре, дзѣтки скачеце! циперъ ваша, якъ то моўляў, пора скакаци, мы уже своѐ отскакали».

Начиная съ Пасхи до 1-го октября у насъ не танцуютъ развѣ только во время свадьбы, которая впрочемъ лѣтомъ очень рѣдко бываетъ, въ три года одна.

Въ корчмы заходятъ и тѣ, которые заказали обѣдню. Они по выходѣ изъ церкви тамъ ѣдятъ и свой обѣдъ.

Корчмы нашего уѣзда строятся такимъ образомъ: Большая *стодола*, большая изба, гдѣ стоитъ буфетъ, отъ котораго идутъ длинные столы въ 4 сажени. Здѣсь происходятъ танцы. Съ правой стороны небольшая комната для семьи шинкаря. Затѣмъ камора или кладовая, гдѣ стоитъ бочка водки 100-ведерная и пива, а также въ засѣкахъ хлѣбъ, пропитый или промѣненный крестьянами на водку, котораго, бывало, осенью и зимой у шинкаря Лапинской корчмы набирается до 30 и 40 четвертей.

Изъ сообщеній И. О. Карскаго.

Еще о бѣлорусской корчмѣ [1]).

Въ Витебской губерніи.

За малыми исключеніями, стоя особнякомъ и на болѣе видномъ мѣстѣ, корчма, одноэтажное, деревянное, а иногда и каменное зданіе, скоро обращаетъ на себя вниманіе массивностью постройки, низкими маленькими окнами, за которыми, внутри, устроены деревянныя рѣшетки, для охраненія стеколъ отъ размаха руками подгулявшихъ, — перилами вокругъ лицевыхъ сторонъ, при которыхъ почти всегда, во всякое время

---

[1]) Въ дополненіе къ предыдущему описанію корчмы считаемъ умѣстнымъ приложить здѣсь не лишенную интереса характеристику ея, составленную, по нашей просьбѣ, стариннымъ нашимъ сотрудникомъ, Н. Я. Никифоровскимъ, еще въ 70-хъ годахъ. Роль корчмы и корчмаря такъ значительна въ жизни бѣлорусса, что, чѣмъ многостороннѣе будетъ ихъ изображеніе, ихъ характеристики, тѣмъ легче, тѣмъ удобнѣе станетъ изученіе того вліянія, которое они оказывали и оказываютъ на сельское населеніе Сѣверо-Западнаго края. Ш.

дня и ночи, можно видѣть привязанную лошадь досужаго путешественника. На широкомъ пространствѣ отъ перилъ разсыпаны остатки всякой всячины, начиная отъ лошадинаго помета и кончая клочками сѣна. Въ наружномъ видѣ корчмы и внѣшней ея обстановкѣ мало-мальски прихотливый вкусъ не найдетъ ничего привлекательнаго. Нѣтъ при корчмѣ ни сада, ни правильно или даже кое-какъ посаженныхъ деревьевъ. Садъ всегда, служитъ соблазномъ для лакомокъ и внѣ корчмы, при ней же — въ особенности; тутъ посаженное дерево скорѣе всего найдетъ себѣ употребленіе у проѣзжаго, забывшаго или же потерявшаго кнутъ. Да и кому будетъ охота заняться подобною обстановкою корчмы снаружи, когда требованія гостей ровно ни на волосъ не касаются этого предмета?

Построенная на скорую руку доморощенными плотниками, корчма наша представляетъ одинаковую аляповатость, какъ снаружи, такъ и внутри. Стѣны кое-какъ отесаны топорами; полъ и потолокъ имѣютъ столько дыръ, что чрезъ первый свободно исчезаетъ кнутъ и рукавицы; черезъ послѣдній же свободно уносится изъ корчмы все вредное для дыханія. Четвертую часть комнаты занимаетъ массивная кирпичная печь; другую же такую часть—прилавокъ, за которымъ помѣщается все нужное для посѣтителей корчмы. Такой прилавокъ есть досчатая до потолка перегородка, въ срединѣ которой входная дверь, съ слуховымъ, но открывающимся въ случаѣ надобности окошкомъ, для передачи потребителямъ нужнаго. — Такимъ образомъ только половинная часть корчмы остается для гостей. Здѣсь вдоль стѣнъ поставлены широкія и выдерживающія всякую тяжесть лавки; въ главномъ же углу стоятъ козелки съ положенною на нихъ широкою доскою. Этотъ немудреный снарядъ служитъ столомъ. Больше этого и меньше этого ни одинъ посѣтитель не можетъ встрѣтить въ нашей корчмѣ.

Вотъ внѣшность и внутренность нашей корчмы.

Но не въ этой обстановкѣ вся сила и вся суть корчмы. Гости нашей корчмы не требовательны, потому что и дома они ви-

дять немного лучшаго. Корчма важна и интересна внутренней своей жизнію...

Хозяинъ нашей корчмы, называемый «шинкарь», не тотъ «Иванъ Ивановичъ», что такъ знакомъ на Великой Руси и не «кумъ» той же Руси, а нашъ доморощенный Ицка, Шмуйла, Лейба, Берка и т. под. Какъ рѣдкій феноменъ встрѣчаемъ мы корчмаря отставного унтера, нехитраго мужичка и мѣщанинишка, но такой одинъ на сто. Сколько по врожденному любопытству, столько еще болѣе въ виду исключительной необходимости, нашъ корчмарь у всякаго проѣзжаго и прохожаго, такъ или иначе распроситъ: кто онъ, куда онъ и за чѣмъ? Кромѣ того стороною узнаетъ и многое другое. Какъ-бы велика ни была окружность, въ чертѣ которой, по шуточному выраженію мужичковъ, заключается «Ицкинъ приходъ», Ицка съ мельчайшими, и только для него одного возможными, подробностями знаетъ бытъ и житье всѣхъ и каждаго. Понятно что, въ силу такого обстоятельства, Ицка совѣтникъ и подмога во многихъ, нерѣдко и важныхъ дѣлахъ своихъ кліентовъ. Значеніе свое Ицка увеличиваетъ тѣмъ, что во многихъ крайнихъ случаяхъ ссудитъ неимущаго водкой и другими припасами до первой возможности поправить свои обстоятельства. Такимъ образомъ личность «шинкаря», многозначительная въ окружности, становится первою во внутренней жизни корчмы. Неразговорчивый, необщительный «шинкарь» теряетъ вліяющее значеніе и отталкиваетъ значительную часть посѣтителей отъ своей корчмы.

Заговоривъ о внутренней жизни, т. е. о сути корчмы, я считаю лучшимъ выбрать одинъ изъ зимнихъ воскресныхъ дней, потому что въ эту пору свобода отъ полевыхъ работъ и возможная обезпеченность крестьянина даютъ наблюдателю возможность видѣть эту жизнь во всей ея красѣ.

Въ ожиданіи гостей Ицка приготовилъ достаточное количество водки, закуски, состоящей изъ плохихъ калачей, убралъ подальше куръ и телятъ, прежде свободно разгуливавшихъ по корчмѣ, оставивъ въ тоже время слѣды этихъ прогулокъ

не тронутыми, на томъ основаніи, что все равно гости стопчать своими ногами и не такую мелочь. Перебравъ въ памяти запасъ пріобрѣтенныхъ по окружности свѣдѣній и просмотрѣвъ счетную книгу, Ицка уже готовъ къ встрѣчѣ своихъ многочисленныхъ гостей, которыхъ онъ нетерпѣливо ждетъ до полудня.

По окончаніи обѣдни десятки саней подъѣзжаютъ къ корчмѣ и десятки пѣшеходовъ вмѣстѣ съ пріѣзжими вваливаются въ нее «обогрѣться». Ицка радъ и непремѣнно спроситъ «отчего такъ поздно отошла обѣдня»? Сваты, кумовья и братеники и тому подобные родственники, равно какъ и добрые знакомые, встрѣчаясь тутъ, разспрашиваютъ другъ друга про обоюдное свое житье-бытье. А Ицка своимъ вмѣшательствомъ даетъ ходъ бесѣдѣ, сообщая кто кому что продалъ или промѣнялъ и что у кого случилось. Между тѣмъ число гостей увеличивается, появляются личности, только немногимъ изъ посѣтителей знакомыя, заводятся новыя знакомства, входитъ и «блазпо́та» т. е. холостые молодые люди и подъ вечеръ площадь передъ корчмою представляетъ собою ужъ базаръ, а внутренность корчмы одинъ непрерывный и тяжелый гулъ. На лавкѣ, на высокой кучѣ шубъ и армяковъ, играютъ двое доморощенныхъ скрипачей на своеручно сработанныхъ скрипкахъ; передъ ними, на полу, раздается притопываніе десятка паръ тяжелыхъ сапоговъ и столькихъ же не менѣе тяжелыхъ башмаковъ. По началу танцуетъ одна лишь «блазпо́та», но постепенно, по мѣрѣ выпивки, къ числу танцующихъ присоединяются люди и старшаго возраста. Люди пожилые или же считающіе танцы пустяками, за полуштофомъ ведутъ нескончаемыя бесѣды; здѣсь же рѣшаютъ какъ общественныя свои дѣла, такъ и частныя, напр. свадьбы, раздѣлъ и т. п. Во всемъ этомъ зачастую, принимаютъ участіе и женщины. Нѣкоторые усаживаются играть въ *«ямосьць* (?)» и окружаются какъ и танцующіе, толпою любопытныхъ. И все это пьётъ, говоритъ, кричитъ, бранится, поётъ и т. п., такъ что входящій посѣтитель долгое время остается въ замѣшательствѣ. Въ болѣе досужую

пору, во время Рождественскихъ праздниковъ, такая потѣха длится далеко за полночь; для избранныхъ—до разсвѣта, а иногда и до слѣдующей ночи, пока кто-нибудь изъ домашнихъ не вспомнитъ о потерявшемся и не возвратитъ его домашнему очагу, или пока у гуляки останется лишь самое необходимое. Прежде всего оставляютъ корчму люди солидные, т. е. такіе посѣтители, которыхъ привлекъ сюда интересъ, помимо водки; за ними увозятся своими женами охмѣлѣвшіе мужья и наконецъ оставляютъ корчму тѣ, за которыми пріѣхалъ кто-нибудь изъ догадливыхъ домашнихъ. Разумѣется, что «блазнóта» оставляетъ корчму по мѣрѣ того, какъ её оставляютъ таты, мамы и «подружьжійки».

Бросая взглядъ на тотъ характеръ нашей корчмы, который я старался обрисовать, скоро узнаемъ, что наша корчма какъ по принципу, такъ и по всему, представляетъ ни больше ни меньше какъ клубъ, но только сельскій, своеобразный. Посѣтитель корчмы за малыми исключеніями, не шутя обижается, если ему кто-нибудь замѣчаетъ, что онъ явился туда поньянствовать. Потребность раздѣлить время въ бесѣдѣ съ знакомыми и друзьями безъ возможности матеріальной потери равной тому, какъ если бы приглашать ихъ въ свой домъ; знакомство и встрѣча съ такими людьми, которыхъ по какимъ-нибудь причинамъ нельзя видѣть въ собственномъ или же въ постороннемъ домѣ, но въ которыхъ часто встрѣчается нужда; наконецъ дѣла брачныя — вотъ очевидные и естественные предлоги и причины посѣщенія корчмы. За ними скрывается не мало другихъ менѣе маловажныхъ. И только самая послѣдняя изъ нихъ — забыться въ винѣ.

Для нашего крестьянина существуютъ только два общественныя мѣста, гдѣ онъ можетъ и себя показать и на другихъ посмотрѣть, похвастать своимъ туалетомъ и удальствомъ передъ знакомыми и сосѣдями; это: церковь и корчма. Нѣтъ бóльшаго наказанія для молодого «хлопца» или «дѣвки», какъ въ праздничный день быть оставленнымъ дома на время обѣдни или лишиться возможности побывать въ корчмѣ, на игрищѣ. По этому слова: «А постой жа ты, сука (или сукинъ сынъ), ня пóйдзишъ

ты у мяне ни къ церкви ни къ игрищу» имѣютъ глубоко карательный смыслъ и скоро возстановляютъ падающее невниманіе дѣтей къ требованію родителей.

Не тоже ли самое, но только въ другой формѣ, встрѣчаемъ мы въ клубныхъ дѣлахъ?

Разсуждая такъ, я понимаю *корчму вообще*. Въ частности, встрѣчаются правда и такія корчмы, которыя далеко не соотвѣтствуютъ описанному типу а имѣютъ своею цѣлью одинъ лишь пьяный разгулъ. Но къ чести нашихъ крестьянъ должно сказать, что такія корчмы посѣщаются одними лишь записными гуляками и избѣгаются людьми трезвыми, для которыхъ суть корчмы не въ выпивкѣ.

Къ прискорбію однако нужно замѣтить, что съ постепеннымъ у насъ развитіемъ поголовнаго пьянства, что осязательно доказывается статистическими данными, охарактеризованная мною Бѣлорусская *корчма*, мало по малу теряетъ свой характеръ, свое общественное значеніе въ сельскомъ быту и становится исключительно притономъ для широкаго пьянаго разгула.

Молодые люди или «блазнóта» тѣхъ мѣстъ, которыя окружены подобными корчмами, уже не посѣщаютъ теперь корчмы, сколько по приказанію родителей, столько и изъ боязни быть ими поколоченными, если встрѣтятъ ихъ тамъ въ пьяномъ видѣ. Удовлетворяя однако потребности повеселиться съ сверстниками, они за лучшее предпочитаютъ, избравъ просторную у сосѣда избу, пригласить туда «дударей», т. е. играющихъ па скрипкахъ, (для чего иногда устраивается складчина для найма избы и на уплату «дударямъ») и тамъ повеселиться сколько хочется и можется.

Сообщено Н. Я. Никифоровскимъ.

Праздники, увеселенія и забавы.

Подъ этимъ общимъ заглавіемъ сообщаемъ ниже рядъ статей заключающихъ въ себѣ не мало бытовыхъ и обрядово-религіозныхъ фактовъ изъ круга бѣлорусскихъ праздниковъ и увеселе-

ній, описаніе коихъ, вслѣдствіе нѣкоторыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, не могли въ свое время попасть въ свои рубрики въ 1-ой ч. І-го тома настоящихъ «Матеріаловъ», всецѣло посвященной этому предмету. Думаю что статьи эти не окажутся баластомъ въ области нашей этнографической литературы, которая и до сихъ поръ не очень-то обилуетъ фактами подобнаго рода.

Всѣ церковные праздники у бѣлоруссовъ называются *святами*, слово: «праздникъ» почти всегда они замѣняютъ словомъ *свято*, такъ и говорятъ: *свято Рожтво́*, *свято Кще́ньня*, *свято Прачиста* и пр. Небольшой праздникъ, или канунъ праздника называется *присвятокъ*; вмѣсто праздновать они говорятъ: *святковаць*. Въ сказкахъ, легендахъ и пѣсняхъ праздники или святы являются олицетворенными существами: они ходятъ по землѣ, живутъ и дѣйствуютъ, какъ и люди, хотя и творятъ чудеса. Простые же будничные дни недѣли олицетвореніямъ не подвергаются.

Свято, святокъ (праздникъ) для бѣлорусса значитъ почти тоже, что отдыхъ, разгулъ.

Еще наканунѣ праздничнаго дня въ хатѣ начинаются приготовленія для его встрѣчи: дѣла нетерпящія отлагательства стараются покончить заблаговременно, въ хатѣ стараются все прибрать, привести въ порядокъ: моютъ столы, скамьи, посуду, нерѣдко и стѣны хаты, топятъ баню, моются, надѣваютъ чистое бѣлье, приготовляютъ кушанья къ завтрашнему дню (что однако бываетъ только передъ большими праздниками, если хозяйка не надѣется успѣть это сдѣлать въ праздничное утро).

Передъ праздниками крестьяне обыкновенно спятъ долго. Крестьянки же встаютъ раньше ихъ и тотчасъ же принимаются за стряпню, хлопочутъ, чтобы кушанья вышли получше. Вообще можно сказать, что вся забота крестьянъ въ теченіе дня, какъ зимою, такъ и весною состоитъ въ томъ, чтобы смотрѣть за

скотиной, а лѣтомъ, до наступленія полевыхъ работъ, кромѣ того, еще посмотрѣть въ полѣ посѣвы, но послѣднее дѣло исполняютъ только хозяева (господары).

Когда поспѣютъ кушанья, всѣ садятся за столъ завтракать (снѣдаць), послѣ чего одни изъ членовъ семейства отправляются въ церковь къ обѣднѣ, а другіе снова ложатся отдыхать.

Время съ трехъ или двухъ часовъ пополудни — лѣтомъ до сумерекъ, а зимою далеко за полночь — молодежь проводитъ въ пляскѣ и шуткахъ, часто и старики, увидавъ это, не прочь вспомнить и свое золотое времячко, когда головушка ихъ не знала ни *бяды*, ни *клопоты*, никакихъ другихъ мыслей, кромѣ мыслей о красныхъ дѣвушкахъ.

Рождественскіе праздники (коляды, святки).

Гродн. губ. и у. Лашинск. в.

Канунъ Рождества, Новаго года и Крещенія зовется *куцця*. Предъ Рождествомъ и Крещеніемъ — *постная куцця*, а передъ Новымъ годомъ — *куцця съ коўбосой*, потому что въ эту *куццю* непремѣнно вѣшаютъ въ *покуццъ* на *колочку* колбасу, покрытую чистымъ утиральникомъ и сваренную въ куцьцѣ «панцаковой» [1].

Передъ ужиномъ кто-нибудь изъ членовъ семейства выходитъ на дворъ и заунывнымъ голосомъ кричитъ: «Цю, цю, цю! на Васильеву куццю!» Какое значеніе имѣетъ этотъ зовъ? мнѣ неизвѣстно.

Вечера отъ Рождества Христова до Крещенія (6-го янв.) называются *щедрыми вечерами*. Въ продолженіе этихъ двухъ недѣль крестьянки, какъ замужнія, такъ равно и дѣвушки днемъ никакой новой работы не предпринимаютъ, а занимаются лишь починкою рубахъ, штановъ, подштанниковъ (гановицъ), либо чѣмъ другимъ въ этомъ родѣ. Днемъ, правда, прядутъ, но по вечерамъ ни за что не станутъ прясть, или шить, «кажа: не можно! — *щод-*

---

[1]) Панцакъ — перловая крупа домашняго приготовленія изъ ячменя, растолченнаго въ ступахъ. К.

рые вечера». Есть повѣрье на этотъ счетъ, которымъ каждая пожилыхъ лѣтъ женщина объясняетъ своимъ домашнимъ, почему въ эти вечера работать нельзя. Пишущему эти строки много разъ приходилось слышать это повѣрье. Вотъ оно:

«Одна кобета была надто *лакома*[1]) и любила ўсе робици, такъ што ена перестала *обсорвавацu*[2]) щодрые вечера. Прала ена, прала разъ, ажъ до поўночы, ўдрухъ чýе, што нѣхто стýкае ў вокно. Такъ ена пытае: «хто тамъ?» — Ёнъ и кажа: я прынёсъ табѣ, кобета, работу. Глядзи, капъ ты за нинѣшнюю ночъ напрала 12 почынкоў»[3]). Сполохалася моя кобета. Волосэ на ей дыбомъ стали,— страхъ. А ёнъ кажа другú разъ: Глядзишъ ты, идзи зáрасъ ты, возьми работу да и прадзú, бо коль не будзе готова нинѣшней ночъ, то заўчеснѣ прыготуй ты сабѣ на другую ночъ труну, бо ты буольшъ не будзешъ уже жыци на гэтумъ свѣци. «И вотъ моя кобета ни жива, ни мертва пережагнáлася[4]) тры разы́, вышла на дворъ — никого, кажа, нема. Туолько бачыць ляжыць ворохъ лёну, такъ ена ўзяла дай прынесла ў хату и подумала ена сабѣ: «штошъ я циперъ, бѣдная, буду робици?» ўзяла, пережагнáласа, тры пацеры сказала и подумала: «Воля Божжа, трэба прáсци». Намѣсьци (вмѣсто) цѣлаго почынка ена ухитрыласа— возьми да и на кажда верацѣнó окруцила, обмотала кудзѣлю *пакулемъ* (паклей), а на верхъ крыху напрала нитокъ по два радэ́ и гéдакимъ способомъ ўсѣ 12 веряцёнъ напрала. Ўсѣ ў хаци храпяць, сплць, а енá, бѣдна, прадзé. Пóтымъ ўсѣ поўставали, уже начала свитаць и ўсѣ глядзяць. Ўстаўшы, а матка кажа: «ты цэлу ночъ, ци што, прала, што зусимъ прыстала, да ў цибе ў *прасницы* кудзѣля якая е! ци не наша?» — Моўчыць. Ена никому ничóго не говóрыць. Кончыла ена 12 почынокъ, вынесла ена ў коморку, положыла ў кубли, пóтымъ, кажа, вынесла и лёнъ, што застаўся недопрадзёны, але гэты лёнъ капъ ўсенка (весь) спрасьци, то наймнѣй трэба 12 дзёнъ и вечороў прасьци.

---

[1]) тутъ въ смыслѣ: прихотливая. [2]) Соблюдать, справлять. [3]) Вертено съ навитой на него пряжей. [4]) Перекрестилася.

Ничо́го ена никому не гово́рыць, ўсѣ уже поўставали, а ена, кажа»: *бухъ дай* положыласа спаць». Спала ена цэлы дзень до вечера, ничо́го не пила, не ѣла. Ўстала ена вечеромъ, помолилаcа Богу, а ўсѣ домашніе зноў положылися спаць. Думае ена сабѣ: штошъ зъ гэтого выйдзе, што миѣ ўчора страхъ потъ хатою показаўся, да и работу задаў?» Ту͡олько ена што гэто подумала, пошла ў камору поглядзѣць работу свою и лёнъ, што недопрала аще́, глядзиць ў кубли — ашъ нема; поглядзѣла на вышка — ашъ и лёну нема того, што не допрала. Подумала ена сабѣ: «Муси, хто кольвѣкъ дочка, ци сынъ, альбо мужыкъ заховаў дзѣ кольвѣкъ»—и выходзиць сабѣ зъ каморки ў сѣни—ашъ ў сѣняхъ, подъ дзверами на дворэ́ гово́рыць: «Ну счасьцьце твое́, кобета, што ты напрала 12 почынкоў, а то тобѣ уже конецъ прышоўбы, што ты щодрыхъ вечероў не заховасшъ. А коли ты аще будзешъ прасьци гэдакими вечерами, то я табѣ 3 разы ту͡олько прынесу» — и пошоў. Ашъ ена пошла трасучачы, якъ трясца ў хату да и поглядзѣла ў вокно. А якъ ночъ была мѣсячная, то ена и бачыла, што якисьци стары зъ доўгою и бѣлою бородою пошоў отъ хаты и понесъ на плечахъ 12 починкоў, што напрала. Такъ ена бѣдная положылася спаць, але якъ положилася, то роўно дзвѣ недзѣли лежала ў цяшкой хворо́бѣ и ничо́го не пила, не ѣла, и мо́ву было одобрала, чуць-чуць не ўмерла. Потымъ крыху якъ поправилася, пошла до церкви, дала на охвяру жабрако́мъ, поставила свѣчку предъ обра́зомъ Матки Боской, была ў сповѣдзи, — такъ ёй ксёндзъ и кажа: «Отъ табѣ и до́бре! а на што было прасьци табѣ щодрыми вечерами? Цэлы свѣтъ не прадзе́, а ты прала ту͡олько одна». Прышла ена зъ церки, ўсимъ своимъ ў хаци разсказала, якъ ена зогрэшыла и дзесятому заказала, якъ треба шановаци гэты дни, недзѣли, не тоўлько вечаро́, але и днями трэба святковаци и Боско прыказанье слухаци, бо Бохъ за гэто цяжко скара́е. И вотъ съ тыхъ поръ цэлы свѣтъ ничо́го не робиць гэтыми вечерами,— ту͡олько одны жыдэ́ робяць, бо, вѣдомо: поганцы, ў Бога не вѣрацъ».

Разсказъ этотъ мнѣ въ Лашѣ много разъ доводилось слышать отъ 70-лѣтней старушки Софіи Габцовой (въ 1850 году).

Сообщено И. О. Карскимъ.

Въ Любавической волости (Мстиславскаго уѣзда Могилевской губерніи) на второй день Рождества Христова вечеромъ парни и дѣвки собираются въ одну хату, нанимаютъ музыканта *скомороха*, пляшутъ, веселятся, и заключаютъ вечеръ слѣдующимъ оригинальнымъ танцемъ: Халимонъ.

Всѣ дѣвки становятся въ кружокъ и одна изъ нихъ выходитъ на средину, расхаживаетъ по кругу, а остальныя поютъ хоромъ.

«Куды ты ѣдишь, Халимонъ?
«Куды ѣдишь, братицъ мой?
«Ни маишь шапки на выбо́ръ,—
«Бяры́ сабѣ шапку на выбо́ръ».

При этихъ словахъ дѣвка беретъ шапку и надѣваетъ себѣ на голову. Хоръ продолжаетъ:

«Куды ѣдишь Халимонъ?
«Куды ѣдишь, братицъ мой?
«Ни маишь кыня́ на выбо́ръ, —
«Бяры́ сабѣ кыня́ на выбо́ръ».

Ей подаютъ палку и она показываетъ видъ будто ѣдетъ верхомъ. Хоръ продолжаетъ пѣть:

«Куды ѣдишь, Халимонъ,
«Куды ѣдишь, братицъ мой?
«Ни маишь сабѣ шабли на выбо́ръ,—
«Бяри шаблю на выбо́ръ».

Дѣвка беретъ лучинку и стучитъ ею по полу.

«Куды ѣдишь, Халимонъ,
«Куды ѣдишь, братицъ мой?
«Ни маишь сабѣ и дѣвки на выборъ, —
«Бяри сабѣ дѣвку на выборъ».

Тутъ дѣвка, ходившая въ кругу, беретъ другую дѣвку, идетъ съ нею танцовать. Такимъ же порядкомъ танцуютъ и всѣ остальные подъ музыку скомороха.

Въ промежуткѣ между танцами, участвующіе въ вечеринкѣ устраиваютъ еще шутку подъ названіемъ: «бахарь». Шутка эта состоитъ въ томъ, что одинъ изъ женатыхъ мужчинъ обращается къ холостымъ парнямъ съ вопросомъ: «Ти ни пыра́ ужо бахаря жанити?» Получивши въ отвѣтъ «пыра́», приглашаетъ къ себѣ въ жены какую нибудь замужнюю женщину, со словами: «ходи: будь ма́ткыю, а я буду батькыю; будимъ жанить своихъ рибятъ, бо ужо пыра́—кыляды́ прошли, а хлопцы наши ни жинятьси». Названная матка указываетъ батькѣ — какому парню какую дѣвку подвести; потомъ батька беретъ дѣвокъ за руки и подводитъ, по очереди, къ каждому парню по одной дѣвкѣ и спрашиваетъ: «ти хырыша́ ина́ табѣ будить?» Парень, если ему понравится подведенная дѣвка, отвѣчаетъ: «ладна»; если же не нравится, то скажетъ: «ни хочу я такія, и гроша не дамъ на бахыря». Тогда приводчикъ долженъ удовлетворить желаніе парня подведеніемъ къ нему другой дѣвки. Заручившись женками, парни складываются по нѣсколько копѣекъ и на эти деньги покупаютъ водку и закуски и подчуютъ дѣвокъ, каждый свою, т. е. назначенную ему въ жены. Подчуютъ они также и всѣхъ присутствующихъ тутъ. Въ заключеніе вечеринки всѣ, протанцовавши комаринскую, отправляются по домамъ. Подобныя вечеринки продолжаются до Крещенія, а послѣ Крещенія, въ мясоѣдъ, ходятъ въ сваты и женятся, только не *бахарскимъ* образомъ, а законнымъ порядкомъ [1]).

Записано волостнымъ писаремъ Апаличемъ.

Святыя вечера.

Послѣ Новаго года наступаютъ святыя вечера, въ которые никакія работы не предпринимаются. Молодежь собирается для

[1]) Описанное здѣсь забава очень напоминаетъ *собою другую колядную* игру: «*Царешку*». Ср. «Матеріалы» т. I, ч. I, стр. 99—110. Ш.

шутокъ и танцевъ, а женатые устраиваютъ пирушки. Особенно разгульно проводится послѣдній вечеръ, который бываетъ третьимъ послѣ Крещенія. Работа въ это время по хозяйской части ограничивается заготовленіемъ различныхъ припасовъ: щепаютъ лучину, возятъ дрова, вьютъ веревки, возятъ бревна на срубы. Нѣкоторые идутъ чесать ленъ, возить его. Женщины кромѣ своей обыкновенной работы — приготовлять кушанья, большую часть времени проводятъ за *прасницей*, т. е. за прялкою.

Въ общемъ итогѣ время отъ Рождества Христова до Крещенія и пока не окончились святые вечера—есть время разгула, время Цлрешекъ и вмѣстѣ съ тѣмъ время безпорядочной жизни, что́, хотя съ меньшей силой, продолжается до самыхъ запустъ, т. е. до заговѣнья. Начинается Великій постъ, а съ нимъ новое время года — весна и новыя занятія для крестьянъ. Въ лѣсу теперь дрова оттаиваютъ и ихъ легче рубить или пилить, и за эту работу берутся теперь охотно. Но не всѣ однако сосредоточиваются на этомъ дѣлѣ. Кромѣ дровъ, рѣдкій крестьянинъ не строитъ или не починяетъ что-нибудь изъ хозяйственныхъ построекъ. Весна самое удобное для этого время. Умѣренная теплота позволяетъ усерднѣе трудиться, дерево, оттаивши, легче и глаже рубится. На другіе работы крестьянину некуда отправляться, развѣ на гонку лѣса; въ извозъ же рѣдкій кто отправляется,—по причинѣ грязной дороги. Крестьянки, справившись съ пряжей, начинаютъ ткать.

Изъ сообщ. учит. Свислоч. учит. семин. г. Тивстикъ.

Кота печь.

а) Минской губ. и у., Гатовск. волости.

Этотъ обрядъ совершается въ означенной волости только въ Рождественскіе праздники. Собираются парни и дѣвки въ какую нибудь избу и тамъ приготовляютъ разныя закуски и главное— приготовляютъ изъ тѣста фигуру кота слѣдующимъ образомъ: голову и туловище дѣлаютъ изъ тѣста, уши и ноги изъ сала, а

хвостъ изъ колбасы. Испекши такимъ маперомъ эту фигуру, ее вѣшаютъ среди комнаты у потолка. Затѣмъ каждый изъ участвующихъ въ обрядѣ поочередно подъѣзжаетъ па ухватѣ къ коту, чтобы зубами откусить у него кусочекъ или, если удастся, то и всего его оторвать. При этомъ ѣздокъ па ухватѣ долженъ говорить: «Ѣду съ кута́ па кота, цапъ за кота». Но рѣдко кому удается исполнить такую роль съ успѣхомъ, такъ какъ его то и дѣло смѣшатъ. Если же онъ засмѣется, то ему непремѣнно вымажутъ лицо тряпкой, нарочно испачканной въ сажѣ, и не допустятъ уже къ коту. Но если онъ не разсмѣется, то его допускаютъ полакомиться кусочкомъ или даже цѣликомъ сорвать кота. Такимъ образомъ эта забава продолжается до тѣхъ поръ, пока кота кто нибудь совсѣмъ не оторветъ. Тогда кота кладутъ па столъ и дѣлятъ на всю компанію. По окончаніи этой игры всѣ садятся за столъ пьютъ и закусываютъ; потомъ танцуютъ до утра.

Изъ записи учительницы Гатовскаго народнаго училища Олимпіады Солнцевой. Сообщено директоромъ народныхъ училищъ Минской губ. Е. Е. Тимоѳеевымъ.

б) По словамъ старика-крестьянина этотъ обычай водился въ его время въ деревнѣ Ракобдивицинѣ Самохваловской волости того же уѣзда. Тамъ кота пекли обыкновенно изъ пшеничнаго тѣста и привѣшивали на ниточкѣ къ стѣнѣ или потолку и каждый изъ присутствующихъ въ хатѣ поочередно подходилъ къ болтающемуся коту и, не смотря па стараніе зрителей его разсмѣшить, силился схватить кота зубами. При удачѣ онъ дѣлился своей добычей со всей компаніей или съѣдалъ самъ. Чаще случалось, что кота раскачивали такъ, что его трудно было уловить.—Въ Слуцкомъ уѣздѣ обычай печь кота въ одинъ изъ вечеровъ Рождества Христова почти повсемѣстный.

Сообщено П. Г. Бывалькевичемъ.

в) Печенія кота (сообщаетъ ученикъ Минской семинаріи В. Гр. Станкевичъ) практикуется и въ Вилейскомъ уѣздѣ Виленской губерніи, но не во время Святокъ, а въ первый вечеръ осеннихъ посидѣлокъ или супрядокъ. Собравшіяся для этой цѣли

въ избранной ими хатѣ, дѣвушки этимъ дѣйствіемъ открываютъ свой сезонъ. Онѣ приготовляютъ изъ пшеничной муки тѣсто, которому придаютъ форму кота и пекутъ его на *соънточъ* или *ко́минъ*. И затѣмъ, дѣлятъ его межъ собою. При этомъ поются какія то пѣсни, коихъ разскащица этого обряда, крестьянка Марія Ивановна, не знала. Иногда кота этого бросаютъ черезъ окно какому-либо парню, чтобы испугать его и вызвать на улицу.

Праздникъ Крещенія (Кщеньня).

Наканунѣ этого праздника бываетъ *Кщенная куцця*.

Въ этотъ день вечеромъ пишутъ освященнымъ мѣломъ (крейдай) кресты на дверяхъ и воротахъ, а ребятишки вымазываютъ стѣны другими различными изображеніями, какія только въ состояніи воспроизвести ихъ дѣтская фантазія.

Въ праздникъ Крещенія, какъ извѣстно, служба въ церкви и на водѣ (на Іордани) бываетъ очень торжественна, и народу тамъ бываетъ весьма много, не только православнаго, но и католическаго: всякій стремится взять воды освященной изъ Іордани. Эту воду дома пьютъ всѣ семьяне, которые въ ожиданіи ея оставались на тощакъ, исключая малолѣтнихъ дѣтей. Этой же водою освящаютъ *добро* (хлѣбъ), смѣшавши вмѣстѣ всѣ его виды: жито, ячмень, овесъ, горохъ и пр. и отдаютъ эту смѣсь на кормъ скоту. Домъ, хлѣва, сараи, вообще всѣ строенія тоже окропляются освященною Іорданской водой. По повѣрью народа черти, т. е. водяные, не могутъ жить въ тѣхъ мѣстахъ (рѣкахъ, озерахъ и т. п.), гдѣ былъ Іордань. Разсказываютъ даже, что къ одному крестьянину приходилъ водяной дѣдушка и просилъ его одолжить ему сани, чтобы перевести своихъ дѣтей въ другое мѣсто, тутъ ихъ что-то безпокоитъ. Крестьянинъ, принявъ просьбу о саняхъ за просьбу своего сосѣда, указалъ ему мѣсто, гдѣ сани стоятъ. Поутру сани ему были доставлены, но къ его удивленію полозья въ нихъ оказались сорванными до самыхъ копыльевъ.

Многіе въ день Крещенія дѣлаютъ деревянные кресты изъ лучины и вставляютъ ихъ въ ворота. Подобные же кресты бросаютъ и въ воду, привязавъ къ нижнему концу веревочку съ камнемъ.

Сообщ. учител. Свислоч. учит. семинаріи, г. Тивстиковъ.

Вертепъ или бетлейки (батлейки).

а) Минской губ.

Въ Бѣлоруссіи существуетъ обычай съ наступленіемъ праздниковъ Рождества Христова ходить по домамъ съ «бетлейками» [1]). Слово это произошло отъ слова Виѳлеемъ, или по польски Бетлеемъ. Обычай этотъ, по свидѣтельствамъ старыхъ людей, весьма древній. Хожденіе съ этими «бетлейками» продолжается отъ праздника Рождества Христова до праздника Срѣтенія Господня 2 февраля или у католиковъ «Громничной недѣли». Такъ какъ въ промежутокъ времени отъ Рождества Христова до праздника Трехъ Королей по вечерамъ у простаго народа считается грѣхомъ работать, то вотъ это свободное вечернее время посвящается хожденію съ «бетлейками». Этимъ обыкновенно занимаются ремесленники, въ особенности сапожники. Ходитъ ихъ обыкновенно человѣкъ пять или шесть, въ числѣ которыхъ двое или трое мальчиковъ. Послѣдніе обыкновенно возятъ саночки съ «бетлейками», подаютъ куклы и вообще помогаютъ старшимъ. Есть семьи, въ которыхъ это занятіе существуетъ нѣсколько десятковъ лѣтъ; пѣсни *бетлейковыя* передаются изъ рода въ родъ и держатся въ секретѣ отъ другой компаніи бетлейщиковъ. Представленія, даваемыя въ этихъ «бетлейкахъ», сопровождаются непремѣнно музыкой въ слѣдующемъ составѣ: одна, рѣдко двѣ, скрипки и бубенъ. Всѣ пѣсни поются въ унисонъ хозяевами бетлеекъ подъ акомпанементъ скрипки, при чемъ больше всѣхъ работаетъ бубенъ. Собравши всѣ принадлежности своего кукольнаго театра,

[1]) По бѣлорусски: *батлейки*. Ш.

такая компанія выѣзжаетъ въ городъ и становится въ извѣстномъ людномъ мѣстѣ (въМ инскѣ — на углу Петропавловской и Юрьевской улицъ), или же разъѣзжаетъ по городу, ища нанимателей. Плата за представленіе взимается по условію отъ 30 копеекъ до 1 рубля. Впрочемъ у дѣтей антрепренеръ труппы выманиваетъ, сверхъ условленной платы, еще нѣсколько денегъ, при посредничествѣ монаха (Bernardyna); не отвергаются и другія приношенія, въ родѣ папиросъ, сахару и т. п.

Представленіе состоитъ обыкновенно изъ 13 нумеровъ.

№ 1. На сценѣ представляется Рождество Іисуса Христа: ангелъ привѣтствуетъ Св. Дѣву Марію. При этомъ поется слѣдующая пѣснь:

Anioł pasterzem mówił:
Chrystus się wam narodził

и т. д. какъ въ Кантычкѣ [1]).

Затѣмъ на сцену уже выходятъ три короля, приносящіе въ даръ Іисусу Христу золото, ладанъ и мvро. При этомъ поется слѣдующая пѣснь:

Trzy króle jadą
Zwielką gromadą.
A zkąd? z kąd?
Ze wschodu słońca
Szukając końca
Zbawienia.
W żłobie leży, któż pobieży
Kolędować małemu Iezusowi Chrystusowi
Dziś do nas zesłanemu?
Pastuszkowie przybywajcie,
Jemu wdzięcznie przegrywajcie,
Jako Panu naszemu.

---

[1]) Эта пѣсня поется только до Крещенія, 6-го января (Трехъ Королей).

№ 2. На сцену выходятъ уланъ съ уланкой (Ułan z ułanką ze swoją dawniejszą kochanką). Они, какъ видно, рады своей встрѣчѣ, и, поздоровавшись, уланъ предлагаетъ уланкѣ немного потанцовать, что они немедленно исполняютъ подъ звуки музыки и пѣнія музыкантовъ слѣдующихъ куплетовъ:

Jak i w zimie tak i w lecie
Wszystko w jednej porze
Wychowałem gołąbeczka
Ja w ciemnej komorze.

***

Jak wyleciał tak poleciał
I usiadł na dębie,
A ja jego slicznie proszę
Wróć się moj gołębie.

***

Jak wyleciał tak poleciał
I usiadł na ganku,
I ja jego slicznie proszę:
«Wróć się, mój kochanku!»

Затѣмъ они прощаются и уланъ говоритъ:

Adieu, adieu panieneczko!
Proszę do mnie na herbatę:
Będzie z kwasem, z kuperwasem,
Ze smorgonskiemi obwarzankami.

№ 3. На сцену выходитъ бѣлорусскій мужикъ Мацѣй съ женою Ульяною. Сначала входитъ одинъ Мацѣй; онъ съ удивленіемъ осматривается кругомъ и говоритъ:

«А ба! якъ тутъ зелена, ясна, красна; не раўнуючи якъ ў косцелѣ. Ага тутъ и святы Юзефъ ёсьць (снимаетъ шапку и кланяется). Нехай будзи похвалёны, шапка сипя верхъ зялёны.

«Чи вѣдаеце, паночки, якая мяне бядá споткáла? —

Быў я у пана Бараноўскаго на куци,
Якъ объѣўся я купци,

Ни ссапци, ни дыхци,
Ни домоў, до моёй жонки — Уляны дойци.
Кабъ знайшоўся докторо́чекъ,
Да полѣчіў мой живото́чекъ,
Оддаў бы яму то́рбачку да мяшо́чекъ.

Входитъ *докторъ* и говоритъ: Што ты, гадъ, тутъ разшумѣўся ў панскихъ покояхъ?

Мужикъ. Ай, паночекъ, полѣчи мой животочекъ.

Докторъ. Што табѣ?

Мужикъ. Бурчення, нестраўность.

Докторъ. Покажи, гадзе, пульсъ!

Мужикъ. Такъ?

Докторъ. Не такъ.

Мужикъ. Такъ?

Докторъ. Не такъ.

Мужикъ. Бодай же ты свѣту не вѣдаў якъ!

Докторъ беретъ Мацѣя за шиворотъ, бьетъ его о стѣну приговаривая: Мацѣй — *поцѣй*, Мацѣй — *поцѣй*! Наконецъ докторъ уходитъ, остается одинъ Мацѣй; онъ говоритъ:

«Намацѣў [1]), напоцѣў и самъ къ чорту поляцѣў. Гетые Минскіе доктары́, вынимаюць душу безъ поры́: не лѣчуць, да еще калѣчуць. Казаў съ паты́лицы кроў пусьциць, па пупѣ баньки поставиць, казаў ўзяць моху, чертополоху, мушиныхъ вантро́бокъ, камаривнаго шмальцу и еще нѣ́чаго троху. Смѣшаў гета я, збоўтаў, глыну́ў — не полегчало, еще горѣй стало».

Входитъ его жена, *Ульяна.* Онъ идетъ къ ней на встрѣчу и говоритъ:

«Ходзи, Уляпушка, ў шинокъ,
«Хоць лянокъ застаўлю,
«Але поўкварты постаўлю.
«Ходзи моя кузюрочка, ягодка.»

Оба уходятъ, музыка играетъ «лявониху».

---

1) Нащупалъ, намялъ.

№ 4. На сцену выходитъ жидъ съ своей женой, Сорой. Сперва онъ идетъ по сценѣ и кричитъ:

«Шпильки, иголки,
Красные товары, помада
И ўсе, што надо».

Потомъ обращается къ Сорѣ и предлагаетъ ей немного потанцовать. Музыка играетъ что-то въ родѣ польки въ минорномъ тонѣ. Потанцовавши, онъ говоритъ: «Соре, Соре! ступай до дому кугелъ печи, а я буду Богу молиться». Начинаетъ молиться Богу, причемъ киваетъ головой:

«Сонце низко —
Шабасъ блиско;
Сонце высоко.
Шабасъ далёко.
Борухъ таты
Адыной!
С... и ў хацѣ,
Будзе гной.
Бяры лопату,
Выкидай гной за хату.

Входитъ казакъ съ пикой, замѣчаетъ еврея и говоритъ ему: «Что ты тутъ, пархъ, дѣлаешь?» Еврей принимаетъ испуганный видъ и говоритъ казаку: «Якъ ясне вельможный панъ называется?»

Казакъ (басомъ). Ѳеодоромъ.

Еврей (танцуетъ и поетъ тонкимъ голосомъ).

«Я задкóмъ, передкóмъ,
Передъ паномъ Ѳидеркомъ.
Не я скачу — неволя,
Приказали панове».

Казакъ: А ты, шабасъ, не дзивуй,
Выше ноги подыймуй!

Наконецъ казакъ убиваетъ еврея; вдругъ входитъ его жена, Сора. Увидѣвши своего мужа убитымъ, она начинаетъ плакать и приговаривать по еврейски. Къ ней тогда подходитъ казакъ и говоритъ: «Что ты тутъ разщумѣлась!». *Еврейка*. «Ты свиння, парсюкъ, свинюкъ, за что ты забіў мойго мужа? Я пойду на тебя уфъ самый губернаторъ жаловаться».

Казакъ. «Ну, ну ступай!» Съ этими словами прогоняетъ ее, а самъ поетъ и танцуетъ:

«Я козакъ, неборакъ,
Работы не маю;
Жидовъ бью,
Водку пью,
Весело гуляю».

Потомъ обращается къ публикѣ и говоритъ: «Прощайте господа, мнѣ офицеръ еще велѣлъ въ караулъ сходить». Онъ удаляется. Тутъ входитъ чортъ, беретъ еврея и со слѣдующими словами уноситъ его:

«Ў школу не ходзіў,
Богу не молиўся.
Гзѣ Янкель и Абрамъ,
Нехай и ты будзешь тамъ.

№ 5. На сцену выходятъ цыганка съ ребенкомъ на рукахъ и цыганъ съ медвѣдемъ на цѣпи. Цыганъ заставляетъ медвѣдя кланяться публикѣ, показывать, какъ нужно воровать горохъ, какъ бабы ходятъ въ лѣсъ по ягоды. Цыганка поетъ слѣдующіе куплеты

***

Я цыганка молодая,
Я цыганка не простая,
Знаю ворожиць;
Знаю ворожиць.

***

Покажи-ка, баринъ, ручку,
Положи-ка денегъ кучку,—
Всю правду скажу,
Всю правду скажу.

№ 6. На сцену выходятъ Вольскій, купецъ польскій съ госпожею Барановскою. Вольскій разсказываетъ о своихъ торговыхъ дѣлахъ, начинаетъ жаловаться на худыя времена, на застой торговли: въ продолженіе недѣли, по его словамъ, онъ продалъ только полтора гвоздя. Затѣмъ онъ обращается къ музыкантамъ:

«A mojeż wygrajki
Zagrajcie mi ładnie
Ja wam slicznie podziękuję,
Aż mi czapka spadnie».

Музыка начинаетъ играть; а онъ съ госпожей Барановской танцуетъ. Потомъ прощаются и уходятъ.

№ 7. На сцену выходитъ молодой франтъ съ барышней (Elegant nowy co ma zegarek cynowy). Музыка начинаетъ играть, онъ танцуетъ; при этомъ поются куплеты.

Oj ostróznie koło ściany,
Bo to fraczek pożyczany
J kapelusz nie swoj własny,
Bo na głowie bardzo ciasny;
A na szyi cztery chustki
A w kieszeni same pustki.

* * *

Oj tancujcie portki moje,
Bo mam w domu jescze troje.
—Kiedy masz ich w domu troje,
To zrzócaj że tutaj moje.

* * *

Tancujcie, walcujcie,
Trzewiczków nie psujcie:
Mam brata Kondrata,
Trzewiczki załata.
I ja z tobą potancuję,
I trzewiczki podaruję.

№ 8. На сцену являются Антонъ съ козой и Антониха с подойникомъ. При этомъ поются слѣдующіе куплеты:

Антонъ козу вядзé.
Тыцъ, мыцъ, коза не йдзé:
Антониха погоняе,
На табáку заробляе.

***

Антонъ по табáку,
Яго лаюць якъ собаку,
Антониха по муку,
Яе лаюць якъ суку

***

А ты коза стой! стой!
(Антониха начинаетъ доить козу).
А я козу дóй, дóй;
А я козу кулакомъ,
Идзи сабѣ съ молокомъ.
А позвольце жъ Антонéму
Зробиць по своéму.

***

Моя коза бѣлая,
По огородзѣ бѣгае:
Объѣлася чеснoку,
Кричиць бяжиць по току.

***

Мойа жъ коза козилася,
И съ прйпечку звалилася.
Мене дома не было́,
Мою козу обдуло́.

* * *

Антопъ моло́дзенькій
Пiў мёдъ соло́дзенькій,
Прикапiўся къ бочапце, —
Яму яще хочетца.

Эта пѣсня поется пока Антониха доитъ козу. Какъ только она кончитъ, Антонъ уводитъ козу, а за нимъ уходитъ и Антониха.

№ 9. Тутъ на сценѣ является Макаръ, одѣтый паяцемъ. Музыканты играютъ козачка и поютъ:

Ай! Макаръ, Макаръ, Макаръ!
Семь лѣтъ въ огородзѣ
Носомъ картошку копаў,
А цяперь подъ музы́ку попаў.

* * *

Здраствуй милая, красавица моя,
Черноброваяя кохайся на меня!

Это поется въ быстромъ темпѣ на мотивъ казачка, съ взвизгиваніями и притопываніемъ.

№ 10. На сцену выходитъ краковякъ съ краковянкой и начинаетъ танцовать краковякъ, при чемъ поется слѣдующая пѣсня на тотъ же мотивъ:

* * *

Krakowiaczek biedny
Nigdy nie tancował,
A pod starość musi,
Bo go kaszel dusi.

* * *

Płynie kamień rzeczką,
Sliczna panienezko,

Jak przepłynie łąką,
Będziesz moją żonką.

***

Gdziesz ty, durniu, widział,
Żeby kamień pływał;
Kiedy mnie nie kochasz,
Na cóz u mnie bywał?

***

Nie kochaj się, we mnie,
Bo to nadaremnie;
Za panną swiatową (?)
Porzucić gotowa.

***

Kochać cię chłopczyku,
Jeszcze będę lepiej,
Tylko ciebie proszę,
Gorzałeczki nie pij,
I w karty nie grywaj;
Kiedy ty mnie kochasz,
U drugiej nie bywaj.

Затѣмъ краковякъ прощается съ краковянкой и говоритъ ей:

«Do widzenia, panieneczko,
«Zobaczymy się za góreczką».

№ 11. На сцену выѣзжаютъ два рыцаря на лошадяхъ; одинъ рыцарь христіанскій, другой турецкій. Между ними начинается поединокъ. Пока они сражаются, поется слѣдующій куплетъ на мотивъ и темпъ марша:

Maszerujmy powoli,
Niech nam serce nie boli;
Maszerujmy już, już, już,
Bo za nami tuż, tuż, tuż.

Потомъ христіанскій рыцарь побѣждаетъ турецкаго и убиваетъ его. Затѣмъ онъ одинъ разъѣзжаетъ по сценѣ и поетъ въ минорномъ тонѣ, протяжнымъ напѣвомъ, слѣдующій куплетъ:

Zwojowałem jednego wojaka,
Zwojowałem jego nizki stan,
A teraz wyszedłem na dworaka,
I jestem całej gęby pan.

Потомъ рыцарь уѣзжаетъ и является смерть, забираетъ тѣло рыцаря и уноситъ его.

№ 12. На сцену выходитъ Бернардинскій монахъ, съ небольшой корзиной, прикрѣпленной къ поясу. Въ эту корзину кладутъ условленныя за представленіе деньги. Обыкновенно Бернардинъ выходитъ нѣсколько разъ на сцену и, полагаясь на милость хозяевъ, всякій разъ выпрашиваетъ что-нибудь.

№ 13. Въ заключеніе всего представляется свадьба въ Комаровѣ (Komarowskie wesele).

Описаніе бетлеекъ.

Бэтлейки (или батлейки)—это своего рода кукольный театръ. Они представляютъ собою ящикъ, въ родѣ домика съ крышей; передняя стѣна полотняная и подымается, подобно занавѣси въ театрѣ, когда дается представленіе. Въ задней стѣнѣ два прорѣза А и А въ видѣ дверецъ (см. чертежъ № I), промежутокъ между ними занимаютъ двѣ куклы, представляющія собою Богоматерь и Св. Іосифа; передъ ними въ колыбелькѣ лежитъ Маленькій Інсусъ Христосъ. На переднемъ планѣ укрѣплены двѣ колонки С и С. Отъ дверецъ идутъ по дну ящика прорѣзы Д, Д, Д, служащія для того, чтобы на проволокахъ могли быть вдвигаемы на сцену куклы. Эти прорѣзы замаскированы заячьимъ мѣхомъ, которымъ устлано все дно ящика, въ данномъ случаѣ, сцена. Стѣны ящика оклеены лубочными картинами, большею частью духовнаго со-

держанія. Этотъ ящикъ имѣетъ двойное дно; въ промежутокъ между этими днами входитъ другой ящикъ, весьма неглубокій (какъ въ комодѣ) и въ немъ сохраняются дѣйствующія лица. Во время же дѣйствія этотъ ящикъ выдвигается, и такимъ образомъ въ образуемый промежутокъ могутъ помѣщаться руки, управляющія движеніемъ куколъ. На крышѣ ящика устроена башенка (въ родѣ какъ бы мезонина на домѣ); эта башенка бываетъ круглая, шестиугольная или даже просто квадратная. Въ ней со стороны зрителей находятся дверцы. Полъ въ этой башенкѣ состоитъ изъ диска, вращающагося на вертикальной оси. По окружности диска укрѣплены куклы, изображающія дѣвушекъ и мужчинъ держащихся за руки—это и есть Комаровская свадьба. Къ оси сверху придѣлана рукоятка такъ, что вся эта группа можетъ быть вращаема при посредствѣ этой рукоятки. Освѣщается сцена посредствомъ двухъ подсвѣчниковъ (освѣщеніе на счетъ публики, и огарки въ пользу владѣтеля бетлеекъ, что всегда строго соблюдается). Нужно ли прибавлять, что владѣтели этихъ бетлеекъ говорятъ за куколъ и заставляютъ ихъ исполнять на сценѣ извѣстныя движенія. Одежда всѣхъ куколъ не представляетъ ничего особеннаго, онѣ покупаются въ лавкахъ. Только Мацѣй и Ульяна одѣты характеристично: первый въ крестьянской серьмягѣ и имѣетъ въ рукѣ связку лыкъ; вторая одѣта какъ бѣлорусская крестьянка и держитъ въ рукахъ связку льну. Сверху надъ башенкой помѣщается большой цвѣтной фонарь, которымъ они и даютъ знать о своемъ присутствіи Внутренній видъ бетлеекъ, поперечный и продольный разрѣзы изображены на прилагаемомъ чертежѣ.

Это описаніе составлено уч. VIII кл. Минской класс. гимназіи Викентіемъ Свенцицкимъ и доставлено учит. той же гимназіи П. И. Андерсономъ. Ср. у Безсонова: «Бѣлорусскія пѣсни» I, стр. 79, № 125.

б) Той же губ.

Выходятъ два ангела въ бѣлыхъ одеждахъ: одинъ изъ одной двери, другой — изъ другой, причемъ поется польская пѣснь.

Anioł pasterzem mówił и т. д., какъ въ Кантычкѣ.

Ангелы уходятъ.

Затѣмъ выходитъ мужикъ въ сѣромъ армякѣ съ топоромъ за поясомъ, а на плечахъ у него связка лыкъ или грибовъ, которые онъ снимаетъ при входѣ, кланяется публикѣ и съ удивленьемъ говоритъ:

Ахвей! авэй! якъ тутъ ясно, красно,
Чи́рвоно зе́лено;
Нероўнуючи, якъ ў косцели.
Што я вамъ скажу:
Бывъ я ў пана Барановскаго на куци» и т. д. (какъ въ предыдущ.)

Кланяется и показываетъ *желудокъ*:

«Ай паночки, паночки, — рѣза́нка!
«Штобъ пришоў докторочекъ,
«Да полѣчиў мой животочекъ».

Приходитъ докторъ и говоритъ:

«Чого тутъ раскричаўся?»
— Штобъ панская милость полѣчила мой животокъ.

(Повторяетъ разсказъ, какъ онъ былъ у пана *Барановскаго*).

Докторъ —«Покажи свой пульсъ? (Посмотрѣвши пульсъ, докторъ говоритъ):

А! пропаў за собаку;
У цябе семилѣтняя трясца
За пазухами сядзиць».

Мужикъ Мацей проситъ доктора:

— Будзь, панъ, ласкоў:
— Жонку молодую оставлю,
— Дзяцей сиротокъ.

Докторъ: «Табѣ треба на ноты даць». При этихъ словахъ онъ начинаетъ толкать мужика, приговаривая: «Вотъ такъ, не такъ», а мужикъ: «Кабъ панъ свѣту не видзѣў якъ!»

Докторъ: «А шельма, такъ ты еще лаешься, ходзи къ сцѣнкѣ», бьетъ его, приговаривая: «Мацей, поцей!» а самъ убѣгаетъ.

Мужикъ: Минскія доктуры
Не лѣчаць, а калѣчаць... (и т. д., какъ въ предыдущ.)

Выходитъ жена мужика въ ситцевомъ платьѣ и начинаетъ танцовать, послѣ чего она говоритъ:

Ходзи, заставлю полотно,
Куплю кватэрку.

(Уходятъ)

3. Является жидъ. Бетлейщикъ рекомендуетъ его:

Ото выходзи Абрамъ со своé жонкой Соро (по-польски).
«Соре, Соре, кумъ а танцъ!» (т. е. поди танцовать).

Танцуютъ. Затѣмъ жидъ говоритъ:

Ой людзи, людзи!
Што зъ гетого будзе?
Приходзяць на хата,
Беруць на солдата,
Не глядзиць ни на Сору,
Ни на малыя дзѣци.
Ты йдзи печи кугель,
А я буду говорицъ зъ Богомъ.

Сора уходитъ, а жидъ становится около стѣнки, киваетъ головой и говоритъ:

Борухате одыной. . . .
Объ стѣнку головой.
Сонце низко, низко,
Шабасъ близко,
Бери лопату,
Кидай на хату, будзе гной. . . »

4. Является козакъ и говоритъ.

«Чего ты тутъ шумишь и гукаешь»?

Жидъ:

«Я не шумлю, не гукаю.
«Што згубивъ, то шукаю».

Козакъ: «Здѣсь не шуми, здѣсь честные господа живутъ».

Козакъ копьемъ убиваетъ жида. Является Сора!

«Ой гвултъ! Абрамъ! восъ вильстъ?
«Ходзи, булванъ! майне Абрамъ! акренкелъ!» (умеръ).

Козакъ. «Што ты лархатая жидовка кричишь?»
Жидовка. — «У! ты свинюкъ, ты моего мужа забивъ,

И хочешь мене забици
Я пойду до пана полковника
И онъ тоби дастъ пять сто палокъ.»

Уходятъ.—Остается мертвый жидъ.

5. Является чортъ и говоритъ:

Гдзѣ ты, грѣшная душка?
Очки, якъ пе́рлочки,
Зубки, якъ кора́лки,
Хвостокъ, якъ серпокъ,
На кончику стрѣлочка.

Чортъ хватаетъ жида и тащитъ.

6. Выступаетъ козакъ и дѣвушка въ сарафанѣ съ ведромъ — и поютъ:

Козакъ коня напояў,
Дзѣўка воду брала,
Козакъ пѣсеньку запѣў,
Дзѣўка воды дала.
Штобы не дзѣўчина,
То бы не жанiўся
Распалила сердце, душу,
Жанишся мушу.
Цече рѣчка невеличка
Отъ винного саду,
Звала дзѣўка козаченьку
До себѣ на ра́ду. —

Прощай, прощай, моя мила, надо на караулъ итти.

7. Является уланъ и поетъ:

Улане, улане, малёване дзѣци,
Не една паненка, не една вдова
За вами, улане,
Лецѣци готова
До самой Варшавы.
И бендзе . . . . якъ сучка съ подлавы.
А то уланъ добрый хватъ,
До паненокъ зуховатъ.
Гдзѣ поѣдзе, то поѣдзе,
Завше собѣ панну звездзе.
Пшистань, пшистань до улановъ
Теразъ нема добрыхъ пановъ,
Теразъ паны, якъ лайдаки
Хлебчуть крупникъ, якъ собаки.
Якъ пшистанешь — уланъ бендзешь,
Бо улане добры людзи,
Што положи, то не будзе;
Пшистань, пшистань до варбунку,
Будешь ѣсци зъ масломъ курку,
Будзешь ѣсци, будешь пици,
Будзешь хорошо ходзици [1]).

Уходятъ.

8. Является скоморохъ съ медвѣдемъ, котораго онъ ведетъ на цѣпи, и цыганки.

Бетлейщикъ:

«Ото выходзи Сморгонскій учицель зъ учнемъ».

Цыганка поетъ: — Я цыганка молодая,
Я цыганка не простая, и т. д. (какъ въ предыдущ., только съ прибавкою трехъ слѣдующихъ строкъ:)
Сѣдитъ цыганъ надъ водою,
Все водицу попивае
И цыганку обнимае.

Цыганка уходитъ.

---

[1]) Пѣсня бѣлорусско-польская со значительными искаженіями. Е. К.

Скоморохъ къ медвѣдю:

—А ты, Миша, не лѣнись,
Честнымъ господамъ поклонись.
Дадутъ рубль, другой,
Рюмку водки, хлѣба на закуску.
А мы идземъ подальше,
Гдѣ хлѣбъ потаньше,
А може и даромъ дадуть.

Уходятъ.

9. Является купецъ (оборванный) съ женщиною.

Бетлейщикъ:

То выходзи панъ Вольскій,
Купецъ польскій.
Ма шпильки, голки и перець горкій.
Мои панове, не гнѣвайцеся,
Же не добже одзяный!
Але въ крамѣ мамъ добры товары.
А то, пани Якубовска (рекомендуетъ ее).
Нема наגловѣ, ни еднэго влоска,
Але я кохамъ съ цалэго серца».

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Цѣлуетъ ее. Якубовская говоритъ:

Якъ и въ зимѣ, такъ и въ лѣцѣ,
И въ весенней поржѣ,
Выховаемъ голомбка
Въ тэй цемпэй коморжѣ.

(указываетъ на купца)

Къ купцу. Пій, ѣдзъ (ѣшь), грай,
Товаръ свой продавай,
И мене угоцай.
Бугъ вѣ, чи дожіемъ,
А цо наше, то выпіемъ.

О муй пташе,
О муй квецс,
О муй голомбечку!
Чижь я цебе не кохала?
Вруцься, коханэчку:
Ой я цебе такъ кохала,
Яко сама себе,
Кеды (меня) теразъ не кохашь,
Скара Папъ Бугъ цебе.

Купецъ: Пуйдэ до крама, може
Полтора цвѣку уторгуе[1]).

10. Выступаетъ франтъ въ черномъ фракѣ и въ цилиндрѣ; на шеѣ золотая цѣпь. Бетлейщикъ говоритъ:

Ото выходзи алегантъ повый,
Цо ма дзыгарокъ цыновый (изъ цинка),
А канелюшъ не есть власный (не собственный)
Бо на гловѣ бардзо цясный (тѣсный),
А на шіи чтеры хустки,
А въ кишенѣ цалы пустки.

Выходитъ барышня. Бетлейщикъ говоритъ:

«Ото выходзи алегантка,
«То его коханка».

Начинаютъ танцовать. Бетлейщикъ говоритъ:

Танцуйце, вальцуйце,
Тшевичекъ не псуйце[2]).
Мамъ шевца Кондрата,
Тшевички полата.

Франтъ замѣчаетъ:

Кохалися двѣ недзѣли,
Пуки[3]) людзи не вѣдзѣли,
А якъ людзи довѣдзѣли,
Ойцу, матцы повѣдзѣли[4]).

---

[1]) *Цвѣкъ*—гвоздь; [2]) не портите; [3]) пока; [4]) сказали.

Ойцецъ лае, матка біе,
Не кохайся ты бестыя.
О не лайце, о не бійце,
Бенде кохалъ, пуки жіе.
Мое панове: бывайце здровы;
Венцый не моге бавицца,
Бо естэмъ глодный, якъ песъ.
Отъ першей куцци ницъ не ядъ,
Тпеба гдзѣ-кольвекъ на коляцію сходзиць.

11. Является мужикъ въ свитѣ съ сумкою. Онъ держитъ на веревкѣ козу и вмѣстѣ съ нимъ является женщина съ подойникомъ; она держится за козу. Батлейщикъ поетъ:

Антонъ козу ведзе и т. д., какъ въ предыдущ.

Антониха присѣдаетъ и начинаетъ доить козу. Антонъ ей говоритъ: «Бей масло», и она немедленно принимается и за это дѣло, а онъ возится съ козою: коза никакъ не хочетъ идти. Антониха говоритъ:

«Позвольце Антонему,
«Нехай роби по своему!»

Антонъ верхомъ садится на козу.

Кабъ цебе воўки зъѣли
Въ Комаровскомъ болоцѣ [1]).

Уходятъ.

Сообщ. воспитанникомъ Минской семинаріи В. Г. Станкевичемъ.

в) Той же губ.

По многимъ городамъ и мѣстечкамъ Минской губ., напримѣръ въ городѣ Рѣчицѣ, Мозырѣ, въ мѣстечкахъ, Копаткéвичахъ, — Мозырскаго уѣзда, Паричахъ — Бобруйскаго уѣзда, въ г. Бобруйскѣ и м. Березинѣ, Игуменскаго уѣзда, практикуется обычай хожденія съ вертепомъ на Рождественскіе праздники; этотъ

[1]) Комаровское болото находится недалеко отъ Минска. С.

обычай устраивать, такъ называемый, вертепъ процвѣтаетъ исключительно въ городахъ и мѣстечкахъ среди мѣщанскаго населенія, гдѣ народъ сравнительно больше развитъ въ умственномъ отношеніи, чѣмъ жители селъ и деревень, гдѣ повсемѣстно можно встрѣтить въ праздники Рождества древне-языческій обычай устраивать къ этому времени такъ называемыхъ *козъ, козловъ и медвѣдей,* съ массою особо подобранныхъ къ этому времени пѣсенъ и ходить изъ одной хаты въ другую по ближайшимъ селамъ и деревнямъ, *щедруя* (распѣвая пѣсни). Идея устраивать вертепъ почерпнута народомъ преимущественно изъ исторіи Ветхаго и Новаго завѣта. Вертепъ устраивается изъ деревянныхъ, ровно обдѣланныхъ досокъ, въ видѣ четырехугольнаго ящика — аршина полтора или два въ вышину, въ аршинъ ширины; этотъ ящикъ пересѣкается, какъ разъ по срединѣ, дощатою перегородкою, на два яруса: верхній и нижній; въ обоихъ ярусахъ съ правой и съ лѣвой стороны приспособляютъ по одному отдѣленію, съ перегородками отъ главныхъ центральныхъ.

Куклы или фигуры.

Самую важную и необходимую принадлежность вертепа составляютъ куклы или фигуры, изготовляемыя изъ дерева рѣзчикомъ, съ раскращенными платьями, соотвѣтственно духу древней моды. Всѣхъ фигуръ обыкновенно бываетъ пятнадцать, а иногда и болѣе.

Изъ Новаго Завѣта:

1) Пресвятая Дѣва Марія.

2) Іосифъ обручникъ.

3) Новорожденный Младенецъ.

4) и 5) Виѳлеемскіе пастухи (двое).

6) и 7) Волхвы (Персидскіе цари), приносящіе дары новорожденному младенцу (двое).

Изъ Ветхаго Завѣта:

8) Царь Иродъ.

9) Воинъ, призывающій градоначальника.

10) Градоначальникъ, которому Иродъ отдаетъ приказъ перебить всѣхъ новорожденныхъ младенцевъ мужского пола.

11) Рахиль, просящая о помилованіи ея сына.

12) Еврей Берка, въ старомъ національномъ его костюмѣ.

13) Мужикъ.

14) Діаволъ (кадукъ).

15) Еврейка, жена Берки.

Всѣ означенныя фигуры приспособляются на проволокахъ снизу въ вертенѣ, такъ что по волѣ распорядителя представленій въ вертенѣ, одного изъ ловкихъ и находчивыхъ парней, упомянутые фигуры движутся—каждая въ своей роли. Куклы или деревянныя фигуры, изображающія Пресвятую Дѣву Марію и Іосифа Обручника ставятся въ глубинѣ верхняго центральнаго яруса, рядомъ; предъ ними полагается въ ясляхъ на сѣнѣ фигура, знаменующая собой новорожденнаго младенца. Накапунѣ новаго года къ вертепу дѣлается подборъ взрослыхъ и дѣтей (пѣвчихъ), которые поютъ при представленіи пѣсни.

Придя въ домъ хозяина, предъ началомъ представленія, одинъ изъ болѣе ловкихъ и практичныхъ парней—участниковъ въ хожденіи съ вертепомъ, садится сзади его и объявляетъ, что начинается представленіе изъ Новаго Завѣта — о Рождествѣ Спасителя. Представленіе производится въ верхнемъ ярусѣ вертепа. Предварительно являются два мужика (пастухи Виѳлеемскіе) и кланяются новорожденному младенцу въ поясъ и оборачиваясь къ зрителямъ, говорятъ: «Мы пастухи Виѳлеемскіе, находились сію ночь на стражѣ, пасли свой скотъ; вдругъ при большой темнотѣ, осіялъ насъ необыкновенный свѣтъ. Мы испугались, но ангелъ Господень сказалъ намъ: «Не пугайтесь! это родился царь славы; вы идите и поклонитеся ему; онъ въ Виѳлеемѣ; множество ангеловъ увидали поющихъ: слава въ вышнихъ Богу....... (эта церковная пѣснь исполняется хоромъ пѣвчихъ при вертенѣ).

По окончаніи пѣнія «слава въ вышнихъ Богу.....» пастухи удаляются. Приходятъ волхвы, цари Персидскіе, кланяются ново-

рожденному младенцу и приносятъ дары. Затѣмъ они обращаются къ народу со словами: «Мы волхвы, цари Персидскіе—изъ далекихъ странъ, не пожалѣли своихъ царскихъ трудовъ и пришли поклониться новорожденному младенцу; мы это узнали по звѣздѣ на востокѣ, которая намъ сопутствовала». При этихъ словахъ поется церковная пѣснь: «Волхвы, цари Персидстіи, позпаша явѣ на земли рожденнаго царя небеснаго...» Волхвы кланяются и удаляются. По окончаніи всего этого начинается представленіе въ нижнемъ ярусѣ вертепа объ Иродѣ. Свѣча при этомъ переносится изъ верхняго яруса въ нижній. Медленно выдвигается изъ за - занавѣси одинъ изъ царей, который садится на тронѣ, и тутъ подбѣгаетъ къ нему воинъ съ вопросомъ: «Что прикажете ваше величество?» Царь приказываетъ позвать градоначальника. Воинъ немедленно удаляется. Входитъ градоначальникъ. «Что слышно у насъ?» спрашиваетъ царь? — «Ничего особеннаго, ваше величество!» — Какъ же ничего! Народился новый царь, и я, опасаясь, чтобы онъ не завладѣлъ моимъ царствомъ, повелѣваю убить всѣхъ новорожденныхъ младенцевъ мужского пола».

Чрезъ двѣ-три секунды входитъ воинъ съ докладомъ, что младенцевъ всѣхъ убили; только плачетъ одна Рахиль и проситъ о помилованіи единственнаго еще оставшагося въ живыхъ сына. Воинъ отправляется за занавѣсъ и представляетъ плачущую женщину, просящую пощадить хоть единственнаго сына. «Ваше величество, восклицаетъ женщина, я поручаю вамъ своего сына, возьмите его въ свои палаты, не воспитывайте, только лишь бы онъ былъ живъ». — «Да, отвѣчаетъ царь, были случаи, знаемъ уже: и Фараонъ когда то воспитывалъ Моисея, а онъ потомъ лишилъ его царства». Женщина выходитъ съ плачевною пѣснею. Хоръ пѣвчихъ поетъ:

«О Ироде ты проклятый (2)
Не пощадилъ ты въ Виѳлеемѣ
Ни единаго дитяти;
Ты хотѣлъ убить Маріина сына,

На что тебя сатана искусилъ.
Но Божія сила
До сего не допустила;
Ты убить Христа рѣшился,
А Іосифъ съ Маріею
Въ Египетъ удалился.
О Ироде ты проклятый! (2)
Ты еще на свѣтъ Божій не родился, —
Въ твоемъ сердцѣ сатана поселился.
О Ироде ты проклятый. (2)

Иродъ удаляется съ трона; входитъ еврей, Берка, въ старомъ своёмъ національномъ костюмѣ, разсматриваетъ палаты Ирода, поворачиваясь къ зрителямъ со словами: «Ви знаеце господа, сто тутъ царь зыў, а циперъ узъ я купіў гэтые палацы, а самъ царь ўзэ памьёръ; гэто яго Богъ скараў, сто ёнъ насыхъ цѣлыхъ цатырнаццать тысяцъ дзэ́тацакъ перабіў. Я думаю», продолжаетъ еврей, «ў гэтумъ палацы открыць тракциръ: отъ тутъ баццо́пацакъ поставлю, а тутъ кре́селько». Затѣмъ самъ садится на тронъ и давай плясать отъ радости. Въ скоромъ времени является мужикъ и обращается къ зрителямъ со словами: «Ву ня знасце—господа мойго го́ра. Яжъ екъ паѣўсе куцци, такъ ни мугу́ и пойци: отъ я ўжэ ипоў ў во́ласъ и къ хве́ршалу, ажъ ѣдзе воласный писаръ пытаетця ўмене: «куды ты ѣздешь Змитро?»—«Ўволасъ икъ хвершалу; болицъ. папо́чакъ, вельми мой животочекъ. Я жъ ўчора якъ паѣўсе куцци, дакъ ня могу и пойци». А писаръ кажа: «хвэршала цяперака нема; ты лѣпей идзи икъ Берку и выпи гарелки чвэртку, укинувши дробъ капхворы, такъ ня будзешъ хворый». Наконецъ мужикъ обращается къ еврею: «А, здоровъ, Берка, ну—алежъ у цябе и палацы, и чагожъ тутъ у цябе пяма! Одного тольки бацьки зъ ма́цяраю тутъ пяма́шака! Дай жэ мнѣ га́релки чарку выпиць!»—Давай зэ гро́сы! — «Да яжъ ня ўзяў съ собою изъ дому».—Цагозъ ты исбу, жс на вѣру думаесъ? Исцэ я тольки пацинъ роблю, а ёнъ узэ.... музыкъ,—трасца яго

матары, прысоў, — и дай яму на вѣру; прицёсъ би цаго мѣрацку! — «Погодзи жъ ты, проклятый жидовинъ, говоритъ мужикъ, яжъ табѣ паслю, я табѣ изроблю, што цябе чортъ ухвацiць!» и мужикъ уходитъ. «Такъ пьяница усе страсцае: я табѣ нашлю! Дзѣ ви бáцыли, гаспада той цортъ, дзѣ ёнъ есь па свѣци, хто гэто даказэ?!» Въ эту минуту является чортъ, очень страшный по виду: на нёмъ платье съ тхороваго мѣха, лицо чорное, съ хвостомъ, на головѣ рога. Чортъ хватаетъ Бэрку и уноситъ съ собою; Бэрка кричитъ «гвалтъ!» (Зрители хохочутъ). Въ концѣ всего приходитъ еврейка, жена Бэрки, обращается къ зрителямъ съ вопросомъ: «Цы не бацыли мая Бэра?» — «Егожъ чортъ ухваціў», произноситъ исполнявшій всё время словесныя роли дѣйствующихъ лицъ въ формѣ фигуръ или куколъ.

Сообщ. учит. народн. училища Н. Г. Яцко.

г) Въ Могилевѣ — губернскомъ.

Во время святокъ, съ перваго же дня праздника Рождества Христова, могилевское христіанское простонародіе ходитъ по домамъ съ вертепомъ. Шкапъ такой же, какъ тотъ, въ какомъ устроиваютъ раекъ, продолговатый и величины обыкновеннаго шкапа или сундука для бѣлья. Въ этомъ шкапѣ двѣ сцены — верхняя и нижняя, подобно тому, какъ и въ шкапѣ для бѣлья верхній и нижній ящики, съ тѣмъ впрочемъ отличіемъ что передняя, лицевая сторона открыта и не имѣетъ доски. Полъ каждой сцены имѣетъ сквозныя узкія прорѣзы, для движенія укрѣпленныхъ на проволокахъ куколъ, по направленію прорѣзанныхъ линій.

Чтобы прорѣзы были не замѣтны, полъ покрывается заячьей шкуркой, мѣхомъ вверхъ, который и прикрываетъ своею шерстью прорѣзы. Въ глубинѣ верхней сцены находится маленькій иконостасъ съ 4 иконами: Матери Божіей, Богоявленія, Спасителя и Рождества Христова. Среди иконъ находится маленькое изваяніе рожденнаго младенца Христа; предъ иконами стоятъ свѣчи.

Въ глубинѣ нижней сцены вертепа находится тронъ. Съ этимъ-то вертепомъ ходятъ могилевскіе православные ремесленники къ зажиточнымъ и почетнѣйшимъ лицамъ изъ христіанъ, въ сопровожденіи большой толпы молодежи, отъ ребятишекъ до 30 лѣтнихъ мущинъ. Дѣйствіе происходитъ въ вертепѣ посредствомъ костюмированныхъ деревянныхъ куколъ, при нестройномъ пѣніи или речитативѣ сопровождающей вертепъ толпы въ слѣдующемъ порядкѣ:

1. Выходитъ лицо, представляющее пономаря и засвѣчаетъ свѣчки предъ образами. Толпа поетъ тропарь: Рождество твое Христе и проч.

2. Пономаря смѣняютъ три ангела съ поклоненіемъ предъ изваяніемъ младенца Іисуса. Въ это время поется кондакъ праздника: Дѣва днесь и проч.

3. Являются Адамъ и Ева, которыхъ ангелы изгоняютъ (разумѣется, изъ рая). Толпа поетъ слѣдующій стихъ:

Вопль бысть предивный: о предрайской
странѣ.
Плакался Адамъ изъ раю изгнанный.
«Ой, раю-жъ мой! раю, сличная крайна!
«Ой, бида-жъ моя, безъ тебе годи́на,
«Ой, жена моя, чтожъ ты̀ мнѣ сдѣлала?
«Ты мя властнаго изъ раю изгнала».

4. Послѣ являются пастухъ и пастушка: хоръ поетъ:

«Пастушка съ ягня́ткомъ
Предъ тымъ дѣтя́ткомъ,
На колѣна упадаеть,
Христа прославляеть».

5. Послѣ поклоненія пастырей, входитъ царь Давидъ. При этомъ поется:

«Давидъ, муже дивный
Выигриваетъ въ игры,

На всѣ струны ударяетъ,
Христа прославляетъ.
Ты, Давидъ, славный пророческій царю,
Даруй лѣто счастливое днесь сему государу;
Просимъ тебе, царю небесный, *шефару(?)*
Воздай жертвы хваленія днесь сему господару».

6. Въ нижней сценѣ Иродъ садится на тронъ и говоритъ:

«Что я слышу во царствіи своемъ нынѣ, о новорожденномъ чадѣ; о! призову я къ себѣ трехъ царей и спрошу у нихъ какихъ вещей».

Входятъ три царя. Толпа поетъ:

«Шедше тріе цари
Ко Христу со дары,
Иродъ же пригласилъ,
Куда идутъ? испросилъ».

Цари говорятъ:

«Почто нашъ ца́рю державный
Велѣлъ придти подъ указъ твой явный»?

Иродъ говоритъ: «Потому я вамъ велѣлъ придти, что будто какая-то дѣва днесь царя родила, я въ ушахъ слухъ имѣлъ, а потому посылаю: идите, рожденнаго найдите и мнѣ предвозвѣстите и я также поклонюсь».

Цари говорятъ:

«Правда, шахъ царь надъ царями,
Повелитель надъ нами».

Потомъ цари входятъ на верхнюю сцену при пѣніи хора:

«Зашли въ чужи страны
Христа славословить.
Чаю не бѣжите,
Со ангелы служите.

Цари говорятъ:

«Новорожденный ца́рю
Прими наша дары!
Мы тріе цари
Приносимъ тебѣ дары».

Является ангелъ и говоритъ:

«Царіе друзи!
Куда вы мыслите?
Нейдите ко Ироду,
А идите инымъ путемъ».

Цари говорятъ:

«Благодаримъ тебѣ, ангеле,
Что намъ путь показавы путешествія страны(?)»

Потомъ хоръ поетъ:

«Ангелъ къ нимъ является,
На путь наставляетъ:
Инымъ путемъ идите,
Ко Ироду нейдите».

Между тѣмъ является Іосифъ и на ослѣ — Матерь Божія и удаляются».

Иродъ (на тропѣ) говоритъ:

«Что я слышу во царствіи своемъ нынѣ о новорожденномъ чадѣ, да призову я къ себѣ воина, или могъ бы онъ меня убить или болѣе раздразнить. Воинъ мой милый, воинъ мой любезный, стань предо мной!»

Воинъ является: «Государь, мой царь, твоя вѣра—моя вѣра, вѣроятно стала.

Иродъ: «Воинъ мой милый, воинъ мой любезный, иди во градъ Виѳлеемъ и избей младенцевъ, сущихъ первенцевъ».

Воинъ уходитъ и потомъ приводитъ Рахиль и говоритъ:

«Государь мой, царь, я веду къ тебѣ Рахилю съ малымъ отрочемъ: или велишь убить, или живаго на свѣтъ пустить».

Иродъ: «Я своихъ царскихъ словесъ никогда не перемѣню. Воинъ мой милый, воинъ мой любезный, возьми отроча, убей».

Рахиль:

«Царю мой, царю,
Милостивый государю,
Не раздражай моей утробы,
Не вгоняй диточко ко гробу,
Чтобъ чрезъ него въ огнѣ не горѣть,
Въ смолѣ не кипѣть».

Иродъ: «Охъ ты баба огнистая, скотина ребристая! Воинъ мой милый, воинъ мой любезный, возми отроча, убей».

Потомъ хоръ поетъ:

«Восплачетъ мати
По своемъ дитяти.
Ты убей, убей меня въ сіе время,
Пущай умру вскорѣ,
Не рыдай по чадѣ,
Вознесутъ во адѣ,
Твой вѣнецъ преславный,
Отъ Христа изданный,
Съ небесъ херувимы
И всѣ серафимы,
Мученикамъ слава,
Честь и держава,
На вѣчные вѣки.
Почтожъ ты гордишься,
Слезами обольишся?
Иродъ тебя побиваетъ,
Сердце въ тѣлѣ унываетъ,
Тяжко воздыхаетъ,
Слезно помышляетъ». 2.

Смерть приходитъ къ Ироду и говоритъ:

«Азъ есмь монархиня сему свѣту, пане,
Я пребываю во всякой странѣ,
Всѣ князи и цари подъ властью моею,
Потому что я вырублю косою своею.
А ты Иродъ, царь проклятый!
Полно тебѣ на семъ царствѣ царствовати,
Пора тебѣ въ адъ поступати».

Иродъ говоритъ:

«Охъ смерть, моя мати!
Не хотѣлъ бы еще умирати,
А хотѣлъ бы еще съ тобой воевати».

Смерть:

«Ахъ ты Иродъ, царь проклятый!
Не хочешь добровольно въ руки податься,
Хочешь съ смертью воеваться?
Какъ воскликну я брата
Съ пропастнаго ада: «Адъ! братъ!»

Является діаволъ и говоритъ: «Что, смерть сестра?»

Смерть говоритъ:

«Царь Иродъ не хочетъ добровольно
Въ руки податься,
Хочетъ съ смертью воеваться».

Діаволъ говоритъ:

«Возьми, сестра, косу,
Отруби ему главу,
Пусть ему — трупъ и глава,
Намъ — держава».

Смерть: «Пропойте ему надгробную пѣснь».

Хоръ поетъ:

«Вотъ еще бо не доказалъ пекельныя штуки.
Какъ Ирода проклятаго берутъ въ свои руки.
Берутъ его и держатъ,
Вся совѣты продлежать,
За его забавы
Идутъ до насъ славы».

Смерть:

«Вотъ тебѣ, Иродъ, царь проклятый!
Надгробная пѣсня пропѣта
Лишаешься сего ты бѣлаго свѣта».

Отрубаетъ голову. Является діаволъ и хватаетъ трупъ.

Этимъ кончается представленіе. Затѣмъ начинаются кукольныя пляски подъ скрипку въ слѣдующемъ порядкѣ: сперва солдатики пѣхотные, а потомъ конные маршируютъ. Послѣ пляшутъ дѣвчина съ парубкомъ, цыганъ съ цыганкою, еврей съ еврейкою, далѣе — Антонъ козу ведетъ, поджигая хвостъ ея, разбойникъ жида бьетъ, чортъ утаскиваетъ жида; въ заключеніе сборщикъ является съ блюдечкомъ, на которое публика должна положить деньги.

Въ этомъ отдѣлени цыгане говорятъ:

Цыганъ: «На *ковердо вердо на чечержь*,
Господа миряне чи ни бачили,
Чи ни ѣхали тутъ шатромъ цыгане?
Кобыла молодая па ногу *кильгала*,
Тамъ была моя цыганка молодая.
Ховра! Ховра»!

Цыганка: «А тута Ховра!»

Цыганъ: — Ой де ты ходила?

Цыганка: «Я ходила по селу,
Да добывала сыровцу» [1]).

Цыганъ: — Ой дежъ твой сыровецъ?

---

[1]) По словарю Даля: «сыровецъ или суровецъ бѣлый, неуваренный квасъ, только налитый кипяткомъ.

Цыганка: «У сивки на водки».

Цыганъ понюхавъ, говоритъ:

— О что твой сыровецъ да пахнетъ раковой юшкой?

Цыганка: «А я ее кидала въ петрушки».

Цыганъ: — О штобъ ты поцѣловала старому бису въ ребро! «Музыкантъ, зайграй свинью кованою!» Цыгане пляшутъ.

Потомъ цыганъ поетъ:

Чѣмъ ты цыганъ не оре?
— Бо ни маю плуга,
Только маю плуга,—
За поясомъ пу́га.
Ой, дамъ, дамъ
Ой, дамъ дамъ.

Еврей поетъ: «Моя са́поцка изъ злота,
Съ одной ску́рацки работа,
И ярму́лочка козына,
Уся гнидами спидкова́на.
Ой миръ, миръ,
Стейлемъ, бейлемъ. 2.
Тамъ и Борохъ [1]) троху гулявъ,
Масіясу повху давъ,
Ой миръ, миръ
Стейлемъ, бейлемъ. 2.
Тамъ и Борохъ троху упився,
Ёнъ подъ лавку подвалився
Ой миръ, миръ,
Стейлемъ, бейлемъ» [2]).

[1]) Собственное имя.

[2]) Описанный вертепъ принадлежитъ мѣща́нину Вазилу, занимавшемуся, прежде башмачнымъ мастерствомъ. Сынъ его сообщилъ намъ текстъ сценъ*). Вертепъ или шкапъ — ветхій, а куклы дурно сдѣланы и существуютъ въ настоящемъ видѣ болѣе 20 лѣтъ. Говорятъ, что на Луполовѣ **) у мѣщанъ есть

*) Весьма, къ сожалѣнію, искаженный, непровѣренный, но при всемъ томъ не лишенный интереса. Ш.

**) Зарѣчная сторона Могилева. Ш.

Вертепы перенесены въ Могилевъ, изъ Кіева, вмѣстѣ съ наукою, занесенною духовными лицами, получавшими образованіе обыкновенно въ кіевскомъ училищѣ, переименованномъ впослѣдствіи въ академію. Въ самый же Кіевъ обычай разыгрывать діалоги (священныя драматическія представленія) принесенъ въ Россію черезъ Польшу изъ западной Европы, въ семнадцатомъ вѣкѣ, въ которой еще ранѣе, въ среднихъ вѣкахъ сценическія представленія языческаго и житейскаго міра замѣнены представленіями изъ священной исторіи. Еще при Петрѣ Могилѣ (1633—1647 г.) воспитанники коллегій сочиняли и разыгрывали нѣкотораго рода драмы, представляя въ лицахъ библейскія происшествія. Каждый учитель піитики обязывался ежегодно приготовить комедію или трагедію для лѣтнихъ рекреацій.

Зубрицкій въ лѣтописи Львовскаго Братства пишетъ: «около 1688—89 годовъ перешелъ отъ іезуитовъ, къ ученикамъ Братской Львовской школы обычай разыгрывать діалоги въ церкви. Въ 1689 году дано такое представленіе съ великою пышностью при многочисленномъ стеченіи народа». «Въ свѣтлые дни праздниковъ Рождества и Воскресенія Христова ученики Кіевскаго училища еще въ семнадцатомъ вѣкѣ ходили по домамъ съ поздравительными стихами, а искуснѣйшіе изъ нихъ устраивали такъ называемые вертепы», описаніе которыхъ сдѣлано нами въ началѣ статьи. Точно также они устраивались 200 лѣтъ тому назадъ.

Бѣдные воспитанники Кіевской коллегіи или Кіево-богоявленскаго училища, не имѣя средствъ къ своему содержанію, прибѣгали, съ разрѣшенія начальства, къ сбору приношеній, исполняя при этомъ роль *миркачей, спѣвакъ* и *комедіантовъ*. *Миркачами* назывались ученики — бѣдняки, которые во время обѣда ходили по кіевскимъ улицамъ и подъ окнами или у воротъ

новый вертепъ. Могилевскій и Луполовскій вертепы враждуютъ между собою, иногда между ними при встрѣчѣ происходятъ стычки. Доставалось и вертепамъ. Замѣч. автора.

извѣстныхъ домовъ пѣли священные стихи, получая за это милостыню отъ домовладѣльцевъ. Болѣе обыкновенная пѣснь была слѣдующая: «Миръ Христовъ да водворяется въ домахъ вашихъ, за молитувъ[1]) святыхъ отецъ нашихъ, Господи Іисусе Сыне Божій помилуй насъ, аминь. Боже дай вашеци[2]) день добрый.

Отъ перваго слова *миръ* пѣвцы назывались *миркачами*, а пѣніе *миркованьемъ. Спѣваками* назывались ученики, находившіеся въ высшихъ классахъ или студенты, распѣвавшіе ввечеру предъ торговцами на площади канты, большею частью во славу Богоматери. Наконецъ *комедіантами* были тѣ изъ бѣдныхъ учениковъ, которые въ дни праздниковъ Рождества Христова устраивали такъ называемые вертепы, въ которыхъ картонныя куклы учениками приводимы были въ движеніе, посредствомъ скрытыхъ пружинокъ и нитей, при этомъ ученики импровизировали сообразно тому, что должны были представлять куклы. Вертепы скоро перешли къ ремесленникамъ, а ученики обратились къ сценическимъ представленіямъ. Изъ Кіева вмѣстѣ съ наукою и учеными перешли въ Могилевъ и даже въ Москву священныя представленія и вертепы. Въ Москвѣ обыкновенно разыгрывались драмы Симеона Полоцкаго, Прокоповича, св. Димитрія Ростовскаго и другихъ. «Всѣ эти представленія, замѣчаетъ Гречъ въ своей учебной книгѣ Россійской словестности, изданной 1822 г. часть IV на стр. 327, сопровождались разными шутовствами и кривляньями»[3]). Такъ въ Могилевѣ и нынѣ они сопровождаются тоже шутовствами и кривляньями, какъ читатель видѣлъ въ описанномъ вертепѣ, и съ вертепомъ здѣсь ходятъ только ремесленники[4]).

Въ Могилевѣ ходятъ еще со звѣздою,—или вмѣстѣ съ вертепомъ, или съ одной звѣздою, которая сдѣлана отъ $^{3}/_{4}$ до ар-

---

[1]) По старопольски: molitów.

[2]) По польски: waszej mości — вашей милости.

[3]) См. изслѣдованія г. Житецкаго (въ Кіевской Старинѣ 1892 г.) — Странствующіе школьники въ старинной Малороссіи. Ш.

[4]) См. сочиненіе Аскоченскаго: Кіевъ съ древнѣйшимъ его училищемъ Академіею. 1856, ч. I, стр. 269, 273, 356 и 357.

шина въ поперечникѣ изъ разноцвѣтной бумаги и сзади освѣщается зажженными свѣчами. Когда ходятъ со звѣздою, то поютъ только Божественныя пѣсни: Христосъ рождается, Рождество твое и Дѣва днесь, и все заключается привѣтствіемъ и многолѣтіемъ хозяину.

Изъ Могил. губернск. вѣдомостей 1866 г. № 4. Неоф. Стр. 26—29. Статья безъ подписи.

Мацѣй (Колядная игра).

Разсказъ крестьянина. Минск. губ. Борисовск. у.

«У нашимъ сялѣ на колядные святкі́, на вячаринкахъ за мѣсто *батлеяў* дыкъ робюць такъ: одзинъ, которы пристаўляя сябе за «Мацѣя», други́ за яго жо́нку, а треци за дохтора. Мацѣй, дэержичися за брухо, гово́рэ:

«Быў я у пана Барнёускаго на-куцьци, облопаўся куцьци, ни могу сойци, ни могу пойци, ни шагнуць, ни зяўпуць, ни до своей жонки зайци. Што моя жонка Ульлянка ни робляла: горщокъ на пупѣ стаўляла, ничо́го ни помогала, — ящо́ бо́ли залягло́. Пора́дзили сходзиць ў Раўськаго аптэку купиць мо́ху, чертополо́ху, курыной жоўци, комарыныхъ ки́шакъ и ящо́ нѣчаго троху, зробила баўтузникъ, стукнуў, выпіў — ничо́го ни помога́е, ящо́ го́рэй долига́я. Во кабъ нашоўся пано́чакъ, ды полячіў мой животочакъ, — отдаўбы торбу, сяке́рку и платочикъ».

Прихо́дзи дохтуръ Баўтрумей.

«Здороў Мацѣй!»

— «Здороў, пане Баўтрумей.

«Што табѣ болиць?»

— А тутъ, пане, коля пупа разочка рэ́жа.

«Приляжь бру́шкомъ, а я послухаю ву́шкомъ... Эге, Мацѣй у цябе сямилѣтняя тра́сца трасе́. Трэба табѣ на поты даць сы лба кроў пусьциць, на поты́лицы банки поставиць» и давай молоткомъ стукаць Мацѣю по бру́ху, чуць ня выбіў зъ яго ду́ху и ўсё кажа: «Мацѣй, поцѣй! Мацѣй, поцѣй!»

Мацѣй ўсхопіўся, а докторъ драло ў ноги. Мацѣй догоняя яго, ударыўся объ дзьверы и кажа: «Во кабъ цябе повѣтрые! на-

поцѣў, намацѣў и самъ къ чорту поляцѣў, а кабъ ёнъ, ясно соўнушко ни оглидаў, ня лѣчиць — калѣчиць. Ну дакляроваў жа даць осьмину бобу, — али цяперъ хворобу! Ахъ кабъ яго догнаў, ябъ косточки поломаў».

Приходзи жонка Ульянка и кажа:

«Пойдзимъ, пойдзимъ, мой курдзюрка! Я лянокъ и грибки застаўлю [1]) и табѣ кватэрочку [2]) постаўлю»; бяре яго подъ пахи и пяе, идучи:

«А Божа мой! тольки
Оборочки тонки;
Никто замужъ ни бярé,
Оборочакъ ни соўé.
А мой мужикъ Доминикъ, —
Яго розумъ ни вяликъ.
Якъ я была дзѣўкой,
Цяперъ молодзичкой,
За добрымъ мужикомъ
Ды ни за пьяничкой.
Сяки-таки мужчина,
За имъ дровы и лучина;
Якъ я за яго завалюся,
Я никого ни боюся.
Сяки - таки — абы быў,
Соли-хлѣба, кабъ купіў».

Зап. волост. писар. А. Ганусомъ отъ кр. Ѳед. Икона.

Срѣтеніе Господня или Громница.

«На 6-ой недѣлѣ отъ Колядъ [3]), праздникъ Срѣтенія зовется народомъ: *Громницы*. Это уже вліяніе католичества, которое въ этотъ день установило освящать восковыя свѣчи, зовомыя по костельному: громницами, на томъ основаніи (какъ значится въ

[1]) За ложу. — [2]) Четверть штофа (водки).
[3]) Т. е. отъ Рождества, 2-го февраля.

Катехизисѣ іезуита Лоицкаго 1748 г., издан. Виленск. Академіи) «что громятъ онѣ силу бѣсовскую, дабы не вредила громами, молніями, проливными дождями и градомъ, легко низводимыми, по допущенію Божію, чародѣями или волшебницами». Народъ съ своей стороны вѣритъ, что такія свѣчи полезно употреблять для отогнанія вѣдьмъ отъ коровъ, къ которымъ онѣ, дескать, въ видѣ жабъ подползаютъ, взбираются по ногамъ къ вымснамъ и высасываютъ молоко. Но громничная свѣча, прилѣпленная къ косяку хлѣва, недопускаетъ вѣдьмъ до такихъ операцій и слѣды безсильной злобы ихъ остаются на изгрызенномъ воскѣ свѣчи»[1]).

Благоговѣйная вѣра въ чудодѣйственную силу громничныхъ свѣчей весьма распространена среди крестьянскаго населенія Сѣверо-западнаго края. Такъ напр. уроженецъ Борис. у., Минской губерніи, учитель Свислоч. учительск. семинаріи, г. Товстикъ сообщаетъ на этотъ счетъ слѣдующее:

«Праздникъ Срѣтенія Господня замѣчателенъ тѣмъ, что въ этотъ день въ церкви освящаютъ свѣчи.

Еще наканунѣ праздника каждое семейство, если не думаетъ брать свѣчей у церковнаго старосты, старается сдѣлать себѣ, по крайней мѣрѣ, хоть одну свѣчу. Пріемы для производства: Воскъ, предварительно размягченный, раскатываютъ въ плиточку. Затѣмъ, положивши въ эту плиточку скрученный изо льна фитиль, ее свертываютъ и свѣча готова. Другой, болѣе сложный способъ состоитъ въ томъ, что въ трубочку, снятую съ лозовой коры, прикрѣпляютъ въ срединѣ фитиль и потомъ наливаютъ туда растопленный воскъ.

Принесенныя въ церковь свѣчи мѣстные священники послѣ обѣдни окропляютъ святою водой.

Такимъ образомъ приготовленныя и освященныя свѣчи употребляются для различныхъ назначеній. Въ самый день праздника *подпаливаютъ* (т. е. поджигаютъ) ими немного волосъ на

---

[1]) Изъ статьи священника Бермана «Календарь по народнымъ преданіямъ, въ Волжинскомъ приходѣ Виленск. губ., Ошмянск. уѣзда» въ Зап. Имп. Русск. Геогр. Общества т. V, стр. 19—20.

головѣ крестообразно всѣмъ членамъ семейства по старшинству. Во время ужиновъ номинальныхъ, каковы радуницы, осеницы, эта свѣча горитъ въ красномъ углу. Въ случаѣ, если кто-нибудь въ семействѣ умираетъ, то ему даютъ въ руку эту же свѣчу *громничную*».

Подобныя же данныя сообщаетъ и одинъ изъ волостныхъ писарей Скп. у., Могилевской губ.

«Въ «Громницу», говоритъ онъ, каждый хозяинъ приготовляетъ и освящаетъ восковыя свѣчи, которыми, по возвращеніи изъ церкви, выжигаютъ кресты и на косякахъ дома и другихъ хозяйственныхъ строеніяхъ, ими же родители выжигаютъ волосы крестообразно на головахъ своихъ дѣтей и домашнихъ, а потомъ на лошадяхъ, коровахъ и овцахъ. Въ заключеніи свѣчи гасятъ и вѣшаютъ ихъ внизъ фитилемъ.—Есть вѣрованіе, что въ «Громницу» вѣдьмы влетаютъ въ хлѣва и портятъ скотину. Натыкаясь на свѣчу, они обжигаются и спѣшатъ поскорѣе оставить хлѣвъ, не причинивъ, конечно никакого вреда скоту.

«Громничныя» свѣчи берутся во весь годъ. Эту свѣчу даютъ въ руку умирающему; съ нею встрѣчаютъ новорожденнаго и съ нею же вносятъ въ избу родившихся телятъ, ягнятъ и проч.

Зап. волостнымъ писаремъ Апаличемъ.

Праздникъ Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы.

а) Могилевской губ., Мстиславскаго уѣзда, Любовичской волости.

Въ праздникъ Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы (25-го марта) крестьяне отправляются въ церковь къ обѣднѣ и тамъ во время заутрени покупаютъ по нѣсколько освященныхъ просфоръ, которыя, по возвращеніи домой, сушатъ и завязываютъ въ бѣлую тряпочку и хранятъ ихъ въ чистотѣ до слѣдующаго Благовѣщенія, а прошлогоднія просфоры поѣдаютъ натощакъ. Просфоры, купленныя въ настоящемъ году, во время сѣвбы привязываютъ къ сѣвалкѣ и сѣютъ съ ними хлѣбъ. У каждаго домохозяина просфоры остаются при сѣвалкѣ во все время хлѣб-

ной сѣвбы, по окончаніи которой онѣ отвязываются и прячются въ чистое мѣсто. Въ этотъ же день послѣ обѣдни дѣвки и парни собираются куда-нибудь на горку, или же къ банѣ, на сухое мѣсто, гдѣ, усѣвшись рядомъ, начинають пѣть весеннія пѣсни, или, какъ онѣ выражаются «гукающь вясну», напримѣръ:

1) Быслави́, Божа,
Весну загукати! [1])
Подай, Божа, ключи,
Лѣта отмыкати,
Зиму замыкати!
Вы люби, христяни,
Выжыняйтя статыкъ [2])
На шолкову траву,
На Юрьеву росу.

—

2) «Кузе́мка, шолковая бородка!
«Чаму ня же́нисься?»
— Радъ бы я жаницца,
— Дѣвычки сястрицы, —
— По мнѣ дѣвки нѣту.
— Одна по мнѣ Рожа [3]),
— Ина и гожа и пригожа,
— По улку ня ходить,
— Танечиковъ (танцевъ) ня водить,
— Вяночка ня носить.
— Дѣвки Кузьму учили:
«Надѣнь, Кузьма, рубашычку,
«И надѣнь андырачикъ,
«И подпиряжи хвартукъ,
«Завяжи платочыкъ,
«И надѣнь вяночыкъ,
«Пыдойди къ Рожи пыдъ окошко,

[1]) Зазывать, [2]) выгоняйте стадо. [3]) Ласкательн. собств. имя ж. отъ *Розалія.*

«Зови Рожу на вулку:
«Ты, Рожа, сястрица,
«Ходи со мной на вулку!»
— Вы, дѣвычки, сястрицы,
— Боюся Кузёмки.
«Ты, Рожа, сястрица,
«Кузьмы дома нѣту!»
Вышла Рожа на вулку,
Рожа у дѣвыкъ пытаить:
«Што эта у васъ за дѣвка,
«На ножки ступаить
«И за ручку стискаить?
— Ты, Рожа, сястрица,
— Гэта-жъ Кузьма!»
Рожу мати кричитъ до дому.
«Ня жди мяне, мати, до дому,
«Дожыдай мяне, мати,
«На Христовъ дянёкъ,
«Съ мыладымъ Куземкыю
«Съ красинькимъ яе́чкымъ [1]).

—

3) Ли колодзися, ли студёнаго,
Ляжить тамъ тѣла, тѣла бѣлае.
Нихто къ тѣлу ни приступитца,
Приступилися три ластывки:
Первыя ластывка ў гылывáхъ,
Другая сѣла противъ се́рдичка,
Треттія сѣла ў ныгáхъ.
У гылывахъ плачить—мати яго,
Проти се́рдичка-то сястрица яго,
А ў ныгалъ — то жйнка яго,
А дѣ мати плачить, —

[1]) Ср. Шейна Бѣлорусскія народныя пѣсни изд. Геогр. Общ. 1874 г., стр. 71, №№ 129 и 130.

Тамъ рика стоить, —
А дѣ слстра плачить, —
Тамъ ручей тячсть, —
А дѣ жинка плачить,
Тамъ рыса (роса) стоить.
Мать плачить вѣкъ до вику,
Систра плачить годъ до году,
Жина плачить—день до вечера,
А слухать нечаго.

Весеннія пѣсни дѣвки поютъ по вечерамъ до самаго начала обработки земли.

Записано волостнымъ писаремъ Апаличемъ.

б) Той же губ., Горецк. у., с. Святошцыи.

Празднованіе встрѣчи весны совершается и въ настоящее время. Днемъ для этого назначается праздникъ Благовѣщенія. Встрѣча эта сопровождается только пѣніемъ дѣвушекъ, которыя послѣ обѣдни собираются въ кружки, влѣзаютъ на крыши гуменъ и поютъ.

Во время пѣнья бьютъ заранѣе купленными булками,—одной о другую.

4. Благослови Божа,
Зиму замыкаци,
Лѣто отмыкаци!
Зимою ў возóчку,
Вясною у чоўночку,
Аў лѣцѣ ў кареци!

—

5. «Ай гáю, мой гаю, штожъ ты ни зялёны»?
— А якъ жа мнѣ, гаю, зялёному быци?
— Што были пташки—ўси поляцѣли,
— Одна осталася шѣрая зязюля,
— И тáя кáжець: я скоро ни буду.

«Сяло наше, сяло (названіе села или деревни)
«А што ты, сяло, ни весяло́?»
— А якъ жа мнѣ, сялу́, весёлу быци?
— Што были дзѣўки, то ўси замужъ пошли;
— Одна засталася молода (имя):
— Тая казала: «я тутъ не буду,—
«Я замужъ пойду за дворянина
«За дворянина за молодого».

—

6. Травушка моя подкошо́нная,
Дзѣўшка моя засмучо́ная!
Ни бось, ни смуцись, дзѣўшка, ни объ чемъ,
Ни бось ни объ чемъ, ни кину цебе.
Пойду я ў Москву,—семъ годъ пробуду,
А якъ вярнуся, ящо жаню́ся,
Возьму дзѣўшку *самолѣтушку* (?)
Спишу дзѣўшку на папе́рочку,
Прибью къ сцянѣ́, гдѣ спаци мнѣ:
Спаць ложуся, на ее насмотру́ся,
Утромъ ўстану — ў гусли зайграю,
Пѣсню запѣ́ю, дзѣўку взвеселю́.

—

7. Вишни мое́ вишни!
Ци ўсѣ дзѣўки на вулицу вышли?
—Ўсѣ дзѣўки на вулицу вышли,
Ўсѣ молодухи.
Одное́ нѣту молодое (имя):
Яе́ свякроўка лихая,
На вулицу ни пуская,
Во́роцечка зачиняець,
Замкомъ замыкаець.
Яна была рѣзва—

---

[1]) Ср. «Матеріалы» I т. ч. I, стр. 130, № 132.

Церазъ тынъ пиралѣзла,
Увесь тынъ поломала,
Зъ дзѣўками погуляла.

—

8. «Луги моé, луги вы зяленые,
«Травы моé, травы, вы шоўковые!
«Хто васъ, травы, топчець?»
— Топчуць насъ, травы,
— Дзѣўки Глѣбоўскія,
— У Дуброўну[1]) ходзя,
— Лапцями да стóпками;
— Лапцями да стопками,
— Каравыми онучами.
«Луги моé, луги вы зяленые!
«Травы мое, вы травышоў ковыя,
«Хто васъ, луги, топчець?»
— Топчуць насъ, луги, дзѣўки,
— Дзѣўки Святоўскія,
— У церкоўцы ходзя,
— Носиками да острожками,
— Козловыми черавиками.

Зап. учитель народнаго училища Н. Николаевичъ.

Праздникъ комоѣдицы.

Минской губ., Борис. у.

«Праздникъ этотъ всегда бываетъ наканунѣ Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы и посвященъ въ честь медвѣдя. Въ этотъ день приготовляются особыя кушанья, именно: на первое блюдо приготовляется сушоный рѣпникъ въ знакъ того, что медвѣдь питается по преимуществу растительною пищею, травами; на второе блюдо подается кисель, потому что медвѣдь любитъ овесъ; третье блюдо состоитъ изъ гороховыхъ комовъ, отъ чего и самый

1) Глѣбово и Дубровка названіе сосѣднихъ селеній. Ш.

день получилъ названіе *комоѣдицы*. Послѣ обѣда всѣ — старъ и малъ—ложатся, не спятъ, а поминутно, самымъ медленнымъ способомъ перекатываются съ бока на бокъ, какъ можно стараясь приноровиться къ поворачиванію медвѣдя. Церемонія эта продолжается около двухъ часовъ, и все это дѣлается для того, чтобы медвѣдь легко всталъ съ своей зимней берлоги. Послѣ обѣда крестьяне уже не занимаются своими дневными работами — празднуютъ. Извѣстно, что по убѣжденію крестьянъ, медвѣдь на Благовѣщеніе пробуждается отъ спячки, выходитъ изъ своей берлоги. Вотъ и встрѣчаютъ его съ благожеланіями.

Начало свое этотъ праздникъ ведетъ, безъ сомнѣнія, отъ временъ до-христіанскихъ и служитъ вѣроятною аргументаціею того, что въ этой мѣстности поклонялись медвѣдю. По преемственному разсказу старожиловъ, въ мѣстности этой были громадные лѣса, и непроходимые дебри, въ которыхъ велось множество разнородныхъ дикихъ звѣрей, изъ которыхъ своею силою и ростомъ медвѣдь наводилъ страхъ на людей. А такъ какъ медвѣдь есть и плотоядное животное и потому причинялъ много вреда, истребляя домашнихъ животныхъ, то, чтобы умилостивить его, люди этой мѣстности и вздумали чествовать медвѣдя. Доказательствомъ справедливости такого предположенія служитъ доселѣ сохранившійся день, въ который совершалось чествованіе медвѣдя. Это праздникъ комоѣдицы».

Изъ ст. священ. Симеона Нечаева: Нѣчто изъ религіозныхъ обрядовъ и суевѣрій въ Бѣгомольскомъ приходѣ, Борисовскаго уѣзда. Минск. Епарх. Вѣдом. 1874 г., № 7, ч. неофиціальная, стр. 229—30.

Вербное Воскресенье.

Минск. губ., Борисовск. у.

По установленію Православной церкви въ этотъ день освящаютъ вербу. Для этого ее связываютъ цѣлыми пучками вѣтокъ другихъ деревъ и зелени. Смыслъ освященія большинству остается неизвѣстнымъ, если только священникъ его не объяснитъ. Пришедши изъ церкви домой, отецъ семейства слегка

бьетъ этой вербой своихъ дѣтей и домочадцевъ, приговаривая: не я бью, верба бьець: за тыдзень — Великъдзень... шкира ў лѣсъ! на пролѣсъ! Здороўе ў хаци, хвороба ў лѣсъ». Этой же вербой выгоняютъ скотъ въ поле въ Юрьевъ день. Многіе втыкаютъ свою разукрашенную вербу въ могилы, гдѣ покоится дорогой имъ прахъ.

а) Великій или Чистый четвергъ.

Почти каждый день Страстной недѣли имѣетъ свои особенности для бѣлорусса. Въ одни изъ нихъ, по его вѣрованію, нельзя ничего ни сѣять, ни садить, ни работать лошадьми, — другіе же напротивъ считаютъ благопріятными для сѣянія и сажанія. Изъ повѣрій въ этотъ день замѣчательнѣйшія слѣдующія: а) чтобы быть чистымъ въ теченіе всего года нужно вставать до восхода солнца и помыться. Съ этою цѣлью моютъ въ это время скотъ въ особенности лошадей! б) Послѣ обѣдни освящаютъ соль, которая, по мнѣнію бѣлорусса помогаетъ отъ *суроцевъ* (отъ дурнаго глаза). Кромѣ соли освящаютъ и нитки, напряденныя въ этотъ день до восхода солнца «черезъ что онѣ получаютъ цѣлебную силу отъ разныхъ болѣзней, а въ особенности отъ опухоли рукъ». в) Страдающіе чесоткой купаются въ этотъ день, въ твердой увѣренности этимъ избавиться отъ нея.

Въ Великій четвергъ вечеромъ послѣ чтенія въ церкви Евангелія отправляется «панская вечеря», которая мало чѣмъ отличается отъ обыкновеннаго ужина, исключая того, что она немного обильнѣе яствами остальныхъ. У богатыхъ хозяевъ эта вечеря не рѣдко состоитъ изъ 12 блюдъ, въ честь 12-ти апостоловъ.

Изъ записей учителя Свислочск. учительск. Семинаріи г. Товстика.

б) Могилевской губ. Мстисл. уѣзда, Любовичской волости.

На Страстной недѣли въ четвергъ, — называемый «чистымъ», встаютъ отъ сна, до разсвѣта, берутъ гребень, надѣваютъ на него мочку льна или поскони и прядутъ нитки, которыя бере-

гутъ цѣлый годъ, называя ихъ «четверговыми нитками». Эти нитки пользуются преимуществомъ предъ нитками, пряденными въ другое время и правою рукою, тѣмъ, что дѣйствуютъ якобы исцѣляющимъ образомъ при различныхъ физическихъ поврежденіяхъ частей тѣла, напр. при вывихѣ, переломѣ и проч., для чего поврежденный членъ перевязываютъ этою четверговою ниткою.

Для изгнанія изъ дому, равно и для предупрежденія присутствія въ немъ насѣкомыхъ, какъ-то: клоповъ, блохъ, тараканов и др. женщины въ этотъ день рано утромъ до восхода солнца заставляютъ несовершеннолѣтнихъ своихъ дѣтей пробѣжать голыми три раза кругомъ избы, но такъ, чтобы никто изъ постороннихъ ихъ не видѣлъ.

Записано волостнымъ писаремъ Апаличемъ.

в) Народный учитель (въ м. Дукшты Ново-Александровск. у., Ковенской губерніи) г. Гайдуковъ, бѣлоруссъ родомъ, по поводу названія означеннаго четверга *чистымъ* сообщаетъ слѣдующее:

«Въ этотъ день крестьяне очищаютъ свои хаты и всю посуду отъ грязи, пыли и проч. Помнится мнѣ изъ времени моего дѣтства слѣдующее: Когда мнѣ было лѣтъ не болѣе восьми отъ роду служанка въ этотъ день утромъ подала мнѣ умывальницу съ водою, въ которой лежала пара куриныхъ яицъ. Вмѣсто нелюбимой мною операціи (я не любилъ умываться) я охотно принялся было за предполагаемый мною завтракъ, но служанка остановила меня объясненіемъ, что эти яйца сырыя и къ тому же сегодня постъ, а положены онѣ ею сюда для того, чтобы я былъ такой же свѣженькій, кругленькій и бѣленькій, какъ онѣ. «Сегодня вѣдь чистый четвергъ» добавила она», такъ нужно вымыться «чисто».

Свѣтлое Воскресеніе.

Минской губ. Борис. у.

За нѣсколько дней до праздника начинаются приготовленія: приготовляется съѣстное. Комната и все прочее приводится въ лучшій видъ, убирается хламъ, очищается дворъ отъ грязи и

различнаго сора, моются полы, стѣны, окна, мебель, посуда, убираютъ образа зеленью, если таковая есть. Теперь уже поютъ пѣсни въ честь этого праздника, какъ бы подготовляясь къ его встрѣчѣ. Собственно праздникъ продолжается четыре дня. Три собственно праздника, а четвертый *градовой*. Такъ называется онъ потому, что празднованіе его предохраняетъ поля отъ градобитія.

Въ 1-ый день утромъ, умываются водою, гдѣ положено окрашенное яйцо, одѣваются и идутъ въ церковь къ обѣднѣ. Послѣ заутрени зажигаютъ въ церкви свѣчи(?) и разносятъ этотъ огонь по домамъ. Освятивши пасху и пришедши домой, начинаютъ ее ѣсть, пьютъ водку, закусываютъ освященнымъ яйцомъ; далѣе на столъ подаютъ сыръ, мясо, масло и проч. Въ этотъ день стараются воздержаться отъ плясокъ, однако не всѣмъ это въ моготу. Большая часть молодыхъ людей занята различными играми съ яйцами. Подъ вечеръ начинаютъ составляться партіи волочебниковъ. При каждой партіи есть скрипачъ. Послѣ захода солнца эти партіи отправляются по близлежащимъ деревнямъ и подъ окнами хатъ въ сопровожденіи *музыки* распѣваютъ пѣсни хозяину, его женѣ, дѣвкамъ, парнямъ. Въ прежнее время къ этому роду пѣсенъ прибавлялось еще нѣсколько польскихъ религіозныхъ, составленныхъ въ честь праздника. Въ настоящее время онѣ вышли изъ употребленія.

Въ остальные дни по утрамъ нѣкоторые ходятъ къ обѣднѣ, а остальное время дня молодежь занимается танцами и играми съ яйцами. Дѣти посѣщаютъ своихъ родителей, родственниковъ, гдѣ имъ дарятъ яйца. Дѣвушки дарятъ ими парней, по преимуществу тѣхъ, кто на *Цяряшкѣ* были ихъ *дѣдами*. Взрослые мущины обыкновенно играютъ въ яйца, въ карты, по преимуществу, на битки, т. е. проигрышъ уплачивается побитыми яйцами.

Изъ записей учителя народн. учил. Товстика.

Празднованіе Св. Георгія.

а) Гродненской губ. и у.

Ѳомина недѣля у крестьянъ нашихъ называется *проводною,* также и вторникъ—*проводнымъ.* Названіе же *радуницы* въ нашемъ уѣздѣ не слыхать.

Святого Георгія Побѣдоносца крестьяне считаютъ покровителемъ скота, въ особенности лошадей. Поэтому въ день этого святого, 23-го апрѣля (о другомъ, осеннемъ наши крестьяне и понятія не имѣютъ) заказываютъ въ церкви обѣдню за *добытокъ*, т. е. за скотину, и утромъ, съ росой, т. е. до восхода солнца, берутъ *настольникъ* (скатерть) и кладутъ въ него кости, оставшіяся отъ пасхальнаго стола (свенцоннаго) и *скарачъ* (утиральникъ), въ который положатъ хлѣбъ съ солью. Съ этими припасами обходятъ свою засѣянную рожью ниву, по угламъ которой и втыкаютъ означенныя кости. При этомъ каждый домохозяинъ произноситъ слѣдующія слова: «Святый Боже, Святый Еры! заховай ніўку отъ граду!» и возвратясь домой, распиваютъ обнесенную вокругъ нивы водку и закусываютъ обнесеннымъ хлѣбомъ, часть котораго относятъ въ церковь и молятся, «капъ Богъ ласкáвы и св. Еры сцярягли *«живину»* (скотину).

Въ этотъ день приходятъ въ церковь всѣ крестьяне-домохозяева и ставятъ свѣчки его образу.

Въ Вилейскомъ и Диспенск. уѣздахъ (Виленск. губ.) многіе крестьяне дѣлаютъ въ этотъ день фигуры изъ муки, вѣсомъ приблизительно ¼ ф. на подобіе лошадей, которые по окончаніи литургіи они подбрасываютъ вверхъ, говоря: «Дай жа, Божа ласкáвы, Матка Боска и св. Еры, капъ моé коники гэдакъ подскакивали!» Затѣмъ относятъ эти фигуру къ старостѣ церковному и передаютъ ему со слѣдующими словами: «Наце вамъ гэтого коника, зробѣце свѣчку и поустаўце св. *Éрому»,* что̀ староста всегда съ точностью исполнетъ. Нѣкоторые также дѣ-

лаютъ фигуры и коровъ, но весьма рѣдко, и поступаютъ съ ними также, какъ съ фигурками лошадокъ.

Въ Вилейскомъ, Ошмянскомъ и Дисненскомъ уѣздахъ (той же губ.) есть еще въ этотъ день обычай приносить въ церковь въ ковшикахъ разные молочные скопы, которые выливаютъ въ поставленную тамъ бочку. Эту смѣсь приношеній причтъ раздѣляетъ межъ собою Изъ записей И. О. Карскаго.

б) Минск. губ., Борис. у., Краснолукск. в.

«Первый такъ сказать, офиціальный выгонъ скота въ поле обыкновенно совершается въ день св. Юрія, хотя и раньше выгоняютъ. Въ этотъ день утромъ крестьяне нѣкоторыхъ селъ сгоняютъ скотъ къ церковной паперти, гдѣ по окончаніи заутрени, священникъ установленнымъ порядкомъ совершаетъ кропленіе его святой водой. Но еще до сгона скота, каждая хозяйка выпускаетъ своихъ коровъ на дворъ вмѣстѣ съ овцами и даетъ имъ понемногу какихъ-нибудь зеренъ, смѣшанныхъ съ освященною солью, при чемъ троекратно беретъ по щепоткѣ этихъ зеренъ правою рукою и бросаетъ ихъ чрезъ лѣвое плечо за себя— назадъ, сплевывая каждый разъ. Нѣкоторыя при этомъ крестятъ скотъ. Это дѣлается во-первыхъ для того, чтобы скотъ не забывалъ своего стойла и во-вторыхъ для охраненія его въ полѣ — на пастьбѣ отъ хищныхъ звѣрей, гадовъ и т. п. этимъ и ограничиваются всѣ обрядности при выгонѣ скота.

Но самое главное въ этотъ день — это наемъ пастуха, для чего вся деревня отправляется въ условленное за ранѣе мѣсто. По заключеніи съ пастухомъ условія, начинается взаимное угощеніе водкою:—сельчанами пастуха и пастухомъ сельчанъ, или какъ говорятъ: «пьюць барыши». Въ то же время самъ пастухъ, или упрошенное имъ лицо, отправлается по всѣмъ избамъ, гдѣ каждая хозяйка одаряетъ его саломъ, мукою, яйцами, сыромъ— чѣмъ только можетъ. Вслѣдъ за пастухомъ идутъ съ тою же цѣлію малолѣтки, будущіе его помощники *«подпасычки»* кото-

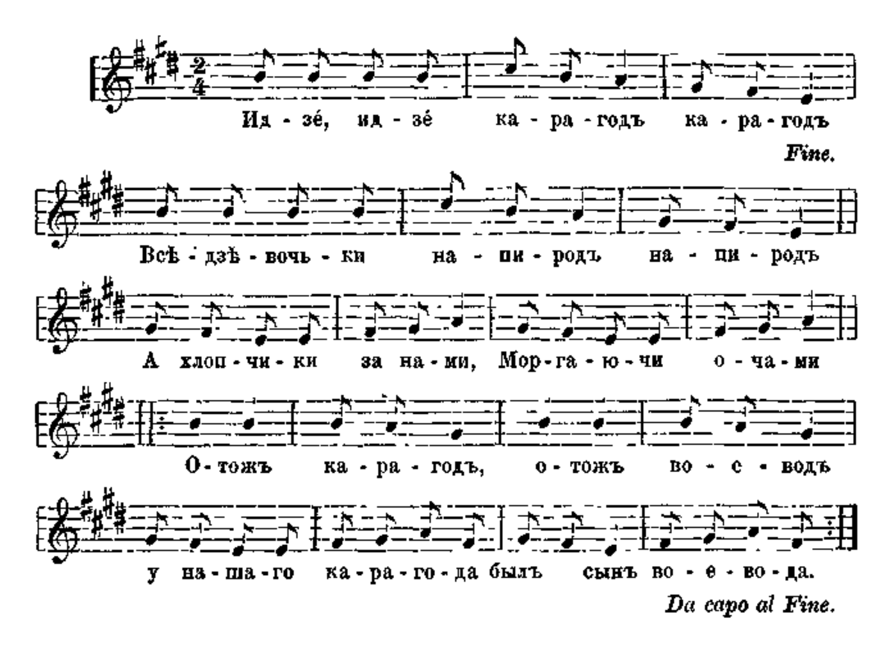
рые тоже одаряются хозяйками. Изъ собранныхъ яицъ, сала и т. п. приготовляются ребятами общая яичница, а если случатся деньги, то появляется и водка, но при этомъ они не теряютъ своей доли изъ общей порціи, ассигнуемой на сей случай. Такимъ образомъ устраивается общій пиръ, которымъ и оканчивается этотъ пастушій праздникъ.

Слѣдуетъ замѣтить, что пастухъ со своими помощниками вторично получаютъ подарки отъ хозяекъ въ Духовъ день, которые употребляются, какъ сказано выше».

Изъ сообщенія волостнаго писаря С. Прокулевича. Доставлено Минск. Губерн. Статистическимъ Комитетомъ.

в) Въ нѣкоторыхъ деревняхъ въ окрестностяхъ Турова (Мозырск. у., Минской губерніи) въ этотъ день совершается молодежью обоего пола довольно оригинальная процессія, въ которой главную роль играютъ дѣвушки. Онѣ являются на эту процессію въ лучшихъ своихъ праздничныхъ одеждахъ, состоящихъ обыкновенно изъ шерстяной юбки, домашней работы, *гарсета* изъ покупнаго матеріала, верхнее же платье и передники на нихъ бываютъ разноцвѣтные, съ преобладаніемъ однакожъ краснаго цвѣта; на шеѣ у нихъ бусы стеклянные, тоже разноцвѣтные, кораловые и янтарные, которые ихъ бацьки привозятъ имъ изъ Кіева. Собравшись въ болѣе просторную хату одной изъ участницъ въ процессіи, по предварительному, разумѣется, соглашенію ся родителей, дѣвушки съ веселымъ говоромъ и шумомъ пекутъ изъ пшеничной муки пирогъ. По испеченіи его изготовляютъ изъ большой вѣтки и краснаго кумача хоругвь, которую втыкаютъ въ пирогъ. Тутъ всѣ высыпаютъ на улицу, гдѣ ихъ ожидаетъ толпа парней, тоже одѣтыхъ по праздничному. Построившись въ двѣ группы, вся компанія при первыхъ звукахъ нижеслѣдующей пѣсни выступаетъ въ походъ въ такомъ порядкѣ: впереди первой группы, состоящей изъ однѣхъ дѣвушекъ, идетъ парень съ пирогомъ и хоругвією (иногда пирогъ несется отдѣльно другимъ парнемъ); за ними слѣдомъ двигается другая группа—изъ однихъ только хлопцевъ.

Такимъ образомъ процессія медленнымъ шагомъ проходитъ всю деревню изъ конца въ конецъ, распѣвая пѣсню:

На святый юръ.

Идзé, идзé *карагодъ*, 2
Ўсѣ дзѣвочки *напирóдъ* 2
А хлопчики за нами,
Моргáючи очами.
Отожъ карагóдъ,
Отожъ воевóдъ.
У нашаго карагóда
Былъ сынъ воевода.
Гдзѣ карагодъ хóдзиць,
Тамъ жито рóдзиць,
А гдзѣ карагодъ не бывáе,
Тамъ жито вылегáе.
У нашаго карагода
Быў сынъ воевода.

Идзé, идзé карагодъ,
Ўсѣ дзѣвочки напиродъ.
А хлопчики за нами,
Моргаючи очами.

Изъ сообщенія г-жи Ковалевской, помѣщицы Мозырскаго уѣзда.

Троицынъ день.

Въ селѣ Житлинѣ (Слонимск. у., Гродн. губерніи) въ Троицынъ день дѣвушки ходятъ съ «кустомъ». Наломавши въ ближайшемъ лѣсу кленовыхъ вѣтвей, онѣ связываютъ толстые ихъ концы, толстыми нитками и—кустъ готовъ. На этотъ кустъ надѣваютъ другой, меньшаго размѣра (*пóдкустъ*), а на голову выбранной по жребію дѣвушки носить «кустъ» надѣваютъ вѣнокъ изъ разныхъ цвѣтовъ. Затѣмъ эта дѣвушка, раздвинувши руками въ кустѣ листья и стебли, влѣзаетъ въ него, какъ въ мѣшокъ, такъ что онъ покрываетъ ее съ головы до ногъ и такъ плотно, что видишь только одну движущую массу кленовыхъ вѣтокъ съ листьями. Толстые концы вѣтокъ, перевязанные нитками, покрываютъ голову дѣвушки, носящей кустъ, а тонкіе ихъ концы съ листьями волочатся по землѣ.

Этотъ «кустъ» ходитъ по селу съ большою «громадою» *дивчатъ* и даже малыя дѣти бѣгаютъ за нимъ. Во время этой процессіи дѣвки поютъ слѣдующія пѣсни:

1) Пойдземъ дзѣвочки въ щирый буръ,
Да зрубаемо высокій клюнъ,
Да выколемо три дóщечки,
Да зрóбимо три бóчечки:
Въ одной бочечци солодóкъ медокъ,
Въ другуй бóчечци зелёнэ вино,
Въ третію бóчечци гуркэе пиво.
—Солодокъ медокъ, то ля дзѣвочокъ,
Зеленэе вино—то ля молодочокъ,
А гуркэе пиво—ля молойчиковъ.

2) Пойду туды, дзѣ я зъ роду не ходзила,
Судошу того, кого вѣрнѣ любила;
Хоць ни того, то товариша его,
Ци здоровая головонька ёго?
Попытаюся на здоровьечко ёго:
— Коли здорова, то хвала тоби Боже!
Коли хворая, то вызволяй ёго Боже.

—

3) Якъ пойду я да подъ гай зелененькій,
Судосиць [1]) мене да козакъ молодзенькій,
Будзе *онъ* у мене дорожки пытаци,
Й не *отдашимъ*, що ёму отказаци.
Сказала бъ ёму: да подъ гай зелененькій,
Да шкода жъ бо мнѣ, що козакъ молóдзенькій,
Сказала бъ ёму: да подъ бацьковы сѣни, —
Да шкода жъ бо мнѣ, що вечéраци сѣли,
Сказала бъ ёму: подъ калиновы мóсты, —
Да шкода жъ бо мнѣ, що до бацюхна просто.
Охъ, не на тэе мене маци родзила,
Щобъ я казаковъ по дорогахъ водзила, —
Родзила маци да ля свои выгóды,
Щобъ я принесла изъ криниченьки воды;
Родзила маци да ля свои причины,
Щобъ я принесла дровецъ и лучины.

Пронесши кусть нѣсколько разъ по деревнѣ, его затѣмъ непремѣнно разрываютъ среди улицы, а бабы спѣшатъ подобрать листья, которые прячутъ. Онѣ говорятъ, что эти листья помогаютъ отъ нарывовъ: стоитъ только размочить такой сухой листокъ въ водѣ и приложить къ нарыву—и онъ безпремѣнно скоро пройдетъ.

Зап. въ 1895 г. свящ. Стеф. Михайлов. Демьяновичемъ отъ старухи-крестьянки. Ср. пѣсни о кустѣ у Зѣнкевича «Piosenki gminne ludu Pinskiego», стр. 160—178 и «Бѣлор. пѣсни П. Безсонова», стр. 25—27.

---

[1]) Встрѣтить.

Гродненской губ. и у.

Спасъ — Преображеніе Господне (6-го августа). Но этотъ праздникъ не охотно празднуется нашими крестьянами.

Зельна — Успеніе Пресвятой Богородицы (15-го августа). Названіе это вѣроятно произошло отъ слова *зельля* (зелье, зелень), такъ какъ въ этотъ праздникъ крестьяне несутъ въ церковь разныя травы, цвѣты и огородныя овощи, какъ-то: морковь, брюкву и неотмолоченные колосья для освященія и окропленія святой водой.

Богачъ — Рождество Пресвятой Богородицы (8-го сентября). Нужно думать, что названіе произошло отъ слова богатый, такъ какъ въ это время у крестьянина всего въ изобиліи.

Достойно примѣчанія, что Казанской Божіей Матери (22-го октября) наши крестьяне не празднуютъ. Въ прежнее время они насчетъ этого праздника выражались такъ: «гэто новоя свято».

Дзень Матки наисвентшей — Введеніе во храмъ Пресвятой Богородицы (21 ноября).

Изо всѣхъ святыхъ православной церкви крестьяне нашего уѣзда особенно почитаютъ всякаго рода и достоинства иконы: *Матки Боски*, угодниковъ *Миколая*, *Юрья* (иначе *Еры*) — лишь бы онѣ считались чудотворными, въ церкви ли онѣ находятся, или въ костелѣ: «Усё роўно», говорятъ опи, «усюды хвала Боска».

Изъ сообщеній И. О Карскаго.

«Къ праздникамъ Бѣлорусскимъ можно отнести свѣчныя отправленія молебствій.

а) Заведеніе свѣчныхъмолебствій, отправляемыхъ по домамъ избраннымъ праздникамъ господскимъ или угодникамъ Божіимъ, съ приличнымъ угощеніемъ посѣтителей такового отправленія, ведетъ начало свое изъ глубокой древности. Въ историческихъ актахъ Западной Россіи, собранныхъ протоіереемъ Іоанномъ Григоровичемъ, видно, что старинные обыватели и купцы всѣхъ почти Бѣлорусскихъ городовъ и многолюдныхъ мѣстечекъ (пригородковъ) имѣли набожное обыкновеніе не только, въ храмахъ,

но и по своимъ домамъ приглашать духовенство для торжественнаго отправленія молебствія въ большіе праздничные годовые дни, какъ-то: Рождество и Воскресеніе Христово, день св. Троицы и въ 7-ю субботу по Воскресеніи Христовомъ, на Благовѣщеніе, Рождество, Успеніе и Покровъ Пресвятой Божіей Матери и въ дни избранныхъ ими святыхъ угодниковъ Божіихъ, какъ-то: святителя Николая Чудотворца, святого Георгія Побѣдоносца, святыхъ апостоловъ Петра и Павла и святого Архистратига Михаила. По совершеніи молебствія, они торжествовали эти дни угощеніемъ всѣхъ гостей, присутствовавшихъ при немъ, столомъ и нарочито для этихъ дней приготовленнымъ питнымъ медомъ. Но какъ медъ питной составлялъ напитокъ, принадлежавшій королевскому откупу, то купцы и мѣщане городовъ: Вильна, Минска, Витебска, Орши, Мстиславля, Кричева и другихъ просили королей польскихъ дозволить имъ свободу къ опредѣленнымъ праздничнымъ днямъ безпошлинно самимъ варить медъ и употреблять таковой въ теченіе исключительнаго на этотъ предметъ времени. Члены свѣчного общества сносили сотовой медъ въ складъ до 10 пудъ на каждый праздникъ, воскъ же отъ каждыхъ 10 пудовъ обращали въ пользу церквей, а доходъ отъ питного меда на милосердныя и богоугодныя дѣла (см. А. З. Р., т. III, № 109 и 131 и т. IV. № 38 и 39). Изъ этихъ обществъ составлялись братства, имѣвшія общественные домы, гдѣ они собирались. Братства эти по большимъ городамъ нашедши средства расширить доходы свѣчныхъ обществъ до значительныхъ размѣровъ, старались поддержать Православіе и устраивали училища, богадѣльни и другія полезныя заведенія. (См. т. IV, №№ 119, 217, 218 и 219).

Въ нынѣшнія времена между православнымъ простонародіемъ, даже между дворянами околицъ и между городскими мѣщанами подобнымъ образомъ празднуется отправленіе свѣчныхъ молебствій, но раздѣляясь на два рода отправленія. Первое: отправленіе свѣчныхъ молебствій принимаетъ на себя одинъ, безъ соучастія другихъ, домовитый хозяинъ въ селеніи, по какимъ либо

обстоятельствамъ въ жизни своей положившій святое обѣщаніе завесть въ домѣ своемъ ежегодное празднованіе свѣчного молебствія избранному имъ Господскому или Богородичному празднику, или одному изъ святыхъ угодниковъ Господнихъ. Для этого онъ первоначально беретъ у священника огарокъ обыкновенной церковной свѣчки въ основаніе заводимой имъ свѣчи и къ этому огарку, увеличивая фитиль, прибавляетъ воску, сколько найдетъ возможнымъ. Сдѣланную простымъ образомъ свѣчу ставитъ онъ передъ иконою въ обыкновенномъ мѣстѣ на кутѣ, вмѣсто подсвѣчника, въ небольшой лубочкѣ, наполненной рожью или пшеницею. Потомъ проситъ своего приходскаго священника прибыть къ нему въ избранный имъ праздникъ по отправленіи литургіи для совершенія молебствія въ его домѣ. Къ этому молебствію онъ обыкновенно приглашаетъ родственниковъ своихъ, кумовей и, по усмотрѣнію, сосѣдей, которые само по себѣ, на увеличеніе свѣчи на будущее время приносятъ воскъ, или деньги на воскъ. По совершеніи молебствія съ освященіемъ всего дома святою водою, скота и гумна, хозяинъ угощаетъ всѣхъ обѣдомъ. При угощеніи употребляется водка, а иногда и пиво.

Въ одномъ селѣ или деревнѣ могутъ быть два или три или болѣе хозяина, которые, подобно первому, отправляютъ въ домахъ своихъ свѣчныя молебствія въ другіе дни праздниковъ или въ честь другихъ святыхъ, которыхъ они избрали своими покровителями.

День отправленія свѣчного молебствія Бѣлоруссы проводятъ какъ день великаго праздника и часто праздникъ оканчивается очень шумно подъ вліяніемъ угощенія водкою. Бывало даже, что слѣдующій день и даже третій празднуютъ простолюдины въ корчмѣ: но священники запрещеніями уничтожили этотъ вредный для хозяйства обычай.

Свѣча такимъ образомъ отъ прибавленія ежегодно воска хозяиномъ и пожертвователями увеличивается, такъ что черезъ 4 года вѣситъ до 2 пудовъ, равно какъ и наличныхъ денегъ, приносимыхъ вмѣсто воска, доходитъ до 6 и болѣе руб. Когда

свѣча сдѣлается тяжела, то хозяинъ, снявъ съ нея верхнюю небольшую часть, гдѣ она зажигается, отвозитъ весь воскъ въ церковь и впослѣдствіи времени, когда къ нему еще и еще прибавятъ, съ согласія священника и церковнаго старосты, продаетъ, и деньги, совмѣстно съ собранными, какъ выше сказано, обращаетъ, по совѣту священника, на покупку или новаго евангелія, или чаши, или утвари церковной, или на пріобрѣтеніе колокола или на починку церкви.

Другой родъ отправленія свѣчного молебствія есть дѣло не одного хозяина, а нѣсколькихъ въ одномъ селеніи или даже мѣстечкѣ, въ честь одного и того же праздника или святого угодника Божія. Эта свѣча называется общинною или мірскою. Одному хозяину селенія, при вспомоществованіи другихъ только воскомъ въ свѣчномъ дѣлѣ, ощутительно тяжело дѣлать ежегодно угощеніе при томъ случаѣ, а также каждый разъ удовлетворять священника и причетъ за пріѣздъ и совершеніе молебствія въ его домѣ, почему участвующіе въ этомъ отправленіи охотно приняли, по предложенію священника, на себя очередь отправленія молебствія въ извѣстный день въ ихъ домѣ въ послѣдующіе годы и весь порядокъ угощенія и удовлетворенія духовенства.

Для этого между хозяевами — братчиками заведенной мірской свѣчи,—устанавливается порядокъ, кому за кѣмъ ежегодно принимать въ свой домъ свѣчу. Таковая передача свѣчи требуетъ нѣкоторыхъ церемоній или просто народныхъ обрядовъ, а именно: въ слѣдующій день послѣ отправленія свѣчного молебствія утромъ приходитъ къ прежнему хозяину новый братчикъ, т. е. берущій къ себѣ заведенную свѣчу, съ сосѣдомъ, для свидѣтельства. Хозяйка отставляетъ столъ, покрываетъ его бѣлою скатертью и ставитъ на него цѣлый хлѣбъ и полную бутылку водки, а хозяинъ, взявъ съ кута свѣчу и икону, ставитъ ихъ на главномъ концѣ стола; потомъ, взявъ бутылку съ водкою и наливъ полную рюмку, стоя у главнаго конца стола, кланяется братчику, стоящему противъ него у другого конца, пьетъ за

здравіе его, немножко прихлебывая изъ нея и такъ, не допивая, передаетъ новому братчику, который также отхлебываетъ немножко и передастъ хозяину. Чередуясь такимъ образомъ три раза, послѣдній оканчиваетъ всю рюмку. Это дѣйствованіе называется у простолюдиновъ: перепивать свѣчу. Тогда хозяинъ, взявъ въ одну руку свѣчу, а въ другую икону, становится у главнаго отъ кута угла, а братчикъ у прямого угла на крестъ, крестится и дѣлаетъ земной поклонъ иконѣ. Потомъ оба переходятъ по порядку къ слѣдующимъ угламъ стола съ подобнымъ же поклоненіемъ со стороны братчика. Это обхожденіе кругомъ стола продолжается три раза. По окончаніи третьяго обхожденія выходятъ изъ избы и идутъ всѣ въ домъ братчика. Хозяйка за иконою несетъ хлѣбъ въ рѣшетѣ. По прибытіи къ дому братчика, хозяйка его встрѣчаетъ церемоніею съ хлѣбомъ-солью и, сдѣлавъ вмѣстѣ съ мужемъ три земные поклона предъ иконою, новобратчикъ принимаетъ отъ прежняго хозяина икону и свѣчу, а хозяйка его хлѣбъ, — и идутъ въ избу, гдѣ все оканчивается легкимъ угощеніемъ.

Свѣчныя молебствія у Бѣлорусскихъ простолюдиновъ совершаются, по собственному хозяина дома желанію, въ слѣдующіе дни праздниковъ:

1) Васильевская свѣча, — на Новый годъ.

2) Благовѣщенская, большею частью отправляемая женщинами.

3) Юрьевская или Юрьевщина, — въ день св. Георгія 23 апрѣля.

4) Мироносицкая, отправляемая женщинами, особенно по мѣстечкамъ и городамъ, съ отправленіемъ молебствія при близкомъ источникѣ, при которомъ находится часовня или крестъ.

5) Микольская или Микольщина, въ честь св. Николая Чудотворца, 9 мая.

6) Предтеченская, 24 іюня.

7) Петро-Павловская, 29 іюня.

8) Ильинская, 20 іюля.

9) Глѣбо-Борисовская, 24 іюля, въ честь Глѣба и Бориса, покровителей полевыхъ работъ и рабочаго скота.

10) Успенская, 15 августа.

11) Спасская, 16 августа.

12) Хроловская или Хроловщина, 18 августа, въ честь Флора и Лавра, почитаемыхъ простонародіемъ покровителями домашняго рогатаго скота.

13) Малая Пречистенская, 8 сентября.

14) Покровская или Покровщина, 1 октября.

15) Козмодемьяновская, 1 ноября.

16) Михайловская или Михайловщина, 8 ноября.

17) Екатерининская, 24 ноября, отправляемая обществомъ женщинъ.

18) Варваринская, 4 декабря, отправляемая обществомъ женщинъ.

19) Микольская, 6 декабря».

Изъ Сборн. И. И. Носовича: «Бѣлорусск. пѣсни», въ V-омъ т. Зап. Имп. Геогр. Общ. т. V, стр. 64—68.

б) Могилевской губ. и уѣзда Любовичской волости.

У крестьянъ нашихъ существуетъ обычай справлять свѣчи въ честь святыхъ и угодниковъ, какъ напр.: Святителя Николая, Архистратига Михаила и др. Въ честь святаго Николая празднуется 6 декабря, въ честь Архистратига Михаила — 8 ноября, и въ честь другихъ угодниковъ въ дни, посвященные для ихъ празднованія церковью. Этотъ обычай существуетъ уже съ давнихъ временъ. Празднества эти крестьяне называютъ «гуляньемъ свѣчей». Такія гулянья устраиваются или нѣсколькими домохозяевами сообща, или по отдѣльности т. е., каждый отдѣльно. Свѣча, въ которой принимаетъ участіе нѣсколько домохозяевъ, называется «мірской», а участники—«братчиками». Братчики свѣчи каждогодно покупаютъ по одному, или болѣе, фунту воску, при-

носятъ его накануне, напр., Николина дня, въ домъ хозяина, котораго пришла очередь справлять «гулянье — Никольщину», складываютъ его въ сосудъ и растапливаютъ, а потомъ наклеиваютъ на свѣчу конусообразно. Налѣпивши и увеличивши такимъ образомъ бывшую прошлогоднюю свѣчу, обертываютъ ее въ чистую новую холстинку, прилѣпляютъ по обѣ стороны верхней ея части по маленькой свѣчкѣ, подъ угломъ, вклеиваютъ мѣдную монету, преимущественно двухъ-копѣечнаго достоинства, и обвязавши лентами, ставятъ на кутъ, а потомъ зажигаютъ свѣчку и всѣ присутствующіе молятся Богу. По окончаніи молитвы, хозяинъ дома приглашаетъ своихъ братчиковъ съ ихъ семействами къ столу и потчуетъ ихъ заблаговременно купленною къ этому дню водкою и пищею. Послѣ стола всѣ расходятся по своимъ домамъ до слѣдующаго дня. Вечеръ этого дня называется «засукиваніемъ свѣчи». На слѣдующій день, т. е. въ день св. Николая, хозяинъ беретъ свѣчу и отправляется съ ней въ церковь къ обѣдни, дабы освятить ее; послѣ обѣдни священникъ служитъ, по просьбѣ его, молебенъ св. Николаю о здравіи братчиковъ и отправляетъ просфору. По отправкѣ просфоры и молебна, хозяинъ пріѣзжаетъ домой и опять созываетъ всѣхъ своихъ братчиковъ на гулянье свѣчи. Здѣсь всѣ братчики или соучастники и ихъ родственники пьютъ водку, а потомъ въ тотъ же день вечеромъ, а у нѣкоторыхъ на слѣдующій день св. Николая, рано утромъ зажигаютъ эту же самую свѣчу, ставятъ ее въ насыпанную хлѣбными зернами дубку и несутъ къ слѣдующему хозяну (дѣлаютъ переносы), которому очередь справлять въ будущемъ году это же празднество. Во время несенія свѣчи всѣ безъ исключенія поютъ:

Откланявся (имя домохозяина, отъ котораго дѣлаютъ переносъ)
Да святому Миколу:
Спасибо, Микола,
Што ты у мяне гыдувавъ, (годъ находился)
На конику пыихавъ,

Хлѣба соли засылавъ,
Всякія пашницы,
И ярыя пшаницы».

Потомъ, подходя къ дому того хозяина, къ которому несутъ свѣчу поютъ:

«Прикланявся (такому-то, имя хозяина, къ которому несуть свѣчу)
Прошу тябе, Микола, до сябе,
Штобы ты у мяне гыдувавъ,
На конику пыѣзжавъ,
Хлѣба соли засылавъ,
Всякія пашницы
И ярыя пшаницы».

Въ это время выходитъ хозяинъ съ семействомъ навстрѣчу и, перекрестясь, дѣлаетъ три поклона, беретъ вмѣстѣ съ лубкою свѣчу, несетъ ее въ хату и ставитъ на кутѣ. Всѣ творятъ молитву, садятся за столъ и дѣлается угощеніе со стороны хозяина, принявшаго свѣчу. Потомъ, поблагодаривши другъ друга, всѣ расходятся по домамъ, а свѣча остается до слѣдующаго Николина дня. Такимъ порядкомъ *гуляютъ* всѣ свѣчи. Свѣчи эти, когда образуются порядочнаго вѣса, то братчики продаютъ ихъ и на эти деньги покупаютъ въ церковь или иконы, или священныя одежды, или ихъ издерживаютъ на другія церковныя надобности. Бо̀льшею частью свѣчи справляютъ по обѣту или изъ подражанія своимъ дѣдамъ и отцамъ, при чемъ наши крестьяне выражаются такъ: «Нада жить отцовскими молитвами; якъ дяды́ наши дѣлали, — такъ и мы должны дѣлать. Стараго ни кидать и но́выго не устывля́ть, а дѣлать нада, якъ Богъ пыслáвъ».

Зап. волости. писаремъ.

в) Той же губ.

Съ незапамятныхъ временъ у крестьянъ бѣлоруссовъ установился обычай отправлять въ своихъ домахъ свѣчи въ честь угодниковъ Божіихъ. Обычай этотъ и по настоящее время сохранился среди простолюдиновъ. Обыкновенно хозяинъ, желающій завести въ своемъ домѣ свѣчу въ честь какого-нибудь угодника, напримѣръ Николая Чудотворца, беретъ въ церкви огарокъ свѣчки, къ которому прибавляетъ собраннаго немного воска и ставитъ свѣчку эту предъ иконою, на кутѣ. Въ назначенный день хозяинъ приглашаетъ священника отправить въ домѣ молебствіе. Священникъ съ причтомъ пріѣзжаетъ въ домъ хозяина и служитъ въ его избѣ молебенъ предъ иконою Угодника, въ честь котораго заводится свѣча. Послѣ молебна, священникъ окропляетъ святою водою все въ избѣ, въ сараяхъ, гумнѣ и т. п. Затѣмъ хозяинъ приглашаетъ къ себѣ на праздникъ близкихъ и знакомыхъ, для угощенія которыхъ приготовляется очень много, и начинается пиръ. Пьютъ обыкновенно простую водку, но пьютъ очень много, до изнеможенія, такъ что иной, побывавъ на «свѣчѣ», бываетъ боленъ нѣсколько дней къ ряду отъ такого угощенія. Хотя священники и воспрещаютъ прихожанамъ брать на *свѣчи* много спиртныхъ напитковъ, но это не помогаетъ. Въ каждомъ почти селеніи есть два-три хозяина, которые устраиваютъ у себя свѣчи, но есть и такія селенія, въ которыхъ, безъ исключенія, всѣ хозяева имѣютъ свѣчи. Случается иногда такъ, что они всѣ въ одинъ и тотъ же день отправляютъ молебствіе; понятно, что здѣсь является не мало охотниковъ попить, погулять, напиваются до невозможности.

Ежегодно свѣчи увеличиваются отъ прибавленія къ нимъ воска, иногда онѣ доходятъ до двухъ и болѣе пудовъ. Когда свѣчи дойдутъ до такихъ размѣровъ ихъ сдаютъ въ церковь, гдѣ на деньги, вырученныя отъ ихъ продажи, справляется для церкви разная утварь. Самый обрядъ постановки свѣчи свершается такъ: на кутѣ, подъ образами ставится небольшой, наполненный рожью

лубокъ, въ который вставляется восковая свѣча, сдѣланная потолще въ основаніи и потоньше къ верху, Къ самой же верхушкѣ этой свѣчи прикрѣпляютъ двѣ маленькія свѣчки.

Обыкновенно свѣчи заводятся по обѣщанію, какъ спасательное и охранительное средство отъ разныхъ невзгодъ и напастей: отъ болѣзней, отъ скотскихъ падежей и т. п. При освященіи новаго дома хозяева вносятъ эту обѣтную свѣчу въ домъ и молятся, чтобы Богъ далъ здоровье и благополучіе ему и его семьѣ.

Записано Казимірово-Слободскимъ волостнымъ писаремъ Кохлавскимъ.

г) Могилевской губ. Гомельскаго уѣзда.

5-го декабря вечеромъ въ томъ селеніи, гдѣ празднуется «Микольщина», переносятъ свѣчу изъ дома одного хозяина въ домъ другого. Этотъ процессъ состоитъ въ слѣдующемъ: Въ домъ того хозяина, у котораго круглый годъ стояла свѣча, приглашается священникъ и собираются сосѣди. Зажигаютъ свѣчу и священникъ съ причтомъ служитъ молебенъ о здравіи всѣхъ участвующихъ и затѣмъ хозяинъ беретъ свѣчу и, въ сопровожденіи сосѣдей, несетъ ее въ домъ другого хозяина. Послѣдній встрѣчаетъ свѣчу у своихъ воротъ съ хлѣбомъ-солью и послѣ троекратныхъ взаимныхъ поклоновъ беретъ свѣчу изъ рукъ перваго и вноситъ въ свой домъ, гдѣ онъ тотчасъ и зажигаетъ ее и ставитъ на кутъ подъ образа, а самъ становится на колѣни, а священникъ съ причтомъ служитъ акаѳистъ св. Николаю и всѣ молятся. По окончаніи молитвы священникъ садится къ столу, благословляетъ хлѣбъ-соль и, покушавши, — уѣзжаетъ. Тогда на сцену выступаютъ «старцы» — нищіе, слѣпые и хромые и начинаютъ пѣть псальмы и другіе духовные стихи и такимъ образомъ этотъ, такъ сказать, религіозный вечеръ продолжается далеко за полночь. Этимъ однакожъ празднованіе *«свѣчи»* еще не оканчивается: ему посвящается и вечеръ слѣдующаго дня (6 декабря), который отличается уже распашнымъ разгуломъ и весельемъ. Тутъ ужъ непремѣнно бываетъ музыка, пляска, распѣваются

пѣсни совершенно нецензурнаго содержанія, устраиваютъ «Солоху». Эта забава—родъ маскарада и состоитъ въ слѣдующемъ: двѣ молодицы обкручиваютъ себѣ вокругъ головы большіе красные платки, третья одѣвается въ лохмотья и беретъ въ руки сухія травы,—это цыганки. Къ нимъ присоединяется мужчина съ лицомъ вымачканной сажей, съ трубкой и кнутомъ въ рукахъ—это цыганъ. Вся эта компанія въ сопровожденіи пѣвицъ входитъ въ домъ. Двѣ молодицы или дѣвушки съ красными платками на головѣ и мужчина танцуютъ, женщина въ лохмотьяхъ ворожитъ а остальныя поютъ:

1) Икъ у мойго батюшки золоты́ вороты,
Золоты вороты, серебряни подворотійки,
Съ повороты бѣлы камушекъ ляжитъ,
Съ подъ бѣлого камушка быстра рѣчичка бяжитъ,
А по быстрой по рѣцы судёнышко плыветь,
По этому по судёнушку немножко людей,
Икъ по мойму счету всяго семь человѣкъ,
Всяго семь человѣкъ, а восьмы водоносъ,
А восьмы водоносъ, а дивяты куховарушко,
А дисяты самъ привдалы молодецъ.
Ёнъ по судёнышку похадживая,
Каляну стрялу́ потягивая,
Самъ стрялѣ наказывая:
Що ляти, ляти коля́ная стряла́,
Що уби, уби стряла ясна сокола на вы́лити,
Добра молодца на вы́ѣздѣ,
Сѣру вутицу во крутомъ биригу́,
Красну дѣвицу на високомъ тириму́.
Красна дѣвица — нявѣста моя.

—

2) Скачи голубъ по пяску́,
А голубка по маку́:
У голубя сира голова,

А въ голубки позоло́чувана,
Чорнымъ шолкомъ повыстро́чувана.
Икъ заѣхавъ хлопчичокъ съ тирами:
Коли была да дѣвка такова,
Ябъ ее цалувавъ, милувавъ,
А до пячи́ куховарку нанявъ,
А до лю́лечки—няпичку,
А до прачика—пра́шичку,
А до йголочки—шва́чеку,
Сами пойдимъ у гулю́щачки,
У пуховыя подушачки.

Зап. народн. учителя г. Батуринымъ.

д) Смоленской губерніи.

«6-го декабря», говоритъ народъ, «Св. Миколы (Николая Чудотворца), а учора (вчера) былъ праздникъ его бацьки-Савки». Праздникъ 6-го декабря считается старше праздника въ память этого же святого 9-го мая. Къ 6-му декабря и 26-му ноября относится поговорка: Егорій подмоститъ, а Микола подгвоздитъ. Поговорка эта указываетъ на сильные морозы въ то время бывающіе».

«Близость по времени праздниковъ св. Варвары, Николая Чудотворца и Саввы произвела въ народѣ повѣрье, что Микола самъ-третей ходитъ по землѣ. Предъ Николинымъ днемъ, а чаще всего въ день великомученицы Варвары, служатъ Никольщину; тогда приносятъ въ дома свои образа изъ церкви, служатъ молебны Пресвятой Богородицѣ, Спасителю, Властію (св. Власію), Николаю Чудотворцу, освящаютъ воду и вмѣстѣ съ тѣмъ служатъ также панихиды по умершимъ родственникамъ. Никольщина называется «праздникомъ свѣта» или по бѣлорусскому выраженію—*свѣчи*. Хозяинъ, устраивающій этотъ праздникъ, жертвуетъ въ пользу церкви произвольное количество воска, изъ котораго дѣлается свѣча, сзываетъ родныхъ и знакомыхъ, которые также приносятъ съ собою воскъ и прилѣпливаютъ его

къ свѣчѣ хозяина. Когда свѣча дойдетъ до пуда и болѣе, то съ благословенія священника она отдается въ церковь. Вечеромъ же напиваются пьяны и поютъ:

1) Приросло тычье
Усё серебреное,
Появился хмѣль
Зеленой, яровой и т. д.

Или:

2) Я ўчора у пира была,
Сяньня съ пиру пришла,
Мой миленькій печалицца,
Мой миленькій у ногъ качаецца,
Не бей жену пьяную,
Жену пьяную неразумную;
Побей жену тверезую
Бѣлою березою!

Поютъ также «лучинушку» и другія пѣсни.

Изъ Памятной книжки Смоленск. губ. на 1859 г., стр. 166—167.

Женитьба комина [1]).

Минской губ., Мозырск. у., с. Вереница.

Въ Бѣлоруссіи на этотъ счетъ существуетъ такой обычай: Отъ св. Пасхи до Сёмена (1 сентября) не свѣтятъ на коминѣ до Сёмена (1 сентября), а свѣтло это такого рода: къ свѣтильному

[1]) Коминъ — это большая труба, похожая на трубу самовара, только въ гораздо большихъ размѣрахъ. Она сплетается изъ лозника и обмазывается глиной. Трубу эту прикрѣпляютъ къ круглому, находящемуся на нѣкоторомъ разстояніи отъ печи вырѣзу въ потолкѣ. Къ крючкамъ нижняго, болѣе широкаго отверстія этой трубы прицѣпляютъ *«посвѣтъ»* (родъ сковородки), на которомъ зажигаютъ лучины. Подъ трубой ставится во многихъ мѣстахъ какую-нибудь посудину съ водой для ниспадающихъ угольковъ и горячаго пепла. При такомъ способѣ освѣщенія въ хатахъ бѣлорусскаго Полѣсья работали до послѣдняго времени, когда возможность дешеваго пользованія керосиномъ стала его мало по малу вытѣснять. Ш.

комину прицѣпляется желѣзная рѣшетка *посвѣтъ*, на которой и горитъ лучина. При этомъ огнѣ бываетъ очень свѣтло въ хатѣ и работать можно все, что кому нужно, и, главное воздухъ чистый, такъ какъ коминъ служитъ и вентиляціей въ это время. Въ день Сёмена въ первый разъ привѣшивается *посвѣтъ* и свѣтятъ лучиною. Посему-то этотъ моментъ и сопровождается нѣкоторыми особенностями: такъ, напримѣръ, коминъ очищаютъ и бѣлятъ, затѣмъ его обвязываютъ хмѣлемъ. Дѣти всегда ждутъ съ особеннымъ интересомъ вечера, когда будутъ «женить комина». Когда же наконецъ этотъ вечеръ придетъ, хозяйка повѣсивъ *посвѣтъ*, кладетъ на него горящую лучину, произнося при этомъ: «Надзѣли Господзи здоровьейкомъ!» Затѣмъ она осыпаетъ коминъ орѣхами и сѣменами, а дѣти, ожидавшія этотъ моментъ съ такимъ нетерпѣніемъ, съ крикомъ и смѣхомъ разсыпаются по полу и подбираютъ разсыпанные орѣхи и сѣмячки, при чемъ нерѣдко и подерутся. При этомъ обрядѣ пѣсенъ нѣтъ никакихъ. Все это живо помнится изъ своего дѣтства.

Зап. свящ. С. Сулковскій.

а) Виленск. губ., Виленскаго уѣзда, Манькович. волости.

Когда наступаетъ время посидѣлокъ, т. е. вечернихъ работъ при огнѣ, въ однихъ мѣстахъ съ 1-го сентября, въ другихъ нѣсколько попозже, женщины и дѣвушки собираются въ свѣтлую просторную избу, приносятъ съ собою хлѣбъ, мясо, колбасы и прочіе съѣстные припасы, кто что можетъ, для закуски, запасаются и водкой, приглашаютъ музыканта и такимъ образомъ устраиваютъ пирушку (балёкъ), во время которой совершаютъ женитьбу комина. Женитьба эта состоитъ въ томъ, что дѣвушки и женщины принесенными съ собою цвѣтами, освященными въ церкви на Ивановъ день (святоянскими), украшаютъ коминъ, при чемъ поютъ пѣсни, пріуроченныя къ этому случаю. По окончаніи пѣнія, подъ звуки скрипки, дѣвушки съ приглашенными парнями пустятся выплясывать разныя пляски, между которыми выдается весьма занимательный танецъ «Цярешка». Этотъ танецъ состоитъ

въ томъ, что дѣвушки съ парнями дѣлятся на пары и становятся въ два ряда: дѣвушки по одну сторону, а парни по другую. Первая пара, т. е. парень съ дѣвушкой пляшутъ бычка и потомъ прощаются другъ съ другомъ и дѣвушка уходитъ отъ парня, который вслѣдъ за тѣмъ бросается ее ловить и поймавши, снова становится съ ней въ рядъ. Тоже самое продѣлываютъ всѣ остальныя пары. Во время этого танца, поютъ слѣдующій припѣвки.

1) Ни вцикай, бабўличка!
Я твой дзядуличка
Ци я табѣ лапцей ня сплёў?
Ци я табѣ оборъ ня звiў?

Или:

2) На горѣ сўчачка брешець,
Ко мнѣ мой милый чешець:
Боцики козловые,
Подкоўки сталёвые.
Боцики стучаць, стучаць,
Подкоўки звиняць, звиняць.

Или такъ:

3) А за горой курта брешиць,
Ко мнѣ мой милый чешиць;
А ци чешець, ци ня чешиць,
Ни задарма курта брешиць.

Когда дѣвушка и парни вдоволь напляшутся, то хозяйка накрываетъ столъ чистою скатертью и ставитъ на ней водку, пиво и закуску. Вся компанія усаживается за столъ и начинаетъ пить и закусывать. Подкрѣпивши себя такимъ образомъ, всѣ благодарятъ хозяина и хозяйку, и снова принимаются плясать и пляшутъ до разсвѣта; и только съ наступленіемъ дня расходятся по домамъ.

Изъ записи учителя народнаго училища I. Озеровича. Сообщ. директоромъ Виленск. учит. семинаріи М. Дуровымъ.

О КЕРМАШАХЪ И ИГРИЩАХЪ.

Минск. губ., Борис. у., Краснолуцкой волости.

«Однимъ изъ самыхъ важныхъ средствъ сближенія молодежи въ означенной мѣстности служатъ такъ называемые кермаши, т. е. храмовые праздники въ церквахъ самостоятельныхъ, приходскихъ и кладбищенскихъ. О срокѣ и днѣ храмоваго праздника знаютъ не только окрестные крестьяне, но и отдаленныхъ мѣстностей, и всякій молодой парень, всякая молодая дѣвушка считаютъ своей непремѣнной обязанностью тамъ побывать, чтобы себя показать и другихъ посмотрѣть. Какъ тѣ, такъ и другія принаряжаются по этому случаю въ лучшія платья, парни забираютъ съ собою деньги, а дѣвушки закуски, чтобы по окончаніи церковной службы отдохнуть и перекусить. На этихъ кермашахъ поддерживаются старыя и заводятся новыя знакомства. Тутъ же происходитъ и выборъ женихами невѣстъ и наоборотъ — по обоюдному ихъ согласію и сердечному влеченію. Выборъ этотъ въ описываемой мѣстности происходитъ почти всегда безъ всякаго принужденія со стороны родителей, такъ что часто просватанная отказываетъ своему жениху, если она находитъ его для себя не подходящимъ и въ такомъ случаѣ обязана только возвратить ему издержки, потраченныя имъ на питье *могарычей* и на подарки.

Крестьянинъ, какъ извѣстно, ищетъ въ своей женѣ прежде всего хорошую хозяйку, здоровую женщину и работницу, притомъ поведенія честнаго, не гулящую и не опозоренную, такъ что дѣвушка съ противоположными качествами имѣетъ мало надежды на выходъ замужъ. Вообще обращается преимущественно вниманіе на здоровье и дородность, а матеріальная сторона не имѣетъ большого значенія.

Обыкновенно на кермаши являются доморощенные музыканты, большею частію со скрипками, а въ послѣднее время съ гармониками, подъ музыку которыхъ молодежь отплясываетъ

мѣстные танцы: *крутуху*, *бычка*, *барыню*, *лявонаху*, *мятелицу*, а въ послѣднее время и «кадрилю», позаимствованную отъ мѣстной мелкой шляхты. За каждый танецъ дѣвушки и парни платятъ музыканту нѣсколько копѣекъ. По количеству платы и музыка играетъ то продолжительнѣе, то короче. Дѣвушки танцуя безъ парней, сами платятъ музыканту, а если вмѣстѣ съ парнями, — то платятъ послѣдніе. При исполненіи музыкантомъ танцевъ появляется и акомпаниментъ, состоящій въ пѣніи разгульныхъ пѣсенъ самими танцующими съ помощію другой скрипки или бубна, а то и просто какой-либо любитель - мальченка беретъ въ руки два тонкихъ прутика и колотитъ ими по струнамъ скрипки въ тактъ музыки. Главное достоинство во всѣхъ упомянутыхъ танцахъ заключается въ плавности движеній танцующихъ, такъ какъ особыхъ замысловатыхъ фигуръ не полагается. Парни показываютъ свою удаль сильнымъ притопываніемъ каблуковъ въ тактъ музыканта, ломаніемъ шапки на бекрень, размахиваніемъ руками, присвистомъ и пѣніемъ далеко не скромнаго содержанія припѣвокъ; въ послѣднемъ, впрочемъ и дѣвушки нисколько не отстаютъ отъ нихъ, нимало не стѣсняясь.

Отъ совмѣстныхъ танцевъ дѣло переходитъ и къ совмѣстнымъ закускамъ, при чемъ парни угощаютъ дѣвушекъ водкою, пряниками и т. п., а дѣвушки въ свою очередь потчуютъ ихъ принесенными изъ дому холодными закусками, по большей частью толстыми пшеничными блинами, смѣшанными съ кусочками сала и т. п. И вотъ такимъ образомъ завязывается знакомство, которое при благопріятномъ случаѣ переходитъ въ свадьбу.

Тоже самое бываетъ и на игрищахъ, устраиваемыхъ въ разное время года. Особенно часто, почти ежедневно, онѣ устраиваются съ перваго дня колядъ до *кщеньня* (Крещенія), т. е. съ 25 декабря по 6 января. Во всѣ же вечера буднихъ дней, въ означенный промежутокъ времени, никакихъ домашнихъ работъ не дѣлается, такъ какъ эти вечера называются «святыми», а потому и естественно, что въ это время молодежь предается веселію. На колядныхъ игрищахъ водка чаще всего покупается пар-

нями въ складчину, такимъ же образомъ, какъ и на кермашахъ устраивается дѣвушками закуска, состоящая изъ жареныхъ на мѣстѣ игрища колбасъ и блиновъ (припасы эти большею частію похищаются дѣвушками изъ дому). Нужно сказать, что на этихъ игрищахъ парни и дѣвушки напиваются иногда до безобразія, что влечетъ за собою иногда печальныя для дѣвушки послѣдствія.

Говоря о кермашахъ и игрищахъ, слѣдуетъ упомянуть о существующемъ въ данной мѣстности обычаѣ ходить лѣтомъ и осенью *на́ ночки*, т. е. собираться нѣсколькимъ парнямъ и дѣвушкамъ въ сѣнные сараи для совмѣстной ночевки. Правда, бываютъ и парныя «на́ ночки» по предварительному соглашенію. Какъ, повидимому, непредосудителенъ съ нравственной точки зрѣнія этотъ обычай, однакоже онъ очень рѣдко ведетъ къ печальнымъ для дѣвушки послѣдствіямъ, такъ какъ онъ искони служитъ средствомъ для сближенія молодежи обоего пола въ извѣстной деревнѣ, особенно если принять во вниманіе, что дѣвушки очень рѣдко и не охотно выходятъ замужъ въ далекую отъ ея родной деревню, или какъ онѣ выражаются, «сторону». Уже другая деревня, отстоящая отъ ея родной на 3—5 верстъ, называется «чужой стороной», стороной не привлекательной, какъ поется въ пѣснѣ:

Чужая сторона безъ вѣтру шушиць,...
Чужы татулька, чужая матулька
Безъ вины журиць.

Въ неуклонномъ соблюденіи этого обычая, выразившагося въ приведенныхъ словахъ пѣсни, можно видѣть, какая крѣпкая и тѣсная связь существовала среди жителей одной деревни, представляющей изъ себя нерѣдко одну семью, разросшуюся въ цѣлый родъ,—деревню, гдѣ всѣ, такъ или иначе, связаны между собою узами родства, болѣе или менѣе близкими. Доказательствомъ этого можетъ служить то обстоятельство, что въ нѣкоторыхъ деревняхъ описываемой мѣстности всѣ коренные жители ихъ носятъ одну фамилію, напр.: въ д. Жортаѣ преобла-

дающая фамилія «Стаинъ», въ д. Рудномъ-селѣ—«Рабуевичъ», въ д. Обзѣ — «Чичинъ», въ д. Ивань-Ковщинѣ — «Богодяжъ» и. т. д. На родовое происхожденіе жителей деревень отъ одного общаго родоначальника указываютъ также и самыя названія деревень, напр. Ивань-Ковщина, Моисе-ев-щина и т. д.»

Изъ сообщ. волост. писаря С. Прокулевича.

Игры дѣтей и взрослыхъ.

1.

Рѣдька [1]).

а) Минск. губ., Рѣчицк. уѣзда, Дудической волости, с. Якимовичи.

Дѣвушки и парни садятся другъ къ другу на колѣни (на полу или на землѣ), берутся за плечи и держатся какъ можно покрѣпче другъ за другомъ, изображая собою рѣдьки, а сидящій въ концѣ ряда называется хозяйкою. Изъ числа участвующихъ въ игрѣ одинъ или одна не садится, а остается внѣ ряда, чтобы рвать рѣдьку, для чего и запасается предварительно большой палкой, которой, какъ только всѣ усядутся въ означенномъ порядкѣ, начинаетъ стучать, приговаривая:

«Стукъ, постукъ!»

Хозяйка:

«Хто тамъ?

—Самъ панъ.

«Што табѣ треба?»

— Упала пани съ печи, — Забила ж[illegible]у и плечи и зажадала рѣдзьки.

«Недавно только посѣяла».

— Стукъ, по-стукъ!

«Хто тамъ?»

---

[1]) Въ другихъ мѣстахъ: *рѣпка*. Ш.

— Самъ панъ?.. отвѣтъ тотъ же, на что хозяйка на этотъ разъ отвѣчаетъ: «Яна тольки ищé повсходзила». И только при третьемъ повтореніи означеннаго отвѣта требованія хозяйка позволяетъ отвѣдать рѣдьки. Тогда панъ поочередно подходитъ къ каждому изъ сидящихъ въ ряду, беретъ его за плечо и слегка, а иного и порядкомъ угрызнетъ зубами: это значитъ— онъ пробуетъ рѣдьки, которая повкуснѣе. Выбравши рѣдьку по своему вкусу, онъ подымаетъ, т. е. слегка затрогиваетъ по очереди палкою за руки, или за платье всѣхъ сидящихъ въ ряду (по направленію къ хозяйкѣ, сидящей въ концѣ его), начиная съ перваго вплоть до того, котораго онъ выбралъ какъ вкуснѣйшую рѣдьку. Каждый, въ свою очередь оказываетъ сопротивленіе, а панъ, вырывая рѣдьку, выражаетъ свое удивленіе: «Але же крѣпко ўросло ў землю, — а, а! Award Неможно и *вурвацъ ниякъ*». Поднявши перваго изъ сидящихъ въ ряду, онъ его отталкиваетъ отъ себя, бросаетъ какъ бы въ сторону, какъ рѣдьку негодную, то же самое достается отъ него и второму и третьему и т. д., пока наконецъ не доберется до того, который ему, въ видѣ рѣдьки, показался вкуснѣе прочихъ. Выбранный выходитъ изъ ряда съ своимъ выборщикомъ и игра начинается снова съ другими участниками въ ней.

Сообщ. учит. народн. училища Н. Гр. Яцко.

2.

б) Могил. губ., Сѣнниnск. у., с. Игрушка.

Играющіе выбираютъ изъ среды себя *бабу и дѣду*, потомъ берутся одинъ за другого, обхватывая туловище руками, или берясь за поясъ одинъ у другого. Баба становится позади всѣхъ, а дѣдъ, съ кіемъ [1]) въ рукахъ идетъ около этой цѣпи и, постукивая, говоритъ:

«Стукъ стукоста»!

— А хто тамъ?

---

[1]) Палкою.

«Самъ папъ».

— Чего надо?

«Пріѣхали госьци зъ чужэи волóсьци, *зажидали рѣдьки сомлости*» [1]). На это баба отвѣчаетъ: «только пáрана».

Дѣдъ уходитъ, но вскорѣ возвращается и возобновляетъ свой разговоръ съ бабой, съ прибавленіемъ однакожъ слѣдующихъ словъ:

Звалилася папя зъ печи,
Разбила грудзи, плечи,
Родзила сына Мартына.
На количку посадзила,—
Количекъ зломіўся,
Сынъ Мартынъ зваліўся.

Теперь баба отвѣчаетъ: «Поскорóжила».

Дѣдъ снова идетъ вдоль цѣпи, постукивая палкой и повторяя: «Стукъ стукоста» и т. д., но безъ прибавленія послѣдняго приговора. Баба отвѣчаетъ: «Посѣяна». Когда дѣдъ затѣмъ приходитъ съ вопросомъ своимъ еще разъ, то баба наконецъ уже отвѣчаетъ: «выросла». А дѣдъ, какъ бы встревоженный, кричитъ вдругъ: «Бабо, бабо! свиньни ў горóдзи!»

— «Ну дыкъ выгони», говоритъ баба, «и рѣдчину вырый».

Старикъ дѣлаетъ видъ, будто палкой выгоняетъ свиней, а потомъ рвегъ рѣдчину, т. е. перваго, стоящаго въ цѣпи играющихъ и, вырвавши, отсылаетъ его въ сторону. Потомъ, прикладывая палку ближе къ губамъ, показываетъ видъ, будто пробуетъ рѣдьку и, передавая ее другимъ, говоритъ: «Попытайця! Солодка?» Всѣ поочередно пробуютъ и выплевываютъ, говоря: «горка!» Затѣмъ дѣдъ опять обращаясь къ бабѣ, говоритъ: «Бабо, бабо! проша ў лазню! [2])»

— Собакъ боюся.

---

[1]) Т. е. страстно захотѣли рѣдьки — до тошноты.

[2]) Лазня — баня.

Собаки, т. е. бывшія рѣдчицы берутся попарно за обѣ руки, впереди ихъ дѣдъ кладетъ палочку и говоритъ: «Я собакъ замкнуў, колодой приваліў и по баранку даў». Баба успокоившись, спрашиваетъ: «Якая твоя лазня?».

— Дзирива́нная.

«Якая твоя печка?»

— Ка́минная.

«Якій твой полокъ?»

— Жалѐзны.

«Я спякýся».

— Я соломки подстелю и водицы нальлю.

«Якій твой духъ?

— Малиновы.

«Якій твой вѣникъ?»

— Шаўкóвы.

«Якая твоя ковошка?» [1])

— Мидзяная.

«Я руки попякý».

— Я онýчачкой обярну.

Послѣ такихъ переговоровъ баба идетъ въ *лазню*. Собаки вырываются, бросаются на бабу и рвутъ ее. Она отбивается отъ нихъ скрученнымъ поясомъ или ремнемъ и убѣгаетъ, оставляя свои вещи. Хозяинъ прогоняетъ собакъ, идетъ къ бабѣ и говоритъ: «Гэй, бабо, бабо! платокъ забылася».

— Я собакъ боюсь и т. д.

Наконецъ она идетъ въ баню, а тамъ вмѣсто платковъ и другихъ вещей набросаны палочки. Баба хватаетъ палочку, грозитъ собакамъ, а тѣ бросаются къ ней и рвутъ ее. Затѣмъ она идетъ опять въ баню за башмаками и другими вещами, пока ихъ не выберетъ всѣ — и исторія съ собаками повторяется каждый разъ снова. Тѣмъ игра и кончается.

Зап. учит. народн. училища г. Свидерскимъ.

---

[1]) Чашка съ ручкой для черпанья воды.

3.

в) Виленской губерн., Дисненскаго уѣзда, м. Глубокое.

Дѣти садятся такъ, что каждый помѣщается между ногъ товарища, чтобы представить собою крѣпко сидящую въ грядкѣ рѣдьку и плотно обнимаютъ другъ друга руками. Къ сидящимъ подходитъ мальчикъ и говоритъ:

«Стукъ, стукъ ў вокóнца!»

— А кто тамъ?

«Я самъ панъ».

— А чаго?

«Пріѣхала пани зъ вяселля, зажидала рѣдьки съ похмелля».

— Яще ня сѣина...

На слѣдующій спросъ ему говорятъ, что еще не пололи, затѣмъ, что рѣдька еще по «пупёлочку» (маленькая завязь) и, наконецъ, дозволяютъ вырывать созрѣвшую рѣдьку. Просившій рѣдьки начинаетъ таскать за руки своихъ товарищей.

Зап. учен. Виленск. института Ѳ. Новицкій. Ср. у Покровскаго: «Дѣтскія игры», стр. 175.

4.

Въ кости (бабки, казанцé).

Минской губ., Рѣчицкаго уѣзда, м. Бразинъ.

Каждый изъ участвующихъ въ этой игрѣ мальчиковъ запасается десяткомъ или двумя косточекъ отъ воловьихъ ногъ. Эти косточки разставляются попарно въ длинный рядъ; потомъ всѣ дѣти берутъ по одной косточкѣ и поочередно бросаютъ ихъ шагахъ въ двадцати отъ поставленнаго ряда костей. Чья кость упадетъ дальше, тотъ первый начинаетъ игру. Сдѣлавъ два шага впередъ, мальчикъ, пользующійся правомъ первой очереди въ игрѣ, бросаетъ свою кость въ поставленный рядъ. Число костей, выбитыхъ изъ ряда, обращается въ его собственность. Но не всегда правомъ первой очереди пользуется тотъ, чья кость упадетъ дальше; въ этомъ случаѣ тутъ играетъ важную роль и то поло-

женіе, въ какомъ будетъ находиться брошенная кость. Въ метательной кости различаются три различныя стороны, которыя носятъ различныя названія: «клецъ, жогъ и ника». Бросая кость, дѣти радуются, когда кость ихъ пáдаетъ на сторону «клецъ», такъ какъ эта сторона даетъ имъ преимущество въ игрѣ предъ тѣми мальчиками, кости которыхъ хотя брошены и дальше, но приняли положеніе «жогъ» или «ника». Болѣе ловкіе и плутоватые мальчики, желая чаще пользоваться правомъ первенства въ игрѣ, прибѣгаютъ къ поддѣлкѣ метательныхъ костей. Эта поддѣлка состоитъ въ слѣдующемъ: сторона кости «клецъ» обтачивается на кузнечныхъ точилахъ, а на внутреннюю часть этой стороны наливаютъ чрезъ пробуравленную дыру расплавленнаго олова. Дыра тщательно задѣлывается, и мальчикъ является съ фальшивою костью въ кружокъ играющихъ. Случается, что эта продѣлка остается незамѣченною; но горе обманщику, если товарищи вó время спохватятся: бока его не избѣгнутъ дѣтскихъ кулаковъ, а кости, обманнымъ образомъ выигранныя, отнимаются насильно и дѣлятся между потерпѣвшими.

5.

Въ кегли.

Тамъ же.

Чертятъ на землѣ два квадрата, шагахъ въ двадцати одинъ отъ другого; на противоположныхъ сторонахъ обоихъ квадратовъ ставятъ по семи цилиндрическихъ деревянныхъ обрубочковъ, вышиною въ четыре или пять вершковъ, а толщиной въ вершокъ или два. Дѣти дѣлятся на двѣ равныя кучки, и каждая кучка выбираетъ изъ своей среды такъ называемую *голову*, или *матку*. Послѣдняя, по своему усмотрѣнію, даетъ каждому изъ находящихся въ ся группѣ названіе старшаго, средняго и младшаго сыновей, дающее право играющему пользоваться первенствомъ въ игрѣ. Обѣ группы дѣтей, вооружившись палками, становятся въ десяти шагахъ каждая отъ своего квадрата. *Матка* начи-

наетъ игру: бросаетъ палку въ стоящіе цилиндрическіе обрубочки, стараясь ударомъ выбить ихъ изъ начерченнаго квадрата; за маткой продолжаютъ игру сыновья съ строгимъ соблюденіемъ порядка и правилъ, установленныхъ маткою. Та группа, которой первой удастся окончить свою партію, считается побѣдившею, а вторая побѣжденною. Послѣдняя подвергается наказанію, состоящему въ томъ, что побѣдители взлѣзаютъ на спину побѣжденнымъ и заставляютъ ихъ носить себя вокругъ начерченныхъ квадратовъ, приговаривая: «Твой дѣдъ на моемъ ѣздилъ». Въ эту игру нерѣдко въ праздничные дни играютъ и взрослые.

Обѣ зап. учен. Виленск. учит. института Вик. Бохоновъ.

6.

Дубъ.

Той же губ. и у., Дубическ. в., с. Якимовичи.

Въ эту игру играютъ дѣвочки и мальчики.

Одному изъ участниковъ или участницъ въ этой игрѣ завязываютъ глаза и, взявши его подъ руки, подводятъ къ дверямъ какого-либо строенія и спрашиваютъ:

«Што ето?»

— «Дубъ!» отвѣчаетъ кто-либо изъ толпы.

«Што на дуби?»

— Вулей.

«Што ў томъ вульли?»

— Мёдъ.

«Кому яго ѣсьци?»

— Пану.

А стоящій тутъ съ завязанными глазами при этомъ говоритъ.

— Мнѣ!

Ему всѣ: «Натри гоўне; а каша дзѣ?» —

— На полицѣ». —

«Я *вурьмъ*».

Всѣ: — А *му кіемъ!*

При этихъ словахъ всѣ начинаютъ его бить и потомъ разбѣгаются въ разныя стороны и прячутся, а мальчикъ или дѣвочка съ завязанными глазами начинаетъ ихъ разыскивать и кого найдетъ, тому завязываютъ глаза — и игра тѣмъ же порядкомъ начинается снова и продолжается до тѣхъ поръ, пока имъ она не прискучитъ.

7.

Просо.

Тамъ же.

И въ этой игрѣ участвуютъ какъ мальчики, такъ и дѣвочки. Собравшись гдѣ-нибудь на улицѣ, они берутся за руки и составляютъ прямолинейную цѣпь. Затѣмъ кто-нибудь изъ участвующихъ, мальчикъ или дѣвочка, по жребію или по общему согласію, выбирается въ *войты*, и выходя изъ цѣпи, становится прямо лицомъ противъ одной изъ дѣвочекъ (по выбору) и между ними происходитъ такой разговоръ:

Войтъ: «Прыдзи ко мнѣ просо полоць!»[1]).

Дѣвочка: — Не хочу.

В. «А замужъ?»

— Хоць и зáрезъ.

При этихъ словахъ войтъ дѣлаетъ движеніе, чтобы схватить непокорную, приговаривая: «Просо не хочешъ еще полоць, а замужъ хоць зáрезъ!» Но она отъ него ускользаетъ и бѣжитъ, въ промежутокъ рукъ, составляющихъ цѣпь, а онъ продолжаетъ гоняться за нею до тѣхъ поръ, пока не поймаетъ. Теперь уже пойманная становится войтомъ, а прежній войтъ становится въ цѣпь.

---

[1]) Если войтъ обращается къ мальчику, то приглашаетъ его молотить или косить. Яц.

8.

Золото.

Тамъ же.

Дѣти и даже взрослые парни и дѣвушки нерѣдко затѣваютъ названную игру, собравшись гдѣ либо въ домѣ, а въ теплое время—на дворѣ какого либо домохозяина и, по-преимуществу, въ дни святочные. — Одна или одинъ изъ участвующихъ въ игрѣ беретъ перстенокъ, такъ называемое золото, подходитъ къ каждому изъ сидящихъ, стараясь незамѣтнымъ образомъ положить его кому либо въ руки — съ произношеніемъ слѣдующихъ словъ: «Съ куту иду, золото несу, угадайце бояре, гдзѣ золото упало? — На куцѣ у полицѣ, ў краснумъ ў яснумъ, ў несцаснумъ», а кто либо изъ участниковъ игры показываетъ кому положено золото (угадываетъ). Если скажетъ не впопадъ, то всѣ тогда начинаютъ смѣяться надъ нимъ и кромѣ того, онъ остается исполнять эту обязанность до тѣхъ поръ, пока не покажетъ кому именно положено, такъ называемое, золото. За каждымъ разомъ неудачи угадывающаго производится новая раздача кольца, въ противномъ случаѣ передается кольцо, названное золото, угадчику, который и производитъ раздачу. По усмотрѣнію участниковъ игры названныя лица могутъ быть замѣнены новыми.

9.

Въ гужа.

Тамъ же.

Мальчики и дѣвочки собираются гдѣ либо на улицѣ. Двое изъ нихъ становятся на мѣстѣ, очерченномъ ими раньше круговою линіею, а остальные стоятъ подальше отъ черты. Одно изъ дѣтей, находящихся въ кругу, придерживаетъ другое, пока всѣ не приготовятся къ игрѣ, потомъ толкаетъ его отъ себя съ произносеніемъ слова: «гужъ». Этотъ мальчикъ или дѣ-

вочка выбѣгаетъ изъ-за черты и начинаетъ ловить кого либо изъ участвующихъ въ игрѣ. Всѣ дѣти стараются убѣгать за черту въ кругѣ. Если кто либо будетъ имъ пойманъ, то пойманный отправляется въ кругъ, замѣнивъ его мѣсто, а этотъ идетъ въ толпу играющихъ; въ противномъ случаѣ онъ остается на своемъ мѣстѣ и продолжаетъ бѣгать за кѣмъ либо изъ дѣтей съ цѣлью поймать и поставить на своемъ мѣстѣ.

Надо замѣтить, что когда всѣ дѣти сбѣгутся въ кругъ за линію, то погоня за ними прекращается.

По окончаніи игры дѣти танцуютъ и поютъ:

а) Хто *вускаче голубцá* [1]),
Той будзе молойца.
А ў Кіяви заказали,
Штобъ ў *магеркахъ* [2]) не скакали.
Семъ сотъ заплачу
А ў магерцы таки поскачу.
Ишоў мужикъ богатый,
Найшоў черапъ щарбатый.
Широкая борода...
(Не окончена).

—

б) И шли бабы по *грыбý*,
А дзѣдъ по опéньки,
Дзѣдову ў лѣси посохли,
А бабины сырéньки.

—

в) За бубами, за лугами
Ишли дзѣўки за грыбами.
Тамъ лужочакъ быў;
Тамъ лужóчакъ, беражóчакъ,
На цéрами церамóчакъ.

---

[1]) Названіе бѣлорусскаго танца.

[2]) *Магерка* или *маргелка* — низкая, войлочная шляпа съ короткими, поднятыми вверхъ полями. Никифоровскій.

Тамъ мой милый быў,
Цвѣтъ калиницы ломаў,
На красавицу бросаў, —
Дзѣўки на платокъ.
Зажги-ка свѣчу зъ сала,
Покажи-ка свойго папа,
Сашенька милой!
Зажги-ка восковую,
То я семъ разъ поцалую
Папа свойго.

(Всѣ мальчики и дѣвочки цѣлуются).

—

Дѣти бѣгаютъ, подпрыгивая и поютъ:

г) Скакаў *цыркунъ* [1]) по сцянѣ, —
Зломаў ножку—охъ-ця мнѣ!
Цыркуниха скаче,
Дай по нозцы плаче.
Воробей, воробей,
Не клюй моихъ конопель!
Ни моихъ, ни своихъ,
Ни сусѣда мойго.
Я тому воробью
Кіямъ ножку пирабью.
Воробейка скаче;
Дай по нозцы плаче.
Сядзиць мядзьвѣдь на колóдзи,
Дай ў дудочку грае,
Забіў ср..у объ ломаку,
Дай колоду лае.

Всѣ 4 зап. учит. Народн. училища Г. Н. Яцко.

---

1) Сверчокъ.

10

Вильна.

Минской губерніи, Новогрудскаго уѣзда, Негнѣвической волости, деревня Авдѣвичи.

Выбравъ ровное мѣсто, дѣти копаютъ ямочку вершка три глубиною и столько же въ діаметрѣ. Эту ямочку называютъ «Вильной». Въ разныя стороны отъ «Вильны» для каждаго изъ участвующихъ въ игрѣ отмѣрятся опредѣленное разстояніе. Потомъ берутъ деревянный гвоздь длиною вершковъ въ пять, и одинъ изъ участвующихъ, поставивъ его острымъ концомъ въ землю, ударяетъ по немъ палкою. На сколько его ударъ вогналъ гвоздь въ землю, на столько онъ укорачиваетъ свое разстояніе отъ «Вильны». Если же мальчикъ промахнулся, то лишается права ударять второй разъ, а передаетъ его другому. Другой ударяетъ и, смотря по тому, попалъ ли онъ палкой въ гвоздь или нѣтъ, укорачиваетъ свое разстояніе или передаетъ палку сосѣду и т. д. Кто первый достанетъ «Вильны», тотъ считается ея основателемъ и получаетъ право назначать наказанія тѣмъ, которые недостали «Вильны». Наказаніе въ этой игрѣ обыкновенно двоякое:

Хоть на нѣкоторое разстояніе къ «Вильнѣ» заставляютъ принести, не переводя дыханія (для провѣрки даютъ тянуть извѣстный звукъ) брошенный изо всей силы деревянный гвоздь къ мѣсту, откуда онъ брошенъ. Неудача въ выполненіи наказанія въ первый разъ влечетъ за собой его повтореніе. Для тѣхъ же, которые совсѣмъ не подвинулись съ своихъ мѣстъ, наказаніе болѣе серьезное: они обязаны вытащить руками совершенно вбитый въ землю гвоздь.

Зап. учен. Виленск. учительск. института Стасевичъ.

11.

Въ зайца.

Виленской губ., Дисненскаго уѣзда, м. Глубокое.

Дѣти собираются въ тѣсный кружокъ; одинъ изъ мальчиковъ побойчѣе становится въ серединѣ и, указывая на каждаго товарища, читаетъ по слову:

Мурашка, букашка,
Слонце, мѣсяцъ...
«Гдзѣ ты быў?»
— Ў болоцѣ.
— «Што робіў»?
— Траву жаў.
«Гдзѣ подзѣў?»
— Подъ колодой.
«Хто украў?»
— Заицъ.
«Хто зловіў?»
— Хортъ (гончая).

При послѣднемъ словѣ всѣ (зайцы) разбѣгаются.

Для бѣганья зайцевъ назначается условное пространство, за предѣлы котораго зайцы не бѣгаютъ. Главная задача хорта — поймать всѣхъ зайцевъ, которые должны убѣжать отъ хорта въ условленное мѣсто. «Хортъ» не долженъ ловить зайцевъ въ разстояніи трехъ шаговъ отъ условленнаго мѣста, зайцы также не должны прятаться вблизи этого мѣста, съ цѣлію — скорѣе добѣжать къ нему. Несоблюденіе условій игры со стороны «хорта» и зайцевъ подлежитъ взысканію, которое состоитъ въ наказаніи «пыткою» (скрученый шейный платокъ). «Хортъ долженъ переловить большую половину зайцевъ, въ противномъ случаѣ онъ рискуетъ потерять участіе въ игрѣ: его на время привязываютъ въ томъ мѣстѣ, куда сбѣгаются играющіе. Кромѣ того, за непойманныхъ зайцевъ «хортъ» получаетъ удары «пыткою», число которыхъ назначаетъ каждый убѣжавшій заяцъ. Эта игра во внѣшнихъ пріемахъ иногда нѣсколько измѣняется: мальчикъ беретъ въ руку нѣсколько тоненькихъ палочекъ, изъ которыхъ одна бываетъ длиннѣе и предлагаетъ каждому вытащить по одной. Вытащившій длинную палочку считается «хортомъ».

12.

Въ карогли.

Тамъ же

Играющіе раздѣляются на двѣ партіи и между ними размѣряютъ разстояніе; затѣмъ каждая партія чертитъ на землѣ квадратъ. На передней сторонѣ квадратовъ разставляютъ пять небольшихъ обрубковъ кола (карогли) послѣ чего опять размѣряютъ разстояніе между квадратами и въ срединѣ этого разстоянія дѣлаютъ какую нибудь замѣтку или кладутъ небольшой камень. Отмѣченное мѣсто называется *масломъ*. Первая партія, стоя около своихъ «кароглей», бросаетъ по очереди палками въ сосѣдніе «карогли». Если при этомъ кому-нибудь удается выбить изъ квадрата одинъ или нѣсколько «кароглей», то бьютъ въ оставшіеся «карогли» изъ средины этого разстоянія, или отъ масла. Если первая партія, бросивъ всѣ свои палки, не сбила всѣхъ «кароглевъ», то вторая партія тѣми же палками сбиваетъ сосѣдніе «карогли». Выигравшими считаются тѣ, которые раньше снесутъ «карогли». Побѣжденные должны носить своихъ побѣдителей на плечахъ взадъ и впередъ отъ одного квадрата къ другому опредѣленное число разъ.

13.

Катанье кули.

Тамъ же.

Играющіе, раздѣлившись на двѣ группы, становятся другъ отъ друга на опредѣленномъ разстояніи, съ палками въ рукахъ. Одинъ изъ первой группы бросаетъ изо всѣхъ силъ по землѣ «кулю» (деревянный шаръ) въ направленіи къ первой группѣ. Эти ударяютъ катящуюся *кулю* палкою и не допускаютъ ее катиться дальше. Съ того мѣста, гдѣ остановилась куля, они катятъ ее къ первымъ съ такой силой, чтобы она опередила ихъ. Первые такъ же стараются придержать ее и опять катятъ въ

противоположную сторону и т. д. Такъ какъ куля не всегда можетъ быть удачно встрѣчена палкою, то случается, что одна изъ партій, далеко отсаживаетъ назадъ другую. Когда одна партія настолько отсадитъ назадъ другую, что станетъ на ея мѣстѣ, то послѣдняя считается побѣжденной. Въ этой игрѣ требуется ловкость и сила. Кто шибче покатитъ кулю, удачно перейметъ ее палкою, тотъ и остается побѣдителемъ.

Всѣ 3 зап. учен. Виленск. учит. института Ѳ. Новицкій.

14.

Шулякъ (коршунъ).

а) Гродненской губ., Слонимскаго уѣзда, м. Косово.

Эту игру любятъ и мальчики и дѣвочки. Послѣ долгихъ и веселыхъ криковъ: «Хлопцы, граймо ў шуляка!», дѣти успокаиваются и выбираютъ изъ среды своей: «матку» и «шуляка»,— обыкновенно выбираются самые ловкіе изъ дѣтей. *Матка* становится впереди, а дѣти позади ея въ линію, крѣпко держась за поясъ другъ друга, и такимъ образомъ стоятъ до начала игры. Тогда «шулякъ» садится на корточки передъ «маткою», копаетъ ямку и говоритъ:

«Копаю, копаю ямочку»!

— На що табѣ ямочка?

«Огонь пали́ци».

— На що табѣ огонь?

«Мясо варици»!

— На що табѣ мясо?

«Дзѣцей кормици».

— А гдзѣ-жъ ты мясо возмешъ?

«У цебѣ за поясомъ».

— А я не дамъ!

«А я возьму.

И съ крикомъ: «а я возьму»! *шулякъ* бросается ловить задняго мальчика. Матка употребляетъ всѣ свои силы, чтобы не допустить его.

Любо смотрѣть, какъ вся эта вереница бросается изъ стороны въ сторону, и какъ всѣ дѣти напряженно слѣдятъ за движеніемъ «шуляка». Но вотъ, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ, ему удается таки поймать задняго мальчика. Пойманный мальчикъ отходитъ въ сторону и уже не участвуетъ до конца игры, а «шулякъ» такимъ же образомъ старается переловить всѣхъ.

Зап. учен. Виленск. учит. института Г. Юревичъ.

15.

Груганъ (коршунъ).

б) Виленской губ., Дисненскаго уѣзда, м. Глубокое.

Одинъ мальчикъ становится впереди; товарищи, держась другъ у друга за поясъ, образуютъ длинную вереницу и присоединяются къ переднему. Это — курица съ цыплятами. Другой мальчикъ *груганъ* стоитъ отдѣльно. Подходя къ курицѣ, онъ говоритъ:

«Копаю, копаю ямочку».

Курица: —«На што табѣ ямочка»?

— Камяшки збірацъ.

— «На што табѣ камяшки»?

— Твоимъ дзѣткамъ зубы выбивацъ

— На што-жъ табѣ мои дзѣтки?

«Мяса пожирацъ».

И проговоривъ: «грумъ! мяса хочу»! бросается на цыплятъ. Мать отвѣчаетъ ему: «Зъѣшъ жабу па корчу»! и старается отбить «гругана́». Все вниманіе гругана направлено къ тому, чтобы отвлечь матку и броситься на сцѣпившихся при ней цыплятъ. Мать зорко слѣдитъ за *груганомъ* и цыплятами. Отъ цыплятъ же требуется еще больше вниманія и ловкости: они не должны отставать отъ матки, а двигаться вслѣдъ за нею и наблюдать малѣйшее движеніе *гругана*, чтобы счастливо увернуться отъ его неожиданнаго нападенія. *Груганъ* дѣлаетъ быстрые и не-

ожиданные повороты изъ одной стороны въ другую, старается оторвать кого-нибудь изъ длинной вереницы, которая не успѣваетъ за нимъ поворачиваться такъ быстро. Оторванный цыпленокъ считается съѣденнымъ и потому не участвуетъ въ игрѣ. Тасканіе цыплятъ и борьба курицы съ *груганомъ* продолжается до тѣхъ поръ, пока онъ не ухватитъ послѣдняго цыпленка. Эта игра особенно интересна, когда нацѣпляется большая вереница дѣтей и когда коршунъ неповоротливъ, онъ измучается къ общей радости дѣтей и оставляетъ игру.

Интересъ зависитъ еще отъ выбора матки, которая удачно распоряжается всей вереницей.

Зап. учен. Виленск. учит. инстит. Ѳ. Новицкій.

16.

Въ коршуна.

в) Минск. губ. Рѣчицк. у., Дудичской в., с. Якимовичи.

Дѣти обоего пола берутся за руки и становятся въ кругъ. Одно изъ нихъ, представляющее коршуна, садится на землю среди круга и начинаетъ копать ямочку, а остальныя составляющія цѣпь, спрашиваютъ его, коршуна:

«Коршачо́къ, коршачо́къ!
«Што ты робишъ»?
— Ямочку копаю.
«На што табѣ ямочки?»
— Каменчики збирацъ.
«На што табѣ каменчики?»
— Твоимъ дзѣткамъ зубки выбивацъ.
«За што, про што?»
— А што мою капусту порвали и покопали.
«А треба було табѣ, коршачокъ, *вусокій* огородъ городзицъ».

При этихъ словахъ дѣти прогоняютъ коршуна въ болото ѣсть лягушекъ, произнося хоромъ слѣдующія слова:

«Опуръ ў болото, жабъ ѣсьци!»

Послѣ этихъ словъ коршунъ поспѣшно встаетъ съ земли и начинаетъ ловить всѣхъ играющихъ. Послѣдніе разбѣгаются, но коршунъ преслѣдуетъ ихъ до тѣхъ поръ, пока не переловитъ всѣхъ. Кончается игра тѣмъ, что всѣ играющіе бросаются на убѣгающаго отъ нихъ коршуна, преслѣдуютъ его и каждый считаетъ своимъ долгомъ его ущипнуть.

Зап. учител. народн. школъ Н. Яцко.

17.

Мальчикъ-пальчикъ.

Той же губ., Игуменскаго уѣзда, села Новоселки.

Собирается нѣсколько мальчиковъ на открытое ровное мѣсто. Одинъ изъ нихъ садится на землю и приподнимаетъ колѣно правой ноги или лѣвой, такъ, чтобы ступня ноги стояла на землѣ. Остальные мальчики окружаютъ сидящаго и, нагнувшись или сидя, каждый кладетъ на его колѣно свой указательный палецъ. Послѣ этого сидящій по серединѣ мальчикъ произноситъ слѣдующіе стихи:

Мальчикъ пальчикъ помагу́ле!
Выляцѣло по три кру́ли
Ой ты, папе-капыта́це,
Чему не йграшь на варганѣ?
Сядзиць заяцъ на припечку
Мувиць пацяръ по нямецку:
Эва дэва ресъ,
Гвинта заяцъ пе́съ.

При каждомъ словѣ стиха, мальчикъ касается указательнымъ пальцемъ своей руки по порядку пальцевъ товарищей. При чемъ одинъ изъ мальчиковъ, на пальцахъ которыхъ пришлись слова «заяцъ» и «песъ», долженъ убѣгать, а другой догонять его. Догнавшій убѣгающаго, приводитъ его къ остальнымъ товарищамъ, при чемъ пойманный мальчикъ получаетъ «лапу»

отъ сидящаго посерединѣ мальчика за то, что несумѣлъ убѣжать. Затѣмъ игра продолжается въ томъ-же порядкѣ, какъ и при началѣ ея.

18.

Въ городки.

Тамъ же.

Два мальчика берутъ нарочно приготовленныя, ровно отпиленныя 24 колодочки, длиною около 3 вершковъ каждая, и 4 палки длиною около ¾ аршина каждая. Колодочки и палки они дѣлятъ пополамъ и затѣмъ выбираютъ ровное мѣсто и, ставъ другъ отъ друга на разстояніи 20 шаговъ, чертятъ палками по землѣ два квадрата, называющіеся «городками». На сторонѣ квадрата, обращенной къ товарищу, они разставляютъ 12 колодочекъ на равномъ одна отъ другой разстояніи, послѣ чего каждый изъ нихъ становится за своимъ городкомъ и одинъ изъ нихъ бросаетъ сначала одну, а потомъ и другую палку въ стоящія противъ него колодочки городка товарища. Если ему удастся брошенной палкой выбить изъ городка или опрокинуть нѣсколько колодочекъ, то онъ получаетъ право выбивать колодочки до конца игры съ середины разстоянія между городками. При этомъ тѣ колодочки, которыя какимъ нибудь образомъ не выкатились изъ городка при ударѣ палки, а остались въ серединѣ, или на чертѣ городка, считаются не выбитыми, и мальчику нужно много имѣть ловкости, чтобы выбить ихъ, такъ какъ поставить ихъ онъ не имѣетъ права, за исключеніемъ лежащихъ на границѣ городка. Главная цѣль каждаго мальчика заключается въ томъ, чтобы выбить всѣ колодочки городка товарища. Если кто-нибудь изъ мальчиковъ раньше другого выбьетъ колодочки изъ городка товарища, то тотъ городокъ считается завоёваннымъ, и бывшій хозяинъ его долженъ со смиреніемъ и покорностью отправляться въ городокъ завоевателя, брать его къ себѣ на плечи, несть въ свой городокъ и оставить его тамъ хозяиномъ, поставивъ ему предварительно колодочки. Самъ-же онъ удаляется въ городокъ, раньше при-

належащій его товарищу, при чемъ, когда колодочки будутъ разставлены и въ его городкѣ, то право раньше бросать палку въ колодочку считается за завосвателемъ.

19.

Въ свинарку.

Тамъ же.

Собирается нѣсколько мальчиковъ, каждый изъ нихъ отыскиваетъ себѣ палку. Одинъ изъ товарищей чертитъ кругъ на землѣ. На чертѣ круга вырываютъ нѣсколько ямокъ, — обыкновенно по числу мальчиковъ — безъ одной. Одинъ мальчикъ беретъ круглый камень небольшихъ размѣровъ, кладетъ его по срединѣ круга и становится при немъ съ палкой въ рукахъ. Остальные мальчики располагаются вокругъ круга и каждый опускаетъ предварительно нижній конецъ своей палки въ приготовленную «ямку». Затѣмъ мальчикъ, стоящій по срединѣ, ударяетъ своей палкой о камень. Въ этотъ моментъ всѣ мальчики обязаны перемѣнить свои «ямки». Когда эта перемѣна совершается, мальчикъ стоящій посерединѣ, старается попасть въ одну изъ «ямокъ» раньше, чѣмъ успѣетъ попасть въ нее кто-либо изъ его товарищей. И если это удастся, то тогда онъ выходитъ изъ круга и становится на мѣсто того, которому не достало «ямки». Послѣдній же отправляется въ середину круга. Затѣмъ, игра продолжается въ томъ же порядкѣ, какъ и при ея началѣ.

20.

Въ шило.

Тамъ же.

Собираются мальчики въ домъ или куда нибудь въ уединенное мѣсто, садятся на землю плотно въ кружокъ, притомъ такъ, чтобы вокругъ, подъ ногами ихъ, образовалось пустое пространство. Для этого, сѣвъ на землю, они не вытягиваютъ своихъ ногъ, а ставятъ подъ угломъ такъ, чтобы нога прижа-

лась къ землѣ или ступней, или пяткой. Въ образовавшееся подъ ногами пустое пространство мальчики кладутъ свои руки. Затѣмъ по общему выбору, одинъ изъ сидящихъ мальчиковъ встаётъ, беретъ свой или у кого нибудь изъ товарищей поясъ, свиваетъ его, входитъ въ середину кружка и, отдавъ его одному изъ сидящихъ товарищей, оборачивается къ послѣднему спиной. Мальчикъ, получившій скрученный поясъ, ударяетъ имъ по спинѣ стоящаго по срединѣ товарища и быстро прячетъ его въ пустоту подъ ногами. Но такъ какъ тутъ-же находятся руки сидящихъ товарищей, то поясъ быстро передается подъ ногами отъ одного парня къ другому и, такимъ образомъ, исчезаетъ отъ глазъ ударившаго.

Мальчикъ, получившій ударъ, мгновенно оборачивается, смотритъ, а ужъ поясъ мелкнулъ у ногъ ударившаго. Онъ бросается къ нему. Но поясъ уже исчезъ. И пока онъ расправляется съ своимъ товарищемъ — раздается второй ударъ по спинѣ, при оглушительномъ хохотѣ товарищей. Мальчикъ, какъ ужаленный, бросается въ сторону удара. Но увы! поясъ опять мелькнулъ на одно мгновеніе и также скоро исчезъ, какъ и въ первый разъ. Мальчикъ ищетъ его. Но вотъ послѣдовалъ третій ударъ и т. д. Такъ продолжается игра до тѣхъ поръ, пока мальчикъ стоящій по серединѣ, не поймаетъ пояса подъ ногами одного изъ своихъ товарищей. Тогда послѣдній встаётъ и становится по серединѣ круга, а стоящій въ кругу садится на его мѣсто, и игра продолжается.

21.

Въ жгута.

Тамъ же.

Мальчики становятся въ кружокъ, при чемъ они руки закладываютъ за спину. Одинъ изъ мальчиковъ свиваетъ поясъ или жгутъ и начинаетъ ходить вокругъ товарищей. На ходу онъ тихонько отдаетъ его въ руки одному изъ мальчиковъ. Получившій поясъ, быстро взмахиваетъ имъ и начинаетъ угощать

ударами стоящаго по правую сторону своего товарища, который, разумѣется, убѣгаетъ и обѣжавши кругъ, становится на прежнее мѣсто, гдѣ онъ считается неприкосновеннымъ. Во время этого бѣга получившій жгутъ, имѣетъ право угощать его ударами до тѣхъ поръ, пока онъ не станетъ на прежнее мѣсто... Затѣмъ мальчикъ получившій жгутъ, начинаетъ ходить во кругъ кружка и тоже на-ходу отдаетъ жгутъ одному изъ своихъ товарищей и т. д.

22.

Бросаніе камешковъ при помощи дощечки.

Тамъ же.

Собирается нѣсколько мальчиковъ. Одинъ изъ нихъ отыскиваетъ камень небольшихъ размѣровъ, другой-же кладетъ на него крѣпкую, бо́льшею частію, дубовую дощечку такъ, что-бы середина ея лежала на камнѣ, а одинъ конецъ упирался въ землю. На этотъ конецъ кладутъ камешекъ, послѣ чего одинъ изъ мальчиковъ, болѣе сильный, беретъ колъ и изо всей силы ударяетъ имъ по верхнему концу дощечки. Камень моментально срывается и взлетаетъ кверху и притомъ съ такою быстротою, что мальчикамъ не всегда удается и видѣть его. Зато сколько радости, сколько восторга, когда они увидятъ обратное паденіе камешка.

23.

Ласочка — босочка.

Тамъ же.

Одна изъ двухъ дѣвочекъ засучиваетъ рукавъ своей сорочки выше локтя. Вторая-же, подойдя къ ней, начинаетъ нѣжнолегонько, чуть дотрагиваясь, водить мизинцемъ своей руки вдоль руки подруги и причитываетъ:

«Ла́сочка-ба́сочка,
«Гдѣ была?»

—На полу.
«А гдѣ полъ?»

—У Бога.
«Что робила?»
—Кросна ткала.
«Что заткала?»
—Кусокъ сала.
«А гдѣ сало?»
—Кошка украла.
«А гдѣ кошка?»
—Водою залита.
«А гдѣ вода?»
—Волы попили.
«А гдѣ волы?»
—Доўбнями позабивали.
«А гдѣ доўбни?»
—Черви поточили.
и т. д.

Отъ легкаго движенія пальца по кожѣ руки происходитъ зудъ или щекотаніе. Вслѣдствіе этого часто случается, что дѣвушка, не дождавшись конца причитыванія, отдергиваетъ свою руку отъ пальца подруги. Тогда послѣдняя требуетъ подать руку и продолжаетъ водить пальцемъ опять вдоль руки подруги, но только причитаніе не продолжаетъ отъ прерваннаго мѣста, а начинаетъ сначала. Такъ продолжается игра до тѣхъ поръ, пока подруга, водящая по рукѣ пальцемъ, не окончитъ причитанія. Когда-же кончитъ, подруги мѣняются ролями.

24.

Въ корогодъ.

Тамъ же.

Собирается нѣсколько дѣвушекъ на ровное мѣсто, а иногда просто на дорогу близъ дома одной изъ находящихся тутъ-же дѣвушекъ. Берутся за руки и начинаютъ вертѣться, припѣвая хоромъ слѣдующую пѣсню:

Семь дзёнъ молоцила,
Шастокъ заробила,
Сама сабѣ говорила:
Што такъ мало заробила?
За што мяне мужикъ бьешъ,
За якія вчинки?
Ци я табѣ не напрала
За годъ три починки?

Одзинъ прала по Рожества́,
Другой до Николы,
А и трецій почала,
Будзе до Покрова.

Всѣ 8 зап. учен. Виленск. учит. института Остаповичемъ.

25.

Ящеръ.

Минск. губ., Борис. у.

Эта игра (гульня́) исполняется исключительно лѣтомъ, когда на лугахъ много цвѣтовъ. Я видѣлъ эту игру въ дѣтствѣ. Не знаю почему взрослые въ послѣднее время перестали ею развлекаться, такъ что она перешла въ разрядъ дѣтскихъ игръ, каковы напримѣръ «рѣдька», «кулюкушки», «коршунъ» и пр. Вслѣдствіе этого характеръ самой игры значительно измѣнился, измѣнились и относящіяся къ ней пѣсни. Напѣвы этихъ пѣсенъ были, сколько я помню, очень мелодичны и разнообразны, также и складъ ихъ отличался правильностью размѣра. Лѣтъ 7 тому назадъ я видѣлъ, какъ играли въ «ящера», усаживали его на «услончику», т. е. табуреткѣ, или даже на кочкѣ. Дѣвочки надѣвали на головы вѣнки изъ цвѣтовъ и брались за руки съ мальчиками, составляя такимъ образомъ кругъ около «ящера». «Коло» начинаютъ кружиться и пѣть:

Сядзи, сядзи, ящаръ, —
Лада, ладу,
Лада, ладу,

(Припѣвъ въ такомъ порядкѣ повторяется послѣ каждаго стиха).

Въ орѣховомъ кусьцѣ,
Орѣшочки лущa.
Бяри сабѣ панну,
Которую хочешь, —
Панну Марильку
За бѣлую ручку,
За русую коску,

За малую пожку,
За золота персьцень.

Ящерь набрасываетъ платокъ на указанную въ пѣснѣ дѣвочку и начинаетъ съ нею кружится подъ пѣсни «Коло». (Я ихъ незапомнилъ. Потомъ дѣвочка съ поцѣлуемъ отдаетъ «ящеру» свой вѣнокъ. Тоже повторяется и съ другими дѣвочками. За тѣмъ первая дѣвочка выходитъ въ кругъ, начинаетъ кланяться «ящеру» и пѣть вмѣстѣ съ остальными:

Пане ящеру, напóчикъ!
Отдай жешь мой вяночикъ!
Зиму — лѣто ходзила,
Ручки ножки зцирáла,
По красыцы збирала,
Ў вяночикъ звивала.

Ящеръ требуетъ выкупа, которымъ въ большинствѣ случаевъ служитъ поцѣлуй. Получивъ вѣнокъ, дѣвочка пляшетъ и поетъ:

Я свой вѣнчикъ выпросила,
Я свой вѣнчикъ выплакала,
Я свой вѣнчикъ выспила,
Я свой вѣнчикъ выплясала.

Точно также разбираются всѣ вѣнки. Затѣмъ «ящеръ» избирается новый.

Сообщ. А. Ег. Богдановичемъ.

25.

Въ короля.

Гродненск. губ., Слонимскаго уѣзда, м. Косово.

Передъ игрою мальчики собираютъ цѣлую горсть мелкихъ камешковъ. Каждый изъ играющихъ выбираетъ себѣ красивѣйшій камешекъ, который называется «королемъ». Затѣмъ они условливаются, кто будетъ ловить «пару (четное число камней)

и «лишку» (нечетное число). Послѣ всѣхъ этихъ приготовленій начинается игра. Одинъ изъ мальчиковъ беретъ всѣ камни въ руку и подбрасываетъ вверхъ; въ тотъ мигъ, когда камни находятся въ воздухѣ, онъ переворачиваетъ руку ладонью внизъ и ловитъ ихъ верхнею стороною руки; затѣмъ снова подбрасываетъ и переворачиваетъ обратно руку, причемъ старается поймать «пару» или «лишку», смотря по условію. Затѣмъ камни передаются по очерёдно другимъ дѣтямъ. Цѣль игры заключается въ томъ, чтобы поймать побольше камней, при чемъ каждый «король» при счетѣ цѣнится въ шесть камней. Тотъ, кто больше поймалъ ихъ, имѣетъ право первымъ начать игру въ слѣдующій разъ. Участвующихъ въ игрѣ бываетъ отъ двухъ до пяти человѣкъ.

26.

Пи́нки.

Тамъ же.

Игра въ пи́нки или перегонку заключается въ томъ, что одинъ мальчикъ убѣгаетъ, а другой старается поймать его.

Передъ игрою дѣти выбираютъ изъ среды своей одного быть «ма́ткою». Матка садится гдѣ нибудь на камнѣ, а ей на колѣни играющіе дѣти кладутъ по указательному пальцу. Матка, перечисляя положенные пальцы, приговариваетъ:

Пи́нки, пинки!
Людови́нки!
Гомъ клясъ
Купарва́съ
Ото за́сицъ,
Далѣй пясъ.

Или:

Сѣдзи за́енцъ
На припе́чку,
Муви па́цежъ [1])

[1]) Молитву.

По нѣмецку.
Гомъ клясъ
Купарвасъ,
Ото заенцъ
Да́лей пясъ.

Тотъ мальчикъ, котораго матка назвала зайцемъ, стремглавъ убѣгаетъ, — другой-же, кому придется быть «псомъ», догоняетъ его. Если собака не поймаетъ зайца, то, когда оба мальчика вернутся, матка обращается къ нему съ вопросомъ:

«Гдзѣ быў?»

— За горами.

«Що бачыў»?

— Воўка съ пазурами.

«А зловiу»?

— Не.

За это онъ получаетъ *лапу*. Если заяцъ не убѣжитъ, то къ нему такъ-же обращается матка съ вопросомъ:

«Гдзѣ быў?»

— За горами.

«Що бачыў?»

— Собаку съ *пазурами* [1]).

«А уцёкъ»?

— Не.

За что тоже получаетъ лапу.

27.

ГУ́ЛАЧКА [2]).

Тамъ же.

Для этой игры выбирается ровное мѣсто. Двое изъ дѣтей, по условiю, становятся на колѣни на разстоянiи двухъ шаговъ

---

[1]) Съ польск. pazur — коготь, кость.

[2]) Т. е. улочка (небольшая улица).

другъ отъ друга. Остальные же становятся въ рядъ и поочередно бѣгутъ одинъ за другимъ между ними. Стоящія же на колѣняхъ стараются поймать кого нибудь изъ бѣгущихъ. Пойманный мальчикъ замѣняетъ стоявшаго на колѣняхъ. Игра эта бываетъ почти всегда весьма оживлена.

Всѣ 3 зап. учен. Виленск. учит. института Г. Юревичъ.

28.

Гла́дышки [1]).

Минск. губ., Рѣчицкаго уѣзда, Дудичской волости, села Якимовичи.

Толпа дѣтей обоего пола, собравшаяся для игры, избираетъ предварительно изъ своей среды одного мальчика котомъ, а дѣвочку хозяйкой, и затѣмъ всѣ остальные садятся на землю въ круговую, изображая собою *гладышки*. Хозяйка обходитъ всѣхъ сидящихъ, ровняетъ ихъ, если кто сидитъ неправильно, потомъ беретъ у каждаго изъ нихъ платокъ и прикрываетъ головы, это значитъ она накрываетъ гладышки; котъ въ это время находится гдѣ либо въ потаённомъ мѣстѣ и зорко слѣдитъ — когда отойдетъ отъ гладышекъ хозяйка.—А она, накрывши гладышки, отходитъ отъ нихъ въ сторону, стараясь показать видъ, что уже не смотритъ за гладышками. Котъ, пользуясь видимымъ невниманіемъ хозяйки, выбѣгаетъ изъ потаеннаго мѣста и оборачиваетъ гладышки съ мяуканіемъ. Хозяйка, замѣтивши это, съ безпокойствомъ бѣжитъ къ гладышкамъ и со словами: «*штобъ ты здохъ, проклятая тварь, чаму на цебе до́хлица не на́йдзе*» прогоняетъ кота. Гладышки тоже вскакиваютъ со своихъ мѣстъ и начинаютъ преслѣдовать кота до тѣхъ поръ, пока не поймаютъ его, а поймавши—всѣ стараются ущипнуть его по разу со словами: «вотъ табе молоко! Ў чужое просо не суй носа».

Зап. сельск. учит. Н. Гр. Яцко.

---

[1]) Горшечки.

29.

Гуси.

Той же губерніи, Новогрудскаго уѣзда, Негнѣвической волости, деревни Авдѣвичи.

Участвующіе въ игрѣ избираютъ изъ среды себя двухъ, по возможности, равносильныхъ мальчиковъ. Одинъ изъ нихъ изображаетъ собой волка, другой гусака. Всѣ остальные мальчики и дѣвочки называются гусями, откуда происходитъ и самое названіе игры. Цѣль волка заключается въ томъ, чтобы передавить гусей; цѣль гусака — не допустить его до исполненія своего желанія.

Гуси, вставъ одинъ за другимъ и образовавъ такимъ образомъ изъ себя длинный рядъ, прячутся за гусака. Волкъ, въ ожиданіи схватить гуся, копаетъ ямочку. Начинаются переговоры между волкомъ и гусакомъ».

«Что ты дѣлаешъ»?

— Ямочку копаю.

«Зачѣмъ она»?

— Гусей ловить и прятать.

«Какихъ гусей»?

— Что у тебя за плечами.

«За что»?

— Въ моемъ огородѣ овёсъ поѣли.

«Загороди»!

При этомъ волкъ съ крикомъ заявляетъ: «я ѣсть хочу» и бросается на гусей; но встрѣчаетъ противодѣйствіе со стороны гусака. Происходитъ борьба. Побѣдителемъ всегда является тотъ, кто сильнѣе физически и въ комъ развита больше ловкость. Если всѣ попытки волка схватить гуся останутся безуспѣшными, то гусакъ, какъ побѣдитель, предоставляетъ право своимъ гусямъ «щипать волка». Если желаніе волка увѣнчается успѣхомъ, причемъ необходимо, что бы всѣ гуси были схвачены имъ, то той же участи подвергается и гусакъ.

Зап. учен. Вилен. учит. института.

30.

а) Въ волки и овцы.

Той же губ., Рѣчицк. у., с. Якимовичи.

Собирается по возможности большая толпа дѣтей обоего пола. Они изъ своей среды избираютъ одного въ пастухи, а другого въ волка, остальные представляютъ собою овецъ и собакъ. Затѣмъ играющій роль волка выходитъ и прячется куда-либо, выжидая тамъ время, когда пастухъ будетъ гнать въ поле своихъ овецъ. И лишь только замѣтитъ, что онѣ уже довольно близко, онъ выскакиваетъ изъ своего потайнаго мѣста, бросается ихъ ловить и пойманную овечку старается потащить къ себѣ. Тогда пастухъ начинаетъ кричать на волка: «Ага, ага! цюцьки, бяри́це его»! При этихъ словахъ собаки, сопровождающіе пастуха сзади, бросаются съ лаемъ къ волку и начинаютъ его хватать зубами. Тогда волкъ оставляетъ овцу и пускается бѣжать, а собаки за нимъ и преслѣдуютъ его до тѣхъ поръ, пока онъ не спрячется гдѣ-либо.

Зап. учит. народн. училищъ Н. Яцко.

31.

б) Овечка.

Могил. губ., Сѣнинск. у., с. Игрушка.

Играющіе избираютъ одного въ волка, другого въ хозяина; остальные, представляющіе овечекъ, садятся въ кружокъ на землю. Хозяинъ ходитъ около нихъ, приговаривая:

Иду за горой,
Воўкъ за мной!

или:

Пасу, пасу до ве́чера,
А гнать домой не́чего.—

И съ этими словами онъ дѣлаетъ движеніе, будто собирается домой, но въ это время волкъ хватаетъ овечку и уноситъ ее по-

одаль. Хозяинъ скоро однако возвращается и, замѣтивъ, что одной овечки не достаетъ, говоритъ: «Бѣлинькой или рябинькой нима?» Не получая отвѣта, онъ опять обходитъ кругомъ своихъ овечекъ съ тѣмъ же приговоромъ и уходитъ домой, а за нимъ вслѣдъ является опять волкъ и снова похищаетъ овечку — что́ и продолжается до тѣхъ поръ, пока онъ не перетащитъ всѣхъ овецъ. Тогда хозяинъ съ палкой въ рукахъ начинаетъ искать овецъ, попадаетъ на ихъ слѣдъ и, указывая палкой на лѣво, говоритъ: «бараньни слѣдъ»! а на право: «воўчьчи»! и такимъ образомъ добравшись до волка, спрашиваетъ его: «Воўкъ, Воўкъ! ти ня видзіў моихъ овечекъ?

—Якія яны?

«Бѣлинькія».

—Побѣгли по бѣленькой дорожкѣ.

Овцы при этихъ словахъ хлопаютъ (плещутъ) въ ладони.

«Што гэто у тебе плещиць?»

—Бабы платьтя пяруць.

«Дай мнѣ рубашку».

—Уси утопилися въ водѣ.

Хозяинъ уходитъ опять и вскорѣ возвращается и повторяетъ свой розыскъ тѣмъ-же способомъ, т. е. указывая на лѣво, говоритъ: «бараньни слѣдъ»! — на право: «воўчьчи»! Но разговоръ его съ волкомъ нѣсколько уже иной:

«Якія яны были»?

—Черненькія.

«Побѣгли по черинькой дорожки».

Овцы опять плещутъ въ ладони.

«Што гэто у тебе плещиць»?

—Варъ грѣитца.

«Дай мнѣ руки помыць».

—Разліўся.

Затѣмъ, когда хозяинъ снова возвращается, то между нимъ и волкомъ происходитъ слѣдующій разговоръ:

Х. «Воўкъ, воўкъ! ти ня видзіў моихъ овечекъ?»

В. — Якія яны?

Х. «Синія».

В. —Побѣгли дорожкой свинькой». При этихъ словахъ раздается стукъ ногами.

«Што гэто у тебе»?

— Кони на стайни.

«Дай мнѣ коня»!

— Воўкъ ўсѣхъ поѣў.

Наконецъ когда хозяинъ является въ послѣдній разъ и отыскивая пропавщую овечку, говоритъ: «воучьчи слѣдъ, бараньни», то всѣ овцы заблеютъ». Хозяинъ и спрашиваетъ:

«Што гэто у тебе бляéць?»

— Овечки.

«Покажи»!

Волкъ показываетъ овецъ, хозяинъ узнаетъ своихъ; онъ прогоняетъ волка и угоняетъ свое стадо. Но волкъ старается забрать и задушить хоть одну овечку, что ему разумѣется, не удается. Тѣмъ игра и кончается.

Зап. учит. народн. училища, г. Свидерскимъ.

32.

Въ пекло (адъ).

Минской губерніи, Рѣчицкаго уѣзда, м. Бразинъ.

Вокругъ заранѣе выкопанной ямы, имѣющей около полутора аршина ширины и до аршина глубины, садятся дѣти, спустивъ въ неё ноги, и начинаютъ безсвязно кричать, подражая крику евреевъ въ синагогѣ; въ это-же время одинъ изъ мальчиковъ, болѣе сильный, съ выпачканнымъ сажей лицомъ, исполняющій роль дьявола, появляется изъ будки, скрывающей его отъ глазъ играющихъ дѣтей, хватаетъ одного мальчика и уводитъ его къ себѣ въ будку, которая называется «пекломъ». Уведенный мальчикъ теряетъ право быть участникомъ игры.

Зап. учен. Виленск. учительск. института Вик. Бохоновъ.

33.

Аніолъ.

Гродненской губ., Слонимскаго уѣзда, м. Косово.

Двое изъ играющихъ тайно сговариваются, причемъ одинъ называется «аніоломъ», другой «чортомъ». Замѣчательно то, что при этомъ сговариваніи дѣти чуть не подерутся, такъ какъ каждый хочетъ быть «аніоломъ». Но вотъ они въ тихомолку уладили между собою. Одинъ изъ нихъ—чортъ, другой—аніолъ, но кто именно—неизвѣстно. Остальные дѣти берутся сзади другъ за друга и проходятъ между «аніоломъ» и «чортомъ». Два раза мальчики проходятъ свободно, потому что «аніолъ» или «чортъ» говоритъ въ это время: «Перши разъ пшепущóно, други разъ даровáно». Когда-же всѣ мальчики проходятъ третій разъ, то при словахъ: «за трецимъ разомъ за лобъ брано», останавливаютъ задняго и спрашиваютъ къ кому онъ хочетъ идти. Каждый мальчикъ норовитъ идти къ «аніолу». Когда всѣ мальчики будутъ остановлены, то объявляется, кто былъ чортомъ. Тогда дѣти, которыя пристали къ аніолу съ крикомъ «Ашиля у болота», бросаются за приставшими къ чорту.

34.

Небо.

Тамъ же.

Для этой игры выбирается мѣсто около какого нибудь строенія. Здѣсь палочкою обозначается на пескѣ полукругъ. Мѣсто въ чертѣ этого полукруга называется «небомъ». Передъ началомъ игры выбирается «анёлъ» и «чортъ», который иначе называется «Джинджилаемъ». Остальныя дѣти садятся въ рядъ. Каждому играющему «анёлъ» даетъ названіе какой нибудь птицы. Послѣ этого «анёлъ» становится на чертѣ полукруга, и къ нему подходитъ чортъ, стучитъ кулакомъ въ плечи и говоритъ:

«Стукъ, стукъ»!

—А хто тамъ?

«Джинджилай.

— Чего потшебуешь?

«Птаства»!

— Якего?

«Сороку! (или другую какую нибудь). Если вызванной птицы нѣтъ, то «анёлъ» отвѣчаетъ: «нима». Если же есть, то вызванная птица убѣгаетъ, чортъ-же старается поймать ее. Птицы, пойманныя «чортомъ», принадлежатъ ему, непойманныя принадлежатъ «анёлу». Каждая вызванная птица не участвуетъ до конца игры, т. е. до тѣхъ поръ, пока всѣ будутъ вызваны. Собственно же игра оканчивается слѣдующимъ образомъ: Дѣти, принадлежащія чорту, берутся сзади за него, а принадлежащія аніолу точно также берутся за него. Затѣмъ между «аніоломъ» и «чертомъ» кладется нѣсколько полѣньевъ, которыя означаютъ «огонь. Черезъ этотъ «огонь» «анёлъ» съ «чертомъ», при помощи остальныхъ дѣтей стараются перетянуть другъ друга. Если «аніолъ» перетянетъ, то за «чертомъ всѣ гонятся съ гикомъ, а если «чортъ» перетянетъ, то всѣ дѣти бросаются на «аніола», зачѣмъ онъ допустилъ ихъ до этого; при этомъ, понятно, мальчики норовятъ всегда такъ, чтобы перевѣсъ былъ на сторонѣ «аніола».

Обѣ зап. учен. Виленск. учит. института Г. Юревичъ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ

ОБРЯДЫ И ОБЫЧАИ ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКІЕ; ЧАРОДѢЙСТВО, КОЛДОВСТВО, ЗНАХАРСТВО, ВѢДМАРСТВО, ЛѢЧЕНІЕ БОЛѢЗНИ, СРЕДСТВА ОТЪ РАЗНЫХЪ НАПАСТЕЙ, ПОВѢРЬЯ, СУЕВѢРІЯ, ПРИМѢТЫ И Т. П.

Обряды и обычаи земледѣльческіе [1]).

Предъ началомъ главныхъ полевыхъ работъ во многихъ мѣстахъ Гродн. губерніи стараются узнать, какого святого память празднуется въ тотъ день, въ который предполагаются начать работы: преподобнаго, или апостола, или пророка, или мученика и пр.? А когда празднуется память св. мученика, не начинаютъ работы, чтобы таковая не была мучительна [2]).

Въ Мозырскомъ уѣздѣ Минской губерніи тотъ день, въ который начинаютъ пахать поле, копать гряды въ огородѣ, или производить посѣвъ, никто не выдастъ и не одолжитъ изъ дому своему сосѣду, или кому бы ни было, никакой вещи, даже не позволитъ изъ своего дома позаимствовать огня, въ томъ убѣжденіи, что въ первомъ случаѣ его нива или огородъ останется безурожайнымъ, а въ послѣднемъ пострадаютъ отъ засухи. Это же самое соблюдается и въ тотъ день, въ который случится приплодъ между скотомъ, въ томъ убѣжденіи, что отъ подобныхъ причинъ коровы перестанутъ быть молочными [3]).

---

[1]) На предлагаемыя здѣсь данныя изъ земледѣльческаго быта бѣлоруссовъ должно смотрѣть какъ только на дополненіе къ тѣмъ, которыя мнѣ удалось собрать и напечатать въ прежнихъ моихъ сборникахъ по бѣлорусской этнографіи: а) Бѣлорусскія народныя пѣсни изд. И. Р. Географ. Общ. въ 1878 г. стр. 177 и б) «Матеріалы для изученія быта и языка русск. насел., с.-з. края», т. I, ч. I, стр. 237—240 и 263—270. — [2]) Изъ записи И. О. Карскаго. — [3]) Изъ ст. св. Ѳ. Чистякова: О бытовомъ и религіозно-нравственномъ состояніи Аздомичскаго прихода. Минск. Епарх. Вѣдом. 1880 г. № 20, ч. неофиц., стр. 438.

Никто не станетъ начинать пахать свое поле въ новолуніе, или въ тотъ день недѣли, въ который въ томъ году былъ праздникъ Срѣтенія Господня, а особенно производить въ эти дни посѣвъ, такъ какъ по существующему убѣжденію, отъ такой причины можетъ навсегда испортиться его нива [1]).

Въ Любавич. волости Мстиславск. у. (Могил. губ.), приступая къ пахотѣ, крестьянинъ выводитъ свою лошадь въ поле, гдѣ онъ ее запрягаетъ въ соху, и прежде, чѣмъ начнетъ пахать, катаетъ по ней куриное яйцо, заранѣе сваренное хозяйкою, приговаривая: «будь мой конь такъ гладокъ и пóвинъ, якъ ето яйцо». Затѣмъ онъ это яйцо отдаетъ первому попавшемуся ему на встрѣчу нищему, чтобы онъ помолился за здоровье лошади [2]).

Въ той же волости, въ день Спасскихъ зáговенъ, 31 іюля, въ каждомъ домѣ варятъ для хозяина по одному куриному яйцу, посредствомъ котораго они рѣшаютъ вопросъ: «кому первому изъ домохозяевъ деревни засѣвать къ будущему году рожь? Хозяева землевладѣльцы собираются вечеромъ того-же дня въ одно мѣсто и тамъ, сложивши яйца въ одну шапку, выбираютъ ихъ оттуда тоже по одному; разбираютъ и смотрятъ: чье яйцо полнѣе, тому первому и начинать въ деревнѣ сѣять рожь, предполагая, что отъ такого рода почина вполнѣ зависитъ урожай въ будущемъ году.

Засѣвальщикъ при началѣ сѣва непремѣнно долженъ, помолясь Богу, бросить зерна три раза обѣими руками на крестъ [3]).

Въ уѣздахъ Бѣльскомъ, Порѣч. и Духовщинскомъ (Смоленск. губ.), рожь сѣютъ во время поста, начиная съ 6-го августа, такимъ порядкомъ: ссыпаютъ въ общую сѣвалку часть того количества ржи, которое каждый хозяинъ назначилъ на посѣвъ и въ день Преображенія Господня приносятъ въ церковь и просятъ священника отслужить молебенъ. Послѣ обѣдни священникъ обходитъ всѣ поля, окропляетъ ихъ святой водой и по

---

[1]) Оттуда-же, стр. 439.

[2]) Зап. волостн. писаремъ.

[3]) Изъ записи волостн. писаря Апалича.

окончаніи обхода беретъ горсть ржи и дѣлаетъ зачинъ посѣва. Затѣмъ онъ въ сопровожденіи хозяевъ, отправляется въ домъ одного изъ нихъ, гдѣ заранѣе приготовленъ братскій обѣдъ изъ припасовъ всѣхъ хозяевъ.

По окончаніи сѣва ржи пекутъ блины, и справляютъ запашки, зарѣзываютъ теленка, запасаются водкой и устраиваютъ общій пиръ.

Надо замѣтить, что при обработываніи земли, на которой думаютъ сѣять рожь, въ пятницу никакъ не станутъ пахать; сѣвалку же, изъ которой сѣяли, не берутъ послѣ ни для какого другого употребленія [1]).

Во многихъ мѣстахъ Витебской губ. рожь стараются сѣять при полночныхъ вѣтрахъ. Чтобы привлечь урожай на свое поле— нужно сѣять послѣ сосѣдей. Тогда у того, кому удалось это сдѣлать, будетъ отличный урожай, а у сосѣда все пропадетъ. Поэтому крестьяне, если хотятъ быть на хорошемъ счету у сосѣдей, то выходятъ на посѣвъ всѣ въ одно время [2]).

Каждый сѣятель, будетъ ли это самъ хозяинъ, или же его работникъ, долженъ стараться о томъ, чтобы не сдѣлать на полосѣ *плѣши* (огрѣха). Въ противномъ случаѣ неизбѣжная смерть грозитъ всѣмъ тѣмъ, кто только имѣетъ въ хозяйственномъ отношеніи какую нибудь прикосновенность къ засѣянной нивѣ, и прежде всего разумѣется самому сѣятелю [3]).

Если сѣютъ изъ двухъ мѣшковъ и въ каждомъ изъ нихъ остается по нѣсколько зеренъ, то, ни подъ какимъ видомъ, нельзя ссыпать ихъ вмѣстѣ, иначе хлѣбъ уродится такъ, «што только изъ мѣшка въ мѣшокъ перегонишъ», т. е. что на полѣ нельзя ничего изъ мѣшка въ мѣшокъ пересыпать [4]).

Посѣвъ ярового (въ названныхъ выше уѣздахъ, Смол. губ.) совершается слѣдующимъ образомъ: берутъ ту просфору, кото-

[1]) Изъ записи учителя народн. училища Ив. Шермера. Сообщ. В. И. Безперчемъ. — [2]) Сообщ. А. Фр. Лисовской. — [3]) Сообщ. Н. Я. Никифоровскимъ.— [4]) Изъ сообщеній А. Ф. Лисовской.

рую въ день Благовѣщенія получили въ церкви отъ священника, и привязываютъ къ сѣвалкѣ и такимъ образомъ сѣютъ.

Овесъ сѣютъ, когда заиграетъ *медвѣдокъ,* ячмень — когда цвѣтетъ калина; ленъ — послѣ овса, или одновременно съ нимъ; горохъ — прежде всего ярового. Затѣмъ сѣютъ конопли, при чемъ нельзя переступить черезъ изгородь, иначе сѣмя будто пропадетъ. Гречиху сѣютъ послѣ всего [1]).

Ленъ сѣютъ въ Витебской губ. на Константина и Елену. Въ полѣ, засѣянномъ льномъ ставятъ березки, закругленныя *вѣшечкой* къ верху, для того, чтобы предохранить его отъ *ржи* (ржавчины). При посѣвѣ льна катаются нагишомъ по землѣ, на которой онъ стлаться будетъ — для того, чтобы онъ выросъ длиннымъ и волокнистымъ.

Горохъ не сѣютъ въ тѣ дни недѣли, въ названіи которыхъ есть звукъ *р*, — чтобы его не ѣли черви.

Капусту сѣютъ въ Чистый четвергъ и въ Страстную субботу.

Въ этотъ же день перебираютъ лукъ для посѣва.

Коноплю сѣютъ, когда снятъ свиньи. Если же черезъ двѣ недѣли послѣ посѣва конопля не взойдетъ, то изъ нея выгоняютъ *упырь* (упорство) розгами.

Картофель сѣютъ въ Духовскую субботу и на полнолуніе [2]).

Въ Гродн. губ. пока мѣсяцъ стоитъ на горизонтѣ и въ особенности свѣтитъ, нельзя садить свеклу, морковь и пр. корнеплодныя растенія для полученія сѣмянъ, потому что они будутъ цвѣсти все лѣто.

За два дня до Юрья и два дня послѣ него нельзя сѣять картофель, иначе предстоящее лѣто будетъ грязное.

Когда садятъ рѣдьку нельзя браться за колъ въ изгороди или вообще за какую-нибудь воткнутую въ землю палку, иначе рѣдька пойдетъ въ стволъ, т. е. дастъ сѣмена, а не плодъ.

Тотъ горохъ, который назначается для посѣва, старательно оберегается въ день посѣва отъ ребятишекъ и другихъ охотни-

---

[1]) Изъ записи учит. г. Шермера — 2) Изъ записи А. Фр. Лисовской.

ковъ поѣсть сырого гороху, для того, чтобы на него не напали черви, когда онъ пойдетъ въ стручекъ.

Когда садятъ капусту, то непремѣнно слѣдуетъ взяться сперва за голову и сжать ее обѣими руками, а потомъ сдѣлать тоже самое съ закругленнымъ камнемъ. Въ первомъ случаѣ капустѣ выражается желаніе, чтобы она выросла большою и круглою, а во второмъ, — чтобы слои ея листьевъ были плотными.

Въ то время, когда садятъ лукъ, стараются ничего не ѣсть, чтобы лукъ не былъ горекъ.

Когда луна свѣтитъ, нельзя садить огурцовъ, потому что будутъ давать пустоцвѣтъ [1]).

Заломъ (Завитки, закрута).

Изъ повѣрій, относящихся къ кругу земледѣльческихъ работъ выдается въ особенности повѣрье о заломѣ. Заламываніе заломовъ считается самымъ опаснымъ проявленіемъ силы колдовства. Оно состоитъ въ завязываніи узловъ во ржи и сопровождается соотвѣтствующимъ заговоромъ, въ которомъ говорится на чью голову заломъ ломается, какія страданія тотъ человѣкъ имѣетъ претерпѣть и какою смертью долженъ умереть. Заломы ломаются на людей и на домашнихъ животныхъ, на болѣзнь и смерть. И если жницы во время уборки хлѣба находятъ завитки и завязки ржи, то не прикасаются къ нимъ, а осторожно обжинаютъ вокругъ, изъ опасенія, чтобы не исполнился тотъ заговоръ, который произнесенъ былъ при заламываніи залома. Только искусный знахарь или знахарка, посредствомъ «встрѣчныхъ» заговоровъ, могутъ уничтожить чародѣйную силу залома, и такимъ образомъ предотвратить ту страшную опасность, которая грозила тѣмъ лицамъ, на живѣ которыхъ заломанъ былъ заломъ.

Священникъ с. Петрокова (Мозырск. у. Минск. губ.) отецъ Д. Пашика объ этомъ колдовствѣ говоритъ слѣдующее: «Весьма развито повѣрье въ такъ называемыя завитки, находимыя крестьянами на своихъ поляхъ, преимущественно засѣянныхъ

[1]) Изъ записи И. О. Карскаго.

рожью. Завитки состоятъ въ томъ, что нѣсколько стеблей ржи, взятыхъ вмѣстѣ хитро перепутываются и это будто бы дѣлается злымъ человѣкомъ, съ цѣлію нанести вредъ въ хозяйствѣ ненавистнаго ему человѣка и лишить его благополучія, такъ какъ по мнѣнію простолюдиновъ, кто сожнетъ завитку, долженъ непремѣнно заболѣть или же и умереть, а скотина, съѣвшая солому отъ завитки, должна околѣть. Что завитки дѣйствительно находятъ на поляхъ — это всякому извѣстно и что онѣ приносятъ своего рода вредъ — тоже вѣрно. Только причиняемое завиткою зло можно объяснить совсѣмъ просто: сердитъ, напр. сосѣдъ на сосѣда, — пойдетъ, да и сдѣлаетъ на нивѣ своего недруга завитку безъ всякихъ при этомъ какихъ либо колдовскихъ пріемовъ и нашептываній, зная только, что врагъ его непремѣнно поѣдетъ отыскивать знахаря. Тотъ, у кого найдена завитка, дѣйствительно ѣдетъ за знахаремъ, иногда за нѣсколько десятковъ верстъ, въ рабочую пору, когда крестьянину каждый часъ дорогъ; потомъ привезеннаго знахаря нужно содержать нѣсколько дней, поить его водкою и угощать, какъ самаго дорогого гостя, а при отъѣздѣ заплатить нѣсколько рублей. Все это, само собою разумѣется, сопряжено съ немалыми убытками и потерею дорогого времени и вредъ, причиненный завиткою, очевиденъ. Надо полагать, что завитки дѣлаютъ крестьяне, невѣрящіе въ значеніе ихъ и въ силу знахарей, скептики своего рода».

Изъ ст. свящ. Димитр. Пацлики: «Нѣкотор. суевѣрн. обычаи и предразсудки прихожанъ М. Петракова Мозырск. уѣзда» — Минск. Епарх. Вѣд. 1880 г. №, ч. неофиц., стр. 62.

Не безынтересным дополненіемъ къ предыдущему могутъ служить слѣдующія данныя изъ сообщенія волостного писаря Копаткевической волости (той же губ. и у.):

«Завиваютъ на посѣвѣ изъ растущаго хлѣба и на травѣ, въ формѣ обруча,—на смерть или болѣзнь человѣка или животнаго. Это дѣлается злымъ человѣкомъ (врагомъ [1]). Чтобы избавиться отъ грозящей опасности, хозяинъ нивы или сѣнокоснаго поля обращается обыкновенно къ знахарю, преимущественно изъ кресть-

[1]) т. е. ворожбитомъ, чародѣемъ.

янъ. Моя разскащица, которая сама заболѣла разъ отъ завитки, сдѣланной на полѣ ея семейства, сообщила мнѣ объ этомъ слѣдующее: знахарь, снявъ съ ея головы платокъ, положилъ его, ложась спать, себѣ подъ голову. Вставши на другой день рано утромъ, онъ разсказалъ, кто именно сдѣлалъ завитку. Затѣмъ онъ велѣлъ ей принести воды въ бутылкѣ и молиться передъ образами, держа ее въ рукахъ и все *гукая въ нее*. Потомъ изъ этой бутылки онъ далъ ей выпить нѣсколько воды, отъ чего она будто и выздоровѣла. Самую же завитку знахарь вырвалъ и, привязавъ къ камню, бросилъ въ воду.—Не рѣдко завитку знахари кладутъ въ гробъ покойнику. Въ первомъ случаѣ виновникъ завитки долженъ утонуть, а во второмъ умереть прежде времени естественной смертью.

Разсказъ крестьянина Витебской губ. о заломѣ.

Ну, а хтожъ заломъ дѣлаицъ?

— Вѣдымно лиходзѣй... Разъ объ Пятроўки приходзицъ баба жъ жыта: а вохъ-ти мнѣ-нинька! у насъ ў жица заломъ! Авóиньки лиходзѣй пыкысáўся на нашу голóвыньку!

«Ну ча рявешъ?» а сымагó якъ быццымъ по мирсъ бирецъ... Пошоў, лядзь—заломъ, якъ ёсь заломъ!..... ажно жыто злымано ў нѣскольки рядзей... Надо къ попу! А нашъ попъ ўсякіи заломы знимáицъ. Ёнъ ўсимъ чародзѣямъ такъ и стоицъ, якъ рожонъ... «Такъ и такъ, кажу, ягóмысь»...

— «Знаю, знаю, братъ»! а самъ ажны скраснѣў, дый сибѣ по горлу пальцымъ: «во йдзѣ, братъ, твой заломъ ляжúцъ! ўсю ночь пирикыпаўся, вишю (видно) большую силу мáицъ».

Пріѣхаў попъ, дай Богъ яму здороўя! питрахильку надзѣў и святни рукавицы (поручни), а самъ якъ закричицъ: «А вой-жа, ни въ мыгатý мнѣ! а вой-жа смерóтынька мыя́ пришла... вó што нячистыя сила надзѣлыў». Баба ажно пызилянѣла. Ужу, я думыю: ни сойцицъ зъ мѣста. Ляжý (гляжу) — попъ изъ колоды (книги) пáцири (молитвы) читаицъ. Али-тыки колода (книга) брыкъ! ды къ залому и пыдкацúлысь... во, коли смерцъ! — Не!

Ляжу: попъ руку — совъ! ды якъ гря́ницца нызáдъ — и тольки вóкыми лупиць. Очуńѣвъ ды и лядзи́ць ны насъ. Тады́ — моргъ! руку опяць ды и хваць заломъ... Отлягло троху и баба лядзи́ць... Лядзь у пыпá рука такъ и ходзиць, якъ ны кисялѣ, а ёнъ ўсё дзержиць. Во по троху, по троху — и ничóго. Сморгъ — такъ ўсё съ кырня́ми и пыдняў. Праўда, пальцыў ни рызогнéць, покуль-тка я ципла[1]) ни принесъ ды ни рысклаў цинялища; тоды́ тольки кинуў заломъ. «Ды виць, кажиць, ды питухоў рукой ни вылыдаў»... «Во яно нячистая сила йкая быванць! али ўсе-то Божія моца пирядуживаиць».

Сообщ. П. Я. Никифоровскимъ въ 1876 г.

Зажинки и дожинки.

Въ Любавич. вол. Мстиславск. у. (Могил. губ.) при началѣ жнивы хозяйка беретъ съ собою кусокъ сала, яйцо и кусокъ хлѣба, отправляется на свою полосу, гдѣ, помолясь, начинаетъ жать. Первый сжатый снопъ беретъ она съ собою домой и ставитъ на *куць*, потомъ она оббиваетъ зерна, которые и всыпаетъ въ первую сѣвалку и разсѣваетъ. Взятые съѣстные припасы жницами съѣдаются тутъ же на нивѣ. Нѣкоторые-же парни для того, чтобы лучше понравиться дѣвкамъ, зерна ржи отъ перваго снопа отвариваютъ и пьютъ въ полной увѣренности, что послѣ этого будутъ любимы дѣвками[2]).

Въ д. Ягнещицахъ Слон. у. Гродненск. губ. когда идутъ въ первый день жать, то нажатый первый снопъ, обыкновенно небольшой, ставятъ въ сторонкѣ и вечеромъ несутъ его домой и тамъ ставятъ его на покутѣ[3]), подъ образами.

Если въ домѣ есть невѣстка, которая еще впервые идетъ изъ этого дома жать, то на этотъ разъ она одѣвается по праздничному, беретъ съ собой на поле подарокъ аршина два, три полотна, бутылку водки и закуску. Пришедши на мѣсто, всѣ останавливаются, а невѣстка одна пажинаетъ первый снопъ, по-

---

[1]) Цяпло — огонь.

[2]) Изъ записи волостн. писаря г. Апалича.

[3]) Въ красномъ уголку.

томъ его вяжетъ, поставитъ и покроетъ принесеннымъ подаркомъ. Затѣмъ она подходитъ къ свекрови (которая, если даже обыкновенно и не ходитъ жать, на этотъ разъ идетъ на поле), кланяется ей ниже пояса, проситъ благословить её и снять со снопа подарокъ. Свекровь креститъ невѣстку, говоря: «Благословляю цебе, моé дзѣцятко, здоровьемъ, счасьцемъ, долею и всѣмъ добрымъ. Кабъ даў Бохъ по твоей доли хлѣба, соли и ўсяго доволи». Выслушавъ это благословеніе, невѣстка поднимаетъ голову, цѣлуетъ руку свекрови, послѣ чего всѣ подходятъ къ нажатому снопу. Свекровь снимаетъ съ него подарокъ, всѣ садятся около него, выпиваютъ и закусываютъ. Если свекрови нѣтъ, то ея мѣсто заступаетъ старшая въ домѣ хозяйка. Первый снопъ стоитъ въ комнатѣ до тѣхъ поръ, пока станутъ возить въ гумно рожь. Когда привозятъ въ гумно первый возъ, хозяинъ беретъ булку хлѣба, непремѣнно цѣльную, завертываетъ ее въ настольницу [1]), кладетъ у дверей гумна, на току и черезъ нее провозитъ первый возъ ржи, для того, чтобы въ домѣ не переводился хлѣбъ и чтобы стараго хлѣба всегда было достаточно, пока соберется новый. Какъ говорятъ крестьяне; «Кабъ новый хлѣбъ заўже въѣзжаў на старомъ». Потомъ хозяинъ беретъ крещенскую воду, освящаетъ мѣсто, назначенное имъ для кладки ржи и кладетъ туда же камень и мѣдную монету. Камень для того, чтобы мыши не ѣли ржи, а деньги для того, чтобы они не расходились съ хлѣбомъ и чтобы поддерживали въ домѣ другъ дружка.

Наконецъ приносятъ изъ комнаты тотъ первый снопъ, развязываютъ его и кладутъ на срединѣ, крестообразно. Этимъ заканчиваютъ закладку ржи, а остальную складываютъ ужъ безъ всякихъ церемоній.

— Когда рожь дожинаютъ, то въ одномъ мѣстѣ оставляютъ среди загона кустикъ лучшей ржи. Къ этому кустику собираются всѣ жнеи, сколько ихъ есть, и поютъ слѣдующую пѣсню:

Да зеленъ нашъ баркунъ
Надъ ўсѣми баркунами!

[1]) Скатерть

Да богатъ нашъ панъ
Надъ ўсѣми панами!
Посаджаў жанцé
Да ў новуй камóрѣ. —
Посаджаў раткóмъ,
Частоваў медкомъ;
Частоваў медкомъ,
Да виномъ зеленымъ.

Хотя эта пѣсня и небольшая, но она, какъ и всѣ жатвенныя пѣсни, поется медленно и очень растягивается, такъ что поютъ ее по крайней мѣрѣ минутъ 20, пока окончатъ всю церемонію *дожинокъ*.

Собравшись вокругъ оставленнаго кустика, жнеи поютъ означенную пѣсню и тщательно полютъ этотъ кустъ, чтобы въ немъ не осталось никакой сорной травы. Потомъ вокругъ его обкладываютъ небольшими камешками, а въ срединѣ кладутъ камень побольше (столъ) и на немъ кусочекъ хлѣба и соль, а нѣкоторые еще поливаютъ это мѣсто водой. Этотъ кустикъ нужно срѣзать за одинъ разъ, не дотрогиваясь ржи, голою рукою. Для этого, избранная всей кампаніей жнея, покрываетъ свою руку платкомъ и такъ срѣзываетъ. Эту горсть ржи кладутъ въ самый большой, уже раньше къ этому приготовленный, снопъ; въ немъ заплетаютъ колосья, какъ говорятъ, въ «косу»; а потомъ изъ этого же снопа вытягиваютъ бóльшіе колосья и изъ нихъ вьютъ вѣнокъ. Вѣнокъ этотъ возлагаютъ на голову избранницъ и такъ несутъ его къ хозяину.

Положенный на камень хлѣбъ, оставляютъ на полѣ, въ залогъ будущаго урожая. Идя домой, жнеи поютъ разныя жатвенныя пѣсни, а когда приходятъ въ имѣніе, около воротъ поютъ слѣдующую пѣсню:

Выйдзи, пане, за ворота,
Прими вѣнокъ изъ злота!
Не изъ золота вѣнокъ виты,
Да изъ буйнаго жита.

Хозяинъ выходитъ на встрѣчу къ пѣвицамъ, снимаетъ съ головы первой пѣвицы вѣнокъ и даетъ ей деньги отъ 50 коп. и до нѣсколькихъ рублей, смотря по благосостоянію хозяина. По снятіи вѣнка жнеи опять поютъ первую пѣсню, а потомъ уже поютъ слѣдующую:

Наша пани добра, добра,
Да забила бобра, бобра.
На три кухни готовáла,
На три стола выдавала,
Трои госьци частовáла:
Першіе госьци — ратайчики,
Другіе госьци, то кошчики,
Треціе госьцики, то жéнчики.
Посаджали радкóмъ,
Частовали медкомъ.
Да ў новенькой комóри,
Да велѣли погуляци.
А нашъ панъ молóдзеньки
Пье медъ солóдзеньки,
А яго дзѣтки да зеленое вино,
Молодые женчики да горку горелицу.

На дожинкахъ крестьяне помогаютъ своимъ односельчанамъ не за плату, а за угощеніе, вечеромъ устраиваютъ баликъ: приносятъ водку, пекутъ и варятъ, какъ говорятъ: «якъ на дзѣдэ».

Зап. учител. Деревенскаго народн. училища А. Несторукъ.

Въ Копотковичской волости Мозырскаго уѣзда жнейка, зажавши рожь въ три пріема, срѣзываетъ лѣвой рукой одинъ стебель и затыкаетъ его къ себѣ подъ поясъ, для того, чтобы не болѣла спина, а гнулась бы такъ, какъ стебель. Остальные стебли она кладетъ крестообразно, чѣмъ выражается благодарность Богу и вѣра въ предохранительную силу креста противъ похищенія злыми людьми *спора*. (Изъ зап. волостн. писаря).

Устройство стоговъ въ селѣ Житлинѣ (Слонимскаго у., Гродненск. губ.).

Въ нѣкоторыхъ деревняхъ за гумнами, поотдаль отъ построекъ, тянутся въ рядъ «стоги». Это — скирды разнаго хлѣба въ снопахъ. Въ другихъ уѣздахъ Гродненской губерніи этого не наблюдается, да и въ Слонимскомъ уѣздѣ не во всякомъ мѣстѣ ихъ можно встрѣтить. Въ Минской губерніи они также встрѣчаются, напр., въ Пинскомъ уѣздѣ. Вообще, они составляютъ принадлежность лѣсистыхъ мѣстностей, изобилующихъ множествомъ породъ всеистребляющихъ мышей и крысъ, и служатъ для сохраненія хлѣба отъ этихъ грызуновъ въ случаѣ, если онъ не можетъ быть скоро вымолоченъ. Стоги хлѣба устраиваются слѣдующимъ образомъ: на разстояніи 3-хъ аршинъ другъ отъ друга, подъ прямымъ угломъ, закапываются въ землю 4 дубовыхъ столбика, такъ чтобы верхняя часть ихъ выдавалась надъ землею не болѣе аршина. Эту часть столбиковъ тщательно и гладко соскабливаютъ, чтобы мышамъ неудобно было по нимъ лазить, а на верхъ столбиковъ кладутъ «кружкѝ»: это — широкіе четырехъ-угольные куски досокъ, назначеніе которыхъ также — въ томъ, чтобы мѣшать мышамъ проникнуть въ стогъ. Поверхъ «кружковъ» кладутъ два бруска дерева, которые своею тяжестью придерживаютъ «кружкѝ», а на бруски кладутъ не сплошь, а изрѣдка, толстые, равные по длинѣ куски жердей; жерди прикрываютъ хворостомъ или̇ вѣтками деревьевъ (чтобы колосья не свѣшивались подъ стогомъ), и «подо̀къ» для «стожка» готовъ. «Стожокъ» самое употребительное у насъ названіе для скирды хлѣба, а то еще называютъ «стож̀эчокъ»). На этотъ «подокъ» кладутъ свезенные съ поля снопы особымъ образомъ, и не всякій сумѣетъ хорошо сложить «стожка̀». Обыкновенно старики гордятся умѣньемъ «класть стожки» или «кидаць стожки», по (мѣстному выраженію).

Закладку стожка дѣлаетъ обыкновенно самъ хозяинъ или кто-нибудь другой по его порученію. Взобравшись на «подокъ», хозяинъ кладетъ крестообразно 4 снопа на самой срединѣ подка, колосьями внутрь, и окропляетъ ихъ, скинувъ шапку и перекрестившись, освященною водою, приговаривая: «дай Боже въ добрый часъ скидаць стожка, спожиць его (т. е. употребить съ пользою) въ добромъ здоровьѣ, кобъ хлѣбъ у насъ нигды не переводзився и кобъ еще за̀ рукъ (старики говорятъ: за̀ фикъ) прыждаць». Послѣ этой церемоніи молодежь подаетъ на подокъ снопы, а старикъ тщательно раскладываетъ ихъ колосьями въ средину, а «гузырями» (нижняя часть снопа) наружу. Каждый верхній рядъ сноповъ нѣсколько выдвигается надъ нижнимъ рядомъ, такъ что по мѣрѣ увеличенія «стожка» въ вышину, онъ расширяется равномѣрно со всѣхъ сторонъ, и на срединѣ своей высоты принимаетъ самые широкіе размѣры. Если который снопъ черезчуръ выдается, то его приколачиваютъ широкою лопатой. Оставивши небольшой выступъ на самой широкой части стожка (этотъ выступъ называется по-мѣстному «стрѣха»), кладутъ затѣмъ снопы, постепенно съуживая стожокъ и верхъ его сводятъ конусообразно. Въ «стрѣху» стожка втыкаютъ, на разстояніи почти аршина другъ отъ друга, «ты́чечки», — тонкія палочки, толщиною въ палецъ, длиною въ ½ аршина, заостренныя съ обоихъ концовъ, — такъ чтобы половина ихъ торчала надъ стрѣхой. Затѣмъ стожокъ накрываютъ мятой соломой или «вышеемъ» (болотная сухая трава, скошенная осенью). «Ты́чечки» не даютъ соломѣ обсовываться, а для того, чтобы такую незатѣйливую крышу не развѣялъ вѣтеръ, на нее накладываютъ 12—15 паръ «оповзиковъ». Такъ называются срубленныя подъ корень тонкія длинныя березки, верхами связанныя попарно и закинутыя на стожокъ такъ, что своими связанными верхушками онѣ облегаютъ верхъ стога, а толстыми концами «оповзаютъ» (отсюда и названіѐ: «опо̀взики»), т. е. свѣшиваются по стожку. Хорошо сложенный стожокъ можетъ простоять лѣтъ 30 и болѣе, и мыши въ него не проникнутъ, и «сбожь» (хлѣбъ) не испортится

отъ времени, а главное — зерно не потеряетъ своей *всхожести*. Есть «богатыри» (зажиточные, богатые люди) въ с. Волькобровскѣ (въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Житлина), у которыхъ такіе стожки стоятъ по нѣсколько десятковъ лѣтъ; только крыши на нихъ перемѣняются каждые 3—4 года.

(Сообщилъ священникъ с. Житлина, Слонимскаго уѣзда, Стефанъ Демьяновичъ).

О ЗЕМЛЕДѢЛІИ СЪ ОТНОСЯЩИМИСЯ КЪ НЕМУ ОБРЯДАМИ, ОБЫЧАЯМИ, ПОВѢРЬЯМИ, СУЕВѢРІЯМИ, ПРИМѢТАМИ И ПР. [1]).

Чтобы уяснить себѣ всѣ эти понятія крестьянъ, я считаю нужнымъ вкратцѣ изложить воззрѣніе ихъ на хлѣбъ и его значеніе въ кругу ихъ жизни.

Крестьянинъ Гродненской губерніи и вообще бѣлоруссъ такъ выражается о хлѣбѣ: «Нинѣ у насъ у многихъ бѣлый хлѣбъ, хоць есьць у иныхъ аще чорный, не такъ, якъ было упяротъ, што рэтко хто ѣў хлѣбъ бѣлый. Але ци хто ѣсьць бѣлый, ци чорный, то ўсё трэба умирацъ, зъ слонцемъ не проживешъ на гэтумъ свѣци. Але есьць и такіе людзи, што у ихъ заўжды и святомъ и на коледы и на Вяликъ дзень — ўсе чорный хлѣбъ» [2]). Такъ крестьянинъ бѣлоруссъ характеризуетъ относительную состоятельность и зажиточность свою и своего брата—однодеревенца пахаря. И въ настоящее время рѣдкій изъ бѣлоруссовъ хозяевъ крестьянъ Гродненской, *Виленской*, *Витебской* и *Минской* губерній достигаетъ такой степени благосостоянія, чтобы избавиться отъ чернаго хлѣба, въ которомъ только половина настоящаго зерна, а другая половина состоитъ обыкновенно изъ

---

[1]) Это заглавіе есть *одинъ* изъ вопросовъ моей послѣдней програмы, предложенной моему почтенному неутомимому сотруднику, отвѣтомъ на который онъ мнѣ прислалъ настоящую интересную статью. Ш.

[2]) *Бѣлый* хлѣбъ у крестьянъ бѣлоруссовъ какъ Гродненской, такъ и другихъ губерній сѣверо-западнаго края,—называется ржаной хлѣбъ изъ чистаго зерна, а черный — съ примѣсью мякины и другихъ суррогатовъ, но вовсе не пшеничный, который называютъ пирогами. К.

мякины, папоротника, желудей, картофеля или другихъ какихъ-нибудь суррогатовъ. Для нѣкоторыхъ бѣлый хлѣбъ является лакомствомъ. Его даютъ дѣтямъ, какъ гостинецъ. У такихъ крестьянъ чистый хлѣбъ изъ провѣяннаго зерна является только въ рѣдкихъ случаяхъ, какъ напр. въ Рождество Христово, въ Пасху и другіе болѣе важные праздники. Просѣянная мука изъ чистаго зерна ржи, смолотой не въ ручныхъ жерновахъ, а на мельницѣ, служитъ для печенія пироговъ къ празднику Пасхи или въ великія торжественныя событія крестьянской жизни. Но и этотъ черный, пушистый хлѣбъ требуетъ много труда, много заботъ и долгихъ, мучительныхъ сомнѣній. И счастливъ еще тотъ, у кого хватаетъ хоть и такого хлѣба отъ новаго до новаго — на цѣлый годъ.

Многіе крестьяне и теперь оканчиваютъ свои запасы хлѣбные къ празднику Пасхи и цѣлыми недѣлями питаются картофелемъ и рѣдкой пищей, въ ожиданіи пока имъ отворятъ двери запаснаго магазина.

Эти-то недостатки и голодовки пріучили нашего крестьянина смотрѣть на Бога и кормилицу-землю съ чувствомъ благоговѣнія, перемѣшаннымъ съ многочисленными повѣрьями и суевѣрьями, и выработали въ его средѣ цѣлый циклъ вѣрованій и примѣтъ. Посредствомъ разнаго рода примѣтъ онъ старается угадать, найти счастье своего земного существованія. Въ продолженіе всей его трудовой жизни, отъ рожденія до могилы, хлѣбъ играетъ самую видную роль во всѣхъ его радостяхъ и печаляхъ. Такъ съ хлѣбомъ идутъ провѣдать родильницу и взглянуть на новорожденное дитя; съ хлѣбомъ просятъ на крестины и кумовей и гостей. Приглашаемые въ свою очередь даютъ приглашающимъ свой хлѣбъ. Съ хлѣбомъ идутъ на крестины, отправляютъ новорожденнаго ко кресту и встрѣчаютъ отъ креста. Съ хлѣбомъ всѣ гости возвращаются домой и сейчасъ же даютъ его пробовать всѣмъ домашнимъ, для того, чтобы дитя скорѣе начало говорить. Съ хлѣбомъ идутъ въ сваты, дѣлаютъ запоины, сговариваются, съ хлѣбомъ отправляютъ жениха за невѣстой;

съ хлѣбомъ его тамъ встрѣчаютъ, а потомъ и его и невѣсту съ хлѣбомъ же отправляютъ въ церковь къ вѣнцу. И отъ вѣнца молодыхъ опять-таки встрѣчаютъ съ хлѣбомъ и въ корчмѣ и въ домѣ ихъ родителей. Ѣдутъ въ гости и возвращаются изъ гостей тоже съ хлѣбомъ. Отправляютъ ли парней на отбываніе воинской повинности, идетъ ли кто изъ членовъ семейства на заработки, на службу или въ ученіе, то всегда и непремѣнно съ хлѣбомъ. Во всѣхъ такихъ случаяхъ хлѣбъ служитъ залогомъ счастья и благословенія. Хлѣбъ—главное богатство крестьянина бѣлорусса. Не смотря ни на какіе урожаи, ни на какую рыночную горячку онъ не особенно спѣшитъ продавать свой хлѣбъ. У зажиточнаго всегда хранится въ амбарахъ хлѣбъ отъ 3-хъ до 4-хъ лѣтъ. Хлѣбомъ онъ платитъ всѣмъ многочисленнымъ сторожамъ и караульнымъ; хлѣбомъ даетъ онъ осенину жиду, писарю, фельдшеру и причту—во время крещенской воды и пастуху и проч.

За то крестьянинъ бѣлоруссъ и цѣнитъ хлѣбъ. Онъ считаетъ за великій грѣхъ уронить или бросить корку или крошку хлѣба. Если кто изъ дѣтей уронитъ крошку хлѣба, то отецъ или мать непремѣнно скажетъ: «Ахъ, ты раззѣвака! На што ты кидаешъ даръ Божый? гэто грѣхъ великій». Или скажетъ: «Не кидай хлѣба, бо Бохъ будзе гнѣватца и хлѣбъ насъ кине, то кепско будзе безъ хлѣба». Если нечаянно упадетъ изъ рукъ крошка хлѣба, то онъ ее подыметъ, благоговѣйно перекрестится, поцѣлуетъ и положитъ въ ротъ. Въ теченіе года во всѣ храмовые праздники, кромѣ Пасхи, нашъ крестьянинъ освящаетъ хлѣбъ, особливо въ праздники болѣе чтимыхъ народомъ святыхъ, какъ Георгія Побѣдоносца, Николая Чудотворца, Іоанна Предтечи, Ильи Пророка и проч. Многіе крестьяне въ эти дни идутъ освящать свой хлѣбъ часто за десятки верстъ, а въ своей мѣстной приходской церкви ужъ непремѣнно побываетъ разъ въ годъ въ день храмового праздника съ этой же цѣлью. Такой освященный хлѣбъ у крестьянъ называется «обѣдней». Часть этого хлѣба раздается бѣднымъ, самая верхушка, вырѣзанная въ видѣ кружка,

отдается рогатому скоту, а остальной въ третій день послѣ освященія съѣдается всей семьей. Освященный хлѣбъ употребляется какъ средство для охраненія отъ дурного глаза и вообще какъ защита отъ враждебной силы. При этомъ нужно прибавить, что хлѣбъ, освященный подъ названіемъ «обѣдни», большей частью употребляется въ Виленской губерніи, въ Гродненской же — только въ рѣдкихъ случаяхъ. Крестьяне этотъ хлѣбъ освящаютъ въ церкви съ особенной церемоніей. Положивъ хлѣбы въ кучку, всѣ члены семейства становятся вокругъ ея и шепчутъ молитву передъ обѣдней, а послѣ обѣдни священникъ освящаетъ всѣ хлѣбы.

Но чтобы яснѣе понять воззрѣніе бѣлорусса на хлѣбъ, необходимо прослѣдить всю исторію хлѣба, отъ его посѣва и до того времени, когда онъ является на столъ, въ видѣ пищи.

Прежде чѣмъ сѣять хлѣбъ, необходимо приготовить и удобрить землю. Не во всякое однако время можно начинать эти работы. Главную роль здѣсь играютъ фазы луны. Третья *квадра* (четверть) и *молодзикъ* (новолуніе) считается временемъ неблагопріятнымъ для вывоза навоза и другихъ полевыхъ работъ. Въ это время крестьянинъ Гродненск. губ., не только бѣлоруссъ, но и жмудинъ не начнетъ ни пахать, ни возить навозъ, ни сѣять, ибо въ противномъ случаѣ нельзя ожидать добрыхъ послѣдствій.

Во многихъ мѣстахъ означенной губ. крестьянинъ ни за что не начнетъ весною пахать свою землю черным̆ъ воломъ, а проситъ сосѣда одолжить ему своего вола другой шерсти, говоря: «Пожиць мнѣ, братко, свого вола пинѣ горáци, бо якъ ты самъ добрэ видэишъ, что чарнымъ воломъ не можно зачинаць землю горáць, бо ўсенки твоé добро згине на поли отъ дождежей». Сосѣдъ ему на это обыкновенно отвѣчаетъ: «щсьце твоé, што ты пришоў, а то мы цебе пýгаю зъ поля прогнали бы». Не охотно крестьянинъ начинаетъ пахать землю и половымъ воломъ, «бо господаръ, альбо господыня, ци хто зъ дзяцей умре». При томъ волы половые (т. е. сивые) ниже цѣнятся и вовсе не охотно покупаются крестьянами Гродн. губ.

Когда земля наконецъ приготовлена и удобрена, приготовля-

ются къ посѣву. Хлѣбъ къ этому времени уже собранъ въ гумны; его молотятъ и въ Успенье или въ ближайшій воскресный день несутъ зерна въ церковь освящать. При этомъ торба (мѣшокъ), въ которой несутъ зерна завязывается—не имѣющейся при ней веревочкой, а особенной ленточкой или шнурочкомъ. «Простою веревочкой пя можно жито вязаць, бо одъ насъ урожай его одвяжетпе и уцячё!». Этимъ освященнымъ зерномъ бѣлоруссъ и начинаетъ свой посѣвъ. Передъ посѣвомъ онъ умывается, одѣваетъ чистую рубаху, — чтобы рожь была чистая, ѣстъ кашу, «кабъ жито было густое», беретъ съ собою хлѣбъ, который называется *«засѣванымъ»* (и который по возвращеніи съ нивы съѣдается всѣми членами семьи), кладетъ на телѣгу мѣшокъ съ зерномъ, небольшой пучокъ соломы, корзину навозу. Послѣ всѣхъ этихъ приготовленій онъ приходитъ въ хату, молится и уѣзжаетъ на телѣгѣ въ поле. Пріѣхавши туда, на свою полосу, онъ снимаетъ шапку, опять молится, произнося: «Благослови Божа!» и начинаетъ сѣять. Посѣявши и взборонивши, онъ стелетъ привезенную солому поперекъ своей полосы, «кабъ жито расло гнулася», а по краямъ разостланной соломы разбрасываетъ привезенный въ корзинѣ навозъ, для того: «кабъ ёнъ краў одъ Бога урожай, бо гной крадзе одъ Бога свою долю». На солому онъ накладываетъ комки земли или камешки, чтобы вѣтеръ не разбросалъ, дѣлаетъ сохой крестъ посредствомъ двухъ бороздъ и, испросивъ еще разъ Божьяго благословенія, возвращается домой.

Начатый такимъ образомъ посѣвъ продолжается до конца, но уже безъ всякихъ особыхъ церемоній. Если сѣятель по опромѣтчивости пропуститъ на какомъ загонѣ небольшое мѣстечко (аршина въ 2) незасѣяннымъ, сдѣлаетъ, какъ здѣсь говорится: *прорѣхъ*, то это означаетъ, что кто-либо изъ членовъ его семейства умретъ въ этомъ году. А если прорѣхъ окажется въ концѣ загона, то это предвѣщаетъ смерть господарю или господынѣ, т. е. хозяевамъ нивы. По всходѣ ржи такое незасѣянное мѣстечко ясно обнаружится и тогда его немедленно засѣваютъ и взбороняютъ, но не бороной, а граблями и затѣмъ отправляются

въ церковь и заказываютъ обѣдню *(закупаюць мшу святую)* за свое здоровье: «капъ Бохъ ласкáвый заховаў отъ смерци».

Начинаютъ сѣять рожь обыкновенно съ праздника Зельна (Успенія пресвятой Богородицы, — 15-го августа) по понедѣльникамъ, пятницамъ или субботамъ, а въ среду, четвергъ и вторникъ наши крестьяне ни за что не рѣшаются приступить къ посѣву. Они полагаютъ, что такъ какъ въ названіи заключается звукъ *р*, то червь будетъ ѣсть *рунь* [1]). Избѣгаютъ также сѣять тогда, когда на небѣ утромъ и вечеромъ показывается мѣсяцъ, такъ какъ, по мнѣнію крестьянъ, посѣянное при лунѣ или совсѣмъ не взойдетъ, или хоть и взойдетъ, то очень рѣдко.

Какъ начало такъ и конецъ работы сопровождаются у нихъ молитвой. Въ день *засѣвокъ* приготовляютъ богатый ужинъ, на которомъ супъ долженъ быть непремѣнно куриный — изъ пѣтуха или курицы, а иногда, впрочемъ, и изъ гуся; затѣмъ бульбенная (картофельная) каша, горѣлка и сыръ на закуску. Такимъ же образомъ празднуются и *досѣвки*.

Наконецъ посѣвъ хлѣба оконченъ, но думы и заботы не оставляютъ нашего пахаря: сухой остатокъ лѣта, дождливая осень, суровые морозы, неглубокій снѣгъ, поздняя весна — все это радуетъ или печалитъ сердце бѣлорусса, возбуждаетъ его воображеніе и служитъ темой для нескончаемыхъ разговоровъ въ родѣ слѣдующихъ: «Коли гуси дзикіе и другія пташки рано леціць у вырай низко, то значиць: хутко будзе зима. Коли на Марцинѣ (въ ноябрѣ) дождж, то будзе мокрое лѣто. Коли зимой сукé на дзéравѣ одъ инея и снѣгу гнутца, то жыто будзе ядрóно (умолотное) и гнутца» и пр. Перемѣны погоды направляютъ его воображеніе отъ веселыхъ думъ къ печальнымъ и наоборотъ. Онъ обращаетъ свой взоръ къ небу, слѣдитъ ежедневно за восходомъ и заходомъ солнца, старается угадать перемѣну погоды по вечернимъ зорямъ; наблюдаетъ какъ рано и въ какомъ порядкѣ улетаютъ перелетныя птицы. «Коли куры рано садзятца, то будзе заўтра дождж». Слѣдитъ онъ и затѣмъ, какъ исче-

[1]) *Рунь* — перье, листье зеленаго на корнѣ хлѣба. Слов. Носовича.

заютъ насѣкомыя, какъ прячутся маленькіе полевые звѣрки, строго слѣдитъ онъ за привычками домашняго скота: «Коли осенью свиньи рыюць землю, то зимою будзе война». Наблюдаетъ также за увядающей зеленью лѣсовъ, листьевъ древесныхъ, за поднимающимися туманами и вообще за̀ всѣмъ, что̀ его окружаетъ и на основаніи всего этого онъ старается угадать свой будущій урожай. Когда же онъ не получаетъ ничего утѣшительнаго и теряется въ разныхъ противорѣчащихъ примѣтахъ, то онъ отдается тогда на волю Божію, говоря: «Якъ Бохъ дасьць, такъ и будзе. Нихто воли и моцы Боской не вѣдае и угадаць не можа!». А тутъ и сосѣдъ потверждаетъ: «Дайь Бохъ, ты, Іозыпку, праўду ка́жашъ!».

Среди всѣхъ подобнаго рода сомнѣній, размышленій и гаданій незамѣтно приходитъ осень съ рядомъ своихъ праздниковъ, деревенскихъ торжествъ. За осенью незамѣтно подкрадывается и зима. Изумрудная озимь покрывается толстымъ слоемъ пушистаго снѣга и прячется на время отъ заботливаго глаза. Тогда улягутся на время думы и заботы нашего пахаря о брошенныхъ зернахъ,—улягутся, но не надолго. Приходятъ Рождественскіе праздники и снова онѣ поднимаются. Въ сочельникъ передъ Рождествомъ Христовымъ крестьянинъ нашей губерніи, какъ вообще бѣлоруссъ, устремляетъ свои взоры къ небу, и если тамъ много звѣздъ, то, по его мнѣнію, нужно ожидать хорошаго урожая, густого *жита*. Во многихъ мѣстахъ Бѣлоруссіи въ этотъ вечеръ крестьянинъ-домохозяинъ, сидя за столомъ, прячется за горшкомъ съ кутьей и спрашиваетъ хозяйку: «Ци бачышъ ты меня?» и по полученіи отъ нея отвѣта: «Не, не бачу!» онъ говоритъ «Дай жа, Божа ласка́вый, кабъ ты не бачыла меня лѣтомъ за густыми снопами жита и пшаницы». Послѣ ужина всѣ члены семейства, одинъ за другимъ вытаскиваютъ по стебельку изъ положеннаго подъ скатерью сѣна и смотрятъ: большой длинный стебель предвѣщаетъ высокую урожайную рожь, маленькій и короткій стебель — наоборотъ. На первый день Рождества Христова отправляются въ церковь на тощакъ и не пѣшкомъ, а, по

большей части, ѣдутъ. По окончаніи богослуженія всѣ спѣшатъ какъ можно скорѣе домой. Кому удастся скорѣе пріѣхать въ свою хату и разговѣться, у того уборка хлѣба и вообще полевыя работы пойдутъ спѣшнѣе. Эти повѣрья держатся и на Пасху, а нѣкоторыми еще и на Новый годъ и на Богоявленіе.

Зима наконецъ прошла незамѣтнымъ образомъ. Отпраздновалъ нашъ крестьянинъ Пасху, собралъ съ пасхальнаго освященнаго стола оставшіяся кости и бережно сохранилъ ихъ до праздника св. Георгія. Въ этотъ день онъ беретъ эти кости, завертываетъ ихъ въ утиральникъ (скарачъ) и рано утромъ, на росу отправляется въ поле, обойдетъ кругомъ свою ржаную ниву, втыкаетъ кости по четыремъ ея угламъ, перекрестится, приговаривая: «Дай жа, Божа, и святый Еры, кабъ нива моя ў гэтымъ року ня бачыла граду, ни навальнаго дождЖа! Ай, святый Еры, помогай мнѣ!».

Изъ записей И. О. Карскаго.

Чародѣйство.

«Чаровникомъ называютъ вообще того, кто умѣетъ совершать чары, т. е. такіе суевѣрные таинственные обряды, заклинанія, которымъ подчиняются стихійныя и другія силы посредствомъ которыхъ можно отклонить грозящее бѣдствіе, изгнать «нечисьцика», врачевать болѣзни, водворять счастіе и довольство, и съ другой стороны пасылать на другихъ всевозможныя несчастія: смерть, болѣзни, «напущать» на людей нечистую силу, наводить тоску, сумашествіе, «припадокъ» (падучую болѣзнь), разрушать миръ и согласіе въ семьѣ, «отводить глаза» и многое тому подобное.

Не всякій чаровникъ умѣетъ совершать всѣ эти чары, большинство изъ нихъ знаютъ только что-нибудь одно: одни умѣютъ лѣчить и насылать болѣзни, другіе — поселять раздоръ въ семьѣ, третьи — наводить градъ на нивы, засуху, четвертые — обращаться въ волковъ, жабъ. По воззрѣніямъ бѣлоруссовъ чаровниками преимущественно бываютъ люди, поставленные своей

профессіей въ постоянное и близкое общеніе съ тою или другою стихіей. Такъ чаровниками въ слѣдствіе своей профессіи считаются кузнецы, мельники, лѣсники, пастухи, пáсѣчники, пивовары и винокуры. Это не значитъ, чтобы люди другихъ занятій не могли чаровать; могутъ и другіе, но чародѣйство первыхъ имѣетъ болѣе или менѣе спеціальный характеръ. Предполагается, что каждый изъ нихъ хорошо изучилъ свойство той «нечистой силы», съ которой ему приходится имѣть дѣло по своей профессіи, такъ какъ, по повѣрью крестьянъ, — и въ кузницѣ, и въ мельницѣ, и въ лѣсу, и на скотномъ дворѣ, и на винокуренномъ заводѣ — въ каждомъ изъ этихъ зданій обитаетъ особенный «нечисьцикъ [1])», и ко всѣмъ этимъ зданіямъ бѣлоруссъ питаетъ суевѣрный страхъ. Плохъ былъ бы тотъ мельникъ, который бы не зналъ, какъ угодить водяному, или лѣсникъ, который жилъ бы не въ ладахъ съ лѣшимъ, или пастухъ, который не умѣлъ бы заворожить скотъ отъ звѣря или изгнать хлѣвника. Каждый изъ нихъ долженъ знать свою спеціальность хорошо, долженъ умѣть пользоваться силою своего «нечисьцика». Потому-то мельниковъ съ «вѣтряковъ» приглашаютъ лѣчить *«подвѣй»* (что это за болѣзнь — увидимъ далѣе). Мельники съ водяныхъ мельницъ умѣютъ «дать воды», т. е. нашептывать на воду «заговоры» для излѣченія болѣзней и насыланія ихъ. Конечно, никто не мѣшаетъ мельнику изучить ремесло, напримѣръ, ворожбита. Онъ, мельникъ, можетъ быть и *«вовколакомъ»*, и жена его можетъ быть отличной вѣдьмой; но все это необязательно. А вотъ угодить водяному, чтобы онъ постоянно давалъ достаточное количество воды, чтобы не стояла мельница, когда много «заводу», чтобы онъ не прорывалъ плотины, не ломалъ заставъ, не портилъ мельничныхъ колесъ, не снесъ бы мельницы во время половодья, — все это его дѣло, это мельникъ долженъ знать, или пусть не берется не за свое ремесло. И мельникъ съ *вѣтряка* долженъ умѣть *«запрагчи* (запречь) *вѣцеръ»*, овладѣть воздушной стихіей и, разумѣется, тѣми духами, которые производятъ вѣтеръ,

1) Чортъ.

вихрь, бурю и тому подобныя воздушныя явленія. Онъ долженъ все предусмотрѣть, не насиловать вѣтра, чтобы тотъ не разсердился и надолго не улегся; долженъ, умѣть вызвать его въ затишьѣ, когда надо молоть, умилостивить бурю, чтобы она не поломала мельничныхъ крыльевъ.

И такъ, каждый имѣющій дѣло съ таинственной, своенравной стихіей долженъ быть мастеръ своего дѣла.

Намъ не удалось узнать, какія умилостивительныя жертвы приноситъ кузнецъ, но опытный мельникъ водяной мельницы при первыхъ заморозкахъ, осенью, когда вода покроется тонкой скорлупой льда, опускаетъ водяному, подъ колесо кусокъ сала, «кабъ колесы не скрыпѣли», какъ объяснялъ намъ это старый мельникъ, Григорій Порѣцкій (въ с. Холопеничахъ Борисовскаго уѣзда), а когда убиваютъ свинью, — то и цѣлое стегно. Впрочемъ неразборчивый водяной иногда можетъ удовлетвориться и частью свиныхъ кишекъ, покрытыхъ кишечнымъ жиромъ. Не принеси мельникъ этой жертвы водяному, такъ онъ и не наберется смазки для колесъ: водяной вылижетъ ее и съ осей и съ буксъ, да притомъ и бѣдъ можетъ причинить не мало.

Мельникъ на *вѣтрякѣ*, чтобы возбудить утихшій вѣтеръ, взбирается на верхъ своей мельницы и бросаетъ горстями муку «на увѣй вѣцеръ», какъ говорятъ бѣлоруссы.

Лѣсникъ въ свою очередь долженъ умилостивить лѣшаго, а не то онъ можетъ наслать на него какого-нибудь опаснаго звѣря, который можетъ его поранить, а то и съѣсть.

Всѣ указанные нами виды профессіональнаго колдовства, если оно не выходитъ изъ очерченныхъ нами рамокъ немногими въ Бѣлоруссіи считается предосудительнымъ; напротивъ большинство бѣлоруссовъ смотритъ на все это, какъ на высшее знаніе данной профессіи, существенно необходимое для успѣшнаго ея выполненія. Иначе смотрятъ на заправскихъ чаровниковъ, которые, чтобы обладать высшей степенью могущества, продали чорту свою душу. А для этого нужно порвать всякую связь съ церковью, нужно совершить нѣчто чрезвычайно кощунственное.

Именно: во время причащенія не проглатывать св. Таинъ, а держать во рту, потомъ вынести ихъ «на разстáньки» (перекрестки дорогъ), положить на одномъ изъ крестовъ, которые почти повсюду въ Бѣлоруссіи ставятся на перекресткахъ, и выстрѣлить въ нихъ. Во время выстрѣла, какъ говорятъ, видится Христосъ распятый. Есть основаніе предполагать, что если на подобный поступокъ смотрѣли равнодушно, то развѣ въ давно прошедшія времена, когда христіанство боролось съ язычествомъ. Теперь почти всюду въ Бѣлоруссіи такъ много распространено разсказовъ о томъ, что большинство стрѣлявшихъ въ св. Причастіе сходили съума, превращались въ дикихъ звѣрей и подвергались тому подобнымъ наказаніямъ, что едва ли кто-нибудь рѣшится совершить такое кощунство. А кто рѣшится и продѣлаетъ вышесказанное, тому, дескать до его смерти будетъ служить чортъ, будетъ исполнять всѣ его приказанія. Что скажетъ такой чаровникъ, то и будетъ.

По народнымъ воззрѣніямъ, желаніе счаровать кого-нибудь является чисто стихійно, не произвольно, помимо сознанія чаровника. Онъ тогда чародѣйствуетъ, когда «кроў яму вочи зальецъ» когда «нячистая сила къ головѣ подступицъ, ў голову ударицъ»,— такъ народъ выражаетъ ту мысль, что чаровникъ дѣйствуетъ въ изступленіи. Будучи въ такомъ состояніи, онъ долженъ непремѣнно кого-нибудь счаровать. Тогда ему не попадайся на глаза, ибо за ничто пропадешь.

Чаровники пользуются среди населенія почетомъ, конечно въ большинствѣ случаевъ, не искреннимъ. Во время семейныхъ торжествъ, свадебъ, крестинъ, чаровника сажаютъ на почетномъ мѣстѣ, обращаютъ на него исключительное вниманіе, особенно усердно угощаютъ, чтобы не раздразнить его и тѣмъ не повредить будущему счастью новобрачныхъ или новорожденнаго. Такое отношеніе къ своей особѣ чаровникъ принимаетъ какъ нѣчто должное, вполнѣ заслуженное, и не стѣсняется угрожать хозяевамъ или тому, кѣмъ недоволенъ, что счаруетъ. «Ну ужъ будзеце-жъ вы мяне помницъ! Я вамъ дамся ў цямки»! говоритъ

въ такихъ случаяхъ чаровникъ, и присутствующихъ охватываетъ страхъ, и навлекшіе неосторожно гнѣвъ чаровника стараются предупредить или разстроить его чары при помощи другого чаровника.

Но совершенно искреннимъ почетомъ и уваженіемъ народа пользуются ворожбиты и ворожбитки, которые избрали своей спеціальностью врачеваніе болѣзней и разрушеніе силы колдовства другихъ. Такіе люди, хотя и прибѣгаютъ къ нашептываніямъ и другимъ таинственнымъ пріемамъ, но они знаютъ и довольно раціональныя средства лѣченія болѣзней: вправляютъ вывихи, дѣлаютъ перевязки при поломѣ костей, выравниваютъ искривленіе позвоночника у маленькихъ дѣтей и проч. Нужно сказать, что въ Бѣлоруссіи больше встрѣчается знахарокъ, чѣмъ знахарей и ворожбитокъ, чѣмъ ворожбитовъ».

Изъ рукописнаго сочиненія А. Е Богдановича («Живая Старина»), мною отъ него пріобрѣтеннаго въ 80-хъ годахъ.

Вѣрованіе въ способъ полученія дара чародѣйства существовалъ и можетъ быть существуетъ еще и теперь въ Витебской губерніи.

«Штобъ здзѣляцца чыроўникóмъ», говорилъ мнѣ одинъ старый крестьянинъ нашей Королевской волости (Витебск. уѣзда) «надо пыложи́цца зъ чóртымъ, што будзишъ за то яго слу́хыць: кыли ёнъ не вялиць ў церкву ходзиць, — ня будзишъ ходзиць, кыли ёнъ не вялиць сповидáцца, — исповыдацца ня будзишъ, ды сповидацца то можно, только нильзя причащацца: надо ўзяць ў ротъ причасцьця, дый вышоўши изъ церкви, яго выплюнуць. Тогды за ета чортъ зьдзѣлаиць такъ, што будзишъ чыроўникомъ: будзишъ напускаць на скотъ и на людзей бóлѣсьци и ўсё. Ды ўсё таки, гэтый чыловѣкъ ище ни сусимъ пропацій, ище яго Богъ мóжыць просьциць, кыли ёнъ пирадъ смерцію пыкáицця.

Вотъ кылú хочишъ, штобъ чортъ цябе слухаў и гроши носіў, и ўсё такоя дзѣлаў, тогды нада саўсимъ душу продаць чорту и расписку яму выдаць. Расписку самъ чортъ напишиць кроўю зъ мязи́нца того чыловѣка. Такú чыловѣкъ, што чорту душу

прыдаў, што тольки захочиць, вялиць чорту зьдзѣлаць—и чортъ яго послухаиць. Только таки чыловѣкъ ужо на вѣкъ прыпáщій — якъ только помрець, сичасъ яго душа ў пекло пóйдзиць.

Зап. А. Фр. Лисовская въ 1878 г.

Приводимъ здѣсь кстати и слѣдующій разсказъ крестьянина (Борисовск. уѣзда Минск. губ.) о другомъ требованіи нечистой силы, исполненіемъ котораго она обусловливаетъ сообщеніе дара чаровничества.

«А то вотъ чистая праўда. Быў стары чароўникъ ў Чмыляхъ, дыкъ тамъ ликай Роговьскаго подпоіў яго и проси: «научи мяне чаровацъ!»—«Добро», кажа, «идзи за мной!». Подойшли къ мосту,— чароўникъ и пытае: «Соколики, чаколики! ци вы тутъ?» Постояў трохо—: «Ну, кажа?» «нима, ни отзываюцца, пойдзимъ далій». Пришли на *рогъ* [1]), гдзѣ стояла пустая кáршма; тамъ тольки одны козы были. Чароўникъ ўзноў такъ само запытаўся: «Соколики, чаколики! ци вы тутъ?» Ажъ чуюць на ўсякіе лады отказываюць: «Тутъ, тутъ! А што табѣ трэба?» Ёнъ й кажа: «Привёў чаловѣчка, наўчицца яго чаровацъ; ёнъ дужа хоча наўчицца». — «А чамужъ? добро!» кажуць, «али нихай тольки перш потопки скине».

Думаў гэто ликай, думаў: «объ якіе такіе яны *потопки* кажуць, коли па имъ были новые *боти*? Ну а посли и догадаўся, што гэто яны пеўня на счетъ *шкаплероу* [2]) кажуць, бо ёнъ ихъ жонгле [3]) зъ крыжиками носіў на грудзяхъ,—ды давай Богъ ноги, драло домоў, радъ што отробеўся, а то бы яго, ня тутъ казали, яны бъ, муся, й замэнчили'бъ за гэтые шкаплеры. На заўтра, хоць ёнъ пикому и ни хваліўся объ гэтымъ, али панъ нѣякъ дочуўся. Ну тогды жъ и усыпали шь яму добро! — бýдзя доўго вѣдаць, якъ учицца чаровацъ. Мы гэто, якъ были на гонцѣ [4]), дыкъ Паўлюкъ разсказываў намъ; ёнъ ў дворѣ тогды зъ ликаёмъ тамъ служіў.

Зап. волостн. писар. А. Ганусомъ отъ кр. Мих. Сцепурки.

---

[1]) Рогъ — уголъ улицы, образуемый пересѣченіемъ ея другой. Слов. Носовича. — [2]) Szkaplerz — два кусочка освященной матеріи съ вышитымъ именемъ Пресвятой Дѣвы, носимыя на шеѣ многими католиками. Слов. Польско-россійскій Глюксберга. — [3]) всегда, постоянно. — [4]) наборщинѣ.

Воўколаки.

Есть такіе особые чаровники, которые могутъ обращаться въ волка и производить опустошенія. Такого волка нельзя ни убить, ни поймать. Передъ обращеніемъ въ волка чаровникъ вбиваетъ въ землю пять осиновыхъ кольевъ въ какомъ-нибудь уединенномъ мѣстѣ, но такъ, что два колышка служатъ подобіемъ переднихъ ногъ, два заднихъ, а пятый—хвостъ и прыгая впередъ черезъ всѣ, начиная отъ задняго колышка, — онъ становится волкомъ. Когда же по возвращеніи съ добычи, онъ желаетъ вновь обратиться въ первобытный свой человѣческій образъ, такъ волкъ этотъ опять прыгаетъ черезъ тѣ же пять колышковъ, но обратнымъ порядкомъ и при томъ задомъ впередъ. Стоитъ только предупредить эти прыжки, вынувши всѣ колышки и *перевертень* (оборотень) навсегда останется волкомъ. Если же только не успѣютъ вынуть всѣ, а останется одинъ, или болѣе колышковъ, то перевертень остается навсегда съ волчьими членами.

Въ историческихъ свѣденіяхъ о примѣчательнѣйшихъ мѣстахъ въ Бѣлоруссіи Г. Мих. Осип. Безъ-Карниловича (Спб.1855 г., стр. 240) кратко упоминается о народномъ вѣрованіи въ людей, обращенныхъ въ волковъ и называемыхъ волками. Это вѣрованіе на столько распространено въ Витебской губерніи и преимущественно въ Витебскомъ уѣздѣ, что его можно слышать въ каждой деревнѣ отъ стараго такъ же, какъ и отъ малаго.

Злой человѣкъ, называющійся «знатокомъ», каждаго человѣка можетъ превратить во что ему угодно: въ траву, въ дерево, камень, рѣку, животное и проч. Это превращеніе съ трудомъ совершается по отношенію къ малымъ и старымъ и слишкомъ легко по отношенію къ новобрачнымъ и вообще къ свадебнымъ гостямъ; послѣдніе скорѣе всего превращаются въ волковъ, — каковыя превращенія почти исключительно и дѣлаются подъ различными условіями: на годъ, два и болѣе и, какъ мнѣ разсказывали, слѣдующимъ образомъ: на дорогѣ, по которой должны

ѣхать новобрачные изъ церкви, «знатокъ» отыскиваетъ два рябиновыя дерева, стоящія по обѣимъ сторонамъ дороги, одно противъ другого, связываетъ и переплетаетъ ихъ вершины, такъ что образуются ворота. На нихъ «знатокъ» рѣжетъ трехъ не поющихъ, за старостью, пѣтуховъ (другіе говорятъ—волка), устраивая дѣло такъ, чтобы при проѣздѣ чрезъ ворота новобрачныхъ, на нихъ и другихъ поѣзжанъ падала теплая капля крови. Само собою понятно, что «знатокъ» употребляетъ при этомъ различныя сильныя заклинанія, которыя касаются или всѣхъ поѣзжанъ, или только части ихъ, или же, наконецъ, исключительно новобрачныхъ. Общее, однако, условіе то, что, не заколдовавъ новобрачныхъ, «знатокъ» не можетъ уже сдѣлать превращенія другихъ поѣзжанъ. Такимъ образомъ новобрачные часто становятся невольною жертвою гнѣва «знатока» по отношенію къ кому-нибудь изъ гостей; но они освобождаются отъ своего превращенія раньше, чѣмъ ихъ свадебный гость, заслужившій гнѣвъ и тяжелое мщеніе «знатока».

Превращенные поѣзжане или вовсе не доѣзжаютъ до своего дома, а отправляются всѣмъ стадомъ бродить по лѣсу, или же становятся волками при въѣздѣ на дворъ, съ котораго они поспѣшно убѣгаютъ. Замѣчательно, что такіе волки всегда ходятъ попарно и вблизи деревень и селъ; они никогда не нападаютъ на человѣка, часто приближаются къ нему на очень близкое разстояніе и убѣгаютъ въ случаяхъ очевидной и страшной опасности. Вообще они стараются предрасположить каждаго въ свою пользу и вызвать участіе къ своей печальной судьбѣ... Въ дополненіе къ сказанному, нужно еще прибавить, что они не только не тревожатъ домашняго скота, но и лѣсныхъ звѣрей, во все время своего превращенія, питаясь травой и кореньями и т. под. Превращенные опасны одному только «знатоку», заколдовавшему ихъ. Такъ прежде всего они требуютъ возврата въ человѣческій видъ, а затѣмъ поступаютъ со «знатокомъ» по своему усмотрѣнію. Въ большинствѣ, однако, случаевъ превращенные дарятъ ему жизнь.

Говорятъ, что, кромѣ заколдовавшаго ихъ никакая земная сила не можетъ возвратить ихъ превращенныхъ человѣческому обществу; такъ что на случай внезапной смерти «знатока» они остаются на всю жизнь несчастными. Но въ этомъ послѣднемъ случаѣ есть только одно средство, а именно: увидавъ превращенную свадьбу (которая замѣтна потому, что волки идутъ попарно), какъ можно скорѣе нужно воткнуть острый ножъ въ хлѣбное тѣсто, пока оно въ квашнѣ, и тогда съ превращенныхъ съ разу спадетъ волчья шкура и, при радостныхъ восклицаніяхъ они побѣгутъ къ ближайшему человѣческому жилью. Одежда такихъ людей носитъ слѣды нечистоты и ветхости. Разсказывая о подобномъ превращеніи свадебныхъ гостей въ волковъ, крестьянинъ не выскажетъ ни малѣйшаго сомнѣнія относительно достовѣрности самаго событія; его даже трудно и поколебать въ этомъ убежденіи. За то онъ выскажетъ свое глубочайшее и искреннее сожалѣніе къ судьбѣ несчастныхъ, проклянетъ «лиходѣя» — помолится за нихъ Богу...

При этихъ разсказахъ всегда добавляютъ, что одинъ охотникъ застрѣлилъ волка, который при паденіи вскрикнулъ «ахъ»! Другой охотникъ застрѣлилъ волчицу; долго стояли надъ ней и выли остальные волки и видно было даже, какъ изъ глазъ ихъ капали слезы.

Сообщено въ 70 годахъ Н. Я. Никифоровскимъ.

Вѣра въ «воуколакоў» распространена и въ Гродненской губ. Вотъ что объ этомъ сообщаетъ изъ Слонимскаго уѣзда (Костровической волости) г. учитель народнаго училища Нестерукъ.

«Въ народѣ есть повѣріе, что волки не всѣ одного происхожденія, что между ними есть много превратившихся изъ людей, такъ называемыхъ «воўколакоў». Эти превращенія чаще всего бываютъ на свадьбахъ, силою какого нибудь чаровника и не на всегда, а на опредѣленное имъ число лѣтъ. *Воўколаки* находятся въ подчиненіи у настоящихъ природныхъ волковъ и исполняютъ ихъ порученія по доставкѣ добычи. А если-бы они вздумали

ослушиваться, или самовольно распоряжаться добычей, то настоящіе волки ихъ загрызутъ. По истеченіи назначеннаго срока, воўколаки опять превращаются въ обыкновенныхъ людей, только у нихъ остаются знаки отъ этого превращенія—большія, сросшіяся брови и красные глаза. Впрочемъ, есть одно средство, чтобы раньше назначеннаго времени возвратить воуколаковъ къ образу человѣка: для этого человѣкъ, встрѣчавшій воўколаковъ, долженъ разодрать ясовыя вилы, или что нибудь на себѣ и бросить за ними. Тогда мгновенно спадаетъ съ нихъ волчья шкура и они превращаются въ свой первообразъ — человѣка.

Объ этомъ въ народѣ ходитъ разсказъ, въ которомъ описывается, какъ чародѣй сватъ, былъ побѣжденъ бóльшимъ чародѣемъ мельникомъ.

«Нѣколи ѣхали молодые зъ вѣнца и остановіушися ў концы села, просили вышёўшаго мельника, кабъ ёнъ аччиніў имъ вѣтницы[1]). Але той не уважіў ихъ просьбы и сказаў на ѣхавшаго спереду свата: «Невельки панъ и самъ можешь аччинидь». — «А, якимъ ты велькимъ паномъ тутъ зробіўсе; бодай табѣ камень лопнуў». Одно што сватъ сказаў гэты слова, якъ у блинѣ[2]) зробіўсе нѣяки вельки стукъ. Коли поглядзиць туды мельникъ — ажъ на яго камень, якъ сказаў сватъ, разлецѣўсё на двое. Тогды ёнъ выскочіў зноў на дворъ и крыкнуу на дружбу[3]): «гужъ, га»! Послѣ гэтыхъ слоў мельника, людзей на возáхъ якъ не быль́. Вся дружба обернуласе ў воўкоў и точкою[4]) побѣжала одъ села ў лѣсъ. Гэты мельникъ зробіў имъ быць воўколаками 7 лѣтъ, такъ яны и бѣгали... Молодая и дрўшки якъ были у стушкахъ[5]), такъ на ихъ была и шерсть ў дзяжки[6]) рóзнаго цвѣту».

Въ дополненіе къ этому приводимъ изъ записей почтеннаго И. О. Карскаго еще небольшой разсказъ о воўколакахъ, циркулирующій въ Лапинской волости Гродненскаго уѣзда.

---

[1]) Ворота. — [2]) Въ мельницѣ. — [3]) На всѣхъ членовъ свадьбы. — [4]) Стаей. [5]) Въ лентахъ. — [6]) У полосы.

«Въ одной деревнѣ была свадьба. Въ самый разгаръ веселья вошелъ въ хату вѣдьмаръ (т. е. колдунъ). Пирующіе переполошились и наотрѣзъ отказались его принять въ свою компанію. Это очень его оскорбило и онъ, произнесши нѣсколько таинственныхъ словъ, превратилъ всѣхъ присутствующихъ въ волковъ. И вотъ, по увѣреніямъ крестьянъ, тамъ-то и тамъ-то, во время облавы въ лѣсу на волковъ, убили двухъ, и когда сняли съ нихъ шкуры, то подъ одной нашли скрипку и *смыкъ* (смычокъ) музыканта, а подъ другой станъ холста съ поясомъ, значитъ—второй былъ *маршалокъ*, т. е. дружко.

Это происшествіе явно указываетъ, по мнѣнію крестьянъ, на то, что на свадьбѣ надо принимать и угощать всякаго пришедшаго, а въ особенности незнакомаго.

Сюда же относится и слѣдующій характерный разсказъ о воўколакахъ или *вѣдзьмакахъ*, записанный въ 70-ыхъ годахъ учителемъ народнаго училища Остановичемъ въ с. Новоселкахъ (Игуменск. у. Минской губерніи).

«Жили два сосѣда. Одзинъ бѣдны, другій богатый. Богатый быў вѣдзьмакъ, а бѣдный добрый чаловѣкъ. Бѣдный купіў коня и вывявъ на выганъ, а богатый ўзяў три ножи, ўточіў ў зямлю́ и начаў кулятца[1]). Пяракуляўся няразъ одзинъ ножъ, — у яго голова стала воўчая, няракуляўся няразъ други — тоды увесь станъ стаў воўчи. Ёнъ няракуляўся празъ трецій — тоды и ноги зробилисъ воўччія. Тоды ёнъ полящѣў и задушіў, а бѣдны выняў одзинъ ножъ, скъ ёнъ задушіў коня. Воўкъ задушіў и бяжиць назадъ къ ножамъ, штобъ одвярнутца назадъ на чаловѣка. Прибѣгъ. Якъ няракуліўся празъ одзинъ ножъ, тоды стала голова чаловѣчча; якъ пяракуліўся празъ други ножъ, тоды весь станъ зробіўся чаловѣчи. Пяракуліўся трецій разъ, але ноги осталися воўччія, — бо ня было трецяго ножа».

---

[1]) Клапяться до земли, кувыркаться.

Смерть чаровника.

Объ этомъ въ Мстижской волости Борисовск. у. (Минск. губ.) среди крестьянъ въ ходу слѣдующій разсказъ:

«Быў нѣгдзѣ надто вялики чароўникъ, што, бывало, захочиць, ўсё зъ поганьской мо́цай [1]) зробиць. У яго быў одзинъ тольки сынъ. Якъ чароўникъ помираў, сынъ про́ся: «навучи мяне чароваць, а то помрэ́шъ и я ня буду вѣдаць». Ёнъ кажа: «Добро! возьми хомутъ, положи на стоўбѣ коля печи ды глядзи́ празъ яго на мяне, тогды и будзишь знаць». Ёнъ гэдакъ и зробіў,—ажъ ба́ча: бацька конаиць [2]), а чэрци зусихъ сторонъ налящѣли: мэнчили [3]) чароўника, мэнчили, ажъ покуль ёнъ и языкъ ня высолопіў. Тогды ўзяли и ўсѣ яго косьци, жилы, вантро́бы [4])—ўсё сябѣ подзяли́ли, тольки одну скуру оставили. Дыкъ тогды больши дъя́бэлъ азяў ды ўлѣзъ ў скуру и кажа: «глядзиця, дъяблы, што я зроблю! Нихай же мяне цяперъ обмываюць, спива́юць и ховаюць,—вотъ дыкъ будзя смѣхъ намъ!» Пришли бабы, сусѣдзи, сыскали ящо дзика́, бабы поставили ў печь воду грэць, кабъ, знача, обмыць миртвица́, положили яго ў корыто; ну и сусѣдзи, хоць вѣдома, и рады, што помёръ чароўникъ, алижъ ўсёшь, якъ той казаў, трэба помянуць. Дзякъ сабѣ спивае. Сынъ злѣсъ зъ печи, сядзи́ць моўчиць, а дыли-цупъ! ухопіў горщокъ зъ варомъ ды къ корыту. Бачуць ўсѣ, што ёнъ хочиць ўзлиць на бацьку варъ и мысля, што ёнъ зьйшоў зъ ума, стали кричаць: «Што ты пога́ниць, робишъ! Гэтожъ ты бацьку опарышъ». А ёнъ кажа: «Ды вотъ глядзи́ця!» ды якъ чабохне гэты варъ на миртвица, дыкъ ёнъ якъ лопниць! и зусимъ зъ корытомъ чиразъ стропъ [5]) понесся, только яго и бачили. Тогды сынъ и кажа: «Во лядзиця, хто гэто быў, а ни бацька!».

Гэдакъ вусимъ чароўникамъ добро жиць на свѣци, али помираць, — ни довядзи ты Богъ, якъ дрэнно! а посли смерци ў пекли, — нихай канъ Бугъ крые и ратуе, што имъ робюць!»

Изъ записи волостн. писаря А. Гануса.

---

[1]) Силой; [2]) умираетъ; [3]) мучили; [4]) внутренности; [5]) потолокъ. крыша. Слов. Носов.

Знахари.

Знахари пользуются въ народѣ особымъ уваженіемъ. Когда кто либо пріѣдетъ къ знахарю за совѣтомъ, онъ долгое время мнимо отказывается, выражаетъ повидимому неудовольствіе на пріѣзжающихъ, говоря, зачѣмъ такъ къ нему ѣдутъ и идутъ, что развѣ онъ Богъ — что ли? Вообще заставляетъ людей долго себя просить. Когда уже наконецъ знахарь изъявитъ согласіе помочь кому-либо, то беретъ отъ него платокъ или шарфъ и ложится спать въ другой, отдѣльной отъ всѣхъ комнатѣ. Проспавши часъ, два или три, онъ встаетъ и начинаетъ подавать совѣты и наставленія нуждающемуся. Суевѣрный народъ крѣпко убѣжденъ, что знахари имѣютъ сношенія съ нечистыми духами, которые все говорятъ имъ и это подтверждаютъ фактически. Такъ напримѣръ разсказываютъ, между прочимъ, слѣдующее: Однажды два брата поѣхали къ знахарю, одинъ изъ нихъ былъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, а другой лѣтъ десяти. Братья, пріѣхавши къ знахарю, не застали его самого дома; одинъ изъ братьевъ (десятилѣтній) залѣзъ на печь погрѣться, а старшій остался сидѣть на лавкѣ, въ ожиданіи прибытія знахаря. Скоро явился и знахарь; пріѣзжій заявилъ, что онъ пріѣхалъ къ нему посовѣтоваться — гдѣ ему построить домъ? Знахарь взялъ у него шейный платокъ и велѣлъ ему выйти изъ хаты, что-де теперь онъ ничего не можетъ сдѣлать — усталъ, надо отдохнуть немного. А мальчикъ, сидѣвшій на печи въ уголку и незамѣченный знахаремъ, видитъ слѣдующее: вдругъ за посвистомъ знахаря входитъ въ комнату, гдѣ онъ оставался, молодой человѣкъ — довольно прилично одѣтый, съ тросточкой въ рукахъ, но съ хвостомъ сзади и рогами на головѣ, по всему видимому, это былъ нечистый духъ («анцыхрастъ») и спрашиваетъ знахаря: что ему угодно? Знахарь сообщаетъ, что прибылъ-де человѣкъ спросить его, гдѣ построить домъ. Нечистый говоритъ знахарю, что на огородѣ у этого человѣка стоятъ двѣ груши, одна изъ нихъ даетъ сладкіе плоды, а другая кисловатые; пусть этотъ хозяинъ срубитъ луч-

шую грушу и тамъ построитъ домъ — и будетъ онъ счастливо и весело жить. «А цѣну какую взять съ него за совѣтъ?» спрашиваетъ знахарь у діавола. «Возьми два злотыхъ (тридцать коп.) и подѣлимъ по поламъ», сказалъ діаволъ!» и удалился. Мальчикъ все это слышалъ. Когда знахарь вышелъ изъ комнаты, мальчикъ немедленно слѣзъ съ печи, побѣжалъ къ брату и все ему разсказалъ. Тогда они оба поспѣшили уѣхать отъ знахаря, чтобы не заплатить ему положеннаго діаволомъ оброка. Не медля долго, старшій братъ по пріѣздѣ домой срубилъ лучшую грушу и построилъ на томъ мѣстѣ домъ. Едва только домъ былъ оконченъ, какъ хозяинъ чрезъ ночь нашелъ на мѣстѣ, гдѣ имъ домъ былъ построенъ, одинъ только пепелъ: діаволъ сжегъ его за то, что не заплочено было знахарю.

Нечистые духи берутъ оброкъ отъ всѣхъ знахарей ежегодно. Предметы оброка бываютъ различны. Знахари по уговору съ нечистымъ духомъ отдаютъ ему собственныхъ дѣтей, даже своихъ крестниковъ, по смерти ихъ, если только эти дѣти умерли до времени выдачи оброка, а если то дитя, которое знахарь намѣтилъ отдать діаволу, остается еще въ живыхъ, то онъ своими чародѣйскими наважденіями старается лишить его жизни, и діаволъ уноситъ несчастное дитя въ свои чертоги. Посему надо опасаться имѣть кумовей изъ среды людей, имѣющихъ сношеніе съ злыми духами.

Знахарь силою нечистаго духа можетъ творить чудеса: пожелаетъ онъ напр., чтобы въ полночь явился крестъ изъ чьей либо могилы на кладбищѣ, онъ выйдетъ изъ дома на улицу, повелитъ — и сейчасъ заторохтитъ повозка и явится съ крестомъ къ знахарю. Золъ ли на кого либо знахарь — онъ силой діавола нашлетъ волковъ на его скотъ и послѣдній будетъ растерзанъ, сожжетъ ему всѣ строенія до тла или нашлетъ на самого нечистыхъ духовъ, которые подъ видомъ какой-либо птицы или звѣря перепугаютъ его страшнымъ образомъ. Горе тому человѣку, который занимается сплетеніемъ завитокъ и если его знахарь не пощадитъ, когда его пригласятъ вырвать завитку изо ржи, то

нашлетъ на него нечистыхъ духовъ и онъ будетъ замученъ до смерти. Приведемъ примѣръ на такого рода явленій, записанный нами изъ живыхъ устъ расказчиковъ суевѣровъ: Въ деревнѣ Березнякахъ Крюковичской волости (Рѣчицк. у. Минск. губ.), жила одна женщина, которая, по словамъ многихъ, занималась плетеніемъ завитокъ во ржи тѣхъ хозяевъ, которые чѣмъ нибудь навлекали на себя ея неудовольствіе. Названная женщина не всегда достойно чтила праздничные дни. Такъ однажды на Іоанна Богослова она на лошади вывозила навозъ на свое поле; каждый разъ ей надо было проѣзжать мимо кладбища. Когда она возвращалась съ поля въ третій разъ, изъ кладбища выбѣжалъ какой-то мальчикъ въ черномъ платьи, подбѣжалъ къ ней и моментально исчезъ. Вдругъ поднялась страшная буря, которая подхватила женщину высоко на воздухъ и бросила на землю. Воздухъ вдругъ наполнился вóронами, а тѣло несчастной женщины одеревенѣло и почерпѣло, какъ только очутилось на землѣ. Случившіеся тутъ люди бросились на помощь и восемъ человѣкъ едва могли поднять съ мѣста тѣло пострадавшей и положить на телѣгу, въ которую заложена была пара лошадей; лошади съ большимъ усиліемъ повезли тѣло несчастной. Дóма, лежа въ постели, пострадавшая не могла сама двигаться ни однимъ членомъ своего тѣла; съ домашними и приходившими навѣстить ее, она на первыхъ порахъ разговаривала тихо и спокойно, но потомъ громко начала вскрикивать: «Ой! ай! у меня подъ кожей что-то бѣгаетъ, поднимаѐтъ её, пищитъ и сильно жметъ внутри!». Умирая въ страшныхъ мукахъ, страдалица кричала: «Тянутъ меня, рвутъ меня!» Когда она умерла, то что-то въ родѣ птицы, вылетѣло изъ ея трупа, бросилось въ окно и выбило стекла въ оконной рамѣ, улетая изъ комнаты. Раньше, накануне смерти, мужъ пострадавшей женщины ѣздилъ къ знахарю за совѣтомъ. Знахарь сказалъ, что на его жену наслано нечистыхъ духовъ за завитки, «а чтобы избавиться отъ нихъ, то ты возьми мѣшочекъ крупъ и пойди въ полночь или въ полдень на то мѣсто, гдѣ бросило твою жену; тебя спроситъ тамъ невѣдомый голосъ, зачѣмъ ты пришелъ

или тебѣ чего надо?» Мужъ пошелъ въ полдень въ указанное мѣсто, но тамъ имъ овладѣлъ такой ужасъ, что онъ немедленно пустился бѣжать. Подъ вліяніемъ мысли объ ожидавшемъ его большемъ страхѣ онъ ужъ больше не отважился отправиться ночью въ указанное знахаремъ мѣсто, гдѣ онъ могъ узнать отъ бѣсовъ, что ему предпринять для спасенія своей жены.....

Сообщ. учит. народн. училища Н. Г. Яцко.

Вѣдьмы.

Изъ числа сообщниковъ нечистой силы самой дурной репутаціей пользуются вѣдьмы. Это объясняется тѣмъ, что вѣдьма, по понятіямъ бѣлоруссовъ, чортова любовница; что она находится въ непосредственномъ общеніи именно съ чертомъ, а не съ другой какой, болѣе безобидной нечистой силой. Благодаря своей любовной связи съ чортомъ, она научилась колдовать, узнала таинственныя свойства нѣкоторыхъ травъ и кореньевъ. Прибавляя къ этимъ травамъ лисичье сердце и кошачью печень, причитывая извѣстныя ей заклинанія, она вывариваетъ изъ нихъ волшебную жидкость, которая имѣетъ свойство придавать вѣдьмѣ молодость и чудную красоту, предъ которой не устоитъ ни одинъ, или же, не измѣняя ея внѣшности, сообщаетъ ей необыкновенную привлекательность, совершенно неотразимую для простого смертнаго. Но это еще не все. Когда выпьетъ вѣдьма добытой ею чудесной жидкости, то она становится легкою какъ пухъ. Сядетъ она на *чепелу* [1]) или на помело, вылетитъ черезъ «коминъ» и несется по воздуху или по «вѣтру» какъ говорятъ бѣлоруссы. Такъ вѣдьмы и летаютъ на таинственныя, бѣсовскія игрища, т. е. гульбища, шабаши, которыя совершаются ночью гдѣ-нибудь на высокой горѣ.

Главный шабашъ происходитъ одинъ разъ въ году, въ самую бурную ночь, между Ильей и Успеньемъ. Такая ночь называется *громовою*, а также и *рябиновою*. Страшный громъ, непре-

---

[1]) Чепела — сковородникъ, родъ ухвата для сковороды. Слов. Носовича.

стальная молнія отличаетъ ее отъ другихъ ночей. Въ эту то-ночь нечистая сила слетается на свой годовой праздникъ.

Кромѣ полового общенія съ чортомъ и очаровыванія мущинъ вѣдьмы отбираютъ у коровъ молоко, заламываютъ заломы на неурожай, на болѣзни и смерть людей, на падежъ скота. Онѣ могутъ сглазить беременную женщину, взглядомъ своимъ убить плодъ и тѣмъ произвести выкидышъ. Онѣ могутъ оборачиваться въ сороку, или чорную кошку.

Изъ означенной выше рукописи А. Е. Богдановича.

«Еще и по настоящее время поселяне д. Ягнещицъ (Костровическ. волости Слонимск. у. Гродн. губ.) вѣрятъ въ вѣдьмы, что онѣ не только отнимаютъ молоко отъ коровъ, но даже переносятъ къ себѣ, чародѣйскимъ образомъ, и другое добро».

Вѣдьмы больше всего проказничаютъ на Яна (24-го іюня). Крестьяне разсказываютъ, что многимъ изъ нихъ приходилось видѣть, какъ извѣстныя въ деревнѣ вѣдьмы ходятъ въ этотъ день до восхода солнца по лугамъ и полотенцемъ сбиваютъ съ травы росу, а дома изъ этого полотенца, говорятъ, течетъ у нихъ молоко.

Посему въ этотъ день крестьяне не выпускаютъ утромъ на поле скота, а особенно коровъ, пока не пропадетъ роса.

Объ этомъ между крестьянами есть такой разсказъ:

«Нѣколи панскій хурманъ рано на Яна вёў на выгонъ кони и забачіўши, што вѣдзьма рушничкóмъ [1]) збивала рóсу, ёнъ давай ее дражниць и обогоняць рóсу обруцею [2]). Пришёдши до двора, ёнъ повѣсіу óбруць ў стайни на колóчки. Коли зайдзе ёнъ сюды зноў черезъ поўгодзинки [3]), ажнажъ тамъ пацекла изъ обруци цѣлая каложина [4]) молока. Ёнъ побѣхъ до пана, сказау яму. Поприходзила ўся челядзь, наймычкé и паробкé, и не могли удзивицися [5]), што гэто такое. Такъ и цекло молоко изъ óбруци, пуки не опала роса.»

---

[1]) Утиральникомъ; [2]) искаженное сл. отъ обрусъ, убрусъ — скатерть; [3]) полчаса; [4]) лужа; [5]) очень удивлялись.

Вѣдьма можетъ отнять молоко отъ чужой коровы и передать своей, не только на самого Яна, но и во всякое другое время. Для этого ей нужно только ударить, или хотя махнуть своимъ полотенцемъ или передничкомъ на чужую корову и потомъ тѣмъ или другимъ ударить свою. А когда зимою коровы стоятъ въ хлѣвахъ, то вѣдьмы могутъ отнимать молоко черезъ одолженіе какой нибудь, хотя самой пустой вещи. А если имъ ничего не одолжатъ, то онѣ стараются незамѣтнымъ образомъ поднять на дворѣ хотя самую маленькую частицу навоза, или какую нибудь щепочку. Особенно опасно для всего хозяйства одолжить что нибудь вѣдьмамъ наканунѣ большихъ праздниковъ, каковыми считаются: Рождество Христово, Новый годъ, Крещеніе Господне, Благовѣщеніе Пресв. Богородицы, Пасха, Тройцынъ день и больше всего Яна. Въ эти дни не только людямъ, которымъ крестьянинъ не довѣряетъ, но даже добрымъ своимъ знакомымъ, которыхъ онъ вполнѣ уважаетъ — и тѣмъ онъ постѣсняется что-нибудь одолжить. Въ этомъ не разъ приходилось мнѣ убѣждаться самому лично: «Не, папочку, цеперъ не могу позы́чиць; цеперъ у насъ не можно позычиць нічо́го и нико́му», говоритъ обыкновенно въ этихъ случаяхъ крестьянинъ.

Вѣдьмамъ возможно имѣть различные молочные продукты и безъ коровы, при посредствѣ волшебствъ. Объ этомъ крестьяне разсказываютъ такъ:

«У одной хацѣ зъ недзѣлю робіў кравецъ[1]) и ёнъ по трошку[2]) стаў цикова́ць[3]), што яго господыня вѣдзьма: немае коровы, а кожинъ[4]) ранокъ[5]) дае́ на снѣданьне[6]) картопли зъ свѣжимъ масломъ. «Постой же», каже ёнъ, «хоць килька ночи не буду спаць, але таки допильну́ю, скуль ты яго бере́шь». Полягли́ ўсѣ спаць, а ёнъ ўсё думае про гэто и не спиць. Аножъ якъ толька заспѣвали пѣтухе́, ўстала яго господыня, запалила цесну[7]), бор-

---

[1]) Портной; [2]) по немногу; [3]) замѣчать; [4]) каждый; [5]) утро; [6]) завтракъ; [7]) лучину.

зденько[1]) пошла ў примець[2]) и принесла одтуль помело. Потымъ ўзяла лаханку, поставила ее на припечку, проціў комина и давай молоць ў ей помеломъ. Молола, молола, потымъ потрасла ныдъ лаханкою помеломъ и ў лаханцѣ зробиласё самое жоўтое и хорошсе масло. На ранкѣ, яна подаé яго зъ картоплями, але яго ажъ сколонуло гэто масло и зъ гэтаго дня ёнъ уже не мохъ ѣсьци масла у гэтой господыни.»

Для того, чтобы воспользоваться чужимъ добромъ, вѣдьмы часто превращаются въ птицъ, напр. ласточекъ, насѣкомыхъ — бабочекъ и больше всего въ жабъ.

Кажется, на самомъ дѣлѣ есть жабы, которыя любятъ лакомиться коровьимъ молокомъ и для этого даже умѣютъ приспособляться сосать коровъ. Относительно этихъ жабъ, всѣ крестьяне крѣпко убѣждены, что онѣ суть превратившіяся вѣдьмы и приходятъ въ чужой домъ не только за молокомъ, но онѣ не прочь воспользоваться и другимъ, какое попадетъ, добромъ. Такъ крестьянка д. Ягневицъ, старуха Варвара, и теперь еще разсказываетъ:

«Нѣколи на Яна прихожу я ранкомъ у стёнку[3]) до судзины[4]) дрець муку. Коли погляджу я туды, ажно тамъ сидзиць, вылупивши[5]) очи нѣякая велькая, черная рапуха[6]). Яна чисто укачалася ў муку и поглядае на мене, спершёў я сполохаласе, але потымъ, опамятоваўшись, што цеперъ Яна, я догадалася, што гэто не рапуха, а вѣдзьма. Тогды я зачерпала ее коўшемъ[7]), прикрыла хвартушкомъ[8]) и ўкинула ў печь. Я чисто спекла ее и неживую выкинула на дворъ. Але якъ поглядзѣла я потымъ, жабы не было на томъ мѣстьцѣ, гдзѣ я ее покинула, а ў вечери я узнала,

---

[1]) Скоро.
[2]) Сѣни.
[3]) Кладовую.
[4]) За посудой.
[5]) Широко раскрывши.
[6]) Жаба.
[7]) Коушъ — деревянное черпало съ ручкою. Слов. Носовича.
[8]) Передникомъ.

што лешиць здысь хворая моя сосѣдка черезъ три хаци, Алена Кадовбичиха, на которую ўсѣ говорили, што яна вѣдзьма. Казали, што на ўсёмъ ее цѣлѣ были нѣяки прищайки[1]), якъ бы попечены. Значиць, гэто яна приходзила за моимъ добромъ».

Для того, чтобы оградить коровъ отъ вѣдьмъ, то на Яна, когда вѣдьмы имѣютъ наибольшую силу, надъ дверьми хлѣва вѣшаютъ «громничную[2]) свѣчку» и освященныя травы: «вѣдзьма боицца святыхъ рѣчоу[3]) и не посмѣе ици ў той хлѣў, гдзѣ яны есьць». А въ другихъ мѣстахъ вѣшаютъ у дверей хорошо наточенную косу, чтобы вѣдьма, идя въ хлѣвъ, разрѣзала себѣ голову, а на порогѣ хлѣва и въ серединѣ, а также по окнамъ въ домѣ, кладутъ крапиву. Нѣкоторые, чтобы навсегда застраховать своихъ коровъ отъ вѣдьмъ, дѣлаютъ маленькимъ буравчикомъ дырочки въ рогахъ коровы и забиваютъ туда частицы «живаго срибра»[4]), или «дэвэльдрекъ»[5]) — вещество съ сильнымъ и очень противнымъ запахомъ.

Крестьяне вѣрятъ, что «дэвэльдрекъ» (чертовъ пометъ) чортъ не любитъ и не пойдетъ къ той коровѣ, при которой оно есть.

Впрочемъ, какъ всѣ суевѣрія, такъ и эти, въ послѣднее время значительно стали уменьшаться, между народомъ и въ настоящее время замѣтно держатся только въ тѣхъ домахъ, въ которыхъ есть старыя бабы.

Сообщ. учит. народн. училища Г. А. Нестерукъ.

Изъ обширнаго цикла разсказовъ насчетъ отнятія вѣдьмами молока отъ чужихъ коровъ приведемъ еще одинъ, записанный въ с. Новоселкахъ (Игуменскаго уѣзда Минской губ. воспит. Виленск. учительск. института, г. Остаповичемъ):

«Шелъ одинъ человѣкъ въ Кіевъ. По дорогѣ онъ зашелъ ночевать къ одной старой женщинѣ. У нея былъ мальчикъ. Неизвѣстно: былъ ли это ея сынъ или сирота какой нибудь. За нѣсколько времени до прихода человѣка къ этой бабѣ, она ушла куда то. Мальчикъ остался одинъ. Онъ вышелъ въ сѣни и видитъ, что

---

[1]) Прыщи; [2]) *Срѣтенскую*; [3]) вещей; [4]) ртуть; [5]) лат. назв. гуми асафетида.

«камора», которая всегда запиралась бабою на замокъ, теперь отперта. Мальчикъ отперъ дверь и вошелъ въ камору. Видитъ тамъ въ углу стоитъ «коробъ». Онъ подошелъ къ коробу и началъ его разсматривать. Видитъ въ «коробѣ» два колышка. Онъ выдернулъ одинъ колышекъ изъ отверстія. Молоко брызнуло и стало литься съ такою силою, что мальчикъ никакъ не могъ остановить его и закрыть отверстіе. Мальчикъ страшно перепугался, бросился въ хату и сталъ просить человѣка, зашедшаго къ нимъ на ночлегъ, запереть отверстіе въ «коробѣ». Человѣкъ пошелъ съ мальчикомъ въ «камору». Видитъ: весь полъ залитъ молокомъ по колѣни, а изъ отверстія «короба» идетъ уже не молоко, а кровь. Человѣкъ въ свою очередь испугался и поспѣшилъ скорѣе затворить отверстіе въ «коробѣ». Въ эту самую минуту вошла баба и узнавъ обо всемъ, чуть не прибила мальчика. Человѣка же просила не говорить никому о томъ, что онъ видѣлъ.

Для того, чтобы не дать возможности вѣдьмѣ выдоить коровъ, крестьяне употребляютъ различныя средства. На канунѣ дня Ивана Купала женщины «святятъ» хлѣвъ святой водой, курятъ вокругъ коровъ освященными на Ивана Купала травами, бьютъ ихъ «вербой». Надъ дверями хлѣва вѣшаютъ серпъ и укрѣпляютъ «громничную свѣчу», на которой послѣ ночи иногда замѣчаютъ слѣды зубовъ. Мѣсто передъ дверями или воротами хлѣва усыпаютъ крапивой, а въ срединѣ хлѣва вокругъ стѣнъ сыплютъ «видукъ» (родъ мака).

Крестьяне вѣрятъ, что вѣдьма до тѣхъ поръ не умретъ, пока не передастъ всѣхъ своихъ вѣрованій, всѣхъ своихъ чаръ и заклинаній другому лицу.

Чтобы узнать вѣдьму, нужно наканунѣ дня Ивана Купала вечеромъ варить цѣдилку (тряпку, чрезъ которую цѣдятъ молоко) въ гарнушечкѣ (горшечкѣ). Тогда вѣдьма непремѣнно явится и спроситъ: «что вы варите?»

Проказы вѣдьмы[1]).

Минск. губ., Слуцк. у., Клецкой волости.

Были такъ сабѣ мужики ў дзяреўни и просіў ихъ одзинъ господаръ ѣхаць по дзерево. Пріѣхали яны ў лѣсъ и посѣкли дзерева, наклали яго и увязали. Тогды сѣли, поѣхали до дому. Ѣдуць яны, ѣдуць дорогою, а при той дорозѣ сѣдзяць кусты не вяликіе, ў тыхъ кустахъ пасуць дзѣўки коровы и одна дзѣўка, вельми хорошая, што бядá. А за ими ѣхаў зъ тыми людзьми молодзецъ ни жанатый, — такій чаловѣкъ хорошій, и задумаў ёнъ: «вотъ кабъ гэто зъ гэтою дзѣўкою выспацца, добро бъ было». Наконецъ зъ гэтае думы звалилосе у яго колясó зъ драбинъ[2]) и ёнъ тогды закрычаў: «Почакайце, братцы! колясо мое звалилося.» Подышли ўсѣ гэтые людзи къ гэтымъ драбинамъ и стали подымаць, но не могли даць рады, ни подымуць драбинъ, а ўзяли, бросили и говóруць: «што мы, братцы, за однымъ будзимъ пропадаць до поўночи?» Ўзяли яны и поѣхали. Застаўся ёнъ только одзинъ. Тогды подходзиць къ гэтому возу дзѣўка и пытаецца ў яго: «Ну, молодзецъ ты мой, скажи ты мнѣ словечко, што ты обо мнѣ подумаў, тогды я помогу табѣ подняць возъ, зложиць колясо и поѣдзимъ разомъ зъ'ими.» Тогды ёнъ стыдзицца ей объ гэтомъ говориць. «Нима чаго, братъ, сорóмацца» говориць ена, «што подумаў, такъ скажи сибѣ». Ёнъ ей и говориць: «я задумаў, кабъ зъ вами выспацца» —Добро! говориць ена, приходзь».

Подняла ена возъ и колясо на драбинахъ и ёнъ поѣхаў до дому. Пріѣхаўши до дому въ поўночь, ёнъ и ни хоцѣў бы ици къ той дзѣўцы спаць, но марносць[3]) яго цягня. Пришоў ёнъ къ ей. Ена стоиць коле угла. Якъ подышоў ёнъ, ена яго выцяла, по плечи: «Стой конь»! и ёнъ зробіўся конемъ и ена наложила на яго уздэчку и сядло, садзицца и ѣдзиць. Ѣдзець на ёмъ до половины ноци. Якъ только пѣўни запоюць, тогды ена вытня[4]) яго и

[1]) Эти проказы скорѣе похожи на продѣлки русалки. Ш.

[2]) *Драбины* — телѣжный составъ безъ колесъ. Слов. Носовича.

[3]) У Носовича въ подходящемъ значеніи этого слова нѣтъ, а у Даля оно подведено подъ словомъ: *Марево* — призракъ. Ш.   [4]) Ударить.

ёнъ зробицца чаловѣкъ и кажа: идзи, молодзецъ, до дому. На другую ночь такъ само цягния его охвота ици. Якъ проѣздзила ена на ёмъ другую ночь, ёнъ зробіўся якъ пьяный и пошоў до дому. Бачиць яго семья, што ихъ молодзенецъ ўсё худзѣець ды худзѣець и говориць ему дзяцько: «скажи мнѣ: можа ты зъ кимъ полаяўся или на кого што подумаў? такъ кажи мнѣ, а то будзе табѣ кепско [1])». Ёнъ и кажа: «якъ мы везли гэтому чаловѣку дзерево и пасвила по дорозѣ статокъ дзѣўка хорошая и я задумаў: штобы зъ ей выспацца? а ценерь якъ придзе поўночь, то мяне цягния марносць ици къ ей; якъ тольки приду, ена вытния мяне рукою, скажа: «стой конь»!—зроблюся конемъ: ена на мене зложиць уздэчку и сядло и ѣздзиць до поўночи, а якъ запоюць пѣўни, ена вытния рукою по мнѣ и я зроблюся чаловѣкомъ. Тогды ена скажа мнѣ: «ну, младзенецъ, идзи до дому». Проѣздзила ена уже на мнѣ двѣ ночи. Ценерь трецяя ночь трэба ици». Дзяцько на гэто ему сказаў: «Ну идзи, глядзи, штобъ ты скорэй за ее пришоў на мѣсто и вытнишь по ей и скажашь: «Стой, кобыла!» а ты садзися на ней и ѣдзь и просто рѣжъ мясо ножомъ и кидай; не бойся: такъ цебе ены не зловяць, а коли зловяць, то звядуць зъ свѣту». Пришоў молодзецъ ўпяродъ ее на мѣсто, вытняў: «стой, кобыла!» Ена зробилася кобылою. Ѣдзець ёнъ на ей и рѣжа мясо кусками и кидая назадъ. Посли пѣўни запѣли и ёнъ выцяў по ей — ена зробилася дзѣўкою и ёнъ сказаў: «ну идзи, дзѣўка»! Тогды ена пошла и ў три дня померла. Передъ смерцію говориць своййму брату: «Я чарезъ такого то померла; нехай ёнъ приходзиць вартоваць [2]) три ночи». А дзяцько ему и кажа: «Идзи, вартуй и сядзь на стоўби, накрыйся ланцемъ,— ены цебе не найдуць». Ў самую поўночь сходзицца музыка, пьюць, гуляюць; тогды ўстае дзѣўка и говорыць: «Ну шукаймо мойго младзенца: я хочу зъ имъ погуляць!». Але кольки ены ни шукали, — ну ни могли найци; запѣли пѣўни, ены пропали и дзѣўка лягла на лавѣ. Придуць, поглядаць, якъ дзень ёнъ ее

[1]) Худо; [2]) караулить, дежурить.

вартуець. На другую ночь зноў трэба яму ици вартовадь; яго дзяцько яму и говориць: сядзешъ ты на лавѣ и накрыйся сковородою, ены опяць не найдуць цебе. Пришла поўночь, сходзяцца духи — пьюць, гуляюць. Тогды ўстае дзѣўка: «Ну шукаймо мойго младзенца!» Але кольки ни шукали, — ни нашли, а якъ запѣли пѣўни, ены пропали, а дзѣўка на лавѣ лягла. На трецію ночь дзяцька яму и говóриць: «сядзь ты въ кутовомъ углѣ и накрыйся терницаю[1]), то ены ни найдуць цебе». Пошоў ёнъ вартовадь, сѣў въ углѣ, накрыўся терницаю. Пришла поўночь, сышлася музыка, дзѣўка ўстала и говориць: «трэба шукаць мойго младзенца, — я хочу зъ имъ погуляць.» Кольки ни шукали, ни нашли. Запѣли пѣўни, ены пропали и дзѣўка лягла зноў на лавѣ. Послѣ гэтого говориць ойцецъ дзѣўки: «Ну ты поховаць ее повиненъ ў ночи за 60 верстъ.» Запечаліўся младзенецъ, а дзядзя и говóриць яму: «Не печальсся! скажи дзѣўкину ойцу, кабъ на трункѣ было 60 обручоў и шесьць добрыхъ конёў». Ёнъ сказаў гэтакъ. Обручи и кони готовы, положили трунку на драбины и ёнъ повёзъ дзѣўку. Яще дзяцька яму сказаў: «якъ сядзешъ на драбины, вытни по разу по конямъ бизуномъ[2]), ены якъ вихиръ помчацца и што проѣдзешъ версту, то лопня одзинъ обручъ. Коли ўсѣ обручи перелопнуць, ты вытни бизуномъ и станешъ на пень, а на землю не становися. Тогды ена хоць подымецца, но не найдзе цебе.» Ёнъ такъ и зробіў. Обручи полопалися, ена ўстала, а ёнъ по трунѣ бизуномъ и стаў на пень. Коля яи шукали, не нашли яго, а коли пропѣли пѣўни, духи пропали, а ена зробилася собакою. Ёнъ выстрлліў ў ротъ гэтае собаки дванадцаць разъ и забіў, а якъ забіў, вышла изъ ея мышъ. Гэту мышъ положили ў труну и закопали ў зямлю.

Я тамъ быў, медъ вино піў, по губамъ цекло, а ў роци ни было.

Зап. волостнымъ писаремъ Ѳ. Колгоновымъ. Сообщ. Минск. Статистическимъ Комитетомъ.

---

[1]) *Терница* — орудіе, которымъ мнутъ пеньку и ленъ. Курск. г. Оп. обл. великор. словаря. У Носов. этого сл. нѣтъ. [2]) кнутомъ.

Лѣченіе болѣзней и средства противъ разныхъ напастей.

Чародѣйство, колдовство и знахарство (особенно послѣднее) болѣе чѣмъ наполовину состоитъ изъ врачеванія болѣзней и, такъ сказать, изъ насыланія ихъ различными способами. И способы врачеванія и насыланія болѣзней логически вытекаютъ изъ представленія бѣлоруссовъ объ ихъ сущности. Болѣзнь представляется бѣлоруссу какъ невидимая, но матеріальная сила, которая можетъ входить въ человѣческое тѣло или обволакивать собою его и тѣмъ причинять человѣку страданія. Или же болѣзнь — это враждебный духъ, вошедшій въ тѣло, въ большинствѣ случаевъ, во время сна. Ко второму ряду болѣзней, т. е. такихъ вслѣдствіе вселенія въ человѣка нечистаго духа, относятся: сумашествіе, падучая болѣзнь, параличъ, лихорадки и вообще всѣ тѣ болѣзни, которыя сопровождаются горячечнымъ бредомъ, корчами, непроизвольными движеніями. Къ первому же ряду относятся всѣ остальныя болѣзни.

Исходя изъ того взгляда, что большинство болѣзней происходитъ отъ чего-то невидимаго, вселившагося въ человѣка и причиняющаго ему болевыя ощущенія, — что всякая «нечистая сила», какъ могущая быть невидимой, можетъ вселиться въ насъ и всячески мучить насъ, бѣлоруссъ дѣлаетъ заключеніе, что тѣ люди, которые находятся въ близкомъ общеніи съ нечистой силой, какъ напримѣръ разнаго рода чаровники и колдуны, могутъ насылать всякую «нечисть» на извѣстныхъ людей и тѣмъ причинять имъ болѣзни. Вслѣдствіе такого взгляда, бѣлоруссы про всякую, сколько-нибудь серьезную болѣзнь говорятъ, что она «здзѣлана» кѣмъ-нибудь, или что, вѣроятно тотъ или другой ее «зробіў», «поддзѣлаў», «паслаў». Сообразно съ такимъ мнѣніемъ о происхожденіи громаднаго большинства болѣзней и практикуются соотвѣтственные способы и средства для ихъ излѣченія. Нѣкоторыя болѣзни только хорошій знахарь можетъ вылѣчить, а другія,

нѣкогда, вѣроятно, тоже подлежавшія вѣдѣнію знахарей, нынѣ лѣчатся домашними средствами, — настолько способы лѣченія ихъ стали популярны.

Если болѣзнь производитъ поселившійся въ тѣлѣ человѣка злой духъ, или другая болѣзнетворная сила, то больной тогда выздоровѣетъ, когда будетъ устранена причина болѣзни, т. е. изгнанъ враждебный духъ. Какъ его изгнать? Самый простой способъ, такъ сказать, механическій, какъ напримѣръ — выгоняютъ воздухъ изъ пузыря, выжимаютъ воду изъ мокрой тряпки и т. п. И дѣйствительно, такіе чисто-механическіе способы широко разпространены въ бѣлорусской деревенской медицинѣ.

1. Если болѣзнетворный духъ поселился въ человѣкѣ, то всего скорѣе онъ избралъ для себя мѣсто въ грудной и брюшной полостяхъ, ибо эти полости прямо сообщаются съ внѣшнимъ міромъ. А если это такъ, то всего легче изгнать болѣзнь посредствомъ давленія на грудную или брюшную полость. Такъ и дѣлаютъ въ бѣлорусскихъ деревняхъ. Кладутъ больного у порога, животомъ къ низу, а на спину ему становится нарочно выбранный для этой цѣли человѣкъ, который, стоя, трижды на ней слегка подпрыгиваетъ. Это онъ повторяетъ три раза подъ рядъ, съ небольшими только промежутками. Продѣлывается это утромъ и вечеромъ каждодневно, пока больной не поправится или не умретъ. Перворожденные слывутъ наиболѣе подходящими къ роли топтальщиковъ. Передъ порогомъ, или передъ печью съ открытой трубой кладутъ больного для того, чтобы вышедшій изъ него духъ, нашелъ себѣ скорый выходъ изъ избы и не поселился бы въ комъ-нибудь изъ присутствующихъ,

2. Наряду съ топтаніемъ практикуется и сродное ему средство: *катаніе больного*. Это дѣлается особенно тогда, когда болитъ животъ. Не пренебрегаютъ этимъ средствомъ и при головныхъ боляхъ. Больного кладутъ на *дерюгу* (рядно) и, взявъ въ руки концы ея, раскачиваютъ его съ конца въ конецъ дерюги.

3. Также въ ходу *растиранія руками* больныхъ мѣстъ. Мы полагаемъ, что и этотъ деревенскій массажъ находится въ связи

съ представленіемъ о возможности изгнанія болѣзней путемъ механическаго давленія.

4. Наросты на костной ткани, припухлости, вздутіе жилъ, грыжу и т. п. болѣзни лѣчатъ посредствомъ легкаго грызенія больного мѣста.

5. «Ячмень» (небольшой нарывъ на глазномъ вѣкѣ) лѣчатъ «откидываніемъ». Именно, отсчитываютъ десять ячменныхъ зеренъ и каждое изъ нихъ, обматывая трижды вокругъ больного глаза, отбрасываютъ наотмашь, прочь. Потомъ впускаютъ въ избу курицу, чтобы она склевала эти зерна.

6. «Якъ ячмень на воку, то трэба узяць коливо ячменю и обвесьци три разы около воку, а потомъ сказаўши: ячмень на воку, урошь пророку!» кинуць курицэ, а ена съѣсьць. Тогды ўсе и пройдзе».

7. *Средство отъ испуга.* Вздрагиваніе при испугѣ бѣлоруссы объясняютъ тѣмъ, что это «душа выскочиць хоцѣла». Если испугъ очень силенъ, то полагаютъ, что душа или очутится «не на мѣсьцѣ» или совершенно выскочитъ вонъ изъ тѣла. Въ первомъ случаѣ человѣкъ претерпѣваетъ легкое разстройство, а во второмъ — можетъ очень серьезно заболѣть, и эта болѣзнь будетъ сопровождаться горячечнымъ бредомъ, непроизвольными движеніями, галлюцинаціями и т. п. «Гэто зробилося яму съ пуду», т. е. съ испугу, говорятъ бѣлоруссы. Въ первомъ случаѣ, при легкомъ разстройствѣ, употребляется слѣдующее средство:

8. Берутъ четыре горячихъ уголька изъ своего очага и опускаютъ ихъ одинъ за другимъ въ сосудъ съ чистой криничной водой и этой водой обмываютъ больного, а иногда даютъ ему ее пить. Такъ дѣлается до тѣхъ поръ, пока больной не поправится.

9. Если же болѣзнь болѣе серьезнаго свойства, то, чтобы возвратить на свое мѣсто испуганный духъ, состригаютъ по немногу волосъ у тѣхъ лицъ, которые, по предположенію, могли испугать больного, и этими волосами подкуриваютъ его, заставляя вдыхать въ себя дымъ. Если причиной испуга было какое-нибудь животное, то и его стригутъ и шерстью или перьями подкуриваютъ больного.

10. Но испугъ можетъ быть, по мнѣнію бѣлоруссовъ, и хорошимъ врачебнымъ средствомъ въ тѣхъ именно случаяхъ, когда больной, одержимъ злымъ, болѣзнетворнымъ духомъ. Такъ, напримѣръ испугомъ лѣчатъ «припадокъ», т. е. падучую болѣзнь. Такого больного стараются подкараулить гдѣ-нибудь въ уединенномъ мѣстѣ: наряжаются какимъ-нибудь страшилищемъ и стараются возможно сильнѣе испугать его. Если испугъ будетъ настолько силенъ, что больного сейчасъ же «кинецъ припадокъ», то онъ, какъ увѣрены бѣлоруссы, выздоровѣетъ вслѣдствіе того, что отъ испуга выскочитъ изъ него злой духъ, производившій болѣзнь.

11. *Сѣнь* (тѣнь). Эта болѣзнь характеризуется горячечнымъ бредомъ и галлюцинаціями. Такого больного выносятъ въ солнечный день на дворъ, кладутъ навзничь на широкую доску, заранѣе приготовленную и очерчиваютъ углемъ ту тѣнь, которая обозначается на доскѣ. Эту доску съ очертаніемъ тѣни топятъ въ криницѣ, приговаривая: «кабъ ты не ворочалася, кабъ ты утапилася». Когда возвращаются домой послѣ потопленія тѣни, нельзя оглядываться назадъ. Иногда вмѣсто потопленія сжигаютъ тѣнь или вѣрнѣе ту-доску, на которой она была очерчена.

12. *Подвѣй*. Такъ бѣлоруссы называютъ параличъ. По ихъ мнѣнію, «подвѣй»—это тотъ духъ, который кружится въ вихрѣ. Лѣченіе этой болѣзни таково: знахарь или знахарка сучитъ предварительно длинную нитку изъ дикой конопли или изъ крапивы; больного сажаютъ предъ топящейся печью и сперва начинаютъ просить *подвѣй*, чтобы онъ оставилъ больного въ покоѣ, и затѣмъ переходятъ къ угрозамъ, что если онъ не оставитъ больного, то его, подвѣя, силой свяжутъ и сожгутъ. Послѣ этого приступаютъ къ его связыванію. Знахарь обвиваетъ нитку вокругъ головы больного и словами, произносимыми шепотомъ: «вяжу твою голову» и завязываетъ конецъ нитки въ узелокъ на томъ мѣстѣ, гдѣ этотъ конецъ сошелся съ ниткой, такъ что получается петля мѣрою съ голову. Затѣмъ знахарь вяжетъ животъ со словами: «вяжу твой животъ». То же самое продѣлывается съ руками и ногами больного. Всѣ эти завязки спустя нѣсколько минутъ, снимаютъ и

бросаютъ въ печь, въ огонь, и повелительно кричатъ больному: «встань, подними руку, говори!» — смотря потому, какая часть тѣла была поражена параличемъ.

13. *Трасца* или лихорадка, какъ извѣстно, сопровождается всѣми характеристическими признаками, отличающими тѣ недуги, которые производятся враждебными духами, вселявшимися въ человѣка, именно: дрожью, судорожными движеніями и т. п., то и лѣченіе этой болѣзни строго-послѣдовательно направляется къ устраненію предполагаемой ея причины.

Принимая во вниманіе, что желанія, высказываемыя больнымъ, суть не его желанія, а болѣзнетворнаго духа, то, исполняя эти желанія, мы только бы сдѣлали, поблажку болѣзни и тѣмъ доставили-бы ей возможность еще продолжительнаго и пріятнаго пребыванія въ тѣлѣ больного, рекомендуется поэтому поступать какъ разъ на оборотъ, дѣлать противоположное тому, что проситъ больной.

А чтобы сдѣлать пребываніе «трасцы» рѣшительно невыносимымъ для нея, совѣтуютъ выкуривать ее чѣмъ-нибудь особенно вонючимъ. Такъ какъ она особенно не любитъ дыма сухихъ дождевиковъ, то ими и подкуриваютъ больного три раза въ день. Вообще нужно замѣтить, что всевозможныя подкуриванія, какъ врачебныя средства, въ большомъ ходу въ Бѣлоруссіи.

Для излѣченія лихорадки деревенскія лѣкарки употребляютъ слѣдующія средства:

14. Листья полыни смѣшиваютъ съ свѣжимъ хлѣбомъ, приготовляютъ изъ этой смѣси шарики, величиною съ грецкій орѣхъ, и даютъ ихъ больному ѣсть. Иногда ѣдятъ листья полыни въ чистомъ видѣ, безъ всякихъ подмѣсей. Это средство очень распространенное въ деревенской лѣчебной практикѣ.

15. Не менѣе дѣйствительными средствами противъ лихорадки считается сердцевина подсолнечника. Очистивъ отъ коры, ее сушатъ на солнцѣ и толкутъ въ порошокъ. Въ одинъ пріемъ даютъ больному, приблизительно — столовую ложку этого порошка, размѣшаннаго въ полустаканѣ воды.

16. Одержимые лихорадкой ѣдятъ молодую осиновую кору.

17. Также ихъ подкуриваютъ сухими дождевиками.

18. Для излѣченія лихорадки считается полезнымъ не исполнять требованій больного относительно пищи, а напротивъ заставлять его ѣсть то, къ чему онъ чувствуетъ полнѣйшее отвращеніе.

19. Считается полезнымъ сильно испугать больного [1]).

Въ Гродн. губ. Слонимск. у. относительно лихорадки, или трасци, въ народѣ въ ходу повѣрье, что всѣхъ лихорадокъ 77, и что если человѣкъ заболѣетъ этой болѣзнью, то это значитъ, что *на него напала*, или *къ нему пристала* одна изъ нихъ и никакой другой причины ея появленія не признаютъ. Поэтому наши крестьяне въ данныхъ случаяхъ больше вѣрятъ знахарю, который можетъ прогнать лихорадку своими нашептываніями, чѣмъ разумному лѣченію врача. Часто однако они лѣчатъ лихорадку и сами, своими домашними средствами, въ родѣ слѣдующихъ:

20. Сваренное куриное яйцо завязываютъ больному въ рубашку, на груди. «Трасца», говоритъ народъ, «любиць яйца и якъ ззѣсьць увесь бѣлокъ, то «ви́нно заставиць хворого».

21. Также разрѣзываютъ такое яйцо на 77 частей и больной долженъ до восхода солнца снести эти куски на рѣку, не оглядываясь никуда, какъ по дорогѣ туда, такъ и на обратномъ пути — и тамъ бросить ихъ въ воду, со словами: «Васъ 77, — наце вамъ по кусочку ўсѣмъ! Ѣжьце, а мене не застаўце!»

22. Даютъ больному горсть соломы и посылаютъ его на поле, чтобы обвязать ею ростущую тамъ грушу, или рябину. Онъ не долженъ оглядываться ни идучи туда, ни обратно. Тогда лихорадка непремѣнно перейдетъ съ него на обвязанное дерево.

23. Даютъ больному пить наваръ полыни, моху съ креста или камня, яйцо разболтанное съ водкой, водку съ надавленными въ нее клопами и т. п., что-нибудь горькое и гадкое, чтобы этимъ оттолкнуть лихорадку отъ больного.

Народъ убѣжденъ, что лихорадка, какъ и холера, чтобы войти въ человѣка, или пристать къ нему, *принимаютъ* видъ

---

[1]) Изъ сообщеній А. Е. Богдановича, изъ Борисовск. у. Минск. губ.

человѣка, животнаго или насѣкомаго. Относительно лихорадки въ народѣ ходитъ такое преданіе:

«Нѣйкій мужикъ увидзѣў разъ ноччу во снѣ, што до яго пришла нѣякая пани и сказала: «Якъ придзешъ ты заўтре зъ гора́ньня, то жонка дасьць табѣ ѣсьци кислоё молоко и ў гэтомъ молоцѣ будзе двѣ мухи. Глядзишъ ты, не ѣжъ гэтого молока, бо гэто будуць не мухи, а трасцы». Што́ сказала пани, ўсё вышло на праўду. Приходзиць ёнъ зъ поля, а жонка подае́ яму кислоё молоко, а ў ёмъ двѣ мухи. Поглядзѣўши на йхъ, ёнъ не ѣў гэтого молока, а ўзяў тые мухи, посадзіў йхъ ў боты, моцно ихъ завязаў и повѣсіў на *пересови* [1]). Съ того дня такъ и напало нѣякое лихо на боты: спершоў ихъ колоцило по разу черезъ дзень, пòтымъ кажды дзень, а еще далій стало ихъ трасьци по два, а пòтымъ по три разы́ на дзень. Алежъ такъ шло, што ажъ ашцаци [2]) ляскацѣли [3]) одзинъ объ други́. Ёнъ гэтакъ мучіў ихъ три годы́, ажъ пòтымъ яны стали яго просиць: «Выпусьци насъ на волю, то мы уже не одно цебе не будземъ зачепаць, але никого и изъ твоей *памили*» [4]). Якъ развязаў ёнъ боты, то яны вышоўзли зъ йхъ и были такія худыя, што ледзве полецѣли, але зъ тае́ поры нигды не хворэў на трасцу, якъ ёнъ самъ, такъ и яго памиля [5]).

24. *Отъ зубной боли.* Нужно снять со скрипки одну струну и повѣсить ее себѣ на шею. Пока она тамъ будетъ висѣть, зубы болѣть не будутъ (Вилейск. у.).

25. Сдѣлать изъ гвоздя старой стертой лошадиной подковы кольцо и надѣть его на палецъ той руки, которая соотвѣтствуетъ больной сторонѣ зубовъ: зубы перестанутъ болѣть.

26. Чтобы предупредить зубную боль, нужно, обуваясь и разуваясь, начинать съ лѣвой ноги.

27. *Отъ ревматизма.* Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Рогачевск. уѣзда ревматизмъ лѣчатъ водочнымъ наваромъ изъ мухоморовъ:

---

[1]) Жердь, протянутая отъ печки до передней стѣны и служащая вѣшалкой. [2]) Съ нѣмецк. *Absatz* — каблукъ. [3]) Стучали. [4]) Фамиліи, семьи. [5]) Запис. учит. народн. училища А. Несторукъ.

накладываютъ мухоморы въ бутылку, которую наливаютъ водкой. Затѣмъ эту бутылку замазываютъ въ хлѣбъ и сажаютъ въ печь, гдѣ она остается часа 2 — 3, пока не испечется хлѣбъ и тогда образовавшимся наваромъ натираютъ больныя мѣста.

28. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ Слонимск. у. (Гродненск. губ.) отъ ревматизма лѣчатъ конскимъ саломъ: правую руку — отъ правой передней ноги лошади, лѣвую—отъ лѣвой; правую ногу— отъ правой задней ноги лошади, лѣвую—отъ лѣвой задней[1]).

29. Отъ ревматизма и ломоты въ костяхъ кромѣ (очень популярной) камфоры, употребляется корень цикуты. Его сушатъ, толкутъ въ порошокъ, смѣшиваютъ со свѣжимъ коровьимъ молокомъ и натираютъ больныя мѣста.

30. Ломоту въ костяхъ также лѣчатъ посредствомъ натиранья медвѣжьимъ жиромъ, послѣ чего закрываютъ больное мѣсто заячьей шкуркой, шерстью внутрь.

31. При ломотѣ въ спинѣ и плечахъ натираютъ больныя мѣста въ банѣ мелко-истертымъ хрѣномъ или рѣдькой.

32. *Отъ ломоты во всемъ тѣлѣ.* Во время лѣтнихъ работъ большинство крестьянъ жалуется на боль и ломоту во всемъ тѣлѣ, и особенно въ костныхъ сочлененіяхъ. Причиной этого они считаютъ застой крови. Для излѣченія парятся и натираются въ банѣ, въ сильномъ духу, крапивой-жгучкой, такъ, что все тѣло покрывается волдырями. Это средство считается радикальнымъ и предпочитается банкамъ и піявкамъ. Почти каждый слишкомъ усердный въ трудѣ крестьянинъ ежегодно прибѣгаетъ къ помощи этого средства и, какъ говорятъ, съ успѣхомъ.

33. Отъ чахотки и грудныхъ болѣзней даютъ пить бобовый взваръ.

34. Чахоточнымъ совѣтуютъ также пить крѣпкій настой полынной водки 2 раза въ день по полрюмки.

35. Лѣчатъ эту болѣзнь и рѣдечнымъ сокомъ: берутъ рѣдьку, обрѣзаютъ верхушку и дѣлаютъ въ ней ямочку, чѣмъ нибудь ее покрываютъ и оставляютъ ее такъ на ночь, а утромъ пьютъ по-

[1]) Изъ записей М. Г. Машурко.

средствомъ соломинки накопившійся въ ней сокъ, затѣмъ совѣтуютъ попариться въ банѣ.

36. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ собираютъ смолистые молодые побѣги сосны, которые въ народѣ зовутся шишками; ихъ сушатъ и кипятятъ въ водѣ. Полученный настой даютъ остыть и потомъ пьютъ его по 2 и по 3 стакана въ день, послѣ ѣды.

37. Собираютъ для этой же цѣли сосновую смолу, «живицу» (текущую съ живого растущаго дерева, для чего сосны съ солнечной стороны нарочно очищаютъ отъ коры), кладутъ ее въ бутылки, наливаютъ криничной водой и ставятъ на солнцѣ. По истеченіи, приблизительно, недѣли, выпиваютъ настой изъ первой бутылки и опять наливаютъ ее, потомъ изъ второй — и такъ до послѣдней (бутылокъ бываетъ отъ 5 до 7). Затѣмъ снова принимаются за первую и т. д.

Эти два средства считаются не только излѣчивающими чахотку, но и вызывающими аппетитъ и придающими здоровый цвѣтъ лицу.

38. *Отъ боли въ груди.* Для излѣченія боли въ груди совѣтуютъ пить водочный настой на корнѣ *дзивосила.* Корень этого растенія считается очень цѣлительнымъ въ грудныхъ болѣзняхъ.

39. Употребляютъ также слѣдующее средство противъ этой болѣзни: кипятятъ въ молокѣ, а за неимѣніемъ его, и въ водѣ высушенные корни пырея, и пьютъ 3 или 2 раза въ день по полстакана.

40. Настой изъ *суходревки* также считается излѣчивающимъ грудныя болѣзни.

41. Настою бобовника приписывается тоже свойство.

42. Точно также совѣтуютъ сосать сокъ изъ *алліяса* (кажется изъ породы кактусовъ).

43. Болѣзнь, называемую въ народѣ, *«жойтачкой»* [1]), причину которой приписываютъ разлитію желчи, лѣчатъ довольно оригинальнымъ способомъ: изъ куринаго кала выбираютъ бѣлыя части, толкутъ ихъ и смѣшиваютъ на половину съ мѣломъ. Составлен-

[1]) *Желтуха.*

ный такимъ образомъ порошокъ растворяютъ въ водѣ и даютъ принимать больному два раза въ день по полстакана.

44. При боли горла, происходящей отъ простуды, совѣтуютъ пить горячій настой цвѣтовъ *горлянки.*

45. При болѣзни горла съ опухолью слюневыхъ и миндалевидныхъ железъ (болѣзнь эта называется «*завалки*») кладутъ овсяныя припарки. Для этого варятъ овесъ, разсыпаютъ его по мѣшкамъ, поливаютъ ихъ водкой, нагрѣваютъ въ печкѣ и горячіе прикладываютъ къ горлу, укутывая его еще чѣмъ-нибудь сверху. Когда одинъ изъ мѣшковъ остынетъ, обливаютъ его водкой и опять нагрѣваютъ, а на его мѣсто кладутъ другой. Итакъ поступаютъ иногда въ теченіе сутокъ.

46. При кровавомъ поносѣ пьютъ настой *кровавника* [1]).

47. Когда желудочная боль соединяется съ головною болью, употребляютъ кипяченый настой *центавры* (?), или же жгутъ это растеніе и пьютъ, смѣшавъ его золу съ водой.

48. Желудочныя боли, происходящія отъ подниманія слишкомъ большихъ тяжестей, называются *порушеньемъ* (перемѣщеніемъ пищеварительныхъ органовъ). Лѣчатъ эти боли настоемъ отъ сваренныхъ листьевъ «порушеника», который даютъ пить больному. Его даютъ пить и родильницамъ для прекращенія послѣ-родовыхъ желудочныхъ болей.

49. Отъ тошноты ѣдятъ сѣмена тмина.

50. На чирья и другіе нарывы, въ качествѣ размягчающаго пластыря, кладутъ ломтикъ свѣжаго несоленаго сала, или вымоченнаго въ водѣ, если оно было соленымъ.

51. Отъ простуды пьютъ горячій настой *чомбаря* [2]).

52. Обожженные, опаренные и отмороженные члены лѣчатъ пылью плавуна (*дерезы*). Когда плавунъ назрѣетъ, его собираютъ и вяжутъ въ пучки. Эти пучки кладутъ въ миски и ставятъ въ теплую печь, вѣроятно для дозрѣванія. Потомъ вытряхива-

---

[1]) *Кровавникъ* — растеніе: Achillea, деревей. Слов. Даля. — [2]) По Слов. Даля: *чембаръ*; *чеберъ*, а по Слов. Посовича: чаборъ (satureia hortensis, богородичная трава).

ютъ изъ пучковъ пыль и сохраняютъ ее въ бутылкахъ. Этою пылью посыпаютъ обожженныя или отмороженныя мѣста и обертываютъ ихъ полотномъ.

53. Отъ чесотки употребляется мелко истолченная сѣра, смѣшанная съ жиромъ. Чесоточный больной натирается этой мазью въ теплой печи.

54. Кромѣ того чесоточныхъ смазываютъ дегтемъ [1]).

55. Противъ сердцебіенія употребляютъ слѣдующее средство: берутъ на нѣсколько копеекъ острой водки, разводятъ ее въ бутылкѣ воды и пьютъ эту смѣсь раза 2—3 въ день, каждый разъ по рюмкѣ. (Мог. г.).

56. Въ деревнѣ Дворецъ (Рогач. у. Могил. губ.) для избавленія отъ коросты приготовляютъ колючую палочку, мажутъ на ней колючки зараженною кровью больного и потомъ бросаютъ эту палочку гдѣ-либо на видномъ мѣстѣ. Кто ее подыметъ, къ тому и перейдетъ короста. [2]).

57. *Отъ бородавокъ.* «Трэба екъ есть звѣзды на небѣ выйци вечеромъ и глядзѣць: дзѣ будзе падаць звѣзда. Якъ убачишь то повядзи рукою по бородаўцѣ два разы — отъ собе и къ собѣ и бородаўки пропадуць. А можа и такъ: дзѣ *колясó пашаровала* [3]), чапляючися за шуло [4]), то тамъ трэба повесци рукою три раза — и бородаўки згинуць. Можа аще и такъ: ўзяць нитку и завязаць на ёй столько вузельчиковъ, скольки бородавокъ и кинуць на крыжавую дорогу. А еще можно ўзяць палочку и на ёй вырэзáць стольки крыжиковъ, сколько бородавокъ».

58. Противъ бородавокъ употребляютъ и слѣдующее средство: «Бяруць столько зеренъ ячменю, скольки бородавыкъ и кидаюць ў печъ, ў которой зарызъ будуць пячи хлѣбъ.» [5]).

59. *Отъ укушенія гадюки* (змѣя). Если кого-нибудь укуситъ гадюка въ руку или въ ногу, то укушенный членъ туго перевязывается, чтобы остановить движеніе зараженной крови, и къ рас-

[1]) Изъ сообщеній А. Е. Богдановича. [2]) Изъ записи М. Г. Мащурко
[3]) Изъ сообщ. учит. народн. училища г. Остановича. [4]) Натерло, нацарапало.
[5]) *Шуле*— колода, столбъ съ пазами въ строеніи или въ оградѣ. Слов. Носовича.

пухшему мѣсту прикладываются брюхомъ живыя лягушки. Крестьяне думаютъ, что онѣ вытягиваютъ ядъ и уменьшаютъ опухоль. Въ иныхъ мѣстахъ Рогач у. Могил. губ. послѣ укушенія гадюки считается нужнымъ поспѣшить окунуться въ воду прежде гада, чтобы спастись отъ смерти. [1]).

60. *Отъ пярэполоху*: «трэба ўзяць заслонку идзѣ пригорѣла, туда три разы трэба сыпаць пóпялъ отъ сябе, потомъ ўзяць пяравернуць рѣшатó и пярасѣяць попялъ на дощачку и ўзяўши дзиця, поставиць отъ сябе на крыжъ (крестъ) ножками, послѣ чаго ўзяць дощачку съ пóпяломъ и поставиць на вуголъ, дзѣ видаць якъ слонца заходзиць. После гэтого пярапсолохъ пройдзя.

61. «Аще трэба три разы́ плюнуць, а коли ня поможа, то бяруць воды изъ рота того, хто пярапужаў и даюць хворому. Также бяруць пазуріў и волосовъ у того, што пярапужаў и курадь надъ хворымъ [2]).

Лѣченіе дѣтскихъ болѣзней.

62. *Лѣченіе огника.* Огникомъ у насъ въ Мстиславскомъ уѣздѣ Могилевской губерніи называется сыпь, появляющаяся у дѣтей на лицѣ. Обыкновенно мѣстами пораженія этою болѣзнью (золотушнаго происхожденія) становятся верхняя и нижняя губы, подбородокъ, а иногда — носъ и лобъ. Пораженныя мѣста отличаются краснымъ оттѣнкомъ, постоянно покрыты струпьями и сильно зудятъ, почему малолѣтнія дѣти во время этой болѣзни расчесываютъ свое лицо до крови, вслѣдствіе чего онѣ имѣютъ жалкій видъ, что сильно дѣйствуетъ даже на нервы крестьянина и заставляетъ его подумать объ облегченіи страданія своего дѣтища. Для этого онъ обыкновенно прибѣгаетъ къ помощи знахарей и бабокъ, чаще къ послѣднимъ. Бабка, конечно за приличное вознагражденіе, берется лѣчить больного ребенка самыми

---

[1]) Изъ записи М. Гр. Машурко.

[2]) Изъ сообщеній г. учит. народн. училища Остаповича.

разнообразными средствами, при чемъ самое видное мѣсто отводится заговору, который, въ данномъ случаѣ, отличается своей интересной обстановкой.

Обыкновенно бабка начинаетъ свое лѣченіе или «на сходу» или «на молодзикѣ». Она заготовляетъ угольки или же пользуется тѣми, которые приготовила заранѣе. Эти угольки она добываетъ изъ-подъ корней крапивы, растущей на пожарищахъ.

Пишущему эти строки довелось разъ въ деревнѣ Упинѣ (Мстиславск. у.), въ домѣ одного крестьянина быть свидѣтелемъ такого способа лѣченія огника бабкой-знахаркой. Она начала съ того, что сперва установила на загнетѣ сковороду на нѣсколько изъ означенныхъ угольковъ, потомъ налила на сковороду небольшое количество воды, затѣмъ положила туда-же немного угольковъ, сверхъ которыхъ наложила небольшихъ размѣровъ щепки и зажгла ихъ, чѣмъ собственно и началась существенная часть заговорнаго дѣйствія. Какъ только щепочки погорѣли и остатки ихъ, упавъ въ окружающую воду, потухли, бабка обвела пальцемъ, обмакнутымъ въ воду, три раза больныя мѣста лица больнаго, приговаривая: «Кругъ добра̀ нычъ, сойди за нычъ! Кругъ добры́ дзень, сойди за обы́дзень». Затѣмъ тоже самое она продѣлывала и съ углемъ, послѣ чего заставила своего паціента повернуться три раза съ боку на бокъ и столько же разъ плюнуть, при чемъ она шептала про себя какія-то слова, сообщенія которыхъ я не могъ отъ нея добиться, не смотря на всѣ мои просьбы о томъ. Она увѣряла, что такого рода сообщеніе лишило бы ся дѣйствія цѣлебной силы.

Воду со сковороды бабка слила въ сткляночку, туда-же положила и угольки и предписала паціенту употреблять эту воду, въ видѣ примочки утромъ и вечеромъ. Затѣмъ она взяла своего паціента и подвела его къ выходной двери, на которой старалась найти сукъ, въ чемъ, конечно, не было затрудненія, ибо дверь въ деревенскихъ хатахъ обыкновенно сколачивается изъ сосновыхъ и еловыхъ досокъ. Намусливъ палецъ, она три раза провела имъ по суку, потомъ вокругъ пораженныхъ мѣстъ боль-

ного, приговаривая выше приведенныя слова. Затѣмъ она заставила больного три раза отплюнуться и дунуть [1]).

63. *Отъ судороги, корчи* у ребенка: «ставяць дзиця коля ушака и раўна зъ головою свидруюць [2]) въ вушаку дзирку, пóтымъ остригаюць дзицяци волосэ, пазури [3]) на рукахъ и ногахъ и кладуць ў дзирку и забиваюць ету дзирку коликомъ. Посля етаго, коли дзиця пярарасьцс дзирку зъ коликомъ, то бóляй николи у яго ня будзя етой хворобы».

64. *Отъ сухотки дѣтей.* Взять ломоть хлѣба, посыпать его солью и пойти въ такое мѣсто, гдѣ растетъ трава «дивана» и подошедши къ ней, прочитать три раза Богородицу, положить затѣмъ три поклона и сказать: «Дивана, дивана, святая панна, прошу твоей милóсти, дай тѣло на кости, а не то — прими до своей милóсти!» Потомъ нужно выкопать травку и на мѣсто ея положить принесенную хлѣбъ — соль. Выкопанную же дивану варить въ горшкѣ, цвѣтами вверхъ, а корнями внизъ. Въ этой водѣ купать ребенка, приложивъ цвѣты къ его головкѣ, по разу въ день, на зарѣ, послѣ чего воду съ травой отнести на то мѣсто, откуда она выкопана, посадить се тамъ и, закрѣпивъ, какъ слѣдуетъ въ землѣ, влить туда же и воду.

65. Если у дитяти болитъ во рту, то нужно взять меду съ имбиремъ, смѣшать и помазать больное мѣсто, а потомъ этой смѣсью помазать сукъ въ бревнѣ хаты на западной сторонѣ.

66. Противъ накожныхъ болѣзней у дѣтей считаютъ исцѣляющимъ средствомъ растеніе *чистецъ*. Настой чистеца даютъ пить больнымъ дѣтямъ и купаютъ ихъ въ водѣ, вскипяченной съ чистецомъ.

67. Больнымъ худосочнымъ дѣтямъ даютъ сосать свиное сало, въ увѣренности, что отъ этого онѣ сдѣлаются болѣе крѣпкими и здоровыми [4]).

68. *Средство противъ криксы.* «Бабы кажуць такъ: Коли на

---

[1]) Изъ записи А. Леонова, окончившаго курсъ въ городск. училищѣ.

[2]) *Сведровацъ* (съ польск. swidrować): буравить, сверлить. [3]) *Пазури* (съ польскаго: pazur, pazurek): когти, ногти. [4]) Изъ сообщеній А. Е. Богдановича.

дзиця нападзе *кречь*, то треба яго класцы на подлогу (полу) церкви, якъ батюшки выходиць оттуль, дый кабъ ёнъ чиразъ дзиця нераступіў, для того, штобы нерастало кричаць, альбо плакаць [1]).

Суроцы. Суроцами называется вредъ, причиняемый человѣку отъ «худаго глаза».

Глаза нѣкоторыхъ людей, въ особенности черныхъ, а также глаза колдуновъ и вѣдьмъ обладаютъ особымъ свойствомъ «взварушиць» душу (встревожиць ее), «сурочиць», какъ говорятъ бѣлоруссы. Сурочиць можно и взглядомъ и удивленіемъ, послѣднее не менѣе вредно: «съ подзиву» также приключаются заболѣванія.

69. Чтобы вылѣчить суроцы, нужно чтобы тотъ, кто сурочилъ сглазилъ) далъ изо рта воды, и этой водой обмываютъ больного. Но если не знаютъ, кто бы могъ сурочить, то даютъ изо рта воду всѣ домашніе и тѣ люди, которые видали въ послѣднее время заболѣвшаго. Вода изо рта дается такъ: наливаютъ въ миску чистой воды (предпочтительно криничной) и по очереди трижды набираютъ въ ротъ этой воды и выпускаютъ ее изо рта обратно въ миску.

Можно сурочить и невольно и бѣлоруссы при удивленіи, высказываемомъ кѣмъ-нибудь по поводу чего-нибудь живого, говорятъ: «Соль табѣ ў вочи, головешка ў зубы!» Этимъ замѣчаніемъ они думаютъ предохранить предметы удивленія отъ опасныхъ послѣдствій суроченья [2]).

Дурной глазъ у человѣка (по существующему въ Могилевск. губ. повѣрью) бываетъ отъ того, что онъ въ младенчествѣ по отнятіи отъ груди, снова вскорѣ сталъ питаться ею.

70. Помочь отъ суроцевъ можетъ первый или послѣдній изъ родившихся въ семьѣ дѣтей, вытерши осуроченнаго солью, приговаривая при этомъ слѣдующее: «Соль табѣ у вочы, головню у зубы, полѣно у колѣно, штобъ я не болѣло [3]).

---

[1]) Сообщ Н. Я. Никифоровскимъ изъ записи крестьянина Гродн. губ. Слонимскаго у. П. Татрина. [2]) Изъ сообщеній А. Е. Богдановича. [3]) Изъ записей М. Г. Машурка.

Бѣлоруссъ вѣритъ, что одинъ взглядъ сторонняго лица на другое, часто невинный, невраждебный, можетъ принести большой вредъ послѣднему. «Суроцы» оказываютъ вредное дѣйствіе не только на человѣка во всѣ періоды его жизни, но и на домашнихъ животныхъ, преимущественно молодыхъ. Особенно часто и скоро заболѣваютъ и умираютъ отъ «суроцовъ» дѣти (чѣмъ нѣжнѣе ихъ возрастъ, тѣмъ скорѣе и опаснѣе) и женщины въ состояніи регулъ, беременности, родовъ и кормленія дитяти. Само собою слѣдуетъ, что, при разнообразіи дѣйствія «суроцовъ», при ихъ почти всегдашней возможности въ обыденной жизни, бѣлорусскія матери и въ особенности бабки, хранятъ много тайнъ, съ одной стороны предупреждать «суроцы», а съ другой спасать отъ нихъ порченаго. Лѣченью отъ суроцовъ предшествуетъ, однако, испытаніе, не есть ли въ данномъ случаѣ естественная болѣзнь. По отношенію къ дѣтямъ испытаніе это производится слѣдующимъ образомъ:

71. Вокругъ головы порченнаго грудного ребенка обносится горсть соли три раза и бросается въ пламя, но не печное, а примѣрно, въ пламя горящей лучины, щепы, хвороста, соломы и т. под. Слабый или сильный трескъ свидѣтельствуетъ о степени порчи. Послѣ этого моютъ ребенка въ чистой рѣчной водѣ и, по вынутіи его изъ купальни, бросаютъ туда три угля. Когда уголья начнутъ вертѣться и шипѣть, то несомнѣнно, что дитя испорчено «худымъ глазомъ». Бòльшая или мèньшая степень ихъ подвижности на водѣ, а также и шипѣнья, опредѣляетъ степень порчи дитяти. Напротивъ, спокойное положеніе углей указываетъ не на «суроцы», а на естественную болѣзнь дитяти, которую и лѣчатъ деревенскими медицинскими средствами «зёлками», а не симпатическими, употребляющимися при лѣченіи отъ «суроцовъ».

72. Другой способъ испытанія *«суроцовъ»*: Мать несетъ больного ребенка въ амбаръ, или особую отхожую избу, гдѣ обыкновенно ставятъ «кубéлъ», отмыкаетъ его и кладетъ туда ребенка. Закрывъ крышку и замкнувъ надлежащимъ образомъ

«кубелъ» она остается тутъ же, а старшее дитя высылаетъ за ворота. Посланный смотритъ въ правую и лѣвую сторону улицы и возвращается къ матери. Иногда это повторяется три раза. Если въ это время кто нибудь изъ людей проходилъ по улицѣ— дитя «осурочено», если нѣтъ, дитя больно отъ другихъ причинъ [1]).

Употребительнѣйшими средствами лѣченія отъ «суроцовъ» признаются слѣдующія:

73. *Продѣванье*: Мать «осуроченнаго ребенка» раздѣвается до рубашки и три раза проноситъ его между своимъ тѣломъ и рубашкой, начавъ съ подола и вынимая ребенка чрезъ воротъ [2]).

74) *Вытиранье*: Поясницей отцовскихъ штановъ вытираютъ, по преимуществу, лобъ дитяти и щеки [3]).

75) *Высасыванье.* Зло отъ «суроцовъ», по понятіямъ бѣлорусса, сосредоточивается въ двухъ мѣстахъ: въ глазахъ и сердцѣ. Поэтому мать осуроченнаго ребенка высасываетъ по три раза правый глазъ, лѣвый глазъ и грудь противъ сердца, сплевывая каждый разъ въ сторону [4]).

Иногда для материнскихъ плевковъ подставляется грязная посудина съ помоями, кои послѣ и выливаются въ болѣе непотребномъ мѣстѣ. Здѣсь же оставляютъ и посуду; иногда ее разбиваютъ.

76. *Подкуриванье.* Заболѣвшее отъ испугу дитя, вслѣдствіе суроцевъ, лѣчатъ подкуриваньемъ. Подкуриванье производится нѣсколько разъ въ день волосами виновника испуга; пріобрѣтая эти послѣдніе украдкою, волосы держатъ въ тоже время такъ, чтобы и больной ихъ не видѣлъ.

77. *Тоже подкуриванье.* Осуроченное дитя подкуриваютъ мусоромъ, выметаемымъ изъ избы, но не собственной, а сосѣдской. Когда будетъ выяснено, что дитя «осурочено», то стараются пріобрѣсть соръ отъ трехъ сосѣдскихъ избъ. Для этого высылается изъ избы наиболѣе проворный семьянинъ, который бѣжитъ пол-

[1]) По разсказ. ученика Кугоча.

[2]) Замѣчан. крестьянки м. Свислочи, Волкив. у. Гродн. губ.

[3]) Отъ ученик. учит. семинаріи Синькевича урожен. Пружанск. у.

[4]) Замѣчаніе ученика той же семинаріи Мышко

нымъ бѣгомъ къ первой сосѣдской избѣ, на бѣгу схватываетъ горсть сору, не останавливаясь и не измѣняя побѣжки, спѣшитъ къ другой и третьей, дѣлая то же и возвращается домой съ одинаково равною поспѣшностью. Лучше всего, если въ это время не предстоитъ встрѣча съ кѣмъ-нибудь. Но если она неизбѣжна, то посланный долженъ все-таки дѣлать свое дѣло, не обращая, повидимому, никакого вниманія на встрѣчнаго и не отвѣчая на его вопросы, какъ бы важны они не были. Впрочемъ, всякій встрѣчный односельчанинъ немедленно узнаетъ въ чемъ дѣло и не только не останавливаетъ бѣгущаго вопросомъ, а напротивъ спѣшитъ скрыться, — что считается довольно важнымъ сосѣдскимъ одолженіемъ.

Если добытый соръ не сухъ и не можетъ служить для подкуриванья, его просушиваютъ и тогда уже пускаютъ въ дѣло [1]).

78. *Мытье*: Берутъ 9 ржаныхъ колосковъ, вытираютъ ими все тѣло «осуроченнаго» ребенка. Затѣмъ ребенка кладутъ въ приготовленную для мытья воду, часть которой отдѣляется для испытанія надъ колосьями. Сюда колосья опускаются три раза и, если каждый разъ на ушкахъ колосьевъ, остаются тонкія густыя капли, въ видѣ росы, то несомнѣнно: дитя «осуро́чено». Въ этомъ случаѣ купаютъ дитя такъ: надъ нимъ держатъ испытанныя колосья и чрезъ нихъ горстью пропускаютъ воду, которая такимъ образомъ падаетъ тонкими струями по всему тѣлу ребенка. Въ обратномъ случаѣ, т. е. когда испытаніе надъ колосьями не оправдало предположенія «суроцовъ», дитя купаютъ въ водѣ, но безъ участія колосьевъ и дальнѣйшее лѣченіе идетъ «зёлками», что поручается опытнымъ знахаркамъ.

Въ данномъ случаѣ берутся совершенно пустыя колосья, безъ зеренъ; за неотысканіемъ ихъ въ овинѣ и гумнѣ, берутъ колосья съ крыши. Послѣ купанья колосья разбрасываются, а вода выливается въ разныя стороны [2]).

---

[1]) По общему разсказу учениковъ той же семинаріи Кугача и Мулярчика уроженцевъ — одинъ Кобринск. а другой-Пружанск. уѣзда Гродненск. губ

[2]) По общему разсказу тѣхъ же учениковъ.

79. *Продѣванье.* — Подобно тому какъ «осуроченный» ребенокъ продѣвается между тѣломъ матери и ея рубашкой, онъ продѣвается еще и чрезъ отцовскіе портки три раза. Продѣванье начинается съ поясного отверстія и идетъ чрезъ правую или лѣвую, безразлично, штанину. Въ Кобринскомъ уѣздѣ вытираютъ всего ребенка не поясомъ только отцовскихъ штановъ, какъ въ Пружанскомъ, а полными штанами.

80. *Помощь животному.* — Изъ штановъ вынимается «мотузъ» и надѣвается петлей на шею животнаго. Животное носитъ «мотузъ» до выздоровленія.

Примѣчаніе. — То, что въ Витебской губерніи называется «суроцами», въ Гродненской извѣстно подъ названіемъ: «урóки».

Всѣ эти свѣдѣнія обязательно сообщены намъ въ концѣ 70-тыхъ годахъ Н. Як. Никифоровскимъ.

ЛѢЧЕНІЕ ДОМАШНИХЪ ЖИВОТНЫХЪ.

81. Корова дающая много молока естественно привлекаетъ общее любопытство и можетъ быть «осурочена», перестанетъ вовсе давать молоко. Въ Юрьевъ день, 23 Апрѣля, выкапываютъ особый корень, имѣющій видъ зуба и называемый «коровьимъ зубомъ» и берегутъ до купальскаго дня и тогда даютъ его коровѣ въ истолченомъ видѣ, смѣшаннымъ съ кормомъ: въ овсѣ, отрубяхъ и т. п. Послѣ этого никакой глазъ не сможетъ повредить коровѣ; въ иныхъ случаяхъ даже оказывается безсильно и чародѣйство.

82. *Предохранить лошадей отъ уроковъ.* «Коли хочъ, кобъ не урекли хорошого коня, то возьми ўплеци ў грыву голку (иголку), або уздечку обвэрци жичкою» (красною лентою) [1]).

83. Если у лошадей *чемеръ*, то имъ разрѣзываютъ ухо, или покрываютъ желудокъ ржанымъ мѣшкомъ и по нему катаютъ осиновый колъ.

84. Чтобы вылѣчить отъ нѣкоторыхъ болѣзней свиней нужно

---

[1]) Зап. учен. Молодеч. учит. семинаріи Сивудой, уроженц. Шерешевской волости, Пружанск. у.

украсть жидовскую ермолку, сварить въ водѣ, которою потомъ и поить больныхъ животныхъ [1]).

85. При *заушницѣ* у свиней имъ льютъ въ уши разогрѣтый медъ, а чтобъ онъ лучше разошелся тамъ, то животныхъ берутъ за уши, подымаютъ вверхъ и потряхиваютъ.

86. *Противъ разнаго рода эпидемій.* По бѣлорусскимъ представленіямъ предъ наступленіемъ мора появляется иногда молодая панна, которая, носясь по воздуху, машетъ чернымъ платкомъ. И надъ какой деревней она помашетъ, въ той и появится моръ. Она машетъ смертоносным своимъ платкомъ, просунувши руку въ окно какой-нибудь хаты и тогда въ этой хатѣ начнутъ умирать люди.

Чтобы избавиться отъ мора, въ былыя времена, по разсказамъ стариковъ, употребляли слѣдующее средство:

Молодыя дѣвушки запрягались въ соху, а старухи брали въ руки сковороды, косы и тому подобные бренчащіе предметы и, раздѣвшись до-нага, съ возможнымъ крикомъ, визгомъ, шумомъ, трескомъ обводили борозду вокругъ деревни. Весь этотъ шумъ имѣлъ, вѣроятно, цѣлію испугать моровую панну и прогнать ее изъ села, если она въ немъ засѣла. Народъ вѣритъ, что черезъ такую черту моръ, если онъ изгнанъ за ея предѣлы, обратно не проникнетъ. Всѣ заранѣе оповѣщаются о такомъ прокладываніи границы. Мущины не должны участвовать въ этомъ волхвованіи, а если который изъ нихъ попадется на пути, то его избиваютъ до полусмерти.

87. *Другое средство.* Въ назначенный день до восхода солнца, собираются дѣвушки со всего села въ одну избу, и каждая изъ нихъ приноситъ съ собою по горсти льна. Онѣ дружно, но въ глубокомъ молчаніи принимаются прясть собранный ленъ; потомъ снуютъ основу, ставятъ кросна и ткутъ полотно. Когда полотно готово, всѣ жители выходятъ за деревню, обходятъ вокругъ нея, причемъ дѣвушки, ткавшія полотно, несутъ его надъ головой съ

[1]) Всѣ 3 послѣднія средства подмѣчены и зап. въ Рогачевск. у. Могил. губ. М. Г. Машуркой.

заунывнымъ пѣніемъ: «аю-га! аю-га!» Когда сдѣлаютъ полный обходъ, то на томъ мѣстѣ, съ котораго вышли, раскладываютъ небольшой огонь изъ щепокъ или лучинокъ, принесенныхъ съ каждаго двора, двѣ дѣвушки держатъ за концы полотно надъ огнемъ и всѣ жители деревни проходятъ черезъ огонь подъ полотномъ и переносятъ также дѣтей и больныхъ. Какъ только всѣ перейдутъ — полотно сжигается на томъ же огнѣ. Все это должно быть продѣлано въ теченіе одного дня, съ восхода до захода солнца.

Изъ пріобрѣтеннаго въ 1880 г. рукописн. сочиненія А. Е. Богдановича.

88. *Противъ холеры.* Въ Гродненской губерніи въ 1848, 1855 и 1856 годахъ сильно свирѣпствовала холера, отъ которой умирало много крестьянъ. Бóльшая часть ихъ, будучи еще здоровыми причащалась и исповѣдывалась, какъ-бы заранѣе приготовляясь къ смерти, слушали наставленія стариковъ, которые совѣтовали, напримѣръ, выпрясть въ одну ночь изъ чистаго льна нитки и изъ нихъ выткать утиральникъ, который на слѣдующее утро, до восхода солнца, долженъ быть повѣшенъ на мѣстную икону въ церкви. Для такой работы дѣвушки собирались ночью въ одинъ изъ крестьянскихъ домовъ деревни. Ставили также кресты на перекрестныхъ дорогахъ, но не обтесанные, какъ они обыкновенно дѣлаются, а вмѣстѣ съ корой; священникъ въ первый затѣмъ воскресный или праздничный день отправлялся, по просьбѣ крестьянъ, освятить его, за что и получалъ денежное вознагражденіе. Кромѣ того крестьяне устраивали сходки, на которыхъ собирали отъ 5 до 10 рублей и на эти деньги просили священника отслужить Божественную литургію съ молебномъ, послѣ котораго отправлялись, при колокольномъ звонѣ, со крестами, на поля. Все это дѣлалось съ цѣлью прекращенія холеры. Такъ какъ въ Гродненской губерніи часто можно встрѣтить деревни, состоящія изъ 60 — 80 и болѣе домовъ, то понятно, что поля и луга такихъ деревень невозможно обойти въ одинъ день, а потому крестьяне и на другой день обходили поля съ крестнымъ ходомъ. Во время такого обхода несли хоругви, запрестольный крестъ, храмовую икону на носилкахъ, пѣли священныя пѣсни; священ-

никъ же на трехъ поляхъ читалъ Евангеліе и кропилъ св. водой. Обошедши поля, шли обратно въ деревню, гдѣ противъ каждаго дома стоялъ, покрытый чистою скатертью, столъ, на которомъ лежали хлѣбъ и соль; улица же покрывалась бѣлымъ холстомъ и священникъ въ полномъ облаченіи шелъ по нему. По окончаніи крестнаго хода священникъ служилъ общій молебенъ, послѣ котораго онъ съ причтомъ былъ приглашаемъ на угощеніе, а затѣмъ всѣ отправлялись съ крестнымъ ходомъ въ церковь, хотя бы она была и за 10 верстъ отъ деревни.

Во время холерной эпидеміи крестьяне вѣрили въ разнаго рода предразсудки; такъ, напримѣръ, старались подыскать воловъ бѣлой шерсти, которыми еще не начинали пахать; такихъ воловъ запрягали въ соху и опахивали ими кругомъ села или деревни; *ратаи* же непремѣнно должны были быть близнецами, изъ коихъ одинъ управлялъ сохой, а другой волами; крестьяне вѣрили, что послѣ такого опахиванія эпидемія прекратится. Они въ особенности старались подыскать и воловъ, рожденныхъ близнецами и говорили, въ полной увѣренности, что если такими волами опахать деревню, то холера непремѣнно прекратится. Многіе во время эпидеміи терпѣли разнаго рода оскорбленія и даже истязанія. Такъ я былъ очевидцемъ одной расправы крестьянъ съ евреемъ. Въ деревнѣ Сухой Долинѣ былъ заподозрѣнъ еврей-портной изъ м. Индуры, что будто бы онъ бросилъ что-то въ колодезь съ цѣлью отравить воду. На самомъ же дѣлѣ еврей только отбивался отъ собакъ, которыя напали на него, бросалъ въ нихъ камнями; одинъ изъ камней упалъ въ колодезь. Это видѣлъ крестьянинъ Антонъ Сѣрко; онъ является къ крестьянамъ и говоритъ: «бачіў, якъ жидъ кинуў чары ў воду», — и вотъ всѣ жители деревни Суходолинской выходятъ на улицу, берутъ еврея, заподозрѣннаго въ колдовствѣ, вяжутъ его, безпощадно бьютъ, ведутъ на веревкѣ къ рѣкѣ, силою гонятъ его въ воду по горло, а затѣмъ вытаскиваютъ несчастнаго изъ воды, приговаривая: «Вотъ табѣ, гíцлю, недовѣрку, труциць [1]) людзей, ци

[1]) Отравлять.

гэто жарты? ў нашуй вёсцы ўмёрло тридцаць душъ, а ўсе гэто подлы жизе рóбяць. Забиць яго, гицля!» И забили бы его, если бы въ это время не подъѣхалъ помѣщикъ ихъ, Іосифъ Борженцкій, который и уговорилъ крестьянъ оставить жида въ покоѣ, какъ ни въ чемъ не виновнаго.

Было и въ другихъ деревняхъ не мало случаевъ, что колотили евреевъ за мнимое чародѣйство. Во время эпидеміи евреи старались не уходить далеко отъ мѣста жительства и только въ крайнихъ случаяхъ рѣшались проходить чрезъ деревни, и то выбирали для этого ночь. Были еще и такіе случаи: въ 1855 году въ деревняхъ Козлахъ и Конюхахъ Лашинскаго прихода, народъ въ большомъ количествѣ умиралъ отъ холеры. Вслѣдствіе чего священникъ Лашинской церкви, Ст. Чеховичъ велѣлъ своимъ прихожанамъ поститься и усердно молиться Богу; народъ выполнялъ приказаніе своего пастыря, но отъ этого холера не переставала свирѣпствовать, напротивъ еще болѣе усилилась. Врачъ имѣнія Красника посовѣтовалъ крестьянамъ упомянутыхъ деревень устраивать по праздникамъ увеселительные вечера и танцы. Народъ послушался совѣта врача и дѣйствительно крестьяне начали рѣже умирать отъ холеры.

Сообщено псаломщикомъ И. О. Карскимъ.

89. Въ с. Моисеевщинѣ (Борисовск. у. Минск. губ.) въ случаѣ появленія эпидеміи въ ближайшей окрестности прибѣгаютъ къ слѣдующимъ предохранительнымъ средствамъ: а) Молодыя и старыя женщины собираются за деревней и тамъ, раздѣвшись до-нага, берутъ соху и впрягаютъ въ нее самую молодую изъ своихъ товарокъ. Затѣмъ при дружной помощи всѣхъ участницъ и при пѣніи пѣсенъ, въ которыхъ заклинается и устрашается эпидемія, проводятъ борозду кругомъ своей деревни, б) берутъ чернаго пѣтуха и одѣваютъ его во всѣ принадлежности мужского костюма, выносятъ на распутіе дорогъ и тамъ зарываютъ его живого въ землю [1]).

---

[1]) Изъ зап. волостн. писаря С. Прокулевича.

При появленіи падежа скота, для предотвращенія бѣды (въ м. Шкловъ Могил. губ.) коровамъ урѣзываютъ немного уха, кладутъ обрѣзокъ въ черенокъ и солятъ его, причемъ приговариваютъ: «красную (или бѣлую, черную) корову мы зарѣзали и посолили». Затѣмъ ставятъ этотъ черепокъ въ ямочку подъ камень, которымъ его и придавливаютъ, приговаривая, при этомъ слѣдующія слова: «красную корову зарѣзали, посолили и подъ камень подавили» [1]).

90. Для этой же цѣли, по повѣрью крестьянъ Деревенской волости Слонимск. у. Гродн. губ., нужно поставить на мѣстѣ прогона скота деревянный десятиконечный крестъ +|+, собрать до восхода солнца изо всей деревни нитокъ, выткать изъ этихъ нитокъ, тоже до восхода солнца, столько холста, сколько успѣютъ, а затѣмъ этотъ холстъ обнести кругомъ деревни до того мѣста, гдѣ поставленъ крестъ, на который его и повѣсить. На крестѣ холстъ этотъ долженъ оставаться до тѣхъ поръ, пока не сгніетъ и не свалится. Отъ этого эпизоотія непремѣнно прекратится. Такимъ же образомъ поступаютъ при повальныхъ болѣзняхъ и на людей [2]).

Почти тоже самое дѣлается противъ означенной напасти и въ Шерешевской волости (Пружанск. у. Гродн. губ.). Вотъ какъ объ этомъ разсказываютъ крестьяне:

«Коли падаетъ отъ холеры скоцина, то трэба выткаци ручника (утиральника), але такъ, капъ за одну ночь килька бабъ и напрали нитокъ и выткали изъ гэтыхъ нитокъ гэтого ручника. Ў тую-же ночь, якъ разсвитая, трэба черезъ той ручникъ перегнаци ўсю скоцину и товды — або зоўсимъ перестане пáдаци скацини, або будзе пáдаци зоўсимъ *покрыси* (понемножку)» [3]).

91. Во время бездождія въ с. Барани (Борисовск. у. Минск. г.) почти тоже дѣлаютъ: женщины всей деревни собираются въ одну хату спозаранку, и въ теченіе дня стараются общими си-

---

[1]) Изъ зап. студента Петерб. университ. М. Г. Мапурко.

[2]) Изъ зап. волостн. писаря П. В. Свёкло.

[3]) Изъ зап. ученика Молодеченск. учительск. семинаріи Сивуда.

лами выпрясть извѣстное количество льна, потомъ выткать изъ пряжи холстъ, который и называется *обыденкомъ*. Этотъ холстъ они жертвуютъ въ церковь, въ полной увѣренности, что Господь исполнитъ ихъ желаніе и пошлетъ дождь [1]).

92. Въ той же губ., Мозырск. у. Копаткович. в., во время засухи женщины обливаютъ водою одну изъ своей среды, но только такъ, чтобы она не замѣчала и не иначе, какъ при колодцѣ.

93. Для этой же цѣли въ Деревенск. волости (Слонимск. у. Гродн. губ.) женщины сыплютъ въ колодцы макъ. Если это не помогаетъ, то стараются поймать рака и зарыть его живого въ землю [2]).

Отъ засухи и въ мѣстечкѣ По́боловѣ (Бобруйск. у., Минск. г.) закапываютъ въ землю живыхъ раковъ съ пѣснями и плачемъ, а при проливныхъ дождяхъ ихъ снова откапываютъ. Дѣлается это по большей части женщинами [3]).

Отъ разныхъ напастей крестьяне до реформы прибѣгали къ курьезнымъ средствамъ:

94. Если, бывало, во время барщины помѣщикъ несправедливо накажетъ крестьянина по ложному доносу, то обиженный, въ отместку, вотъ что обыкновенно дѣлалъ: въ первый праздничный день, пришедши въ церковь, бывало, купитъ 5-ти или 3-хъ копеечную свѣчу, зажигаетъ ее не со свѣтильни, а съ противоположнаго конца, обводитъ ее 3 раза вокругъ своей головы, приговаривая: «Закруціў я свѣчу святую ў церкви вокругъ свое́ головы, Божа ласкавы, Матко найсвеютпа, капъ гэдакъ скруціў ў напасьць моихъ непріяцелеў! Пиравярнуў я свѣчу святую до горэ́ ногами,—капъ гэдакъ пиравернуло, перакрупило ў тры напасьци моихъ непріяцелеў! Капъ ихъ цэлы ротъ (родъ) вспрягло, скрупило! Якъ гэта свѣчка ясно горыць, капъ гэдакъ у моихъ пріяцелеў подъ серцэмъ горэло, да ихъ пе́кальнымъ огнемъ смолило, якъ я, невиненъ, пляги (или напасьць) церпѣў».

---

[1]) Выписано мною въ 1877 г. изъ церковной лѣтописи Баранской церкви (Барон. в. Минской губ.).

[2]) Изъ зап. волости. писаря II. В. Свёкло.

[3]) Сообщ. М. Г. Машурко.

А бывали случаи, что и «па мши давали» [1]), также нищихъ надѣляли хлѣбомъ и приговаривали: «Глядзи ты, дзѣтко, или бацько, добро помолиса Богу, капъ Бохъ скараў моихъ непріяцелеў!» А ловкій нищій краснобай, поднявши руки вверхъ понесетъ при этомъ такую ахинею: «Божа ласкавы, Божа справедливы! ты бачешь кріўду и праўду, — скарай, Божа, яго непріяцелеў, высуши ихъ въ гороховые лапоти, капъ ены почарнѣли, капъ ены марне пропали, капъ ихъ спрагло цэлы ротъ и плотъ».

Сообщ. И. О. Карскимъ.

Средства предохранительныя въ кругу сельскаго и домашняго хозяйства.

95. Чтобы капуста была большая, надо въ день Прачистой (Рожества Богородицы), до восхода солнца встать, схватить кочергу, побѣжать съ нею въ огородъ и тамъ ударить ею каждую голову капусты. Тогда она выйдетъ большая и твердая.

96. Съ этой же цѣлью кладутъ на грядѣ камень въ то время, когда образуется голова капусты.

96. Для того, чтобы вышли изъ капусты личинки (капустныя бабочки), нужно взять одну личинку въ зубы и вынести за плотъ (Борис. у.)

97. Чтобы сохранить отъ мышей зерно или необмолоченные снопы ржи, употребляютъ слѣдующія средства: 1) на то мѣсто, гдѣ ихъ кладутъ, подкладываютъ тѣ березки, которыми украшались дома въ день Троицы. 2) кладутъ туда нѣсколько сноповъ именно въ тотъ моментъ, когда въ первый разъ выгоняютъ скотъ въ поле. Тогда и мыши туда переселятся [1]).

98. Для предохраненія овощей (варива) отъ порчи кротовъ, крестьяне проводятъ чрезъ свои огороды жеребца, вслѣдствіе чего кроты, будто бы, издыхаютъ или уходятъ въ болото. (Лепельск. у. Примсецк.)

99. «Якъ, идзе́шъ садзи́ци рѣдзьку, то не бэрыса за колокъ, бо вся рѣдьзка пойде ў стовпъ».

---

[1]) Т. е. заказывали обѣдни.

[2]) Изъ зап. г. Станкевича.

100. «Якъ корова дае недоброе молоко, которэ скипаеца, або смѣшанэе зъ крывэю, то трэба гэто молоко пропусьцици черезъ сукъ зъ дзиркою, котора зробиласа сама собою. Послѣ того корова будзе даваци хороше молоко».

101. «Якъ найдзешь двойчастаго колоска жита, то вырви его и дай овэ́чцы изъѣсьци. Послѣ гэтого овэчка тая будзе водзици близнята».

102. *Чтобы куры не клали яйца на сторонѣ.* Якъ придзешь зъ церкви на пэ́рши дзень Вэлико́дня рано, то ниць на рабоваци, навэць не разговлявшиса, зби́ зъ цебра обручъ и дай ѣсьцы курамъ ў гэтомъ обручэ. Послѣ гэтого не одна курица не знесе́ ейца ў сусѣда, або на дворэ, а ўсе будзе несьци ў дома [1]).

103. *Противъ волковъ.* Старикъ чаровникъ прячетъ осколки отъ тѣхъ дровъ, которые рубили въ Великую пятницу и хранитъ ихъ тщательно долго, иной разъ годъ. Если его призываютъ въ домъ, гдѣ пропала какая-либо скотина, то онъ втыкаетъ эти осколки въ стѣну дома потерпѣвшаго и тогда волки оставляютъ въ покоѣ эту деревню.

104. *Отъ клоповъ и прусаковъ.* «Кабъ ня было клопоў и прусакоў ў хаця, то якъ нясуць мартвеца́, трэба зловиць три клопы и три прусаки и кинуць за умарлымъ. Послѣ етаго клопы и прусаки звядутца» [2]).

Нѣкоторыя другія предохранительныя средства.

105. *Противъ рекрутчины.* «Коли вымаешь хлѣбъ изъ пэчи и забудзешь тамъ булку хлѣба, то тэй хлѣбъ послѣ трэба сховаци, бо вонъ вельми помоцны, коли только рекрутъ возьмя, то того рекрута нигдѣ не примуть ў маскале́ и вонъ останетца дома, якъ геты хлѣбъ остаўса ў пэче.

106. *Отъ пьянства.* Штобы пьяница пярасталъ пиць горѣлку, трэба ўзяць чатыры ци шесьць гроши и ўложиць ў ротъ

1) Зап. учен. Молодечненск. учит. семинаріи Сивуда.

2) Изъ записей слушателя Виленскаго учительск. института.

и екъ еты гроши заржавѣюць, то трэба вынуць изъ рота и зробиць настойку. Для етаго купляць горэлки кварту и кидаць туды чатыры, ци шесьць заржавѣвшіе гроши и ету настойку давать пьяницѣ пиць, чаразъ што ёнъ и пярастане пиць [1]).

107. *Чтобы судья былъ на сторонѣ подсудимаго.* Коли обачишь, идзѣ вужъ, або гадзина ѣстъ живую жабу, то разжени ихъ кійкомъ такъ, кабъ вужъ и жаба расповзлиса. И якъ ѣдзешь на судъ, то бэры съ собою того кіёчка, бо якъ той кіёчокъ будзе при тобе, то и судъ завжды будзе судъ тянущи за тобою.

108. *Противъ всего нехорошаго.* Въ Великую субботу ночью 12 крестьянскихъ дѣвушекъ одѣваются бѣлыя рубахи, берутъ соху и проводятъ ею борозду вокругъ всего села при чтеніи молитвы: «Да воскреснетъ Богъ». Этимъ, по вѣрѣ крестьянъ, устранится все нехорошее на цѣлый годъ.

109. *Чтобы узнать сбудется ли задуманное.* Для этого слѣдуетъ во время цвѣтенія хлѣба вырвать изъ него колосъ съ цвѣтомъ, — цвѣтъ растереть, а колосъ воткнуть себѣ въ волосы и ожидать: не зацвѣтетъ ли онъ снова? Если зацвѣтетъ, то задуманное непремѣнно сбудется.

110. Еще практикуютъ для этой цѣли слѣдующее: втыкаютъ гдѣ нибудь во дворѣ, въ погребѣ, въ стѣнѣ или въ окнахъ дома ноготки [2]). Если эти цвѣты распустятся на новомъ мѣстѣ, то задуманное сбудется.

О ПРИВОРОТНЫХЪ СРЕДСТВАХЪ ИЛИ ЛЮБИЗНИКАХЪ.

Въ с. Новоселкахъ (Игум. у. Минск. губ.) середи поселянъ (по зап. г. Остановича) вотъ что предлагается дѣлать, чтобы приворожить къ себѣ дѣвушку:

111. «Якъ приворожиць дзяўчину. Трэба злозиць кожана [3]), ўсадзиць яго въ горшокъ и закопаць ў муравейникъ, накрыўши кожана горшкомъ. Потымъ чаразъ нядзѣлю прійци — и подъ

---

1) Изъ зап. г. Остановича.

2) Ноготки — полевые цвѣты пепельнаго цвѣта, пушистые, растущіе во ржи, иначе называемые *ашкурки* и *мордзики*, (на границѣ Черниг. и Могил. губ).

3) «*Кожáнъ* — vespertilio: Летучая мышь, нетопырь». Слов. Носовича.

горшкомъ будуць кручокъ и вилочки. Якъ зачэпишъ кручкомъ дзяўчину, яна цябе и полюбиць, а отпихнёшъ вилочками — отстаня.»

112. Самымъ дѣйствительнымъ средствомъ въ этомъ отношеніи крестьяне Витебск. г. считаютъ двѣ косточки летучей мыши— *вички* и крючечекъ. Для добыванія ихъ рекомендуютъ слѣдующій способъ: посадить летучую мышь въ новый горшокъ, завязать его новымъ же кускомъ холста и закопать ночью въ муравейникѣ. Возвращаясь домой, не оглядываться назадъ и затыкать уши, чтобы не слышать писка летучей мыши. Черезъ три недѣли нужно вынуть горшокъ изъ муравейника. Муравьи съѣдятъ всю летучую мышь, оставятъ только двѣ волшебныя косточки: крючекъ и вилочки. Чтобы заставить кого нибудь полюбить себя, — стоитъ только незамѣтно потянуть его къ себѣ крючечкомъ — и дѣло сдѣлано: будетъ такъ льнуть, что и не отвяжешься безъ помощи вилочекъ; надоѣлъ возлюбленный — оттолкнулъ его вилочками и весь любовный *шалъ*, какъ рукой сняло [1]).

113. По увѣренію же крестьянъ Борисов. у. Минской губ. для того, чтобы заставить кого-нибудь любить, нужно сдѣлать слѣдующее: положить летучую мышь въ муравейникъ и оставить ее тамъ пока она не будетъ объѣдена муравьями и оставшійся скелетъ окажется въ формѣ нѣсколькихъ вилочекъ. Этими вилочками стоитъ только прикоснуться до своего желаннаго человѣка и тотъ непремѣнно влюбится [2]).

114. *Средство дѣлать добро и зло.* По увѣренію крестьянъ Гродненск. губ. существуетъ, какая-то особая черная змѣя съ двумя рожками на головѣ. Но появляется она на землѣ только разъ въ 50 лѣтъ. Если добыть этихъ рожковъ, то однимъ изъ нихъ можно пользоваться для добрыхъ цѣлей, а другимъ — для злобныхъ. Если такую змѣю убить, то вмѣстѣ съ лишеніемъ жизни у нея исчезнутъ и рожки, или по крайней мѣрѣ потеряютъ

---

[1]) Изъ сообщеній Н. Як. Никифоровскаго.

[2]) Изъ сообщеній В. Г. Станкевича.

свою чудодѣйственную силу. Но чтобы эта сила сохранилась въ рожкахъ, нужно при ихъ добываніи поступать слѣдующимъ образомъ: повстрѣчавъ диковинную змѣю, нужно прежде всего разостлать по землѣ вязанный нитяный поясъ и стараться гоньбой направить ее такъ, чтобы она непремѣнно переползла через него — и тогда рожки съ нея спадутъ. Но брать ихъ однако не слѣдуетъ до тѣхъ поръ, пока змѣя не удалится совсѣмъ. Тогда останется только опредѣлить: какой изъ двухъ рожковъ благотворный и какой злотворный? Для этой цѣли нужно только положить ихъ подъ два различныя дерева на однѣ сутки и тогда окажется: что то дерево, подъ которымъ лежалъ благотворный рожокъ, выправилось, стало зеленѣе и лучше, а то, подъ которымъ лежалъ другой рожокъ, злокачественный, опустилось, завяло и засохло.

Дѣйствіе этихъ рожковъ вообще губительное, ужасное. Если, напр., подложить злотворный рожокъ подъ чью нибудь избу, то живущіе въ ней подвергнутся мало по малу цѣлому ряду несчастій, который завершится смертью всѣхъ членовъ семьи. Напротивъ того *добрый* рожокъ приноситъ только счастье и благополучіе всѣмъ тѣмъ людямъ, до которыхъ онъ прикоснется. При этомъ нужно замѣтить, что рожки эти сохраняютъ и обнаруживаютъ свою силу только въ рукахъ того человѣка, который самъ непосредственно ихъ добылъ и совершенно теряютъ эту силу съ его смертью.

Сообщено Н. Я. Никифоровскимъ на основаніи разсказа ученика Свислоч. учит. семинаріи Гоголя.

Средства воровъ для удачи при воровствѣ.

115. а) Во многихъ мѣстахъ Витебской губерніи (по сообщенію Н. Я. Никифоровскаго) крестьяне убѣждены, будто каждый искусный воръ, такъ удобно пускающій въ ходъ свое искусство въ самую темную и глухую ночь, дѣлаетъ это непремѣнно при помощи косточки, вынутой изъ переносья чернаго кота, который одинъ только онъ ее и имѣетъ. Эту косточку воръ беретъ въ зубы

и, пока ее держитъ, онъ остается невидимымъ, хотя воруемыя имъ вещи постороннему наблюдателю бываютъ видны во время ихъ изчезновенія.

Но воръ пользуется своимъ секретомъ только въ томъ случаѣ, если онъ самолично добылъ такую косточку; при переходѣ къ другому лицу она не обнаруживаетъ такихъ качествъ. Чтобы добыть такую косточку, воръ долженъ взять живого чернаго кота, посадить его въ муравленый горшокъ и закрывъ плотно его отверстіе, поставить этотъ горшокъ въ жаркую печь и такимъ образомъ спечь кота. Когда котъ испечется, воръ долженъ спѣшить съѣсть его, пока горячо мясо и притомъ съѣсть всего— съ шерстью, костями и всѣмъ тѣмъ, что находится въ кишкахъ. При этомъ воръ вынимаетъ изъ переносья кота косточку, которая потомъ и даетъ ему такія чудныя средства для воровства.

б) А по вѣрованію крестьянъ села Новоселокъ Игум. уѣзда Минской губ., (какъ сообщаетъ г. Остаповичъ), чтобы быть хорошимъ воромъ нужно сдѣлать слѣдующее: отыскавъ гнѣздо черепахи, огораживать его колышками такъ, чтобы черепаха не могла пробраться къ яйцамъ своимъ. Черепаха, найдя гнѣздо свое огороженнымъ и не имѣя возможности къ нему пробраться, идетъ искать особую травку, которая бы освобождала ея гнѣздо отъ колышковъ. Найдя эту траву, черепаха приноситъ ее къ гнѣзду и бросаетъ. Въ это время колышки сами собою выпадаютъ изъ земли и гнѣздо дѣлается свободнымъ. Брошенную траву слѣдуетъ подобрать, взять изъ нея одну полоску и, разрѣзавъ палецъ, вложить ее въ этотъ разрѣзъ, завязать палецъ тряпкой и дать ему *загоиться*. Когда же палецъ загоится, то отъ одного только прикосновенія къ замку — замокъ разваливается и воръ проникаетъ въ сарай, хлѣвъ и т. п.

О деньгахъ и богатствѣ.

Крестьяне того же села (по сообщенію г. Остаповича) вѣрятъ также въ змѣя, который помогаетъ всѣмъ людямъ, знающимся съ

нимъ. Такой змѣй, по ихъ словамъ, можетъ свободно перелетать съ одного мѣста на другое. Перелетаетъ же онъ чрезвычайно быстро. Видѣть его можно только на разсвѣтѣ. Онъ всегда бываетъ окруженъ темнымъ облакомъ. При перелетѣ же онъ оставляетъ за собой огненный слѣдъ. Все необходимое для того человѣка, который съ нимъ знается, змѣй беретъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ добро не считаютъ.

По вѣрованію крестьянъ Королевск. волости Витебск. уѣзда существуетъ даже возможность добыть себѣ такого змѣя. Вотъ какъ они объ этомъ говорятъ:

117. а) «Якъ выдзиць чорныму пѣтуху три годы́, дыкъ ёнъ знисе́ць яйцо. Тоя яйцо треба носиць три годы́ пыдъ па́хвый, а якъ выдзиць три годы, дыкъ зачнець змѣй ў клѣць ўсяко добро носиць и гроши. Мыя́ матка видзѣла яго разъ, якъ была молодая. Брала ина разъ сѣно ӯ руччи ноччи, «ажъ», гово́рицъ, ляциць ныда мноѿ нѣхто чорны и шумиць, шумиць. Я якъ закричу, а ёнъ и полецѣў пыдъ дзяреўню. Тольки надо яму іечьпю прагчи, ды ставиць блины, а то ёнъ ничо́го носиць ня будзиць».

118. б) «А то ящо якъ одна баба, ни ў нашей дзяряўни, ды ня дужа далеко, ды йна мѣла собѣ змѣя: ёнъ ей ўсякыя добро носіў, а йна яму іешню прягла, ды ў клѣци ставила. Тольки быў у ей работникъ: видзиць ёнъ, што баба нѣшто прачець, ды ѣсь николи ни дае́ць. Вотъ ина́ разъ ждала къ сабѣ змѣя, ды ныпрагла іешню и поставила ў клѣци, а работникъ гэный шоў, зняў зъ іешни пѣнку, поѣў іе, ныс.... ў миску, дый пѣнкый ныкрыў. Вотъ змѣй якъ приляціў, покушыў што нисмашна, дыкъ ёнъ тэй бабы ўсё спаліў — и хоромы и цярёмы, и ни стаў больши лятаць.»

119. в) «А вотъ ящо якъ йшла дзѣўка ў самый полўдзёнки, дый дзѣўка тыя знакомыя—и видзиць йна, што ляциць си́пиньки клубочекъ, якъ ды́мъ, и паў подъ ихъ хату, пыдъ старую, — хата и загорѣлась. Тожъ кажуць: змѣй быў [1]).

[1]) Зап. Ек. А. Бирули.

Въ Вилейск. у., Виленск. губ. старики крестьяне совѣтуютъ прибѣгать вотъ къ какому средству для добыванія денегъ:

120. г) Взять какого-нибудь пѣтуха и въ теченіе 7-ми лѣтъ присматривать за нимъ хорошенько, держать его въ холѣ и волѣ. Онъ тогда снесетъ яйцо. Это яйцо нужно нѣкоторое время поносить подъ мышкой, пока изъ него выйдетъ черный котъ. Котъ этотъ въ теченіе всего почти дня остается невидимымъ; онъ появляется только вечеромъ, когда всѣ въ домѣ засыпаютъ глубокимъ сномъ. Тогда хозяйка дома, замѣтивъ это, тотчасъ печетъ яичницу и ставитъ ее въ тарелкѣ на полъ. Черезъ нѣсколько минутъ является котъ, пожираетъ приготовленную для него пищу и—опять исчезаетъ до слѣдующаго вечера. Если же хозяинъ, по какимъ-либо причинамъ, не приготовитъ для него яичницы, то онъ можетъ сжечь его домъ. Но за хорошій за нимъ уходъ котъ этотъ хорошо и вознаграждаетъ. Такъ напр. онъ поздно въ темную ночь забирается въ чей-либо амбаръ или гумно, гдѣ есть рожь, пшеница и проч., нажирается зеренъ и, возвращаясь къ своему хозяину, изрыгаетъ ихъ въ извѣстномъ облюбованномъ мѣстѣ. Такой котъ часто приноситъ не только *збоже*, т. е. зерна, но и деньги. Если несетъ деньги, то онъ окруженъ бываетъ огненнымъ свѣтомъ, если-же несетъ *збоже*, то свѣта при немъ никакого не видно. Шествіе его всегда сопровождается небольшимъ шумомъ и жужжаніемъ.

Много въ народѣ ходитъ еще разсказовъ о подобномъ котѣ, какъ въ Вилейскомъ, такъ и въ Минскомъ уѣздѣ. Въ первомъ между прочимъ вотъ что разсказываютъ: Въ одномъ домѣ сталъ часто появляться черный котъ и пожирать приготовленную для него яичницу. По выходѣ изъ-за печи этому коту каждый разъ приходилось переходить черезъ молодую невѣстку, спавшую на стоявшей возлѣ печи кровати. Такъ какъ сообщить объ этомъ своей свекрови она почему-то боялась, и въ тоже время не будучи въ состояніи переносить того страха, который всегда овладѣвалъ ею, когда котъ медленно переходилъ черезъ нее своими

холодными какъ ледъ ногами, то она рѣшилась оставить и мужа и этотъ домъ.

Объ этомъ же котѣ въ Минск. у. около имѣнія Замчища разсказываютъ еще слѣдующее:

Однажды какой-то работникъ, молотившій на ригѣ рожь, каждое утро видѣлъ въ гумнѣ на полу тарелочку. Заинтересовавшись этимъ любопытнымъ явленіемъ, онъ разъ остался ночевать на гумнѣ и увидѣвши приближающагося къ тарелкѣ кота, убилъ его. Въ это же самое время умерла и хозяйка дома.

Знахарь, желающій добыть себѣ денегъ, беретъ кусочекъ освященнаго мѣлу, которымъ въ 1-й день Рождества Христова начертывались кресты на дверяхъ дома и прочихъ строеній, и очерчиваетъ имъ по землѣ (на дворѣ или другомъ мѣстѣ около дома) кругъ, въ центрѣ котораго онъ садится, имѣя непремѣнно при себѣ крестъ. Затѣмъ онъ начинаетъ читать принесенную имъ съ собою таинственную книгу и когда дочитаетъ до того пункта, въ которомъ тамъ говорится о деньгахъ, то къ нему является чертъ и спрашиваетъ, сколько ему надо денегъ? Тогда знахарь требуетъ или 99 коп., или 99 злотыхъ, или 99 руб., 99 тысячъ, 99 милліоновъ. Вслѣдъ затѣмъ онъ долженъ прочитать другой пунктъ, которымъ прекращается видѣніе. При этомъ знахарь соблюдаетъ большую предосторожность, никакъ не оглянется назадъ или въ сторону, а смотритъ пристально только въ книгу.

Сообщ. В. Г. Станкевичемъ со словъ г-жи N. мѣстной помѣщицы.

У одного помѣщика Минск. у. (по сообщенію той-же госпожи) была такая книга. Помѣщикъ часто читалъ ее и нерѣдко просиживалъ за нею цѣлыя ночи. Въ одинъ вечеръ, когда помѣщика не было дома, забрался въ его кабинетъ поваръ, давно уже заинтересованный этой книгою. Вынувъ книгу изъ ящика, онъ сталъ ее читать и вдругъ явился какой-то господинъ и спросилъ: что ему надо? Поваръ второпяхъ сказалъ, что ему надо петрушки. Тогда вдругъ появилось множество незнакомцевъ, которые стали таскать ему петрушку и наносили такое множество,

что ему наконецъ негдѣ было даже и стоять. Къ счастью повара явился помѣщикъ и прочиталъ въ книгѣ упомянутый выше тотъ пунктъ, и немедленно все это ужасное явленіе прекратилось.

Между средствами предлагаемыми народнымъ суевѣріемъ въ средѣ поселянъ Вилейскаго уѣзда Виленской губ. заслуживаетъ особеннаго вниманія слѣдующее:

Когда несутъ въ церковь покойника надо взять какой-либо сучекъ и смотрѣть черезъ него на мертвеца: на немъ увидишь дьявола. Тогда слѣдуетъ поспѣшно сорвать съ него колпакъ [1]), уйти съ нимъ домой, беречь его, въ ожиданіи прихода черта, который непремѣнно явится и будетъ предлагать сколько угодно денегъ лишь бы получить колпакъ обратно. Денегъ брать не слѣдуетъ, только надо потребовать отъ чорта тотъ рубль, который у него въ карманѣ. Этотъ рубль имѣетъ такое свойство, что если, при отдачѣ его кому-бы ни было, взять хоть одну копейку сдачи, то онъ непремѣнно очутится въ карманѣ того человѣка, который получилъ его непосредственно отъ дьявола [2]).

Крестьяне Лашинской волости Гродн. у. вѣрятъ, что если кому изъ ихъ односельчанъ хорошо живется да еще и деньги у него имѣются въ запасѣ, то значитъ, что чортъ ихъ ему приноситъ ночью. Недоброжелатели же такого крестьянина еще выдумываютъ на тотъ счетъ разныя небылицы, въ такомъ напримѣръ родѣ: «Даль Бохъ! я самъ бачіў, якъ ў ночы на яго хату огонь поляцѣў, гэто значыць: чортъ». — Другіе его пріятели обыкновенно и подтверждаютъ подобную басню [3]).

Среди же крестьянъ Азарической волости, деревни Замощанъ (Бобруйскаго уѣзда, Минской губерніи) это вѣрованіе, по словамъ нашего корреспондента изъ мѣстныхъ крестьянъ, выражается въ такой формѣ: «Нечистая сила (дьяволъ) можетъ накопить въ пользу человѣка большое богатство, если только этотъ человѣкъ будетъ ей угождать. Если же кто ей не угождаетъ, старается отклонять

---

[1]) Черти, по народной фантазіи, всегда бываютъ въ колпакахъ — 2) Изъ зап. воспитан. Минск. Духовн. семинаріи В. Станкевича. — 3) Изъ зап. И. О. Карскаго.

отъ себя вредъ, приносимой ею, того она можетъ погубить, или нанести ему большой ущербъ въ хозяйствѣ.

«Богачи между крестьянами», продолжаетъ тотъ-же нашъ корреспондентъ, «пользуются въ своей средѣ дурной репутаціей; ихъ считаютъ волшебниками, чародѣями, продавшихъ свою душу нечистой силѣ. Бываетъ, что иной богачъ до того хлопочетъ о пріобрѣтеніи богатства, что теряетъ жизнь: убивается, упавъ съ дерева, замерзаетъ зимою, сбившись съ дороги, или утопаетъ. Въ такихъ случаяхъ крестьяне говорятъ, что онъ прогнѣвалъ нечистую силу и что именно она его къ этому привела. Если по смерти богача случится, что хозяйство его придетъ въ совершенное разстройство, тогда опять-таки всѣ увѣряютъ, что это дѣло нечистой силы.

Бѣдняки же изъ крестьянъ думаютъ, что они оттого бѣдны, что не могутъ обезопасить себя отъ вреда, наносимаго имъ нечистой силой. Они живутъ въ постоянномъ страхѣ. При каждомъ малѣйшемъ *шорохѣ* имъ представляется, что это нечистая *сила* похищаетъ у него послѣднее его достояніе — для богача. Для того, чтобы эта сила не могла вредить его хозяйству, крестьянинъ ежегодно на Благовѣщеніе беретъ маку, освященнаго въ церкви вмѣстѣ съ рожью въ праздникъ Преображенія Господня и обсѣваетъ его вокругъ своей усадьбы. Послѣ этого, по его убѣжденію, нечистая сила ужъ не коснется его имущества до той поры, пока совсѣмъ не соберетъ всѣхъ зеренъ. Кромѣ того онъ еще окропляетъ всѣ свои строенія святой Крещенской водою».

О заколдованныхъ деньгахъ въ с. Новоселкахъ Игуменск. у., той же губерніи, существуетъ слѣдующій разсказъ:

Возвращался солдатъ изъ отпуска. Дорогой застигла его ночь вблизи какой-то деревни. Онъ подошелъ къ хатѣ одного богатаго крестьянина и попросился у него переночевать. Крестьянинъ не пустилъ солдата въ хату, а позволилъ ему итти ночевать въ сарай.

---

[1]) Изъ зап. И. Ѳ. Карскаго.

Солдатъ пошелъ. Долго ему тамъ не спалось. Вдругъ онъ слышитъ, кто-то ходитъ по двору гумна́. Онъ осторожно всталъ и подошелъ къ щели между бревнами сарая. Видитъ, идетъ по двору хозяинъ дома и несетъ мѣру (шестна́стку) серебра, подходитъ къ ямкѣ, осматривается кругомъ, прислушивается, высыпаетъ ее въ яму и возвращается въ хату. Такимъ образомъ онъ еще два раза повторилъ эту операцію. Когда третья мѣра серебра была всыпана въ яму и крестьянинъ возвратился въ хату, солдатъ тихонько отворилъ ворота сарая, снялъ съ себя крестикъ и бросилъ его въ яму съ серебромъ. Затѣмъ онъ возвратился въ сарай, и сталъ продолжать наблюденія. Крестьянинъ же принесъ еще три мѣры серебра, всыпалъ ихъ въ яму, которую тутъ же и зарылъ и взявъ ружье, выстрѣлилъ, сказавъ: «якъ ѐты выстрѣлъ полетѣлъ далёко, такъ моѐ гроши опусьцицесъ глубоко». Вслѣдъ за этими словами послышался звонъ сыпавшихся въ какую-то пропасть денегъ. На слѣдующій день, солдатъ простился съ хозяиномъ и продолжалъ свой путь. Прослуживъ положенное число лѣтъ въ войскѣ, онъ возвращался домой. По дорогѣ онъ зашелъ въ ту деревню, въ которой когда-то ночевалъ. Хозяинъ той избы, въ которой онъ останавливался, уже давно померъ. Дѣти же его жили въ страшной бѣдности. Солдатъ, замѣтивъ это, имъ сообщилъ, что у нихъ есть большія деньги и предложилъ взять лопаты и итти за нимъ на гумно. Тѣ согласились и пошли за нимъ. Но прежде, чѣмъ начать отрывать яму, солдатъ сказалъ: «Слушайте! тѣ деньги, что до крестика — мои, а — что послѣ крестика — ваши. Хозяева согласились и отрыли яму. Солдатъ взялъ свою часть до крестика. Пришла очередь брать деньги хозяевамъ дома. Но чуть сняли они крестикъ съ денегъ, какъ послышался звонъ и деньги неизвѣстно куда дѣлись.

Еще разсказываютъ такой случай: Одинъ крестьянинъ видѣлъ, какъ его сосѣдъ заклиналъ деньги вышесказаннымъ способомъ. Какъ только сосѣдъ ушелъ, онъ рѣшилъ воспользоваться его деньгами. Сейчасъ принялся за дѣло, отрылъ яму, и увидѣвши тамъ сундукъ, открылъ крышку — и что же онъ увидѣлъ? — въ

сундукѣ лежитъ черный человѣкъ и куритъ трубку. Крестьянина особенно поразилъ его чубукъ (цибукъ), который былъ длиною около сажени. Испугавшись, онъ поспѣшно закрылъ крышку сундука, зарылъ яму и побѣжалъ домой. Чорный человѣкъ этотъ — былъ чортъ.

Крестьяне вѣрятъ, что деньги, находящіяся въ землѣ, весною пересушиваются, «переполиваются», какъ они выражаются. Эти деньги тогда горятъ маленькимъ огонькомъ блѣднаго цвѣта. Видѣть этотъ огонекъ можно только одному лицу, — не болѣе. Являются, эти деньги въ различныхъ видахъ: то въ видѣ огненной лошади, то въ видѣ горящей скрыни (большого ящика), то въ видѣ огненнаго клубка, пѣтуха и т. п. Но чаще всего въ видѣ огонька. Если черезъ пересушивающіяся деньги перебросить чѣмъ-нибудь, то ихъ легко послѣ этого достать изъ земли. Если черезъ нихъ перебросить шапку, то онѣ будутъ въ землѣ на глубинѣ роста человѣка, если ножъ, то на половину роста человѣка и т. д.

Еще въ ходу у крестьянъ означенной мѣстности слѣдующіе разсказы на счетъ денегъ:

Однажды въ полѣ на камнѣ сидѣлъ старикъ и просилъ проходящихъ дѣтей утереть ему носъ, изъ котораго текли «сморкачи» (сопли). Никто изъ дѣтей не только не подходилъ къ нему, но всѣ убѣгали отъ него. Наконецъ явился одинъ храбрый мальчикъ, подошелъ къ старику, утеръ ему носъ, смотритъ — вмѣсто «сморкача» лежитъ передъ нимъ куча золота[1]).

Подобное же повѣрье зап. (въ 80-ыхъ годахъ) въ Вилейск. у. Виленск. губ. Вл. Григ. Станкевичемъ. Нѣкоторымъ счастливцамъ является ночью старикъ и будитъ спящаго. Не всякій догадается, что нужно дѣлать въ такомъ случаѣ. Говорятъ, что надо встать, взять носовой платокъ и утереть имъ носъ старику. Тогда изъ его носа посыплются деньги. Разсказываютъ, что когда такой старикъ явился одному неопытному человѣку, то по-

[1]) Изъ зап. г. Остаповича.

слѣдній его толкнулъ, при чемъ задѣлъ рукою пуговицу его платья. Пуговица упала на полъ и зазвенѣла, а старикъ исчезъ. На другой день оказалось, что упала не пуговица, а червонецъ.

ВѢРОВАНІЯ, ПОВѢРЬЯ, СУЕВѢРЬЯ, ПРИМѢТЫ.

Про чорта крестьяне Лапинск. волости Гродненск. у. говорятъ, что «ёнъ показываетца *заўжды* не иначе, якъ ў чорнумъ плащу, и ў капелюшѣ и на цѣлячыхъ, альбо козлячыхъ ногахъ, и часáми и на конскихъ. Ёнъ показываетца ноччу, и коли чаловѣкъ идзé, альбо ѣдзе дорогою, то злы духъ стараетца збици яго зъ дороги и заведзе кольвѣкъ ў болото, а зимою ў полóнку (прорубь), але чаловѣкъ коли не стрáциць памяци, то повинеiнъ старатца зайци и стаць на такое поле, дзѣ росло пшаница, альбо лёнъ, бо чортъ нияќъ не мóжа зайци на такое поле, для того, што зъ пшаницы *гостыю* (просфоры) пекуць до церки, изъ лёну робяць свенты олей, што дзѣцѣй хресьцяць и лопъ шмарýе попъ ў церкви. Якъ чаловѣкъ стане на полѣ, дзѣ росъ лёнъ, альбо пшаница, то чортъ ўсюды по полѣ бѣгае и йща дзѣ есьць кончыка недопалёные лучыны и ёнъ ўсё збирáе гэтые кончыка и подходзиць до чаловѣка и якъ ту͡олько дойдзе до чаловѣка, то зáрасъ возьме яго дай задушыць. Ту͡олько аще есьць спóсопъ чаловѣку збавицца отъ злого духа, покуль ёнъ збирае кончикоў лучыны, то найчасьцѣй пѣтухъ заспѣвае *кокареку* и тоды злы духъ — бойць! ў пекло — и пропадзé. И рэдко коли бывае на свѣцѣ, капъ злы духъ задушыў чаловѣка, хиба надто великаго грэшника, и то вельми рэдко можа одного чаловѣка зъ цэлаго свѣту въ одзинъ рокъ».

Кромѣ того наши крестьяне вѣрятъ, что чортъ отъ 6-го января до Вербнаго воскресенья сидитъ на вербѣ, а во время во-

досвятія онъ выбѣгаетъ изъ воды. Затѣмъ отъ Вербнаго воскресенья опять идетъ въ воду [1]).

Воображеніе народное населяетъ и теперь еще дома свои существами невидимыми, но вѣчно живущими съ нимъ домовыми, которые иногда имъ заявляютъ о своемъ присутствіи завываньемъ въ трубѣ или появленіемъ среди хаты въ видѣ напр., копны сѣна, съ цѣлью перепугать семью, которая сдѣлала что-нибудь не такъ, какъ ему было угодно. Домовой, по словамъ народа, обнаруживаетъ свою власть и надъ животными домашними, особенно надъ лошадьми. Говорятъ такъ: если онъ не взлюбитъ лошадь какой-либо масти, то начнетъ преслѣдовать ее, мучить, по ночамъ ѣздить на ней верхомъ, или гонять ее по горамъ съ вечера до разсвѣта, пока не пропоетъ пѣтухъ. Потерпѣвшее животное послѣ такой гонки къ утру оказывается мокрёшенькимъ, какъ бы вышедшимъ изъ воды. Для того, чтобы спасти бѣдное животное надо, по мнѣнію народа, застрѣлить на лету сороку и повѣсить ее въ томъ сараѣ, гдѣ шалитъ домовой. Тогда онъ болѣе не придетъ. — У нѣкоторыхъ хозяевъ не ведется скотъ какой-либо шерсти и кто желаетъ купить какое-либо животное, тотъ долженъ положить на ночь лоскутокъ бумаги съ хлѣбомъ-солью въ сараѣ на столбѣ, въ который вставляется воротъ. Тогда домовой (домовикъ) придетъ ночью и положитъ шерстинку такого цвѣта, который онъ любитъ и если хозяинъ исполнитъ его желаніе, то скотъ у него будетъ водиться.

Хотя домовыхъ, водяныхъ, лѣшихъ бѣлоруссъ и называетъ «нечистою силою», однако онъ дѣлаетъ довольно существенное различіе между этими олицетвореніями стихійныхъ силъ и съ другой стороны между чертями. Чортъ — это олицетвореніе зла, слѣдовательно — противникъ всего благого. И водяной, и лѣшій и другіе стихійные боги могутъ дѣлать зло, но могутъ и не дѣлать, а чортъ не можетъ не дѣлать зла: такова ужъ его природа.

---

[1]) Изъ зап. И. О. Карскаго. Ср. выше, стр. 13—14.

Если онъ иногда и дѣлаетъ будто бы добро, то это только въ видахъ причиненія еще бóльшаго зла. Онъ неотступно слѣдитъ за человѣкомъ и норовитъ воспользоваться всякой возможностью, чтобы причинить ему вредъ, ввести его въ грѣхъ и тѣмъ повредить его душѣ. Онъ внушаетъ человѣку дурныя мысли, дурные поступки. Онъ особенно силенъ тогда, когда воля человѣка слаба, сознаніе затемнено, когда напримѣръ человѣкъ пьянъ. Тогда чортъ смѣло выступаетъ на борьбу съ человѣкомъ, тогда онъ не скрывается, а принимаетъ свой настоящій видъ. Онъ можетъ появляться и исчезать, можетъ оборачиваться различными предметами. Но въ своемъ настоящемъ видѣ, т. е. въ томъ, какъ онъ представляется бѣлоруссу, онъ напоминаетъ изображеніе сатировъ: на головѣ имѣетъ рога, козлиную бороду, двукопытныя или однокопытныя ноги, коровій хвостъ, на рукахъ длинные ногти, онъ въ большинствѣ случаевъ, хромъ и горбатъ; тѣло его покрыто шерстью. Онъ можетъ принимать еще болѣе страшный видъ, когда желаетъ испугать человѣка. Особенно онъ любитъ принимать образъ козла. Въ любой бѣлорусской деревнѣ вамъ разскажутъ, какъ шелъ кто-нибудь во время грозы или дождя, какъ встрѣтилъ дрожащаго отъ холода и жалобно блеющаго козлика, какъ взялъ онъ этого козлика на руки или въ полу платья, отогрѣлъ его, и какъ только сталъ входить съ нимъ въ освященный домъ, — козликъ выпрыгнулъ, сдѣлалъ неприличіе и расхохотался дикимъ голосомъ. — Чортъ любитъ сбивать путниковъ съ дороги, сбрасывать колеса съ осей во время ѣзды, заводить пьяныхъ въ болота, а иногда и въ прорубь. Онъ, какъ видите, не брезгаетъ и такими мелочными продѣлками. Конечно порядочный чортъ такъ баловаться не станетъ, такими дѣлишками больше чертенята занимаются.

Бѣлорусскіе черти бываютъ бóльшаго и мéньшаго калибра, но величественныхъ образовъ, въ родѣ напримѣръ, Мильтоновскаго Сатанаила, — народъ не знаетъ, и хотя въ его средѣ ходятъ названія сатана, діаволъ, но бѣлоруссъ не дѣлаетъ различія между этими названіями и влагаетъ въ нихъ какое-то особое

представленіе. Наиболѣе могущественными чертями считаются тѣ изъ нихъ, которые хромы и рогаты. По поводу пріобрѣтенія ими этихъ уродствъ существуетъ преданіе, что когда черти были побѣждены небеснымъ воинствомъ, то были сброшены съ неба на землю. Летѣли они, какъ летитъ снѣгъ, хлопьями, цѣлыми кучами, цѣпляясь другъ за друга, — летѣли долгое время. Мелкіе черти, во время паденія, отдѣлались сравнительно дешево, получили легкіе ушибы и только, а крупные, какъ болѣе тяжелые, получили серьезныя увѣчья; поломали ноги, понабивали горбы и т. п. Также во время гибельныхъ войнъ многіе изъ чертей получили неизлѣчимыя раны на всю жизнь.

Главный же чортъ, который всѣми предводительствуетъ, былъ закованъ ангеломъ въ цѣпи и заключенъ въ каменной горѣ. (Этого чорта почему-то называютъ *цмокомъ*, хотя цмокъ собственно значитъ *драконъ*). Когда этотъ чортъ поворачивается, или, со злости, начинаетъ цѣпи рвать, то земля дрожитъ, горы трескаются. Цѣпь, которою онъ прикованъ къ стѣнамъ горы, чрезвычайно толста; но люди своими грѣхами ежегодно переѣдаютъ ее, ибо грѣхи имѣютъ свойство переѣдать эту цѣпь, какъ ржа желѣзо. Бываетъ такъ, что къ Пасхѣ эта цѣпь дѣлается тонка, какъ волосъ, но все-таки держитъ чорта. А когда запоютъ въ церкви, на всенощной: «Христосъ воскресе!» она снова сдѣлается такою толстою, какъ и прежде была. Когда же грѣхи людей до того умножатся, что переѣдятъ цѣпь совершенно, тогда будетъ кончина міра, дьяволъ освободится и все разрушитъ. А если люди постараются меньше грѣшить, то міру и конца не будетъ.

Болото — любимое мѣсто обитанія чертей, такъ сказать: штабная квартира. «Чортъ болотный!» говорятъ бѣлоруссы. Они представляютъ себѣ, что чортъ возсѣдаетъ на днѣ неприступной трясины и оттуда разсылаетъ подвластныхъ ему чертей для искушенія людей, выслушиваетъ отчеты о ихъ дѣятельности, подаетъ имъ совѣты, какъ достичь болѣе успѣшныхъ результатовъ, наказываетъ лѣнивыхъ и недѣятельныхъ. Между

ними существуетъ довольно длинная іерархія: младшій подчиняется старшему. Но честности въ ихъ средѣ нѣтъ и въ поминѣ, напротивъ, подчиненные всячески норовятъ обмануть начальниковъ, увильнуть отъ заданной работы, особенно, если она тяжела и непріятна, избѣжать наказанія. Предполагаются у нихъ и половыя различія: есть черти и чертовки; бываютъ у нихъ и дѣти, *чертенята*. Чортъ не прочь вступить въ половую связь и съ обыкновенной смертной. Отъ такого общенія раждаются обыкновенно чудовищные уроды, не имѣющіе ни малѣйшаго человѣческаго подобія. Тотчасъ же послѣ рожденія они исчезаютъ съ визгомъ и хохотомъ.

Чортъ — источникъ зла на землѣ. По космогоническому преданію, широко распространенному въ Бѣлоруссіи, онъ, участвуя въ созданіи земли, внесъ въ нее все злое. Вотъ это преданіе:

Въ началѣ вода покрывала всю землю. Богъ повелѣлъ дьяволу спуститься на дно и дать горсть земли. Чортъ спустился на дно, захватилъ горсть земли, но не всю отдалъ Богу, а часть спряталъ во рту. Богъ взялъ землю, благословилъ ее и бросилъ на воды, — и земля стала рости, расширяться и покрывать воду гладкимъ и ровнымъ, какъ *токъ*, слоемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ стала расти и та земля, которая была у чорта во рту, стала раздирать ему ротъ. Чортъ, корчась отъ боли, сталъ выплевывать изо рта землю. И такъ долго онъ катался по землѣ и плевалъ. Оттого поверхность земли сдѣлалась гористою и неровной: та земля, что выплюнулъ чортъ, образовала горы [1]).

Земля мѣстами отравилась чертовой слюной, и поэтому, когда Богъ, подготовляя землю для человѣка, посѣялъ жито, пшеницу, ячмень, просо, плодовые деревья, цѣлебныя травы, то сѣмена, упавшія на отравленныя чортовой слюной мѣста, произрастили вмѣсто ячменя—пырей, вмѣсто ржи — костеръ [2]), вмѣсто грушъ и яблонь—застырь (терновникъ), а вмѣсто цѣлебныхъ травъ— блёкоть (бѣлену) и другія вредныя растенія.

---

1) Ср. Бѣлорусск. народн. пѣсни Шейна, стр. 428. Разск. о сотворен. болотъ.
2) Тоже, что *костра*: «сорная трава Apera spica venti». См. слов. Даля.

Потомъ Богъ создалъ полезныхъ животныхъ: лошадей, коровъ, овецъ, собакъ, кошекъ. . . Нѣкоторыя изъ нихъ, не умѣя различать вредныхъ травъ отъ полезныхъ, наѣлись ядовитыхъ и превратились въ волковъ, россомахъ, медвѣдей и прочихъ вредныхъ животныхъ, и это продолжалось до тѣхъ поръ, пока животныя не научились отличать полезныхъ травъ отъ ядовитыхъ.

Слѣпилъ Богъ изъ земли человѣка, дохнулъ на него — и человѣкъ зашевелился, оживился. Чортъ это все видѣлъ, и когда человѣкъ заснулъ, пришелъ чортъ и также дохнулъ на него — и вселился въ человѣка злой духъ, и получилъ человѣкъ склонность ко злу [1]).

О происхожденіи болотъ и дурныхъ сторонъ человѣка крестьяне бѣлоруссы Мглинскаго уѣзда Черниговской губ. разсказываютъ слѣдующее:

Когда Богъ сотворилъ свѣтъ, то чортъ набралъ въ ротъ грязи и началъ плевать и отъ этого стали болота. Человѣка же Богъ сотворилъ вполнѣ чистымъ, но когда онъ поставилъ его сушить на солнце, то подкрался чортъ и оплевалъ человѣка. Тогда Богъ взялъ и вывернулъ его, такъ что все нечистое осталось у человѣка въ серединѣ, т. е. въ сердцѣ.

О ПРОКАЗАХЪ НЕЧИСТОЙ СИЛЫ.

а) Дѣвушки звали къ себѣ служащихъ въ имѣніи «парабкоў» на вечеринку. Парни обѣщали, но случилось такъ, что всѣ они были въ этотъ вечеръ въ разгонѣ и поэтому, не могли явиться на вечеринку. Наступилъ вечеръ. Дѣвушки приготовились и ожидаютъ парней. Вотъ дверь отворяется и входятъ «парабки» съ музыкантомъ. Вошли и начали здороваться. Въ это время одна изъ

---

[1]) (Передано по разсказу Онуфрія Осьмика, м. Холопенича, Борисовск. уѣз.). Этотъ разсказъ циркулируетъ въ Бѣлоруссіи въ нѣсколькихъ варіантахъ. Мы выбрали самый типичный, въ которомъ наиболѣе ясно и послѣдовательно приведена идея, что все злое на землѣ отъ чорта. Изъ зап. А. Е. Богдановича.

дѣвушекъ замѣтила у парня хвостъ. Она тотчасъ подозвала къ себѣ свою подругу и попросила выйти съ ней на дворъ. Парни ихъ не пускаютъ. Но наконецъ имъ удалось выйти. Вотъ первая дѣвушка и говоритъ своей подругѣ: «Сястрица! ѐта черци, я ви́дзяла хвостъ у во́днагò».—«Ета табѣ такъ тольки здаѐтца»[1]), отвѣтила ей подруга. «Бяжимо́, сястрица». Но вторая дѣвушка итти домой не согласилась, тогда первая убѣжала одна, вторая же возвратилась къ парнямъ. Бѣжать ей пришлось около двухъ верстъ. Прибѣжавъ домой, она разсказала отцу о томъ, что замѣтила. Отецъ взялъ Евангеліе и отправился съ дочерью къ мѣсту танцевъ. Подошли къ дому, гдѣ была вечеринка.

Дѣвушка быстро отворила дверь, отецъ ея совершилъ Евангеліемъ знамя креста и мгновенно парней и музыки какъ не бывало въ комнатѣ; на полу же лежали тѣла дѣвушекъ, подругъ пришедшей, замученныхъ танцами.

б) Жилъ мельникъ. У него было двѣ дочки: отъ первой жены одна и отъ второй — другая. Мачиха страшно не любила падчерицу. Разъ посылаетъ она её въ мельницу молоть рожь. Мелница находилась верстахъ въ пяти отъ села. Стояла она въ пустынномъ мѣстѣ. Пріѣхала сюда дѣвушка, засыпала въ «копъ» хлѣба и сѣла, думая заснуть. Еще не настала полночь, какъ приходитъ къ ней красивый парень и говоритъ: «Пойдземъ, дзѣўка, гуляць». Дѣвушка отвѣчаетъ: «Рада-бъ я пойци гуляць, да у мяне нима чаравикъ (башмаковъ)». Парень пошелъ, принесъ ей башмаки и опять приглашаетъ итти гулять. Дѣвушка говоритъ: «Рада бы я пайци гуляць, да у мяне нима панчохъ (чулки)». Парень пошелъ, принесъ ей чулки и говоритъ: «Пойдземъ, дзѣўйка, гуляць». Дѣвушка опять говоритъ: «Я бы пошла, да у мяне нима добрай сподницы (юбки)». Парень пошелъ, принесъ ей юбку и опять приглашаетъ итти гулять. Дѣвушка давно поняла, что парень, приносящій ей такія хорошія вещи, есть ни кто иной, какъ чортъ, и не зная какъ отъ него освободиться,

[1]) Кажется.

расчитывая, что къ тому времени запоютъ пѣтухи и парень исчезнетъ. (Съ этою цѣлью она и предлагала ему принести, то башмаки, то чулки, то юбку, этимъ она длила время). Когда парень принесъ дѣвушкѣ юбку, она предложила ему принести рубаху, потомъ «гарсэтъ», потомъ «ху́сту», потомъ шубу. Чуть парень показался съ шубой, послышалось пѣніе пѣтуха. Парень отдалъ дѣвушкѣ шубу и, сказавъ: «Бывай, дзѣўйка, здорова», удалился. Дѣвушка, смоловъ рожь, отправилась домой. Пріѣхавъ домой, она сказала, что когда она молола, къ ней пришелъ одинъ хорошій человѣкъ, позвалъ ее гулянь, и за то, что она немного съ нимъ погуляла, одѣлъ ее. Мачеха, услыша разсказъ падчерицы, какимъ образомъ ей досталась вся «одёжа», сказала: «Погляди-шь, мая дочка ня тòе привязé». Къ вечеру мельникъ отвезъ свою вторую дочку въ мельницу. Она засыпала въ «кошъ», привезенную рожь и стала молоть. За нѣсколько часовъ до полночи является къ ней парень и говоритъ: «Пайдземъ дзѣўйка гулянь». Она говоритъ: «Приняси́ мнѣ харошая адзення, тагды пайду». Парень не замедлилъ принести ей всю нужную одёжу. Она одѣлась и пошла. На слѣдующій день пріѣзжаетъ отецъ и находитъ только кости своей дочки подъ колесомъ мельницы[1]).

Вѣрованія относительно русалокъ[2]).

Эти вѣрованія весьма распространены среди бѣлорусскаго населенія сѣверо-западнаго края. О русалкахъ тамъ еще до сихъ поръ ходитъ въ народѣ много преданій и разсказовъ. Такъ по вѣрованію крестьянъ Копаткевической волости Мозырск. у., Минск. губ., русалки происходятъ оттого, что матка *приспитъ* ребенка или оттого, что ребенокъ умретъ безъ крещенія. Теперь такихъ случаевъ не слыхать, благодаря внушительнымъ наставленіямъ священниковъ. Въ прежнее же время крестьяне, бывало,

---

[1]) Изъ записей (въ Игум. у. Минск. губ.) А. А. Остаповича.

[2]) Болѣе подробныя свѣдѣнія о русалкахъ см. I ч. I-го тома этого сборника, стр. 196—138.

увѣряли, что видѣли русалокъ съ распущенными волосами тамъ-то и тамъ-то.

Въ Духовъ день и теперь еще дѣвки собираются въ концѣ села, набравъ съ собою клёну и ернику и хоромъ поютъ:

«Русалочка, Наталочка!
«Гдѣ твоя дочка Ульяночка»?
—«Въ огородѣ чаборъ пóле,
Чаборъ поле и перебирае!» [1])

Крестьяне-бѣлоруссы Гродн. у. Лашанской волости вѣрятъ, что если во время цвѣтенія ржи русалкѣ попадется человѣкъ во ржахъ, то его непремѣнно заказычиць (защекочетъ) руками и цыцками до смерти — и сама засмѣется ... [2]).

А по вѣрованію поселянъ с. Новосслокъ Игум. у. той же губ. русалки—это дѣти, которыя умерли прежде, чѣмъ ихъ успѣли окрестить. Они обладаютъ большою силою. Ходятъ нагими, съ распущенными волосами. Живутъ онѣ по лѣсамъ, нападаютъ на людей и щекочутъ ихъ, отъ чего тѣ и умираютъ [3]).

а) Женщина пошла въ лѣсъ собирать грибы. Видитъ на деревѣ виситъ большой кусокъ березовой коры. Она подошла къ этому куску и заглянула въ средину его, видитъ лежитъ нагой спящій ребенокъ. Женщинѣ жаль стало ребёнка: она отвязала свой передникъ, прикрыла имъ ребенка и отошла, недоумѣвая, чьё это дитя и какъ оно сюда попало? Недоумѣніе ея скоро однако разрѣшилось. Не успѣла она отойти отъ ребенка и 20 шаговъ, какъ услышала слова: «Почакай, кобетка!» [4]).

Она обернулась, видитъ: бѣжитъ къ ней на встрѣчу нагая женщина съ распущенными волосами. Это была русалка. Женщина испугалась и хотѣла бѣжать, но русалка закричала: «Постой, кобетка, споръ табѣ ў руки.» Съ этими словами она прикоснулась къ рукамъ женщины и исчезла.

[1]) Изъ зап. волости. писаря Жидова.
[2]) Изъ записи И. О. Карскаго.
[3]) Изъ зап. А. А. Остаповича.
[4]) Подожди, женщина.

Опомнившись отъ испуга, женщина вернулась домой. Съ этого времени она начала такъ трудиться, что всѣ удивлялись откуда у нее берутся силы.

б) Ѣхалъ ночью по дорогѣ докторъ. Видитъ онъ: идетъ къ нему не встрѣчу маленькое дитя и заграждаетъ ему дорогу. Докторъ догадался, что это дитя есть некрещенная душа и остановившись, спросилъ: «чаго, душа, потребу́я?» — «Креста!» отвѣтило дитя. Докторъ опять спросилъ: «На якой дорозѣ стоишь? Чи на простой, чи на мученической?» — «На простой», былъ отвѣтъ. Тогда докторъ осѣнилъ дитя крестнымъ знаменіемъ и далъ ему имя «Еввы» и оно отошло отъ доктора, произнося слова: Святъ, святъ, святъ Господь, нашъ заступникъ, земля полна славы Его!»

в) При мосту стоялъ солдатъ на караулѣ. Въ самую полночь вдругъ онъ видитъ: выходитъ изъ рѣки женщина, вся въ чорномъ, всходитъ на средину моста и начинаетъ горько плакать, облокотясь на одну изъ перилъ. Солдатъ не выдержалъ и подошелъ къ плачущей. Увидѣвъ его, она бросилась въ рѣку и исчезла. То же самое повторилось и на слѣдующую ночь и на третью. Въ одно время съ солдатомъ появленіе этой женщины видѣли еще три человѣка. На четвертую ночь плачущая женщина сама подошла къ солдату, дала ему много денегъ, прося купить ей крестикъ и принести его на указанное ею мѣсто. Солдатъ, получивши деньги, предался пьянству и вовсе забылъ о крестикѣ. Такъ женщина и осталась безъ крестика.—Крестьяне говорятъ, что то была некрещенная душа [1]).

г) «Русалки» говорила мнѣ въ Копысѣ (Горецк. у. Могилевской губерніи) старая крестьянка, «зъ нехращеныхъ дзяцей. Коли ены помруць, ихъ хороняць не на межѣ, а на непотребномъ, дужа старомъ кладбищѣ. Тамъ ёсьць магазей дзерaве́нски. Одна женщина скинула дзяцей, дыкъ уже трецяго хоронила помежъ кладбиша. А даюць имя такому дзицю: ци бацькино,

[1]) Изъ сообщеній учит. народн. училища А. Остаповича.

ци маткино — якъ якое дзиця... Такъ сказаў здѣлаць священникъ. Енъ говорыў: гэтожъ душа чаловѣческая.

Ў первый чоцьверъ послѣ Духа бываюць Вяликодни у тыхъ, хто скидываў. Ены тогды ничого не дзѣлаюць, тольки яицы красюць и обѣдъ готуюць. Цяперъ русалокъ вже нима: ёны заклятый, а упяродъ были.

«Что ты, бабушка, говоришь?» замѣтилъ я ей съ удивленіемъ. «Праўда, праўда, были. Я сама чула: во ў нядзѣлю послѣ Духа ёны збираюцца ў лясу́, вѣшаюць арели (качели) и згукаюць дзѣвокъ, парни по имени: «Ходзице колыхацца». Тогды ўсѣ уцекаюць поперегъ межи,—черезъ межу ёны ни пиряскочуць, бо высоко, а ўдоль межи догоняць. Зовуць колыхацца ў поўдзень и ночку. Во была у насъ Кацярина: яна понясла щавель ў Шклоў,—дыкъ яе звали дужа рано,—йна уцекаць назадъ,—ды сустрѣла другихъ бабъ, дыкъ ужъ зъ ими пошла. А ў ночку якъ поѣдуць на ночлегъ, дыкъ обчерцуць коло сябе кругъ,—черызъ кругъ не пирайдзець, яще яи голавешками пугаюць, гонюцца за ёй, а йна за йми,—вялизни грудза пиракинець назадъ, бо дужа вяликіе, а волосы у яе длинные,—ўся ў волосахъ, яна голая.—Коли хлопчикъ помрець няхрящоный, дыкъ и ёнъ тымъ жа занимаецца. Колибъ русалки догнали, дыкъ ена вочи назадъ пираставила, голову пиравернула бы. Дыкъ ўпяродъ, якъ русалки были ни заклятый, дыкъ, бывало, ў гэты дзень собираюцца хлопцы, дзѣўки, красюць яицы, бяруць водку, ўюць вянки и идуць ў крыжи, што ў концѣ дзяреўни. Тамъ готовую ядуць яёшню, вянки разоўюць и раскидаюць. Такъ проводзюць русалокъ, што зъ ихъ дзяцей.

За три ночи пиродъ Малой Прячистой ня молоцюць, ня цеплюць осеци. Русалки по болоцѣ згукиваюцца на ночку, сядуць ў гумнѣ. Одзинъ мужикъ ноги одпёкъ. Русалки, якъ кажуць, зъ похороненыхъ няхрещоныхъ дзяцей, а може-изъ вѣдзьмаў. Цяперъ уже ихъ нема,—вѣрно молицца лучше умѣюць.

Изъ зап. М. Машурко.

Русалокъ можно видѣть ночью предъ днемъ Ивана Купала.

Повели парни на ночлегъ лошадей. Разложили огонь, начали грѣться и говорить между собою о томъ, что въ сегоднешнюю ночь (предъ Ивана Купала) ходятъ русалки. Одинъ парень посовѣтовалъ вырѣзать по хорошей дубинѣ. Парни согласились. Вырѣзавъ каждый по дубинѣ, опять усѣлись вокругъ огня. Только что усѣлись парни, какъ не вдалекѣ отъ себя увидѣли они приближающуюся нагую женщину. Это была русалка. Подойдя къ огню, она остановилась, посмотрѣла на парней и ушла къ недалеко находящейся рѣкѣ. Окунувшись въ ней, она пришла опять къ парнямъ, стала на костеръ, затушила огонь и ушла. Парни его опять развели. Русалка опять ушла къ рѣкѣ, окунулась и пришедши, снова затушила огонь. Парни снова развели его. Русалка не замедлила снова явиться. Но на этотъ разъ парни встрѣтили её дубинами. Русалка ушла. Водворилась тишина. Вскорѣ въ глубинѣ лѣса парни послышали: «Пошла сабѣ, нашла сабѣ». Спустя нѣкоторое время слова повторились. Наконецъ парни услышали: «Пошла сабѣ, нашла сабѣ, пойду сабѣ, найду сабѣ».

Послѣднія слова ихъ такъ испугали, что они сѣли на лошадей и уѣхали домой.

Сообщ. учит. народн. учил. А. Остаповичъ.

О МЕРТВЕЦАХЪ.

Минск. г., Борис. у., Мстижск. в.

а) «Гэто ни ня байка, — ўсѣ старики баюць, што нѣгдзѣ жили два браты́ и маци. Браты́ построили сыробойню и восиць, наставили снопы на ночь ў восиць, а пришоўши на заўтрая рано молоциць, — бачуць: ўсѣ снопы ў восицы выкинуты вонъ на сыробойню. Яны и кажуць: «што гэто за чортъ за снопами робиць?» ажно чуюць нѣхто кажа: «Я ня чортъ, а вашъ братъ, запытайцися сабѣ у мацяры». Яны поглядзѣли, поглядзѣли — никого

нима, дзивюцца. Пришли домоў и кажуць мáцяры ябъ гэтимъ, дыкъ видзюць мацяры нѣшто цюкнула»[1]) . . . . Тогды яны къ ей пристали: «Скажи, ды скажи, маци, праўду: «Ци быў у цябе окромя насъ ящó сынъ, ци не?». Маци ўсё тайлася, а посли созналася и сказала имъ, што праўда: у яё быў ящó сынъ банкартъ[2]), дыкъ яна за стыдъ задушила и сховала.

На заўтры пошли браты́ ў восицъ[3]) каравулиць своé снопы. Пришли и бачуць: снопы зъ восици ўзноў выкидаюцца. Яны— туды и зловили нѣйкоего чаловѣчка. Ёнъ стаў просицца: «Ни бíця, ни губиця мяне! я вашъ братъ,—я тутъ каравулю идолоў скарбъ. Я идолу служу; ваша восиць икразъ стоицъ на гэтымъ скарбѣ». Браты́ пытаюць: «А ци ты даси намъ скарбу и скольки?» Ёнъ кажа: «Дамъ вамъ три шаснастки золота и хоць за гэто получу отъ Анцыпора[4]) три возы лозы, али дамъ, тольки, кажа, прошу васъ, кобъ вы дали ў церкоў на сорокъ мшэй». Сказаў гэто, ёнъ насыпаў имъ грошоў. Яны и пошли сабѣ домоў. Пришли и пошли одзинъ ў водзинъ, а други́ ў други́ бокъ, и даўши на сорокъ мшэй, вярнулисъ домоў, лягли́ спаць. Ажъ ноччу приходзи братъ и кажа: «Дзякуй вамъ, браты́ и маци, што вы очисьцили мою душáньку. Я цяперъ ў раю ў хрисьціанской вѣрѣ, вызволíўся отъ поганца, дзякуй!» Сказаўши гэто, изникъ, а браты и цяперъ, кажуць, живуць хорошо и богато.

б) Быў Дрыгиль ў Ніўкахъ, дыкъ ёнъ по смерци скольки разоў приходзіў домоў: хóдзя по будынку, варочае ўсё, ажъ покуль не припильновали[5]), што гето ёнъ. Тогды пришли ніўчане на мовырыли яго, отсѣкли голову, положили помижь ногъ яму́, а могильцы, гилку ўзноў закопали, дыкъ зъ тыхъ поръ ёнъ и пирастаў боли ходзиць.

в) А то ящо праўда: На Загорнымъ, гдзѣ цяперъ бацюшкоў огородъ, перштъ, годоў за сорокъ назадъ, стояла тамъ хата. Ў ей жіў старый Михàсь; дыкъ ёнъ по смерци ноччу придзе домоў,—стукъ, стукъ ў дзвери, крычиць: «Ци ты дома, Ми-

---

[1]) Дернуло, кольнуло. [2]) незаконнорожденный. [3]) овинъ. [4]) Антихристъ.
[5]) подмѣтили, подстерегли.

хасиха?» А яна одна тамъ жила. Ну тая, вѣдома, духъ притае́, моўчиць. Ёнъ отопрэ сѣнцы, ды давай молоць, ажъ покуль пятухъ не запяе́. И которую ночь гэдакъ ходзіў, дыкъ Михасиха попросила сусѣда. Той пришоў и заночаваў у яе и якъ тольки мяртвецъ стаў молоць ў сѣняхъ ў жорны, ёнъ туды ды давай хрисьциць ўсюды. Той и пропаў и ужо болій ни ходзіў, бо ў сѣняхъ порэ́зали на стѣнахъ крыжики [1]) топоромъ [2]).

г) Въ селѣ Новоселкахъ той же губ. Игуменск. у. еще разсказываютъ слѣдующее: Одна дѣвушка очень долго оплакивала своего жениха. Однажды ночью она плачетъ. Вотъ является подъ окно ея женихъ и говоритъ: «Одзѣвайся, пойдземъ, дзѣвица!» Дѣвушка стала одѣваться. Женихъ же яе ходитъ по двору и говоритъ: «Мѣсяцъ на небо ўсходзиць, мяртвецъ по двору ходзиць».

Подходитъ къ окну и спрашиваетъ: «Готова, ли дзѣвица?» Дѣвушка отвѣчаетъ, что еще не готова. Онъ опять началъ ходить по двору и говорить: «Мѣсяцъ на небо всходзиць, мяртвецъ по двору ходзиць, готова ли, дзѣвица?» Такъ онъ говорилъ до тѣхъ поръ, пока она не одѣлась. Одѣвшись, она вышла. Женихъ повелъ ее на кладбище подвелъ къ своей могилѣ и говоритъ: «Ложи́сь, дзѣвица, я помѣщусь съ тобою». Дѣвушка отказалась и бросилась бѣжать. Прибѣжала домой, проболѣла двѣ недѣли и умерла.

д) Въ селѣ умеръ крестьянинъ, у котораго не было ни одного родственника, такъ что и похоронить его было не́кому. У крестьянина этого осталась корова. Когда никто не захотѣлъ итти помыть, пріодѣть мертвеца и переночевать при немъ, тогда посулили дать тому, кто согласится на это, оставшуюся корову. Одинъ человѣкъ согласился. Отправившись съ женой къ умершему, онъ омылъ, пріодѣлъ его, уложилъ въ гробъ и остался ночевать. Долго онъ сидѣлъ при огнѣ. Вдругъ слышитъ, какъ будто что-то шевелится, посмотрѣлъ на гробъ и видитъ: мертвецъ

---

[1]) Крестики. [2]) Оба разсказа зап. волостнымъ писаремъ А. Ганусомъ отъ крестьянина И. Садовича.

медленно встаетъ изъ гроба. Крестьянинъ такъ и остался на мѣстѣ. Мертвецъ между тѣмъ вылѣзъ изъ гроба и спрашиваетъ у крестьянина: «Што ты ўзяў, што при мнѣ сядзишъ?» Крестьянинъ отвѣчалъ: «чарную корову». «Чорную корову мою, кажашь ўзяў» и подвинулся немного къ крестьянину. «Ну дэкъ што ты ўзяў, што при мнѣ сядзишъ?» «Твою чорную корову», отвѣтилъ опять крестьянинъ. «Мою̀ чорную корову», повторилъ мертвецъ и опять подвинулся къ крестьянину. Такъ мертвецъ спрашивалъ нѣсколько разъ и все ближе и ближе подвигался къ крестьянину. Разстояніе между тѣмъ и другимъ было уже не большое. Мертвецу еще оставался шагъ и неизвѣстно что бы было. Но вотъ, въ то время, какъ крестьянинъ отвѣтилъ: «твою чорную корову», послышалось пѣніе пѣтуха, мертвецъ сказавъ: «Маешь щасьцья!», и упалъ на землю [1]).

Изъ круга суевѣрій бѣлорусса относительно стихій природы мои матеріалы, къ сожалѣнію, весьма скудны, но тѣмъ не менѣе они далеко не лишены интереса для науки и потому считаю нужнымъ помѣстить ихъ здѣсь.

Огонь.

«По воззрѣніямъ бѣлоруссовъ огонь — это одна изъ основъ семьи, нѣчто въ родѣ домашняго пената, и вмѣстѣ съ тѣмъ начало цѣлебное и всеочищающее. Въ каждой семьѣ стараются поддерживать свой огонь, тщательно загребая для этой цѣли горячіе уголья въ «печурку» и засыпая ихъ золою, онъ вздувается по мѣрѣ надобности. При переходѣ изъ одного жилья въ другое,—при перемѣнѣ «селибы», какъ у насъ говорятъ, а также при семейномъ раздѣлѣ, несутъ съ собой и огонь съ домашняго очага. Люди, соблюдающіе старину, въ подобнаго рода случаяхъ поступаютъ такъ: Если въ новое помѣщеніе переселяется вся семья, то глава семейства накладываетъ горячихъ углей въ гор-

---

[1]) Изъ сообщеній учит. народн. училища А. А. Остаповича.

шокъ и несетъ его въ новую избу, — слѣдомъ за нимъ домочадцы везутъ имущество, домашнюю утварь или идутъ сами. Войдя въ избу, хозяинъ обносить горшокъ съ углями вдоль стѣнъ, немного пріостанавливаясь въ каждомъ углу и ставитъ его на «припечекъ» (передняя часть печи). Тутъ же онъ зажигаетъ въ печи дрова. Если же не вся семья переселяется, а только кто-нибудь отдѣляется отъ нея, и отдѣляется «по хорошему», т. е. съ согласія главы семьи, безъ ссоры, безъ злобы, то послѣдній передаетъ горшокъ съ горячими углями выдѣляемому главѣ новой семьи, а онъ самъ уже несетъ огонь въ свою хату, гдѣ и выполняетъ обрядъ водворенія огня на новомъ очагѣ такъ же, какъ было описано выше.

Осквернять огонь плевками, мочиться на огнищѣ и т. п. считается дѣломъ нечестивымъ и небезопаснымъ, ибо «жижа» какъ зовутъ огонь на дѣтскомъ языкѣ, кусается, мститъ за свое оскорбленіе, и вслѣдствіе этого на лицѣ виновнаго появляется «вогникъ» (по другому произношенію: «огникъ»), особая болѣзнь: лицо покрывается струпьями, какъ послѣ обжога, или «присикъ» [1]), когда все тѣло покрывается красными прыщами, какъ во время кори. «Присикъ» собственно значитъ мелкій жаръ, на мелко перегорѣвшія уголья. Вогникъ можетъ быть вылѣченъ только огнемъ, посредствомъ умилостивленія его. Для этого когда дрова разгораются полнымъ пламенемъ, выгребаютъ на прúпечекъ девять раскаленныхъ угольковъ, даютъ имъ остыпуть, потомъ каждымъ изъ нихъ трижды обмахиваютъ вокругъ больного мѣста и, наотмашь вбрасываютъ въ печь со словами: «откуль пришоў, туды идзи», а больной трижды цѣлуетъ припечекъ.

Огнемъ лѣчатъ и другія болѣзни. Когда дѣти корчатся и кричатъ по ночамъ отъ боли, — это ихъ мучатъ «почницы»: маленькіе и злые духи ночи. Ихъ можетъ прогнать только свѣтоносное начало, т. е. огонь. Ночью, когда дитя, одолѣваемое «ночницами» особенно раскричится, зажигаютъ въ печкѣ огонь и передъ полымемъ «палаютъ» больного ребенка. *Палать* значитъ

---

[1]) Вѣрнѣе: прыскъ (съ польск.) жаръ. Ш.

очищать отъ шелухи ячменную или какую-нибудь другую крупу. Для этого въ ночвахъ палацкахъ встряхиваютъ особеннымъ образомъ, такъ что шелуха отлетаетъ прочь, а чистое зерно остается. Нѣчто подобное продѣлываютъ и съ ребенкомъ, одержимымъ «ночницами». Его кладутъ въ «приполъ» (подолъ юбки) и, слегка встряхивая, раскачиваютъ передъ пламенемъ; въ тоже время нашептываютъ «заговоръ»:

Цемная ночка
Ночниць породзила,
Малому дзицяци
Муки наробила.
Ясное соўнійко
Дзень начинаиць,
Ночниць прогоняиць
Дзяниць насылаець,
Боль сунимаиць
Шухъ ў печь! шухъ ў печь! [1])

Пламя этихъ-то ночницъ и пожираетъ или отгоняетъ прочь. Вообще пламя очищаетъ всякую «пóгань», потому-то дѣтей довольно часто «палаютъ» передъ печью, потому-то парни и дѣвушки прыгаютъ черезъ купальскіе огни, чтобы изгнать изъ себя всякую «немочь», если она имѣется и, по возможности застраховать себя отъ таковой на будущее время.

Хорошій хозяинъ, разводя огонь въ «ёўнѣ» (овинѣ) бросаетъ снопъ ржи въ печку. Это нѣчто въ родѣ жертвы огню.

Огонь, въ качествѣ семейнаго пената, скрѣпляетъ родственные союзы. Такъ невѣста, прибывшая въ домъ жениха, чтобы «освоитца», породниться съ новой семьей, кланяется новому очагу и прикасается къ нему руками. То же дѣлаетъ и *примакъ*, т. е. женихъ, идущій въ чужую семью.

Въ извѣстные дни, какъ напр. на Пасху, или когда кто ни-

[1]) Зап. отъ крестьянки Розаліи Осьмакъ въ м. Хлопеничахъ Борис. у., Минск. г.

будь изъ домашнихъ выѣзжаетъ сѣять на поле — огня изъ очага не одолжаютъ (одолжать спичекъ можно) въ томъ убѣжденіи, что за огнемъ можетъ уйти благосостояніе изъ дому или не уродится хлѣбъ. Въ это время огонь и называется «богатцемъ».

Въ Бобруйскомъ уѣздѣ, въ тѣхъ именно мѣстахъ, гдѣ употребляется для освѣщенія «коминъ» [1]), справляется на Ѳоминой недѣлѣ *женитьба комина.* На комъ онъ женится — мнѣ не удалось точно узнать. Одни говорятъ: «съ печкой женится», другіе: «зъ хатой», а большинство отвѣчало: «хто яго знаиць? Казали старые людзи: «женитца коминъ, вясельля комина — и мы за ими». Къ этому времени, къ свадьбѣ, коминъ бѣлятъ, охорашиваютъ, украшаютъ «дерезой» (плавуномъ, брусничникомъ), зажигаютъ на каганцѣ огонь и бросаютъ въ него кусочки сала или комочки масла, чтобы веселѣе горѣлъ — это ему свадебное угощеніе.

При посредствѣ огня и ворожатъ. Если огонь горитъ весело — это вообще хорошій знакъ. Если изъ печи съ трескомъ выскакиваютъ горячіе угли — это предвѣщаетъ скорое прибытіе желаннаго гостя» [2]).

Если передъ отходомъ ко сну крестьяне Игуменск. уѣзда — той же губерніи замѣтятъ на кóминѣ тлѣющій огонь, то они, обратясь къ нему, говорятъ: «Святый богачъ, ложися спаць! дзвѣнацаць брацьцяў у васъ, бороницц пасъ. Ваша сестра Марія благословила васъ». А затѣмъ огонь и перекрестятъ [3]).

И въ Гродненской губерніи крестьяне-бѣлоруссы относятся къ огню съ какой-то благоговѣйной почтительностью. Такъ, напримѣръ, если крестьянинъ или крестьянка зажжетъ лучину, или

---

[1]) Такъ называется воронкообразная труба, выходящая черезъ потолокъ и крышу вонъ, — къ *воронкѣ подвязывается «коганецъ»* — старая сковородка или глиняная лаханка — на которомъ и жгутъ сухія полѣнца или смолистые мелко-изрубленные корни сосны. Б. — О женитьбѣ комина см. и выше стр. 185—187.

[2]) Сообщ. А. Е. Богдановичемъ.

[3]) Сообщ. учител. народн. училища А. Остановичемъ.

свѣчу, то непремѣнно сейчасъ перекрестится и скажетъ: «Нехъ бендзѣ похвалёны Езусъ Христусъ! или Панеусъ похвалёны Езусъ Христусъ» на что домашніе обыкновенно отвѣчаютъ: «на вѣки вѣкоў, áманъ!»—Когда разводятъ огонь въ печкѣ, то тоже его перекрестятъ[1]).

Въ Витебск. у. теперь молодые, пріѣзжая въ домъ жениха изъ церкви, должны переѣхать черезъ горящій костеръ, разложенный въ воротахъ. Это предвѣщаетъ имъ счастье въ жизни. (Изъ церковн. лѣтописи).

Слѣды существованія когда-то въ далекомъ прошедшемъ у бѣлорусскаго племени культа огня сохранились еще доселѣ въ его средѣ въ цѣломъ рядѣ повѣрій, суевѣрій и примѣтъ, относящихся къ этой стихіи. Почти во всѣхъ населенныхъ бѣлоруссами мѣстностяхъ губерній сѣверо-западной Россіи и нѣкоторыхъ другихъ означенные слѣды бытуютъ, проявляютъ себя въ жизни массъ довольно сильно и устойчиво. Ниже приводимъ тѣ изъ нихъ, которые большей частью были подмѣчены на мѣстахъ и обязательно мнѣ сообщены моими стародавними доброхотными сотрудниками. Такъ среди крестьянъ бѣлоруссовъ м. Дукшты Ново-Александровскаго уѣзда Ковенской губерніи (на границѣ съ Витебской) существуютъ слѣдующія повѣрья, суевѣрья и примѣты относительно огня:

1) Не слѣдуетъ засыпать золою мѣста грязныя и вообще мокрыя, потому что огонь грѣшно бросать въ грязь.

2) Грѣшно плевать на огонь: иногда отъ этого бываетъ сыпь на губахъ.

3) Когда разводятъ огонь на полѣ, то непремѣнно нужно перекрестить его, иначе вѣтромъ можетъ занести искру въ домъ и зажечь его.

4) Отходя отъ огня, особенно вечеромъ, слѣдуетъ перекрестить его, въ противномъ случаѣ, діаволъ можетъ воспользоваться имъ, для поддержанія огня въ аду. Этого убѣжденія держатся бабы и пастухи русскія и литовцы.

---

[1]) Сообщ. псаломщикомъ О. И. Карскимъ.

5) При затопкѣ печи, слѣдуетъ перекрестить зажженную лучину, произнося: «Господи Іисусе!» и проч.

6) При сгребаніи уголья изъ печи въ жаровню (ямку) слѣдуетъ перекрестить жаровню, иначе можетъ случиться слѣдующее: гдѣ-то однажды пламя, въ видѣ шара, вышло изъ печи курной избы той хозяйки, въ которой огня никогда не осѣняли крестомъ. Пламя ходило по хатѣ и искало мѣста, гдѣ поджечь, но хозяйка смекнувъ въ чемъ дѣло, начала крестить огненный, вышедшій изъ печи шаръ, отъ чего онъ обратно и перешелъ въ печь, не причинивъ ни малѣйшаго вреда хатѣ. Тоже самое подтверждаетъ разговоръ двухъ огней.

Въ 1860 году въ Вилкомирскомъ уѣздѣ, помнится мнѣ, разсказывалъ одинъ рабочій слѣдующее: въ одинъ ненастный вечеръ зашелъ нищій къ зажиточному крестьянину на ночлегъ. Крестьянинъ принялъ его, напоилъ, накормилъ и уложилъ спать на печи. Ночью, слышитъ нищій, что къ огню его хозяина пришелъ огонь сосѣда и говоритъ ему: «послушай сосѣдушка! У меня, самъ знаешь, какая дрянь хозяйка, она никогда не подстелетъ и не покроетъ меня[1]) я съ ней разсорился и пойду гулять (сожгу домъ). Пойдемъ, сосѣдъ, вмѣстѣ». «Нѣтъ», отвѣчалъ огонь хозяина, «я не пойду гулять, у меня хозяйка хорошая: она никогда не уложитъ меня, не подостлавъ и не накрывъ, я доволенъ ею, а ты дѣлай какъ знаешь со своей хозяйкой, только сосѣдей не трогай». Спустя часъ, отъ дома сосѣда остались одни лишь головни[2]).

«Поселяне Витебск. губ., Лепельск. у. мужчины и женщины, особенно пожилые хозяева и хозяйки, гасятъ горящую лучину или свѣчи съ особеннымъ благоговѣніемъ, а именно задуваютъ губами или затискиваютъ пальцами и ладонью (имѣя отъ работы

---

[1]) *Подостлать*—значитъ осѣнить то мѣсто крестомъ, гдѣ намѣрены положить огонь, а накрыть — положить, т. е. перекрестить его.

[2]) Сообщ. учителемъ народнаго училища г. Гайдуковымъ.

толстую кожу, они не чувствуютъ обжоги, особенно въ зимнее время) и бережно кладутъ погашенный огарокъ на свое мѣсто. Загасить огонь какъ-нибудь, т. е. ударить огарокъ лучины объ полъ или затоптать ногою и т. под., считается большимъ грѣхомъ, за который на этомъ свѣтѣ огонь, будучи непріязненнымъ для небрежнаго гасителя, можетъ сдѣлать у него пожаръ.

Многіе поселяне въ праздники, особенно въ заговины и въ розговины, ни за что не даютъ огня сосѣдямъ, такъ-что иному, если нѣтъ кремня или огнива, приходится иногда бѣгать за огнемъ версты за три и далѣе. Нѣкоторые и въ будни не охотно даютъ огонь или даютъ не иначе, какъ съ условіемъ, чтобы взятый въ горшокъ жаръ (горящія уголья), по разведеніи огня въ домѣ, былъ немедленно возвращенъ, хотя бы погасшій. А чтобъ взявшій огонь непремѣнно это выполнилъ, берутъ отъ него въ залогъ какое-нибудь верхнее платье, съ тѣмъ, что если уголья не будутъ въ тотъ-же день возвращены, то платье остается собственностію ссудившаго огонь. Въ тотъ день, когда у крестьянина «толока» онъ ни подъ какимъ предлогомъ не дастъ никому огня; да никто, какъ бы нужно ни было, и не пойдетъ за огнемъ въ ту избу, гдѣ толока.

Весною, когда начинаютъ орать поле, три дня сряду вечеромъ, не вздуваютъ и не зажигаютъ огня, стараясь засвѣтло поужинать и улечься спать.

Послѣднія двѣ примѣты соблюдаются съ тою цѣлью, чтобы скотъ, а особливо свиньи, не потравили лѣтомъ хлѣба въ полѣ. Крестьяне утверждаютъ, что у того, кто никогда не отказываетъ сосѣду въ огнѣ, хлѣбъ въ полѣ всегда бываетъ потравленъ, такъ-что хотя бы его полоса была самая задняя, скотина, для поживы, перейдетъ туда чрезъ нѣсколько сосѣднихъ полосъ, не тронувъ ихъ. Этой примѣтѣ они слѣпо вѣрятъ, подтверждая ее въ доказательство живыми примѣрами.

Если въ сырныя заговины огарокъ лучины упадетъ изъ «свѣтца» на полъ и тотчасъ же погаснетъ, то это, по мнѣнію крестьянъ, предвѣщаетъ, что въ теченіе того года въ этомъ

домѣ будетъ мертвецъ. То же примѣчается, когда огарокъ лучины упадетъ со «свѣтца» и воткнется въ полъ стоймя и будетъ горѣть,—въ какой бы день это ни случилось»[1]).

Почти такое же отношеніе къ огню мы встрѣчаемъ у крестьянъ бѣлоруссовъ Смоленской губерніи. Такъ напр. г. Невѣровичъ въ своей статьѣ: «О праздникахъ, повѣрьяхъ и обычаяхъ у крестьянъ Бѣлорусск. племени, населяющихъ Смоленскую губ.» [2]), сообщаетъ слѣдующее:

«Огонь пользуется у насъ въ Смоленской губ. особымъ уваженіемъ: при устройствѣ новаго жилья огонь непремѣнно переносится со стараго очага, безъ этого нельзя ожидать прежняго довольства. Если по отдаленности новаго жилища нельзя перенести туда старый огонь, то берутъ по крайней мѣрѣ принадлежности очага: кочергу, ухватъ и т. д. При свадьбахъ, когда привезутъ молодыхъ отъ вѣнца, они должны въѣхать въ домъ чрезъ огонь, который разводится предъ воротами». (См. Сельскохозяйственная Статистика Смоленской губерніи Соловьева)».

«Къ этимъ общимъ замѣчаніямъ г. Соловьева должно прибавить, что Бѣлорусскіе крестьяне ни въ какой праздникъ никому не дадутъ огня».

Крестьяне Минск. губ., Игуменск. у., с. Новоселки, въ Великую субботу ночью добываютъ огонь искусственнымъ образомъ, т. е. треніемъ двухъ палокъ—одна о другую. Затѣмъ раскладываютъ костеръ и зажигаютъ его добытымъ означеннымъ способомъ огнемъ и проводятъ черезъ него рогатый скотъ, свиней и прочихъ домашнихъ животныхъ въ полной увѣренности, что этимъ они избавляютъ всѣхъ своихъ домашнихъ животныхъ отъ болѣзней и всего недобраго на цѣлый годъ [3]).

---

[1]) Изъ ст. «Бытъ Бѣлорусск. крестьянъ» въ Этногр. Сборн. Этногр. отд. И. Русск. Географ. Общ., выпускъ II, стр. 254—255.

[2]) Памятн. кн. Смоленской губерніи на 1859 г., стр. 125. Тамъ же.

[3]) Изъ зап. учит. народн. училища А. Остаповича.

«При появленіи скотскаго падежа для удаленія сего бѣдствія избирается, по взаимному соглашенію день, въ который соблюдается всѣми строгій постъ, между тѣмъ женщины стараются въ теченіе этого дня напрясть нитокъ и изъ нихъ соткать кусокъ холста, чѣмъ длиннѣе, тѣмъ лучше. Къ вечеру этотъ холстъ развѣшиваютъ гдѣ-нибудь въ концѣ села въ проулкѣ между оградою съ одной и другой стороны и впереди его устраиваютъ костеръ, который зажигаютъ огнемъ, добытымъ посредствомъ тренія двухъ осиновыхъ кольевъ и затѣмъ подъ развѣшенный холстъ и чрезъ горящій костеръ прогоняютъ скотъ. При этомъ замѣчаютъ тѣ штуки скота, которыя не пройдутъ чрезъ костеръ и считая ихъ пропащими, стараются скорѣе сбыть ихъ»[1]).

Въ 29 № Виленск. Вѣстника 1868 г., въ статьѣ К. «Святой огонь» разсказывается, какъ крестьяне въ селѣ Приборовѣ (Брестскаго уѣзда, Гродн. губ.) въ 1867 г., во время холеры, посѣтившей край въ 1867 г. пришли къ священнику съ просьбою разрѣшить имъ добыть святой огонь и освятить имъ свою хату. Отвѣтъ былъ отрицательный. Увѣщаніе священника не на всѣхъ однако подѣйствовало. На другой или третій день толпа крестьянъ отправилась въ лѣсъ добывать святой огонь. Добыли его посредствомъ тренія одного дерева о другое, зажгли имъ лежавшее здѣсь же порядочное сосновое бревно, взложили па плечи и двинулись назадъ въ деревню.

Вода.

«На ряду съ царемъ огнемъ пользуется немалымъ почтеніемъ и царица — водица, другая стихія, столь же, какъ и огонь, если не болѣе, важная для жизни человѣка. И по сей день въ Бѣло-

---

[1]) Изъ ст. свящ. Ѳ. Чистякова: О бытовомъ и религіозно-нравственномъ состояніи оздамическаго прихода. Минск. Епарх. Вѣдом. 1880 г. № 20 Ч. Неофиц., стр. 439 — 40.

руссіи, можетъ быть не меньше, чѣмъ во времена Нестора почитаются «езера, кладези и источницы», особенно послѣдніе. Они у насъ называются «ключи», крыницы. Нѣкоторые ключи, издавно пользующіеся извѣстностью, періодически привлекаютъ къ себѣ поклонниковъ цѣлыми массами. Ключевая вода или, какъ ее часто называютъ, «живая» считается высокимъ цѣлебнымъ и очищающимъ средствомъ, также, какъ и огонь. Плевать въ воду— вообще предосудительно, а въ такую въ особенности. Она также, какъ и огонь употребляется для гаданія и чародѣйства. Вода, употребляемая для питья, стоящая въ ведрахъ или кадкахъ, должна быть закрыта крышкой, иначе нечистая сила можетъ ее опоганить и сдѣлать вредной для здоровья.» [1]).

Нѣкоторые крестьяне Гродн. губ.-если, бывало, имъ случится быть въ дорогѣ и проѣзжая черезъ деревню попросить въ какой-нибудь хатѣ воды напиться, то передъ питьемъ непремѣнно перекрестятъ воду и большею частью мизинцемъ правой руки. Когда мнѣ случалось изъ любопытства спрашивать: «зачѣмъ они это дѣлаютъ?» то мнѣ обыкновенно отвѣчали: «Ци жъ вы не вѣдаеце, якъ часами ў водзѣ сядзиць чортъ, альбо вѣдзьмаръ и очаруя воду? а якъ пяражагнаешъ воду, аще мезинымъ пальцемъ, то чары, коль ена очарована, альбо чортъ сядзиць ў водзѣ, дно ў копоўцы, альбо ў кубцы выляциць, бо гэто значиць, што ў водзѣ быў чортъ, альбо ена была очарована, бо чортъ ня побѣжиць ў верхъ, але мусиць ў нисъ, — такъ дно и выляциць».

Буря.

Если крестьянину случится видѣть бурю, то онъ говоритъ, что это «чортъ на весельле ѣдзе», и если вихорь, то говоритъ: «Поглядзи, якъ чортъ скача, гэто чорта весельле, капъ, борони те, Боже, да какъ подышоў чаловѣкъ да не перехрэсціўся, то гэтого чаловѣка тогды скруциць чисто руки, ноги и ўсяго

[1]) Изъ сообщеній А. Е. Богдановича.

скруциць. А коль другй догадацца перажагнецца и перажагная вихоръ, то тогды гэтому человѣка ничого не зашкодзиць и вихоръ заразъ пропадзе» [1]).

Суевѣрія относящіяся къ постройкѣ дома.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Гродн. губерніи когда строятъ домъ, то при его закладкѣ начинаютъ работу съ того конца, гдѣ впослѣдствіи будетъ красный уголъ. При рубкѣ первыхъ двухъ бревенъ строитель-плотникъ непремѣнно кого-нибудь заклинаетъ: или какого-нибудь члена семьи хозяина, или извѣстное животное, или наконецъ цѣлый рядъ извѣстныхъ животныхъ: лошадей, коровъ и пр. Изъ заклятыхъ уже никто не будетъ долго жить въ новомъ домѣ, — непремѣнно умретъ въ скоромъ времени. Заклятіе это, разумѣется, бываетъ полезно и желательно, если оно относится только къ рыжимъ и чернымъ таракапамъ и мышамъ, о чемъ всегда просятъ строителей. Впрочемъ заклятіе этого рода можно снять и перевести на кого-нибудь другого, но это возможно сдѣлать тотчасъ же по его произнесеніи и не позже окончанія работы съ первыми двумя бревнами. Въ это время стоитъ только увидѣть движущееся животное, произнести кличку его и притомъ ударить топоромъ о дерево на мѣстѣ соединенія бревенъ—и домъ сдѣлается свободнымъ отъ заклятія. Случается, особенно съ маленькими животными, что они невидимою силою привлекаются къ мѣсту рубки, попадаютъ подъ ударъ топора, гдѣ заклятіе и исполняется [2]).

Въ Погостской волости Слуцк. у. (Минск. губ.) къ постройкѣ дома крестьяне приступаютъ не иначе, какъ послѣ предварительнаго совѣщанія съ гадальщицей, которая указываетъ время, какъ для начала постройки, такъ и для входа въ домъ по ея окончаніи.

---

[1]) Изъ сообщ. И. О. Карскаго.

[2]) Сообщ. Н. Як. Никифоровскимъ.

Предъ входомъ въ новый домъ хозяева, для того, чтобы домъ былъ веселъ и богатъ, вносятъ въ него пѣтуха и дѣжу съ тѣстомъ и помѣщаютъ ихъ въ красномъ углу.

Если новый домъ трещитъ, то это предвѣщаетъ, что-нибудь хорошее для его хозяевъ [1]).

Появленіе зайца въ строющемся домѣ, и даже малѣйшая его остановка здѣсь предвѣщаетъ, что домъ этотъ неминуемо долженъ сгорѣть. Въ такомъ случаѣ постройка прекращается, а матеріалъ употребляютъ на дрова [2]).

«Въ Самохваловск. в. Минск. у., когда при постройкѣ дома кладутъ первый вѣнецъ, то въ зарубкѣ между бревнами кладутъ различныя травы, собранныя наканунѣ Ивана Купала и освященные въ этотъ самый день и нѣсколько серебрянныхъ монетъ, на которыя выливаютъ нѣсколько капель живого серебра (ртути), потомъ сбиваютъ вѣнецъ и кладутъ на мѣсто. Тогда хозяйка дома вноситъ столъ, ставитъ его въ средину вѣнца, а на него ставитъ водку и закуску и приглашаетъ рабочихъ *цеслевъ* [3]), которые, нѣсколько покобенившись, садятся вокругъ стола и старшій тессль, взявши въ руки рюмку, произноситъ слѣдующее: «Дай же намъ Божа начатое дзѣло зробици и рукъ не побици, и отъ гэтого господара грошай заробици, а яму долго жици! Кабъ у яго родзили волы, кони и коровы и мужчинскіе голо́вы! А больша приговаривац ня знаемъ; нихай Богъ дае, якъ самъ знае. Чарку першую пью и другому отдаю, а хозяинъ нихай своя дѣло знае и больше наливае».

По окончаніи стройки приглашаетъ для освященія священника и снова устраиваютъ выпивку, на которой повторяются подобныя же приговоры.

Къ этому нужно прибавить, что при постройкѣ дома всячески стараются угождать плотникамъ и говорятъ: «трэба майстру догождаци, бо ёнъ можа загубиць цалый родъ нашъ», потому

1) Изъ зап. Погостскаго волостн. писаря, С. Прохорова. 2) Зап. Н Я. Никифоровскимъ отъ учениковъ приготовит. класса Свисл. учит. семинаріи.
3) По слов. Даля: *тесля* — плотникъ, древотесъ.

что, если третій вѣнецъ плотникъ положитъ и скажетъ, ударивши трижды въ уголъ: «гакъ! нехай будзе такъ, што рокъ, то господаръ, альбо господыня», то тоды каждый рокъ мерца будзе и ўсенькіе вымруць до одной души и памиліи».

Прежде чѣмъ перейти жить въ новый домъ, пускаютъ въ него на ночь пѣтуха. И если только пѣтухъ тамъ запоетъ и сейчасъ подохнетъ (что будто бы и случается), то это означаетъ, что хозяинъ дома умретъ, если только онъ вошелъ туда жить, а если послѣ перваго пѣтуха пустить другого и третьяго и всѣ они одинъ за другимъ передохнутъ, тогда заказываютъ (закупляютъ) мшу (обѣдню), угощаютъ нищихъ для умилостивленія гнѣва Божія, и только послѣ всего этого въ нашей мѣстности (Витебск. у.) переходятъ въ новый домъ и живутъ тамъ, какъ увѣряютъ, благополучно [1]).

«При закладкѣ хатъ въ нашей мѣстности (Королевск. в. Витебск. губ. и у.) замѣчаетъ г-жа Лисовская, должно быть прежде были какіе-нибудь обычаи, но теперь до того забылись, что я даже ничего не могла узнать на этотъ счетъ. Знаю только, что при переходѣ изъ старой хаты въ новую прежде всего приносятся образа, потомъ столъ съ краюшкой хлѣба на немъ. Священникъ же для освященія хаты приглашается гораздо позже, и то для этого выжидается какой-нибудь удобный случай, напр.: крестины, свадьба и т. п., такъ что иногда случается, что живутъ по нѣсколько лѣтъ въ неосвященной хатѣ, слѣдовательно освященію не приписывается большого значенія».

О хлѣбѣ.

«Печь хлѣбъ должна женщина «чистая» (въ половомъ отношеніи: не во время мѣсячнаго очищенія или послѣ общенія съ мужемъ), въ противномъ случаѣ онъ не удастся. Крошить хлѣбъ, сорить крошки — большой грѣхъ: кто такъ поступаетъ, не будетъ имѣть хлѣба. Лучше всего хлѣбныя крошки сжигать въ печи. Почитаніе бѣлоруссами хлѣба прекрасно освѣщается слѣ-

[1]) Изъ зап. восп. Несвижск. учит. семинаріи П. Ломака.

дующимъ разсказомъ, широко распространеннымъ въ Бѣлоруссіи. Одинъ человѣкъ во время ѣды нечаянно уронилъ крошку хлѣба. Испугался онъ, сталъ ее искать. Въ это время его гумно загорѣлось. Бѣгутъ сосѣди, кричатъ ему: «Гумно горитъ». Онъ спокойно продолжаетъ искать оброненную крошку. Нашелъ, извинился передъ хлѣбомъ и съ благоговѣніемъ съѣлъ его. Тогда онъ бросился гумно тушить. Но въ то время, когда онъ умиротворилъ хлѣбъ, гумно его мгновенно потухло.

Если обнести вокругъ горящаго зданія хлѣбъ, то огонь не будетъ долѣе распространяться, буде это захочетъ хлѣбъ.

Сообразно такимъ воззрѣніямъ, во всѣхъ семейныхъ торжествахъ хлѣбъ занимаетъ высокое мѣсто.

По хлѣбу предсказываютъ судьбу членовъ семейства. Если хлѣбъ въ печи развалится на двѣ половины — это не къ добру: въ томъ же году умретъ или хозяинъ или хозяйка.

Если въ мякишѣ окажется вертикальная трещина — это предвѣщаетъ близкій раздѣлъ семьи; горизонтальная трещина— вѣрный признакъ, что или дочь выйдетъ замужъ или сынъ пойдетъ «ў примы»[1]).

Когда со стола упадетъ кусокъ хлѣба, то крестьяне (с. Новоселокъ Слуцк. у. той же губ.) поднимая его, цѣлуютъ. Такое уваженіе къ хлѣбу крестьяне питаютъ по слѣдующему случаю:

Было время, когда на свѣтѣ никого не было кромѣ одного человѣка. У этого человѣка было много всякаго рода добра, но больше всего хлѣба, такъ что куски его валялись на дворѣ, подъ лавкою, въ хлѣвѣ и т. п. Видя такое неуваженіе къ хлѣбу, Богъ отобралъ его отъ людей. Насталъ голодъ и люди умерли бы всѣ. Но ихъ котъ и собака въ то время, когда Богъ отбиралъ хлѣбъ у человѣка, къ нему подошли и стали просить хлѣба. Богъ и далъ имъ по колоску. Человѣкъ отнялъ у нихъ эти два колоска и сталъ сѣять. Прошло нѣсколько лѣтъ и человѣкъ снова нажалъ много хлѣба. Но съ этого времени онъ началъ уже *шановаць хлѣбъ*[2]).

---

[1]) Изъ сообщеній А. Е. Богдановича. [2]) Уважать, беречь. Изъ записи А. А. Остаповича.

Нужно остерегаться начинать булку хлѣба вечеромъ, потому что не будетъ спора въ немъ. Если-же и приходится начинать вечеромъ, то отрѣзанную верхнюю часть булки непремѣнно оставляютъ на обѣдъ слѣдующаго дня.

Начиная булку хлѣба, нужно сдѣлать на ней ножемъ крестъ, или самому перекреститься.

При печеніи хлѣба, на первой сдѣланной булкѣ изображается крестъ, а ѣдятъ эту булку всегда напослѣдокъ, т. е. послѣ всѣхъ съѣденныхъ булокъ того печенія. Это дѣлается для того, чтобы хлѣбъ былъ спорѣе.

Если весь хлѣбъ въ печи еще не испекся, то вынутая, испекшаяся маленькая булка не рѣжется ножемъ, а ломается, потому что оставшійся въ печи хлѣбъ не выпечется хорошо [1]).

Послѣ того, какъ вынуть хлѣбъ изъ печи нужно непремѣнно что нибудь туда поставить, или бросить, чтобы она не была пуста, хотя бы нѣсколько полѣнъ дровъ [2]).

Въ селѣ Старо-Юрковичахъ (Гомельск. у. Могилевск. губ.) между крестьянами въ ходу слѣдующая басня на счетъ хлѣба:

«Идеть коржъ, а ему на встрѣчу паляница. Паляница и спрашивая: Куды ты идешь? А коржъ и кажить: «Икъ хлѣбу, старому дѣду, на висе́лля.» Паляница и спрашивая: «А хто тамъ женицца?» А коржъ кажить: «Блинъ ладку бярётъ». — А хто тамъ начальники? — «А начальники — грича́ники, пирожки́ — дружки́, пампу́шки — дру́жки, скобка̀ — святилка, салама́ха — сваха, кула́га — куховарка, гарбуза — приданька, бобъ — попъ, и къ бобу — попу поѣхали винчацца и киселля догнали ли сила [3]).

---

[1]) Сообщ. Н. Я. Никифоровскимъ.

[2]) Зап. учит. народн. учил. П. Батуринъ. [3]) Зап. тѣмъ-же.

Другія суевѣрья и повѣрья.

а) Суевѣрный кашель.

«Мѣстность, составляющая Бѣгомльскій приходъ (Борисовск. у. Минск. губ.) вообще низменная. Всѣ низменныя мѣстности вредно вліяютъ на размноженіе овецъ, — на овцахъ появляется повальная болѣзнь, называемая у мѣстныхъ крестьянъ матылькомъ. Овцы начинаютъ кашлять и вслѣдъ затѣмъ падаютъ. Въ деревняхъ мало помышляютъ и о людяхъ заболѣвающихъ, — рѣдко случается, что больному своевременно подается помощь,— про животныхъ и говорить нечего. Благосостояніе крестьянъ, да и вообще земледѣльца, зависитъ отъ количества домашняго скота, между которымъ видное мѣсто занимаетъ овца. Овца доставляетъ крестьянину роскошный столъ во время семейныхъ торжествъ, — овца скорѣе всего выручаетъ крестьянина изъ бѣды, при взносѣ разныхъ повинностей,—овца одѣваетъ и обуваетъ селянина. Вотъ и вздумалось крестьянамъ изобрѣсть предохранительное средство отъ падежа овецъ. Способъ избавиться отъ падежа овецъ обставленъ суевѣріемъ. Во время чтенія Евангелія и во время произношенія священникомъ поученій, на женской сторонѣ подымается кашель, мгновенно оглушающій церковь. Не зная причины кашля, я старался объяснить себѣ причину его простудою, но впослѣдствіи открылъ дѣйствительную причину кашля, оглушающаго церковь. Благодареніе Богу, въ настоящую пору рѣдки случаи таковаго кашля, но все-таки бываютъ».

Изъ ст. священ. Симеона Нечаева: нѣчто изъ религіозныхъ обрядовъ и суевѣрій въ Бѣгомльскомъ приходѣ Борис. уѣзда въ Минск. Епарх. Вѣд. 1874 г. № 7, ч. неоф., стр. 230—31.

б) Толкованіе сновъ.

Я мало ошибусь, (сообщаетъ г. Никифоровскій), когда скажу, что бѣлорусскій простолюдинъ не только не чуждъ твердой вѣры въ значеніе видѣнныхъ сновъ, но что на этой вѣрѣ онъ основываетъ едва ли не всѣ свои начинанія, неудачи такъ же, какъ и успѣхи.

Собрать въ одинъ матерьялъ всѣ снотолкованія нашихъ крестьянъ слишкомъ трудно, потому что при объясненіи ихъ каждая мѣстность, каждое семейство и даже отдѣльная личность, слѣдуя своимъ личнымъ наблюденіямъ, или наблюденіямъ, унаслѣдованнымъ отъ родной семьи, представляютъ нѣкоторыя рѣзкія особенности. Въ общихъ же чертахъ каждое объясненіе видѣнныхъ сновъ касается мелочной будничной жизни и сосѣдскихъ отношеній; но сновидецъ ожидаетъ, что видѣнный имъ сонъ неминуемо выполнится, и благодаря часто случайному стеченію обстоятельствъ, сонъ дѣйствительно сбывается и подтверждаетъ вѣру сновидца.

Позволяю себѣ привести нѣсколько объясненій сновъ, удерживающихъ почти повсемѣстно однообразный характеръ.

Такъ напримѣръ видѣть во снѣ:

1) Бѣлую рыбу значитъ получить серебро.

2) Простое серебро — радость.

3) Мѣдь и мѣдныя деньги — печаль.

4) Ягоды всѣхъ сортовъ — слезы.

5) Чистую воду — семейная радость [1]).

6) Мутную воду — семейная непріятность.

7) Изгородь и нитки — услышать сплетни.

8) Биться до крови — прибытіе кровнаго родного.

9) Простую драку — пріѣздъ гостя.

10) Зубъ, вырванный съ кровью—смерть кровнаго родного.

11) Лошадь — ложь.

---

[1]) Въ Борис. у. Чистую воду — радость, мутную — печаль.

12) Собаку — клеветникъ и вообще врагъ.

13) Пожаръ — къ морозу [1]).

14) Видѣть кого въ новомъ домѣ—несчастье тому и проч. [2]).

15) Рыбу ловить — оттепель.

16) Пчелъ летающихъ — мятель.

17) Вши бить — деньги получать.

18) Зайца — пожаръ.

19) Змѣй или собакъ кусающихъ — непріятели нанесутъ оскорбленіе.

20) Сапогъ продравшимся — убытокъ.

21) Съ мертвецами быть — имѣть непріятелей.

22) Кота на уголъ лѣзучи — воръ придетъ [3]).

23) Видѣть попа — имѣть дѣло съ нечистой силой.

24) Видѣть медвѣдя, хватающаго и опрокидывающаго человѣка—означаетъ болѣзнь въ разныхъ стадіяхъ ея развитія.

25) Если медвѣдь только гнался, но не нагналъ — значитъ: болѣзнь только угрожаетъ, слѣдовательно это предостереженіе, чтобы человѣкъ оберегался, былъ поосторожнѣе.

26) Если медвѣдь нагналъ, опрокинулъ — значитъ: человѣкъ сляжетъ въ постель и пр.

27) Горохъ или бобы — означаютъ слезы.

28) Похороны — свадьбу.

29) Деньги получать — не получать.

30) Воду — предвѣщаетъ бѣду.

31) Водку — значитъ предпріятіе кончится ничѣмъ, «перегоритъ», какъ на водкѣ.

32) Церковныя хоругви — означаетъ враговъ.

33) Начальниковъ — означаетъ повышеніе и награду.

34) Монаха, а въ особенности архіерея — значитъ получить болѣзнь.

---

[1]) Въ Борисовск. у. пожаръ — предвѣщаетъ полученіе денегъ.

[2]) Сообщ. Н. Я. Никифоровскимъ.

[3]) Изъ зап. въ Борис. у. Минск. губ. г. Товстика, учит. Свислоч. учит. семинаріи.

35) Бобы — предвѣщаетъ слезы.

36) Больного умершимъ — значитъ: онъ будетъ здоровъ, на оборотъ же, т. е. если больной кажется веселымъ, то умретъ.

37) Плакать во снѣ — радость.

38) Смѣяться — печаль [1]).

39) «Пожаръ видзѣць во снѣ, — знача — погода».

40) «Рыбу вялікую бачиць — дожжъ».

41) «Солому, ти снопы піракидаць, ти ворочаць — знача перемѣна жисти и счасьцьця».

42) «Звоны чуць — смерць».

43) «Блины пячи — стыдъ».

44) «Траву зяленую видзѣць — ўсякая пріятнось» [1]).

Въ потвержденіе того, что сны непремѣнно сбываются, разсказываютъ между прочимъ слѣдующее.

«Жилъ одинъ бѣдный, но очень добрый человѣкъ. Снится ему однажды: «Ѣдзь ў Кракоў, тамъ ожидаець цебя счасьцьце». Когда приснились ему въ первый разъ эти слова, онъ не повѣрилъ сну и не придалъ словамъ никакого значенія. Но когда увидѣлъ тотъ же сонъ во второй и третій разъ, то онъ собрался и поѣхалъ въ Краковъ. Ѣдетъ онъ по самой большой улицѣ. Вдругъ подбѣгаютъ къ нему полицейскіе, схватили его лошадку и прогнали съ большой улицы. Ѣдетъ крестьянинъ и думаетъ: «Хоць до Кракова, то ўсё однакова; даромъ пріѣхаў».

Не вдалекѣ отъ крестьянина шелъ какой-то человѣкъ. Онъ подошелъ къ ѣдущему, и спросилъ о причинѣ его сѣтованія. Тотъ разсказалъ ему всё. «Знаешъ что, чалавѣча?», сказалъ незнакомый человѣкъ, «ѣдзь ты по етой вулицы; на самымъ концы стоиць домъ, зайдзи туды, тамъ табѣ дадуць работу». Крестьянинъ поѣхалъ. Отыскавъ домъ, онъ отправился къ его хозяину, который назначилъ его сторожемъ сосѣдняго пустого дома. Ему была отведена комнатка въ этомъ же пустомъ домѣ, куда онъ и отправился. Когда совсѣмъ стемнѣло, крестьянинъ разложилъ на «коминку» огонь, сѣлъ при огнѣ и сталъ молиться Богу.

---

[1]) Сообщ. В. Г. Станкевичемъ изъ Минск. г.

Въ полночь или нѣсколько раньше послышались слова съ верха трубы: «Падаю». Крестьянинъ отвѣтилъ: «Падай чрезъ моцъ Бо́скую!». Чуть онъ это сказалъ, какъ на «ко́минъ [1])» упала половина человѣческаго тѣла. Человѣкъ «отгребъ» угли, золу и горящія дрова отъ тѣла, чтобы оно не жарилось. Послышались опять слова: «Падаю!». Крестьянинъ опять сказалъ «Падай, на волю Божую!». Упала другая половина человѣческаго тѣла. Составился цѣлый человѣкъ, который и вышелъ изъ «коминка». «Не пугайся мяне, чалавѣча! я таки самы чалавѣкъ, якъ и ты. Доўга я мучіўся, покуль ты ня збавіў мяне. Мучіўся я за тое, што забіў матку и бацьку за дзвѣ бочки золота. А цяперъ, чалавѣча, идзи за мною». Они поднялись на другой этажъ. «Вотъ тутъ, сказалъ онъ, поднимая полъ въ комнатѣ, одзинъ боченокъ золата, яго ты возьми сабѣ». Они пошли въ третій этажъ. «Вотъ тутъ», сказалъ онъ, поднимая полъ въ одной изъ комнатъ третьяго этажа, «два боченка золота, одзинъ дай на убогихъ, а други́ господару етаго дома; а цяперъ прощай!». Съ этими словами онъ исчезъ.

Изъ сообщ. А. Остаповича.

в) Громъ.

Вѣрятъ, что громъ оттого происходитъ, что «святы́ пророкъ Илья по небу йздзиць».

Во время грозы Богъ чертей бьетъ, и такъ какъ они прячутся, въ особенности подъ деревьями и домами, то оттого часто Богъ и поражаетъ деревья, чтобы забить чорта. Въ одномъ только мѣстѣ чортъ можетъ укрыться отъ Бога. Это если пашутъ поле, то борозда обыкновенно ложится на правую сторону, но иногда случается, что она переваливается и на лѣвую сторону. Вотъ подъ этой-то бороздой черти и могутъ скрыться.

Если иногда молніей разобьетъ дерево, то изъ него дѣлаютъ дежу, чтобы «*вѣедзьма* скору [2]) не цягнула». Вѣруютъ, что чрезъ ночь тѣсто въ дежѣ можетъ иногда уменьшиться въ объемѣ и даже въ вѣсѣ.

[1]) печную трубу. [2]) т. е. кору, верхній слой.

Разбитаго молніей дерева черти боятся, «якъ свенцонной воды».

Когда гремитъ, то нужно вбросить въ печь льну, зажечь и покурить громничною свѣчкою, потомъ выбросить на дворъ хлѣбную лопату (Слуцк. у.) [1]).

Во время грозы бабы выбрасываютъ лопаты на улицу, чтобы этимъ отогнать грозу и градобитіе [2]).

Во время грозы нельзя ложиться на межѣ—громомъ убьетъ [3]).

«Коли громъ першій разъ гремицъ, то трэба кулятца, штобъ грома не боятца» [4]).

г)

Ў Кіевѣ ў пещеры ёсьцъ великій камень, а ў томъ камени св. Янъ и ёнъ каждый рокъ ўступае ў камень и якъ ёнъ зоўсимъ увойдзе ў камень, то будзе конецъ свѣта (Слоним. у.) [5]).

д)

Крестьяне (Игумен. у.) вѣрятъ, что въ лѣсахъ водятся ужи съ золотыми рогами, что если, увидѣвъ этого ужа, подостлать ему свитку такъ, чтобы онъ проползъ чрезъ нее и сказать: «Ужъ молодой, скинь рогъ золотой!» ужъ сброситъ одинъ изъ своихъ роговъ. Ужа съ золотыми рогами можно встрѣтить весною. Въ это время онъ всего охотнѣе сбрасываетъ свои рога. Въ остальное время, хотя и встрѣчаютъ этихъ ужей, но роговъ они не сбрасываютъ и тогда, если подостлать свитку, то они разрѣжутъ ее на двѣ части [6]).

---

[1]) Сообщ. гимназистъ 7-го кл. Слуцк. гимназіи г. Копацъ.

[2]) Изъ зап. вол. писаря Жмудива изъ Мозырск. у.

[3]) Изъ зап. г. Машурко (Могил. губ.).

[4]) Изъ зап. А. Остаповича изъ Минск. губ.

[5]) Дер. Глосовичи. Зап. уч. Свислоч. учит. семинаріи сем. Кирикъ. Сообщ. Н. Я. Никифоровскимъ. [6]) Зап. въ Игум. у. А. Остаповичемъ.

е)

Есть на свѣтѣ гдѣ-то такой край, гдѣ существуетъ смертельное дерево, на которое жители заставляютъ взлѣсть преступника и вслѣдъ за нимъ обрубаютъ всѣ вѣтви и сучьи этого дерева вплоть до его вершины. Преступникъ остается тамъ безъ пищи, питаясь только древеснымъ сокомъ до тѣхъ поръ, пока не умретъ (Мозырск. у.) [1].

ж)

Когда при отправленіи въ путь семьянина печь въ хатѣ окажется не заставленною заслонкой, то онъ не прежде долженъ выйдти изъ хаты, пока не заслонятъ печь. Тоже самое дѣлается и съ гостемъ въ томъ случаѣ, если семья къ нему доброжелательно расположена. Открытая печь служитъ предвѣщаніемъ того, что путника поразятъ въ пути разныя несчастія.

з)

Овцы не любятъ ягнятъ.

По исключительнымъ, но въ тоже время совершенно естественнымъ причинамъ, овца иногда не допускаетъ къ груди даже собственныхъ ягнятъ. Крестьянинъ не обращаетъ вниманія на причины этого явленія, а просто говоритъ, что «овца не любитъ ягнятъ». Для возвращенія послѣднимъ материнской любви заставляютъ двухъ родныхъ братьевъ поцѣловаться подъ овцой такимъ образомъ, чтобы одинъ изъ нихъ подползалъ подъ овцу съ правой, а другой съ лѣвой стороны. Для той же цѣли (въ Полоцкомъ уѣздѣ) выходятъ на дорогу и, остановивъ *проѣзжаго*, говорятъ, «наша овца не любитъ ягнятъ»; на это доброжелательный проѣзжій отвѣчаетъ: «дай Богъ, чтобы полюбила»! Отъ

[1]) Зап. вол. писарь Жмудивъ.

нѣсколькихъ отвѣтовъ въ такомъ родѣ дѣло поправляется, т. е. овца опять полюбитъ ягнятъ и допуститъ ихъ къ своей груди. Но иногда случается, что одинъ недоброжелательный отвѣтъ «пусть не любитъ» сразу уничтожаетъ всѣ уже полученныя благожеланія. Въ такомъ случаѣ дѣло начинается снова [1]).

и)

Наканунѣ воскресенья крестьяне не выносятъ сора изъ выметенной избы, чтобы сплетенъ не было.

і)

Послѣ ужина миски, изъ которыхъ ѣли, никогда не должны оставаться на столѣ, иначе чортъ можетъ явиться. Если хозяйка лѣнится убирать, ей говорятъ: «штожъ ты оставила чортову *вячѐру*?» Только въ сочельникъ предъ Рождествомъ всѣ миски и весь остатокъ ужина долженъ оставаться на ночь на столѣ, въ первый день Рождества бѣлоруссы стараются разговѣться до разсвѣта непремѣнно, такъ что если хозяйка не справится сварить до дня и начнетъ свѣтать, то запираютъ ставни или завѣшиваютъ чѣмъ-нибудь окно; ноги же въ столахъ путаютъ веревками, на тотъ конецъ, чтобы чортъ лѣтомъ лошадей не разгонялъ, чтобы съ поля не убѣгали (Витебск. у.) [2]).

к)

На ночь нельзя стягивать оборы въ лапти: чортъ за ночь сноситъ.

л)

Повѣшенная въ скотномъ сараѣ убитая сорока предохраняетъ скотъ отъ гоньбы его по ночамъ домовымъ (Борис. у.).

м)

Лучину нельзя жечь съ двухъ концовъ, потому что чортъ собираетъ не сгорѣвшіе куски такой лучины и приступитъ къ

---

[1]) Обѣ изъ сообщеній Н. Як. Никифоровскаго.

[2]) Сообщ. А. Фр. Лосовскій.

человѣку, чтобы погубить его и взять его душу, которую онъ старается купить у человѣка (Игум. у.) [1]).

н)

По той же причинѣ нельзя лезвіемъ вверхъ класть ножъ, бросать ногти. Послѣдніе нужно класть за пазуху (Борис. у.).

о)

Кто на Благовѣщенье смотритъ на веретено, тотъ часто будетъ видѣть змѣй (Борис. у.) [2]).

Примѣты:

а) Относящіяся къ браку и дѣтству.

1) «Екъ дзѣўка надзѣ́ня шапку, то 7 лѣтъ замужъ ня выйдзя.»

2) Послѣ запоинъ, когда сваты придутъ въ домъ невѣсты во второй разъ, невѣста всыпаетъ въ бутылку нѣсколько горстей ржи, наполняетъ ее, зернами примѣрно, на четверть и льетъ туда какую-нибудь жидкость, чаще всего, водку. Если изъ бутылки послышится шипѣнье, то невѣстѣ предстоитъ прекрасная жизнь, если-же въ бутылкѣ будетъ покойно и неслышно никакого шума, то ея жизнь будетъ не особенно хороша. Само собою разумѣется, что невѣста производитъ испытаніе скрытно, не только отъ сватовъ, но и отъ домашнихъ.

3) Если молодые ѣдутъ къ вѣнцу и имъ черезъ дорогу пробѣжитъ черная кошка, то жизнь супруговъ будетъ тяжелая. (Слоним. у.).

4) «Якъ спотыкаюца двое молодыхъ (женихъ съ невѣстою), которые ѣдуць: тые—оттюль, а тые отсюль, то тые, що уступятъ дорогу, що дадутъ проѣздъ спотыкнувшимся другимъ молодымъ, будутъ имѣци лихую долю.» (Пружанск. у.).

5) Если новобрачнымъ бросить въ повозку *стрюкъ* гороху, ко-

---

[1]) Въ Борис. у. той же губ. говорятъ, что огарками лучины, зажигаемой съ двухъ концовъ, чортъ *перепалмваетъ* себѣ ланцугъ (цѣпь), которымъ Богъ его *прикулъ* (приковалъ). [2]) Сообщ. учит. Свислоч. семинар. г. Товстикъ.

торый имѣетъ 9 горошинъ, то лошадямъ станетъ такъ тяжело, какъ будто на нихъ взвалили 9 бочекъ гороху—и они съ мѣста не тронутъ телѣгу.

6) Когда метется хата или клѣть и т. п., то не слѣдуетъ мести около ногъ тутъ присутствующихъ людей: не возьмутъ въ кумы.

7) Если уголь на горящей въ поставцѣ лучинѣ раздѣлится на части, то это означаетъ отдѣленіе отъ семьи кого-либо изъ ея членовъ (Борис. у.).

8) Пока дитяти не исполнится годъ, нельзя давать ему смотрѣться въ зеркало.

9) Раннее прорѣзыванье зубовъ у дитяти служитъ предзнаменованьемъ несчастья дому и, прежде всего самому дитяти.

10) Если курица перелетитъ черезъ колыбель, въ которой находится дитя, то ее слѣдуетъ перебросить обратно чрезъ колыбель, въ противномъ случаѣ дитя не будетъ спать.

б) Къ погодѣ.

11) Если жуки летаютъ вечеромъ, — завтра будетъ погода. (Игум. у.).

12) Скотъ реветъ въ хлѣвахъ — къ перемѣнѣ погоды.

13) «Коли на Сороки (т. е. въ день 40 мучениковъ) будзець снѣгъ, то ёнъ Благовѣщенье не застанець на земли, а Юрья промежъ горъ.»

14) «Свинья нясé солому зъ хлѣва будзець сьцюдзено.»

15) «Гусь копаетца — будзець отлыга (оттепель).»

16) Если на 1-й день колядъ идетъ снѣгъ, то будетъ худая весна. (Игум. у.).

17) Комары въ глаза лѣзутъ — дождь будетъ.

18) Комары кучей толпятся (макъ толкутъ) — тоже.

19) Лучинка пырскаетъ — тоже.

20) Спина болитъ — тоже.

21) Пѣтухъ вечеромъ поетъ — будетъ дождь или оттепель.

22) Когда идетъ дождь и на водѣ много остается плавающихъ пузырьковъ — быть дождю долгое время. (Борис. у.).

23) Карканіе воронъ, летящихъ стаями, предвѣщаетъ дождь.

24) Мелкія птицы садятся на окнахъ весною — къ сильной стужѣ.

25) Если куры долго ходятъ вечеромъ по двору, то будетъ дождь.

26) Если нѣтъ росы вечеромъ, то это тоже предвѣщаетъ дождь.

27) «Екъ собака ѣсьць траву, то будзе дощь.»

28) Послѣ похоронъ утопленника, могилу его, по мѣстному повѣрью, нужно обливать водою, иначе во все лѣто не будетъ дождя. (Слон. у.).

29) «Быкъ трасé ногою, — будзець сцюдзено.»

30) Рыба подскакиваетъ — къ дождю. (Игум. у.).

31) «Коли вокна попотѣюць, то кажуть, што будзя дождь итци.»

32) «Коли у *курницы* (т. е. въ курной избѣ) будзя дымно, то, кажуць, будзя непогода».

33) «Коли въ зимній вечеръ куры *скверуца*, то кажуть, что будзя морозъ вяликій».

34) «Коли куры подлетаюць ў гору, то кажуть, что будя снѣгъ ити.» (Слоним. у.).

в) Къ урожаю, домоводству, удачѣ, богатству.

35) Въ Рождественскую коляду примѣчаютъ; если зерна варимой кутьи выплываютъ на верхъ, то предстоящее лѣто будетъ урожайное, если же они падаютъ ко дну, то наоборотъ.

36) Во все время Рождественскихъ праздниковъ (отъ 25 декабря до 7-го янв.) нельзя выгребать изъ печи золу, иначе во всякомъ хлѣбѣ, и преимущественно въ пшеницѣ, окажутся сорныя травы.

37) Пока мѣсяцъ стоитъ на горизонтѣ и, въ особенности свѣтитъ, нельзя садить высадокъ (моркови, свеклы и другіе корнеплодныя растенія, посаженныя для полученія сѣмянъ), потому что они будутъ цвѣсти все лѣто, а сѣмянъ не дадутъ.

38) Во время колядъ, когда обталкиваютъ ячмень для кутьи, нельзя выбрасывать вонъ *луски* (въ Гродн. г. голуски), потому,

что въ наступающее лѣто ячмень родится съ черными *голусками*. (Гродн. г. Ник.).

39) Когда журавли очень поздно улетаютъ въ теплыя страны, то весною слѣдующаго года снѣгъ будетъ очень долго оставаться на поляхъ.

40) Когда лучина горитъ весело и угли закручиваются въ трубку — будетъ морозъ. (Игум. у.).

41) Когда уголь отъ лучины тянется, то *отлыга* (оттепель) будетъ. (Борис. у.).

42) «Якъ вуголь отъ щепки круцицца ў гору, — будзець морозъ, а якъ ў низъ, — будзець отлыга (оттепель).»

43) «Якъ пятухъ ў вéчара пяéць ў цотку (въ четъ), буде морозъ; якъ ў *лишку*, тогды отлыга». (Игум. у.).

44) Если дикіе гуси и журавли улетаютъ осенью въ теплые края, то надо ждать теплой и продолжительной осени. (Борис. у.).

45) Гдѣ лебеди пролетятъ, крича, тамъ на семь лѣтъ урожая не будетъ.

46) Звѣздная свѣтлая ночь подъ Новый годъ — признакъ хорошаго урожая въ наступающій годъ. (Борис. у.),

47) Если проложенную дорожку занесетъ снѣгомъ, то это значитъ что на слѣдующее за ней лѣто будетъ неурожай на гречиху.

48) Если на Новый годъ бываетъ иней, то будетъ неурожай на хлѣбныя растенія, а урожай на солому. (Игум. у.).

49) Если весною первый разъ увидишь бѣлую бабочку — бѣлый хлѣбъ въ этомъ году будешь ѣсть. (Борис. у.).

50) «Коли на Ильлю идзе дощь, то ня будзя орѣховъ, — ихъ мала́нка попалиць.»

51) «Коли пярэдъ Новымъ годомъ вячеро́мъ будзець много звяздъ, то въ етомъ году будзець много грибовъ и ягодъ». (Игум. у).

52) «Не можно ѣсьци ў клуни, бо мыше будуць цѣлу зиму ѣсьци сто́рону (скирду).» (Пружанск. у.).

53) Если во время сѣва льна услышишь пѣніе человѣка или птицы, то ленъ не уродится. (Слоним. у.).

54) Когда мужикъ засѣваетъ свою полосу и тутъ же сѣетъ

его сосѣдъ, то нельзя сѣять ему на встрѣчу: хлѣбъ не уродится. (Слоним. у.).

55) Повѣшенный на огородной оградѣ лошадиный черепъ приноситъ урожай. (Борис. у.).

56) Если на Юрьевъ день будетъ на рѣкѣ большая роса, то въ наступающее лѣто будетъ большой урожай ржи и гречихи, которая вслѣдъ за Юрьевымъ днемъ и сѣется: зерна будутъ ядренисты. (Борис. у.).

57) «Якъ идзешъ садзици рѣдзьку, то не бэрыса за колокъ, бо вся рѣдзька пойдзе у стовпъ.» (Пруж. у.).

58) «Якъ на Коледы ў пэршъ придзе коледовани подъ окно дзѣвочка, а не хлопэцъ, то будуць водзициса овэчечки, а не баранчики.»

59) «Если платать (чинить) платье между праздниками Рождества Христова и Крещеньемъ—овечки будутъ рябыя.» (Борис. у.).

60) «Якъ найдзешь двойчастаго колоска жита, то вырви его и дай овэчцы иззѣсьци. Послѣ гетого овэчка тая будзе водзици близнята.» (Пружанск. у.).

61) Если въ Великій четвергъ идетъ дождь, то коровы будутъ молочны.

62) Если бить облупленнымъ дубцомъ скотину, то она будетъ сохнуть.

63) Вообще нельзя бить ни животнаго, ни человѣка сухою палкой, потому что побитое или побитый начнетъ сохнуть и сдѣлается такимъ же сухимъ, какъ и палка. (Гродн. г. Ник.).

64) Лишь только корова поѣстъ травы на скошенномъ лугу—у нея уменьшится молоко.

65) Когда родится теленокъ, такъ берутъ ведро воды, «громничную (гробничную) свѣчку», отправляются съ нимъ въ сарай и тамъ съ ведромъ воды и съ зажженною свѣчею три раза обходятъ вокругъ коровы съ теленкомъ, потомъ выстригаютъ на лбу у той и у другого немного шерсти, которую и сжигаютъ тутъ же на свѣчкѣ, ведро же выливаютъ на корову, перекрестивъ ее. (Слуцк. у. Коп.).

66) Если скотина, отдѣлившись отъ стада заблудится и не

придетъ домой со стадомъ, а заночуетъ Богъ вѣсть гдѣ, то стараются домашними средствами предупредить гибель этой скотинки отъ волковъ и опредѣлить: возвратится ли она, или же погибла безвозвратно. Въ первомъ случаѣ на всю ночь втыкаютъ въ порогъ избы ножъ и покрываютъ его горшкомъ, во второмъ же чисто вычищенный ножъ вбиваютъ въ косякъ. Если въ теченіе ночи ножъ остается чистымъ, то пропавшая скотина такъ или иначе, возвратится домой, но если ножъ заржавѣетъ, то значитъ: скотина безслѣдно погибла [1]).

67) Если въ Великій четвергъ идетъ дождь, — коровы будутъ молочны. (Борис. у.).

68) Когда ѣдятъ *молодзиво* [2]), то, если первый возьметъ мужчина,—то будутъ рождаться бычки, а если женщина, то—телушки.

69) Если родится жеребенокъ съ зубами, то волкъ его съѣстъ. Если онъ играетъ передъ заходомъ солнца, — его постигнетъ таже участь. (Борис. у.).

70) Дождливый день въ праздникъ Покрова признакъ того, что слѣдующій годъ будетъ благопріятенъ для пчеловодовъ и наоборотъ. (Тамъ же).

71) «Коли у курицы жоўтыя ноги, то будзя много яиць несьци.» (Игум. у.).

72) Весною, когда курица въ первый разъ снесетъ яйцо, то его кладутъ въ рѣшето (собственно на рѣшетѣ) и качаютъ, чтобы куры лучше неслись. (Слуцк. у.).

73) «Якъ придзешь рано зъ церкви на нэрши дзень Валикодня (Свѣтлое Христовое Воскресенье), то нищъ не робивши, навэць (даже) не разговляўшися, зби зъ цебра обручъ и дай ѣсьци курамъ ў гэтомъ обручэ. Послѣ гетого ни одна курица не знесе ейца у сосѣда, або на дворэ, а все будзе несьци ў дома» (Пруж. у.).

74) Чтобы куры не клевали яиць, когда несутъ ихъ, имъ нужно припекать клювъ накаленной кочергой. (Борис. у.).

---

[1]) Зап. со словъ ученика приготовит. кл. Свислоч. Семинаріи Н. Я. Никифоровскимъ.

[2]) Въ слов. Даля: «*Молòзиво* — первое молоко послѣ родовъ, сперва насочное, а потомъ густоватое, легко осѣдающееся».

75) «Нигды не можно вязаци вѣники товды якъ сѣюць жито, бо гэто жито будзе на лѣто якъ хворость ў вѣникахъ.» (На этомъ основаніи никому въ осеннее время, когда сѣютъ рожь, крестьяне не позволяютъ вязать вѣниковъ. (Пруж. у.).

76) Вечеромъ не слѣдуетъ начинать новый коровай хлѣба: пропадетъ богатство. (Борис. у.).

77) «Коли вымецешъ хату, то не давай другому выносиць смецьце, бо забере твоё счасьце.» (Свислоч. у.).

78) Кто у дѣвушки бываетъ кумомъ, у того будутъ вестись лошади. (Борис. у.).

79) Если увидишь въ первый разъ новый мѣсяцъ (*мыладзикъ*), то нужно спустить рукавъ на руку и такъ перекреститься, чтобъ деньги водились. Дѣвки же ворожатъ на *мыладзикъ*. Когда онѣ увидятъ его въ первый разъ, то берутъ изъ-подъ правой ноги земли или что тамъ случится, кладутъ подъ подушку и что приснится, то сбудется. (Витебск. у.).

80) Если держать орѣхъ-двойчатка (спорышъ) въ деньгахъ, то онѣ будутъ споры. (Борис. у.).

81) «Якъ пэрши разъ почуешь зэзулю, а маешь товды гроши, то будзешъ цѣлэ лѣто знаходзици то грошъ, то копѣйку, то двѣ, то три,—и ўсе будзешъ знаходзици, да знаходзици.» (Пруж. у.).

82) Если волкъ перебѣжитъ кому дорогу, то это предвѣщаетъ ему успѣхъ въ предпринятомъ дѣлѣ.

83) Если дрова горятъ весело и отбрасываютъ искры, значитъ, что хозяйка этого дома получитъ подарокъ.

84) Если кто во время кушанья поперхнется, то это означаетъ, что его кто нибудь упоитъ водкою. (Игум. у.).

85) «Якъ выѣзжаешь ў дорогу, то треба, кабъ хто-нибудзь перейшоў передъ возомъ зъ ведромъ, повнымъ водою. Товды дорога будзе счаслива.»

86) «Якъ ѣдзешъ на полеваньне (охоту) и хто идзе на спотычку тобѣ, то старайся ўпэршъ заговорици. Якъ ўпэршъ ты заговоришъ, то полеваньне удасца.» (Пруж. у.).

г) Предвѣщающіе смерть.

87) Различаютъ (въ Гродн. губ.), что воющая собака въ иномъ случаѣ подымаетъ голову вверхъ, въ иномъ вытягиваетъ впередъ, въ иномъ же потупляетъ внизъ. Въ первомъ случаѣ вой ея предвѣщаетъ пожаръ, во второмъ—войну, а въ третьемъ—покойника въ томъ домѣ, куда собака обращена переднею частью своего тѣла: если она совершаетъ свой вой передъ окнами хозяйскаго дома и, въ особенности со стороны двора, то это предвѣщаетъ хозяйскому дому смерть кому либо изъ его жильцовъ. (Гродн. губ.).

88) Въ Игум. у. (Минск. губ.), толкуютъ такъ вой собаки: если она воетъ, поднявъ голову къ верху, то будетъ пожаръ, если же она, воя, опускаетъ голову, то будетъ поморъ.

89) Если въ избѣ бревно или доска дастъ трещину съ сильнымъ звукомъ, то это предзнаменуетъ смерть кого-либо изъ членовъ семьи. (Борис. у.).

90) «Коли хто ў церкви чхнецъ на вяликая свято, то ёнъ на другы годъ иного свята не дочакáецца». (Игум. у.).

91) Если филинъ возлѣ дома кричитъ «повивъ!», то будетъ въ домѣ томъ дитя, если же на подобіе слова «путь!», то будетъ покойникъ. (Слон. у.).

92) «Коли курица пяéць и накого глядзиць, то той умрець.» (Игим. у.).

93) Если курица въ домѣ запоетъ, то это предвѣщаетъ смерть одному изъ членовъ семьи. Чтобы отвратить это несчастье берутъ курицу и мѣряютъ ею отъ стѣнъ противъ дверей до самаго порога—то головой впередъ, то хвостомъ и такъ далѣе. Если на порогъ придется голова, то рубятъ топоромъ голову, а если хвостъ, то рубятъ его. Если же въ послѣднемъ случаѣ она когда-нибудь повторитъ пѣніе, то съ нею продѣлываютъ опять то же самое (Гродн. г. Слон. у.).

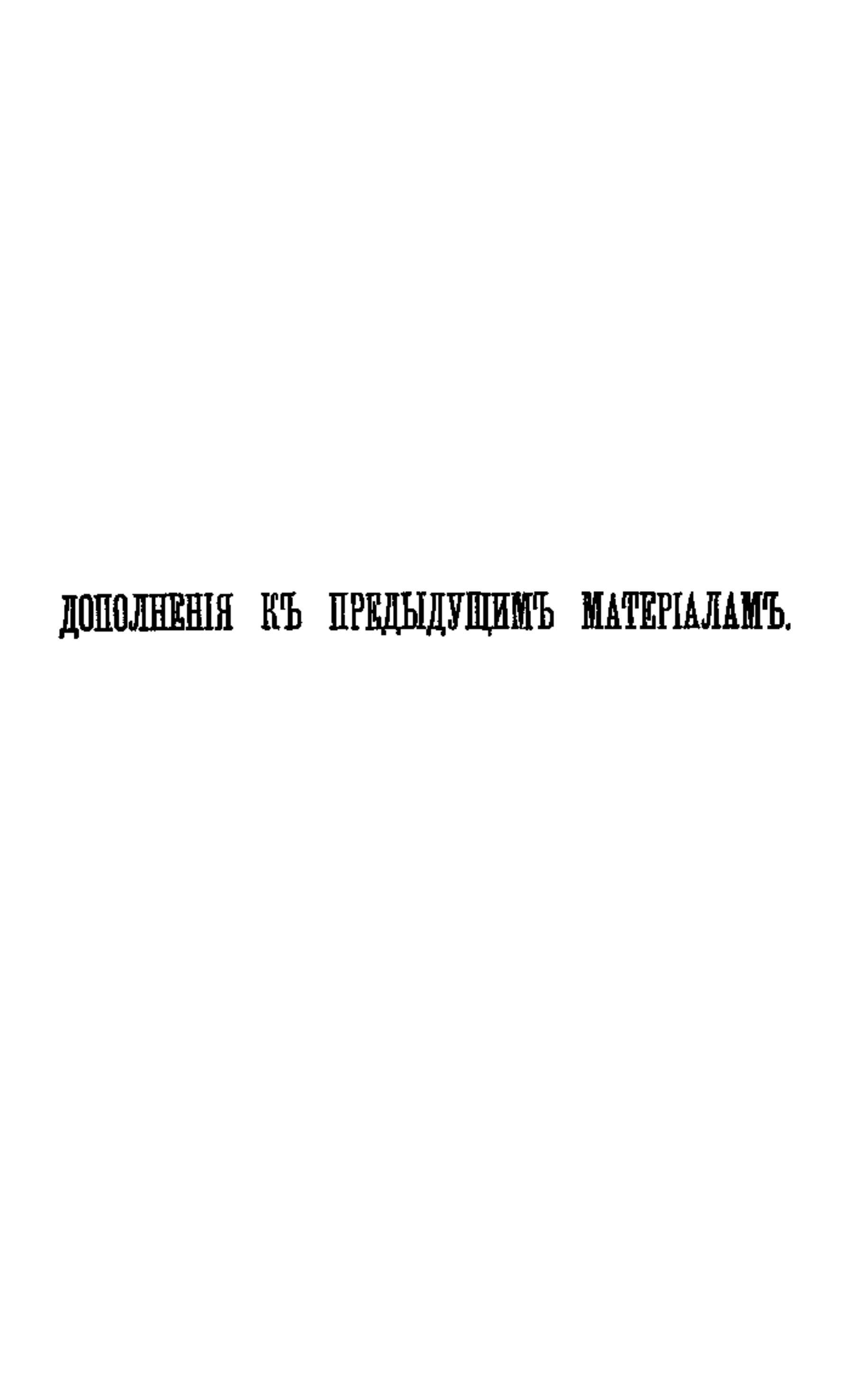
94) «Коли скиня хто-нибудзь бусла (аиста) гнѣздó, то ў томъ мѣсьця, чи сялѣ, будуць дзѣци умираць.»

95) Если въ комнату влетитъ ласточка — будетъ смерть въ дому.

96) Если хлѣбъ въ печи трескается — кто нибудь изъ того дома умретъ (Игум. у.).

97) На масляницѣ (7-го февраля) на кого пойдетъ дымъ отъ загашенной свѣчи, тотъ помретъ въ этотъ годъ.

98) Также кто въ это время послѣдній пьетъ водку, тотъ первый помретъ.



ДОПОЛНЕНІЯ КЪ ПРЕДЫДУЩИМЪ МАТЕРІАЛАМЪ.

Очерки быта Полѣсья.

(С. Житлинъ, Слонимскаго у.).

а) Общій видъ деревни.

Села и деревни въ Слонимскомъ уѣздѣ обыкновенно располагаются въ одну улицу, почти прямую. По обѣ стороны улицы тянутся хаты. Возлѣ каждой хаты небольшой дворъ. Тутъ же и небольшой огородъ, а у нѣкоторыхъ и небольшой садикъ изъ вишневыхъ деревьевъ по преимуществу, хотя встрѣчаются въ такихъ садикахъ и груши и яблони. Садики эти, впрочемъ, стали появляться въ недавнее время и о нихъ заботится молодежь. У нѣкоторыхъ хозяевъ подъ деревьями стоятъ колоды съ пчелами, за которыми наблюдаютъ сами хозяева. Тутъ же во дворѣ, при улицѣ, находится колодезь, если не у каждаго хозяина, то у большинства (въ Житлинскомъ приходѣ). Встрѣчаются колодцы и среди улицы. Такіе колодцы устраиваются обыкновенно сообща нѣсколькими хозяевами, ближайшими къ мѣсту нахожденія колодца. Обиліе колодцевъ объясняется близостью подпочвенной воды и легкостью работы при устройствѣ колодца. Хаты и всѣ постройки покрыты соломою. Кругомъ села или деревни тянется ограда изъ жердей, защищающая огороды отъ домашнихъ животныхъ со стороны улицы и со стороны выгона. Однообразіе селъ и деревень по общему, производимому ими, впечатлѣнію, поразительное. Только число хатъ, ширина улицъ и расположеніе холодныхъ построекъ не вездѣ одинаковы. Впрочемъ, большія села и деревни встрѣчаются весьма рѣдко, и самыя большія имѣютъ не болѣе 60 — 100 хатъ. Что же касается расположенія холодныхъ построекъ, то въ однихъ селахъ и деревняхъ всѣ они строятся «въ одномъ пошарунку», т. е. въ одинъ рядъ съ хатой и подъ одной сплошной соломенной крышей, а въ другихъ—

гумна располагаются отдѣльно отъ прочихъ построекъ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нихъ, такъ что между постройками и гумнами образуется другая улица.

Названія «деревня» мѣстный народный говоръ не знаетъ: въ немъ для села и деревни одно общее названіе — «село».

б) Устройство хаты.

Крестьянская хата строится безъ всякаго фундамента, прямо на землѣ. Впрочемъ, иногда послѣ закладки, т. е. когда положены первыя 4 подвальныя бревна («подрубы»), образуя прямоугольный 4-угольникъ, закапываютъ подъ всѣ четыре угла дубовыя колодки. «Подрубы», упираясь своими углами на колодки, образуютъ подъ собою пустое пространство. Чтобы заполнить его, подкладываютъ подъ подрубы куски дерева и дѣлаютъ на протяженіи подрубъ земляную насыпь въ 2 — 3 вершка высоты, такъ что она закрываетъ собою не только куски дерева, положенные подъ подрубы, но и частью самые подрубы. Эта насыпь обкладывается снаружи деревомъ и называется «призьба». Назначеніе ея — защищать хату отъ холода снизу.

Матеріаломъ для хаты въ нашей мѣстности служитъ исключительно еловое дерево, опиленное только съ двухъ сторонъ, въ брусьяхъ толщиною въ $3^1/_2$ вершка. Длина и ширина хаты по 9 аршинъ, высота стѣнъ 3 аршина. При кладкѣ стѣнъ, каждое верхнее *бревно съ нижней* стороны «пазятъ», т. е. вырубаютъ углубленіе соразмѣрно съ выпуклою стороною нижняго бревна; накладываютъ на нижнее бревно обыкновенный лѣсной мохъ и кладутъ на него верхнее, которое своимъ углубленіемъ («пазомъ») покрываетъ почти совершенно положенный подъ нимъ мохъ. Когда стѣны сложены, на нихъ кладутъ двѣ балки, а по нимъ настилаютъ изъ досокъ потолокъ («покутъ»). На него кладутъ мохъ и засыпаютъ пескомъ. На стѣны ставятся «кроквы» (стропила), 3 пары, забивается «щитъ» (доски, закрывающія отверстіе между потолкомъ и крышей надъ поперечными стѣнами

избы), прибиваются къ «кроквамъ» «латы» (жерди, къ которымъ прикрѣпляется солома для крыши), на латы настилается «правая» (не мятая, кулевая) солома, толщиною — по желанію, колосьями вверхъ, выравнивается самодѣльнымъ инструментомъ изъ куска доски, называемымъ «стрихавкою», прижимается къ латамъ тычинками, которыя привязываются въ нѣсколькихъ мѣстахъ къ латамъ лозою («дубцами», ракитою) и такимъ образомъ придерживаютъ солому на крышѣ. Рядъ за рядомъ настилается и привязывается солома на крышѣ и притомъ такъ, что верхній рядъ соломы прикрываетъ собою тычинки нижняго ряда, — и крыша готова. На самый гребень ея накладываютъ мятую солому, или «вышей» или пырей, прикладываютъ это жердкой, поверхъ которой кладутъ «козлы». Это — скрѣпленные косымъ неравномѣрнымъ крестомъ колья: ихъ короткіе концы возвышаются надъ гребнемъ крыши, а длинною своею частью они лежатъ на верхней части крыши.

Хаты кроются исключительно соломою, а строются своими плотниками. Почти каждый порядочный хозяинъ умѣетъ построить хату. Замѣчательно, что желѣзные гвозди совершенно не употребляются крестьянами при постройкахъ: они замѣняютъ ихъ деревянными гвоздями. Это дѣлается отчасти изъ экономіи, а можетъ быть и потому, что желѣзныхъ гвоздей негдѣ достать по близости.

Хата обыкновенно представляетъ внутри одну комнату. Почти въ каждой хатѣ по 4 окна: одно выходитъ на улицу, два на дворъ и одно «за печью» (въ стѣнѣ противоположной отъ двора). Отверстія для оконъ дѣлаются въ $^3/_4$ аршина въ длину и $^1/_2$ аршина въ вышину. Отверстія эти безъ всякой *шалевки* закрываются прибитыми къ нимъ снаружи окнами. Дверь одна, — на деревянныхъ петляхъ и сколочена деревянными гвоздями. У двери почти каждой хаты есть «помостикъ»: выкапывается небольшая яма у самаго порога и устраивается надъ ней досчатый мостикъ. Яма подъ мостикомъ служитъ для стока дождевой воды. — Пола въ хатѣ нѣтъ, вмѣсто него — глиняный «токъ».

Печь устраивается возлѣ самыхъ дверей. Предварительно закапываются въ землю 4 колодочки по угламъ предполагаемой печи. На эти колодочки кладутся крѣпкіе брусья, а на нихъ ставятъ (вдалбливаютъ) 5 — 6 столбиковъ, на которые накладываются «препоны» (поперечныя перекладины). На препоны накладываются доски, на нихъ размѣшанная глина, которую тщательно выравниваютъ, сглаживаютъ, и такимъ образомъ устраивается нижняя часть печи «черень». На черень кладутъ полѣнья, — такую кучу и такой длины, какой вмѣстимости желаютъ имѣть печь. Потомъ на все это накладываютъ глину, тутъ же ее мѣсятъ, обставивши по бокамъ досками, чтобы она не расходилась въ стороны, сглаживаютъ сверху, — и печь готова. Когда глина нѣсколько обсохнетъ, дней черезъ 5—6, поджигаютъ тѣ дрова, которые плотно сложены въ печи; дрова горятъ и выжигаютъ печь. Нижняя часть печи, выдающаяся нѣсколько впередъ предъ отверстіемъ ея, называется «припечь», мѣсто же на припечи, куда изъ печи жаръ выгребаютъ, называется «ўшко». Недалеко отъ печи въ потолкѣ дѣлается небольшое 4-угольное отверстіе («верхъ»), на которое ставится ольховая труба (изъ дупловатой ольхи), которая верхнимъ концомъ проходитъ черезъ крышу и пропускаетъ черезъ себя дымъ.

Такія печи, безъ трубъ, преобладаютъ: на 10 — 12 хатъ курныхъ едва-ли придется по одной хатѣ съ трубой. Устройство кирпичной печи съ трубою слишкомъ дорого обходится крестьянину. Каждая сотня кирпича на кирпичномъ заводѣ стоитъ 1 руб., а доставка его, по дальности разстоянія, обойдется тоже въ 1 р. и болѣе. На печь же съ трубой нужно кирпича 900—1000 штукъ. Одинъ кирпичъ обойдется въ 20 р. и болѣе, а сложить печь тоже чего-нибудь стоитъ, такъ какъ самъ крестьянинъ такой печи несложитъ. Между тѣмъ глина ему ничего не стоитъ и сбивка печи изъ глины не требуетъ особаго умѣнья.

Вдоль стѣнъ хаты тянутся «лавы», а за печкой, кромѣ лавъ, на одномъ уровнѣ съ нею, кладутся широко доски («полъ»). Надъ лавами по длинѣ хаты тянутся подъ потолкомъ тонкія круглыя

балочки, по двѣ при одной и другой стѣнѣ. Онѣ концами своими вдѣланы въ поперечныя стѣны хаты. На нихъ кладутъ «жердки», которыя поддерживаютъ люльку съ ребенкомъ, бѣлье, развѣшенное на нихъ для просушки, лучину, ленъ и проч.

Къ хатѣ непосредственно пристраиваются сѣни, которыя по величинѣ своей нѣсколько больше хаты. Здѣсь обыкновенно зимою кормятъ свиней, а лѣтомъ сами здѣсь спятъ и ѣдятъ, такъ какъ въ хатѣ бездна клоповъ, прусаковъ и мухъ. Здѣсь же, въ сѣняхъ, устраивается «стёбка» (кладовая). Величина ея зависитъ отъ достатковъ хозяина и его семьи. Стёбка служитъ складомъ для картофеля, капусты, свеклы и проч. Къ сѣнямъ примыкаетъ «повѣть», — навѣсъ для дровъ; тутъ же хранятся повозки, соха и проч. Далѣе слѣдуютъ хлѣвы скотные, за ними «шópa» (сѣновалъ), а далѣе — гумно, и все это большею частью подъ одной соломенной крышей (въ одномъ «пошарунку»). Въ послѣднее время крестьяне стали строить свои гумна поодаль отъ другихъ построекъ. Кромѣ названныхъ построекъ иногда бываетъ еще «свиронокъ» (амбаръ), но это — принадлежность богатыхъ.

Въ хатѣ, кромѣ стола и скамьи да лавъ, ничего нѣтъ. Стѣны голыя: ни образовъ, ни картинъ нѣтъ, только мѣстами видны деревянные «крючки», вбитые въ стѣны: на нихъ виситъ то шапка, то «кошелка», то «ручникъ» и т. п. Къ этому нужно прибавить, что стѣны и потолокъ чернѣе сажи отъ дыму, и вся обстановка говоритъ столько же о вопіющей бѣдности, сколько и о поразительной неопрятности.

Хата съ сѣнями изъ еловаго дерева обходится мужику отъ 100 до 120 р. Но есть хозяева, которые ухитряются и за 50 р. построить довольно сносную хату. Всѣ же остальныя постройки обходятся до 130 р. Такъ что за 250 р., много за 300 р., можно крестьянину нашему построить всѣ свои постройки въ лучшемъ видѣ.

Обычаевъ примѣтъ, суевѣрій относительно закладки хаты не наблюдается. Только входъ (входины) въ новую хату пріурочивается обыкновенно къ полнолунію: «Кобъ ўсходъ було повно

и въ бочкахъ сбожжи и въ хлѣвахъ слобожи (скота) и во свирнахъ»... и проч. приговариваютъ они обыкновенно при этомъ.

Посуда нашихъ крестьянъ въ хатахъ очень скромна и невзыскательна. Глиняные горшки для варки кушанья, такія же миски, деревянныя ложки, «кошели» или верени (корзинки) продолговатой формы изъ тонко надраннаго распареннаго молодого клена для картофеля, ведро у порога съ водой и съ «корцемъ»— вотъ все, что можно встрѣтить въ каждой хатѣ по части посуды. Корецъ — это нѣчто въ родѣ большой деревянной ложки изъ еловаго дерева, глубоко выдолбленной долотомъ, съ неуклюжей толстой и короткой ручкой. Корецъ при ведрѣ замѣняетъ кружку для питья. Это замѣчательность въ своемъ родѣ. Въ другихъ уѣздахъ Гродненской губерніи «корца» я не замѣчалъ. Въ каждой хатѣ замѣчается еще «кошóлка» — одна или даже нѣсколько. Это небольшія корзинки, сплетенныя плотно изъ узкихъ (½ вершка ширины) длинныхъ полосокъ березовой коры, или вѣрнѣе, двѣ корзинки — верхняя и нижняя. Верхняя покрываетъ нижнюю почти до дна, плотно обхватывая ее со всѣхъ сторонъ и служитъ крышкой для нижней. Кошолка у нашихъ крестьянъ — это подорожная сумка. Она вѣшается на веревочкахъ чрезъ плечо и служитъ вмѣстилищемъ провизіи.

Хаты въ настоящее время у нашихъ крестьянъ освѣщаются керосиномъ, хотя встрѣчается еще освѣщеніе хатъ и сосновою лучиной.

Украшеній домовъ крестьянами не наблюдается. Даже во многихъ домахъ иконъ не встрѣтите. Повсюду грязь и неопрятность. Зимою въ очень многихъ домахъ, особенно въ мóрозные дни можно встрѣтить то телятъ, то ягнятъ, то свинью съ поросятами — и все это днюетъ и ночуетъ въ хатѣ съ человѣкомъ многосемейнымъ. Въ такой хатѣ трудно удержать чистоту. Да объ этомъ и не заботятся.

Раздѣлы — это слабая сторона нашихъ крестьянъ. Лишь только въ хатѣ заведется одна-двѣ невѣстки, сейчасъ онѣ сами пересорятся, мужей своихъ вооружатъ другъ противъ друга и

даже противъ родителей и не пройдетъ иногда и года какъ зажиточная семья распадается на нѣсколько и каждая порознь съ каждымъ годомъ бѣднѣетъ и бѣднѣетъ. Но эта бѣдность распавшейся семьи нисколько не удерживаетъ другихъ отъ раздѣловъ и отъ плачевныхъ послѣдствій этихъ раздѣловъ. Благодаря частымъ раздѣламъ дома и холодныя постройки какъ грибы выростаютъ по деревнямъ и селамъ. Но тутъ опять бѣда. Каждому изъ отдѣлившихся сыновей непремѣнно хочется построиться «на батьковщинѣ» (на землѣ своего отца). Отъ этого въ нашихъ деревняхъ крестьянскія постройки скучены тѣсно такъ, что мѣстами положительно крыши построекъ нѣсколькихъ сосѣдей чуть-ли не соприкасаются между собою. Вслѣдствіе такой скученности построекъ и наши деревенскія пожары такъ опустошительны.

Общественность у нашихъ крестьянъ въ зародышѣ. Предпріятій общества сообща никакихъ не затѣваютъ, развѣ сельскій староста, съ руганью и угрозами штрафа подъ каждымъ окномъ, выгонитъ цѣлое общество для починки какой-нибудь гребли и только. Впрочемъ за 10 лѣтъ моего пребыванія въ Житлинѣ, мои прихожане два раза самостоятельно проявили свою общественность. Разъ, цѣлой деревней прорыли канаву чрезъ свои сѣнокосы и тѣмъ значительно осушили ихъ, а въ другой разъ цѣлымъ обществомъ, безъ всякаго побужденія извнѣ, вооружились противъ волковъ, черезчуръ ужъ надоѣвшихъ имъ, пошли облавою на нихъ и убили нѣсколько штукъ.

Толоки бываютъ и часто практикуются у нашихъ крестьянъ. Нужно-ли кому вывезти матеріалъ изъ лѣсу для построекъ или въ одинъ пріемъ сжать свою полосу и проч. въ такомъ случаѣ онъ сзываетъ рабочихъ на толоку. На толоки очень охотно въ нашей мѣстности собираются. Рабочихъ на толокахъ угощаютъ водкой, два раза въ теченіи лѣтняго дня, до которой нашъ мужикъ очень падокъ и кормятъ два раза, а платы за работу они ужъ никакой не получаютъ. Толоки для хозяина гораздо дешевле обходятся чѣмъ наемъ рабочихъ и выгода еще отъ нихъ та, что

спѣшная работа производится въ одинъ пріемъ, не затягиваясь, какъ это бываетъ иногда при наймѣ рабочихъ.

в) Одежда.

«Сорочка» изъ своего домашняго холста широкая, свободная, мужская до колѣнъ, а женская подлиннѣе.

«Ковнеръ» ея (воротникъ) большой откладной, застегивается въ «гапкахъ» (петлицахъ) «шпункою» у женщинъ, а у мужчинъ завязывается «жичкою» (красною ленточкой, которая еще иначе называется «стужкою»). «Шпунка» — запонка съ цвѣтнымъ стеклышкомъ. Рукава сорочки съ «ковнерцами» (манжетами), застегивающимися на «гузики» (пуговки) и съ «цвиклями». «Цвикли» это клинушки, вшитые въ рукава подъ мышками.

Праздничныя сорочки женскія съ «барабанами». Это рукава сорочки съ поперечными на нихъ сверху красными полосками.

Когда ткутъ холстъ, то для рубахъ нарочно дѣлаютъ «перетыки» на рукава и па «уставки» (наплечники), т. е. ткутъ съ красными полосками.

«Нагавицы» (штаны) тоже домашняго холста, съ прорѣзомъ спереди и застегиваются вмѣсто пуговицы деревянной «биргольк ой» (маленькій кусочекъ дерева, тщательно округленный, длиною въ одинъ дюймъ). Зимою поверхъ нагавицъ изъ холста надѣваютъ еще суконные нагавицы, такого же фасона изъ домашняго сукна.

«Сермяга» или «свитка» (отъ слова свивать) изъ домашняго сукна, цвѣта сѣраго, длиною — у мужчинъ до колѣнъ, а у женщинъ—пониже колѣнъ, но покроя одинаковаго и у тѣхъ и у другихъ. «Ковнеръ» маленькій — пальцевъ на два шириною, откладной, лацканы тоже небольшіе. Рукава широкіе, свободные съ «закотами» (обшлага). Въ другихъ мѣстахъ обшлага называютъ «закервапами», «манкетами». Сзади отъ стана до низу идутъ «хванды» (это небольшія складки). Сермяга застегивается па «гаплики» (крючки), а поверхъ сермяги носятъ еще пояса своего издѣлія. «Хвандами» крестьяне и крестьянки дорожатъ, въ особенности

когда еще сермяга не износилась. Скинувши съ себя сермягу, они обыкновенно расправляютъ эти хванды, правильно складываютъ ихъ и потомъ свиваютъ или скатываютъ сермягу чуть-ли не въ клубокъ и крѣпко связываютъ ее поясомъ, чтобы эти складки или хванды приняли опять свой правильный видъ и тогда уже прячутъ ее въ такомъ скатанномъ видѣ. Отъ этого и называется сермяга «свиткою» или же «катанкою». «Кожухъ» изъ овчинъ такого же покроя какъ и сермяга и съ хвандами только воротникъ побольше. Коротенькій кожухъ, употребляемый при работѣ не доходящій даже до колѣнъ, называется «тулупчикъ». Еще носятъ коротенькую сермяжку и называютъ ее «кажутка».

Шапка лѣтняя обыкновенная круглая изъ чернаго сукна, съ козыркомъ, покупная, а зимняя тоже круглая, мелкая изъ овчины выдѣланной съ подстриженнымъ волосомъ, съ дномъ изъ сѣраго или чернаго сукна. Женщины носятъ «споднацы» (юбки) изъ разноцвѣтнаго ситца (яркихъ цвѣтовъ) длинныя до пятокъ. Это по лѣтнему сезону, а зимою юбки суконныя, которыя называютъ «андараки». На головѣ дѣвушки носятъ ситцевые платки, повязанные подъ бороду, по преимуществу краснаго цвѣта съ узорами, а замужнія женщины — «наметки». Это узкая полоса бѣлаго тонкаго полотна длиною 5 аршинъ, шириною $1/2$ аршина. Ее складываютъ по длинѣ вдвое и особымъ образомъ наматываютъ на голову и прикалываютъ длинными булавками (шпильками).

Различіе между будничной и праздничной одеждой только въ ея чистотѣ.

Волосы, «косы» по мѣстному, мужчины носятъ подстриженные въ кружокъ, а женщины (дѣвки) дома носятъ волосы заплетенными въ 2 косы и свитыми на головѣ, а идя въ церковь — заплетаютъ въ одну косу, которая виситъ свободно и въ концѣ которой вплетаютъ нѣсколько разноцвѣтныхъ «стужекъ» или «косниковъ» (ленточекъ). А «жонки» (замужнія женщины) когда послѣ вѣнца (брака) имъ заплетутъ «дѣвóцкую косу», то послѣ этого онѣ уже никогда не заплетаютъ косъ, а раздѣливши свои волосы руками, сзади, на двое, скручиваютъ ихъ и обматываютъ

кругомъ головы, а поверхъ надѣваютъ чепцы своей работы (нѣчто вродѣ сѣтокъ изъ нитокъ).

Жонки въ домашнемъ обиходѣ повязываютъ на голову платки особымъ образомъ: распущенный платокъ двумя концами завязывается подъ бороду, потомъ берутъ остальные два конца платка, висящіе по спинѣ и вторично накидывая его на голову, завязываютъ и этими концами подъ бороду. По завязанному такимъ манеромъ платку, каждый въ деревнѣ уже отличитъ молодицу (бабу) отъ «дзѣвки». Самая распространенная обувь въ моемъ приходѣ «лапти», которые плетутъ изъ лозовой коры. Носятъ ее малые и старые, мужчины и женщины, эта обувь ничего мужику не стоитъ и очень удобна. Тряпки, которыми обвертываютъ ноги, надѣвая лапти, называютъ по мѣстному «ганучи», «онучи» и «портянки». Веревочки же, которыми привязываютъ къ ногѣ лапти, называются «волоками». Онѣ приготовляются по большей части изъ луба молодыхъ побѣговъ липы.

Лѣтомъ при работѣ мужчины и женщины носятъ короткія, чуть ниже стана «куртки» «полупортяныя», то есть изъ ткани, наполовину изъ суконныхъ и изъ льняныхъ нитокъ.

Въ Кобринскомъ уѣздѣ замѣчается уже разница въ одеждѣ крестьянъ, хотя Слон. и Кобр. уѣзды смежны. Тамъ «свитки» у крестьянъ длиннополыя, по самыя пяты, темносѣраго цвѣта, съ стоячимъ воротникомъ. Сзади свитки, ниже стана двѣ оттопыренныя фалды («усы» по тамошнему), каждая въ видѣ треугольника, такъ что нижнія части ихъ бываютъ оттопырены на 4 — 5 вершковъ. Спина свитки безъ шва; боковыя же полы и «пазухи» (переднія части свитки, на груди) вшиты толстыми наружными рубцами, притомъ полы изъ двухъ кусковъ сукна. Изъ одного, изъ этихъ кусковъ, который пришивается одной стороной къ задней полѣ свитки, образуется «усъ», а къ нему пришивается уже передняя пола. Такъ равно и съ другой стороны: Лоцкановъ при свиткѣ нѣтъ, а застегивается она наглухо проволочными крючками и петлями. Старая свитка, изорванная, называется тамъ «латушка» (очевидно отъ слова латать, чинить

дѣлать заплату) «Кожухъ» такой же длинный какъ и свитка и съ *усами*.

Волосы (гиря по тамошнему у мужчинъ) мужчины носятъ длинные подстриженные въ кружкахъ, безъ пробора, а въ иныхъ мѣстахъ съ проборомъ съ лѣвой стороны головы. Лѣтнія шапки такія же какъ и въ Слон. уѣздѣ, но нѣкоторые старики и лѣтомъ носятъ бараньи шапки, подшитыя съ наружной и съ внутренней стороны овчиной. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ уѣзда, зимнія шапки называются «капузами». Отъ цилиндрической формы, вышиною до 6 вершковъ и даже больше, дно шапки синяго сукна, подбитое паклей вмѣсто хлопчатки. Верхніе края капузы выдаются поверхъ дна, вершка на два и съ задней стороны разрѣзаны до самаго дна и въ самомъ верху связываются «жипкой», (красной ленточкой).

Носятъ лапти и «чоботы» (сапоги) съ широчайшими голенищами, такъ чтобы, по мѣстному выраженію, «просто съ печки, да въ чоботы всунувся». Веревочки къ лаптямъ изъ конопли и называютъ «оборки».

Одежда женщинъ Кобринскаго уѣзда тоже что и мужчинъ. Свитка шьется широкая, свободная съ большимъ запасомъ подъ мышками, чтобы не стѣсняла движеній при работѣ и ни сколько по наружному виду не отличается отъ мужской. Лѣтомъ женщины носятъ кромѣ свитки въ будни особую одежду, похожую на кофту, съ двумя сзади вырѣзами ниже поясницы — вершка на 4. Называется она «кабатъ».

Волосы у дѣвушекъ длинные, съ проборомъ посрединѣ головы, заплетаютъ ихъ въ косу и въ концѣ косы вплетаютъ нѣсколько разноцвѣтныхъ ленточекъ, которыя болтаются на спинѣ и видны изъ подъ платка. Платокъ обыкновенно бѣлый. Замужнія женщины волосы свои наматываютъ на обручъ, который называютъ «капица», а въ западной части уѣзда «кибалка», и прикрѣпляютъ его съ волосами на верхней части головы. «Капица» съ волосами прикрѣпляется сѣткою (чепецъ), которая стягивается сзади веревочкой. Капица дѣлается изъ льна и обшивается тряпочкой.

Поверхъ каницы носятъ бѣлые или цвѣтные платки, а старухи «наметки» такія же какъ и у насъ въ Слон. уѣздѣ, только иначе нѣсколько наматываютъ ихъ на голову. Наматываніе наметки на голову — это такая бабская премудрость, которой не берусь описывать — не сумѣю.

Старики обыкновенно упрекаютъ молодежъ въ томъ, что она употребляетъ платки. «Що-то тэпэръ за молóдижъ?!.. бывало молодиця нэ зважитця и до колодезя пуйти безъ намэтки, а тэпэръ въ крамныхъ хустахъ ходятъ и до цэрковы», говорятъ пожилые, въ укоръ молодежи.

Въ Бѣльскомъ уѣздѣ свитку называютъ «жупицей». Она шьется длиною немного ниже колѣнъ и съ фалдами сзади. Эти фалды украшены вшитыми красными лентами, а обшлага украшены обшивкою краснаго сукна. Лѣтомъ носятъ коротенькія куртки пестрыя «плоценковыя» (холщевыя, изъ крашенныхъ, разноцвѣтныхъ нитокъ) и шерстяныя. Бабы носятъ такія же жупицы и шерстяныя юбки, полосатыя, радужнаго цвѣта, которыя тамъ называются «саяны». Наметокъ не носятъ, а носятъ разноцвѣтные платки шерстяные и даже шелковые. Повязываютъ ихъ сзади, а не подъ бороду, такъ что узелъ концевъ платка бываетъ на затылкѣ и прикрывается свѣшивающейся угломъ платка. Замужнія женщины носятъ подъ платками «чепцы», шитые изъ цвѣтного коленкора и обшитые надъ лбомъ узенькою парчевою ленточкою, подъ глазами, прикрывая лобъ, свѣшивается гривка, равно подстриженная, а надъ висками возлѣ ушей виситъ по небольшой пряди волосъ, нѣчто на подобіе еврейскихъ «пейсовъ», только подлиннѣе ихъ. Обувь довольно щегольская. Башмаки на высокихъ каблукахъ — подборахъ, а сапоги у мужчинъ съ бураками (складки въ голенищахъ). Саяны носятъ до того коротки, что бываютъ видны икры, одѣтые въ бѣлыя «панчохи» и мужчины тамъ цѣнятъ красоту лица, стана и ноги.

Украшенія употребляемыя дѣвушками и замужними одинаковы съ Слонимскимъ и Кобринскимъ уѣздами и невзыскательны. Дѣвушки и молодицы на шеѣ носятъ «пацюрки» (бусы) и «мигда-

лики» (изображеніе, за круглымъ стекломъ въ металлическомъ ободкѣ, креста, или какого-нибудь святого или блестящей звѣздочки. Величина «мигдалики» въ діаметрѣ одинъ дюймъ, на пальцахъ же носятъ «персцёнки», иначе «жуковины» (жуковины — это перстни металлическіе).

Бани не въ обычаѣ у нашихъ крестьянъ и вообще не замѣчается у нихъ особенной заботы о чистотѣ и чистоплотности.

г) Пища.

Хлѣбъ черный съ примѣсью къ «рощинѣ» тертаго картофеля или же ячной муки у недостаточныхъ крестьянъ. Изъ хлѣбнаго тѣста пекутъ «млинцы» (блины), «рощину» (тѣсто изъ дѣжи) варятъ слѣдующія блюда: капусту, холодникъ, журъ, саламаху. Послѣднюю приготовляютъ такъ: въ горшокъ съ кипящей водой всыпаютъ ржаной муки и разбалтываютъ, кисель, «бадзяки» изъ полевого молодого осета: его сѣкутъ иварятъ съ квасомъ, лебеда, рыдчики (картофельный супъ), подхлебка—изъ картофеля нарѣзаннаго ломтиками и все подправляется мукой «галушки» (натертую картофель мѣшаютъ съ гречневой мукой и варятъ въ горшкѣ, а подавая на столъ, обливаютъ саломъ). «Просоловое» (мясо нарѣзанное «коляпками» кусочками т. е. варятъ въ горшкѣ вмѣстѣ съ кусочками сала и. хлѣба. Туда же добавляютъ «бобковый» (лавровый) листъ, перецъ и чеснокъ и кушаютъ это блюдо съ «толокномъ».

«Толокно» приготовляется такимъ образомъ: сваривъ въ печкѣ овесъ, его сушатъ, сталкиваютъ въ ступахъ и мелютъ въ «жорнахъ» (жерновахъ). Потомъ просѣваютъ сквозь сито и мелкую муку овсяную разбалтываютъ холодною соленою водою. Черезъ нѣсколько времени (очень малый промежутокъ) разболтанная овсяная мука застываетъ до густоты хлѣба. Это и есть толокно.

«Солодуха» дѣлается такъ: насыпаютъ гречневой муки въ горшокъ, «попырскаютъ» (кропятъ) холодной водой, потомъ заливаютъ ее кипяткомъ, разбалтываютъ, чтобы не было комочковъ

и ставятъ на теплую печь. Тамъ простоявъ цѣлый день она къ вечеру начинаетъ шумѣть и укисать. Вечеромъ варятъ ее безъ соли и кушаютъ.

«Зацирка» т. е. горохъ, бобъ, куця, крупники разные — и постные, и молочные, и мясные, «комяки» (картофельная каша) самое распространенное блюдо.

«Каплукъ» сваренную съ лукомъ, солью и перцемъ очищенную картофель процѣживаютъ; въ эту процеженную горячую воду бросаютъ корочки хлѣба и кушаютъ ложками. Это и есть каплукъ.

д) Занятія и забавы.

Ленъ наши крестьяне сѣютъ только для домашняго обихода, а продавать не продаютъ ни льна, ни полотна, которымъ бабы очень дорожатъ. Прядутъ ленъ и бабы и дѣвушки. Эти послѣднія по преимуществу. Онѣ днемъ собираются по 6—10-ти въ одну хату съ своими «кудзелями» и тамъ, весело болтая, прядутъ и при этомъ поютъ пѣсни. Эти дневные сборы дѣвушекъ въ одну хату съ «кудзелями» называются «кудзельницы», а вечерніе сборы—«вечерницы». На «вечерницы» собираются иногда и хлопцы и принимаютъ участіе въ пѣніи пѣсенъ, шуткахъ и разговорахъ, тутъ же происходятъ близкія знакомства съ парнями и дѣвушками. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нашего уѣзда парни на «вечерницахъ» производятъ такія гаданья:

Подходитъ парень къ дѣвушкѣ, которую онъ любитъ и мѣтитъ себѣ въ жены, вырываетъ у нея изъ «кудзели» клочекъ, раздѣляетъ его на двѣ равныя части и. легко скатавши изъ этихъ частей льна въ рукахъ два шарика, кладетъ ихъ рядомъ на столъ и поджигаетъ. Одинъ шарикъ означаетъ парня, а другой дѣвушку. Если оба шарика, объятые пламенемъ, взлетаютъ вверхъ, а иногда еще и сталкиваются тамъ, то это означаетъ полную взаимность между извѣстной парой, которая окончится счастливымъ супружествомъ. Если же одинъ только шарикъ взлетаетъ, а другой остается, то это — рознь и несогласіе. Если же оба остаются и сгораютъ на столѣ, то это означаетъ, что парень и дѣвушки

любятъ другъ друга и желали-бы повѣнчаться, да случится непреодолимое препятствіе къ ихъ браку и бракъ, на ихъ горе, не состоится. Это такъ гадаютъ у насъ возлѣ Кисовки. Разсказываютъ на вечерницахъ «бринджики» т. е. разныя сказки, веселаго свойства. Рукодѣлья извѣстныя нашимъ крестьянамъ — это плетеніе лаптей, умѣютъ они также плести и очень даже искусно «кошели» и «кошолки». Женщины прядутъ ленъ, ткутъ кросна, «насмыкаютъ наметы» (вышиваютъ), ткутъ пояса и портняжничаютъ.

Отхожихъ промысловъ нѣтъ.

Мѣры земли у нашихъ крестьянъ — это «гоны», «стаи», а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ еще «верецень». Всѣ эти три названія означаютъ одно и тоже — $^3/_4$ длины морга, а ширины не принимается въ расчетъ, — ширина надѣла.

е) Отношеніе къ религіи.

Въ отношеніи крестьянъ къ религіи замѣчается апатія. Этотъ недостатокъ замѣчается только въ моемъ глухомъ приходѣ, но это, кажется, общій недостатокъ Слонимскаго уѣзда, а также и Пинскаго.

О Богѣ наши поселяне имѣютъ весьма матеріальное представленіе. Это, видно между прочимъ изъ слѣдующей легенды, слышанной мною въ с. Борки, въ 25 верстахъ отъ Житлина:

Однажды Богъ шелъ пѣшкомъ по дорогѣ. Возлѣ дороги богатый мужикъ пахалъ подъ озимый посѣвъ свою полосу. Богъ сказалъ мужику: «Богъ въ помочь!» и началъ хвалить мужика, что онъ хорошо обработываетъ свою полосу, хорошо ее унавозилъ и что слѣдуетъ ожидать хорошаго урожая. На это мужикъ самонадѣянно отвѣчалъ, что онъ болѣе чѣмъ увѣренъ, что хлѣбъ на его полосѣ уродится на славу.

Богъ пошелъ дальше по дорогѣ и увидѣлъ бѣднаго мужика, трудящагося надъ своей нивой. Все въ немъ обличало крайнюю бѣдность и одежа вся въ заплатахъ, и сошка плохонькая, и ярмо неказистое. Богъ и ему сказалъ: «Богъ въ помочь!» и тоже всту-

пилъ съ нимъ въ разговоръ. Разговаривая, Богъ замѣтилъ мужику, что при такой плохой обработкѣ земли, да при томъ и безъ удобренія едва-ли можно надѣяться на хорошій урожай. Мужикъ отвѣтилъ: «якъ Богъ дасць, то такъ зародзиць.» На другой годъ на полосѣ бѣднаго мужика—богатый урожай, а на полосѣ богатаго—совершенно ничего нѣтъ—«тулько въ слѣдкахъ Божіихъ, гдѣ Самъ Богъ стоявъ; якъ говоривъ зъ мужикомъ, выросли колосьи великіе и повные.»

У кого изъ крестьянъ помретъ дитя, то мать умершаго ни зачто не будетъ ѣсть до «Спаса» яблокъ и грушъ, на томъ основаніи, что, на тумъ свѣцѣ, якъ Бугъ будзе раздаваць на Спаса яблоки, то тому дзицяци, котораго маци ѣла до Спаса яблоки, не дасць, а скаже ему: «на тоби хфику, твое яблоко свинья (подразумѣвается мать) зъѣла».

ж) Праздники.

Есьць на свѣцѣ два Юрья иободва дурни,—одинъ—холодный (26 ноября), а другой голодный (23 апрѣля).

Дзѣды бываютъ постные и скоромные (3 и 4 ноября «задушные дни»).

На постные дзѣды крестьяне варятъ слѣдующія кушанья: горохъ (обязательно), квасъ съ грибами, рыбой и кашу какую-нибудь. При этомъ горохъ варится непремѣнно безъ соли, а почему?—не допытался. «Такъ дзѣды наши робили» отвѣчаютъ. Вечеромъ столъ покрывается «настольницей» (скатертью), на которую непремѣнно кладется хлѣбъ и ставится горохъ. Хозяинъ съ домочадцами, окружившими столъ, молятся Богу; каждый читаетъ про себя молитвы какія знаетъ. Помолившись Богу, хозяинъ беретъ ложку, перекреститъ ею горохъ въ мискѣ, и почерпнувъ, выливаетъ первую ложку на столъ.—«Это для дзѣдовъ», другіе въ это время стоятъ возлѣ стола или же сидятъ. Послѣ хозяина каждый старѣйшій въ домѣ продѣлываетъ надъ горохомъ тоже самое и затѣмъ начинаютъ кушать. Первую ложку гороху всѣ съѣдаютъ безъ соли, а потомъ уже солятъ. Крестятъ ложкой и

другія кушанья, которыя варятся уже съ солью, и отливаютъ для дѣдовъ. Поѣвши, всѣ опять молятся Богу про себя и, не убирая ничего со стола, отходятъ отъ него, оставляя на немъ все для дѣдовъ. Разсказываютъ, что одинъ хозяинъ убралъ со стола остатки кушаньевъ, «такъ дзѣды ноччу пришли зъ того свѣта и, не нашоўши ничего на столѣ, поперекидали вси лавки ў хацѣ и стукали ўсю ночь». Прежде для дѣдовъ ставили на окнахъ водку въ бутылкахъ, но такъ какъ этимъ молодежь злоупотребляла и выпивала водку, то теперь этого уже не дѣлаютъ. Прежде еще такъ дѣлали: садясь за столъ, оставляли отворенную дверь, чтобы дѣды свободно могли войти въ хату, на вечеру».

Въ одномъ селѣ была такая баба, которая могла видѣть души входящихъ на дѣды на вечеру. Кто желалъ знать будутъ-ли какіе дѣды на вечерѣ, то приглашалъ обыкновенно эту бабу къ себѣ на дѣды. Вотъ что еще на дѣды дѣлали: вѣшали «на покуци» (самый важный уголъ въ домѣ, гдѣ икона виситъ) «ручникъ» (утиральникъ) чистый и хорошій для дѣдовъ. (Есть еще у крестьянъ «скарачъ», это полотенце безъ бахромы).

Позванная однимъ хозяиномъ выше упомянутая баба видѣла какъ входили въ хату дѣды, умывали руки, утирали ручникомъ и вечёряли. При этомъ каждый изъ нихъ несъ на себѣ ту вещь, которую кому случилось при жизни уворовать, одинъ изъ нихъ несъ на себѣ борону и, зацѣпившись ею въ дверяхъ, не могъ войти. Баба увидѣла его напрасныя усилія, засмѣялась и видѣніе сразу прекратилось. И съ той поры баба эта утратила способность видѣть умершихъ дѣдовъ. Когда баба разсказала про видѣннаго ею дѣда съ бороной, то сейчасъ и вспомнили, что умершій отецъ хозяина при жизни своей дѣйствительно укралъ борону и порѣшили, что это никто иной, какъ онъ таскается и будетъ таскаться съ бороной.

На скоромные дѣды обряды тѣже, только кушанья приготовляются въ бо́льшемъ количествѣ. Пекутъ изъ гречневой муки (или житней и проч. какую кто имѣетъ) «млинцы» (блинцы). Къ нимъ пекутъ сало, варятъ мясо, капусту съ мясомъ, крупникъ,

кашу и проч. (кушаній какъ можно побольше, кто сколько желаетъ).

Наваривши много разныхъ блюдъ, вечеромъ всетаки напередъ ставятъ на застланный столъ постный горохъ, сваренный наново и молятся Богу. Помолившись, снимаютъ горохъ, не кушавши его, и ставятъ на столъ сало, а млинцы кладутъ прямо на «настольницу». Хозяинъ наливаетъ стаканъ водки и говоритъ: «Дай имъ (дѣдамъ и всѣмъ умершимъ въ его родѣ) Богъ на томъ свѣцѣ Царство Небесное и «душечци» лёгенько, и намъ дай Богъ здоровымъ пожиць на свѣцѣ и зарокъ просдаць». — Дай Боже, дай Боже! говорятъ всѣ, находящіеся у стола.

Выпивши по чаркѣ водки, кушаютъ «млинцы», обмакивая въ сало. Послѣ «млинцевъ» ставятъ на столъ опять горохъ и кушаютъ его, попробовавши, по одной ложкѣ, безъ соли, а послѣ гороха ѣдятъ и остальныя блюда, запивая ихъ водкой. «Дзѣды — гэто такое свято, що ни сѣсци, ни легчи» (говорятъ обыкновенно), т. е. праздникъ обжорства.

Все это про дѣды записано мною въ с. Любимицахъ (28 верстъ отъ Житлина), со словъ церковнаго старосты и тамошнихъ крестьянъ.

Повѣрье, что покойники приходятъ съ того свѣта на дѣды въ гости и что уворованное при жизни носятъ послѣ смерти съ собой, существуетъ и въ Пружанскомъ уѣздѣ.

Въ деревнѣ Олешковичи, Пружанскаго уѣзда, по разсказу одной тамошней старухи, въ одномъ семействѣ былъ глухонѣмой 7-ми лѣтній мальчикъ. Онъ не ходилъ, его носили на рукахъ и кормили какъ маленькаго ребенка. Онъ къ окружающимъ относился совершенно безразлично, апатично. Никто не видѣлъ даже улыбки на его устахъ. Если баба его накормитъ, то хорошо, а не накормитъ, то и безъ пищи можетъ прожить хотя-бы и нѣсколько сутокъ. Если баба посадитъ его гдѣ-нибудь или положитъ, то въ такомъ положеніи безъ всякаго протеста онъ могъ пробыть хотя-бы и цѣлые сутки, не измѣняя приданнаго ему положенія. На дѣды баба посадила его на «припечку», а сама

тутъ же сажала въ печь пироги. Вдругъ мальчикъ громко разсмѣялся. Всѣхъ домашнихъ это удивило. Замѣтивши чрезвычайно веселое и оживленное лицо, они стали разспрашивать мальчика о причинѣ смѣха и онъ разсказалъ, что видѣлъ много людей входящихъ въ домъ. Дѣти входили веселыми, а пожилые по большей части угрюмые, а одинъ старикъ держалъ въ зубахъ раскрашенную русскую дугу. Это и послужило поводомъ къ его смѣху. Черезъ три дня послѣ этого мальчикъ умеръ. Стали припоминать хозяева своихъ дѣдовъ и оказалось, что дѣдъ хозяина при жизни своей укралъ въ Слонимѣ такую же дугу, какую мальчикъ видѣлъ въ зубахъ старика. Ну и порѣшили, что это съ дугой въ зубахъ былъ никто другой, какъ дѣдъ хозяина.

Обыкновенно человѣку завѣдомо уворовавшему что-нибудь: и не сознающемуся въ воровствѣ, говорятъ «На томъ свѣцѣ ты мнѣ въ зубахъ принесешь.» Такъ и у насъ въ Житлинѣ говорятъ.

«Куця».

24-го декабря — капунъ Рождества Христова собственно не празднуется, а отличается онъ отъ прочихъ дней своею особенною «вечéрею».

Благочестивые христіане приготовляютъ себя къ этой вечерѣ «щиримъ постомъ», то есть въ продолженіи дня ничего не ѣдятъ и не пьютъ до вечерней зари. Это, впрочемъ, чуть-ли не католическій обычай, перешедшій и къ православнымъ.—Съ наступленіемъ вечерней зари прибираются къ ужину. На столъ кладутъ сѣно и поверхъ сѣна стелютъ скатерть. Сѣно кладется на столъ отчасти въ воспоминаніе того, что когда Іисусъ Христосъ родился въ пещерѣ, то былъ посаженъ въ ясляхъ, а отчасти и для того, чтобы погадать на немъ о величинѣ льна будущаго лѣта. На столъ ставятъ «квасъ съ рыбою и козляками» (кислый супъ съ рыбой и разнородными сушеными грибами).

«Козляки» это разнородные грибы: масленики, сыроѣшки и проч. (только не боровики). Кутью съ маковой сладкой сытой,

селёдки, овсяный кисель съ сладкой медовой водой и дикія груши вареныя.

Все это ставится на столъ не сразу, а исподволь, блюдо за блюдомъ. Предъ вечерею всѣ вмѣстѣ, обступивши столъ, молятся Богу и, вооружившись деревянными ложками, начинаютъ вечерять. Повечерявши, продолжаютъ нѣкоторое время сидѣть за столомъ и вытягиваютъ въ это время изъ подъ скатерти назадъ сѣно. По величинѣ сухой травки, попавшей въ руки, вытягивающій судитъ о величинѣ льна, который зародится у него будущимъ лѣтомъ. Потомъ опять молятся Богу и отправляются спать.

Сѣно со стола, связанное въ пучкѣ, сохраняется до куци предъ Крещеніемъ Господнимъ. Въ этотъ день опять разстилаютъ его на столъ, вечеряютъ на немъ, а на утро, въ день Крещенія освящаютъ водою, освященною наканунѣ Крещенія и раздѣливши его на части, по числу наличнаго скота, отдаютъ его ему на съѣденіе. Это продѣлываетъ обыкновенно хозяинъ. Нѣкоторые-же часть этого сѣна сохраняютъ до весны и кладутъ въ гнѣздо подъ гусынь насѣдокъ, у кого онѣ есть. Это для того, чтобы малыхъ гусятъ ворона не хватала.

Самый день Рождества Христова проходитъ тихо, спокойно. Только вечеромъ «колядники», ходя со звѣздою по деревнямъ, славятъ Христа громкими пѣснями изъ «Богогласника», получая за это куски хлѣба, сала и деньги. На второй день Рождества Христова молодежь устраиваетъ «игрища». Парни и дѣвки собираются обыкновенно въ просторную хату, нанимаютъ доморощеннаго музыканта со скрипкой и гуляютъ цѣлую ночь напролетъ. Тутъ ужъ угощеніе общее. Но преимущественно дѣвки сообща на свои деньги угощаютъ парней пивомъ и водкой. Хотя нѣкоторые парни и отплачиваютъ дѣвушкамъ взаимно такимъ же угощеніемъ, но почему-то въ этотъ день преимущественно дѣвки завѣдываютъ угощеніемъ. На этихъ игрищахъ танцуютъ «казака», «польку», поютъ пѣсни и проч.

До «водохрища» (Крещенія Господня 6-го янв.) не всякую работу можно дѣлать по понятію нашихъ крестьянъ. Такъ поло-

жительно нельзя дѣлать того, что приходится вертѣть-молоть, прясть... Также нельзя лаптей плести, гнуть ободы, дуги и проч. А почему нельзя? На это у нихъ своеобразныя объясненія всегда готовы. Нельзя, напримѣръ, гнуть потому, что это отразится на приплодѣ отъ коровъ, овецъ или-же свиней, т. е. или телята будутъ какія-нибудь криволапыя, или ягнята съ пригнутыми ногами къ животу и проч. Прясть нельзя потому, что когда баба прядетъ, то смочитъ нитку. Отъ этого волы будутъ *пѣшить*, когда мужикъ выйдетъ пахать поле. Молотить можно, а подсѣвать зерна нельзя. Это тоже будто бы отражается на приплодѣ отъ домашнихъ животныхъ. Такъ, по разсказу одного крестьянина с. Любищицъ, одна баба подсѣвала въ эти недозволенные дни зерно и когда у нея опоросилась свинья, то поросята нѣсколько дней сряду кружились, сбиваясь въ кучу, на подобіе того, какъ кружится зерно въ рѣшетѣ при подсѣваніи, и закружившись всѣ вмѣстѣ, вдругъ разомъ подскакивали нѣсколько разъ. Такъ онѣ кружились пока всѣ не пропали.

Одна баба во время святокъ что-то вертѣла, такъ у нея изъ-подъ насѣдки весной вышли цыплята всѣ съ вывороченными ножками.

Шить нельзя. Одна баба на святкахъ шила, такъ овца будто-бы привела ей ягненка, у котораго зашитъ былъ задній проходъ, такъ что пришлось прибѣгнуть къ операціи ягненка.

Съ 24-го декабря по 6-ое января (до водохрища) наши крестьяне по вечерамъ положительно ничего не дѣлаютъ. «Это святые вечера», говорятъ они обыкновенно.

Канунъ новаго года называется у нашихъ крестьянъ «богатой колядой». Въ этотъ день подъ вечеръ крестьяне ломаютъ вѣтки сухого дуба съ листьями (глухой дубъ) и затыкаютъ ихъ снаружи и внутри во всѣхъ своихъ постройкахъ. Это для того, чтобы въ хозяйствѣ въ теченіе наступающаго года было все крѣпко какъ дубъ.

5-го января «постная коляда». До освященія воды въ этотъ день обыкновенно крестьяне ничего не ѣдятъ, а попробовавши св. воды, кушаютъ такія-же блюда, какъ и на кутю.

Канунъ новаго года («богатая коляда») у нашихъ крестьянъ проходитъ въ хлопотахъ о завтрашнемъ днѣ. Хозяева стараются заготовить кормъ («трясянку») для скота на слѣдующій день, чтобы въ день новаго года быть свободнымъ отъ этого. Хозяйки чистятъ хаты, соскабливаютъ со стѣнъ копоть, накопившуюся въ курныхъ хатахъ отъ дыму, моютъ «лавы» (скамьи), посуду и всему стараются придать болѣе или менѣе обновленный видъ. Вечеромъ, наломавши вѣтокъ дуба съ сухими листьями (есть порода дуба, на которомъ сухіе листья держатся всю зиму, крестьяне называютъ эту породу дуба «глухимъ дубомъ»), хозяинъ или же его взрослые дѣти втыкаютъ эти вѣтки дуба въ стѣны хатъ, хлѣвовъ (снаружи и внутри), гуменъ и проч. Все это дѣлается для того, какъ они объясняютъ, чтобы въ теченіе наступающаго года все было крѣпко какъ дубъ. Въ самый день новаго года каждый изъ домашнихъ обитателей старается первымъ встать и принести ведро воды. Кому это удастся, то тотъ въ теченіе года будетъ имѣть «рухъ» т. е. подвижность, живость, бодрость, энергію. Въ принесенное ведро воды самъ принесшій или кто-нибудь изъ домашнихъ бросаетъ нѣсколько копеекъ денегъ (3 — 5 к.) и деньги эти лежатъ въ ведрѣ до тѣхъ поръ, пока домашніе не разберутъ съ него всей воды на свои нужды: помыться, налить горшки и проч. Потомъ деньги эти вынимаетъ изъ ведра хозяинъ или кто-нибудь изъ домашнихъ по его порученію и несетъ обязательно въ церковь. Здѣсь на эти деньги онъ покупаетъ и ставитъ предъ образомъ свѣчу или-же опускаетъ ихъ въ какую-нибудь церковную кружку. Что это за обычай и что онъ означаетъ? не удалось мнѣ узнать. «Такъ наши дзѣды робили, такъ и мы робимо» отвѣчаютъ крестьяне въ данномъ случаѣ.

5-го января («постная коляда») каждый домохозяинъ старается запастись освященною водою. Вечеромъ, когда хозяйка на столъ, покрытый сѣномъ и скатертью, поставитъ кутью и горохъ, хозяинъ, взявши миску, кладетъ въ нее 3 ложки кутьи и столько-же варенаго гороху, а поверхъ этого кладетъ маленькую булочку («бондочку») хлѣба и съ этимъ добромъ и св. водою

обходитъ снаружи домъ и другія постройки. Начинается такимъ образомъ церемонія освященія хозяиномъ своихъ построекъ. Хлѣбъ въ этой церемоніи, положенный въ мискѣ поверхъ кутьи и гороха, означаетъ то, что онъ самый важный и необходимый предметъ въ хозяйствѣ, выше всѣхъ прочихъ пищевыхъ продуктовъ; кутья *означаетъ довольство въ хозяйствѣ*, достатокъ, а горохъ, какъ принадлежность кутьи. Кромѣ этого, три эти вещи, положенныя въ *одномъ вмѣстилищѣ*, *означаютъ*, *по ихъ понятію*, троичность лицъ Божества. Окропляя крестообразно св. водою наружныя стѣны дома и другихъ построекъ, хозяинъ пишетъ мѣломъ на этихъ стѣнахъ кресты, въ особенности-же возлѣ оконъ своей хаты и на дверяхъ. За неимѣніемъ мѣла, хозяинъ нацарапываетъ кресты ножомъ. Обхожденіе со св. водою построекъ дѣлается по солнцу. Освятивши снаружи постройки, хозяинъ входитъ въ хату и, затворивши за собою двери, окропляетъ и ее св. водою и бросаетъ три раза вареный горохъ (сѣетъ). Горохъ разлетается по всѣмъ направленіямъ, попадая на столъ, на «лавы», на окна и въ особенности въ наставленныя «пелены» домашнихъ. («Пелены» — это подолъ рубахи у дѣтей, придерживаемый руками, а у женщинъ — передники или-же нижняя часть юбки, тоже придерживаемая руками). Горохъ сыплется въ хатѣ въ знакъ того, чтобы въ домѣ было изобиліе, а попавшій въ «пелены», служитъ примѣтой обильнаго приплода отъ овецъ. Горохъ, оставшійся въ мискѣ, отдаютъ на слѣдующій день курамъ съ особой церемоніей. Кладутъ на полъ обручъ, на площадь, занимаемую имъ, сыплютъ горохъ и тогда уже позволяютъ курамъ ѣсть. Это дѣлается для того, чтобы куры лѣтомъ всегда были вмѣстѣ. Впрочемъ это послѣднее продѣлывается только въ 2-хъ деревняхъ моего прихода. Что-же касается церемоніи освященія построекъ, то она съ нѣкоторыми добавленіями и измѣненіями практикуется какъ въ Слонимскомъ уѣздѣ, такъ и въ другихъ уѣздахъ. Такъ въ Любищицахъ, въ 30 верстахъ отъ Житлина, холодныя постройки освящаютъ хозяева 6-го *января* и когда хозяинъ въ сопровожденіи сына входитъ въ гумно, то

сынъ спрашиваетъ «повно»? «Повно», отвѣчаетъ отецъ, хотя-бы въ гумнѣ ни снопа не было. Въ Кобринскомъ уѣздѣ, когда хозяинъ освящаетъ вечеромъ (5-го янв.) свою хату снаружи, хозяйка въ хатѣ спрашиваетъ: «Хто тамъ ходытъ?» «Самъ Бугъ ходытъ», отвѣчаетъ хозяинъ. «А що онъ робытъ?» «Жито родытъ», слѣдуетъ отвѣтъ. По окончаніи освященія построекъ, хозяинъ и его семейство помолятся, стоя возлѣ стола, Богу и принимаются за ужинъ. Сѣно со стола 6-го янв. утромъ отдаютъ скоту, удѣляя по немножку каждой штукѣ.

6-го января въ день Крещенія Господня каждый домохозяинъ старается запастись освященною водою. Гдѣ-бы ни освящалась вода, на озерѣ-ли, на рѣкѣ, или въ колодцѣ—масса народу съ кувшинами, бутылками или другой какой-нибудь посудой шествуютъ за св. иконами на Іордань и какъ только священникъ погрузитъ троекратно крестъ въ водѣ, всѣ устремляются за освященной водой. Набравши воды, отпиваютъ по три глотка и несутъ ее по домамъ. Крещенскую воду крестьяне сохраняютъ круглый годъ и освящаютъ ею скотъ, выгоняя изъ хлѣвовъ весною въ первый разъ на пастбище, освящаютъ ею первые снопы, привезенные съ поля въ гумно, пьютъ ее и «мажутся» ею въ нѣкоторыхъ болѣзняхъ и проч.

2-го февраля, на Срѣтеніе Господне, крестьяне приносятъ въ храмъ восковыя свѣчи для освященія или покупаютъ въ храмѣ освященныя въ этотъ день. Свѣчи эти слывутъ у нихъ подъ названіемъ «громничныхъ» и сохраняются у нихъ въ теченіе года. Даже самый праздникъ Срѣтенія Господня у нихъ болѣе извѣстенъ подъ названіемъ «громницъ». «Громничною» свѣчою, принесенною изъ церкви, хозяинъ въ тотъ-же день обжигаетъ по немножку крестообразно волосы на головахъ своихъ домашнихъ. Это для того, чтобы головы не болѣли и чтобы грозы не боялись. Въ нѣкоторыхъ-же мѣстахъ кромѣ этого, еще копотью зажженной «громничной» свѣчи изображаютъ кресты надъ дверями при входѣ въ «хату» и на потолкѣ. Крестьяне вѣрятъ, что громничная свѣча «помощна отъ грома» и лѣтомъ во время силь-

ной грозы крестьяне жгутъ эти свѣчи у себя по домамъ. Кромѣ этого умирающему даютъ зажженную «громничную свѣчу» въ руки и жгутъ эту свѣчу даже во время отпѣванія на дому покойника.

На масляной недѣлѣ у нашихъ крестьянъ не бываетъ никакихъ ни гуляній, ни катаній, словомъ, ничего такого, чтобы рѣзко выдѣляло эту недѣлю изъ ряда другихъ недѣль. Правда, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на масляной пекутъ блины, но не празднуютъ ни одного дня. Только въ с. Споровѣ, Кобринскаго уѣзда существуетъ довольно комичный обычай чествовать на масляной недѣлѣ бабу. Это чествованіе происходитъ въ «тлустый четвергъ». «Внуки» собираются толпой къ своей бабѣ (женщины-родильницы, у которыхъ баба принимала дѣтей при ихъ рожденіи по отношенію къ этой бабѣ называются внуками) торжественно выводятъ ее изъ хаты, сажаютъ на сани и сами возятъ, катаютъ ее по селу съ шумомъ, хохотомъ и пѣснями. Баба не только не обижается на нихъ за это, но считаетъ это себѣ за великую честь и гордится этимъ почетомъ. Покатавши бабу по селу, везутъ ее въ корчму, на угощеніе. Тамъ, помимо обильной выпивки, при которой высказываются бабѣ разныя благожеланія, и разныхъ закусокъ, обязательно варятъ еще «селянку». «Селянка» приготовляется такъ: въ горшокъ наливаютъ сметаны, кладутъ масло и варятъ на огнѣ, помѣшивая пока не соединится сметана съ масломъ. Потомъ наливаютъ въ миску, крошатъ еще туда немного подсохшій сыръ и «селянка» готова. Угостившись въ корчмѣ на славу, внуки бабу опять сажаютъ на сани и тѣмъ-же порядкомъ водворяютъ ее по мѣсту жительства. Этотъ странный обычай, кажется существуетъ только въ одномъ с. Споровѣ. Въ другихъ селахъ и деревняхъ ничего подобнаго не бываетъ.

Заговины передъ Великимъ постомъ сопровождаются обильной выпивкой и шумнымъ препровожденіемъ времени. Многіе крестьяне даютъ «зарокъ» не пить въ теченіе поста водки, нѣкоторые изъ крестьянъ, а въ особенности-же изъ крестьянокъ, даютъ обѣтъ поститься по средамъ и пятницамъ Великаго поста

«щирымъ постомъ», то есть ничего не пить и не ѣсть по этимъ днямъ до вечерней зари. Эти обѣты и «зароки», къ чести ихъ нужно сказать, выполняются ими свято и нерушимо.

Въ понедѣльникъ, первый день Великаго поста, у насъ еще и до сихъ поръ въ ходу «полоскозубъ». Крестьяне ранехонько собираются въ этотъ день въ кабакъ и тамъ пьянствуютъ. Кромѣ этого въ селѣ Гощевѣ въ этотъ же день въ ходу довольно оригинальный обычай. Парни, собравшись гурьбой, берутъ ступу, въ которой обыкновенно толкутъ кутью, обвязываютъ нижнюю часть ея веревкой и таскаютъ ее по улицѣ. Поровнявшись съ домомъ, гдѣ есть совершеннолѣтняя дѣвушка-невѣста, заходятъ туда, ставятъ среди хаты ступу и тамъ среди шутокъ и смѣха стараются захватить какую-нибудь вещь, принадлежащую дѣвушкѣ: платокъ, башмаки, поясъ, свитку и проч. Совершивъ такой захватъ («грабежъ»), кладутъ его на ступу и продолжаютъ свой хищническій со ступой набѣгъ въ такомъ же родѣ на другіе дома съ невѣстами. Ступа эта служитъ какъ бы укоромъ дѣвушкамъ, невышедшимъ замужъ, въ истекшее мясоястіе, когда у насъ, по преимуществу, бываютъ браки. Подобный же обычай мы встрѣчаемъ и въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ (въ Варшавѣ, Гроднѣ. Тамъ въ этотъ же день молодые люди на улицѣ незамѣтно подвѣшиваютъ на булавкахъ сзади къ платью барышнямъ колодочки, куклы и проч.). Собравши порядочно разныхъ «дѣвоцкихъ» вещей, «грабежей», парни несутъ ихъ въ кабакъ и туда являются дѣвушки выкупать свои вещи. Деньги, вырученныя парнями за «грабежи», идутъ на общее угощеніе. Тутъ бываетъ попойка, шумъ, гамъ и танцы. Въ этомъ году случилось такое происшествіе, которое, пожалуй, уничтожитъ этотъ обычай. Во время попойки четыре парня втащили одну красивую дѣвушку въ отдѣльную комнату и тамъ изнасиловали ее. Отецъ свезъ ее къ доктору и навелъ слѣдствіе. Слѣдователь произвелъ на мѣстѣ происшествія дознаніе и этихъ четырехъ виновныхъ отправилъ до суда въ полицію.

9-го марта (св. 40 мучениковъ) крестьяне не празднуютъ,

но отличаютъ этотъ день отъ прочихъ тѣмъ, что варятъ 40 галушекъ и пекутъ изъ ржанаго тѣста бороны, сохи и «бондочки» (булочки хлѣба), на которыхъ дѣлаютъ украшенія изъ того же тѣста. Все это отдается дѣтямъ на забаву и служитъ имъ какъ бы намекомъ на то, что мужикъ съ малыхъ лѣтъ долженъ свыкаться съ земледѣльческимъ трудомъ и знать свою борону и соху.

Въ недѣлю Ваій, возвратившись съ освященною вербою изъ храма, хозяинъ ударяетъ слегка этою вербою по нѣсколько разъ каждое свое дитя, приговаривая: «не я бью, верба бье: за тыждзень Великъ дзень; будзь здоровъ, якъ вода; росци, якъ верба» и проч. въ этомъ родѣ. Освященною вербою пастухъ первый разъ выгоняетъ скотъ изъ хлѣвовъ на пастбище и крестьяне хранятъ ее въ теченіе года какъ святыню.

Праздникъ Благовѣщенія Пресв. Богородицы у нашихъ крестьянъ ничѣмъ особеннымъ не ознаменовывается. Запоминаютъ только крестьяне въ какой день недѣли бываетъ этотъ праздникъ и когда начинаютъ уборку хлѣбовъ съ полей, то первый возъ сноповъ стараются привезти въ гумно въ тотъ именно день недѣли, въ который было Благовѣщеніе. Когда сбрасываютъ эти снопы и складываютъ въ гумно, то при этомъ ничего не говорятъ. Это для того, чтобы мыши не заводились въ гумнѣ и не ѣли добра. У пчеловодовъ относительно Благовѣщенія существуетъ такая примѣта. За сколько времени до Благовѣщенія пчелы вылетятъ изъ ульевъ, столько же времени послѣ Благовѣщенія придется имъ отсидѣть въ ульяхъ. У охотниковъ существуетъ повѣрье такого рода. Если выстрѣлить въ этотъ день изъ ружья, то оно не пригодно будетъ для охоты: будетъ «свѣжить», т. е. не будетъ убивать на мѣстѣ дичи, выстрѣлы изъ него не будутъ имѣть моментальнаго смертельнаго исхода, а если дичь и падетъ гдѣ-нибудь далеко отъ мѣста выстрѣла, то охотникъ не воспользуется ею.

Сообщ. въ 1897 г. свящ. Житлинской церкви С. М. Демьяновичемъ.

Обрядность крестинъ.

а) Минской губерніи, Мозырскаго уѣзда, Михалковской волости, мѣстечка Ельска.

Часто случалось мнѣ быть воспріемницей у крестьянъ, но никакихъ обрядностей при этомъ я не встрѣчала, а по пріѣздѣ моемъ въ Ельскъ я услышала, что тутъ существуютъ особые обряды на крестинахъ. Я разспрашивала у многихъ старухъ, но онѣ разсказывали мнѣ сбивчиво и непонятно, поэтому мнѣ нужно было видѣть самой эти обрядности, но это мнѣ долго не удавалось. А, наконецъ, въ одинъ день, около часу второго вошла ко мнѣ незнакомая старуха крестьянка и сказала: «Дзень добры, панепце!»—Здорово, голубушка, что доброе скажешь?— «Ўсе, доброе, панначко. Будзь ласкова, не погардуй (не пренебреги) перехрисьциць мойго ўнучка» (перекрестить моего внучка).— «Хорошо, бабушка; отъ креста никто не отказывается, да вотъ бѣда, бабушка,—обрядностей вашихъ не знаю.—«Коли не погардуешь, то на́учимъ». — Что-же, бабушка, нужно къ этому, разскажи?—«А отъ, панначко, озьми́ бу́лачку (каравайчикъ) хлѣба, дробокъ (комокъ) соли и полотна на рука́ва (т. е. столько холста, чтобы съ него вышли рукава) да троки осьмаковъ т. е. немного денегъ.—Сколько-жъ, бабушка, грошай треба?—«А якъ твоя спромо́га (состояніе), озьми съ гривяньку—поцаловать куму, да шестака (3 копейки) бабѣ на кашу. Да коли хочашь ўсѣ наши мужицкіе порадки рабиць, то скажи зварицъ го́рщикъ (горшокъ) каши. Да тольки, панпачко, будзь ласкава не обавляйся (не медли).»—«Я, бабушка, не буду медлить—иду съ тобою вмѣстѣ.»—Идя дорогой, я спросила: «Что-же мнѣ, бабушка, дѣлать и говорить, когда я приду въ избу?»—Хлѣбъ и соль положи на столѣ, да и, скажи; нехай (пусть) же доброе видзецце! дай кумѣ (родильницѣ) гри́вяньку—тогды уже будземъ сбирацъ песьци дзиця хрысьцинь; тольки

прошу цебе, па́нначко, якъ будзешь несьци дзиця хрисьциць, то не говари съ ку́мамъ! — «А это, бабушка, почему?» — «А дзеля́ того, штобъ дзиця ни було крикливэе». — «Хорошо, я буду молчать». Когда я пришла въ избу, было нѣсколько крестьянъ и крестьянокъ, приглашенныхъ гостей. Положивъ хлѣбъ-соль и передавъ кумѣ 50 копеекъ, я замѣтила, что кума смутилась; причина смущенія пока мнѣ оставалась неизвѣстною, а впослѣдствіи, я узнала, что она смутилась оттого, что ей приходилось давать подарокъ, соотвѣтственный деньгамъ. У крестьянъ, обыкновенно, дается въ подарокъ на́метка (узкій кусокъ холста, по краямъ затканный красными полосками). — Собрались скоро и надо было отправляться на домъ къ священнику. Тогда баба, такъ называемая, повитуха, вывела меня за руку на крыльцо и передала мнѣ въ карманъ маленькій узелочекъ, завязанный въ тряпку, со словами: «Глядзи-жь, па́нначко, гэ́тый ву́зликъ выкинь на крыжовыхъ дорогахъ» (на перекресткѣ). — «Что-же, бабушка, въ этомъ узелкѣ?» — «Ўсякая па́шня (сѣмена зернового хлѣба), печина (глина, вынутая изъ печи), и соль». — «На что-же, бабушка, это бросать?» — «Отъ дзеля того, штобъ ни было лихой стрѣчи» (чтобы что не приключилось отъ дурного глаза). — По совершеніи обряда крещенія, принесши дитя въ избу, я передала его родильницѣ. Въ это время столъ былъ уже накрытъ, на немъ лежало нѣсколько короваевъ хлѣба, принесенныхъ гостями и стояла большая бутылка водки. Меня и воспріемника съ почетомъ посадили на первыя мѣста, а старикъ хозяинъ, дѣдъ новорожденнаго, взялъ рюмку и, наливая ее, сказалъ: «Бо́э, баслави́! (Боже, благослови)». Налилъ рюмку водки, выпилъ самъ, а остатки вылилъ вверхъ со словами: «Дай-же, Бо́э, штобъ нашъ ўнукъ великъ росъ»! И положилъ копейку въ рюмку, налилъ ее водкой и передалъ воспріемнику. Тотъ принялъ рюмку, произнеся тѣ-же слова, что и старикъ, выпилъ рюмку, вынулъ оттуда копейку, выплеснулъ остатки вверхъ, сказавъ: «штобъ нашъ хрищенникъ (крестникъ) такъ высоко скакаў» и передалъ рюмку старику. Старикъ положилъ въ рюмку серебряный гривенникъ,

налилъ ее водкой и передалъ мнѣ. Я попросила женщину, сидѣвшую подлѣ меня, выпить эту водку; она выпила, вынула гривенникъ, передала его мнѣ вмѣстѣ съ рюмкой и съ оставшейся въ ней водкой. Я въ свою очередь также выплеснула водку вверхъ и сказала: «Чтобъ нашъ крестникъ, такъ высоко скакалъ» тогда начали водкою угощать всѣхъ гостей, только не бросая уже въ рюмку денегъ. Передача-же рюмокъ съ деньгами воспріемникамъ называется «перепиваць кумовъ». Мужчины и женщины пили водки много, но пьяными не были, что меня, признаться, очень удивило. Послѣ выпивки начался обѣдъ. Кушанья обыкновенныя на крестинахъ: «квасъ» (кислый супъ изъ поросенка), «млинцы» (блины, «ўзваръ» т. е. сушеные плоды, варенные съ черникой ягодой), а послѣ всего этого поставили горшокъ съ кашей. Это была бабина каша. Тогда баба подошла къ столу и обратилась къ воспріемнику съ такою рѣчью: «Кумо́чекъ, голубо́чекъ, соловейко, прохаю (прошу) цябе, не би мойго горшка, бо ёнъ-жа у мяне не про́стый, а сребный съ золотыми бережками, да-й не тутъ купованый, я-жъ за имъ ѣздила въ Альвово.» (городъ Львовъ). Кумъ отвѣчалъ иронически: «Бабко! ты вжо стара, трохи слѣпа, не добачишъ, гэто-жъ горщокъ глиняный да й той расколатый.» Баба отвѣчала: «Ты, куме, попьянъ (навеселѣ) то и не бачишь!» — «Я хоць и попьянъ, алежъ ўсетаки бачу, што гэто черапъ, а не сребный, а коли сребный, то ёнъ не разабье́цце» и съ этими словами съ размаху ударилъ горшокъ о столъ. Горшокъ разлетѣлся въ дребезги. Тутъ со всѣхъ сторонъ посыпались шутки: «Але-жъ ты, куме, добре бьешъ горшки, кабъ ты такъ бивъ цэпамъ да косою». Онъ отвѣчалъ: — «Я майсцеръ на ўсе, а подъ часъ, якъ пьяный съ ка́рчмы приду, то и жонцы ўсѣ горшки пирабью!» — Тогда баба поставила тарелочку, положила на нее копейку и начала всѣмъ гостямъ раздавать по ложкѣ каши. Всякій рукою бралъ кашу съ ложки, а въ ложку клалъ копейку. Собравъ отъ всѣхъ деньги и положивъ ложку каши, она передала ее съ тарелкой родильницѣ. Вслѣдъ за этимъ поставили на столъ *мою* (т. е. воспріемницы)

кашу, но *моя* каша не была въ горшкѣ, а въ кострюлѣ. Тогда баба сказала куму: «Эгэ, куме, хоць-жа ты здороў, якъ мядзьведзь, да гэтаго горшка не укусишь.» Послѣ этого баба одѣляла всѣхъ присутствующихъ кашею, но денегъ за это уже никто не платилъ. Поставили на столъ еще третій горшокъ, это была, «кумова» каша. При этомъ баба сказала: «Ты-жъ горшки ўсѣ біў, попробуй-жа свойго разбиць.» — «Эгэ, бабко, якая ты разумная добре, што я й твойго разбіў, а еще буду свойго биць!» — Когда съѣли «кумову» кашу, встали изъ-за стола полухмельные, и между бабами началось совѣщанье: «коли робиць змурки, бо завтра кума-паненка не прйдзе къ намъ, ей конче (непремѣнно) треба промыць вочи». (Змурками называется смываніе святаго мѵра, которымъ былъ помазанъ ребенокъ при крещеніи, иначе еще называютъ *зливки*). Баба взяла чашку и держа на рукахъ раздѣтаго ребенка, облила его водою. Отецъ дитяти принесъ 9 вѣточекъ съ листками. Если-же «змурки» бываютъ зимою, то нужно, чтобы вѣточки были взяты хоть съ стараго вѣника, да только, чтобы были съ листьями. Положили вѣточки въ чашку (9 вѣточекъ берется потому, чтобъ новорожденный достигъ 90 лѣтъ). Столъ покрыли чистою скатертью, на столѣ поставили чашку съ вѣтками и такую же другую съ сладкою водкою и была положена хлѣбъ-соль. Тогда баба первую подвела меня къ столу подъ руку и сказала: «промый-же, па́ннечко, во́чи и руки, штобъ твои вочи не болѣли.» Но я сказала, что мои очи очень еще хорошо видятъ, а руки окупула въ воду. Послѣ этого мнѣ дали рюмку и ложку, я налила рюмку водкою посредствомъ ложки и сказала, что пить ее не могу, тогда бабы приступили ко мнѣ съ особою просьбою: «паннечко, пралехначко, (ласкательное слово) пропи хоць одну чарочку, гэто-жъ солодкая!» Когда я отказалась отъ водки, то видимо, бабы были этимъ огорчены, а нѣкоторыя въ полголоса произнесли: «отъ же гардая (гордая) кума!» Тогда все семейство по очереди подходили къ чашкѣ, мыли руки и лице, воображая, что смытое мѵро даетъ необыкновенно цѣлебную силу, и пили водку. Послѣ хозяевъ

подходили такимъ-же порядкомъ гости, выпивали всю водку и, видимо, всѣ охмелѣли. Тутъ меня съ «кумомъ» посадили на почетное мѣсто, подлѣ меня еще сѣла баба-повитуха, а подлѣ нея одна женщина, умѣвшая пѣть крестинныя пѣсни, коими я должна была отвѣчать «куму», по званію «кумы».

Прежде всѣхъ начала пѣть баба:

1.

«Ў нядзѣлю ранéсенько,
«Бѣжиць Иванъ къ своёй бабýсенькѣ.
«Бабусенька догадалася,
«Въ одзинъ чобатъ обувалася;
«Бѣжиць яна боса и безъ пояса,
«Бѣжиць яна скорéсенько,
«Просиць Бога щирéсенько:
«Дай-же, Бóэ, моёй ўнучцы:
«Легéсенько, добрéсенько, скорéсенько»!

2.

Идзé бабýсенька до своé ўнучки,
Ажъ яе ўнучка по сéнечкахъ ходзиць,
Свою бабýсеньку просиць.
Гáрдая-жъ, моя бабусенька,
Дамъ исе я табѣ, бабусенька:
Я мѣрочку прóса,
За што ты пришла ко мнѣ боса.
Дамъ-жа табѣ, бабусенька,
Я коробку муки,
Да приложи-жъ, бабусенька,
Ко мнѣ своé руки.
Дамъ-жа табѣ, бабусенька,
Горелочки съ пéрцамъ,
Да приложи-жъ своé руки
До мойго сердца.
Дамъ-жа табѣ, бабýсенька,

Синю намéточку,
Да приложи-жъ своé ручки
Къ мойму животочку.

3.

Ой кумъ кумѣ радъ,
Повьевъ куму въ виноградъ:
«Щипли, кумка, ягóдки,
Которыя солóдки;
А которы гóрки,
Кидай дле моей жонки.

4.

Пришовъ кумъ до кумы,
Кума грáды пóле.
«Добре, куме, што пришовъ,
Цяперъ моя воля».
А лихая свякровь
На родзúны пошла,
А мой свёкаръ добрéсенькій
Спиць на печи пьянесенькій.
А я-й мужа позову,
Васъ горéлочкой напою;
Медомъ, кашей накормлю.
Свякровь придзе пьяна, —
Того яна и не уввознáе.

Пѣніе, быть можетъ, продолжалось бы и дальше, но баба замѣтила мою усталость, начала будто бы привередничать: «и хата у цабе, ўнукъ, цѣсная и поскакаць мнѣ нѣгдзе.» Тогда мужчины спросили хозяина: «Чи есць у цебе кони, штобъ повозиць (покатать) нашу княгиню бабу?» Хозяинъ отвѣчалъ: «И кони е (есть) и корита (карета) пойду запрагаць!» Въ это время въ избу вошелъ молодой мужичокъ съ уздечкою на шеѣ и сказалъ: «Бабко,

княгине, поѣдамъ ў ка́ршму, тамъ и поскачешъ», и всѣ присутствовавшіе бросились къ окну смотрѣть экипажъ. У крыльца стояла ручная телѣжка, на телѣжкѣ лежала борона, покрытая кожухомъ (тулупомъ) и была положена подушка. Двое изъ мужиковъ взяли бабу на руки и посадили на телѣжку, придерживая ее, чтобы она не спрыгнула. Нѣсколько человѣкъ взялись за дышло и быстро потащили бабу въ корчму. Всѣ гости пошли слѣдомъ смотрѣть, какъ будетъ баба танцовать, а я стала прощаться съ родильницей; она предложила мнѣ въ подарокъ красный шерстяной платокъ и, когда я отказывалась, то стала меня упрашивать и извиняться, что подарокъ очень незначительный, а когда я сказала, что не возьму подарка, то оставшіяся въ избѣ бабы сказали, что это будетъ тяжкій грѣхъ родильницѣ, и что ея подарокъ, непремѣнно, долженъ быть въ шесть разъ дороже тѣхъ денегъ, которыя она получила отъ меня, поэтому-то крестьяне никогда не даютъ родильницѣ больше гривенника при поцѣлуѣ.

Зап. учительницей народн. школы.

б) Той же губ. и у., м. Петриковъ.

Когда приносятъ крестить младенца, то при немъ долженъ быть завернутый въ пеленкахъ маленькій узелокъ съ кусочками хлѣба, соли и угля, для того, чтобы младенецъ, пришедши въ возрастъ, имѣлъ постоянно у себя хлѣбъ, соль и огонь. Извѣстно, что здѣшній крестьянинъ, отправляясь на работу, хотя бы за одну версту отъ дома, а тѣмъ болѣе на далекое разстояніе, всегда беретъ съ собою сумку (кайстру) съ хлѣбомъ, солью и принадлежностями для добыванія огня, чтобы на случай, когда заблудится въ лѣсу, не пострадать отъ голода и холода.

Если во время совершенія крещенія принесутъ къ священнику для крещенія другого младенца, то воспріемники послѣдняго не входятъ съ нимъ въ домъ, а ожидаютъ выхода первыхъ воспріемниковъ и тогда младенцевъ подносятъ другъ къ другу, въ сѣняхъ или на дворѣ и при этомъ нужно, чтобы дѣти не спали. Это дѣлается для того, чтобы дѣти встрѣчались впредь

не подъ землею, какъ въ домѣ, на потолкѣ котораго имѣется земля, а встрѣчались на землѣ, — не въ могилѣ, а на вольномъ свѣтѣ.

У кого умираютъ дѣти, тѣ просятъ священника дать имя новорожденному младенцу Адамъ или Ева, чтобы дитя было долговѣчно, какъ прародители наши Адамъ и Ева, или для той же цѣли приглашаютъ почему-то въ воспріемники брата и сестру. Вмѣсто рубашки для новорожденнаго младенца обыкновенно приносятъ кусокъ каленкору или простого холста, въ которомъ вырѣзается посрединѣ отверстіе для надѣванія па голову крещаемаго, — вырѣзанный кусокъ холстины воспріемники берутъ съ собою для того, чтобы, когда младенецъ выростетъ, кусокъ этотъ служилъ ему талисманомъ для защиты отъ паденія съ дерева.

Изъ ст. свящ. Димитрія Пашина: «Нѣкоторыя суевѣрн.-обычаи и предразсудки» прихожанъ м. Петрикова Мозырск. у., Минск. Епарх. Вѣд. 1880 г., № 37. Неоф., стр. 59.

в) Сѣн. у., Могилевской губерніи.

Когда бабку зовутъ, она несетъ съ собою «мятличекъ», «полычки» (пеленки), блины и т. п. Другія женщины ходятъ къ родихѣ съ «отвѣдками», нѣкоторыя до крещенья, а нѣкоторыя послѣ, какъ успѣютъ; при этомъ несутъ: блины, мясо и т. п.

Предъ крещеньемъ, когда уже соберутся воспреемники, бабка купаетъ ребенка въ водѣ, куда присутствующіе бросаютъ деньги. Кумовей «частуюць». Послѣ крещенья кума беретъ ребенка, обкрываетъ его «батькиной» рубашкой, въ рукавъ которой завязанъ кусокъ хлѣба и соли [1]), а кумъ беретъ «краюху» хлѣба и такъ обходятъ вокругъ стола «тройчи», т. е. три раза. Потомъ отправляются къ священнику. Пріѣхавши отъ него, кумъ отдаетъ бутылку, въ которой возили водку къ батюшкѣ, отцу ребенка и говоритъ: «на, кумъ вазокъ, пихай на други разокъ», послѣ этого

---

[1]) Въ этой рубашкѣ держатъ дитя во все время крещенья.

выпиваютъ; имени ребенка не говорятъ до тѣхъ поръ, пока не выпьютъ; при этомъ нѣкоторые стараются угадать. Потомъ кума несетъ младенца «порадиси» (родихѣ). Садятся за столъ; подаютъ «моркву», «ладки», «юшку»... бабка приноситъ свою кашу въ горшкѣ, кумъ разбиваетъ горшокъ, послѣ чего бабка разноситъ эту кашу всѣмъ, при чемъ проситъ: «ўнучку или унучитцы на мыло!» всѣ кладутъ что-либо или деньги, или яйца. Послѣ закуски родиха несетъ бабѣ «наметку» холстяную, а иногда «пыркалевую» (ситцевую) и покрываетъ ею бабу. Баба иногда при этомъ пляшетъ; кромѣ того даетъ ей пирогъ обернутый хусткой; даютъ пирогъ и куму обернутый полотномъ «на штаны», а кумѣ пирогъ, обернутый «хусткой».

Если у кого дѣти часто умираютъ, то берутъ въ кумовья первыхъ встрѣчныхъ, т. е. ту первую пару, которую встрѣтятъ на улицѣ.

На третій день бываютъ «жмуринки» (тоже, что въ другихъ мѣстахъ Сѣннинскаго уѣзда «муравинки»). Приходитъ бабка, приноситъ съ собою хмель (которымъ она старается заблаговременно запастись) и овесъ. Этотъ хмель и овесъ она размачиваетъ въ водѣ, въ которой купаетъ ребенка. Ее угощаютъ.

Зап. учит. народн. училища Свидерскій.

Свадебный обрядъ.

Въ деревнѣ Дяковичахъ, Мозырск. у., Минск. губ.

Если хлопецъ достигъ уже 18 лѣтъ, то обыкновенно старшій въ семьѣ—отецъ или братъ его напоминаетъ, что пора Никипорка прижаниць: одзѣваць не кому, а домовка слабѣець.

По общему обсужденію въ семьѣ старшій членъ ея отправляется къ священнику навести справку о лѣтахъ жениха. Разспросивъ свата изъ какого села думаютъ сватать княгиню и если ему скажутъ, что изъ его прихода, то онъ наводитъ справку по метрикѣ, какъ о женихѣ, такъ и о намѣченной ему невѣстѣ и объ-

являетъ, что со стороны лѣтъ имъ нѣтъ препятствія вступить въ законный бракъ. Возвратившись домой, братъ говоритъ своей семьѣ: «Батюшко казавъ: можно робиць дзѣло».

На основаніи полученныхъ отъ священника свѣдѣній семья назначаетъ время избранному свату, когда ему отправиться сватать къ намѣченному хозяину и въ помощь ему приглашаетъ другого сосѣда, преимущественно крестнаго отца жениха. Оба они отправляются въ домъ невѣсты обыкновенно наканунѣ праздника. При входѣ въ хату сваты *даютъ: «добры дзенъ!»*, на что имъ хозяева отвѣчаютъ: «добре здорову!» Проходзице къ покуццю». Старшій сватъ садится на указанномъ мѣстѣ, а младшій около *пóсвѣта*, гдѣ огонь горитъ. Невѣста, догадавшись, что это сваты пришли къ ней, сейчасъ уходитъ изъ дому къ комулибо изъ сосѣдей, чтò означаетъ ея желаніе итти замужъ, въ противномъ случаѣ она остается въ хатѣ. Послѣднее обстоятельство не совсѣмъ по душѣ сватамъ, почему они стараются заводить разговоръ о совершенно постороннихъ вещахъ, въ расчетѣ, что невѣста наконецъ выйдетъ изъ хаты. Но когда увидятъ, что она объ этомъ и не думаетъ, то они, обращаясь къ ея родителямъ или родственникамъ, сами приговариваются такимъ образомъ: «Што-жъ ву не путáеце насъ, чаго му пришли? Не пришли му молоцицъ, а пришли горѣлку пиць.» На это имъ обыкновенно отвѣчаютъ: «Людзи добрыя, коли пришли зъ добрымъ словомъ, то кажице.»

— «Му пришли Гапочку ўзяць за Никипора».

«Сватки дорогія! Му ганьбу[1]) Никипору не даемъ, але Гапа наша ще молода и ничего не приготовилась; въ етомъ году ще не отдадзимъ.»

Если же невѣста желаетъ итти замужъ въ этомъ году за Никипора, то она выходитъ изъ хаты, послѣ чего разговоръ оживляется, становится общимъ. Тогда мать Гапочки говоритъ сватамъ: «треба попутáць Гапу, якъ ена: хочець, ци не?»

---

[1]) *Ганьба*—порицаніе Слов. Носовича.

— «Да што тутъ путаць?» заговариваетъ сватъ, якъ бацько зъ матерью скажуць, такъ и Богъ велиць».

«Не, сватки, не будзе ничого цеперъ, и напрасно не ходзице, въ этомъ году не оддадзимъ!».

И такъ въ первый разъ сваты возвращаются домой — хотя безуспѣшно, но довольны и полученнымъ свѣдѣніемъ, что Гапка хочетъ итти замужъ за Никипора.

Сватовство или запоины.

Въ другой разъ сваты отправляются въ домъ невѣсты опять-таки наканунѣ праздника и, имѣя въ виду, что теперь имъ удастся высватать Гапку, берутъ съ собою *пирогъ* хлѣба и *пляшку* горѣлки.

При входѣ въ хату даютъ: *«добры вечеръ»*, на что имъ отвѣчаютъ: *«добре здорову!* Проходзице къ покуццю.» Тамъ старшій сватъ садится, а младшій усаживается около невѣсты. Но едва онъ успѣетъ сѣсть, какъ она шмыгъ! изъ хаты вонъ къ сосѣду. Сваты знаютъ уже, что это значитъ и нисколько не обижаются. Первый заговариваетъ старшій братъ, обращаясь къ отцу невѣсты: «штожъ, сватокъ, ци будзецъ цеперь у насъ лады? Ци якъ ву ободумались?». Имъ отвѣчаютъ мягко: «Гапа куда-то удрала.» Пока происходятъ эти переговоры, кто-нибудь изъ родственниковъ невѣсты отправляется за нею. Она входитъ скромно и тихо въ хату, будто ничего не знаетъ, зачѣмъ ее звали, обмѣнивается обычными привѣтствіями съ гостями. Мать тутъ ей говоритъ: «Людзи другі разъ пришли даць имъ якій отвѣтъ». Гапа, въ знакъ согласія, беретъ изъ сѣней столъ, ставитъ его на *покуццѣ*, гдѣ сидитъ сватъ, накрываетъ его *настольницею* (скатертью), мать вносиць *кулиду* (булку) хлѣба, кладетъ на столъ, а сватъ старшій — *пляшку* горѣлки и тоже булку хлѣба, младшій же сватъ, т. е. крестный отецъ, отправляется въ *ранду* (корчму), гдѣ беретъ два-три гарнца водки и приноситъ къ свату невѣсты. Сватъ жениха наливаетъ чарку горѣлки и подаетъ свату невѣсты. Тотъ, взявши чарку, ставитъ ее на столъ. Всѣ при этомъ встаютъ, молятся Богу. По окончаніи молитвы

сватъ беретъ чарку и говоритъ: «Будзь здорова, бабо! Богъ благословіў и му благословимъ. На здоровье дзѣду!». При этихъ словахъ онъ выпиваетъ чарку и наливаетъ другую, которую передаетъ бабѣ. Та, выпивши чарку, наливаетъ ее опять и передаетъ свату, который ее опоражниваетъ, снова наполняетъ и передаетъ свату невѣсты, а сей послѣдній угощаетъ уже всѣхъ находящихся въ хатѣ. Мать невѣсты плачетъ, а сватъ приговариваетъ: «Не плачь, свахна! Не му начали, не намъ кончицца». Во время угощенія присутствующихъ въ домѣ сестра или братовая невѣсты вноситъ подарокъ къ свату жениха, — это: *на́метка*, т. е. длинный утиральникъ, которымъ она обвязываетъ его кругомъ, какъ поясомъ. Вмѣстѣ съ подаркомъ сестра ведетъ за собою и плачущую невѣсту и сажаетъ ее за столъ. Сватъ беретъ чарку, наливаетъ ее горѣлкою и идетъ къ свахѣ, перепоясавшей его наметкою, затѣмъ онъ наливаетъ другую чарку, въ которую кладетъ золотовку и подаетъ сестрѣ невѣсты. Сама невѣста встаетъ изъ-за стола, кланяется своему будущему свекру и цалуюцца, а онъ наливаетъ чарку горѣлкою и каже: «будзь здорова, Гапочка!» На что она отвѣчаетъ: «на здоровье, бацюхно!» Затѣмъ онъ наливаетъ вторую чарку, также бросаетъ туда золотовку и подаетъ ей, а она вупивши чарку горѣлки, берецъ себѣ золотовку. Наконецъ сватъ невѣсты угощаетъ горѣлкой всѣхъ находящихся въ хатѣ. Женщины въ свою очередь припѣваютъ протяжно пѣсни:

1.

Пропила маци до́чку
На соло́дкомъ медо́чку.
Всѣ пили и говорили:
Свёкоръ невѣстку перепивае,
Сто зло́тыхъ обѣщае.

На слѣдующій день оба свата отправляются къ священнику *ладзиць вѣнецъ*, захвативши съ собою наметку, квартку водки и

пирогъ хлѣба. Сладивши съ священникомъ на счетъ платы за вѣнецъ и назначенія дней для оглашенія въ церкви предстоящаго брака, сваты возвращаются домой и по дорогѣ заходятъ къ свату жениха, гдѣ ихъ угощаютъ водкой.

Змовины.

Передъ отъѣздомъ къ вѣнцу сватъ жениха приглашаетъ къ себѣ того же свата, съ которымъ онъ ходилъ сватать невѣсту, беретъ жениха и отправляется съ ними обоими къ невѣстѣ, гдѣ уже заранѣе знаютъ объ ихъ скоромъ пріѣздѣ. Поэтому молодая приглашаетъ къ себѣ трехъ подружекъ, а отецъ ея собираетъ тѣхъ же родныхъ и знакомыхъ, которые были на запоинахъ. При входѣ въ хату женихъ кланяется *сцью*[1]) и чещѣ и всѣмъ роднымъ княгини. По окончаніи поклоновъ жениха сажаютъ за столъ. Сестра или *брациха* молодой беретъ послѣднюю за руку и сажаетъ ее на скамейку (заслонъ), насупротивъ жениха.

Свекоръ наливаецъ чарку горѣлки и говорицъ: «Будзь здорова, невѣхна!» — «На здоровье, бацюхно!» отвѣчаецъ княгиня, наливаецъ другую, кладзецъ туда золотовку (15 коп.) и подаецъ своей невѣсткѣ. Ена берецъ чарку, вупиваицъ горѣлки и берецъ собѣ перепойный подарокъ. Потомъ наливаецъ чарку горѣлки женихъ и каже: «будзь здорова, Гапо!» — «На здоровье!» отвѣчаетъ она. Затѣмъ онъ наливаецъ другую, кладзе́цъ тоже золотовку и подаецъ своей княгинѣ. Ена тоже вупивае и бере́цъ къ себѣ *перепой*. Княгиня же, въ свою очередь, наливаецъ тую-же чарку, кида́е туда жукови́ну (простой перстень) и подаецъ своему жениху, а ёнъ вупивае ету чарку, берецъ къ себѣ жуковину и надзѣваецъ на указательный палецъ правой руки. Послѣ гэтого свёкоръ берецъ къ собѣ чарку, наливаецъ горелки и перепиваецъ дружекъ, кладзецъ въ каждую чарку по три коп. (по шестаку).

---

[1]) Тестю.

Дэѣвицы, вупивши свои чарки и побравши въ руки подарки, поюць пѣсни

2.

Запрегайце сивца!
Часъ ѣхаць до вѣнца.
Тамъ намъ руки свяжуць,
Вѣрное словцо скажуць.

2.

Доѣхала Гапочка до вѣнца,
Сипнула золото зъ рукавца.
Хто-жъ моé золото подберé,
Той мене до вѣнца довезе.
Никопорко золото подбере,
Ёнъ мене до вѣнца довезе.

3.

Прилецѣли три селезни на мой дворъ,
Да засѣло три молодзени за мой столъ.
Познай, Гапочко душечко, который твой?
Што на покýцѣ въ злóцѣ,—то-то свекоръ мой;
А што ў середзинцѣ ў засчинцѣ, да то дзеверъ мой,
А што ў краечку, скрививши шапочку, — то-то мой.

4.

Разлегайся зелена дуброва,
Штобы широка намъ була дорога:
Наша Гапочка къ вѣнцу ѣдзе,
Ея добра доля зустречáе.
«Ой, дóля моя, дóлечка!
Да коли ты добра будзешь,
То ѣдзьмо зо мною,
А коли-жъ тыековая,
То плыви ў виръ зъ водою.

5.

Часа́ла Гапочка косочку подъ вѣнецъ,
Да упавъ ея гребене́цъ подъ столе́цъ.
«Да подай, Никипорко, мнѣ гребене́цъ!»
— «Яжъ тобѣ, Гапочка, не молодзецъ,
Штобу тобѣ подавацъ гребенецъ, —
Есь у цебе дружечки-слу́жечки,
Тыя тобѣ подадуць гребенецъ
И разчешуць ко́сочку подъ вѣнецъ.»

По окончаніи этихъ пѣсенъ и всего пиршества молодые ўстаюць изъ за стола, берутся за руки: молодая идетъ впередъ, а за ней женихъ и кланяются своимъ родителямъ и роднымъ, цѣлуютъ ихъ *въ лицо.* Окончивъ цѣлованіе, молодые выходятъ на дворъ, гдѣ уже приготовлены подводы, чтобы ѣхаць къ вѣнцу: молодыхъ посядуць вмѣстѣ на одной подводѣ, дружки на другой, а сваты на *трейцей.* Въ это время дружки поютъ слѣдующія пѣсни:

6.

«Ой, бацюхно, перейдзи мнѣ дорожку
Зъ Юрьемъ и зъ Мико́лою,
Зъ счастьемъ и зъ до́лею!»
— «Хай тобѣ Господзь перейдзе
Зъ Юрьемъ и зъ Мико́лою,
Зъ счастьемъ и зъ до́лею.»

7.

Разступайцеса вороги,
Не переходзице намъ дороги;
Наша дорога широка,
Наша Гапочка дале́ка.

8.

Замецена́ елочка до дуба, —
Поѣхала Гапочка до шлюба;

Да замецена елочка до конца,
Поѣхала Гапочка до вѣнца;
Замецена елочка метлою,
Поѣхала Гапочка зъ сестрою,
Замечена елочка деркачёмъ,
Поѣхала Гапочка зъ паничомъ.

9.

Ой попе, попе, гордзѣю!
Повѣнчай Гапочку въ недзѣлю,
Не ў ету, то въ тую;
Я тобѣ снѣданьне зготу́ю.
Да перепита Гапочка,
Да перейдзи сѣни бацькову.
Да подай бацюхну воды.
Да бацькова водзица соло́дзенка,
Да солоджей меду и вина, —
Ена все слезками развела.
Да нема попа дома,
Да поѣхавъ въ объѣздъ,
Да поѣхавъ до Льяна—[1])
Ключи куповаци,
Церковку отмукаци,
Двое дзѣтокъ вѣнчаци:
Одно дзиця да роджено,
А другое да суджено.

10.

Матко моя, любко!
Да ворочайся хутко
И унеси шубу, —
Я ѣду до шлюбу, —

---

[1]) Назв. деревни.

Шлюбу шлюбиваци,
Двое дзѣтокъ вѣнчаци.

Послѣ вѣнчанія вся компанія возвращается домой. Подъѣзжая къ деревнѣ, дружки, *сѣдзя* на возу поюцъ:

11.

Ой радъ радзёночекъ Никипорка,
Што на бѣлымъ рушничку стоявъ,
Зъ правой ручeнки пéрсня снявъ,
Да понесъ мацери на показъ:
«Ето тобѣ, маточко, подарки
Отъ моей Гапочки коханки!»

12.

Пріѣхало да дзицля зъ вѣнца
И не промовицъ словца.
Поясокъ животокъ ломицъ,
Ено словцо не промовицъ.

13.

Да ўходзь, пани матко, зъ свѣчами,
Уге твое дзицятко звѣнча́на
Подъ ясненькими свѣчами,
Подъ голóсными звонами.

Пріѣхавши въ деревню, всѣ заѣзжаютъ къ жениху, гдѣ для молодыхъ приготовлены закуски и меду,—дадуцъ имъ по чаркѣ, угощаютъ въ тоже время и всѣхъ возвратившихся съ ними отъ вѣнца. Послѣ закуски гости разъѣзжаются по домамъ. Молодые тоже расходятся, т. е. молодая идетъ къ своимъ родителямъ и не видится съ своимъ возлюбленнымъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ общаго веселія, которое они, т. е. сваты, по обоюдному соглашенію, назначается не ранѣе слѣдующаго воскресенія, а въ случаѣ непредвидѣнныхъ обстоятельствъ откладываютъ недѣли

на *цоъ*, на три, разумѣется для того, чтобы приготовить все нужное, въ особенности водку.

Весельле.

Въ четвергъ отецъ молодого созываетъ къ себѣ *три свахи*. Онѣ мелютъ въ жерновахъ изъ жита муку на коровай, при чемъ поютъ слѣдующія пѣсни:

14.

Да стояла Га́почка подъ лѣскомъ,
Да гу́кнула [1]) Никипорко голоскомъ:
«Ѣдзь, ѣдзь, Никипорко, не дла́йса [2]),
Бо *уге* мой бацюхна прибраўса:
Цесовыя столики засла́тыя,
Што Гапочкою натка́тыя,
Золотыя кубки нали́тыя,
Безъ цебе, Никипорко, непи́тыя.

15.

За бѣлымъ березникомъ
Никинорь по́йму косиць,
Да ў сто́геньку носиць,
Да конька́ ёнъ кормиць:
«Пойдземъ ў дорогу побитую
По Гапочку запи́тую,
Ў дорогу ў ща́сну,
Да по Гапку красну.

16.

Да бѣлила Гапка рушнички,
Побѣливши, спаць легла,
Пришла до ея мацъ ея:
«Да ходзи, дзицятко, спаць!
«*Уге* твои сватовье ў полѣ».

---

[1]) Кликнула. [2]) Не мѣшкай.

— Да нехай, матко, ў полѣ, —
— *Уге* мои рушнички готову.
До сорока сороковъ
Ена уткáла рушничковъ.

Въ тотъ же день молодая призываетъ къ себѣ *три дрўжки*, бывшихъ у нея при вѣнцѣ и онѣ тоже мелютъ зерна на коровай *въ жерновы* (хотя бы мука была готова или въ запасѣ) и въ это время тоже поютъ тѣ же пѣсни, что пѣлись въ этомъ случаѣ въ домѣ молодого.

Въ пятницу вечеромъ въ домъ къ молодому опять приходятъ свахи и *расчиняютъ* коровай въ той дежѣ, въ которой мѣсятъ обыкновенный хлѣбъ. Старшая сваха, крестная мать молодого, *бере* дежу изъ сѣней, *ўносиць* въ хату, снимаетъ вѣко, дѣлаетъ подъ нею крестъ и *говóриць*: «Благословице, отецъ, маци, коровай расчиняци!». «Богъ благословиць!» отвѣчаютъ отецъ и мать. При этихъ словахъ она наливаетъ въ дежу воды, насыпаетъ въ нее муки и закрываетъ ее для того, чтобы до завтра растворъ укисъ.

У молодой коровай *расчиняюць* въ субботу рано крестная *маць* молодой, такимъ же манеромъ, съ такими же переговорами. Затѣмъ вечеромъ мѣсятъ коровай и *ставець*, чтобы *подышеў*, послѣ чего будутъ *пекци*.

Когда у молодого пекуць коровай, свахи пѣюць:

17.

Съ субботы на недзѣлю ў годзи́ну
Собравъ Никипорко свою родзи́ну:
Нехай моя родзина сберéцца,
Хай моей горѣлки напьéцца,
Хай моя милая родзина посѣдзи́ць,
Хай мойго весельля поглядзиць.

18.

Никипорковъ бацюхно по сѣнечкохъ ходзиць,
Да нехай къ собѣ сосѣдочекъ просиць:

«Сосѣдочки ву мои, ходзице жъ ву ко мни.
Ой, не ко мни, — къ мойму дзицяци,
Въ печь короваю саджáци.
Только тыя, што напи́цися,
Да некому жури́цися.

19.

Да стояла сóсенка сколько лѣтъ,
А му ея порубили на загнетъ,
Штобы нашъ загнетъ ясенъ бувъ,
Штобы нашъ коровай красенъ бувъ,
Штобы нашъ Никипорко щастливъ бувъ.

20. —

Сыпце пшеницу ў новыя корыта,
Кормице кони ў великую дорогу,
Бо поѣдзе Никипорко до новаго роду.
Ой ў новымъ рóдзѣ трое воротечекъ:
Да первыя же ворота, — што мѣ́сечикъ взойдзе,
А другія ворота, — што сонце засвѣцицъ,
А трейціи ворота, — што Никипорко взойдзе.
Мѣсечикъ взойдзе, — то видненько будзе,
А сонейко взойдзе, — то цепленько будзе,
А Никипорко пріѣдзе, — то веселенько будзе.

21.

Ў недзѣлю ў порáну
Гукнувъ Никипорко на порáду:
Порада моя, сусѣдзе!
У кого кони, — кормице,
А у кого нема, то наймице,
Мнѣ молодому послужице,
Мою Гапку привези́це,
Ей мѣсто укажице

Подъ тую горку крутую,
У тую свѣцелку видную
И къ той свекрусѣ, къ сокотусѣ
И къ дзеверамъ, жовнерамъ,
И къ тымъ етровкамъ-соротовкамъ,
И къ *золвицамъ*-лебедзицамъ.

22.

Добре тобѣ, Никипорко,
Молодзенькому женийся:
Ёсь у цебе бацюхно,
Ёсь кому журицися.
Кони запрагáны,
Слуги панимáны.
Добре тобѣ, Никипорко,
Молодому женицися, —
Ёсь у цебе маточка,
Ёсь кому журицися.

23.

Да-й ў печи коровай кличе,
Коровайничекъ ище:
«Гдзѣ ужъ мои коровайнички?
Ци на меду запилиса,
Што меня забулиса?»

Во время печенія коровая у молодой поютъ тѣ же пѣсни, что и у молодого, три дружки; крестная ея мать приговариваетъ:

24.

Попутáла Гапка: ци *уге* свѣтъ?
Чему моего Никипорко ко мнѣ нѣтъ?
Ой я мáю отъ Бога надзѣю,
Што пріѣдзе Никипорко ў недзѣлю,
Хоць не въ ету, то въ тую, —
Я жъ ему снѣдáньня зготую.

Ой Гáпко разýмночко!
Позагадывала щирыя боры копáци,
А сама пошла черного маку сѣ́яци.
«Ой родзи, Боже, черный макъ, —
Жóвченькій цвѣтъ!
Принесе, Боже, Никипорко подъ свѣтъ!
Ой дай, Боже, счастія и дóлечку
Имъ на довгій вѣкъ!»

Въ субботу вечеромъ отецъ молодого *собираець* къ *собѣ* въ хату *бесѣду*, т. е. родныхъ и знакомыхъ *сосѣдовъ*, нанимаець музыкантовъ и съ вечера до свѣта пьюць горѣлку, гуляюць. Въ это время *сучуць* молодому свѣчку восковую, которая будзець горѣць при раздѣлѣ коровая. Другую, такую же свѣчу сучуць у молодой для такой же надобности. Во время приготовленія свѣчей у молодого — свахи, а у молодой — дружки пѣюць:

25.

Два браткѝ свѣчки сукали,
Трои зéльейка клали:
Одно зельейко — мято,
Другое зельейко — руто,
А трейцее зельейко — квѣтки,
Штобъ любилися дзѣтки.

26.

Да у мѣсяца два рожки,
А у Никипорка два браткѝ:
Одзинъ братко коня осѣдлáе,
А другѝ братко навучáя:
«Не бери, братко, при злóцѣ,
Да бери, братко, при цноцѣ.[1])

У молодой также собир*аеца* бесѣда, — родные и сосѣдзи, призываюць музыканта и веселятся во всю ночь, въ ожиданьѣ

[1]) *Цнота*: честность, цѣломудріе. Слов. Носовича.

бесѣды отъ жениха, которая *придзець* только предъ свѣтомъ въ воскресенье.

Въ *недзѣлю рано, еще на зари* бесѣда молодого собираеца *вкупу* молютца Богу и садзяца за столъ, пьюць горѣлку, закусываюць, снаряжаюца въ походъ, приготовляя коней съ возами. Вся бесѣда, которая отправляется къ молодой, должна состояць изъ 13 душъ, въ слѣдующемъ составѣ:

1) Крестный бацько: ёнъ занимаець первое мѣсто за столомъ, садзица на покуци, гдзѣ лаву становюць. Его должность старосты — управляць бесѣдою.

2) Другое мѣсто съ лѣвой руки старосты садзица близкій родственникъ, его называютъ подстаростою.

3) Трейцее мѣсто съ той же стороны занимаець, если есть— братъ молодого, а нѣтъ, то родственникъ, его называюць «перепойникъ». Онъ садится около подстаросты.

4) Дружекъ садзица на *заслонъ*[1]), къ столу лицомъ, задомъ къ печи.

5) Средній дружекъ садзица за нимъ.

6) Меньшій дружекъ садзица за среднимъ.

7) Съ другой стороны стола, отъ покуци до стѣны, къ двери, т. е. отъ востока на сѣверъ, съ правой стороны старосты, садзица, «дзядзя большій».

8) Около «большого дзядзи» садзица «меньшій дзядзя».

9) За нимъ садзица молодой.

10) Около него «старшая сваха».

11) За ней—«средняя сваха».

12) За ней «меньшая сваха».

13) Въ самомъ концѣ — музыкантъ.

На разсвѣтѣ вся бесѣда ўстаець изъ-за стола и, помолившись Богу, уходзиць на дворъ, становица въ кругъ. Старшій дружекъ, какъ знахарь, бере сокéру, обходзиць всю бесѣду, шепче собѣ и цюкая въ землю. Три раза онъ такимъ образомъ долженъ обойти бесѣду, и потомъ, бросивъ сокеру въ сторону, объявить, што на

---

[1]) *Заслонъ* — скамейка въ хатѣ передъ столомъ.

ихъ дорогѣ волкъ не попадзець и ў бесѣдзѣ молодой нихто не прироби́ць.

На дорогу имъ даюць: старостѣ—два пирога, перепойнику—горѣлку въ *биклозѣ*, старшему дружку — сѣвокъ пироговъ (именно 7) и восковая свѣча. Ѣдучи, свахи пѣюць:

27.

Бѣлый свѣтъ, бѣлый!
Да ци лебедзя стрѣли,
Ци на морѣ бѣли́лися,
Што къ намъ спозни́лися?»
Да казали село недалеко, —
Ажно четыре ми́ли.
Ѣдучи, му коники потоми́ли,
И зъ дороги зблудзили.

28.

Ой прилецѣвъ соловейко, щебече:
«Ци моя лебедко, ци не моя?
— Постой, соловейко, не щебечи,
Бо утомилася лебедка къ тобѣ летучи.
Да пріѣхавъ Никипорко,—постой, не стучи,
Бо утомилася Гапка къ тобѣ бѣгучи!

Во время ѣзды дружки кричаць, гу́каюць, штобы чутно було, што бесѣда идзе къ молодой. Тамъ при запертыхъ воротахъ ихъ встрѣчаець бесѣда молодой. Она спрашиваець: «Откуда ето людзи?» Имъ отвѣчаюць: «изъ Минской губерніи, изъ Мозырскаго уѣзда, 2-го стана, Дзяковицкой волости, зъ дзеревни Дзяковичъ.»

«Зачѣмъ ву сюда идзе́це?»
— Къ вамъ, братцы: му тутъ дзѣвку запили.
«А пашпортъ у васъ ёсь?»
— Ёсь (показываюць кусокъ полотна)
«Э, хвалши́вый! — Не пусцимъ».

Староста командуець: «Што, братцы, попробуемъ силою, коли ласкою не можно». Начинаюць *пéрциса* въ ворота — тая бесѣда сильнѣе, не взяли». «Нумо, братцы, мирица!» — «Требно такъ давно робиць!» — Перепойникъ наливаетъ пляшку горѣлки или готову вунимае съ кишени, даець той бесѣдѣ, а староста пирогъ хлѣба. Бесѣда жениха теперь входзиць на дворъ къ молодой, становится въ рядъ. Изъ этой бесѣды всѣ три дружки идуць въ хату къ молодой, оставляя остальную бесѣду на дворѣ. Дружковъ этихъ сразу въ хату не ўпускаюць. Два человѣка изъ бесѣды молодой, подъ названіемъ *шавцы́*[1]) садзяца на порогѣ хаты и шіюць чоботы. Дружки по входзѣ въ сѣни кажуць: «Дзень добрый вамъ! ци рады ву намъ?» — Имъ отвѣчаюць: «Здорову були! откуль ву, людзи?» — Дружки отвѣчаюць: «изъ Минской губ.» и т. д.

— А чегожъ суды пришли?

«Му тутъ Ганку запили, требо намъ ея взяци.»

— Нѣ, сегодня не пусцимъ, намъ нема часу, требо скорѣй шици чоботы.

Дружки отправляюца на дворъ, докладываюць старостѣ, што не ўпускаюць. Староста приказывáе: «Идзи́це ще разъ!» Дружки, повинуясь, приходзяць въ сѣни и просяць *цѣ*хъ шавцóвъ пусцить ихъ въ хату. Шавцы не ўпускáюць. Дружки возвращаюца на дворъ и докладываюць старосцѣ, што не ўпускаюць. Староста въ трецій разъ приказываець: «Идзице, просице, перекиньце штонибудзь имъ.» Дружки по приходзѣ просюць шавцовъ пусциць ихъ въ хату. Перепойникъ даець шавцамъ пля́шку горѣлки, пирогъ хлѣба и они ўпускаюць въ хату дружковъ. Ихъ тамъ угощаюць водкою и закускою, а дружки (три *дзѣ*вицы) во время закуски дружкóвъ пѣюць имъ пѣсни:

29.

Дружки волоѐды;
Якъ сѣли, — вола зъѣли:
На столѣ ни крошки,
А подъ столомъ — ни косточки.

---

1) *Шавéцъ, шавецъ* или *швецъ* — сапожникъ.

Вся остальная бесѣда остаетца на дворѣ и свахи пѣюць слѣдующія пѣсни:

30.

Маточка сына родзила,
Калиною водою поцирала,
Штобу его уроки не взяли
Отъ *цисцяткова* витаньня,
Отъ чещухноваго снѣданьня,
Отъ Гапкинаго гуляньня.

31.

На болоцѣ стадо ко́ней ходзиць,
Мижъ того стада негодный коникъ.
Колька (ни) ловили да не поймали.
Зирну́въ Никипорко да й засмѣялвса:
«Я жъ его поймаю, я жъ его осѣдлаю.
Поѣду къ цесцьку къ обѣду,
Къ обѣду да па погуляньне,
Къ своей Гапкѣ на размовленьне.

32.

Не вгада́ла молода Гапка,
Откуль Литва наѣхала
На мой дворъ на мецённый,
На мой родъ на весёлый.
Ены мой дворъ засмеци́ли,
Ены мой родъ засмуци́ли.

33.

Пушна чеща, пу́шна,
Процивъ зяця—не ву́шла.
Крыйся, зяцю, крыйся,
И конями и бобрами,
Червоными соболями,
Золотыми пудковами.

Дружкі́, поѣвши въ хацѣ молодой, вуходзиць изъ своей бесѣдзи. Ихъ упрекаюць, што такъ довго *забавилися*: «му тутъ холодные и голодные!» Вслѣдъ за дружками приходзиць сватъ, отецъ молодой, вита́етца зъ бесѣдою (цѣлуется), угощаець ихъ горѣлкою и просиць въ хату. Бесѣда, исполняя просьбу свата, идуць за нимъ въ хату. Тамъ онъ ихъ сажаетъ всѣхъ за столъ въ такомъ же порядкѣ, какъ ены были у жениха. Усѣвшись, бесѣда слушаець пѣсню, которую пѣюць дружки—дѣвицы:

34.

У большаго дружка
Парши́ва ручка,
И зъ кишени не вунимае,
Своихъ дружекъ не витае.

Послѣ этой пѣсни два дружка, большой и середній, ўстаюць зъ за стола, идуць къ дружкамъ, сидящимъ за столомъ процивъ печи. Большой дружко, вунимае изъ кишени пляшку горѣлки и пирогъ хлѣба, вручаець дружкамъ-дѣвицамъ, приговаривая: «Просимъ Бога и васъ примице свою поча́стку.» Дружки, припявъ подарки, ўстаюць изъ за стола и вуходзяць на дворъ, а дружкі́—мужчины садзятца на ихъ мѣста.

Бацько молодой подходзиць къ столу, ставиць миску и наливае въ нее горѣлку; перепойникъ лье́ць въ эту же бутылку горѣлку, принесенную отъ жениха. Староста бере́ чарку, налива́е въ нее ложкою горѣлку и говориць: «будзь здоровъ, сваце!» «На здороўе, сваце, на здороўе!» отвѣчае сватъ. Староста, вупивши чарку, наливае другую и кидае въ нее дзесятку (5 коп.), подае́ свату. Сватъ бере чарку, вупивае горѣлку и бере себѣ подарки, чарку ставитъ на столъ. Староста наливае горѣлку въ ту же чарку и гу́кае сваху. Ена подходзиць къ столу, староста подае́ ей чарку съ горѣлкою и кидае въ нее тоже дзесятку. Сваха, вупивши горѣлку и взявши дзесятку, дариць старосту кускомъ полотна, сама обвязывае его вокругъ. Староста зноў наливае чарку, подае ее подстаросцѣ, который кладзе туда дзесятку и гу́кае также сваху. Сваха подходзиць къ столу, бере изъ

рукъ подстаросты чарку, вупивае, а дзесятку бере въ руки, дариць тоже кускомъ полотна. Староста наливае тую же чарку, подае перепойнику, а онъ кидае туда золотовку и дае свахѣ. Сваха, получивши чарку и золотовку, дае́ ему подарокъ наметку, обвязывае его тоже вокругъ. Послѣ этого перепойникъ гукае сваху и просиць указаць, кого больше перепиваць. Сваха указывае: «перепивайце молодую!» Тогда сестра молодой бере молодую за руку и ведзе́ къ столу, сажая ея на заслонъ напротивъ жениха. За молодой идуць ея три дружки и садзяца рядомъ съ молодой за столъ и пѣюць:

35.

Скупый перепойнику!
Перепiў большую дружку
Чарочкой орѣховою,
Да и тэю да не поўною.
Озьми ея да-й доли ея. 2

Перепойникъ наливае чарку горѣлки, кладзе́ туда золотовку и дае́ сестрѣ молодой, послѣ чего наливáе старостѣ и передае́ жениху, который бере́ въ руки чарку и *каге*[1]) къ молодой: «будзь здорова, Гапко!» «На здоровье!» отвѣчае Гапка. Староста наливае другую чарку и подае́ жениху. Женихъ подае своей Гапкѣ. Ена, получивши, чарку съ сороковкою, вупивае и наливае горѣлку въ тую же чарку, сама Гапка кидае туда жуковину (перстень) и подае своему Никипорку, который вупивши горѣлку, бере́ жуковину и падзѣвае на пальца. . . .

По окончанiи церемонiи коренной сватъ, отецъ молодой, ставиць на столъ свою горѣлку и угощáе всю бесѣду. Въ это время три дружки вуходзяць изъ за стола. Староста *каге* свату: «будзе, свацикъ!» А сватъ отказывае: «Ну, сватки, лебе́дзики, циперъ прошу васъ, покажице свою работу!» Бесѣда встае́ изъ-за стола и вуходзиць на дворъ подъ музыкой скрипача-музыканта, танцуюць, гуляюць. Гэто тая работа. Погулявши часъ, сватъ приходзиць къ бесѣдѣ и просиць въ хату. Въ это время свахи пѣюць пѣсню:

[1]) Т. е. каже

32.

Ой просиць нашей головки
Да до иншей господки:
Ой ву, мужненки, слухайце,
До иншей госпо́дки ступайце!

Бесѣда входзиць въ хату, ихъ сажаюць за столъ въ томъ порядкѣ, какъ и сѣдзѣли раньше, и имъ даюць полный обѣдъ.

Перезву.

Послѣ обѣда сватъ просиць бесѣды: «Проша убачиць! Пройдзе́мсо дальше», бере съ собою кусокъ хлѣба и переходзиць въ другую хату къ сосѣду, гдѣ ихъ угощаюць горѣлкою и закускою. Это угощеніе производится на счетъ бесѣды бывшей у молодой. Такимъ же образомъ бесѣда переходитъ и въ другія хаты, до 8 и 10, гдѣ ихъ также угощаютъ горѣлкою, что̀ продолжается да самого вечера. Во время этихъ переходовъ свахи поюць слѣдующія пѣсни:

36.

Леци, леци, соловейко
Да черезъ три лѣсы́,
Да черезъ четыре.
Ў пятомъ лѣсѣ
Ено ночь ночовала.
«Што ты собѣ, соловейко,
Што ты собѣ, любишъ:
Ци ты любишъ лѣсы,
Ци прилѣссики?»
— «Не люблю лѣсу,
Ни прилѣсейка,
Тольки я люблю
Черную Гапочку:
Хоць ена маленька,
Набо ена черненька.

На тудойму ишла —
Сыръ знайшла,
А зъ тудойми ишла, —
Два знайшла,
Пудъ перелáзомъ
Три разомъ.

37.

Да поѣхавъ Никипорко купцовáць,
Да путавса бацюхно, што куповаць:
Ци купиць поле зъ вишнями,
Ци купиць мѣсто зъ панами,
Ци купиць село зъ дзѣвкáми?
Червонное поле—отъ вишень,
Богато мѣсто — отъ пановъ,
Да веселое село отъ дзѣвокъ.

38.

Наказывала лебьедка
Своему сивенькому *собулечку*:
«Ой дбай, прилетай, сивуй собулечку»
«Сеё ночи темненькое.»
— «Якъ же мнѣ прилетаци,
Што у цебе лѣсы цемныя,
Што у цебе рѣки буйстрыя?»
— «Я жъ тыя лѣсы порубаю,
Буйстрыя рѣки закидаю.»

При обходзѣ всѣхъ хатъ вся бесѣда возвращается къ свату молодой лишь только вечеромъ. По дорогѣ свахи пѣюць слѣдующія пѣсни:

39.

Ў недзѣлю рано
Чего гэто море играло?

Тамъ сонейко да купалосо,
А Гапка да дзивоваласа.
Што зъ етаго дзивованьня
Дай сама упала.
«Ретуй, ретуй, мой бацюхно!»
— «Якъ цебе ретовацъ буду,
А ни човна, ни весла, —
Все хвиля понесла.»
Отозвався Никипарко
Край синяго мора:
«Вуйму цебе зъ великаго гора:
У меня човны и весла, —
Хвиля ничего не унёсла.

Бесѣда, по переходѣ изъ перезовъ къ коренному свату, на дворѣ гуляецъ, танцуе, послѣ чего сватъ вуходзицъ на дворъ и просицъ бесѣду въ хату, сажáе ихъ за столъ въ томъ порядкѣ, какъ они сѣдзѣли прежде, угощае ихъ водкою и закускою. Въ это время свахи пѣюцъ слѣдующую пѣсню:

40.

Уклоняйса молода Гапко
Ўсему своему роду —
И старому и малому,
А маци ў бѣлы ноги
За ея за годовайненько,
За хорошее уладжайненько.

Коровай дзѣлюцъ у молодой.

Сѣдзя за столомъ, староста обращается къ коренному свату, приговаривае: «Просили Бога и васъ, сваце, позволь ици по хлѣбъ!» Сватъ отвѣчае: «У цебе есь сыны (три дружки), нехай ены идуцъ собѣ по хлѣбъ. Дружки ўстаюцъ изъ-за

стола и большой дружекъ приговаривае: «Благословице отецъ— маци и добрые людзи по хлѣбъ ици!» — «Богъ благословиць!» отвѣчаюць ены три раза. За етимъ благословеньнемъ сватъ идзе впередъ, за нимъ музыкантъ и дружки зъ задзи. По входзѣ въ клець беруць на руки вѣко съ кубла, на которомъ лежиць коровай (большая булка въ 30 ф.) и несуць въ хату, припѣвая слѣдующую пѣсню:

41.

Травка-муравка зелененько!
До клеци спе́жка бойненько.
«А нужъ, коровай, не упирайса!
Возьми пирогъ и подпирайса!»

Передъ хатными дверьми большой дружекъ говориць: «Благословице отецъ, маци и добрыя людзи коровай на столъ ставиць!» — «Богъ благословиць!» отвѣчаюць три раза. Ўнеся коровай въ хату, ставиць его на столъ. Большой дружекъ бере въ руку запасную булку хлѣба, вурѣзывае изъ нея вершину, въ объемъ отъ 2-хъ до трехъ вершковъ, въ которой прирѣзывае дзирку и вставляе дзвѣ свѣчи и, штобы запалиць ихъ, большой дружекъ достаець огня посредствомъ *крямення* съ огнивомъ и не иначе, какъ отъ одного размаху, а въ случаѣ недостачи *крямення* съ огнивомъ и губкою, передае среднему дружку, послѣднiй же, если не достане отъ одного размаху, передае послѣднему дружку, но штобы было непремѣнно высѣчено огню съ одного размаха. Во время добыванiя огня свахи пѣюць слѣдующую пѣсню:

42.

Ой крамeню, крамeню!
Да дай намъ огню
Свѣчекъ зажигаци,
Молодую завиваци.

Добывши огня, большiй дружекъ прикладывае къ горящей губкѣ спичку и когда ена загорится, ёнъ гово́риць: «Благосло-

вице, отецъ маци и вся бесѣда свѣчи зажигаци!» Имъ отвѣчаюць: «Богъ благослови!» (три раза). Запаливши свѣчи, сваха пѣець слѣдующую пѣсню:

43.

Лецѣли гу́сочки черезъ садъ,
Махнули крылочками на весь садъ:
«Пора тобѣ, Гапочко, на посадъ!»
— «Ой» штожъ вамъ, гусочки, до того?
Есь у мене мамочка дле того,
Ена мене хорошо *наря́дзиць*,
На *божжемъ* мѣсцячцѣ поса́дзиць,
Ена мнѣ коровку подориць.

Большій дружекъ передае́ горящія свѣчи брату молодой, который бере ихъ въ лѣвую руку берець въ правую молодую за полусвить, приговаривае: «Благословици отецъ—маци и добрые людзи молодую на посадъ заводзици» (три раза). Бесѣда отвѣчае: «Богъ благословиць!» Тогда ёнъ становитца на лаву и ведзе́ за собою молодую, сажаець рядомъ съ молодымъ по правую сторону его. За молодою идуць три дружки. Братъ молодой отдае́ свѣчи большой свахѣ, которая дзержиць ихъ пока не подзѣляць коровай. Дружки, усѣвшись рядомъ съ молодой, пѣюць пѣсни:

44.

Ой, ты, дружатко, войто́ву сынъ!
Ўскинь на тарелочку золотыхъ семъ (1 р. 5 к.)
Ой ты дружатко войтову зяць,
Ўскинь на тарелочку золотыхъ пяць!

Дружки вугоняюць дру́жекъ изъ-за стола и они имъ пѣсни пѣюць:

45.

Му сами не пришли, —
Му сами не пойдземъ.

Насъ Гапочка позвала,
Дружками посажала.
Наймице ду́дачки,
Проведзице дру́жечки,
Наймице цимба́лы,
Проведзи́це, гздѣ брали.
Надъ нашею головою
Биса, дружко, объ стѣну головою.
Наша стѣна костена,
Дружку голову разцела (разбила).

46.

На дружку кошуля
Черным̆ъ шовкомъ шита.
Ушивали ему жидзеня́та,
По улицы пасучи коцената.
Нашему дружку молодому
Пасци ка́чки келе дому:
Которое вейдзе́, то ведзе́,
Которое здыхае, то попирае.

47.

Зажурився дружекъ дзядзя,
На чужіе дзѣвки глядзя.
«Ци журиса, не журиса,
Бери дзѣвку да-й жениса.

Дружки, штобы ву́тѣсниць дружекъ изъ-за стола, плацець по дзесятцѣ. Получивши подарки, подружки уходзяць изъ-за стола и припѣваюць пѣсню:

48.

Дзякуй, сваце, за ваши грошы,
Штобы вуѣздъ вашъ бывъ хороши:

Штобы кони ноги поломали,
На спицы ноги повзбирали.

Староста спрашивае свата кореннаго: «Што намъ, сватухна, робиць зъ етымъ хлѣбомъ?» — «Богъ благословиць и я, — дзѣлице!» Меньшій дружка кроиць коровай на малыя куски, кладзець на тарелку, середній дружекъ бере ея въ руки и подае старосьцѣ, большій дружекъ укликае лицъ, кому дорiць коровай. Староста, получивши кусокъ коровая, кладзе на тарелку четвертакъ или шестакъ (2—3 коп.). Послѣ старосты также дариць короваемъ подстаросту, перепойника, свахъ, трехъ дружковъ. Передъ раздачей коровая меньшій дружекъ вурѣзае отъ одного коровая — съ четырехъ его сторонъ по кусочку и подае середнимъ дружкамъ брачнымъ. Одѣливъ всю бесѣду, пришедшую съ молодымъ, меньшій дружекъ рѣже кусокъ коровая и передае его середнему дружку, который по вызову большимъ дружкомъ отца молодого, вручае ему. Отецъ же, получивши кусокъ коровая, дариць молодымъ пчелы, а мацъ, получивши такой же кусокъ коровая, дариць корову. Затѣмъ, одзѣляюць всю родню и сосѣдовъ молодой, которые даряць кто овцу, порося, целя, кусокъ полотна и т. п.

По окончаніи раздѣла коровая большій дружекъ бере шапку молодого и тушиць свѣчи, а староста спрашивае свата: «Што робиць етому хлѣбу?» Сватъ отвѣчае: «Поставьце, гдѣ взяли». Три дружки беруць ето вѣко съ оставшимися крошками хлѣба и въ сопровожденіи музыканта несуць обратно въ клѣць.

Во время раздачи коровая свахи пѣюць:

49.

Сядзьмо, матко, повечераймо!
По вечери подзѣлимосо:
Тобѣ, матко, хатка домовка,
А мнѣ, матко, кубелъ да коровка,

Тобѣ, матко, волы половы́я,
А мнѣ, матко, кони вороные,
Тобѣ, матко, ўсѣ *угéльники* (углы)
А мнѣ, матко, ўсѣ кубельчики.

50.

Чирвона калина
Весь лугъ окрасила
Калинами, журавинами.
Молодая Гапка
Всѣ сваты обдзѣлила,
А Никипарко обманула.

На разсвѣцѣ дня въ понедзѣльникъ, вся бесѣда уходзиць на дворъ ставиць кони по порядку. Три дружки идуць въ клѣць, забираюць кублы, дзѣшки, кудзели, красницу и другое, што сказали брацъ молодой, все укладываюць на возы. А свахи, стоя на дворѣ, пѣюць:

51.

Загребай, матко, жаръ, жаръ,
Будзе тобѣ дочки жаль, жаль.
Загребай, матко, пóпилъ,
Му твою дочку ухóпимъ;
Да кидай, матко, дровы,
Оставайсо, матко, здорова.

52.

Кра́че ворона, кра́че,
Изъ луга не улетае,
Плаче Гапка, плаче,
На возъ не всѣдае.

53.

Ой кубле мой, кубле!
Да куды ты да надумавса:
Ци въ лугъ ици, въ дубраву,
Ци въ Никипоркову камору?

Дружки выносюць изъ клѣци кубелъ и ставяць его на возъ и тутъ же сажаюць молодыхъ и постельницу и отправляюць къ коренному свату — (отцу молодого). Идучи, свахи пѣюць:

54.

Кучаравуй да повозничку!
Би-жъ коня да погоняй
Изъ бацькова двора!
Штобъ я не зачула,
Якъ моя матка плаче,
У голубничку стоя,
Къ голубничку прилегаючи,
Свое дзиця угоджаючи.

55.

Запрагайце бацькову кони,
Да накачивайце мацерины кублы.
Бацькову кони тупчуць, рогочуць,
Молодую везци не хочуць.
Запрагайце свекрову кони,
Накачивайце мацерины кублы.
Свекрову кони якъ зарогоцѣли,
Изъ двора полецѣли.

Когда бесѣда приближается къ дому свата, свахи пѣюць:

56.

Одчиняй, свекратко, ворота,
Ѣдзе къ тобѣ невѣхна изъ далека!

Одчиняй, свекратко, новый дворъ,
Ѣдзе къ тобѣ, невѣхна и сынъ твой!
Одчиняй, свекратко, окéнце,
Ѣдзе къ тобѣ невѣхна и сынное сердце.

По прибытіи бесѣды къ воротамъ отецъ молодого, встрѣчая молодыхъ съ огнемъ — зубленкою, кладзе въ воротахъ куль соломы и запалывае его, чрезъ поломье котораго перѣезжае повозка съ брачными, кубломъ, постельницею и затѣмъ перѣезжае вся бесѣда. Дружки снимаюць кубло съ воза и несудь въ клѣць, а свахи становяца въ шеренгу и припѣваюць:

57.

Рада маци, рада,
Якъ сына родзила,
А цеперъ раднѣйшая,
Якъ оженила.
Узела собѣ невѣхночку
И ручую, рабочую,
На дзѣло охвочую.

58.

Свекровь невѣсту у воротъ стрѣчала
Да доли путае:
«Ци счастлива невѣхна?
Ци уродлива, невѣхна?
Пущу я долю по своему дому,
Пущу я счастье по своей я хацѣ.»

Отецъ съ мацерью становятся на порозѣ сѣней съ двора, молодые стояць на *вѣчкѣ* съ кубла. Ихъ угощаюць медомъ мезиннымъ пальцемъ. Бацько дае меду сперва сыну, а потомъ невѣсткѣ. Они облизываюць пальцы отца, что и повторяюць три раза. Окончивъ угощеніе медомъ, бацько говориць: «Дарю жиць-

емъ, буцьемъ, счасцьемъ, долею доброю и короваемъ». Затѣмъ этимъ же медомъ коренной сватъ угощае бесѣду и приглашае въ хату. Тамъ сажае ихъ за столъ извѣстнымъ порядкомъ и даюць вечёру, послѣ которой постельница идзе въ клѣць застилаць коровань, за нею идуць молодые, взявшись за руки, а свахи въ это время припѣваюць:

59.

Комаръ муху ведзе,
Гибку берву кладзе.
Ой комару, комарусенку,
Ведзи меня по малюсеньку.

Постельница, прос(т)лавши постель, предлагае молодой сняць чоботы съ молодого. Молодой садзитца на коровани, а молодая стегае съ него чоботы. Въ это время въ клѣць вскакиваюць дружки помогаць постельницѣ с(т)лаць постель и въ тихомолку подкладываюць нѣсколько полѣнъ дровъ, — штобы мягко було молодымъ лежаць.

Уложивши молодыхъ спаць, вся бесѣда расходзицца тоже спаць по домамъ.

Въ понедѣльникъ рано сватъ приглашаець опяць къ собѣ всю бесѣду, сажае ихъ за столъ и угощае горѣлкою и закускою.— Свекруха (мацъ молодого) будзиць молодыхъ, припѣвая:

60.

Ўстань, невѣхно; ўстань, небожъ!
Да *угé* в'людзей товкуць и мелюць,
А у насъ, небóго, ни чуваць ничóго.

61.

Якъ я у матки була,
То курей не чула,
Якъ къ свекрусѣ пришла,
Куры почула,

Товкучи и мелючи;
А зори познала,
По водзицу идучи.

62.

Чему моего бацюхна довго нѣтъ?
Написала бъ листы, не умѣю,
Послала-бъ послы, — не смѣю,
Пошла бъ я сама, — боюса,
Въ буйстрой рѣченьки утоплюса.

Невѣста ўстаé изъ кроваци, ускакивае па дворъ, гдѣ набирае *лоно* дровъ, несець въ хату и тамъ бросивъ дрова, берé ведро и идзе за водой. Принесши воды, пече ладзи (блины), а вся бесѣда въ это время танцуець въ сѣняхъ и на дворѣ подъ игрой музыканта.

Коровай дзѣлаиць у молодого.

Бесѣда молодого, погулявши на дворѣ, возвращается въ хату, садзитца за столъ. Сватъ угощаетъ ихъ горѣлкою и закускою и вслѣдъ за тѣмъ староста обращается къ свату со словами: «Штожъ сватокъ, му не пришли къ тобѣ на закуску, давай намъ ладъ, што робиць?» — Екъ етакъ-то, штожъ? Богъ благословиць и *я*. Идзице по хлѣбъ!» Дружки ўстаюць изъ-за стола и большій дружекъ *каге*[1]): «Благословипе оцецъ, маци, добрые людзи по хлѣбъ ици!» (три раза). Людзи отвѣчаюць: «Богъ благословиць!» и отправляются въ клѣць за хлѣбомъ: спередзи идзе музыкантъ, за нимъ дружки и сватъ; у послѣдняго въ рукахъ пляшка горѣлки, изъ которой ёнъ угощае въ клѣци дружковъ. Взявши хлѣбъ съ вѣчкомъ изъ кубла, несуць въ хату. Передъ порогомъ большій дружекъ зновъ каге: «Благословице, оцецъ — маци и добрые людзи, коровай несыци въ хату!» (тоже три раза). Отвѣтъ: «Богъ благословиць!» По входзѣ въ хату ставяць на столъ коро-

[1]) т. е.: коже.

вай и раздѣляюць такимъ же порядкомъ и такими же пѣснями, какими сопровождалось дѣленіе его у молодой.

По окончаніи дѣленія коровая бесѣда свободно сѣдзиць ӳ хацѣ и ожидаець приданныхъ отъ свата молодой. Этотъ сватъ (отецъ молодой) въ свою хату собирае свою родню и сосѣдовъ, изъ мужчинъ и женщинъ, отъ 15-ти до 20-тя душъ, угощае ихъ и *уладжае* (?) къ свату молодого. Приданки, ѣдучи къ молодому, по дорогѣ пѣюць:

63.

Зеленая руценька,
Але*ты*й цвѣтъ!
Чему мои матоньки
Ко мнѣ нѣтъ?

По входзѣ приданныхъ на дворъ къ молодому онѣ становятца въ рядъ и женщины пѣюць:

64.

На дворѣ у колодзези ведро,—
Чему наше Гапки не видно?
На дворѣ у колодзези ключъ лежиць,—
Чему наша Гапка къ намъ не бѣжиць?

Сватъ молодого уходзиць на дворъ, здороваетца и витаетца съ приданными и честӳе ихъ горѣлкою, приглашае ихъ въ хату. Бесѣда молодого тоже уходзиць на дворъ и тамъ гуляе — танцуюць подъ игрою на скрипкѣ музыканта. Сѣвши за столъ, приданные пѣюць:

65.

Стенӳлиса сѣни,
Якъ приданы посѣли.
Ще лѣпшей стенулиса,
Якъ горѣлки напилиса.

66.

Отчинице *лъцень* (сѣни),
Нехай вѣе вѣцеръ
Пудъ цесовия лавки,
Бо цверёзеньки приданки.

Сватъ честу́е приданныхъ горѣлкою и закускою и въ это время пѣюць:

67.

Звони, сваце, звони!
Позволь до коморы.
Тамъ двое дзѣточки спали:
Одно дзиця да роджоное,
А другое да суджоное:
Никипарко роджоное,
Гапко да суджоное.

Приданки ўстаюць изъ-за стола и идуць въ клѣць, а за ними туда же идутъ и дружки. Тамъ молодыя ихъ ожидаюць. Приданныя наряжаюць молодыхъ, т. е. переодзѣюць въ другую одежду, напередъ приносюць ведро воды, ўсыплюць туды овесъ, вкинуць . . . . и молодыя разомъ муютца и однимъ рушникомъ уцираютца, За тѣмъ приданныя вунимаюць изъ кубла андаракъ . . . . надзѣюць молодой, завиваюць ей на голову наметку. Молодая подае́ мужу свою сорочку и дружки надзѣюць молодому, бывшую на немъ сорочку передаюць его мацери. Послѣ етого сватъ приходзиць въ клѣць съ горѣлкою и угощае всѣхъ, тамъ находящихся. Молодая вудае приданнымъ свои скацеры, рушники, которые они приносяць въ хату, а со стола скацеръ снимаюць и передаюць свекруси, а рушники вѣшаюць на стѣнкѣ. Въ ето время пѣюць:

68.

Ой наша Гапка субруса раскацила,
Шовкомъ построчила.

Сему тому по подарочку,
А Никипорку два подарочки:
Одинъ подарочекъ—золотой персценечекъ,
А другой подарочекъ—молодая Гапка.

Изъ лицъ бесѣды, пировавшей у молодого, каждый приглашаетъ къ себѣ въ хату приданныхъ и угощаетъ ихъ горѣлкою и закускою. Это называется *перезоу.* Приглашенные въ теченіе дня и ночи обходятъ до 10 хатъ и въ каждой вупиваюць горѣлку и закусываюць. На другой дзень, во вторникъ приданные приходзяць къ свату молодого, гдзѣ ихъ тоже частýюць. Потомъ отправляются домой и вся бесѣда расходится по домамъ своимъ и тѣмъ кончается веселіе.

Расходъ на все весельное пиршество несетъ молодой (отъ 50-ти до 70 р.), а сватъ невѣсты издерживаетъ только рублей до 15-ти.

Составилъ со словъ крестьянъ деревни Дзяковичъ Дзяковичскій волостной писарь Игнатій Ивановичъ Родковецъ. 20 октября 1889 г. Сообщ. Минск. Губерн. Статист. комитетомъ.

б) Минской губ., Мозырскаго уѣзда, с. Вересница.

Кажется, нигдѣ крестьянская свадьба не сопровождается такими церемоніями и обрядами, какъ въ Бѣлоруссіи вообще и въ частности въ Мозырскомъ уѣздѣ. Измѣнить, или пропустить что-либо изъ свадебнаго обряда, считается преступленіемъ. Если же что-либо подобное произошло во время свадьбы, то это почитается нехорошимъ предзнаменованіемъ для молодой четы. Однимъ словомъ, обрядовая сторона свадьбы возведена какъ бы въ догматъ и равносильна, по ихъ понятію, церковному браку.

Но прежде, чѣмъ начать описаніе самой свадьбы, необходимо сказать нѣсколько словъ и о заручинахъ, или какъ здѣсь говорятъ, *запоинахъ.* Эти запоины совершаются отцомъ и матерью жениха, да еще крестнымъ отцомъ его. Со стороны невѣсты собирается вся ея родня и устраиваютъ попойку, довольно про-

должительную, ведя при этомъ посторонніе разговоры. Жениху при этомъ присутствовать не полагается. Невѣсты также въ это время не бываетъ дома; она гдѣ-нибудь скрывается. Пирующіе наконецъ спрашиваютъ: «Ай дзѣжъ дзѣвка? покажѣтце намъ её?» Тогда мать тотчасъ посылаетъ кого-либо изъ домашнихъ привести невѣсту. По ея приходѣ и совершается актъ заручинъ слѣдующимъ образомъ: Невѣста подаетъ свою руку отцу жениха и при этомъ цѣлуются. Голыхъ рукъ не подаютъ, а обматываютъ ихъ цвѣтнымъ платкомъ. Потомъ она такимъ же образомъ подаетъ руку матери жениха и прочимъ его роднымъ. Здѣсь, какъ видимъ, вмѣсто того, чтобы дѣвушка отдавала свою руку непосредственно жениху, она отдаетъ ее ему чрезъ посредство его отца. Затѣмъ раздаютъ подарки дружкамъ, послѣ чего попойка продолжается уже до разсвѣта.

Наканунѣ совершенія брака, въ домѣ, какъ жениха, такъ и невѣсты бываетъ, такъ называемый, *гостинецъ*. Онъ состоитъ въ томъ, что приглашаются родственники на вечеринку и при этомъ дѣлаютъ свѣчу. Это дѣло, впрочемъ, лежитъ на обязанности крестнаго отца; затѣмъ, онъ же срѣзываетъ съ хлѣба верхушку, величиною съ тарелку, и вырѣзываетъ въ ней двѣ дырки, одна возлѣ другой. Въ эти дырки и вставляются двѣ свѣчи: жениха и невѣсты. Свѣчи эти играютъ видную роль во все продолженіе свадьбы и находятся на рукахъ старшей свахи (ближайшая молодая родственница невѣсты). Въ день свадьбы, предъ бракомъ женихъ въ сопровожденіи сватовъ, свахъ и маршалковъ (дружекъ), идетъ въ домъ невѣсты, для которой онъ несетъ подарокъ, состоящій изъ обаранковъ (калачи). Эти обаранки женихъ кладетъ на руки невѣсты, но она ихъ отбрасываетъ въ сторону. Женихъ опять кладетъ ихъ невѣстѣ на руки, она ихъ опять отбрасываетъ и такъ до трехъ разъ. И только послѣ третьяго раза она ихъ наконецъ принимаетъ. Затѣмъ слѣдуетъ благословеніе и троекратный обводъ молодыхъ вокругъ стола, послѣ чего всѣ отправляются въ церковь. Женихъ непремѣнно долженъ быть въ мѣховой шапкѣ (барашковой), хотя бы это было и въ лѣтнюю пору.

Въ этой шапкѣ онъ долженъ быть въ продолженіи всей свадьбы и ни на одну минуту не снимаетъ ея съ головы. Вмѣсто банта, жениху закладывается цвѣтной платокъ за поясъ съ правой стороны. Впрочемъ въ уѣздахъ Слуцкомъ, Новогрудскомъ, Борисовскомъ и Минскомъ дѣлаютъ бантъ изъ лентъ и прикалываютъ къ шапкѣ. Въ церкви, предъ аналоемъ, вмѣсто ковра, постилаютъ подъ ноги кусокъ холста, на который кладутъ мѣдныя деньги. Предъ началомъ вѣнчанія дружка расплетаетъ молодой косу.

По совершеніи обряда, новобрачные идутъ въ домъ невѣсты на обѣдъ. По дорогѣ свахи поютъ:

69.

Да подзякуймо Богу,
N — му попу,
Що нашіе дзѣтки звѣнчавъ,
Недорого за вѣнецъ ўзявъ:
За двое молбдзенькіе
Да чотыри золбценькіе.
Перша квѣтка, тожъ Иванко,
Да подзякуймо Богу! и проч.
Други квѣтка, тожъ Оксенька
Да подзякуймо Богу! проч.

Послѣ обѣда у невѣсты, женихъ со своими сватами и свахами идетъ, а если онъ съ другой деревни — ѣдетъ домой; невѣста же еще остается дома. Вечеромъ этого дня, дѣлается начало свадьбы, которая состоитъ въ печеніи коровая. Коровай пекутъ, какъ въ домѣ жениха, такъ и въ домѣ невѣсты и къ этому времени приглашаются всѣ родные и пріятели. Когда все готово, старшая сваха (крестная мать) обращается къ родителямъ жениха, или невѣсты и говоритъ: *«Отцецъ и маци, благословице коровай рощиняци»*. *«Богъ благословиць!»* отвѣчаютъ ей и такъ дѣлается до 3-хъ разъ. Затѣмъ сваха приступаетъ къ росчинѣ (закваскѣ) коровая, а гости между тѣмъ расходятся по домамъ. Чрезъ 3 или 4 часа—это будетъ уже около 12 ч. ночи, таже сваха опять

обращается къ родителямъ съ тѣмъ же вопросомъ: «Благословѣце, отцецъ и маци, коровай мѣсиць?» «Богъ благословиць».... Затѣмъ дѣлается малое угощеніе этой коровайницѣ, при чемъ ее сажаютъ на почетное мѣсто. Между тѣмъ невѣста съ подружками, а въ домѣ жениха ближайшая родственница идетъ сзывать на коровай, т. е., когда нужно уже коровай выдѣлывать и сажать въ печь. «Отцецъ и маци, спрашиваетъ сваха, благословѣце коровай изъ дзѣжки выймаци?» «Богъ благословиць»... Послѣ этого тѣсто вынимаютъ на столъ и свахи или коровайницы поютъ:

70.

Попытаймося, жоночки,
У Иванова бацюхна:
Ци вольно намъ, коровайночкамъ,
Сей домъ повеселиць?
Да на тэе жъ мы годовали,
Собѣ радостци дожидали.
Вольно намъ, коровайночкамъ,
Сей домъ повеселиць.
Дробнэ пшонце, дробнэ!
По все воно здобнэ:
Курки гребуць, гуски щиплюць,
На столѣ коровай гиблюць.

Во время пѣнія этихъ пѣсенъ, старшая коровайница выдѣлываетъ самый коровай, а остальныя — украшенія къ нему, — изъ тѣста же и лѣпятъ разныя фигурки по верхъ коровая. Окончивъ дѣло съ короваемъ, поютъ:

71.

Ой вису(?) мой, *вису!*
Да налѣце-жъ воды въ мису,
То я буду ручки мыци,
Да на вишеньки лици
Щобъ вишеньки росцвитались
А молодые красовались.

Послѣ этого кладутъ коровай на лопату и сажаютъ въ печь. Въ это время сваха, садившая въ печь коровай, продѣлываетъ такую подробность обряда: посадивъ коровай, она стремительно бѣжитъ къ передней стѣнѣ дома съ лопатой и ударяетъ ею въ стѣну, затѣмъ назадъ — къ противоположной и ударяетъ, въ правую — отъ дверей и въ противоположную отъ ней, все ударяя лопатою, т. е., дѣлаетъ это крестообразно. Наконецъ этой же лопатой она ударяетъ три раза жениха по головѣ, приговаривая: «На 7 сыновъ, а на 8-ю дочку коровай всадила». Во все время процедуры съ короваемъ, старики пьютъ водку, а молодежъ, подъ звуки одной скрипки и бубна, танцуютъ на дворѣ и въ сѣняхъ, съ такъ называемыми подскочными пѣснями, содержаніе которыхъ весьма неприлично.

Пока коровай печется, дѣлается обильное угощеніе коровайницамъ и въ особенности старшей, которую садятъ на «покутье» (подъ образы) и ей припѣваютъ:

72.

Старшая коровайница!
Не садися да на покуцьи,
Сядзь собѣ на порози,
Щобъ хлопчики не накпили [1]),
Коровая бъ не вхопили.

Когда подходитъ время выбирать коровай изъ печи, то поютъ:

73.

Ой дайцежъ мнѣ мечъ, мечъ!
Порублю я печъ;
Недобре вчинили
Коровай засмолили.

Вынувши коровай изъ печи, его мажутъ медомъ и украшаютъ различными растеніями и поютъ:

---

[1]) Не насмѣялись.

74.

Буйная пшениченька на *гнон*,
Хорошъ коровай на столѣ.
Да широкіе скоки у сороки,
Довгіе ноги у журавля,
А весёлые пѣсеньки у соловья.

Послѣ этого коровай выносятъ въ клѣть, припѣвая:

75.

Пытавса (спрашивалъ) *кнычъ*[1]) перепечи:
«Чи далеко спежка до клѣци?»
Травка, муравка зелененька,
До клѣци спежка готовенька.

Подъ вечеръ другого дня дѣлается приготовленіе къ отъѣзду за молодой. Обыкновенно распорядителемъ бываетъ старшій сватъ, т. е., крестный отецъ жениха. Когда все готово къ отъѣзду, всѣ гости съ женихомъ побравшись за руки, ходятъ вокругъ стола 3 раза и всякій разъ женихъ цѣлуетъ образъ. Отецъ, мать и родня при этомъ плачутъ. — Поютъ:

76.

Хилиса, похилиса,
Зеленый дубъ къ дуброви!
Клониса, поклониса, Иванко
Свойму бацюхну въ ноги.

Отецъ говоритъ: Зъ Богомъ, дзѣтки, зъ Богомъ,
Богъ тобѣ да помочи,
А Пречистая Маци
Будзе тцебе заступаци
И ворота отчиняци.

---

[1]) Пирогъ.

Выходя изъ хаты поютъ:

77.

На добра ночъ, маци,
Да не ложиса спаци.
Мы къ тобѣ, якъ свѣтъ, будземъ,
Свѣтовою зарою,
И зъ Оксенькою молодою.

Подъѣзжая къ дому невѣсты, поютъ:

78.

Не лекайса, цесцю,
Що твой зяць ѣдзе,
Небагато бояръ везе:
Осьмеро, дзевяцеро,
Да и всѣхъ дэесяцеро.
Не гнѣвайся, цесцю,
Ще зяць спозниѵса!
Да не бувъ же я дома,
Бувъ же я въ Прилутцы
У короля въ наутцы.
Учивъ мене королéсенько,
Щобъ не ѣхавъ ранесенько,
Хоць пріѣдомъ позно,
То свое возьмемъ,
Да ци рано, ци позно
А свое возьмемъ.

Пріѣхавши въ то село, или деревню, гдѣ невѣста, не въѣзжаютъ прямо въ ея дворъ, а останавливаются у кого-нибудь изъ своихъ хорошо знакомыхъ, гдѣ хозяинъ дома угощаетъ жениха и сватовъ. Маршалки же прямо съ воза отправляются въ домъ невѣсты и спрашиваютъ: «Ци примеце насъ на свое веселье? Мы людзи подорожніе». Имъ отвѣчаютъ: «Идзѣце собѣ зъ Бо-

гомъ, мы васъ не знаемъ». Маршалки уходятъ, но скоро опять возвращаются съ тѣмъ же вопросомъ и удаляются опять съ тѣмъ же отвѣтомъ. Въ третій же разъ, когда маршалки появятся, то уже ихъ тщательно допрашиваютъ: кто они? откуда? и есть ли у нихъ паспортъ? При этомъ они обыкновенно запасаются лоскуткомъ какой-нибудь бумаги и показываютъ хозяину дома, говоря, что это и есть настоящій *прашпортъ*.

Послѣ этого ихъ просятъ въ хату, гдѣ ихъ угощаютъ. Поблагодаривъ за угощеніе, маршалки уходятъ, объявивъ, что они уже придутъ съ «весельемъ». Дѣйствительно, чрезъ нѣсколько времени является женихъ въ сопровожденіи маршалковъ, сватовъ и свахъ; старшій маршалокъ несетъ на головѣ коровай, а старшая сваха идетъ съ горящими свѣчами, о которыхъ было сказано выше; старшій же сватъ съ ведромъ водки.

Придя на дворъ, они не входятъ въ домъ, а останавливаются за дверями, которыя въ это время заперты на замокъ и здѣсь поютъ слѣдующее:

79.

У гордого цесця
Стоиць зяць за воротами.
Що на заця мьяцець мьяцелица
И дробная дождзевица.

На это изъ хаты отвѣчаютъ:

80.

Крыйса, зяцю, крыйса!
И кунями и бобрами
И чорными соболями!

Зять въ отвѣтъ поетъ, или вѣрнѣе, за него поютъ:

81.

Да вжежъ я крывса:
Куны мои позмокали,

А соболи позвисали,
А сва́шечки поосипали (похрипли).
Пустци свату въ хату!
Мы жъ цебе не загубимо,
Возьмемъ кого любимо.
Выпьемо по ку́бочку,
Возьмемъ свою голу́бочку.

Послѣ этого ихъ обыкновенно впускаютъ въ хату и приглашаютъ сѣсть за столъ. Старшій сватъ съ привезенною баклагою водки садится всегда на покутье, и проситъ посуды, для перелитія. Нужно замѣтить, что во время свадебъ водка поставляется на столъ не въ бутылкахъ, а наливаютъ въ *братину* (въ миску), изъ которой уже ложками ее разливаютъ по рюмкамъ. Во время попойки и закуски свахи поютъ:

82.

Прилецѣвъ соловейко,
Сѣвъ на дому:
«Ой скучненько мнѣ самому,
Колибъ моя голубонька не со мною»!
Пріѣхавъ Иванько,
Сѣвъ за столомъ,
Скучненько мнѣ самому,
Колибъ моя Оксенька не со мною.

Въ это время молодая съ подружками сидитъ въ сторонѣ. Къ нимъ подходятъ маршалки и предлагаютъ деньги, лишь бы онѣ оставили имъ молодую и пошли съ ними гулять. Подружки сначала не соглашаются, но когда маршалки прибавятъ имъ нѣсколько денегъ, онѣ оставляютъ имъ молодую и идутъ съ маршалками гулять. Ихъ мѣсто возлѣ молодой занимаетъ ея сестра, или тетка. Уходя, подружки навсегда прощаются съ молодою, такъ какъ роль ихъ уже кончена.

Погулявъ немного съ подружками, маршалки съ музыкой

входятъ въ хату; старшій изъ нихъ беретъ жениха за руку и, приведя къ невѣстѣ, садитъ ихъ обоихъ на подушку.

При этомъ свахи поютъ:

83.

Гдзѣ-жъ пошла, гдзѣ подзѣласа
Оксеньчина маци?
Да нехай идзе, да нехай песе
Сповивало дзицяци.
Уже-жъ бо мнѣ косникъ тошнипь,
Уже-жъ бо мнѣ чепца хочетса,
На мою головоньку,
На любую размо́воньку.

Наконецъ, вы видите, что какой-то парень точитъ ножъ. Это братъ молодой, или ея родственникъ. Онъ точитъ свой ножъ для того, чтобы отрѣзать у молодой косу. Видя это, старшій сватъ проситъ его пощадить сестрину косу и предлагаетъ ему 1 или 2 коп. Братъ не соглашается и все грозитъ, что урѣжетъ косу, пока, наконецъ сватъ не прибавитъ ему еще нѣсколько копѣекъ. Получивъ деньги, братъ расплетаетъ молодой косу и съ этой поры она уже не имѣетъ права заплетать свои косы во всю жизнь. Нарушаетъ этотъ законъ только женщина, потерявшая мужа и при томъ женщина распутнаго поведенія.

84.

Ой не братъ, не братъ, татаринъ,
Продавъ сестрицу за талеръ,
А русую косоньку за шостакъ (3 к.),
А бѣлэе личенько отдавъ такъ.

Послѣ этого мать молодой приноситъ сповивало (намитка изъ холста, арш. въ 5) и масло, а свахи отъ лица молодой поютъ:

85.

Дай, мамко, масло,
Я твои коровы пасла

Отъ росы, до росы,—
Помазаци косы (волосы).

Одна изъ родственницъ беретъ масло и смазываетъ имъ волосы, сперва молодому, а потомъ молодой. Затѣмъ беретъ ихъ волосы и соединивъ вмѣстѣ, обжигаетъ брачными свѣчами. Сдѣлавъ это, она говоритъ: «Отцецъ и маци, благословѣць чепца надзѣци»—«Богъ благословиць!» Когда же родственница приступаетъ къ тому, чтобы надѣть чепецъ на голову молодой, то она не допускаетъ и сбрасываетъ его. Ее уговариваютъ, просятъ, а сваты подсылаютъ деньги на тарелкѣ — коп. 5. Тогда она наконецъ соглашается, чтобъ ей надѣли на голову чепецъ. Послѣ этого ее еще сповиваютъ, т. е., обматываютъ ей новою намиткою голову и почти все лицо. Та, которая сповиваетъ молодую, одѣвается въ тулупъ на-изнанку и накрываетъ свою голову шапкою. Для чего такъ дѣлается, крестьяне и сами не могутъ дать отчета.

Во время сповиванья свахи поютъ:

86.

Сповивала ночка шельма.
Нащо мою коску сцерла?
Сцерла, изомьяла,
Подъ чепчикъ сховала.

Окончивъ дѣло съ повиваньемъ, старшій маршалокъ беретъ намитку и связавъ молодыхъ вмѣстѣ, ведетъ ихъ въ варивню[1]), гдѣ имъ приготовлена закуска. Послѣ закуски, маршалокъ опять приводитъ ихъ на прежнее мѣсто, а свахи поютъ:

87.

А ци тобѣ, мамонько, жаль не жаль,
Ци твого сердечка не крóе,
Що твоя Оксенька не йграе?
Якъ сѣла еще вчора зъ вечóра,
Положила рученьки на скамьѣ,
Спусцила воченьки до земли.

---

[1]) «Варивня — хозяйственный погребъ для храненія огородныхъ. овощей» Слов. Носовича.

Затѣмъ всѣ садятся за столъ и имъ предлагается вечéра (ужинъ); свахи поютъ отъ лица молодой:

88.

Сядьмо, мамко, повечераймо!
Повечерявъ, подзѣлемося:
Тобѣ, мамко, вся худóбонька,
А мнѣ бодня и коровонька,
Тобѣ, мамко, нитъ и бердечко,
А мнѣ, мамко, полотенечко.

Послѣ вечéри вносится коровай невѣстинъ, а старшій маршалокъ беретъ коровай жениха, и поднимаетъ къ верху. При этомъ поютъ:

89.

«Чій, чій коровай выше?»
— «Нашъ, нашъ коровай выше.»
«А чія свѣчка яснѣе?»
— «Наша Оксенька краснѣе.»

Въ это время идетъ приготовленіе къ отъѣзду съ молодою въ домъ жениха и, само собою, сопровождается поклонами со стороны жениха и невѣсты и прощаніемъ, при чемъ поютъ:

90.

Добраночъ, мамонько, добраночъ!
До вже той добраночъ не на ночъ,
Да вже той добраночъ на ввесь вѣкъ,
А славонька пошла на ввесь свѣтъ.

Старшій маршалокъ беретъ молодыхъ за руки и уводитъ изъ хаты; они садятся на повозки.

91.

Загребай, маци, жаръ, жаръ,
Будзе тобѣ дочки жаль, жаль!

Закидай въ печъ дрова,
Оставайся здорова.

92.

Добре мы воевали
И шапо́къ не знимали,
И ша́белёкъ не выймали,
Собѣ Оксеньку ўзяли.

Молодыхъ, связанныхъ наме́ткою, усаживаютъ на одной повозкѣ и ѣдутъ впереди всѣхъ; на другой — приданое невѣсты и старшій маршалокъ; на 3-мъ сваты; на 4-мъ свахи; на 5-мъ музыка и проч. Ѣдучи гукаютъ и поютъ:

93.

Леци, леци да соколоньку
Да на мою да сторононьку,
Кажи, кажи да вѣстоньку,
Що везомо̀ да невѣстоньку.

Отъѣхавъ съ поль-версты отъ деревни, свадебный поѣздъ останавливается и маршалки возвращаются въ домъ невѣсты за прида́нными, т. е., за роднею невѣсты, кромѣ отца и матери, за которыми будетъ послано, въ свое время, болѣе почетное посольство — съ женихомъ во главѣ.

Между тѣмъ въ домѣ жениха съ нетерпѣніемъ давно ожидаютъ поѣзда съ невѣстою и приготовляются къ ея встрѣчѣ. Это бываетъ уже около 8 ч. вечера другого дня свадьбы. Когда заслышатъ брачный поѣздъ, а его слышно за нѣсколько верстъ, приготовляется въ воротахъ двора куль соломы и, какъ только поѣздъ приблизится къ дому, солома зажигается и чрезъ этотъ огонь проѣзжаетъ весь свадебный поѣздъ. Въ домѣ же, на порогѣ въ дверяхъ ставится хлѣбная *дѣжа*, поверхъ которой молодые проходятъ въ домъ. Здѣсь мать жениха встрѣчаетъ ихъ, въ надѣтомъ на-изнанку тулупѣ, съ хмелемъ и

медомъ. Первымъ она осыпаетъ молодыхъ; молодая, въ свою очередь, имѣя въ карманѣ свой хмель, осыпаетъ весь домъ, начиная съ печи; вторымъ, т. е., медомъ, мать тутъ же угощаетъ молодыхъ съ одной ложки и затѣмъ уже садятъ ихъ за второй столъ, — за первый столъ молодыхъ не садятъ. По поводу того, что мать жениха въ такомъ странномъ видѣ встрѣчаетъ свою невѣстку, родня невѣсты, пріѣхавшая съ нею, припѣваетъ:

94.

Ой знаци, знаци,
Що не своя маци:
Вывернула кожуха,
Да хоче спужаци.
Ой знаци, знаци —
Да хто хоче спаци:
И оченьки сплю́щиць,
И рученьки спу́сциць.

Послѣ этой пѣсни и др. болѣе нескромныхъ, дѣлается приготовленіе брачнаго ложа. Эта обязанность лежитъ на родственницахъ невѣсты. Когда все готово, берутъ молодыхъ и съ музыкою ведутъ на брачное ложе, которое устраивается всегда въ клѣти (амбарѣ), хотя бы то было и зимою. Женихъ садится на кроватъ, а невѣста должна снять ему чоботы (сапоги), — знакъ подчиненія ея мужу; а чтобы показать, что и она можетъ имѣть нѣкоторую власть надъ нимъ, она, стянувши сапогъ съ ноги мужа, ударяетъ его этимъ же сапогомъ. Затѣмъ молодые остаются, а всѣ прочіе удаляются изъ клѣти. Пока молодые отдыхаютъ, гости въ это время поютъ, гуляютъ и на ихъ счетъ выкидываютъ разныя шутки и не пройдетъ полъ-часа, какъ подымутъ шумъ и гамъ къ тому, что молодыхъ уже пора *будить:*

95.

Вставайце, княжата,
Пшеница не жата!

Встаньце, сожнѣце,
Дай въ кöпку складзѣце!

Будить молодыхъ идутъ всегда съ музыкой. Молодые моются изъ одного умывальника и, умывшись, одѣваются въ чистое бѣлье. На голову молодой надѣваютъ уже уборъ женщины замужней, который состоитъ изъ завивки намѐтки; поверхъ этого покрываютъ другою намѐткою и въ этомъ видѣ ведутъ молодыхъ въ хату, гдѣ бываетъ такая же встрѣча, какъ и при пріѣздѣ молодыхъ въ домъ жениха. Тутъ ихъ садятъ за второй столъ противъ печи и поютъ:

96.

Святый понедзѣлку
Поцеравъ намъ дзѣвку,
Посадзивъ подъ поли́цею [1]),
Нарадзивъ молодзицею.

Въ это время отецъ жениха, а если его нѣтъ, то братъ, беретъ у музыканта смычекъ и вскрываетъ имъ молодую, т. е., снимаетъ съ нея верхнее покрывало — наметку и забрасываетъ на печь. При этомъ вскрытіи, онъ говоритъ: «Вскрываю цебе коровою, рябою или гнѣдою.» Этотъ обрядъ совершается уже утромъ 3-го дня свадьбы.

97.

Добра годзиночка настала,
Що наша Оксенька да по бацюхна послала.
Послала жъ вона да чатыре кони,
Чатыре кони, а пятый возъ,
А 6-го повозничка, щобъ привьезъ.
Послала жъ вона чатыре сыри на страву,
Щобъ приве́зено ее́ бацюхна на славу.

Женихъ въ сопровожденіи старшаго маршалка и съ музыкой ѣдетъ за своимъ тестемъ съ бутылкою водки, которую тамъ

[1]) Полка.

выпиваютъ и наполняютъ ее житомъ (рожью). Молодой забираетъ своего тестя и тещу и увозитъ съ собою; имъ бываетъ слѣдовательно встрѣча въ домѣ жениха: выносятъ изъ хаты, на дворъ, покрытый скатертью столъ, на которомъ ставятъ хлѣбъ-соль и бутылки съ водкой. По пріѣздѣ на дворъ поютъ:

98.

Молодзенька Оксенька,
Выйдзи изъ камброньки,
Вынеси кали́ноньку,
Привитай всю родзи́ноньку,
Близкую, далекую, богатую и убогую.
Изъ зимняго да колодзезя
Тамъ Оксенька да воду брала,
Въ свой край позирала:
«Ци не ѣдзе мой бацюхно,
Ци не везе госцинчика,
Чирвоного да васильчика?
Не такъ рада я госцинчику,
Якъ я рада свойму бацюхну.

Молодая стоитъ около стола и чрезъ него она здоровается съ отцомъ и матерью. Затѣмъ идутъ въ хату и садятъ ихъ на почетное мѣсто — подъ образами, и угощаютъ. Послѣ этого, мать невѣсты даетъ подарки жениховой роднѣ; подарки эти — холстъ и намётки. Послѣ раздачи подарковъ, бываютъ переводины, т. е., старшіе сваты ведутъ все *весельe* къ себѣ на угощеніе; тоже дѣлаютъ и другіе родные и сосѣди. Дорогою поютъ:

99.

Чій же это перезо́въ ходзиць?
Да хто жъ ему перéдъ водзиць?
Гэто жъ того пана,
Молодого Ивана.

Розсунь, свату, хату,
Бо великій перезовъ маю.
Коли въ хату не влѣземъ,
То свату бороду урѣжемъ.
А въ нашого свата
Свѣтлица, не хата:
Печь его побѣлёная,
Чесць его ухвалёная.

Погулявши у сватовъ, *«весельe»* возвращается въ домъ жениха, родня котораго припѣваетъ роднѣ невѣсты:

100.

Отзывайса, родзе богатый,
Перепивай товаръ рогатый.
А вы, приданочки, тонкіе сарпаночки,
Тонкіе бѣленькіе, съ паперемъ ровненькіе.

Послѣ этого, отецъ невѣсты беретъ въ руки рюмку и говоритъ: «Перепиваю тобѣ корову!» Маршалки, по этому случаю, кричатъ, подражая звуку этого животнаго: «му-му-мууу!» Мать такимъ же порядкомъ перепиваетъ дочкѣ свинью или овечку, а маршалки кричатъ, подражая звуку этихъ животныхъ. Далѣе слѣдуетъ перепой крестнаго отца и др. Женскій полъ перепиваетъ обыкновенно холстъ, а это — деньги, которыя передаютъ въ рюмкѣ. Послѣ всякаго перепоя, или подарка, молодые кланяются. По окончаніи этой церемоніи родители невѣсты отправляются домой и имъ поютъ:

101.

Да ѣдзе жъ бацюхно до дому,
Зове свою Оксеньку зъ собою:
«Ходзи, ходзи, Оксенько, зъ нами,
Дамо тобѣ вѣночка зъ перлáми.»

— «Да не мушу, бацюхно, не мушу,
Полюбила Иванька, якъ душу;
Положила на рученцы — легенёкъ,
Пригорнула до сердзенька — миленекъ.

Съ отъѣздомъ родителей невѣсты, разъѣзжаются и расходятся и прочіе гости и собственно свадьбѣ тутъ бываетъ конецъ. Но у нашихъ крестьянъ тоже бываютъ свои визиты, извѣстные подъ именемъ *пироговъ*, потому что они везутъ съ собою пироги, или просто хлѣбъ. Сперва молодые ѣдутъ къ родителямъ молодой, а въ слѣдующее воскресенье послѣдніе пріѣзжаютъ къ нимъ.

Въ продолженіе 3-хъ дней свадьбы, крестьяне все пьютъ и мало ѣдятъ; поэтому водки берется до 10—15 ведеръ. Три дня пьютъ и почти не знаютъ, что такое сонъ. Только крѣпкая натура нашего мужика можетъ все это вынести и переварить, не подвергая опасности его здоровья. Впрочемъ бываютъ и исключенія, и въ такомъ случаѣ причину находятъ въ томъ, что такой то «перепивъ», т. е. околдовалъ.

Зап. свящ. Стеф. Сулковскимъ.

в) Минск. губ., Слуцк. у., Старобинской волости, д. Дубей и Жабина.

Завязка свадьбы или задружкованіе начинается съ засватанія. Оно состоитъ въ томъ, что отецъ «молодого» (жениха), посовѣтовавшись съ семьей, приглашаетъ родственника или посторонняго кого-либо, лишь бы хорошо только умѣлъ болтать, какъ говорится, «зубы заговаривать», беретъ въ торбу коровай хлѣба, бутылку водки, немножко соли и отправляется къ родственникамъ невѣсты. Вошедши въ домъ, они обыкновенно вѣжливо привѣтствуютъ хозяина словами: «Дзень добры, пане свапе!» Отецъ жениха со сватомъ своимъ до трехъ разъ долженъ побывать у родителей невѣсты, въ виду того, что обычай требуетъ сразу не подаваться. Если послѣ перваго посѣщенія родители, или сама дѣвушка, не отошлютъ хлѣба и водки, значитъ, есть надежда «засвататься». Послѣ третьяго посѣщенія дѣвушка обыкновенно объявляетъ, что она согласна выйти за-

мужъ за такого-то. Тогда родители благословляютъ молодыхъ, говоря: «Боже васъ, дзѣтки, благослови!» Выпиваютъ бутылку водки и затѣмъ отправляются къ «попу» даваць на *заповѣди* (оглашеніе).

Возвратившись отъ батюшки, сваты уже дѣлаютъ условіе относительно запоинъ. Запоины состоятъ въ томъ, что отецъ жениха въ условленное время беретъ ведро водки и деньги и ѣдетъ одинъ, безъ свата, къ невѣстѣ запивать; тотчасъ по его пріѣздѣ туда невѣста наливаетъ рюмку водки и подаетъ своему будущему свёкру, а онъ даетъ ей деньги на тарелку, предварительно прихлебнувъ немного водки изъ рюмки. Кромѣ того онъ привозитъ ей гостинцы отъ жениха: платокъ, башмаки, чулки и пр. При запоинахъ отецъ жениха долженъ перепивать деньгами всѣхъ близкихъ родственниковъ невѣсты и тѣхъ подругъ невѣсты, которыхъ она избрала себѣ за «дружки-шаферки».

При запоинахъ сваты условливаются, когда коровай *замовлять*.

Замовленье коровая состоитъ въ томъ, что отецъ жениха отправляется къ невѣстѣ, опять съ бутылкой водки, и тамъ родители невѣсты приглашаютъ «дружекъ» и дружка «маршалка» со стороны послѣдней, къ себѣ въ домъ, гдѣ они пьютъ водку. Затѣмъ дружко съ дружками идетъ въ сѣни съ платочками въ рукахъ и, взявшись за шленъ (палка вертикально стоящая при жерновахъ), возглашаютъ: «Благословѣце, оцецъ, мацн и вся роднй молодой коровай замовляць», три раза. Имъ отвѣчаютъ изъ избы: «Богъ благослови!» При этомъ поютъ пѣсню.

102.

Да кто мѣсе коровай,
Тому Боже помагай!
Братъ шеле(тъ) съ сестрою
За ясною свѣчою.

При этомъ сыплютъ обыкновенно въ жернова рожь. На этотъ разъ сваты уговариваются о днѣ свадьбы.

На свадьбу обыкновенно приглашаются всѣ родственники и сосѣди. Приглашенные приносятъ съ собою хлѣбъ или рожь. Избранный дружко, «маршалокъ», какъ распорядитель свадьбы заготовляетъ немного пшеничной муки (примѣшиваютъ ее у бѣдныхъ къ ржаной, а у богатыхъ—пекутъ коровай изъ одной пшеничной муки). Когда все нужное для коровая готово, то приглашаютъ коровайницъ, молодухъ. Послѣднія, какъ можно лучше, наряжаются. Приглашенныхъ коровайницъ садятъ обыкновенно кругомъ стола и угощаютъ водкой, послѣ чего онѣ приступаютъ съ засученными рукавами коровай расчинять и возглашаютъ три раза: «Благословѣце, оцецъ, маци (если они въ живыхъ), вся родня, молодому коровай расчиняць!» Имъ отвѣчаютъ: «Богъ благослови!» Приступивъ къ мѣшенію коровая, коровайницы поютъ:

103.

Да съ суботуньки на недзѣленьку годзи́на,
Да собралася ўся Иванькова родзи́на
И занесли, завезли три бочки муки на коровай.
—Хвалиць Бога (2), хоро͡уошь будзе нашъ коровай!
Да съ суботуньки на недзѣленьку годзина,
Да собралася ўся Иванькова родзина;
Да знести, звести три вѣсы соли на коровай!
Хвалиць Бога и т. д.

Да съ суботуньки на недзѣленьку годзина,
Да собралася ўся Иванькова родзи́на
Да знести, звести три копе еецъ на коровай.
Хвалиць бога и т. д.

Когда коровай замѣшанъ и нужно садить его въ печку, то коровайницы поютъ:

104.

Да стояла сосонка в͡уосемъ лѣтъ, —
Порубайце ее на загнетъ.

Штобъ нашъ загнетъ ясенъ быў,
Штобъ нашъ коровай красенъ быў.
Гдзѣ-жъ пошовъ жениховъ бацюхно?
Нехай ўвойдзе, нехай стане, 2,
Да нехай стане близко къ короваю,
Своимъ дзѣткамъ доли, 2:
Первому да роджонному, 2,
А другому да суджоному:
«Въ мене Иванько, въ мене Иванько!
Дзиця мое, пордзонное, 2,
А Адарка, дзиця moé, да суджоное.

При этомъ коровайницы припѣваютъ одна другой:

105.

Чыя жъ бо-то жу͡онка, 2,
Коровай мѣсила
И Бога просила.
Сама бѣла румяна, 2,
Шевковые рукава,
Сама бѣла — невеличка, 2,
Румяное личко.

Коровайницы поютъ хозяину:

106.

Гдзѣ жъ нашъ госпадаръ дзѣвса, 2?
Ци въ клочье вверцѣвса?
Треба ему да сорамъ знаци, 2,
Намъ горѣлачки даци.
Я молодзица да не дзѣвка, 2,
Тудемъ ишла, гдзѣ горѣлка.
Пахне горѣлачка въ бочаце, 2,
Мнѣ молодзеньку͡ой хочаца.
Дайце мнѣ мѣрочку — я выпью, 2,
Дайце другую, — яй и тую,

И трейцею скоштую, 2,
За чацьвортую дзенькую:
У мене того не купиць, 2,
Дайце и пяту, буду пиць.
Ёнъ кудрами потрасе, 2,
Намъ горѣлачки принесе.

Когда всадятъ коровай въ печь, поютъ:

107.

Расци, расци, нашъ коровай,
Да выше стола княжого,
Да выше ставна золотого,
Да выше князя молодого.
При́печикъ сакоче, 2,
А печь короваю хоче.
А вы, панове, знайце, 2,
Къ короваю поспѣшайце.
Хвалиласа Хведарова жу͡онка, 2,
Што умѣю коровай мѣсиць, —
Ажъ ена солжила, 2,
Короваю не вмѣсила.
Да хвала табѣ, Боже, 2,
Ўсе дзѣло зробили —
Коровай ўсадзили.

Когда коровай еще въ печкѣ, «молодого» ведутъ «на посадъ». «Посадъ» состоитъ въ томъ, что маршалокъ, т. е. дружко, беретъ правою обвернутой платкомъ рукой руку жениха, а лѣвой руку брата «шафира», ведетъ ихъ за столъ, гдѣ для молодого положена подушка и возглашаетъ три раза: «Благословѣце, оцецъ, маци, вся родня молодаго на посадъ заводзиць!» Ему отвѣчаютъ: «Богъ благослови», тоже три раза. Послѣ этого коровайницы поютъ:

Да летѣли гусачки церезъ садъ,
Да гукали Иванька на посадъ, и т. д.

Когда молодой уже сядетъ на подушкѣ за столомъ, ему поютъ:

108.

Молодзенькій Иванько!
Хтожъ да на сей посадъ заводзивъ?
— Заводзивъ рýодный братъ,
Посадзивъ мене Господзь Бýогъ,
Сей посадъ, да писаръ писавъ
Отъ Господа Бога.

Послѣ этого отецъ и мать молодого подходятъ и перепиваютъ его деньгами (т. е. дарятъ его деньгами). При этомъ маршалокъ наливаетъ рюмку, поставленную на тарелкѣ, и подаетъ жениху, а женихъ проситъ отца принять отъ него эту честь. Отецъ или мать, взявъ въ такомъ видѣ рюмку водки, кладетъ на тарелку деньги 3, 5, 10 р. и больше, дѣлая рукой съ тарелкой круги въ воздухѣ — слѣва на право и приговариваетъ, подавая сыну деньги съ рюмкой: «Благославляю цебе, мýой сынокъ, житамъ (житьемъ), бытамъ, щасцьемъ, долею и вѣкамъ довгимъ. Будзь здоровъ екъ вода, а богатъ екъ земля, а веселы(й) — екъ весна». Жениха перепиваютъ всѣ родные съ одинаковою церемоніей.

Когда коровай вынутъ изъ печки, коровайницы поютъ:

109.

Да зелёнъ яворъ на дворѣ,
Гибаюць коровай на столѣ.
Да на явору пташечки,
Кола короваю свашечки.

Впрочемъ до вынутія коровая изъ печки еще идутъ по селу въ «корагýодъ» и заходятъ къ шинкарю въ кабакъ. Идя въ «корагýодъ», маршалокъ молодого беретъ каравай хлѣба, боченокъ, обвязанный наметкой, а коровайницы поютъ:

110.

Нутко, братки, въ корогӯодъ, 2
Да прославимся на ввесь рӯодъ!
Господу Богу все хвáла, 2
А нашему молодому слава.

Возвратившись изъ *корогода*, вынимаютъ коровай, благословляются имъ, и дружко съ главной коровайницей несетъ его въ амбаръ, а остальныя коровайницы поютъ:

111.

Да пытався коровай у печи:
«Ци далеко сцéжечка до клеци?»
Да сцежечка церазъ перелазъ, —
Попытаймо аще разъ.

Послѣ этого женихъ ѣдетъ къ невѣстѣ съ дружкомъ на одной повозкѣ, а отецъ жениха, или братъ старшій (или кто-либо изъ родственниковъ, если нѣтъ того или другого) на другой. Съ женихомъ ѣдутъ къ невѣстѣ и музыканты.

Когда начало свадьбы у жениха окончено, коровайницы поютъ:

112.

«Устань, бацюхно! повно спаць,
Пора сватове выправляць!»

Въ домѣ невѣсты свадьба начинается, когда пріѣдетъ къ ней женихъ. Его обыкновенно встрѣчаютъ родители невѣсты. Онъ имъ кланяется. Его и пріѣхавшихъ съ нимъ сватовъ сажаютъ за столъ и угощаютъ водкой. Въ это время кто-либо изъ родныхъ невѣсты отправляется по селу и приглашаетъ родныхъ и сосѣдей на свадьбу.

Когда родные невѣсты уже соберутся, то начинается «перепиванье» молодой. Порядокъ перепиванья невѣсты такой же,

какъ у жениха, когда его сажаютъ на посадъ, съ тою только разницей, что невѣста раздаетъ подарки: по одному ручнику и по одной наметкѣ отцу жениха и его товарищу, свату, которые даютъ ей въ обмѣнъ деньги. При этомъ женихъ даритъ невѣстѣ *«чандыку͡оръ»* (= кушакъ, поясъ или широкая лента яркаго цвѣта), а она ему — платочекъ.

Во время перепиванья въ хату невѣсты входятъ музыканты и троекратнымъ возгласомъ испрашиваютъ позволенія играть невѣстѣ заручины, говоря: «Благословѣ́це, оцецъ, маци, вся родня молоду͡ой, заручины играць.» На это всѣ тутъ присутствующіе отвѣчаютъ: «Богъ благословиць!».

Музыканты играютъ подъ пѣсню женщинъ, родныхъ невѣсты:

113.

То и въ васъ, то и въ насъ, — то заручины,
Богъ намъ давъ! (Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждаго стиха).
То сему, то тому — господарочку,
А нашаму молодому три подарочки:
Первый подарокъ — тонки китаекъ,
А другій подарокъ — бѣлая хусточка,
Трейци подарокъ — молоду Адарку.

Потомъ:

114.

Да лецѣла сорока, чеке́че,
Сѣла сабѣ на оконце, щебече:
«Скажу тобѣ, Адарко — добру вѣсь,
Што вже тву͡ой Иванько на дворѣ есь.
Да селомъ ёнъ ѣхавъ, конь иржавъ,
А въ дву͡оръ заѣхавъ, дву͡оръ зазьявъ,
Ў сѣни вошовъ, шапку зnative,
Свойму це́сьцюхну — ручку подавъ.

— «Да дзень добры, ци горазъ (гораздъ)?
Ци здорова Адарка моя у васъ?»
— Да горазъ, зацюхно, ўсё горазъ,
Да здорова Адарка твоя у насъ.

115.

Да ѣхали сватове
Да полемъ и боромъ,
Поўзъ гай зеленый,
Поўзъ садъ вишневый.
Садъ поломили,
Сокола отбили,
Дорогія чашачки
Коўньми побили.
Вышла, выбѣгла
Молода Адарка.
— «Сватове, панове,
Што жъ вы зробили?
Садъ поломили, 2
Соколà отбили.»
— «Не плачь, Адарка —
Коли будзешь наша,
Мы садъ посáдзимъ, 2
И соколà принáдзимъ,
Дорогія чашечки
Дорого поплацимъ.

116.

Ой у поли садочекъ не мецёнъ,
Золотою рутою оплецёнъ,
Да на небѣ зўорочка — зирае,
Да Иванько коника сѣдлае.
Да у его бацюхно пытае:
«На што, Иванько, коника сѣдлаешъ?

«Да куда, дзицятко, поѣдзешъ?»
— «Да поѣду, бацюхно, на Дунай:
Присочивъ [1]) уточку — уловлю,
Я жъ табѣ, бацюхно, привезу.
Будзе табѣ слу́жачка щиренька,
А мнѣ будзе жу͡оначка вѣрненка.

Всѣ дѣвушки, вмѣстѣ съ невѣстой закрываютъ лица платками, а «молодой» долженъ узнать свою невѣсту; въ это время женщины поютъ:

117.

Ѣдзь, ѣдзь Иванько,
Да не вернися,
Уже жъ твоя потрава,
Да пыламъ [2]) припала,
Уже жъ твоя Адарка
Къ другому подпала.
— «Я свою потраву
Да понакрываю,
Я свою Адарку
Мижъ всихъ познаю:
У мое́ Адарки
По плечкахъ ку͡оски, 2
Подъ очима слёзки.»

Когда невѣста навязываетъ ручники и наметки на сватовъ, ей поютъ:

118.

Ясное сонейко да по небу йграе,
Свёкоръ невѣхну да перапивае,
И сто злотыхъ дае.

---

[1]) Отъ глаг. *присо́чить*: подстеречь. Слов. Носов.
[2]) Пылью.

Ена ему за тóе
Да куколемъ ў трое.
«Не дзиви, свекратко,
Не дзиви, бацюхно,
Да нашое подарки!
Не сама я прала,
Не сама я ткала, —
Мѣщанки прали,
Подолянки ткали,
А бѣлыя лебъёдки
На моры бѣлили.
Тымъ жежъ молодая
Да свое сваты дарыла.

У молодой пекутъ коровай съ тѣми же пѣснями и церемоніями, какъ и у жениха. При этомъ коровайницы еще больше поютъ пѣсенъ при приготовленіи коровая для молодой. Онѣ поютъ:

119.

«Пойду я къ Дунаю,
Да стану дле краю,
Стану думаци,
Стану гадаци:
Што за дзѣло робици,
Зъ Дунаю воду носици,
Да коровай мѣсици —
Ручками, переспёнками
Зъ молодыми да лебъёдками.»
Адáрчинъ бацюхно
Да по сѣнечкахъ ходзиць,
Да въ ручкахъ сипце носиць,
Да сусѣдачекъ просиць:
— «Да сусѣдачки жъ моé,
Увойдзѣце вы ко мнѣ,

Да не ко мнѣ — къ мойму короваю,
Короваю гибаци (браци):
Первого да роджо́наго,
А другого да суджо́наго.
Роджонаго да Адарки
Суджонаго да Иванька.»

120.

Увойдзи, Грисю,
Да влей вода въ мису:
Намъ ручки помыци,
Да коровай мѣсици.

Молодую ведутъ на посадъ, при чемъ поютъ слѣдующія пѣсни:

121.

Скоро Адарко на посадъ, —
Ее бацюхно встрача́е
И зъ долею и зъ добраю,
Зъ щастливою годзи́ною.
То жъ не бацюхно встрѣчае, —
Встрѣчае ее Господзь Богъ.
И зъ долею и т. д.

Эти припѣвы поютъ къ каждому изъ родныхъ, которые перепиваютъ невѣсту. Когда же невѣста идетъ на посадъ, поютъ:

122.

Становиса, родзи́начка, ўся ў радъ!
Идзе наша Адарка на посадъ!
Половины родзи́начки не сышла,
Да свойго бацюхна нашла,
Поклонившиса тай пошла.

Затѣмъ припѣваютъ къ матери невѣсты, къ брату, сестрѣ, теткѣ.

Такъ какъ невѣста идетъ съ братомъ на посадъ, то поютъ:

123.

По небу сонейко колесомъ идзе,
Раненько (повторяется послѣ каждаго стиха).
Да братъ сестру на посадъ ведзе,
Дай ведучи да пытае:
«Хто жъ табѣ, сестра, наймилѣйшій?»
— Наймилѣй ўсихъ му͡ой братъ!
«Ой неправду, сестрица, говоришъ,
Наймилѣй усихъ молоды́ Иванько.»

Когда невѣсту перепиваютъ, то поютъ:

124.

Молодая Адарко 2
Сѣла сабѣ да на посадзѣ,
Бацюхина жада́е 2
— «Ой бацько, бацюхно, 2
Пи до мене повнѣйшою,
И долею найлѣпшою.»
— «Адарко, дзицятко! 2
Што маю, то даю, 2
Твое́ доли не вгадаю.
Тву͡ой мужъ — альбо будзе пьяница, 2
Альбо будзе недбайлица [1]),
Альбо будзе поцерай-косу́ 2
Альбо будзе разлій - слезы.
Люто будзе его коню, 2,
Подъ обу͡озьнею стоечи,
Снѣгамъ припадаючи, 2

[1]) Лѣнивый, нерадивый. Слов. Носовича.

А мнѣ, молодуой,
За ворота выбѣгаючи, 2
Да пъяницы дожидаючи.

Когда коровай у невѣсты готовъ, ѣдутъ къ вѣнцу въ такомъ порядкѣ: женихъ съ шаферомъ, невѣста съ дружками, не менѣе двухъ *подтаци*, которыя во время бракосочетанія брачущихся держатъ зажженныя свѣчи въ кругѣ изъ хлѣбной скорынки [1]), маршалакъ со стороны жениха и сватъ со стороны невѣсты.

При этомъ поются слѣдующія пѣсни:

125.

«Ѣхала Адарка до вѣнца,
Сыпанула золотамъ зъ рукавца.
Хтожъ тое́ золото подбере́,
Той мене до шлюба повезе́.»
Отозвавса старшій братъ:
«Не журиса, сестрица, не журиса!
Я твое золото подберу,
Я цебе до шлюба повезу.»
Да ѣхала Адарка подъ вѣнецъ
Да кинула подъ столикъ грабене́цъ:
«Пода́й, брацейко, грабене́цъ,
Расчаса́ць куосочку подъ вѣнецъ.»
«Есь у цебе, сестра, свуой молоды́,
Той подась тобѣ грабенецъ;
Той тобѣ подась грабенецъ,
Расчасаць куосочку подъ вѣнецъ.»

126.

Да до дуба зевзюлька, до дуба,
Да до шлюба, Адарка, до шлюба!
Да на туомъ конику воронуомъ,

[1]) *Скорынка*: верхняя или исподняя корка печенаго хлѣба. Ср. Слов. Носовича.

Што назадъ копиципкомъ ступае,
Дорогое зéльейко копáе,
Дорогое зельейко пьяное;
Енó мене, молодую, упоило;
Енó мене, молодую, споило,
Дай до шлюба спознило.

127.

Пераступи, Адарко, низки поруогъ,
Низки поруогъ!
Поклониса бацюхну низко до нуогъ,
Низко до нуогъ!
Стрѣчае цебе ў дорозѣ Господзь Буогъ,
Господзь Буогъ.

128.

Оступѣцеса ворогп,
Да не пераходзьце дороги:
Кабъ наша дорожечка руовна была,
Кабъ наша Адарка дóльна была.
Руовна дорога до вѣнца,
Дóльна наша Адарка до конца.
Да въ нашого свата Данила
Стояла въ воротахъ калина. 2.
До долу вѣцьейко, до долу.
Да пора табѣ, Адарко, въ дорогу!
Ой бо еще пора, Адарко.
«Ясны мѣсечикъ не свѣци мнѣ,
Ясныя зуорочки блесцѣце,
Вороные коники бѣжѣце!»
Да побѣгли кони въ подуолье,
На бацюшкаве подвуорье.

129.

Зеленая яблынька 2
Серадъ саду стояла;

Серадъ саду стояла, 2
Да росою припала.
Тамъ же наша молодая 2
Да росу брала.
Росою умывалаоа, 2.
Къ вѣньчаньейку собиралаоа.
«Ой, вѣньчаньейко жъ мое,
Красованьейко жъ мое!
Зима и лѣто красовалаоа, 2
Екъ у бацька годова́лаоа.»

Къ молодому:

130.

«Да чаму Иванько не ѣдзешъ,
Да чаму коника не куешъ?
Да чаму кудзе́рекъ не чешешъ?»
— «Да в мене ковали ў селѣ,
Подкуюць коника ў сѣдлѣ.
А грабене́цъ му͡ой ў возѣ,
Расчашу́ кудзерки въ дорозѣ.
Да вже коники запрагли,
Подъ окенечко подвели.»
Я велю коникамъ оброкъ даць:
Нехай мое́ коники постояць,
Нехай мое́ дружачки посѣдзяць,
Да на мое́ подарки погледзяць:
Соракъ сораковъ ручниковъ,
Пятцьдзесятъ локтевъ наметокъ
А кромѣ тое дробни́цы,
Што дарила дзевери и золувицы.

Къ молодой:

131.

Да ѣдзешъ, молодзенька, до вѣнца,
Не забудзь бацюхну покланицца.

«Поѣду Богу помолюса,
Пріѣхавши — бацюхну поклонюса.»

По дорогѣ въ церковь, поютъ:

132.

Ступайце, кони, широ́ко,
Аще Божи ду͡омъ дале́ко.
Ступайце, кони, у́зенько,
Бо ужъ Божи ду͡омъ близенько.

Обыкновенно, собирающіеся вѣнчаться, заѣзжаютъ къ священнику на дворъ и поютъ:

133.

Ой попе, попе бацько нашъ.
Оччини церковку, звѣнчай насъ!
Ой попе, попе, гардзѣ́ю,
Звѣнчай дзѣтачекъ въ недзѣлю!
Ой попе, попе, бацько нашъ,
Звѣнчай дзѣтачекъ въ Божи часъ!

Нужно замѣтить, что послѣ вѣнчанья, на возвратномъ пути домой лошадей гонятъ во весь духъ и дружки поютъ:

134.

Ой зъ горы, зъ горы, зъ долины
Бѣгло коники чатыри,
Да ўсѣ чатыри си́вые, —
Звѣнчали Адарку силою.
Не такъ силою — за гроши,
Што её Иванько нехороши.

По пріѣздѣ поютъ:

135.

Пріѣхало да дзиця зъ вѣнца 2.
Животокъ поссохъ, ломиць.
Отъ слезъ не промовиць.

Затѣмъ даютъ обѣдъ новобрачнымъ, причемъ они оба кушаютъ одной ложкой. Остальныхъ членовъ свадьбы тоже угощаютъ обѣдомъ. Тутъ пѣвицы поютъ слѣдующія пѣсни:

136.

Ой радъ радзенекъ молоды Иванько,
Што въ Божу͡омъ домѣ побывавъ,
Молоду Адарку за ручку подзержавъ,
Да съ правой рученьки персьцень знявъ,
Да на ее лѣвую ўзложивъ:
«Да носи, Адарко, персьцень му͡ой,
Бо уже жъ я буду — вѣчный тву͡ой!»

137.

Да повѣнчана Адарка!
Перайдзи сѣ́нечки сци́хенька,
Подай бацюхну водзицы!
Да твоя водзица соло́дка,
Солодже мёду и вина,
Да солодже вина зелена.
Думай, гадай, чещухна:
Чимъ табѣ зяця частова́ць?
Ситничкамъ да пшаничничкамъ,
Дай ала́дачки въ маслѣ.
Сыръ на маслѣ бѣленекъ,
Зяць дле чещи миленекъ.
Сыръ на маслѣ найбѣлѣйши,
Зяць для чещи наймилѣйщій.

Свадьбу у невѣсты гуляютъ цѣлые сутки. На слѣдующій день, преимущественно, въ понедѣльникъ, родители назначаютъ приданое, которое состоитъ изъ домашнихъ животныхъ. Для записи приданаго, какой-либо проворный мужикъ садится за столъ, въ красный уголъ и мѣломъ на заслонкѣ, которою закрываютъ печку, будто бы записываетъ, кто что даритъ невѣстѣ. Родители невѣсты взлѣзаютъ на печку и тамъ сидятъ, а маршалакъ, обращаясь къ мнимому писарю, говоритъ:

«Есть у князя такого-то, княжна, такая-то, ее даруюць — жи́тамъ-бы́тамъ, счастьемъ, до́лею и вѣкамъ до́вгимъ, бѣлаю фатою (наметкою), сто злотыхъ, и корову, на хвосту раббя, штобъ любилиса обое.» Все это мнимый писарь записываетъ. Все сказанное повторяется до тѣхъ поръ, пока всѣ родные ни передадутъ принесенные ими подарки. А молодая между тѣмъ сидитъ за столомъ съ лицомъ закрытымъ однимъ концомъ наметки (въ родѣ чадры или вуали) и кланяется.

Впрочемъ еще передъ этимъ завиваютъ наметку молодой на головѣ такъ, что одинъ конецъ этой наметки спускается ей на лицо и закрываетъ его, пока не перевезутъ ея къ жениху. При этомъ дѣлаютъ слѣдующее:

Женщины «завивальщицы» снимаютъ платокъ съ головы невѣсты, подстригаютъ немножко кончикъ волосъ, потомъ прижигаютъ ихъ свѣчей. Въ это время дѣвушки, преимущественно дружки, поютъ пѣсню:

138.

Догадайса, Адарко,
Чаго твоя маци
Въ клѣць пошла?
Ў кублище, на днище,
По шовковое чапчище,
По бѣлое наметнище.

Когда завивальницы приступятъ къ завиванью, то дѣвушки ихъ не допускаютъ и съ розгами въ рукахъ начинаютъ бить ихъ по рукамъ и припѣваютъ:

139.

Завивальницы сцéрвы
Мою косочку сцéрли,
И сцерли, сомяли,
Подъ чипчикъ сховали.
Да цётухно — татарка, 2
Да не суньса близенько,
Не церай да моè косы, 2.
Да дзѣвоцкое красы!
Хто косу сцерáе, 2
Того Господзь покарáе.
Дзѣвачки моé сестрицы!
Не стойце подъ окенечкомъ,
Побѣжеце да ў лѣсочекъ,
Да нарѣжце рўозачекъ. 2,
Боронеце да мою косу!
Рўозачки да до рукъ збили,
Кўосочки невборонили.

Когда везутъ невѣсту въ домъ жениха, то поютъ:

140.

Адáрчина матухна,
Зачиняй да ворацечка! 2.
Вылетае да лебёдочка.
Сама ена да сивенькая,
Головочка да бѣленькая.
Да выводзиць да добра много:
Семь кубловъ зъ войцами,
А восьмы зъ червонцами.

Когда привезутъ невѣсту на дворъ жениха, поютъ:

141.

Выдзи, выдзи, моя матка, поглядзи,
Што табѣ сватове привезли:

Да ци сиву ко́зачку, чи е́гня?
Отъ тобѣ невѣхна, екъ паненя!
Отчини, матко, новы дворъ,
Ѣдзе табѣ невѣхна и сынокъ тву͡ой!
Отчини, моя матко, оконце,
Ѣдзе табѣ невѣхна, екъ сонце.
Отчини, моя матко, нову клѣць,
Ѣдзе табѣ невѣхна, екъ медзьвѣдзь.
Отчини моя матко, нову дзежу
Вотъ везуць въ хату дзеразу [1]).

Погоняй да коня зъ двора, 2
Штобъ же жъ я да не зачула,
Якъ матка плаче, 2
За ворота выбѣгаючи,
Да дзицяци позиряючи: 2
«Гдзѣ жъ мое да дзиця дзѣли?»
Ци на возѣ повезе́но? 2
Ци на човнѣ поплавлено?
Штобъ на возѣ повезено, —
То бъ дорога курѣла,
Штобъ на човнѣ поплавлено,
То бъ вода лелѣла.»

На дворѣ жениха встрѣчаютъ новобрачныхъ выстрѣломъ изъ ружья, а мать жениха, зажегши пукъ соломы, бросаетъ его на дворъ, чтобы лошади прошли чрезъ огонь. Слѣзши съ воза, женихъ ссаживаетъ свою невѣсту. Послѣдняя распрягаетъ лошадей и сбрую бросаетъ на крышу дома своего жениха. Послѣ этого мать жениха, выворотивъ тулупъ на изнанку, въ видѣ медвѣдицы, выноситъ пересыченнаго меду въ рюмкѣ, булку и поперемѣнно, взявъ на мизинецъ меду, три раза обмазываетъ новобрачныхъ, а затѣмъ даетъ его имъ испробовать.

---

[1]) Cycopadium.

Когда новобрачные пріѣдутъ въ домъ молодого, то послѣ угощенія кладутъ ихъ спать въ клѣти, и затѣмъ ждутъ извѣщенія о невинности или виновности невѣсты. Когда окажется, что она до замужества была честная, то поютъ:

142.

Добрая годзи́ночка настала,
Наша молодая по бацюхна послала;
Послала ена семеро коней, восьмы возъ,
Дзевятого хурмана, штобъ привезъ,
Дзесятого музы́ченьку, штобъ зайгравъ.
Дала ему копуньку грошей на справу,
Штобъ привезъ бацюхна на славу.

Въ противномъ случаѣ поютъ:

143.

Недобрая годзи́ночка настала,
Наша молодая по бацюхна послала,
Послала ена сиваго вовка и собаку,
Штобъ привезъ дубинку на ср. . . у.

Кромѣ того, если невѣста окажется честною, то снимаютъ съ нея *чандыкоръ* и перевязываютъ его черезъ правое плечо маршалку, а музыкантамъ на скрипицы навязываютъ красныя ленточки «окложки». Обманъ въ этомъ случаѣ членовъ свадьбы со стороны маршалка или со стороны невѣсты, по глубокому убѣжденію простонародья, влечетъ за собою великое несчастье для новобрачныхъ. Вотъ почему, если невѣста окажется нечестной, вѣшаютъ *чандыкоръ* на крю́чокъ.

При отвозѣ молодой въ домъ молодого, отецъ ея собираетъ и отправляетъ къ ней нѣсколько парней (количество неопредѣляется), *постельниковъ* подъ предводительствомъ пожилого мужчины, но не менѣе 12. Это называется посылать *ящіе*[1]). Когда

[1]) Объясненіе этого загадочнаго слова мы нигдѣ не нашли. Ш.

постельники придутъ ко двору жениха, то передъ ними запираютъ ворота и одинъ изъ парней изнутри двора спрашиваетъ пришедшихъ: «Откуда вы?» — «Мы», говорятъ ящіе, «отъ князя NN, пришли его княжну доставаць и указъ отъ него маемъ.» И, будто бы, читаютъ, какъ кто можетъ сказать, но ящимъ ворота не отпираютъ. Тогда они идутъ на приступъ, упираются грудью и руками въ ворота, иногда ихъ поднимутъ вверхъ, иногда поломаютъ. Если постельники приходятъ въ то время, когда новобрачныхъ поднимаютъ съ постели, то, поютъ:

144.

Зъ вишневого да колодзезя 2
Тамъ Адарка да воду брала,
Въ свой край да позирала: 2
Ци ни ѣдзе му͡ой бацюхно?
«Ци не везе мнѣ госцинчиковъ? 2
Не такъ рада я госцинчикамъ
Екъ я рада свойму бацюхну, 2
Екъ я рада радзёхенька, 2.
За имъ ѣхаць готóвенька.
Гдзѣжъ наша да повинная? 2
Ци замкнёна, ци зачинéна?
Екъ зачинена, оччинице 2
Нехай зъ нами повитаецца, 2
На здоровье попытаецца.

Послѣ того, какъ новобрачные побываютъ въ клѣти, женихъ ѣдетъ просить своего тестя и тещу къ себѣ въ гости. А отецъ, (какъ-бы) созываетъ родныхъ и знакомыхъ, понятно нѣкоторыхъ, и ѣдутъ вмѣстѣ въ «приданые», или, что тоже въ «сваты». Отецъ беретъ на свою телѣгу кубелъ, или сундукъ и ѣдетъ къ дочери. Съ придаными у жениха повторяется тотъ же обычай, что и съ ящими, но потомъ, какъ бы узнаютъ отца невѣсты, отпираютъ ему ворота, а остальныхъ не впускаютъ. Тогда послѣдніе идутъ на

приступъ, и какъ бы силою, врываются во дворъ. Когда отецъ невѣсты съ кубломъ на дворѣ, то музыканты вэбираются на кубелъ, стоящій на возу и садятся на немъ, требуя платы за уступку отъ обруча 3, 5, 10, 15 коп., смотря по состоянію жениха. Приданые при этомъ поютъ:

145.

Да чія гэто приданочки блудзили,
Въ чистомъ полѣ дору͡ожочку згуболи?
Вышло, выбѣгло маленькое уценя.
«Ой сюды, сюды, приданочки, до села!
Ой сюдэми дору͡ожечки чищена,
Сюдэйми наша Адарка везена.

146.

«Бѣлы, приданки, бѣлы: 2
Да ци лебедзя стрѣли?
Ци на моры бѣлилиса, 2
Чамужъ вы такъ спознилиса?»
— Мы лебедзя да ни бачили 2
И на моры не бѣлилиса, 2
Такъ сабѣ спознилиса.»

147.

Да стояла Адарка на горы,
Позира́ла бацюху зъ подъ зары:
«Ѣдзь, ѣдзь, му͡ой бацюхно, не бу͡ойся,
Въ чирвоные боцики обуйса.
Вжежъ мо͡й чирвонецъ прибравса.
Цесовые столики засланы, 2
И лю́быя госьцики зазваны.

148.

Куковала зевзюлечка 2
Въ вишневомъ садочку:
«Бу͡оже-же му͡ой милесéньки! 2
Чаму͡о того да лѣта нема
И гнѣздэчка не звилà, 2
И еéчка не знеслà?
Заплакала молода Адарка: 2
«Чаму͡ожъ моé да матки нема?
Головачка да неубрана, 2
И кошулечка не дана?

149.

Кабъ я знала, кабъ вѣдала, 2
Што я в' бацька не буду,
Я-бъ огородъ разгородзила, 2
Стадо коней напусьцила.
Стадо коней ворóненькое, 2
Топчиць рѣпье зелéненькое,
И зéльеко и корéньеко. 2
Не изъ чаго вѣнка звици.
Да одзинъ звила, 2
Да-й того не зносила, —
Повѣсила до церама, 2
На церамѣ той на дзéравѣ,
Гдзѣ му͡ой бацюхна ходзиць, 2
Зъ вишнями да-й говорицъ:
«Вишни, да моé вишни! 2
Да беруць да мене мысли:
Што одно дэиця мáю, 2
Да-й тое отдàю.

150.

Ѣхали сватове чорадомъ,
Молады́ Иванько подъ перадомъ,
Зъ далёкъ коники сунимáе:
«Стуойце сваты, не пойце:
Ци въ бору зевзюля куку́е,
Ци моя Адарка голосу́е,
Въ вишневомъ саду сѣ́дзючи,
Да мнѣ кошулечку шіючи?
Шіе, шіе, шлюбу́е,
Да мнѣ молодому готу́е.
Да гóдзи, Адарко, вышиваць,
Да хóдзѣмъ со мною шлюбу брацъ
Ясныя зорачки блесцѣце,
Близкіе сусѣдзи глядзѣце,
Куда моé коники забѣгуць?
Да забѣгли коники въ подóлье,
На цесцюхнаве подворье.

151.

Завивса, роечекъ, завивса 2
Въ вишневомъ саду, 2
На зеленомъ тыночку 2
Да не хоче садзѣци,
Да хоче ёнъ да полецици 2
Ў щирые боры, 2
На солодкіе меды.
Собравса Иванько 2
Со всею да родзиною, —
Да хоче ёнъ гуляци, 2
Да хоче ёнъ да поѣхаци —
Цесьцюхна звоеваци, 2
Сабѣ Адарку взяци.

«Не воюй, да зяцю, мною, 2
Да воюй да моимъ дворомъ, 2
Бери мою дочку здоровъ»

152.

Наказвала уточка сивенькому силiезёнчику:
«Прилéць, прилéць, сивы силiезёнчикъ,
Сéй ночи цёмненькае!»
— «Ой радъ бы я лецици, —
Коле цебе лѣса цемненькіе,
Рѣченьки быстренькія.»
— «Я лѣсы поломлю,
Быстрыя рѣченьки загачу́.
Прiѣдзь, прiѣдзь, молоды Иванько,
Въ недзѣлю да порáненьку.»
— Ой радъ бы я ѣхаци,
Твой бацюхно гóрдзенькій, —
Вороцечка да зачиняе,
Сватовъ ў дв͡уоръ да не пускае».
— «Я бацюхна упрошу,
Вороцечка оччиню,
Кони на дворъ ўзведу.»

Когда приданые возвращаются домой, поютъ:

153.

Приданочки да дом͡уовъ ѣдуци, 2
Да Адарки поджидаюць, 2
Да Иванку приказываюць: 2
«Не би ее да дуби́ною 2
Зови ее господы́нею.
Не би ее дубцóмъ, 2
Покарай ее словцомъ

154.

Приданачки жъ мое! 2
Не нагляжуса на васъ
Екъ прилѣсачка въ лѣсѣ,
Екъ вербейко въ стрѣсѣ

Передъ окончаніемъ сватьбы у нашихъ крестьянъ есть обычай давать капусту для бросанья, какъ бы для испытанія силы невѣсты. Дружко беретъ кочанъ капусты, разрѣзаетъ на половины и сложа руки такъ, что молодой получаетъ капусту изъ правой руки, а молодая изъ лѣвой. Послѣдняя только кажется, бросаетъ свою половину качана на печку, въ стѣну, подъ порогъ, пока не разобьется.

Если молодая оказалась честною, то новобрачныхъ ведутъ въ гумно, гдѣ маршалкомъ заранѣе на току положенъ куль соломы, имъ даетъ въ руки цѣпъ, и они должны молотить до тѣхъ поръ, пока не перебьютъ перевязи.

Послѣ этого молодую посылаютъ въ колодезь за водою. Она должна на мизинцѣ принести полное ведро воды въ избу. Затѣмъ она мететъ избу, перевязавъ метлу лентой. Когда отецъ невѣсты уѣзжаетъ домой, поютъ:

155.

Отдавъ да мене бацько 2
Да за той за Дунай быстры;
Давъ же жъ мнѣ човнокъ гибки, 2
Давъ же мнѣ и веселечко, —
Надорвано мое сердечко, 2
Поднелась да лихая нехвиля,
Човнокъ да затопила, 2
Веселечко да поломила.
Да ни човна, ни прута 2
Быць табѣ, молодӯой, тута,

Затѣмъ идутъ къ шинкару корогодомъ и поютъ:

156.

Рушь намъ да, корогодзе! 2
Пили, ѣли покуль годзи.
Да посульшасо съ кута. 2
Да годзѣло намъ тута.
На цебе ландару добры годъ, 2
Частуй ценеръ нашъ корогодъ.
Мы у цебе вчора не были, 2
Мы твое горѣлки не пили.
Мы сегодня у цебе побываемъ, 2
Мы твою горѣлку попиваемъ:
Да у мене чоравички безъ подошовъ,
Пѣце мое госцики, хто пришовъ

Въ концѣ сватьбы, маршалакъ когда никто ничего не ожидаетъ, бросаетъ въ стѣну горшокъ, приговаривая. «А вонъ веселье зъ хаты!»

Зап. учит. Старобинск. народн. учил. В. Протасеневымъ со словъ крестьянки д. Дубей, Іуліанія Шарко. Сообщено Минскимъ Статистическимъ Комитетомъ.

Свадебн. пѣсни той же губ., Новогрудск. у., с. Берёзовецъ.

157.

Да дзѣ быў, солавейко?
Да дзѣ была, зязю́лька?
Да зляцѣлися ў вадзинъ садочикъ,
Да ў вадзинъ садочикъ,
На адзи́нъ кусто́чакъ.
Да пи́ли раси́цу зъ аднаго́ листо́чка,
Да ѣ́ли сабѣ мали́нки зъ адно́й гали́нки.
Да дзѣ́ шъ быў дзѣци́нка,
Да дзѣ шъ бы́ла дзѣ́вачка,
Зъѣ́халися на адно́ падво́ръё,
На адно́ засто́ллё...

Пили сабѣ мёдъ —
Зъ однаго килишка [1]),
Ѣли сабѣ патраўку [2])
Зъ однаго поўмиска [3]).
Да прилятали сокалы
Подъ вишнёвы садокъ,
Да подмаўляли сакoлку [4]):
«Да ты сакoлка, сакoлка,
Да ци поляцишь ты зъ нами,
Да зъ моладыми сокалами?»
— Рада шъ я, рада поляцѣци,
Жаль саду да пакинуци:
Садочку зеляненькога,
Гняздэчка пяпленькога,
Пэрэйка да рабенькога.
Да подъѣжджали сватовя
Подъ Бярозоўски засцѣнакъ,
Да подмаўляли дзѣвачку:
«Дзѣвачка, дзѣвачка,
Да ци паѣдзешь ты зъ нами»
Да зъ моладыми со сватами?»
— Рада шъ я, рада поѣхаци,
Жаль матки да пакинуци;
Матачки да старэнькія,
Сястрыцы да маленькія.
Да зъѣхалися сватовя
Да на адно падворъё,
Да вяли моладыхъ за адно застоллё.
Пили шъ яны мёдъ—вино
Зъ однаго килишка,
Ѣли шъ яны потраўку
Зъ однаго поўмиска.

---

[1]) рюмки. [2]) родъ кушанья. [3]) неглубокая миска. [4]) здѣсь вѣроятно пропущенъ одинъ стихъ.

158.

Ко́лам[1]) сло́нейко па не́бѣ хо́дзиць,
Моладáя дзѣванька па засто́ллю бро́дзиць,
Да бѣлыя ру́ченьки ло́миць
Да дро́бныя слёзачки ро́ниць.
Да ў яе́ ма́тачка пытáя:
«Да чаго дзиця́тко ця́женька ўздыхáешь?...»[2])

159.

Тамъ ў лу́зи на кали́нѣ салаўи паюць,
Маладу́ю дзѣўчи́начку за́мушъ выдаюць.
Моладáя дзяўчи́начка зажури́лася,
Пашла́ ў сать вишнёвы прохадзи́лася.
Сустрача́юць дзяўчи́начку тры мало́йчики,
Адзи́нъ бяре́ за ру́чачку, други за другу́,
А тре́ци ўзяў за каси́цу
Да й павёў ў святли́цу.
Пасадзи́ли дзяўчи́начку
За цясо́вы сто́лъ,
Са́мы сѣли по́бачъ[3])
Да й гарѣлачку на сто́лъ....
«Пи́йця, лю́дзи, гарѣлачку,
Я паста́ўлю мёду,
Я да сваёй дзѣўчи́начки
За́расъ[4]) паѣ́ду».
— Ци прыѣ́дзешь, ци прыѣ́дзешь,
Ни вѣдаешь, дзѣ я:
У майго́ ба́цька дворъ широ́ки,
Густы́мъ пло́томъ[5]) оплящёнъ,
Я й замкну́ся, зачиню́ся
Золоты́мъ замко́мъ.
Як прыѣ́дзя шъ[6]) мой ми́леньки

[1]) круго́мъ. [2]) пѣсня очевидно не кончена. [3]) рядомъ съ нею.
[4]) сейчасъ. [5]) плетнемъ. [6]) какъ пріѣдетъ же.

Дакъ я отчинюся,
Сама выду, на свѣтъ покажуся.
Бацько гудзé,
Мáци плáча:
Ня хóчуць аддáци...
«Піця, піця гарѣлачку,
Я паставлю вина,
Ци вы плáцця
Ци ня плáцця —
То мая дзяўчина!»

160.

Да йдзиця дзѣвачки ў огарóтъ,
Да рвиця руту наўпярóтъ[1]),
Да мяциця вулачку да капцá,
Да будзя йци дзѣвачка да вянцá,
Да мяциця вулачку ў щиры боръ,
Да будзя йци дзѣвачка ў Бóжи домъ.

161.

Да ў нядзѣлю рáнепько,
Сивё мóро трепятáлосё:
Слóнейко купáлосё,
Да дзѣвачка ратавáла[2]),
Да й ратуючи самá ўпáла.
«Ойченько мой рóднеськи,
Да выратуй минé зъ мóра,
Да зъ вяликога гóра!»
— Дзицятко маё рóднаё,
Чаму ўпярóтъ да ни казáла,
Якъ бѣлыхъ ручакъ да ни вязáла
Жóўтыхъ пярсцёнкаў ни мянáла.

---

[1]) прежде всего. [2]) спасала.

162.

Да бѣ́лая бярóза да дóлу[1]),
Да прасилася, дзѣ́вачка да дóму[2]):
«Да вязи́ мене́, мой ми́леньки,
Дзѣ мине́ ты ўзяў,
Капъ мой вянóчакъ
Тутъ ни звяў!»
— Есць ў мине́ мáтка
Пагля́ня[3]),
Прынясёмъ вадзи́цы съ крыни́цы
Да бýдземъ вянóчакъ крапи́ци—
Ни звя́ня.

163.

Да ѣ́здзиў малóйчикъ семъ годъ сватáми,
Да вы́браў дзѣ́вачку зъ дóўгими пятáми;
Да на печь ни злѣ́зя, да патъ печь ни ўлѣ́зя;
Трэ́ба[4]) рáды[5]) дáци, полави́ну пя́тоў ўця́ци.

164.

Да сыщя пшани́цу ў нóвыя кары́та,
Да карми́ця кóни ў вяли́кую дарóгу.
Да ў вяли́кой дарози трои варóтоў:
У пе́ршія варóта да мѣсячикъ ўзы́дзя,
У другíя варóта да слóнейко вóйдзя,
У тре́цiя варóта да малóйчикъ ўѣ́дзя.
Мѣ́сячикъ ўзы́дзя—видне́нько бýдзя,
Слóнейко вóйдзя—цяпле́нько бýдзя,
Малóйчикъ ўѣ́дзя—весяле́нько будзя.

---

[1]) до низу, до корня. [2]) домой. [3]) будетъ смотрѣть за нимъ. [4]) нужно.
[5]) средство, помощь.

Мѣст. Еремичи Мин. г. Новогрудск. уѣздѣ.

165.

Чи я табѣ́, ма́тачка, ня къ души́,
Шт'аддае́шъ мяне́ няў̆зро́шши;
Чи я табѣ́ кашу́льки ня мы́ла,
Чи я табѣ́ пасце́льки ня сла́ла.
Мыла табѣ кашу́льку на мо́ры,
Сла́ла табѣ пасцельку ў̆ камо́ры.

166.

А ў̆ сѣ́нячкахъ галубо́къ гудзэ́,
А ў̆ святли́цу галасокъ идзэ́.
Да хто же тамъ адзыва́ецца,
Да дзѣ́вачка адзѣва́ецца?
Да у ма́мачки да пыта́ется,
Ско́льки съ собо́й свато́ў̆ бра́ци.

167.

Заграба́й, ма́ци, жаръ-жаръ, 2.
Бу́дзя табѣ́ дачки́ жаль-жаль.
Да кладзи́, ма́ци, въ печь дрова, 2.
Аставайся жа ты здаро́ва.

168.

Прыда́начки на дво́ръ ѣ́дуць,
А ку́рачки патъ печь лѣ́зуць:
Семъ-семъ да на вяче́ру,
Во́сьмую да на пяче́ню,
Дзивя́тую на сняда́нья,
Дзися́тую на адъѣ̆джа́нья [1]).

---

[1] Отъѣздъ.

169.

Да кла́няйся дзѐвачка (имя)
Й ста́рому й ма́лому,
Да дасць табѣ Бохъ
Да до́брую й до́лю,
Й счасли́вую гадзи́ну,
Да й бага́тую й радзи́ну.

170.

«Не́йдзя ў цябе́, хло́пчикъ, да саќо́лья о́чи,
Шта ты ня бая́сься да цёмнай но́чи?»
— Чаго я ма́ю да но́чи баяцца:
Богъ нада мно́ю, конь пада мно́ю.
А мая́ (имя) поплечъ да са мно́ю,
А мая́ дружи́на да слѣдъ за мною.

171.

До́бра табѐ, сивы го́лубя, да ня мнѣ,
Ў цябе есць синяя возяра, а у мяне не,
Ты пъешъ воду крыничную, а я не.
Сядзи́ць хлопчикъ за столикомъ мядокъ пъе,
А каля его́ Мару́ська слёзы лье́.
«До́бра табѐ молодъ Хомчикъ да ля мне́,
У цябе́ есць ро́дны ба́цюшка, а ў мяне́ не.
Табѐ раду́ пара́дзюць, а мнѣ не.»

172.

Ни сядзи́, Мары́ся, ни сядзи́!
Атчини́ вако́нца, паглядзи́ :
Ци я́сянъ мѐсячикъ на зары́?
Ци хоро́шъ хло́пчичакъ на кони́?

Ай харо́шъ и прыго́шъ и вяли́къ.
А чаму́ шъ ня прывёсъ чарави́къ?
— Ай якъ я ма́ю вази́ци,
Калі́ шъ ня ўмѣ́я Мару́ся каси́ци?
Чарави́чки й чарво́ныя ты ёй прывези́,
А яна́ бу́дзя хадзи́ци па грази́;
Али ня такъ па грази́, якъ па клѣ́ци,
Бу́дуць мае́ чаравички скрыпѣ́ци,
А бу́дуць на яе́ ўсѣ́ лю́дзи глядзѣ́ци.

173.

Вы́йдзи, тату́лько, пагляздзи́,
Што табѣ́ за на́ўду прывязли́:
Ци умѣ́я яна́ жи́та жа́ци,
Ци умѣ́я яна́ кросна тка́ци.

174.

Ня гнѣ́вайся, мая̀ братава́я, на мяне́,
Што я сѣ́ла близю́сянька для цибе́,
Што я сѣ́ла за сто́ликамъ за тваи́мъ,
Я прыѣ́хала за браточкамъ за сваи́мъ.
Было́ табѣ́ майго брато́чка ня люби́ць,
Было табѣ́ къ майму́ брато́чку ня лѣ́сци,
Было табѣ́ абара́ночкаў ня не́сци.
Абара́начки — падманачки на мяду́,
Адма́няць цябе́ адъ ма́мачки, маладу́.

175.

Да ляцѣ́ло уця́тачко,
Сѣло пало да на сыножа́ци,
Ста́ло сабѣ́ щебета́ци
Сянако́сы праклина́ци:

1) печаль.

«Ўсю траву́ да пакаси́ли,
«Гняздэ́чко раструси́ли».
Маладáя (имя)
Сѣ́ла сабѣ ў канцы́ стóлика,
Стала сабѣ́ припла́кываци,
Сваéй мáтца прыгавáрываци:
«Мáтко мая́ родная,
«Ни знаси́ла я у цибé
«Ни руцьмя́наго вянóчка,
«Ни залатóго пярсцянóчка».

176.

Да стáрое бéрдо (2 раза),
Да нóвыя да ни́чальницы.
Да минáюцца табѣ, дзѣ́вачка,
Ўсѣ тваé да вечарни́цы;
Съ кимъ гуля́ла, жартавáла,
Таго ў вóчи да ня видáла,
Съ каго кпила, смяя́лася,
Таму́ самá да астáлася.
Да стáры сви́ранъ (2 раза),
Да нóваё да будавáнейко,
Да минáецца, маладáя (имя),
Ўсё тваё да гуля́няйко.
Што бры́ткаё да нячи́стаё,
Тóё маё да вячи́стаё.

177.

Мѣ́сяцъ свѣцицъ на дварѣ́,
Каравай ги́блюцъ на сталѣ́.
Сталóвыя ношки ги́блюцца,
Каравáйнички дзи́вюцца.

178.

Марысина слёзачка да па сталѣ кацилася,
Да на зёмлю звалилася,
Зямлицу прабивала,
Матачку выкликала:
«Прашу цябе, матачка, на всёляйко,
«На вясёляйко, да на сиротчаё,
«Сиротчаё, да дзявотчаё:
Есць каму пици да гуляци,
Нёкаму да рады дапи;
Есць каму да вясялицися,
Да нёкаму да зажурыцися.
Зажурыцца да матачка
Да ня зъ вѣрнымъ слоўцамъ,
Да ня шъ щирымъ сёрцамъ,

179.

Хадзила дзѣвачка па полю,
Да вила вяночикъ съ куколю,
Прасила у матачки дзянёчка,
Панасиць съ куколю вяночка.
— Проси сабѣ (имя) ни праси,
Ўсей сабѣ дзянёчакъ панаси
Ў вёчара дзѣвачкамъ аддаси.

180.

Нима цёсцяваго двара:
Тамъ высокая гара,
Ни перейсци да ни пираѣхаць,
Да ни сокалу пираляцѣци,
Да ни дзѣвацѣ паглядзѣци.

Што даци, то даци,
Трéба тýю гóру скапáци,
Да тýю дзе́вачку къ сабѣ́ ўзяци.

182.

Па-мизъ горъ да камóрачка,
Тамъ свяцúла зорачка.
Да ни зорачка свяцúла,
Тамъ дзе́вачка хадзúла,
Свайгó вóйчанька да пабуджáла.
— Ня вы́йду, маё дзицятко, да цябé:
Сплю́снули мнѣ вóчки
Да цемной ночки, —
Ни ўглянý;
Прылажúли ручки
Да щúраго сéрца —
Ни ўздымý;
Спúснули нóшки
Ў сталёвыя дошки —
Ни ўстáну;
Да цибé, дзицятко,
На парáдыньку —
Ни прыдý.

183.

Дзя́куй Бóгу да за даръ Бóжи,
Ў гэтай же хáтца да гаспадаръ гóжи:
Наварыў пúва да гаре́лачки,
Частавáў госци да сусе́дачки.
Што мы спúли, набаўляй, Бóжа!
Што мы зье́ли, прыспарай, Бóжа!

Всѣ зап. Е. Ѳ. Карскимъ.

Чародѣйство [1]).

Изъ книги гр. Е. Тышкевича: Opisanie powiatu Borysowskiego. Wilno 1847 (стр. 400—411).

Знаніе времени, придающаго силу словамъ, или способовъ помогать или вредить здоровью людей и домашнихъ животныхъ, сопровождаемое тайнымъ шептаніемъ, будто бы съ обращеніемъ къ помощи нечистыхъ духовъ, называется у простаго народа *чародѣйствомъ*. Послѣдователи этой *науки*, ежели умѣютъ причинять зло и добро, называются *чародѣями*, *чародѣйками*; если они только лѣчатъ, или устраняютъ волшебства, такъ называются *знахарями*.

Кто-бы собралъ и описалъ все, что можно узнать отъ знахарей, тотъ оказалъ-бы, безъ сомнѣнія, большую услугу врачебной наукѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ дополнилъ бы исторію разныхъ древнихъ преданій, воспоминаніе о которыхъ у простаго народа проходитъ съ каждымъ днемъ и сохраняется только у чародѣевъ. Знахари составляютъ какъ-бы особую касту, которая суевѣрными понятіями противодѣйствуетъ распространенію знаній, способовъ лѣченія и испытанію растеній, имъ только извѣстныхъ. Все покрыто большою тайной, сообщеніе которой молодому поколѣнію, по ихъ мнѣнію, дѣлаетъ употребляемыя средства недѣйствительными. Нѣкоторые завистливые знахари умираютъ, не сообщивъ никому способовъ лѣченія многихъ недуговъ зельями.

Они дѣйствительно знаютъ нѣкоторыя врачебныя средства, но смѣшанныя съ предразсудками, хотя иногда и безъ худаго намѣренія, иногда-же съ намѣреніемъ обмануть, для собственной

[1]) Помѣщая здѣсь эту статью, мы имѣемъ въ виду, вопервыхъ, представить нашимъ читателямъ рядъ данныхъ изъ области чародѣйства и суевѣрій, могущихъ служить нелишними параллелями для однородныхъ фактовъ, сообщенныхъ нами выше и записанныхъ мѣстными наблюдателями въ болѣе близкомъ къ намъ времени, а во вторыхъ дать понятіе о взглядѣ на происхожденіи чародѣйства и суевѣрій, существовавшемъ въ *сороковыхъ* годахъ въ средѣ польскихъ этнографовъ. Ш.

пользы. Неоднократно помогаютъ распространенію предразсудковъ именно тѣ, кои, будучи обязаны распространять просвѣщеніе и высшее образованіе души и сердца, только потворствуютъ суевѣрію и заговариваніямъ простаго народа, или сами начинаютъ тому же вѣрить. Невозможно было мнѣ узнать обо всемъ, все описать или повторить то, что найти можно въ разныхъ сочиненіяхъ. Однако-же въ сочиненіи, посвященномъ не одному исключительно предмету, болѣе обширное описаніе нѣкоторыхъ статей будетъ, кажется, не излишнимъ.

Первая чародѣйка.

Сидя у окошка съ прялкой, хозяйка (вѣроятно старая и злая) увидѣла курицу, разгребавшую посѣянный ячмень, въ гнѣвѣ закричала: «а чтобы тебя ястребъ растерзалъ!» и тотчасъ-же, какъ-бы ожидающій повелѣнія, ястребъ упалъ на бѣдную курицу. Предсмертный ея крикъ навелъ хозяйку на мысль, что время, въ которое она выговорила проклятіе, придало дѣйствительную силу ея словамъ, и въ этой увѣренности она обозначила время сіе по направленію тѣни у окна. Съ этого момента начала она свою практику. Подобное преданіе существуетъ у простаго народа. Отъ того и пословица: «Дай, Боже, ў добрый часъ гаварыць, ў благій помаўчаць.»

Столицею чародѣекъ считается Кіевъ. Тамъ онѣ имѣютъ свои собранія и совѣщанія. Отъ того происходитъ поговорка: «Кіевская вѣдзьма».

Такъ какъ народъ нашъ признастъ Кіевъ за столицу чародѣекъ, то ясно, что волшебство и чары свойственны всему пространству, отдѣляющему насъ отъ Кіева. Чародѣйки добираются къ Кіеву воздушнымъ путемъ. Одинъ работникъ, увидѣвъ, что старая его хозяйка, съ своими сосѣдками ровесницами, обмокнувъ средній палецъ въ какой-то растворъ, полетѣла по направленію къ Кіеву, такъ увлекся любопытствомъ, что рѣшился послѣдовать за нею. Онъ привязалъ себя къ ступѣ, ибо безъ этой

предосторожности онъ не осмѣливался предпринять сего путешествія, и омочивъ затѣмъ палецъ свой въ ту же жидкость, очутился въ Кіевѣ на совѣщаніи чародѣекъ. Удивленная и разгнѣванная хозяйка велѣла ему возвратиться назадъ, давъ ему для этого бѣлаго коня. Когда же онъ возвратился домой, конь этотъ оказался тою же самою ступою [1]).

Не однѣ только женщины посвящаютъ себя наукѣ чародѣйства, хотя онѣ оказываютъ къ тому болѣе охоты и способности, такъ что и самые черти дѣлаютъ имъ иногда честь, употребляя ихъ орудіемъ своихъ козней, какъ говоритъ простонародная пословица: «Гдѣ дъябэлъ ня можець, тамъ бабу пасылаець». Красивую дѣвушку, видную женщину народъ считаетъ чародѣйками. Эти то красивыя женщины, потерявъ свои прелести, коими обольщали, желая продлить свою славу, прибѣгаютъ къ волшебству, которое доставляетъ имъ возможность помогать и вредить людямъ, чѣмъ и увеличиваютъ свой авторитетъ въ глазахъ простаго народа.

Мужчины, чаще всего изъ числа занимающихся охотою, записываютъ свои души дьяволу, желая этимъ вызвать у него готовность для услуженія имъ, а въ доказательство своей преданности, стрѣляютъ будто бы въ изображеніе Христа или въ святую просфору. Этотъ разсказъ можно слышать въ разныхъ мѣстахъ; однако-жъ еще не доказано, чтобы гдѣ-нибудь существовалъ столь дерзкій охотникъ, который заключилъ бы такой договоръ съ дьяволомъ. Поэтому должно почитать это за выдумку ненависти и злобы.

Чародѣйскія тайны.

1. Чтобъ быть любимою молодыми людьми, дѣвица умывается водкою, въ которой была замучена пчелиная матка. Тогда, какъ пчелы къ своей маткѣ, такъ молодые люди будутъ льнуть къ ней.

---

[1]) Содержаніемъ своимъ этотъ разсказъ живо напоминаетъ балладу Пушкина «Гусаръ». Ш.

2. Для той-же цѣли служатъ орудія, приготовленныя изъ скелета нетопыря: кого зацѣпятъ крючкомъ изъ костей этого скелета, тотъ воспламенится любовью, кого-же толкнутъ вилами, перестанетъ быть докучливымъ. Этотъ секретъ, вѣроятно, заимстованъ изъ сочиненія подъ заглавіемъ: «Albertus Magnus»; оттуда, стало быть, происходитъ и много другихъ бредней.

3. Чтобы быть невидимымъ, должно найти въ гнѣздѣ ворона молодыхъ птенцовъ, пронзить ихъ проволокою и прикрѣпить ихъ къ вѣтви; тогда вороны для избѣжанія срама и для освобожденія дѣтей отъ терзаній, принесутъ въ гнѣздо небольшой камень, который имѣетъ свойство дѣлать человѣка невидимымъ.

4. Сонъ, какъ говорятъ простолюдины, можно причинить обнесеніемъ вокругъ дома песку изъ могилы самоубійцы и сыпаньемъ онаго въ западной сторонѣ; однакожъ, кто и тогда не спитъ, уже не заснетъ, и средство сіе будетъ не дѣйствительно.

5. Дождь можно вызвать всыпаньемъ маку въ колодезь; градовыя тучи отгоняютъ тройнымъ объѣздомъ вокругъ дома на лопатѣ.

6. Въ оборотня (воўкала́ка) можно превратиться, вонзивъ ножъ въ землю, и три раза обернувшись кубаремъ чрезъ него.

7. Чтобы у сосѣда росли только однѣ травы, вмѣсто хлѣба, нужно, въ тотъ моментъ, когда онъ выходитъ, съ противной стороны сѣять на своемъ полѣ мякину.

8. Чтобы дичина набѣгала сама на охотника, должно ружье просунуть три раза чрезъ окно въ хатѣ, подъ потолкомъ въ то время, когда дымъ выходитъ изъ хаты.

9. Ежели ружье заколдовано и отъ того не попадаетъ, то стволъ промываютъ водою, надъ которой произносятъ три раза слѣдующія слова: «Душа раба N адгаварываецъ уроки, прароки и радасные, и зависные, и зъ радасци, и зъ зависци, и мущынскіе и жанацкіе и дзявичые и малыхъ дзяцей, и сустрѣчныхъ и попярэчныхъ и заднихъ паглядаў».

10. Съ найденнымъ *заломомъ* поступаютъ слѣдующимъ образомъ: осину, срубленную съ восточной стороны, кладутъ на за-

ломъ, обкладываютъ его не много навозомъ и все это зажигаютъ. Средство это приведетъ сюда на поле того, кто сдѣлалъ заломъ. Этому человѣку не слѣдуетъ давать ничего, чего бы онъ ни попросилъ; также нужно наблюдать, чтобы онъ не взялъ горсти земли съ поля владѣльца; это причинило-бы ему то несчастье, которое противникъ желалъ ему сдѣлать. Такому чародѣю тяжко будетъ умирать и не умретъ онъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ снятъ потолокъ. Только этимъ облегчится выходъ его рогатой души.

11. Чтобы вороны и ястребы не похищали цыплятъ и другихъ молодыхъ птицъ, ихъ окуриваютъ порохомъ или садятъ насѣдокъ на гнѣздахъ, настланныхъ вороньимъ перьемъ; выведенныхъ тамъ цыплятъ переносятъ черезъ колоду.

12. Чорта выгоняютъ изъ дѣтей, окуривая ихъ зельемъ, называемымъ «каткѝ». Судороги почитаютъ знакомъ пребыванія дьявола.

13. Ежели курица поетъ на подобіе пѣтуха, говорятъ, что въ ней сидитъ дьяволъ; тогда катаютъ ее отъ порога къ порогу: ежели при другомъ порогѣ выйдетъ хвостъ, то курица можетъ быть освобождена отъ дьявола отрѣзаньемъ хвоста; ежели голову, то она останется неизлѣчимой.

14. Приведу здѣсь двѣ чародѣйскія тайны полѣскія, кои, можетъ быть, сохраняются и теперь у нашего простаго народа:

а) Чтобы достать зелье, которымъ отпираются замки при прикосновеніи его къ нимъ, то огораживаютъ яйца черепахи, которая приноситъ это зелье, истребляющее огражденіе и могущее служить съ пользою ворамъ.

б) Средство для добыванія кладовъ, сдѣлаться богатымъ: около праздника Св. Іоанна змѣи собираются въ громаду со своимъ царемъ съ золотыми ножками. Тогда, подкарауливъ появленіе его величества, должно разостлать подъ нимъ чистый платокъ; за сдѣланную ему такую честь, онъ открываетъ тайну обогащенія, показываетъ мѣсто храненія сокровищъ.

15. Лошадей, найденныхъ вспотѣвшими послѣ ночи, народъ почитаетъ не за больныхъ, но увѣренъ, что дьяволъ ихъ заго-

нлетъ. Чтобы предохранить ихъ отъ этого, вѣшаютъ въ стойлѣ, гдѣ стоятъ лошади, застрѣленную сороку.

16. Видя метеоры, думаютъ, что змѣй переноситъ сокровища; надъ нимъ не должно смѣяться, ибо онъ сожжетъ смѣющагося съ домашнимъ скарбомъ; но желая завладѣть богатствами, которыя несетъ змѣй, нужно обращаться съ нимъ вѣжливо.

Лучина, зажженная съ обоихъ концовъ, служитъ ключемъ къ открытію сокровищъ и отпиранію различныхъ погребовъ, потому остерегаются зажигать лучину такимъ образомъ.

Если метеоры весьма блестящи, то сокровищемъ окажутся деньги, если менѣе блестящи, — то хлѣбъ.

Суевѣрія (забовоны).

Одни суевѣрія сохраняются отъ язычества, другіе же возникли впослѣдствіи и сопровождались благочестивыми обрядами. При описаніи празднествъ я говорилъ о разныхъ суевѣрныхъ обрядахъ, приличныхъ каждому празднеству....

1. На Купалу рвутъ зелье, называемыя «купалки»: каждый, воткнувъ сорванный цвѣтокъ въ стѣну, съ безпокойствомъ ожидаетъ, разовьетъ-ли зелье свою почку или нѣтъ? Послѣдній случай означаетъ короткую жизнь и смерть въ продолженіе текущаго года.

2. У коровъ отнимаютъ молоко посредствомъ змѣй и жабъ, посылаемыхъ чародѣйками. Удостовѣрившись, что упомянутые гады являются около строеній именно послѣ Купалы, на Полѣсьи думаютъ, что змѣи уходятъ изъ болотъ, изгнаныя крѣпкимъ запахомъ разцвѣтающаго тогда зелья, называемаго «парило». Находится-ли у насъ то же растеніе, неизвѣстно. Здѣсь вообще думаютъ, что молоко убываетъ у коровы, какъ скоро расцвѣтаетъ «смолка». Для умноженія молока хозяйки даютъ коровамъ зелье, называемое «Божее кресло».

3. Старые люди неохотно переходятъ въ новую хату изъ увѣренности, что это сократитъ имъ жизнь. Быть можетъ, свѣжесть и влажность имѣютъ вредное вліяніе на ослабленное долгою жизнью здоровье.

4. Кошкѣ урѣзываютъ хвостъ, предполагая, что дьяволъ находитъ въ немъ пристанище.

5. Кусокъ дерева, на которомъ рубятъ дрова, никогда не кладутъ въ полѣницу, ибо почитаютъ его за дьявольское орудіе. Ежели дитя будетъ придавлено матерью въ крѣпкомъ снѣ, говорятъ, что это дьявольская шутка. Дьяволъ выкрадываетъ дитя у матери и на его мѣсто кладетъ полѣно, на которомъ колютъ дрова. Одинъ разъ старикъ, собиравшій милостыню, ночуя у крестьянина, замѣтилъ, какъ дьяволъ воровалъ дитя, кладя взамѣнъ полѣно; а какъ онъ былъ знахаремъ, то дитя у дьявола отобралъ и спряталъ въ торбу. На другой день къ большому удивленію родителей, полѣно, имѣющее безжизненный видъ дитяти, перерубилъ онъ и бросилъ въ огонь, а приведеннымъ въ отчаянье родителямъ возвратилъ живое дитя, вынувъ его изъ торбы. Здѣсь мы видимъ явный источникъ этого повѣрья. Дабы усыпить совѣсть и усмирить материнскую печаль, самое ужасное преступленіе матерей дѣтоубійство, — сваливаютъ на дьявола.

6. Объ оборотнѣ. Повторяютъ сказку, что какому-то молодому господину была предсказана смерть отъ оборотня (воўкалака). Ѣдетъ этотъ господинъ однажды въ богатой каретѣ. День былъ праздничный. По дорогѣ онъ увидѣлъ идущую прекрасную дѣвушку; можетъ быть изъ вѣжливости онъ предложилъ ей войти въ экипажъ, обѣщая довезти ее до самой церкви. Ѣдутъ-ѣдутъ, уже и церковь въ виду. Кучеръ останавливается. Едва отворилъ онъ дверцы, какъ выскочилъ изъ экипажа волкъ, а въ экипажѣ остались только кости молодаго господина....

7. Посѣщая покойниковъ нужно смотрѣть на его ноги, и онъ никогда не приснится и не наведетъ страха. Чтобы облегчить бореніе со смертью, омываютъ грудь и ноги водою, поданною черезъ окошко, или окуриваютъ черезъ бердо.

8. Когда вынимаютъ медъ изъ ульевъ, не рады тому, кто смотритъ черезъ заборъ, ибо тогда пчелы сильнѣе кусаютъ. Быть, можетъ, потому такъ думаютъ, что, чѣмъ больше лицъ знаетъ о добычѣ меду, тѣмъ больше приходится тратить его на угощеніе.

9. Чтобы рои не уходили, зарываютъ въ пчельникѣ гвоздь съ висѣлицы. Гоняясь за уходящими пчелами, одинъ изъ гоняющихъ, поперемѣнно, присѣдаетъ, чтобы пчелы присѣли. Съ этою-же цѣлью гостя, пришедшаго на короткое время, просятъ садиться.

10. Когда скотъ заблудится, вбиваютъ топоръ надъ дверьми, думая, что онъ уцѣлѣетъ, если ничей глазъ не усмотритъ заблудившейся скотины. Когда волкъ разъ изувѣчилъ скотину, то уже когда-нибудь онъ ее съѣстъ; оттого пословица: «гэта ўжо наслинена».

11. Теленка, купленнаго для выкормленія, обливаютъ водой. Когда послѣ этого что-нибудь въ хозяйствѣ не удается, не спорится, то продаютъ теленка тому, съ кѣмъ находятся въ дружескихъ сношеніяхъ, торгуясь только для виду. Давать на расплодъ даромъ также нельзя, ибо дающій потеряетъ плодъ: нужно уплотить хоть копѣйку.

12. Пожаръ тушатъ, троекратнымъ обѣганіемъ вокругъ горящаго строенія, послѣ чего убѣгаютъ въ чистое поле.

13. Не слѣдуетъ оставлять толкача въ ступѣ, ибо тогда свиньи не будутъ водиться.

14. Новорожденнымъ дѣтямъ не даютъ рубахъ изъ новаго полотна, ибо скоро будутъ изнашивать бѣлье....

15. Женщины, въ извѣстное время, не навѣщаютъ родильницъ, въ противномъ случаѣ дитя получило бы сыпь.

16. Въ день 40 мучениковъ дѣвки ломаютъ 40 досокъ, прыгая по нимъ и перерываютъ 40 веревокъ.

17. На св. Варвару пекутъ пироги съ макомъ, называемыя «варенье»[1]), чтобы хлѣвный скотъ хорошо плодился.

---

[1]) У Тышкевича «jak nazywają wareńja», но обыкновенно называютъ ихъ «варениками». Е. Карскій.

18. Для истребленія въ засѣянномъ полѣ плевелъ, насыпаютъ на Благовѣщеніе сѣвалку рожью, втыкаютъ въ нее зажженную восковую свѣчу и обходятъ съ нею поле.

19. Если кто пойдетъ на волокитство, оставивъ домъ и семью, то даютъ на позвонъ: это должно оказать такое дѣйствіе, что волокита облагоразумится и не зайдетъ далеко; «óбмарокъ ягó вóзьмецъ». Вмѣсто этого также мелютъ въ ручной мельницѣ поясъ или какое-нибудь бѣлье, чтобы ему въ головѣ мололо, кружилось.

20. Чтобы наказать неизвѣстнаго вора, мѣряютъ его слѣдъ и таковую мѣру вѣшаютъ въ трубѣ, чтобы воръ изсохъ, какъ сохнетъ эта мѣра.

21. Когда кто сидя машетъ ногой, то говорятъ, что онъ качаетъ дьявола.

22. Когда женщина, отвязывая подвязку, говоритъ молитву, то молитва ея идетъ въ пользу висѣльниковъ, а не ея.

23. Когда кто, умываясь, говоритъ молитву, она идетъ въ пользу утопленниковъ.

Ворожба.

1. Дѣвица чтобы узнать, кто будетъ ея мужемъ, идетъ въ день Св. Іоанна на перекрестныя дороги, связываетъ тамъ пучекъ прутьевъ и вынимаетъ ихъ изъ него парами, приговаривая «воскресенье съ понедѣльникомъ, вторникъ съ средою, четвергъ съ пятницей, суббота одна и я одна.» Сдѣлавъ это, она идетъ спать и во снѣ получаетъ желаемое извѣстіе.

2. Сны служатъ также для ворожбы: вода, дитя, видѣнное во снѣ, также пиршество, предвѣщаютъ несчастье, похороны.

3. Ежели покойника выводятъ одними воротами, а явится кто въ другіе, это предвѣщаетъ смерть для домашнихъ.

4. Ежели дымъ съ зажженнаго пера изъ подушки расходится по угламъ, больной будетъ жить, ежели за порогъ, то умретъ. Лошадь священника, прибывшаго для исповѣдыванія больного, тоже

служитъ предметомъ предвѣщанія: если она смирная — больной будетъ жить, если же безпокоится, то будутъ похороны. Ежели послѣ исповѣди больной заснетъ — это хорошій знакъ.

5. Кукушка, кукующая возлѣ дома, предвѣщаетъ несчастіе. Она-же предвѣщаетъ, сколько лѣтъ кому жить, когда дѣвица выйдетъ замужъ. Кто услышитъ кукушку, будучи голоденъ, будетъ цѣлый годъ жить въ нищетѣ. Кто услышитъ въ первый разъ кукушку, имѣя при себѣ деньги, тотъ будетъ ихъ имѣть въ продолженіе цѣлаго года. Оттого пословица: «схавай тры грошы на зязюльку».

6. Ниспадающая звѣзда означаетъ кончину человѣка....

7. Если жеребенокъ или теленокъ бѣгаетъ при закатѣ солнца, то онъ будетъ похищенъ волкомъ.

8. Если одно слово выговорится въ одно и то же время двумя лицами, то это предвѣщаетъ прибытіе гостя лгуна.

9. Заяцъ означаетъ дурную примѣту; встрѣча съ человѣкомъ, несущимъ полныя ведра, или волкъ, перебѣгающій дорогу, предзнаменуютъ хорошее....

Благочестивые обычаи.

1. Дабы вымолить дождь или хорошую погоду, дѣлаютъ приношеніе въ церковь полотномъ, вытканнымъ въ одинъ день. Оно называется «обудзенная».

2. Въ мѣстахъ болотистыхъ кладутъ кладки и вырѣзываютъ на нихъ стопу; всякій, кто по нимъ проходитъ, видя сей знакъ, читаетъ молитву за душу того, по чьему желанію положена кладка. Обыкновеніе это заслуживаетъ похвалы.

3. Если у кого умираютъ дѣти, берутъ въ кумовья такъ называемыхъ *спотыканныхъ* [1]). Для того, чтобы дѣти оставались въ живыхъ, поднимаютъ также упавшіе кресты.

---

[1]) Т. е. первыхъ встрѣчныхъ.

Лѣчебныя средства, употребляемыя простымъ народомъ въ Борисовскомъ уѣздѣ.

(Ср. Тышкевичъ: Opisanie powiatu Borysowskiego, 244—262. *Изъ растеній выбраны только лѣчебныя*).

Попутникъ большой «бабка» (Plantago major). Простой народъ употребляетъ противъ кроваваго поноса, лихорадки, опухоли и снаружи прикладываетъ къ застарѣлымъ ранамъ.

Попутникъ водяной «жабинецъ» (Alisma plantago). Съ недавняго времени стали его употреблять противу бѣшенства. Въ деревенской медицинѣ это растеніе слыветъ какъ средство противъ цынги, корень-же его противъ лихорадки.

Клоповникъ, багульникъ «багунъ» (Ledum palustre). Растетъ въ лѣсахъ по мѣстамъ болотистымъ. Кромѣ другихъ онъ заключаетъ въ себѣ много наркотическихъ началъ и употребляется иногда въ ваннахъ для женщинъ и дѣтей. Употребляется онъ также въ хозяйствѣ для подстилки скоту и окуриванія его во время заразы, равно какъ и для очищенія мебели отъ клоповъ, омывая оную отваромъ изъ сего растенія, для охраненія одежды отъ моли, перекладывая ее листьями.

Медвѣжья лапа или борщъ (Heracleum sphondylium). Прежде думали, что оно излѣчиваетъ холеру, прекращаетъ боль и шумъ въ головѣ.

Барвенокъ или могильница обыкновенная (Vinca pervinca). Это растеніе наиболѣе извѣстно между простымъ народомъ и въ медицинѣ для выведенія и свитія колтуна, поэтому, кромѣ употребленія отвара изъ него внутрь, имъ омываютъ еще голову, для скорѣйшаго свитія колтуна въ волосахъ. Прежде у простаго народа оно употреблялось противъ кроваваго и застарѣлаго поноса и для прекращенія рвоты.

Мардовникъ (Cardunm Beneticti). Растеніе горькое, поэтому усиливаетъ пищевареніе. Употребляется оно и противъ лихо-

радки. Прежде думали, что оно изгоняетъ отраву изъ тѣла, чахотку, укрѣпляетъ память и исправляетъ слухъ.

Басиликъ или Васильева трава. Б. водный (Mentha pulegium). Крестьяне думаютъ, что это растеніе имѣетъ слабительное свойство.

Буквица (Betonica officinalis). Простой народъ употребляетъ отъ кашля.

Бузина (Sambucus niger). У простаго народа почитается способнымъ умножить молоко у молодыхъ, кормящихъ грудью женщинъ. Мякоть зеленая изъ шелухи ея будто помогаетъ противу рожи, если обкладывать ею мѣста, подверженныя сей болѣзни.

Чернобыль (Arthemisia vulgaris). Простой народъ думаетъ, что во время грома, когда онъ горитъ на каминѣ, перунъ не ударитъ въ домъ.

Ибунка, козій ростъ «бобоўникъ» (Veronica Beccabunga). У простаго народа употребляется отъ хроническаго кашля.

Донникъ обыкновенный «барканъ» (Melilotus officinalis). Употребляется въ ваннахъ для дѣтей.

Свекла «буракъ» (Beta vulgaris). Простой народъ думаетъ, что сокъ изъ этого растенія утишаетъ головную и ушную боль.

Лукъ огородный «цыбуля» (Allium cepa). Простой народъ думаетъ, что свѣжій лукъ, повѣшенный скотинѣ на шею, защищаетъ отъ заразы.

Золототысячникъ (Gentiana Centaurium). Простой народъ употребляетъ его при лихорадкѣ и ослабленіи тѣла и желудка.

Хмель (Humulus Lupulus). Отваръ изъ шелухи его употребляется при мытьѣ головы для скорѣйшаго свитія колтуна и уменьшенія головной боли.

Горецвѣтный корень «чемерыца» (Veratrum album). Имъ лѣчатъ заушницу свиней.

Богородичная трава «чаборъ» (Thymus serpyllum). Простой народъ употребляетъ отъ удушливаго кашля.

Чеснокъ огородный (Allium sativum). Простой народъ кладетъ на подошвы отъ насморка и кашля.

Медвѣжье ухо и царскій скипетръ «дзева́нна» (Verbascum tapsus)—считаютъ испытаннымъ алопатическимъ средствомъ въ нашихъ странахъ для изгнанія червей изъ скота. Наклонивъ стебель къ востоку солнца, верхъ прижимаютъ камнемъ и говорятъ: «до того времени тебя не отпущу, пока изъ того-то черви не вылѣзутъ».

Куколь (Agrostemma githago)—простой народъ употребляетъ противъ червей.

Кошачьи лапки «шарота» (Gnaphalium dioicum) — простой народъ употребляетъ противъ поноса. Дѣлаютъ изъ онаго полосканіе противъ вередовъ въ горлѣ.

Купена или Соломонова печать «кокорнакъ» (Convallaria polygonatum). Простой народъ употребляетъ въ опухоли колѣнъ. Та же трава изгоняетъ будто лишаи.

Дятелина луговая «канюшына» (Trifolium pratense). Сокъ изъ нея помогаетъ отъ всякой боли.

Примѣчаніе. Въ книгѣ Тышкевича списокъ лѣкарственныхъ травъ еще продолжается. Покойный П. В. Шейнъ, повидимому, удовольствовался тѣмъ, что привелъ для образца лишь нѣсколько изъ лѣчебныхъ средствъ, практиковавшихся въ Борисовскомъ уѣздѣ въ 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія.

Е. К.

Прибавленіе къ статьѣ о чародѣйствѣ.

Молочное чародѣйство.

Злые сосѣди иногда отнимаютъ молоко у коровъ своего сосѣда. Это дѣлается то невидимымъ образомъ заговоромъ, то напускомъ на коровъ «кырыватыхъ» лягушекъ, которыя очевиднымъ образомъ высасываютъ молоко коровы, ухватываясь за соски лежащей коровы и удерживаясь при нихъ до возмож-

наго насыщенія. Въ томъ и другомъ случаѣ корова перестаетъ давать молоко и становится «порченною». Помочь горю можно, стоитъ только открыть виновника, что неособенно трудно, и наказать его. Въ первомъ случаѣ, при заговорѣ, обыкновенно поступаютъ такъ: наложивъ въ молочную цѣдилку (рѣдинькія холстины) острыхъ камней, деревянныхъ острыхъ спицъ, иголокъ и друг. предметовъ, причиняющихъ уколъ, завязываютъ и по возможности крѣпче, и кладутъ въ горшокъ съ холодною водою. Эту воду кипятятъ на *особомъ огнѣ, внѣ печи и очага*, а часто среди избы и двора, употребляя для этого въ большинствѣ случаевъ осиновыя дрова. Съ постепеннымъ возвышеніемъ температуры, «лиходѣй» начинаетъ чувствовать боль, которая, наконецъ доводитъ его до ужаснѣйшихъ мученій, производя въ тѣлѣ невообразимый жаръ и колотье; «лиходѣй» не выдержитъ и явится съ просьбою о прекращеніи страданій. Если же виновникъ не является, то это значитъ, что онъ находится въ состояніи рѣшительнаго изнеможенія. Нужно замѣтить, что посредничество не облегчаетъ страданій виновнаго, и «лиходѣй» обязанъ явиться *за прощеніемъ лично*.—Кипяченіе воды въ теченіи сутокъ безпрерывно доводитъ «лиходѣя» до смерти. Во второмъ случаѣ поступаютъ иначе. Увидя «кырыватую» лягушку при коровьихъ соскахъ, откуда отнять ее и нѣтъ человѣческихъ силъ, отрѣзываютъ у послѣдней то пальцы, то одну, то двѣ ноги. Иногда послѣ этого лягушка отпадаетъ, иногда же продолжаетъ висѣть. Но съ исчезновеніемъ лягушки обнаружится виновникъ молочной убыли тѣмъ, что у него немедленно обнаруживается увѣчная порча схватывающаго члена. Вѣрованіе бѣлорусса дополняетъ, что въ этомъ случаѣ самъ лиходѣй принимаетъ видъ лягушки, а слѣдовательно и то жестокое указаніе, которое указано выше. Въ силу того же вѣрованія во всякой земляной, сухопутной лягушкѣ бѣлоруссъ видитъ оборотня-лиходѣя, а потому беззащитное тихоходящее животное истребляется немилосерднѣйшимъ образомъ при всякой встрѣчѣ съ нимъ. Особенно жестокая судьба постигаетъ его при поимкѣ въ хлѣву. Въ этомъ

случаѣ иногда животное прибивается къ землѣ осиновымъ колышкомъ, иногда утыкивается иголками и острыми спицами, иногда варится въ кипяткѣ или просто бросается въ пламя, иногда кладется въ пустой горшокъ, замуравливается тамъ и ставится въ печь, гдѣ конечно, и издыхаетъ, и тому подобное. Борьба съ этимъ несчастнымъ животнымъ такъ велика, что ее ведутъ всѣ крестьяне, отъ мала до́ стара, и съ одинаковымъ ожесточеніемъ.

Личныя воспоминанія о разсказахъ и наблюденіяхъ по Витебской губерніи.

Зап. Н. Я. Никифоровскимъ.

Знахарки отнимаютъ молоко отъ чужихъ коровъ и придаютъ его своимъ. Для этого онѣ берутъ по девяти камней въ Чистый четвергъ съ нивы того хозяина, которому хотятъ оказать такую непріятность и выпариваютъ ими свои кринки, т. е. накаливаютъ ихъ въ печи и бросаютъ въ кринку съ водою, отчего послѣдняя нагрѣвается почти до кипятка.

Чтобы противодѣйствовать злому дѣлу, слѣдуетъ то же самое дѣлать и по отношенію къ обидчицѣ, т. е. съ ея же полосы взять девять камней и парить ими свою кринку. Если же пропущенъ должный для этого дѣла срокъ, то очень помогаетъ слѣдующее: нужно смачивать цѣдилку (небольшой кусокъ рѣдкаго холста, замѣняющій цѣдильное ситко) майскою росою, выжимать ее въ подойникъ и такимъ образомъ вымывать его.

Сообщено Н. Я. Никифоровскимъ.

Виленскаго уѣзда.

На Ивана Купайло вѣдьма до восхода солнца тягаетъ обрусъ (скатерть) по росѣ съ тою цѣлью, чтобы *оттреть* молоко у той коровы, которая раньше другихъ выйдетъ въ поле, почему крестьяне въ этотъ день стараются попозже выгонять скотъ.

Запасшись водою изъ трехъ іорданей (т. е. изъ трехъ рѣкъ, въ которыхъ происходило водосвятіе, въ одинъ и тотъ же годъ) надо до восхода солнца поломать борону и на щепахъ ея въ 3-хъ вышеупомянутыхъ водахъ варить цѣдилку. Въ это самое время не-

премѣнно придетъ вѣдьма, и тогда надо смотрѣть, чтобы она ничего не схватила. Когда вѣдьма воротится домой, у нея *«вытре языкъ»*. Если же вѣдьмѣ удастся что-либо утащить, то она непремѣнно отниметъ у коровы молоко.

На Ивана Купайла до восхода солнца надо встащить на хлѣвъ пустой улей, затѣмъ подоить корову и, взлѣзши на хлѣвъ, черезъ подолъ рубашки перецѣдить молоко надъ ульемъ, дабы вѣдьма не отнимала у коровы молока.

Съ этой же самой цѣлью вѣшаютъ въ вьюшкѣ мѣшокъ съ лягушкою.

Сообщено Вл. Гр. Станкевичемъ.

Въ «вѣдзьмароў», и въ особенности «вѣдзьмоў» крестьяне Гродн. уѣзда имѣютъ сильную вѣру. Они полагаютъ, что въ каждомъ селѣ (деревнѣ) есть вѣдьма. Ей приписываютъ напусканіе разныхъ болѣзней, отнятіе молоко у коровъ, причины разныхъ непріятностей въ домашнемъ быту. Что касается отнятія молока у коровъ, то крестьяне даже объясняютъ, какимъ образомъ вѣдьма это дѣлаетъ: «Возьме», говорятъ они, *«скарачъ*, удэрыць по корови, а послѣ возьме, повѣсиць скарачъ на жердзѣ ў своёй хаци и доиць скарачивы хвосцики, и кажа: «молоко зъ гэтыхъ хвосцикоў такъ са́мо идзе́, якъ зъ вымя, цыцакъ короў», а пойдзешъ доиць свою корову,—уже ничо́го не надо́ишъ, для того— порожнее вымя, бо вѣдзьма уже выдоила».

Если крестьяне наши заподозрятъ кого-либо изъ мужчинъ или женщинъ своей деревни, своего околотка, что они занимаются чародѣйствомъ, то никто изъ нихъ не станетъ съ ними вмѣстѣ ѣсть, а тѣмъ болѣе пить водку или пиво. Они говорятъ, что у такихъ людей подъ *пазухою* скрываются чары, и незамѣтнымъ для собесѣдника образомъ они могутъ однимъ прикосновеніемъ пальца къ рюмкѣ напустить на него какую имъ заблагоразсудится болѣзнь.

Точно также вѣрятъ наши крестьяне и въ силу дурного глаза. У кого глазъ дурной, такому человѣку, по ихъ мнѣнію, стоитъ только посмотрѣть на поросятъ, ягнятъ, цыплятъ, гусятъ,

утятъ и проч., и непремѣнно всѣ передохнутъ, а если онъ взглянетъ на тучную лошадь, корову, свинью и т. п., то эти животныя сейчасъ начнутъ худѣть. Но такихъ вредоносныхъ людей крестьяне не винятъ, потому что не отъ нихъ зависитъ то, что ихъ глазъ сталъ такимъ опаснымъ: вся отвѣтственность въ этомъ случаѣ падаетъ на ихъ матерей. Если мать 3 или 4 дня спустя послѣ отнятія ребенка отъ груди, подъ вліяніемъ сожалѣнія къ нему, опять дастъ ему сосать грудь, то его глаза сдѣлаются непремѣнно вредоносными. Такого человѣка всѣ избѣгаютъ и стараются скрыть отъ него тѣ предметы, которымъ его глазъ можетъ повредить.

И. Ө. Карскій.

Новыя дополненія къ I отдѣлу.

Крестьянскія постройки.

(Мстиславскій уѣздъ Могилевской губ.).

Крестьянскій дворъ.

Жизненная обстановка бѣлорусскаго крестьянина, начиная съ избы и кончая надворными постройками, не представляетъ ничего привлекательнаго и затѣйливаго.

Крестьянскій дворъ имѣетъ большею частью видъ четыреугольника, одну сторону котораго занимаетъ изба, три же остальныя заняты надворными постройками и заборомъ (рѣдко).

Изба.

Изба бываетъ длиною приблизительно отъ 7 до 12 арш. и шириною отъ 6 до 10 арш. Она обыкновенно строится самимъ хозяиномъ, поэтому и цѣнится имъ очень дешево, чему также

много способствуетъ дешевизна необходимаго для постройки избы матеріала.

Лѣсъ, благодаря его обилію, покупается крестьянами за безцѣнокъ. Мохъ, глина и прочее крестьянину ровно ничего не стоятъ, такъ какъ онъ раздобываетъ ихъ самъ.

Фасадъ крестьянской избы незатѣйливъ; на немъ нѣтъ никакихъ украшеній; только у богатыхъ хозяевъ изба иногда украшается «приборами самодѣльными», состоящими изъ вырѣзанныхъ узорами досокъ, которыя тянутся отъ «вильчика» крыши по краямъ ея. Смотря по размѣрамъ, изба имѣетъ два или три окна, выходящихъ на улицу, и два во дворъ. Одно изъ нихъ бываетъ маленькое, около четверти аршина въ квадратѣ. Оно называется «подъемнымъ» или «отодвижкой», смотря потому, подымаютъ ли его вверхъ, отворяя, или отодвигаютъ въ сторону. Другія окна имѣютъ отъ 1 до $1^1/_4$ арш. въ высоту и отъ $^1/_2$ до $^3/_4$ аршина въ ширину. На зиму двойныхъ рамъ не употребляютъ, а замѣняютъ ихъ соломенными щитами, которыми на ночь завѣшиваются окна снаружи. Въ сторонѣ отъ оконъ помѣщается дверь съ задвижкой или «клямкой». Эта дверь ведетъ въ середнюю часть избы — «сѣни» или «сѣнцы»; по одну сторону ея находится «клѣть», по другую — «хата».

Клѣть.

Клѣть представляетъ изъ себя небольшую комнатку въ родѣ чулана. Она служитъ хранилищемъ всякой хозяйственной утвари. Тамъ можно найти все, начиная отъ огородныхъ овощей до одежды включительно. Одна стѣна (часть) клѣти занята развѣшанными на ней жупанами, поддѣвками, полушубками, сарафанами, андраками, рубашками, штанами и пр. Около другой ютятся кадушки или «кублы», наполненныя «трубками» полотна собственнаго издѣлія крестьянъ. Къ третьей предвинутъ «судникъ» (родъ большого ящика съ полочками и крышкой на ремушкахъ), куда прячутъ молоко, хлѣбъ и т. п., что необходимо для домашняго обихода. Напротивъ двери въ клѣть находится дверь въ «хату».

Хата.

Хата есть жилая часть избы. Полы въ хатѣ большею частью земляные; только у зажиточныхъ крестьянъ можно найти полы деревянные; они называются «мостомъ». Въ хатѣ, около дверей по правую или лѣвую сторону помѣщается русская печь, которая занимаетъ почти четвертую часть избы.

Прежде по деревнямъ были «курныя печи», т. е. печи безъ трубъ, но со-временемъ они исчезли, и теперь только кое-гдѣ, да и то очень рѣдко, можно найти курную печь. У богатыхъ, вѣрнѣе зажиточныхъ мужиковъ печи побѣлены мѣломъ. Передъ печью, на разстояніи 1—1½ аршина отъ потолка, подвѣшена горизонтально жердь, на которую накладываютъ для просушки разное тряпье. Передняя часть печи имѣетъ подпечье или «подпечку», гдѣ зимой и лѣтомъ содержатся куры, утки, иногда поросята и овцы. Немного выше подпечья помѣщается «припечка» или «при́печекъ», родъ печурки — мѣсто для мисокъ, горшковъ и латушекъ. Надъ нимъ находится «загнетъ» или предпечье, куда выставляютъ изъ печи горшки. По ту и другую сторону загнета помѣщаются «ямки», куда выгребаютъ изъ печи жаръ — «жаръ загребаюць». За загнетомъ въ видѣ полукруга поднимается «челе́стникъ», отдѣляющій загнетъ отъ самой печи. У иныхъ печей есть еще печурка, гдѣ можно найти «сѣрнички» (спички), лучину и тому подобные предметы. Двѣ другія стороны печи прилегаютъ къ стѣнамъ хаты, а третья имѣетъ небольшую лежанку. Къ лежанкѣ примыкаетъ «полъ» или «нары», поднимающіяся аршина на 1½ надъ «мостомъ» и тянущіяся до другой стѣны. Этотъ полъ намощенъ досками, настланъ «гороховинами, ржаницею, грецковьемъ» (солома гороха, ржи и гречи) и сѣнниками и служитъ постелью для старыхъ и для малыхъ. Подъ нимъ находится «подполье», куда ведетъ небольшая дверка на петляхъ или ремняхъ съ деревяннымъ затворомъ. Подполье дѣлится «перегородками» на нѣсколько частей. Въ одной изъ нихъ хранится «карто́пля», «мо́рква» и пр., въ другой — разный хламъ, въ родѣ

стараго желѣза, разорванныхъ хомутовъ, въ третьей запираются телята, ягнята, поросята; это дѣлается съ цѣлью уберечь ихъ отъ вреднаго дѣйствія холода. Въ нѣкоторыхъ хатахъ надъ поломъ поднимаются «палати» (или палаци), которыя служатъ мѣстомъ ночлега и отдыха для людей болѣе взрослыхъ и стариковъ, которые придерживаются извѣстной пословицы: «паръ костей не ломитъ». Печь, полъ и полати занимаютъ почти половину хаты.

По другую сторону отъ входной двери на стѣнѣ прибита «градка» или рѣшетка, предназначенная для ложекъ и перемытой посуды; подъ ней стоитъ «лоханка» для помоевъ (иначе называемая «помыйница»); тутъ же помѣщается и «водянка» съ необходимыми аттрибутами: ведрами, коромысломъ, ковшомъ или кружкой. Далѣе вдоль стѣны около оконъ тянется лавка съ двумя или тремя пробитыми въ ней дырами для гребней, которыми расчесываютъ ленъ. Въ заднемъ углу помѣщается столъ, около котораго въ видѣ четыреугольника расположены скамьи. Въ этомъ же углу («на кутѣ») на разстояніи 1 аршина отъ потолка висятъ образа («вобразы́»), покрытые сверху бѣлымъ съ расшитыми концами полотенцемъ «набожникомъ». Сидѣть «подъ ку́томъ» или «на кутѣ́» считается почетомъ у крестьянъ.

Дворъ.

Что касается расположенія надворныхъ построекъ, то оно бываетъ весьма различно. Поэтому при описаніи крестьянскаго двора буду придерживаться плана, по которому строится бо́льшая часть крестьянскихъ дворовъ.

Къ улицѣ фасадъ двора состоитъ изъ избы съ 3-мя окнами, досчатыхъ или тесовыхъ воротъ и амбара; за избой, сѣнцами и клѣтью въ глубь двора слѣдуетъ конюшня, хлѣвъ для коровъ — «пуня», навѣсъ «повѣть» отъ этого хлѣва до овчарника, примыкающаго къ амбару, выступающему къ улицѣ; между амбаромъ и избою надъ воротами устраиваютъ еще навѣсъ.

Посрединѣ двора между хлѣвами оставляется пустое про-

странство, называемое «денникомъ», ибо днемъ на него выпускаютъ «дневать» разный скотъ.

Амбаръ устраивается въ размѣрѣ 7—8 арш. въ квадратѣ изъ разнаго мелкаго лѣса, настилается «мостомъ» изъ накатника (мелкихъ бревнышекъ), запотолачивается досками. Въ амбарѣ отгораживаютъ два или три закрома «засѣка» — для ссыпки и сохраненія зерцового хлѣба по уборкѣ его; въ немъ также ставятся «перерѣзы» съ мукой (перерѣзъ — сосудъ, имѣющій видъ половины перерѣзанной бочки). Овчарникъ срубается особо четыреугольникомъ аршинъ 6—7 въ квадратѣ на мху и запотолачивается. Въ немъ, какъ показываетъ само названіе, содержатся овцы, любящія тепло и плохо переносящія холодъ.

Навѣсъ (повѣть) и хлѣва (пуни) имѣютъ одну наружную стѣну; со двора-«денника» хлѣвá отдѣляются особыми стѣнками, такъ что конюшня и коровня имѣютъ видъ отдѣльныхъ сараевъ съ воротами со двора; навѣсъ же не отдѣляется отъ денника. Подъ навѣсомъ сохраняются разныя сельскохозяйственныя орудія: сохи, бороны, повозки (сани, возки, колесы) и сбруя. Въ хлѣвахъ содержатся лошади и коровы, смотря по назначенію. Въ конюшнѣ устраиваютъ ясли для корма лошадей, а иногда и «зерёды», родъ лѣстницы, прикрѣпленной боковой стороной къ стѣнѣ подъ нѣкоторымъ угломъ (меньше прямого); въ коровникѣ и овчарникѣ «комяги», т. е. длинныя, выдолбленныя изъ толстой осины корыта, предназначенныя для корма въ нихъ скота. Другія домашнія животныя, какъ-то: свиньи, козы и прочія, не имѣютъ отдѣльныхъ помѣщеній, а ютятся гдѣ-либо подъ повѣтью или въ пунѣ. Всѣ хлѣва, повѣти и денникъ, по мѣрѣ надобности, застилаютъ ржаной соломой, которая, перегнивши, въ смѣси съ каломъ животныхъ доставляетъ «гной» — навозъ, служащій хорошимъ удобреніемъ для полей. Всѣ строенія кроются простою соломенною крышею; у нѣкоторыхъ крестьянъ, болѣе зажиточныхъ, изба кроется соломой — «подъ гребенку». Такая крыша прочнѣе простой и стоитъ (по словамъ крестьянъ) до 40 лѣтъ.

Размѣръ двора и хлѣвовъ различенъ, почему пространства ихъ нельзя точно опредѣлить.

Погребъ.

Недалеко отъ избы за дворомъ (обыкновенно на «городной» землѣ) строится погребъ, состоящій изъ ямы, обложенной деревомъ; погребная яма сверху запотолочена накатникомъ или досками и засыпана землею. Въ потолкѣ продѣлывается отверстіе съ крышкой, которое служитъ входомъ въ погребъ. Для болѣе удобнаго входа въ погребъ отъ отверстія вглубь погреба ведетъ небольшая «лѣсвица». Въ погребъ кладутъ, для сбереженія на зиму, «картоплю» (картофель), квашеную капусту, бураки, «моркву» и проч. Надъ погребомъ устраивается небольшой крытый соломой сарайчикъ, который называется «погребня». Здѣсь помѣщаются обыкновенно бочки, кадки, ушаты, ведра и другіе сосуды, когда они не нужны въ избѣ.

Гумно (овинъ).

Въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ двора на «городной» или полевой землѣ устраивается гумно. Оно имѣетъ форму продолговатаго прямоугольника (длина 20—25 арш., шир. 12—15 арш.). Стороны этого прямоугольника уставлены сосновыми «шульями» на разстояніи 5—6 арш. другъ отъ друга. Разстоянія между шульями или «пролеты» забрасываются «заметами» изъ «берньшекъ» разныхъ породъ лѣса: осины, березы, ели и т. п. По угламъ рубятся «въ чашку» (накрестъ) для большей прочности «наугольники». Надъ заметами высится соломеная крыша, которая поддерживается слѣдующимъ образомъ: параллельно стѣнамъ гумна или залетамъ (вдоль) на разстояніи 5—6 арш. другъ отъ друга тянутся вкопанныя «сохи», высокія сосновыя или, для большей прочности, дубовыя бревна, заканчивающіяся вверху вилочками. Вышина сохъ приблизительно 8—9 арш. На сохи параллельно стѣнамъ накладываются «шлеги», бревна вершковъ 5 въ діаметрѣ;

поперекъ шлегъ прикрѣпляются балки или «подчепельники», а на нихъ ставятъ вертикально чепелки. На верхнія вилки чепелокъ опять помѣщаютъ длинныя шлеги. Такимъ образомъ 2 ряда шлегъ и верхнія бревна заметовъ служатъ основою крыши гумна. На верхней шлегѣ крестомъ закладываются крюки, которые тянутся отъ «вильчика» на заметы. Крюки покрываются тонкимъ поплетомъ, т. е. жердями отъ 1/2 — 1 вершка толщиной на разстояніи 4—5 вершковъ одна отъ другой. На поплетѣ устраивается соломенная крыша, которая можетъ быть двухъ родовъ: 1) простая—обычная съ внизъ опущенными колосьями и 2) «подъ гребенку» — вверхъ колосьями. Послѣдній родъ крыши прочнѣе обычной и можетъ простоять (по убѣжденію крестьянъ), вынося погоду и «непогодь», лѣтъ 40. Солома на кровлѣ гумна, по настилкѣ каждаго ряда, закрѣпляется длинными деревянными поплетинами, которыя привязываются къ крюкамъ лыками или «своями» пеньки. Ряды соломы на кровлѣ настилаются такимъ образомъ, что верхніе послѣдовательно закрываютъ поплетины нижнихъ, и крыша поэтому является гладкой безъ всякихъ жердей. Въ меньшей сторонѣ прямоугольника, на одинаковомъ разстояніи отъ обоихъ наугольниковъ, помѣщаются «одиночныя» ворота, открывающіяся всегда внутрь гумна. Ворота или прикрѣпляются къ шулу желѣзными завѣсами или просто вставляются въ «верею», т. е. въ выдолбленную съ одной стороны шулу. Запираются онѣ изнутри деревяннымъ заваломъ, который просовывается въ желѣзныя скобки, вбитыя въ шулы; такимъ образомъ завалъ, заложенный за скобки, мѣшаетъ воротамъ «отчиняться». Для плотнаго закрытія того свободнаго пространства, которое находится между землею и нижнимъ концомъ воротъ, служитъ подворотня— доска вершковъ 7—8 ширины съ пробитой въ ней дверкой для руки. Отъ воротъ тянется гладко-выбитый земляной токъ, въ концѣ котораго строится «асеть». Она состоитъ изъ обтыненной ямы, аршина въ 3 глубины. Въ ямѣ, какъ разъ по срединѣ, находится печь «кожухомъ», т. е. простымъ сводомъ безъ трубы со множествомъ изворотовъ для прохода духа, заканчивающихся

большими люхтами (душниками). Съ боку ямы продѣлана небольшая лазейка. Надъ ямой ставится аршинъ восемь въ вышину съ основаніемъ 5—6 арш. въ квадратѣ «иструбъ» (срубъ), внутри котораго аршина на 2 надъ печью устраивается накатный потолокъ.

От ученика VIII-го кл. Орловской гимназіи Зимницкаго.

Минской губ. и уѣзда.

Въ Минскомъ уѣздѣ крестьяне селятся обыкновенно деревнями (дзярэ́ўня, ўёска), которыя очень различаются между собою количествомъ дворовъ: есть деревни дворовъ въ 80, даже 100, но чаще можно встрѣтить такія, которыя состоятъ изъ 8—10 хатъ. Если въ деревнѣ находится волостное правленіе, училище, фельдшеръ, урядникъ и церковь, то она получаетъ названіе мѣстчека (мястэ́чко). Корчма — также непремѣнная принадлежность каждаго мѣстечка и строится большею частью, недалеко отъ волостного правленія, такъ какъ въ ней ведутся, обыкновенно, предварительные переговоры о различныхъ сдѣлкахъ, волостныхъ выборахъ, а по окончаніи сдѣлокъ въ ней же происходятъ «запóины»[1]) или «пьюць макары́чъ».

Внѣшній видъ деревень въ Минскомъ уѣздѣ вездѣ одинъ и тотъ же. Строятъ избы съ одной стороны «ву́лицы», за избами «ха́тами» — дворъ и надворныя постройки, а дальше — огородъ, гумно и токъ; черезъ улицу и противъ «хатъ» очень часто разводятъ огороды; но, когда въ деревнѣ начинаютъ отдѣляться сыновья и братья на свое собственное хозяйство, то застраивается, какъ это теперь почти вездѣ и есть, и другая сторона улицы.

Дворы свои устраиваютъ крестьяне по одному образцу. Обыкновенно, съ улицы стоитъ домъ, съ правой стороны котораго помѣщаются ворота; справа отъ воротъ — «хлѣў» или «обóра», т. е. сарай для рогатаго скота; къ оборѣ сбоку придѣлывается часто просто изъ частокола — «хлѣўчикъ», «хлѣву-

1) Выраженіе, рѣдко употребляемое при вспрыскиваніи сдѣлокъ, а всегда при свадебной процедурѣ, въ смыслѣ «заручины» — обрученье.

шо́къ» или «свину́шникъ» — сарай для свиней. Иногда первой по порядку постройкой является не «хлѣў» а «варэўня́» или клѣть съ печью; въ этой «варэўнѣ́» хранятся зимою овощи и молоко. Дальше слѣдуетъ «пуня» — сѣноваль, «вазоўня» или «павѣ́тка» — навѣсъ для телѣгъ, саней, сохи и т. д.; потомъ — «ста́йня» — конюшня; въ «стайнѣ» иногда отдѣляется мѣсто для овецъ; спеціальныхъ же построекъ для овецъ почти нигдѣ нѣтъ, такъ какъ овцеводства въ Минскомъ уѣздѣ, можно смѣло сказать, не существуетъ. Далѣе идетъ «гумно́» — чистая площадь передъ «токомъ» — ригой[1]). На «гумнѣ» просушиваютъ снопы, сѣно, свезенное почему-нибудь съ «сѣножаци» (съ луга) непросушеннымъ; «гумно́» отдѣляется отъ двора заборомъ съ воротцами. «Токъ» строится на самомъ дальнемъ краю «гумна́», подальше отъ построекъ. Онъ представляетъ собою большой сарай[2]), съ большими воротами по рединѣ, и раздѣляется на три части; въ средней части земля покрывается толстымъ слоемъ глины, плотно утрамбовывается и просушивается; на этомъ полу молотятъ и провѣиваютъ зерно; боковыя части «то́ка» отгораживаются отъ средней, — которая, собственно, и есть «токъ», — невысокими бревенчатыми загородками, за которыми укладываются снопы «у то́рпы».

Овиновъ въ Минскомъ уѣздѣ почти нѣтъ, и хлѣбъ молотятъ сырой, отчего и «токъ» называется также «сыробойней».

Хаты» крестьянскія какъ по внѣшнему виду, такъ и по внутреннему устройству отличаются полнѣйшимъ однообразіемъ. Строятся онѣ такъ, чтобы поперечная стѣна выходила къ улицѣ. Окна, непремѣнно, должны быть на «ўсходъ» и на «поўдзень», т. е. на востокъ и на югъ. Рѣдко-рѣдко встрѣтится окно на западъ — «за́ходъ», да и то всюду маленькое. Дверь должна быть на «ўсходъ» и во дворъ. При началѣ постройки хатъ соблюда-

1) То, что здѣсь названо гумномъ, обыкновенно въ Бѣлоруссіи называется «прагуменемъ». *Е. К.*

2) То, что здѣсь названо токомъ, вездѣ обыкновенно называется «гумномъ». *Е. К.*

ются нѣкоторыя церемоніи. Въ первый день кладутъ, если неуспѣваютъ больше, одно звено и ставятъ дверные косяки. Вечеромъ собираются у хозяина рабочіе и гости и «пьюць закла́дэины». При этомъ, конечно, желаютъ хозяину всякаго благополучія, богатства, здоровья и т. д.; тогда въ первомъ звенѣ выдалбливаютъ «ў правомъ куцѣ» (въ правомъ углу) маленькое углубленіе и хозяинъ кладетъ туда кусочекъ хлѣба, копейку, а кто побогаче, то — бутылочку съ «живы́мъ сирабро́мъ», т. е. бутылочку съ ртутью, «кабъ гро́ши вадзи́лися», «кабъ добра было много». При «закла́дзинахъ» обходятся безъ молебна, и духовенство приглашается уже для освященія новаго дома. При освященіи на каждое окно кладется цѣлая булка хлѣба и ставится свѣча, непремѣнно, изъ желтаго воску, при этомъ приговариваютъ: «Дай жежъ, Бо́же, кабъ жило́ся, вялося, на землю́ урода́, на царэй зго́да».

Какъ сказано выше, окна устраиваются на «ўсхо́дъ» и «поўдзень», а входъ со двора. У входа устраивается «га́накъ» (крыльцо). Строится «ганакъ» слѣдующимъ образомъ: къ порогу двери ведутъ двѣ ступеньки, при чемъ верхняя представляетъ площадку, аршина полтора ширины и столько же длины; надъ этой площадкой устраивается крыша или соломенная, или изъ «драни», «драницы»; крыша эта съ одной стороны плотно придѣлывается къ дому, а съ другой стороны поддерживается двумя нетолстыми столбами. Дверь ведетъ въ темныя «сѣнцы», съ лѣвой стороны которыхъ находится дверь въ жилое помѣщеніе хозяевъ, собственно, въ «ха́ту».

Въ «сѣ́нцахъ» ставятъ корыта, въ которыхъ кормятъ свиней, «цэ́бры» — ушаты, бочки и другую крупную деревянную посуду; здѣсь же зимой, въ особенно сильные морозы, помѣщаются и стельная корова и поросная свинья; здѣсь же ихъ и кормятъ, такъ что воздухъ въ этихъ сѣняхъ страшно тяжелый; очень маленькіе телята и поросята берутся даже въ самую «хату».

Жилище самихъ хозяевъ состоитъ изъ одной большой комнаты, свѣтъ въ которую проходитъ черезъ три-четыре окна, а

дверь ведетъ въ «сѣ́нцы». Направо отъ входа помѣщается огромная печь, передняя часть которой до чела называется «при́печкомъ»; подъ «при́печкомъ» находится довольно большое углубленіе, называемое «подпри́печекъ», а подъ нимъ — отверстіе съ рѣшетчатой загородкой, ведущее въ «подпе́чче». На «при́печкѣ», обыкновенно, сохраняется «жаръ», т. е. тлѣющіе угли, выгребающіеся изъ печки вмѣстѣ съ золой. Здѣсь отогрѣваютъ пищу «на вяче́ру», жарятъ «яе́шню» и т. д. На «подпри́печкѣ» хранятся чугуны, горшки, кувшины и т. д. «Подпечче» зимой служитъ помѣщеніемъ куръ. Около чела съ боку на «припечкѣ» устраивается нѣчто въ родѣ ниши — «ямка» или «печурка», куда сгребаютъ «жаръ», на которомъ вечеромъ на «припечкѣ» подогрѣваютъ «вяче́ру».

Противъ печки подвѣшивается къ потолку довольно длинный шестъ — «жо́рдка» или «же́рдка». На «жо́рдкѣ» просушивается мокрое платье, бѣлье, онучи и обыкновенно виситъ все грязное бѣлье и платье.

Къ печкѣ придѣлывается еще иногда «лежа́нка», которая служитъ кроватью для стариковъ и больныхъ, если на печи очень жарко.

Слѣва отъ двери, противъ печки, стоитъ «топчанъ» — иногда говорятъ «топця́нъ», «топця́никъ» — широкая, но довольно короткая скамья для посуды, для ведра съ водой. Надъ топчаномъ прикрѣпляется къ стѣнѣ поставецъ для тарелокъ, небольшихъ мисокъ, ложекъ. Отъ топчана идутъ вдоль стѣнъ «лаўки» для сидѣнья, замѣняющія иногда кроват, изъ липы или сосны. Чѣмъ толще и шире «лаўки», тѣмъ больше гордится ими хозяинъ и указываетъ на нихъ, какъ на такое украшеніе хаты, какое не у всякаго найдется. Приходится встрѣчать такія внушительныя «лаўки» изъ сосны, что трое сильныхъ мужчинъ съ трудомъ подымаютъ одну. Скамьи эти переходятъ изъ рода въ родъ по наслѣдству.

Въ красномъ углу, «на куцѣ́», вѣшаются образа; передъ образами у болѣе зажиточныхъ — лампада. Въ этомъ углу ста-

вять столъ, на которомъ и ѣдятъ, и дѣти располагаются со своими тетрадями и книжками, если кто-нибудь изъ дѣтей ходитъ въ школу; за этотъ же столъ садится и дѣвушка съ какой-нибудь работой — шитьемъ, вышиваньемъ... Каждый разъ послѣ ѣды столъ чисто вымывается, а къ празднику до-бѣла выскребывается ножомъ. Вообще этотъ столъ содержится всегда въ образцовой чистотѣ и грязная работа вся производится на полу или на «топчáнѣ». На столѣ всегда лежитъ хлѣбъ, завернутый въ холстинку или спеціально сдѣланную скатерть. Своя семья обыкновенно ѣстъ безъ скатерти, но если есть какой-либо почетный гость, то часть стола, гдѣ сидитъ гость, покрывается скатертью, а члены своей семьи все-таки ѣдятъ на непокрытомъ столѣ. Уголъ подъ образами, «кутъ», какъ и вездѣ, считается самымъ почетнымъ. Съ другой продольной стороны стола ставится «зэ́дэль» или «зэ́дликъ» — передвижная узкая скамейка на четырехъ ножкахъ.

Дальше слѣдуютъ кровати — «лóжка». Теперь уже не встрѣчаются простыя настилки, нары, а вездѣ очень высокія и широкія «лóжка». Постелью себя крестьянинъ не балуетъ. Обыкновенно тюфяки замѣняются довольно тонкой подстилкой изъ соломы, прикрытой «прастирáдломъ» (простыней) изъ очень грубаго домашняго полотна. Только у болѣе богатыхъ, да старыхъ, имѣются «сѣнники́»,—простые большіе мѣшки, набитые соломой, а иногда даже и сѣномъ, что считается уже нѣкоторою роскошью. Подушка—тоже набитый сѣномъ небольшой мѣшокъ безъ всякихъ наволочекъ.

Впрочемъ, теперь такія спартанскія подушки быстро исчезаютъ и появляются «перинóвыя», т. е. набитыя перьями, а у дѣвушекъ и «я́сики», маленькія подушечки, набитыя пухомъ.

Одѣяло замѣняется простымъ кожухомъ; лѣтомъ же, въ жаркую пору, спятъ или совсѣмъ безъ *всякаго* покрывала или покрываются простыней, а иногда и спеціально приготовленнымъ для этого полотнищемъ, обыкновенно съ синими узорами.

Но опять же въ послѣднее время появляются и «ватóвыя»

одѣяла, крытыя кумачемъ, ситцемъ или, гдѣ въ семьѣ есть дѣвушка-рукодѣльница, разноцвѣтными лоскутками; заводятъ уже и «ка́пы», т. е. легкія тканевыя одѣяла; но послѣднія только у богатыхъ.

Надъ кроватями прикрѣпляютъ шестъ, на которомъ вѣшаютъ чистое платье, бѣлье, иногда только, такъ какъ обыкновенно оно хранится въ сундукахъ — «ку́блахъ».

Шубы же вѣшаются на особой вѣшалкѣ, которая прикрѣпляется къ стѣнѣ въ томъ мѣстѣ, гдѣ оканчивается «лаўка», идущая вдоль поперечной стѣны хаты; онѣ прикрываются простыней и тоже составляютъ одно изъ украшеній хаты. Но эти спеціальныя вѣшалки для шубъ не часты, такъ какъ и шубы хорошія не у многихъ, и вѣшаются онѣ вмѣстѣ съ чистымъ платьемъ надъ кроватями.

Но любимымъ мѣстомъ у всѣхъ членовъ бѣлорусской семьи всѣхъ возрастовъ является верхъ печки, самое теплое и самое уютное мѣсто въ хатѣ. Тепло бѣлорусъ любитъ больше всего, кажется, на свѣтѣ. Чѣмъ жарче натоплена печь, тѣмъ съ большимъ наслажденіемъ ложится на нее бѣлоруссъ и предпочтетъ скорѣе ожечься, чѣмъ спать хотя бы даже въ умѣренной температурѣ. На печи уже не полагается ни «сѣнника», ни одѣяла, которое тамъ, собственно, и не нужно. Тамъ постоянно валяется всевозможное грязное тряпье, которое и служитъ постелью неприхотливому простолюдину.

Чья запись, неизвѣстно. *Е. К.*

Минск. г., Борисовск. у., с. Юрьево.

Деревни свои крестьяне располагаютъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ протекаетъ рѣчка и близокъ лугъ. Иногда ихъ строятъ въ лѣсу, гдѣ крестьяне занимаются разработкою поля или рубкою дерева, которое продаютъ на рынкахъ. Избы располагаются по большей части въ неправильномъ порядкѣ, но близко одна къ другой. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ, напр., въ большихъ селахъ, избы строятся въ длинный рядъ, по обѣимъ сторонамъ улицы.

Избы крестьянскія строятся изъ толстыхъ сосновыхъ или еловыхъ бревенъ въ простые углы и кроются досками или соломой; въ стѣнахъ прорубаютъ по два или по три окошка, въ которыхъ бываютъ узкія стекла. Изба крестьянина состоитъ изъ двухъ или одной комнаты и передней, которая называется сѣнями. Сѣни въ нѣкоторыхъ мѣстахъ раздѣляются на двѣ части, изъ которыхъ передняя часть называется собственно сѣнями, а задняя коморкою. Въ коморкѣ стоятъ кублы (на подобіе ушата) и куфры (то же, что сундуки, только въ большихъ размѣрахъ). Въ кублахъ находится различная крестьянская одежда, а на стѣнахъ коморки иногда можно видѣть пальто, сдѣланное изъ простого сукна, которое составляетъ праздничную одежду деревенскихъ парней; тутъ же висятъ различные халаты, овчинные тулупы, бурки и другая верхняя одежда крестьянъ. Рядомъ съ избою строится амбаръ, который называется у крестьянъ клѣтью или свирномъ. Въ клѣти прячутся различные съѣстные припасы, а въ свирнѣ складывается различная посуда и конская упряжь. Возлѣ свирна находится истопка (то же, что кладовая), которая называется еще варевней. Въ варевнѣ стоятъ цѣлыя кадушки (бочки) капусты или свеклы; здѣсь же находятся ямы, въ которыхъ хранится картофель, свекла, морковь, брюква и другіе овощи до слѣдующей весны. Въ концѣ двора стоятъ хлѣвы, въ которые загоняютъ скотъ. Возлѣ хлѣва находится повѣтка (крыша на столбахъ), гдѣ стоятъ телѣги, сани, соха, борона и другія земледѣльческія орудія. Дворъ крестьянина обносится тыномъ или обстраивается другими пристройками. Посреди двора находится колодецъ, изъ котораго черпаютъ воду для себя и для скота; у нѣкоторыхъ болѣе зажиточныхъ крестьянъ на дворѣ имѣется ледовня, гдѣ стоитъ молоко и другіе съѣстные припасы. Подальше отъ дома строится гумно, состоящее изъ восѣти (овина), пуни (сѣновала) и тока, на которомъ молотятъ хлѣбъ. Токъ раздѣляется на нѣсколько частей: боковая часть за овиномъ называется уметникомъ (засѣкъ), гдѣ лежитъ мякина, а средняя называется собственно токомъ.

Не богато и внутреннее устройство избы крестьянина. Полъ деревянный, но чаще его вовсе не бываетъ. Стѣны хорошо не вытесаны и не выштукатурены, отъ чего въ избѣ крестьянина зимою бываетъ холодно. Въ красномъ углу на стѣнахъ подъ потолкомъ виситъ нѣсколько иконъ, запачканныхъ мухами, и поэтому ихъ съ трудомъ можно распознать.

Около стѣнъ находятся длинные деревянные зодли (скамьи), на которыхъ стоитъ различная деревянная и глиняная посуда. Въ соотвѣтственномъ красному углу на концѣ лавы (тоже скамья) стоитъ дежа (квашня) съ квасомъ. Подлѣ дежи стоитъ ведро или цебаръ (ушатъ) съ водою. Близъ него сагапы (чугунные горшки), гладыши (кувшины), миски, чашки и терлица (сосудъ, въ которомъ крестьяне трутъ коноплю или макъ). Въ противоположномъ углу находится огромная русская печь, занимающая почти треть всей избы. Дымъ въ настоящее время выходитъ чрезъ широкую трубу, которая послѣ топки печи запирается заткаломъ (круглый комокъ тряпокъ) или вьюшкой, въ чемъ и состоитъ главное отличіе теперешней избы крестьянина отъ избы, которая была при крѣпостномъ правѣ. Мѣсто, гдѣ ставятъ горшки по вынутіи ихъ изъ печи, называется припекомъ, а куда загребаютъ жаръ— копкою или ямкою. Подъ печкою находится пустое мѣсто, гдѣ прячутся зимою куры и паросята. Въ соотвѣтственномъ печкѣ углу стоитъ кровать, подъ кроватью зимою ютятся телята, ягнята, а нерѣдко и свинья съ поросятами. Отъ этого въ избѣ крестьянина часто воняетъ, хотя сама хозяйка или ея дочь метутъ ее по нѣсколько разъ въ день. Хата крестьянъ освѣщается лучиною, которую при горѣніи втыкаютъ въ стѣну или въ свѣтачъ (свѣтецъ); отъ этого стѣны и потолокъ покрываются сажею и могутъ пачкать чистое бѣлье.

Изъ записи учен. II класса Несвижской учительской семинаріи Н. Петровича, сообщенной учителемъ той же семинаріи г. Введенскимъ.

Хожденіе со звѣздою наканунѣ Новаго года.

Къ страницѣ 155.

Во всѣхъ мѣстечкахъ и городахъ Минской губ., въ особенности въ гор. Слуцкѣ, практикуется безъ исключенія древне-христіанскій обычай хожденія со звѣздою вечеромъ наканунѣ новаго года, сопровождаемый пѣснями религіозно-нравственнаго содержанія. Самое появленіе звѣзды въ установленное время наводитъ на людей какое-то свѣтлое, оживляющее христіанское чувство: до принесенія упомянутой звѣзды всѣ находятся въ бодрственномъ состояніи, хотя бы до полуночи. Въ многолюдныхъ городахъ и мѣстечкахъ устраивается опытными, практичными виновниками праздничныхъ увеселеній и забавъ мѣщанами не одна, а нѣсколько такъ называемыхъ звѣздъ, разныхъ видовъ и колибровъ съ возможно лучшимъ искусствомъ въ отдѣлкѣ. Звѣзды устраиваются о шести, двѣнадцати и двадцати четырехъ трехугольныхъ рогахъ.

Звѣзда устраивается такимъ образомъ: приготовляютъ два деревянныхъ обечка шириною въ вершокъ; въ первомъ обечкѣ продѣлываютъ пять дырочекъ или двѣнадцать, смотря по тому, о сколькихъ рогахъ предположено устроить звѣзду; въ каждую дырочку вставляется по два прутика—все это составляетъ переднюю часть звѣзды; во второмъ обечкѣ продѣлывается тоже шесть дырочекъ и въ каждую дырочку вставляется по одному прутику; концы прутиковъ перваго обечка, связываются съ прутиками второго обечка, такъ что образуютъ форму трехгранной пирамиды. Самыя же обечка соединены другъ съ другомъ посредствомъ трехъ-четырехъ поперечныхъ палочекъ длиною вершковъ въ 5; къ заднему обечку прикрѣпляется доска, въ которую вдѣлывается трубка, а въ послѣднюю вкладывается шкворень, прикрѣпляемый къ шесту (подмежкѣ), на которомъ поддерживается звѣзда; на концѣ шкворня, внутри звѣзды, пристраивается висячій фонарь, такъ что звѣзда вмѣстѣ съ трубкою вертится около оси; шкворень при семъ съ фонаремъ остаются

неподвижными. Пространство между прутиками, образующими трехгранные роги звѣзды, обклеивается бумагой, которая потомъ вымазывается олеемъ (постнымъ масломъ); также вымазывается масломъ передняя часть лицевого обечка и задняя часть задняго обечка. Правая половина круга въ заднемъ обечкѣ, оклеенная толстой бумагой, приспособлена такъ, что ее можно отворять для вставки свѣчи внутрь звѣзды.

На кругѣ передняго обечка изображаютъ раскрашенный крестъ или солнце въ родѣ фигуры человѣческаго лица въ профиль, а по сторонамъ этой фигуры дѣлаютъ изображенія ангеловъ, деревьевъ, цвѣтовъ, плодовъ и т. п., такъ что все это вмѣстѣ взятое, при вращеніи звѣзды на оси, въ вечернее время представляетъ плѣнительное для глазъ зрѣлище на подобіе туманныхъ картинъ.

Съ описанною звѣздою совершается хожденіе съ цѣлью поздравить, кто позволитъ, съ наступающимъ новолѣтіемъ, пожелать всякаго благополучія. Въ хожденіи со звѣздою участвуютъ попреимуществу мужчины, взрослые парни, человѣкъ пять-шесть и болѣе. Приходятъ они къ дому хозяина и спрашиваютъ позволенія поздравить его съ наступающимъ Новымъ годомъ. Получивъ позволеніе, они входятъ въ домъ, поздравляютъ съ новолѣтіемъ и поютъ пѣсни русскія или польскія, смотря по тому, въ польскомъ или русскомъ домѣ находятся. Для примѣра приведемъ нѣсколько такихъ пѣсенъ.

№ 1.

Даръ днесь пребогатый отъ небесъ приде,
Яко капля каплющая на землю сниде.
Во утробу Дѣвы Слово вселися,
Изъ нея же невидимо міру явися. (2)
Богъ отъ Дѣвы плотію днесь рождаетъ,
Тамо мрачно—ясно звѣзда сіяетъ. (2)
На свирѣляхъ пастыри пѣсни голосятъ,
Тріе цари тріе дары Богу приносятъ; (2)

Ливанъ, смирну, злато—въ даръ принесоша,
Рожденному безсмертному въ руцѣ дадоша. (2)
Всѣ вѣрные нынѣ дары несите,
Чистымъ сердцемъ Сына съ Отцемъ молите, (2)
Бы волилъ ниспославый Духа святаго,
Въ зрѣніи голубинѣ нисходящаго, (2)
Тройцу пречистую, славимую нами,
Оглядати да слышати на Іордани. (2)
Дай то, Христе, справедливый то видѣти
И съ Тобою въ царствіи Твоемъ
На вѣки жити. (2)

№ 2.

Видѣ Богъ нашъ, видѣ Творецъ,
Что весь міръ погибаетъ;
Архангела Гавріила
Въ Назаретъ посылаетъ.
Въ Назаретѣ благовѣсть стала —
Звѣзда ясная возсіяла;
Тремъ царямъ путь показала,
Три съ востока, тріе цари
Принесли Христу дары.
Вельмо жъ Иродъ засмутился,
Что тамъ Христосъ народился;
Своихъ слугъ посылаетъ,
Христа убить шукаетъ;
Восемь тысячъ четырнасце
Малыхъ дѣтокъ побиваетъ.
Матки плачутъ и рыдаютъ
Да по чадахъ маленькихъ.
Не плачь мати и не рыдай:
Будешь видѣть свойго сына;
Будешь видѣть свойго сына

Во праведномъ во Сіонѣ;
И ему намъ веселиться,
Рожденному поклониться.

Поется при семъ обычный тропарь Рождеству Христову.

Обхожденіе со звѣздою, несомнѣнно, школьнаго происхожденія. На это указываютъ и неискусные вирши, которые распѣваютъ при обходѣ со звѣздой. Въ католическихъ домахъ обыкновенно поютъ вирши изъ кантычекъ, въ родѣ: «Anioł pasterzom mówił», или «Dzieciątko się narodziło», иногда поютъ и свѣтскія пѣсни, какъ:

Ułanie, ułanie,
Malewane dzieci;
Nie jedna dziewczyna
Za wami poleci;
Poleci, poleci,
Aż do Warszawy—
Będzie wyglądać, [1])
Jak szczurka zpod ławy.

Сообщ. учител. народн. училища Н. Яцко.

Мясницы (поминки). Къ стр. 173.

Уже съ утра можно замѣтить по старанію хозяйки, что она ожидаетъ вечера этого дня не какъ обыкновеннаго. Но тутъ надъ суетней хозяйки нечего задумываться даже и въ первый разъ попавшемуся въ крестьянскую избу: слово мясница пришлось бы ему услышать много разъ. Крестьяне ожидая праздничнаго или разгульнаго дня, очень часто напоминаютъ о немъ, сосчитываютъ дни и недѣли, оставшіеся до праздника. (Мясница—день поминальный, проводится онъ, какъ и другіе поминальные дни).—Наступаетъ вечеръ; работа какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ приведена къ концу, въ хатѣ воцаряется от-

1) Этотъ стихъ дополняетъ пропускъ на стр. 136. *Е. К.*

дыхъ, суетни уже нѣтъ и слѣда; напротивъ, по лицамъ можно замѣтить, что всѣ ждутъ чего-то таинственно важнаго. Даже разговоры, которыми занимались всѣ эти дни, прекращаются, развѣ только послышится вопросъ хозяина: не забыли того-то и того-то приготовить, да и сама семья въ это время уменьшается, потому что многіе изъ ея членовъ идутъ приглашать на мясницы.

Приглашенные приходятъ, здороваются съ хозяевами и послѣ непродолжительныхъ бесѣдъ садятся за столъ, куда подаютъ одно за другимъ кушанья, наконецъ доходитъ очередь до кутьи. Тогда зажигаютъ громничную свѣчу, всѣ выходятъ изъ-за стола, становятся на колѣни и говорятъ «Анёлъ Панскій», молитву за умершихъ на польскомъ языкѣ. При окончаніи молитвы одинъ кто-нибудь изъ старшихъ встаетъ и говоритъ: «Нехъ бэндзе похвалёны Езусъ Христусъ!» на что хозяинъ отвѣчаетъ: «на вѣки вѣковъ, аменъ!»

Затѣмъ опять садятся за столъ: ѣдятъ, пьютъ водку въ изрядномъ количествѣ и по окончаніи стола опять становятся на колѣни и вторично читаютъ «Анёлъ Панскій». Затѣмъ прощаются и расходятся по домамъ.

Во все время ужина хозяйка, а иногда и хозяинъ вмѣстѣ съ ней прислуживаютъ гостямъ, просятъ кушать и пить водку. Послѣдняя просьба въ средѣ женщинъ исполняется только послѣ долгихъ упрашиваній. «Я жъ», говоритъ, напримѣръ, одна, «ажъ догэтуль выпила, свацица, кума и т. п.; такъ и ты жъ». Та споритъ, отпихиваетъ въ сторону стаканъ, постоянно приговаривая: «до души-жъ, кумачка, не могу, якъ сабѣ хочице, не могу». Наконецъ соглашается, выпиваетъ немного, беретъ бутылку, чтобы долить стаканъ и передаетъ его, кому слѣдуетъ по очереди, но бутылку выхватываютъ изъ ея рукъ и принуждаютъ больше выпить изъ стакана,—опять споры и соглашеніе. . . Какъ проводятся мясницы, такъ проводятся и другіе поминальные дни: тѣ же угощенія, споры, та же неизмѣнная кутья и свѣча громничная, «Анёлъ Панскій», за души змарлыхъ, исключая нѣкоторыя

особенности. Такъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поливаютъ столъ водкою для покойниковъ, или съ тою же цѣлью оставляютъ таковую на окнѣ въ стаканѣ вмѣстѣ съ блинами. Вечера эти имѣютъ для крестьянъ что-то таинственное: по нимъ они силятся опредѣлить въ какомъ-либо видѣ будущее, и для достиженія этой цѣли существуетъ немало примѣтъ и суевѣрій. Смотрятъ, напримѣръ, весело ли горитъ свѣча, на кого пойдетъ изъ нея дымъ, кто послѣдній перестаетъ пить водку и пр.

Зап. учит. Таватикъ.

Игра въ цотъ и лишку (четъ и нечетъ). Къ стр. 224.

Гродн. губ. и у.

Эта игра больше въ ходу у мальчиковъ. Всѣ участники запасаются предварительно простыми или калеными орѣхами и затѣмъ одинъ, на кого падетъ жребій или выборъ съ общаго согласія, беретъ горсть орѣховъ въ руку, сжимаетъ ее въ кулакъ и спрашиваетъ близъ стоящаго товарища: «ци цотъ, ци лишка?» Если послѣдній угадаетъ, то заключающіеся въ кулакѣ орѣхи переходятъ къ нему, если же нѣтъ, то онъ долженъ выдать спрашивавшему столько же орѣховъ, сколько ихъ было въ его кулакѣ. То же самое продѣлываютъ между собою поочередно и другія пары участниковъ игры. Иногда за неимѣніемъ орѣховъ играютъ такимъ образомъ и въ камушки, но весьма рѣдко. Эта игра отличается отъ другихъ подобныхъ тѣмъ преимуществомъ, что она не нуждается въ многолюдствѣ: для нея вполнѣ достаточно одной пары участниковъ [1]).

Изъ сообщеній И. О. Карскаго.

---

1) При этомъ нужно замѣтить, что игра въ четъ и нечетъ въ недавнемъ прошедшемъ была весьма распространена между дѣтьми еврейскаго населенія сѣверо-западнаго края. П. Ш.

ОПЕЧАТКИ И ПОПРАВКИ.

Нижеслѣдующія опечатки и поправки касаются лишь бѣлорусскаго текста; чисто орѳографическіе недосмотры не поправлены; дѣлать дополненія въ сборникѣ, напечатанномъ при жизни автора, мы не рѣшились.

Проф. *Е. Карскій.*

Стран.	*Строк.*	*Вмѣсто:*	*Должно быть:*
8	17 св.	щербагни	щербачни.
43	12 »	пылсомъ	пысомъ.
45	5 сн.	прибáровъ	прибóровъ.
46	2 »	зыпазугишу	зыпáзушшу.
48	3 св.	кружельная	кужельная.
50	14 сн.	жонцы	жонки.
53	11 »	вясéлмяхъ	вясéллях.
58	6 »	побыў̊	побыў.
61	7 св.	зробицы	зробици.
68	21 »	пороны	пáраны.
—	3 сн.	Рыгира,	Рыгора
		Петруки,	Петрука,
		Баутруки	Баўтрука.
—	2 »	Тумоша	Тумаша.
69	1 св	душачка	душачки
74	8 сн.	баби	бабы.
77	4 »	подло—крыцаю	падло—сырыцаю.
78	12 »	все выраженіе болѣе правильно будетъ: «циперъ ёнъ бўдве ходзиць, бо я яму пўцечко разрѣзаў».	
79	2 св.	(свя)тўо или	(свя)тўоѣ.
114	18 »	ниnѣшней почъ	нинейшей ночи.
115	1 »	говóрьць	говóрыць.
—	9 »	вышка	вышки.
—	16 »	трасучачы	трасучыса.
128	1 сн.	купци	куцци.

Стран.	*Строк.*	*Вмѣсто:*	*Должно быть:*
136	7 св.	Точки поставлены потому, что мѣсто было неразобрано. Какъ видно изъ приводимаго въ приложеніи (стр. 516) польскаго варіанта, это мѣсто слѣдуетъ читать: И бэндзе щекаць, Якъ сучка съ-подъ лавы.	
145	12 сн.	бида-жъ	бѣдная-жъ; запятой послѣ «моя» не нужно.
146	2 »	чаю	чего (=почему). Варіантъ: Отъ Ирода (Дембовецкій, I, 626).
162	14 св.	травышоў ковыя	травы шоўковыя.
200	18 »	черапь	черапъ.
—	21 »	И шли	Ишли.
212	8 сн.	босочка	басочка.
214	1 св.	по Рожествá	да Раствá.
215	2 »	золота	золоты.
232	12 сн.	Пашики	Пашина.
—	11 »	Петракова	Петрикова.
233	19 »	дѣлаиць	дзѣлаиць.
—	17 »	ў жица	ў жиця.
243	9 »	чарнымъ	чорнымъ.
—	7 »	щсьце	щасьце.
252	23 св.	жонгле	цёнгле.
256	14 св. и 23 св.	мнѣ кажутся подозрительными слова: вѣтняцы и точкою. Вмѣсто перваго обыкновенно употребляется вéсьники, а второе не тучкою ли?	
258	13 св.	азяў	ўзяў
264	3 сн.	цесну	пёску (лучину).
265	20 св.	дрещь	драць.
266	1 »	лещиць	лежиць.
268	21 »	сорóмацца	сороміцца
273	11 »	коливо	каливо.
276	23 »	«а мене не застаўце»—вѣроятно, «не» не нужно.	
277	15 »	апцаци	апцацы.
281	1 сн.	шуле	шуло.
282	7 св.	пепялъ	попялъ.
284	4 »	раўна	роўно.
285	2 »	батюшки	батюшка.
293	2 »	жизе	жидэ.
294	7 сн.	скацини	скацина.
295	25 св.	найсвеютша	найсвентша.
296	7 »	лапоти	лапатки.
298	9 »	тянущи	цянуци.
302	15 »	ў руччи ноччи	ў руччи ноччу.
307	14 »	опусьцицесъ	опусьцицесь.
309	12 »	бѣгае и ища	бѣгае й ища.
—	11 »	кончыка	кончыки.

Стран.	*Строк.*	*Вмѣсто:*	*Должно быть:*
309	6 св.	боицъ	боўцъ.
315	6 сн.	дзѣўйка	дзѣўка.
316	7 св.	дзѣўйка	дзѣўка.
319	18 »	грудза	грудзи.
320	7 сн.	ни ня	ниня.
321	8 »	(мо)гильцы, гилку	(мо)гилку.
323	4 св.	чарную	чорную.
409	19 сн.	засмѣялвса	засмѣявса.
419	14 св.	красницу	прасницу.
423	1 сн.	въ выноскѣ должно быть	каже.
—	3 »	несыци	несьци.
425	4 св.	цесовия	цесовыя.
392—426.		Въ описаніи свадебнаго обряда Мозырскаго уѣзда употребленъ странный пріемъ: слова мѣстныя бѣлорусскія перемѣшаны съ литературной рѣчью, при чемъ внѣшнимъ образомъ (посредствомъ кавычекъ) это большею частью не обозначено. Неопытному читателю легко принять литературную рѣчь за мѣстную бѣлорусскую. Кстати, слѣдуетъ имѣть въ виду, что въ пѣсняхъ и отдѣльныхъ мѣстныхъ выраженіяхъ часто на мѣстѣ ы является по неизвѣстной мнѣ причинѣ довольно непослѣдовательно у: му, ву, перезву, буйстрой, вуѣздъ, штобу, отмукаци вмѣсто мы, вы, перезвы, быстрой, выѣздъ, штобы, отмыкаци. Не въ связи ли такой переходъ съ предыдущимъ губнымъ согласнымъ?	
428	14 сн.	други	друга.
440	2 св.	кôпку	кóпку.
441	4 сн.	перезôвъ	перезóвъ.
447	11 св.	ставна	стовпа (столба).
463	1 сн.	въ выноскѣ должно быть Lycopodium.	
471	5 св.	да посульшасо	да посуньмасо (двинемся).
—	6 »	да годзѣло	догодзѣло (надоѣло).
473	14 »	другý	другýю.
475	10 »	прынясёмъ	прынясемъ.
—	19 »	сы́цця	сыпця.
478	9 »	да сакóлья бчи	да сакóльи бчи.
478	5 »	чарвоныя	чирвоныя.
—	12 »	послѣ наўду должно быть [1]).	

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.